

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1878.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1878.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1 апрѣля 1878 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ТОЛКОВАНІЕ
ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ КОРИНѢЯНАМЪ.

Гл. 13, ст. 1. *Третицею се яряду къ вамъ: при устъхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголъ.* (Втор. 17, 6).

Свидѣтелями называетъ свои личныя увѣщанія и письменныя внушенія. Какой же глаголъ станеть при сихъ свидѣтеляхъ? Слово угрозы противъ васъ: оно станеть наконецъ, будетъ непременно приведено въ исполненіе. Такъ св. Златоустъ, и другіе. Экуменій подъ тремя свидѣтелями разумѣеть три личныя увѣщанія, и три не личныя. Будто такъ: былъ дважды, въ третій разъ иду. Это будутъ три свидѣтеля. Также—писалъ въ первомъ посланіи, напоминалъ чрезъ Тита, и вотъ еще напоминаю въ этомъ второмъ посланіи. Это еще три свидѣтеля. Сходясь попарно, они усиливаютъ значеніе свидѣтельствъ.—*Третицею яряду*, какъ и въ предыдущей главѣ: *се третіе готовъ есмь приити* (—ст. 14). Наши толковники не опредѣляютъ, какъ этотъ счетъ выйдетъ, не указываютъ, т.-е., когда было второе посѣщеніе св. Павломъ Коринѳа. Оставимъ это и себѣ безъ опредѣленія: ибо та догатка, что во второй разъ былъ Апостоль въ Коринѳъ прямо изъ Ефеса, какъ полагаютъ инославцы, очень неудобна и возмущаетъ весь порядокъ событій. Удобнѣе предположить что Апостоль,

въ теченіе полутора года отлучался изъ Коринѳа, и опять къ нимъ возвратился, что можетъ быть почтено вторичнымъ пришествіемъ къ нимъ. Нельзя не замѣтить, что въ настоящемъ мѣстѣ—*третицею гряду*, по ходу рѣчи, имѣеть большое различіе отъ — *се третіе готовъ есмь пріити* предыдущей главы. Тамъ говорится, что въ третій разъ идетъ и не будетъ стужать имъ: чего нельзя не относить къ личному его присутствію. А здѣсь говорится о троекратномъ свидѣтельствѣ и затѣмъ только поминается: *се третичею гряду*. По ходу рѣчи предметъ этихъ случаевъ одинъ—угрозы за неисправность. Слѣдовательно къ первому посѣщенію это не идетъ. Угрозы начались съ перваго посланія, напомянуты были Титомъ и вотъ поминаются теперь въ третій разъ. Не это ли и значить въ настоящемъ мѣстѣ: *третицею гряду...*, т.-е. въ третій разъ идетъ къ вамъ угроза. — Затѣмъ прибавляетъ: *аще прииду паки*. Если послѣ этого приду, и найду васъ неисправными; не просите милости, *не пощажду*. Если это предположеніе принять, то нельзя ли и то положить, что второе пребываніе было не что иное, какъ первое посланіе, въ которомъ онъ писалъ, что при объявленіи приговора о кровосмѣсникѣ, онъ будетъ у нихъ духомъ также дѣйствительно, какъбы былъ тѣломъ (—5, 3)? Тогда счетъ опредѣлился бы проще, и не было бы необходимости строить предположенія, которыхъ негдѣ помѣстить.

Ст. 2. *Предже рѣхъ и предлагаю, яко у васъ быхъ второе, и отсутствуя нынѣ пишу прежде согрѣшившимъ и прочимъ всѣмъ, яко аще прииду паки, не пощажду.*

Св. Златоустъ говоритъ на оба эти стиха слѣдующее: «Любомудріе Апостола Павла и его отеческое сердоболіе можно видѣть изъ многаго другаго, а преимущественно изъ того, что онъ въ угрозахъ обилень и строгъ, а въ наказаніяхъ тихъ и медителень. Ибо не тотчасъ наказывалъ согрѣшившихъ, но двукратно увѣщавалъ ихъ; даже и преслушавшихъ его увѣщанія не наказываетъ, но опять увѣщаваетъ, говоря: *се третичею гряду къ вамъ*, а до

пришествія пишу еще посланіе. А чтобы медленность не произвела безопасности, смотри, какъ и сіе предотвращаетъ, непрестанно угрожая, напрягая ударъ и говоря: *аще прииду наки, не пощажу*. Такъ поступаетъ онъ и говоритъ, подражая въ семъ Господу всѣхъ. Ибо и Богъ хотя непрестанно угрожаетъ, и многократно увѣщаетъ, но не часто наказываетъ. Такъ поступаетъ и Апостоль. *Третицею*, говоритъ, *се гряду къ вамъ: при устьяхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь*. Въмѣсто свидѣтелей представляетъ онъ свое неоднократное присутствіе въ Коринѣѣ и свои увѣщанія. Слова его имѣютъ такое значеніе: разъ и другой говорилъ я вамъ, придивши къ вамъ, а теперь говорю на письмѣ. И если вы слушаете меня, то исполнено мое желаніе; если же не слушаете, то надобно уже будетъ исполнить сказанное мною и наложить наказаніе. Ибо ежели *при устьяхъ двою или тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголь*; а я уже два раза былъ у васъ и говорилъ вамъ, теперь же говорю на письмѣ: то мнѣ надобно будетъ сдержать свое слово. Не думайте, чтобы посланіе мое къ вамъ было маловажнѣе личнаго моего у васъ присутствія. Какъ бывъ у васъ я говорилъ, такъ и находясь въ отсутствіи пишу. Видишь ли отеческую попечительность Апостола? Видишь ли, каково его ученіе, и какая подобающая учителю благопродумательность? Онъ и не смолчалъ, и не наказалъ; нѣсколько разъ уже предваряетъ, и не перестаетъ грозить, но наказаніе откладываетъ. Если же и послѣ сего не исправятся; тогда уже угрожаетъ дѣйствительнымъ наказаніемъ. Что же ты прежде говорилъ, бывъ въ Коринѣѣ, и что пишешь теперь, находясь въ отсутствіи?— *Яко аще наки прииду, не пощажу*. Сперва сказалъ, что не можетъ сего сдѣлать, если не будетъ къ тому принужденъ; и необходимость наказывать назвалъ плачемъ и смиреніемъ для себя; даже оправдывался предъ ними, что уже разъ, и два и три предварялъ ихъ, что все дѣлаетъ и придумываетъ, какъ бы обойтись безъ наказанія и исправить ихъ словес-

ными только угрозами; наконецъ уже произноситъ сіи грозныя слова, и говоритъ: *еще паки прииду, не пощажду*. Не сказалъ: отмщу, накажу, предамъ истязанію, но и о самомъ наказаніи выражается отечески, показывая свою любовь и сострадательность къ нимъ, по которымъ щадя ихъ, доселѣ отлагалъ наказаніе. И только вынужденъ будучи, говоритъ: *не пощажду*; т.-е. не отложу уже наказанія, ежели,—чего не дай Богъ,—найду васъ неисправившимися, но непременно накажу, и исполню чтò сказалъ. Это прибавилъ онъ наконецъ, чтобъ и теперь не подумали, что наказаніе опять будетъ отложено и угрозы только на словахъ.

Ст. 3. *Понеже искушенія ищите глаголющаго во мнѣ Христа, иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ.*

Приводитъ причину, почему *не пощадитъ*, и показываетъ, что сами они заставляютъ его такъ, а не иначе поступить. Онъ говоритъ какъбы имъ: такъ сами вы поставили вопросъ, что мнѣ, если не исправитесь, неизбежно не пощадить васъ, а явить на васъ данную мнѣ апостольскую власть и силу Христову во мнѣ дѣйствующую. У васъ начали говорить о мнѣ: немощенъ онъ тѣломъ и слово его не сильно, наводя такимъ образомъ и на самое ученіе, мною преподаваемое, будто и оно не Христово. Итакъ поелику такъ у васъ поговариваютъ о мнѣ; то не яви я у васъ строгости апостольской, вы въ самомъ дѣлѣ утвердитесь въ такихъ мысляхъ, а это крайне повредитъ дѣлу Евангелія и вашему спасенію. Итакъ одно изъ двухъ: или исправляйтесь, или я долженъ буду не пощадить васъ, властно только отсѣкая непокоривыхъ отъ Церкви или поражая ихъ и прямою какою карою, какъ поразилъ слѣпотою волхва Елиму въ Кипрѣ. — И увидите вы тогда осязательно, что во мнѣ и говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ Господь.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: «поелику вы хотите испытать, обитаетъ ли во мнѣ Христосъ, требуете отъ меня доказательствъ, и потому смѣтаете надо мною,

какъ надъ человѣкомъ низкимъ и презрѣннымъ, не имѣющимъ въ себѣ силы Христовой: то узнаете, что я не лишень оной, если подадите къ тому случай, чего впрочемъ не желаю. Говорить такъ, выражая свое негодование и желая дать почувствовать сіе тѣмъ, которые его презирали. Я не хочу, говоритъ онъ, показать надъ вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай и захотите звать меня на то; то узнаете сіе на самомъ дѣлѣ».

Иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ. Тамъ сказалъ: я долженъ буду показать надъ вами силу и власть Христову; потому что вы желаете видѣть опытное удостовѣреніе, что Онъ во мнѣ говоритъ и дѣйствуетъ. Итакъ вы увидите во мнѣ силу Христа,—*иже въ васъ не изнемогаетъ, но можетъ въ васъ*, который не немощенъ есть въ васъ,—*ουκ αδυναει*, но мощенъ есть,—*αλλα δυναται*. Указываетъ на испытанную Коринѣянами силу Христову, и притомъ такъ, что она продолжаетъ еще явною быть среди ихъ. Цѣль же, для чего это прибавилъ Апостоль, или та, чтобы усилить у нихъ страхъ, какъ бы говоря: а какъ Христосъ мощенъ, вы это знаете, испытали и испытываете. Потому, подразумѣвается, поостерегитесь раздражать силу Его на кару себѣ. Или та, чтобы пристыдить ихъ, внушая, что имъ и неслѣдовало подвергать его такому опыту; потому что если Христосъ мощенъ есть въ нихъ, то не по чьему посредству, какъ самого св. Павла. Если Христосъ мощенъ въ васъ, говоритъ какъбы онъ, то не стыдно ли вамъ искушать глаголющаго и дѣйствующаго во мнѣ Христа, когда вы познали Христа и вступили съ Нимъ въ общеніе чрезъ меня?

Вотъ мнѣнія объ этомъ нашихъ толковниковъ. Св. Златоустъ говоритъ: «Апостоль переноситъ здѣсь рѣчь отъ себя ко Христу, дабы угрозы сдѣлать болѣе страшными. Слова его имѣютъ такой смыслъ: если и сдѣлаю, что накажу согрѣшающихъ; то развѣ я буду наказывать ихъ? Накажетъ Христосъ, который во мнѣ живетъ. Христову же силу вы знаете. Онъ не *изнемогаетъ, но можетъ*

въ васъ. Для чего Апостоль прибавилъ — *въ васъ*, когда Христъ вездѣ силенъ? Захочетъ ли наказать невѣрныхъ или кого другаго, Онъ все можетъ. Что же значить сіе прибавленіе?—Апостоль или хочетъ сильнѣе пристыдить ихъ тѣмъ, что они сами уже испытали, или выражаетъ то, что Христосъ и теперь показываетъ силу въ нихъ». Фотій у Экуменія пишетъ: «Искусить хотите, Христосъ ли говорить во мнѣ, смотря на меня, какъ на такого, который пусть отъ Христа, хотите искутить глаголющаго во мнѣ Христа, между тѣмъ какъ явно знаете силу Его во мнѣ. Самое это покушеніе—искусить во мнѣ силу Христову есть грѣхъ. Ибо искушать это, особенно послѣ такихъ (проявленій ея), есть дѣло неблагодарныхъ, невѣрныхъ и непостоянныхъ. Такимъ образомъ очевидно, что эти слова суть слова грозящаго,—угрожательныя». Теофилактъ говоритъ: «Конечно, они прежде испытали силу Христову. Итакъ Апостоль говоритъ имъ: изъ того, какіе имѣли вы опыты (благодатные), знаете конечно, что Христосъ въ васъ не немощенъ, а силенъ».—Какихъ же еще, дополнимъ сію рѣчь, вамъ опытовъ силы Его?

Ст. 4. Ибо аще и распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія: ибо и мы немоществуемъ въ Немъ, но живи будемъ съ Нимъ отъ силы Божія въ васъ.

Сказавъ, что Христосъ мощствуетъ въ Коринѳянахъ, напоминаетъ: а вѣдь Онъ былъ въ немощи, когда распятъ былъ; и это обстоятельство беретъ въ объясненіе того, о чемъ у него рѣчь къ нимъ. Онъ какъбы говоритъ: съ нами или въ насъ Апостолахъ тоже дѣйствуется, что во Христѣ Иисусѣ. Когда Онъ страдалъ и распинаемъ былъ, всѣ сочли Его не имѣющимъ никакой силы; между тѣмъ какъ смертію на крестѣ Онъ уничтожилъ силу смерти, и когда полагали Его во гробъ, разрушалъ адъ и изводилъ изъ него всѣхъ отъ вѣка содержимыхъ въ немъ; потомъ воскресъ и продолжаетъ съ силою дѣйствовать въ душахъ вѣрующихъ и въ устроеніи Церкви своей на землѣ; и въ васъ Онъ мощствуетъ. Подобно сему и мы всѣмъ

кажемся немощными, и говорятъ насъ, и раны намъ нала-
гаютъ, и ни во что насъ ставятъ; но между тѣмъ сила
Божія дѣйствуетъ чрезъ насъ всюду; она и въ васъ про-
явлена, и еще проявится, какъ не чаете. Мы будто замерли
для васъ: оживемъ Христомъ, и вы испытаете эту жи-
вую Христову божескую силу въ насъ. Разумѣеть, ког-
да пришедши къ нимъ и нашедши ихъ неисправными,
вынужденъ будетъ дѣйствовать среди ихъ съ апостоль-
скою властію, которая есть сила Христова, въ немъ жи-
вущая.

Св. Златоустъ говоритъ: *«Что значить: аще и распятъ
бысть отъ немощи? То, что хотя Христосъ благоизво-
лилъ пострадать, что имѣло видъ немощи, то сіе не
уменьшаетъ Его силы. Сила Его пребываетъ непобѣдимою,
и имѣющее видъ немощи ни мало не повредило ей; но
оно-то наиболѣе и показало Его крѣпость въ томъ, что
и страданіе претерпѣлъ Онъ, и сила Его чрезъ то не со-
кратилась. Итакъ, да не смущаетъ тебя слово: немощь.
Ибо и въ другомъ мѣстѣ Апостоль говоритъ: буре Божіе
премудре чловѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпче
чловѣкъ есть (1 Кор. 1, 25); хотя въ Богѣ нѣтъ ничего
буяго, ничего немощнаго, однакоже такъ нарекъ крестъ,
изображая мнѣніе о немъ невѣрныхъ. Послушай, какъ
самъ Апостоль толкуетъ слова свои: слово крестное
погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ
сила Божія есть (1 Кор. 1, 18). Смотри, какъ вездѣ изла-
гаетъ онъ мнѣніе невѣрныхъ, почитающихъ крестъ юрод-
ствомъ и немощію. Такъ и здѣсь говоритъ не о дѣйстви-
тельной немощи, но о воображаемой невѣрующими. Итакъ
Апостоль не то говоритъ, что Христосъ распятъ по не-
мощи; да не будетъ сего! Ибо Онъ во всемъ показалъ,
что могъ быть и не распятъ; показалъ, то повергнувъ ницъ
на землю пришедшихъ съ Іудею (Ин. 18, 6), то помрачивъ
солнце, то иссушивъ смоковницу, то ослѣпивъ очи хо-
тѣвшихъ взять Его, и сотворивъ другія безчисленныя
чудеса. Итакъ, выраженіе: отъ немощи, такъ понимай,*

что хотя Христосъ и былъ распятъ, претерпѣвъ бѣдствіе и навѣты; однако Онъ не понесъ никакого вреда. И все сіе Апостоль сказалъ для того, чтобы примѣнить къ самому себѣ. Поелику Апостолы были гонимы, преслѣдуемы, презираемы, и Богъ не отмщаль за нихъ, и сами они не вступались за себя; то вразумляя, что терпятъ все сіе не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указываетъ на примѣръ Господа. Ибо и самъ Господь былъ распятъ, связанъ, терпѣлъ безчисленныя мученія, но не мстилъ за Себя; напротивъ понесъ все, что казалось немощію, и въ этой немощи явилъ силу свою; потому что не потерпѣлъ никакого вреда, хотя и не мстилъ и не вступался за Себя. Крестъ не пресѣкъ жизни Его, не воспрепятствовалъ воскресенію; напротивъ, Христосъ воскресъ и живетъ. А когда слышишь о крестѣ и о жизни, разумѣй сіе о домостроительствѣ спасенія; ибо о немъ идетъ сія рѣчь. Такъ, когда Апостоль говоритъ: *отъ силы Божія*, то не разумѣетъ, что Христосъ не могъ самъ оживотворить плоти своей, а показываетъ только, что нѣтъ различія, сказать ли: силою Отца, или силою Сына. И потому сказавъ: отъ силы Божія, тоже сказалъ, что и своею силою. А что Христосъ дѣйствительно самъ воздвигъ и воскресилъ плоть свою, послушай какъ Онъ самъ говоритъ о томъ: *разорите церковь сію, и трети денми воздвигну ю* (Ин. 2, 19). Если же принадлежащее Ему называетъ принадлежащимъ Отцу; не приходи отъ сего въ смущеніе. *Вся бо, говоритъ Онъ, елика имать Отець, Моя суть* (Ин. 16, 15). И въ другомъ мѣстѣ: *Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя* (Ин. 17, 10). Посему, говоритъ Апостоль, какъ Христосъ, бывъ распятъ, не потерпѣлъ никакого вреда: такъ и мы, когда насъ гонятъ и вооружаются на насъ, не терпимъ вреда. Потому и присовокупилъ: *ибо и мы немоществуемъ въ Немъ, но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія*. Что значить: *немоществуемъ*? Подвергаемся гоненіямъ, притѣсненіямъ и терпимъ крайнія бѣдствія. А что значить: *съ Немъ*? То,

что терпимъ за проповѣдь и за вѣру въ Него. Если же терпимъ за Него все скорбное и тягостное; то, очевидно, получимъ и радостное. Почему Апостоль и говоритъ дѣла: *но живи будемъ въ Немъ отъ силы Божія*.

Послѣднія слова пополнише разъясняютъ Фотій у Экумения и Теофилактъ. Первый говоритъ: *«Живи будемъ съ Нимъ... въ васъ*. То есть покажемся въ васъ живыми, не просто, но съ самимъ Христомъ, имѣя жизнь отъ силы Его, коею и Онъ, поправъ смерть и разрушивъ адъ, воскресъ и живетъ. Жизнь же сія и сила есть наказательная для тѣхъ, которые дѣлаютъ дѣла лукаваго, какъ спасительная для тѣхъ, которые по грѣхахъ прибѣгаютъ къ покаянію. Сего-то ради, говоритъ, не презирайте насъ, видя насъ гонимыми и терпящими безчисленныя скорби. Такъ и Христосъ презрѣнъ былъ распинаемый, но воскресши сдѣлалъ все что хотѣлъ. И мы что терпимъ, ради Его терпимъ. Почему, хоть терпимъ, но какъ Онъ живъ и моществуетъ, такъ и мы съ Нимъ, по Его благоволенію, и живы есмы и мощны сдѣлать въ васъ что хотимъ, и особенно въ васъ, потому что по причинѣ оказаннаго среди васъ непокорства имѣемъ многія праведныя причины противъ васъ». — Второй пишетъ: *«Гонятъ насъ и преслѣдуютъ за Христа и проповѣдь о Немъ; но какъ Онъ не потерпѣлъ вреда, будучи навѣтуемъ, такъ и мы живы будемъ съ Нимъ, т.-е. окажемся непобѣжденными въ васъ, т.-е. ради вашей пользы. Но можетъ быть онъ и еще устрашаетъ ихъ, говоря какъбы: хотя и кажется вамъ, что мы немощны, но мы живы для васъ, т.-е. чтобы наказать васъ, если не исправитесь»*.

Ст. 5. *Себе искушайте, аще есте съ вѣрью, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Иисусъ Христосъ въ васъ есть; развѣ точію чимъ неискуски есте.*

Апостоль говоритъ какъбы: но что я доказываю вамъ, что во мнѣ Христосъ? Онъ и въ васъ есть. Итакъ, вмѣсто того, чтобы меня искушать, себя искушайте, въ вѣрѣ ли вы. Если вы въ вѣрѣ, то Христосъ въ васъ; если же

Онъ въ васъ, тѣмъ паче во мнѣ. Вотъ вамъ и удостовѣреніе, что во мнѣ говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ. Или не знаете, что Христосъ въ васъ? Въ васъ Онъ: *развѣ точію чимъ неискусни есте.*—*Неискусни, ἀδοκίμοι*, не выдерживаете пробы. Проба христіанъ—вѣра любовію споспѣшествуема. Не выдерживаетъ пробы, кто или въ вѣрѣ храмлетъ, или въ жизни по вѣрѣ слабъ и скуденъ. Апостоль говоритъ какъбы: если вы не выдерживаете такой пробы, то конечно въ васъ и Христа нѣтъ. Отсюда такое наведеніе: осмотритесь, не потому ли и во мнѣ искушаете глаголющаго Христа, что сами Его потеряли. Еслибы имѣли Его, не смогли бы сомнѣваться, что Онъ и во мнѣ: ибо вы чрезъ меня Его узнали. Такимъ образомъ слова: *себе искушайте*, вели и къ тому, чтобы, нашедши въ себѣ Христа, удостовѣриться, что Онъ и во св. Павлѣ, и къ тому, чтобъ не нашедши Его, возскорбѣть о томъ и озаботиться снисканіямъ Его, что опять привело бы къ тому же, т.-е. чтобъ удостовѣриться, что Онъ есть, говоритъ и дѣйствуетъ и въ св. Павлѣ.

Св. Златоустъ говоритъ: «Что мнѣ говорить о себѣ, учитель, который имѣю столько попеченій, которому ввѣрена цѣлая вселенная, который сотворилъ столько чудесъ? И вы сами, находящіеся въ числѣ учениковъ, если захотите испытать самихъ себя, усмотрите, что Иисусъ Христосъ обитаетъ и въ васъ. Если же въ васъ, то тѣмъ паче въ учитель. Ибо если имѣете вѣру, то Христосъ въ васъ. Мнѣ кажется, что Апостоль говоритъ здѣсь о вѣрѣ чудодѣйствующей; потому что вѣрующіе въ то время чудодѣйствовали. Если вы имѣете, говорить онъ, такую вѣру, то Христосъ въ васъ, развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть. Здѣсь, кажется, Апостоль указываетъ Коринѣянамъ и на жизнь. Поелику одна сила недостаточна къ полученію духовной силы, а онъ сказалъ, что если вы пребываете въ вѣрѣ, то имѣете въ себѣ Христа, между тѣмъ какъ многіе, имѣя вѣру, не имѣли силы чудодѣйственной: то разрѣшая недоумѣніе,

говорить: *развѣ точно чимъ неискусни есте*, т.-е. развѣ порочна жизнь ваша. Но не говорить такъ прямо, чтобъ не оскорбить ихъ, а слегка намекаетъ на сіе; не говорить утвердительно: вы неискусны, а представляетъ будто не совсѣмъ возможный у нихъ случай: *развѣ точно*.

Блаженный Фотій у Экуменія другіе оттѣнки мыслей находить въ этихъ словахъ Апостола: «Не подвергаете ли вы чрезъ то пробѣ свою собственную вѣру? Не заставляете ли искать подтвержденія, въ вѣрѣ ли вы? Ибо искать искушенія глаголющаго во мнѣ Христа, и не быть твердо убѣждену, что въ учителѣ говоритъ Христось, что другое значить, какъ не искушать и себя самихъ, вѣрны ли вы, какъ не сомнѣваться въ себѣ самихъ? Это значить даже болѣе,—не знать совсѣмъ, что въ васъ Христось. Ибо если въ учителѣ нѣтъ Христа, то тѣмъ болѣе въ ученикахъ. Но какъ же, говорить, вы не знаете, что Христось въ васъ, когда Онъ обогатилъ васъ разными дарами благодатными? Или представивъ себя неискусными въ дѣлахъ (худо живя), вы и ихъ потеряли? Этимъ онъ хочеть еще сказать: если вы приняли и имѣете благодатную силу на духовъ нечистыхъ (если только, сдѣлавшись непотребными, не лишились ея), не тѣмъ ли паче я имѣю власть на тѣхъ, которые исполняютъ волю нечистыхъ демоновъ, если такіе имѣются среди васъ? Или такъ: во мнѣ искушенія ищете? Себя искушайте, потщательнѣе испытайте, въ вѣрѣ ли вы. Ужъ не отпали ль вы отъ ней; ибо иначе вѣроятно не стали бы искушать меня. Потомъ какъбы смягчая сильный укоръ, говорить: *или не знаете себе, яко Исусъ Христось въ васъ есть*. Какъбы такъ: я такъ васъ понимаю, что въ васъ есть Христось. Если вы сами этого не знаете, ваша въ томъ вина. Смотрите, не стали ль вы тѣмъ, чѣмъ не должно вамъ быть? Вмѣстѣ и пристыжаетъ онъ ихъ: если я признаю, что въ васъ Христось, развѣ точно неискусни есте; то какъ вы еще ищете искушенія Его во мнѣ пребыванія? Но какъ могли они знать, что Христось въ нихъ? Изъ

знаменій, какія творили, если еще творили ихъ. Слова: *развѣ точію чимъ неискусни есте*, намекають на худую жизнь. Если вы, говоритъ, и въ вѣрѣ находитесь, но не имѣете соотвѣтственной ей жизни, то вы неискусны и Христа въ васъ нѣтъ, и не показываетъ уже Онъ присутствія своего среди васъ чрезъ знаменія».

Ст. 6. *Уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.*

Рѣчь будто такъ течетъ: еслибъ вы не стали неискусными, то знали бы, что Христось въ васъ, а отъ себя и о насъ заключили бы, что и въ насъ Христось. Но поелику, какъ видится, такъ объ васъ судить нельзя; то приходится мнѣ инымъ образомъ доказывать, что во мнѣ Христось, что я не сталъ неискусенъ, какъ вы, и не лишился присутствія во мнѣ силы Христовой. Уповаю, что это вы узнаете дѣломъ, когда, т.-е., я приду и карательно отнесусь къ виновнымъ. «И здѣсь опять великая угроза, большой страхъ. Поелику хотите, чтобы я доказалъ вамъ сіе, наказавъ васъ: то мы въ состояніи дать вамъ такое доказательство. Впрочемъ онъ не такъ говоритъ, но съ большею строгостію и угрозою: *уповаю же, яко разумѣти имате, яко мы нѣсмы неискусни.* Вамъ и безъ сего, говоритъ онъ, надлежало знать нашу силу и то, что въ насъ говоритъ и дѣйствуетъ Христось. Но поелику хотите испытать сіе на самомъ дѣлѣ: то узнаете, *что мы нѣсмы неискусни*». (Св. Златоустъ) «*Нѣсмы неискусни*, не лишились мы дара знаменій, и силы благодатной, или не растлили мы жизни своей, чтобъ Христось выселился изъ насъ, но Онъ въ насъ при благоискусной жизни нашей, и покараетъ не слушающихъ насъ» (Феофилактъ).

Ст. 7. *Молимся же Богу, не сотворити вамъ ни единого зла: не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же, яко неискусни будемъ.*

Слова: *нѣсмы неискусни*, однозначительны со словами: мы можемъ явить дѣйствующую въ насъ силу Христову кара-

тельнымъ судомъ надъ согрѣшившими и не покаявшимися. Но, говорить Апостоль, въ такомъ проявленіи власти и силы или искусства нашего мы не находимъ удовольствія; оно не составляетъ предмета нашихъ желаній. Напротивъ, мы молимъ Бога, чтобъ не быть намъ въ необходимости произвести въ васъ какую-либо кару, наложить на васъ какое-либо наказаніе, непріятное для васъ; желаемъ лучше, чтобы вы, покаявшись и исправившись, добро чрезъ то сотворили и тѣмъ отняли у насъ поводъ являть себя сильными силою Христовою или искусными. Пусть лучше мы останемся неискусными, нежели вамъ потерпѣть что отъ насъ, хоть и по справедливости.

Св. Златоустъ говоритъ: «поелику угрозу простеръ далеко, наказаніе такъ сказать поставилъ у самыхъ дверей, привелъ Коринѳянъ въ трепеть и заставилъ ожидать казни: то смотри, какую сладостію опять растворяетъ слово свое, какъ умѣряетъ ихъ страхъ, сколько открываетъ въ себѣ невзыскательности, попечительности объ ученикахъ, любомудрія, высоты и нещеславія. Все же сіе открываетъ въ слѣдующихъ словахъ: *молимся же къ Богу, не сотворити вамъ ни единого же зла*, и проч. Гдѣ можно найти душу, подобную Павловой? Его презирали, уничижали, осмѣивали, надъ нимъ издѣвались, какъ надъ человѣкомъ низкимъ, ничего незначащимъ, хвастливымъ, который величается только на словахъ, а на дѣлѣ нисколько не можетъ показать силы своей; а онъ не только медлитъ и не хочетъ наказывать, но еще молитъ Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. Прошу и молю Бога, говоритъ онъ, чтобы мнѣ не найти никого не исправившимся и пераскаяннымъ. И не только о семъ молю, но и о томъ преимущественно, чтобы вы не начинали грѣшить,—*не сотворити вамъ*, говоритъ, *ни единого зла* (чтобъ вы никакого зла не дѣлали); а если согрѣшите, то чтобы вы спѣшили покаяться, предварили меня исправленіемъ и предотвратили гнѣвъ. Я забочусь не о томъ, чтобъ явиться предъ вами искуснымъ, но со-

вершенно напротивъ, о томъ, чтобы не быть въ необходимости показать это искусство на самомъ дѣлѣ. Ибо, говорить, если вы пребываете во грѣхахъ нераскаянными: то необходимо нужно наказать васъ, подвергнуть истязанію ваши тѣла, какъ поступлено было съ волхвомъ (Дѣян. 13, 11), надъ которымъ мы явили опытъ силы своей. Но не о семъ молимся, а напротивъ, чтобы намъ не показывать себя искусными въ такомъ дѣлѣ, т.-е. чтобы не дѣлать опыта силы, какая въ насъ, наказывая васъ и истязуя согрѣшившихъ и болящихъ неисцѣльно. Но о чемъ же молимся? *Да вы доброе сотворите*; молимся, чтобы вы всегда пребывали въ добродѣтели, всегда были исправны; *мы же, яко неискусни будемъ*, не обнаруживая въ себѣ карающей силы (Христовой). И не сказалъ: *мы неискусни будемъ*; ибо не сталъ бы неискусень, хотя бы и не наказывалъ: напротивъ, чрезъ сіе и показалъ бы себя искуснымъ. Но хотя нѣкоторые, говорить, и почитаютъ насъ презрѣнными и недостойными уваженія, потому что не показываемъ силы своей; однако я ни мало о томъ не забочусь. Лучше намъ навлечь на себя отъ нихъ такое мнѣніе, нежели данную намъ отъ Бога силу являть въ наказаніи людей, ожесточенныхъ сердцемъ».

Ст. 8. *Ничтоже бо можемъ на истину, но по истинѣ.*

«Ибо если идете путемъ, какимъ и слѣдовало (истиннымъ), то какъ можемъ показать карательную силу?» (Еоодоритъ). «Чтобъ не показаться дѣлающимъ сіе (т.-е. вышеизложенную молитву и уступку) изъ угожденія, что чуждо для духа, не знающаго тщеславія,—а напротивъ, показать, что дѣлаеть то, чего требуетъ самое свойство дѣла, Апостоль сказалъ: *ничтоже бо можемъ на истину.* Если найдемъ васъ благоустроенными, сложившими съ себя грѣхи чрезъ покаяніе и имѣющими дерзновеніе къ Богу; то намъ, хотя бы и захотѣли, нельзя будетъ наказывать васъ; напротивъ, еслибы рѣшились на то, Богъ

не будетъ намъ содѣйствовать. Ибо Онъ для того далъ намъ силу, чтобы мы произносили приговоръ вѣрно, праведно, а не вопреки истинѣ. Видишь ли, какъ вездѣ смягчаютъ слово свое и умѣряетъ тяжесть угрозы?» (Св. Златоустъ).

Ст. 9. *Радуемся бо, егда мы немощствуемъ, вы же сильни бываете: о семъ же и молимся, о вашемъ совершеніи.*

«Тому особенно радуемся, когда не имѣемъ нужды наказывать васъ, видя, какъ вы благоугождаете Богу; когда не находимъ, чтобы вы подавали намъ причину показать силу нашу въ наказаніи васъ. И хотя и чрезъ то явились бы мы славными, искусными и сильными; но желаемъ противнаго, т.-е. чтобы вы были искусны и непорочны, а мы изъ того не приобрѣли себѣ славы. Потому и говорить: *радуемся, егда мы немощствуемъ*. Что значить: *егда немощствуемъ*? Когда насъ почитаютъ немощными, не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными. А таковыми почитали Апостоловъ враги за то, что не являли карающей силы своей. Впрочемъ радуемся, говорить Апостоль, когда вы такъ живете, что не подаете намъ повода наказывать васъ. И для насъ пріятно, что почитаютъ насъ въ семъ немощными, только бы вы были неукоризненны. Потому и прибавляетъ: *вы же сильни будете*, т.-е. искусны и тверды въ добродѣтели. И мы не только желаемъ, но и молимся о томъ, чтобы вы были непорочны, совершенны и не подавали намъ никакого повода (наказывать васъ). Подлинно отеческая любовь, спасеніе учениковъ предпочитать личной своей славѣ!» (Св. Златоустъ).

Ст. 10. *Сего ради не сый у васъ сія пишу, да не пришедъ безщадно сотворю по власти, юже Господь далъ ми естъ въ созиданіе, а не на разореніе.*

Вотъ цѣль, къ которой направлено было все, что говорилось въ этомъ послѣднемъ отдѣленіи, 12, 19—13, 10. Если, говорилъ онъ, пришедши, найду неисправныхъ не-

исправившимися, *не пощажду*. Теперь же говорить: пишу же объ этомъ для того, чтобъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ не поступить у васъ *нещадно*. Никакого желанія нѣтъ у меня поступить такъ съ вами. «Желаю, чтобы строгость моя была только на словахъ, а не на дѣлѣ; желаю, чтобы посланія были строги; чтобы угрозы продолжались, но не приходили въ исполненіе» (Св. Злат.). Но чтобы такое желаніе мое исполнилось, надобно, чтобы вы во всемъ исправились и явились совершенными. Ибо не на поблажку вамъ говорю, что не хочу поступить съ вами нещадно, а чтобъ побудить васъ самихъ, самоохотно исправиться, а не отъ мѣръ карательныхъ. Вѣдайте, что *власть, юже даде ми Господь*, всегда присуща мнѣ. Она дана мнѣ *на созиданіе, а не на разореніе*. Если я найду васъ неисправными, надобно будетъ исправлять васъ властно, и чрезъ то созидать: ибо оставивъ васъ неисправленными, я сдѣлаю послабленіе вамъ не на созиданіе, а на разореніе. Вы еще болѣе разстроитесь. Итакъ одно изъ двухъ: или исправьтесь, или ждите нещаднаго каранія васъ. Но все же вѣдайте, что я не желаю этого; но сдѣлаю такъ потому, что того требуетъ существо данной мнѣ власти. «Все оставилъ имъ самимъ на размышленіе» (Св. Злат.).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПОСЛАНІЯ.

Ст. 11. *Прочее же, братіе, радуйтесь, совершайтесь, утѣшайтесь, тожеде мудрствуйте, миръ имѣйте: и Богъ любви и мира будетъ съ вами.*

«Что значитъ: *прочее же, братіе, радуйтесь*? Ты опечалилъ, устранилъ, повергъ въ скорбь, заставилъ трепетать: какъ же велишь радоваться? Посему самому, говоритъ онъ, и повелѣваю радоваться. Ибо если вы съ своей стороны будете соотвѣтствовать тому, что я обязанъ сдѣлать съ своей стороны; то не будетъ препятствія къ радости. А съ моей стороны все сдѣлано: я долго терпѣлъ, медлилъ, не отлучалъ васъ, убѣждалъ,

увѣщаваль, устрашалъ, угрожалъ, чтобы какъ-нибудь про-
извести въ васъ плоды покаянія. Теперь вамъ должно
сдѣлать свое дѣло; и радость ваша не помрачится». (Св. Златоустъ). Если исправятся, значить вступать на
путь добродѣтели; «преуспѣвающимъ же въ добродѣтели
свойственно духовное веселіе» (Θеодоритъ), независимо
отъ вѣшняго благосостоянія. Можетъ быть и потому
говорить: *радуйтесь*, что не всѣ были неисправны, и
потому не всѣхъ страшила угроза. Ко всѣмъ же исправ-
нымъ очень идетъ: *радуйтесь*. Радуйтесь, что вы христі-
ане, увѣровали въ Господа, получили отпущеніе грѣховъ,
благодать Духа приняли, освящающую васъ и на всякое
добро укрѣпляющую, и имѣете несомнѣнную надежду,
что, пребывъ вѣрными Господу, наслѣдуете вѣчно-бла-
женное царство небесное. Какъ не радоваться, привявъ
все сіе къ сердцу?!

Совершайте. «Будьте совершенны, и восполните,
чего недостаетъ» (Св. Златоустъ). Се цѣль жизни! Всту-
пившему во дворъ Христовъ, въ стадо Яго, нельзя не
радоваться, смотря на то, что получаетъ и что имѣетъ
надежду еще получить. Но вступивши въ такой чинъ
жизни, нельзя спать. Много дано, большее несравненно
дастся. Но первое есть безусловный даръ; второе под-
условный. Надо привнестъ трудъ, обращая его на то,
чтобъ отрѣвать несовершенное, и прилагать одно къ
другому совершенное. Это и есть совершенствованіе
себя самого.

Утѣшайтесь. «Такъ какъ искушеній много и опасно-
сти велики; то ищите утѣшенія другъ въ другѣ, и въ
насъ, и въ собственномъ исправленіи. Ибо если радость
ваша отъ чистой совѣсти, и если вы совершенны то
ничего недостаетъ къ вашему благодушію и утѣшенію;
ибо ничто не доставляетъ столько утѣшенія, какъ чистая
совѣсть, хотя бы вы окружены были безчисленными иску-
шеніями» (Св. Злат.).

Тожде мудрствуйте: «тѣснѣе свяжитесь единомыслі-

емъ, держитесь всѣ одного образа мыслей» (Ѳеодоритъ). «О семъ просилъ онъ и въ началѣ перваго посланія» (Св. Злат.). Можетъ быть это главное въ послѣднихъ краткихъ наставленіяхъ. Ибо они изъ пустаго увлеченія какими-то личностями начали - было расходится между собою и группироваться въ партіи. Первое посланіе отрезвило ихъ. Они рѣшились исправиться. Надо было запечатлѣть это рѣшеніе, что и дѣлаеть здѣсь Апостоль.

Миръ имѣйте. «Случается, что люди тоже мудрствуютъ, однакоже не имѣютъ мира; на примѣръ, когда въ догматахъ вѣры согласны, но другъ противъ друга враждуютъ. Напротивъ Апостоль Павелъ требуетъ здѣсь и единомыслія и согласія» (Св. Златоустъ).—*Миръ имѣйте.* εἰρηνεύετε, мирствуйте, можетъ имѣть и всеобъемлющее значеніе, т.-е. и въ себѣ мирствовать, и съ Богомъ, а не только съ другими. Ѳеодоритъ такъ и пишетъ: «*миръ имѣйте* и съ нами, и другъ съ другомъ, а прежде всего со спасимъ васъ Богомъ».

И Богъ любви и мира будетъ съ вами. «Ибо видя сіи преслѣванія, сподобитъ васъ всякаго промышленія; потому что Онъ законоположникъ всего» (Ѳеодоритъ). «Не только увѣщаетъ и совѣтуетъ имѣть миръ, но и молить о томъ Бога. Ибо онъ или молить здѣсь (т.-е. да будетъ съ вами Богъ мира), или предсказываетъ будущее (т.-е. что будетъ съ вами за показанныя доброты); а вѣрнѣе то и другое вмѣстѣ. Если, говорить, будете такъ поступать, т.-е. тоже мудрствовать и миръ имѣть между собою; то и Богъ будетъ съ вами. Потому что Богъ есть Богъ любви и мира. Сему Онъ радуется (т.-е. любви и миру), и о семъ веселится. Отсюда отъ любви Его и въ васъ будетъ миръ. Отсюда избавленіе отъ всѣхъ золъ. Сія любовь спасла вселенную; она прекратила застарѣлую на землѣ вражду, она соединила землю съ небомъ, она содѣлала людей ангелами. Возлюбимъ же ее и мы: ибо любовь есть мать безчисленныхъ благъ. Ею мы спасены, чрезъ нее получили неизглаголанная блага» (Св. Златоустъ).

Ст. 12. *Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ: цѣлуютъ вы святіи вси.*

«Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ; то-есть, не-льстиво, цѣломудренно, какъ члены другъ друга и тѣло Христово» (Θеодоритъ). «Что значить: *святымъ*? Непри-творнымъ и льстивымъ, какимъ Іуда лобызаль Христа. Ибо на то и лобзаніе, чтобы возбуждало любовь, чтобы воспламеняло искреннее расположеніе, чтобы мы такъ любили другъ друга, какъ братья братьевъ, какъ чада отцевъ, и отцы чадъ, или еще и больше: ибо сія любовь есть естественная, а наша духовная. Черезъ лобзаніе со-единяются между собою души. Посему-то возвращаясь изъ путешествій, цѣлуемъ другъ друга, когда души наши приходятъ во взаимное общеніе. Ибо уста особенно выражаютъ расположеніе души. Можно и еще нѣчто ска-зать о семъ лобзаніи святомъ. Что же такое? Мы храмъ Христовъ. Уста дверь сего храма, кою входилъ и вхо-дитъ къ намъ Христось, когда мы причащаемся. Прича-стники таинствъ! Вы понимаете, что говорю? Не простой чести сподобляются уста ваши, приѣмлюція тѣло Госпо-дне. Потому наипаче въ сіе время лобызаемъ другъ друга. Да слышать сіе срамно лобызающіеся, и да ужасаются при мысли, какъ они скверняютъ уста свои!» (Св. Злато-устъ).

Цѣлуютъ вы святіи вси. «Въ одинъ съ ними составъ совокушилъ и всѣхъ вѣровавшихъ во вселенной» (Θе-одоритъ). «Видишь ли, какъ онъ соединяетъ между собою всѣхъ дальнихъ и близкихъ, первыхъ посредствомъ Писа-нія, а послѣднихъ посредствомъ лобзанія?» (Св. Злато-устъ).

Ст. 13. *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и общеніе Святаго Духа со всѣми вами. Аминь.*

Спасеніе всѣхъ и cadaго совершается дѣйствомъ Пресвятыя Троицы нераздѣльнымъ. Разныя дѣйствія въ производствѣ нашего спасенія Слово Божіе именуеть

разными именами, и относить ихъ когда къ одному, когда къ другому, когда къ третьему лицу Пресвятыя Троицы, чѣмъ показываетъ, что не распредѣляетъ ихъ по лицамъ, такъ чтобы одно принадлежало исключительно одному, другое другому. Такъ и здѣсь «не въ означеніе раздѣльности выразился такъ Апостоль, и не иное удѣлилъ Христу Господу, иное Отцу, иное же Духу; ибо неоднократно любовь приписывалъ онъ Духу, общеніе Сыну, благодать Богу Отцу. Такъ въ первомъ посланіи, приписавъ дѣйство Отцу (1 Кор. 12, 6), чрезъ нѣсколько словъ приписываетъ оное Духу (— 11). Въ иномъ же порядкѣ поставилъ лица, не извращая порядокъ, указанный Господомъ (Мѡ. 28, 19), но научая, что иной порядокъ именъ не означаетъ инаковости естества, или силы, или разности достоинствъ» (Феодоритъ). «Такъ все, принадлежащее Троицѣ нераздѣльно! И гдѣ общеніе Духа, тамъ и общеніе Сына, и гдѣ благодать Сына, тамъ благодать Отца и Св. Духа. Говорю сіе, не какъ смѣшивающій въпостаси; нимало: напротивъ, знаю какъ то, чѣмъ онѣ различаются и раздѣляются, такъ и единство ихъ сущности» (Св. Златоустъ).

«Будемъ и мы и догматы сіи содержать со всею точностію, и привлекать къ себѣ любовь Божію. Ибо Онъ прежде возлюбилъ насъ, когда мы еще ненавидѣли Его; и примирилъ съ Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочетъ любить насъ, уже любящихъ Его; будемъ же постоянно любить Его, чтобы и Онъ любилъ насъ. И если пользуясь любовію сильныхъ людей, для всѣхъ бываемъ страшны; то тѣмъ паче, когда будемъ въ любви у Бога. Если изъ любви къ Нему нужно будетъ отдать имущество, тѣло свое, даже самую душу; не пощадимъ сего. Ибо недостаточно свидѣтельствовать любовь свою къ Нему только на словахъ; нужно показать ее и дѣлами. Ибо Онъ самъ явилъ свою любовь къ намъ не словами только, но и дѣлами. Покажи и ты сіе на самомъ дѣлѣ и твори угодное Ему. Въ такомъ случаѣ самъ же ты опять

получишь пользу; потому что Онъ ни въ чемъ нашемъ не нуждается. То и служитъ особеннымъ доказательствомъ искренней любви Его къ намъ, что, не пуждаясь въ нашей любви, все дѣлаетъ для того, чтобы мы Его любили. Посему и Моисей сказалъ: *что бо ищетъ Господь Богъ у васъ, точію еже любить Его, и готову быти еже ходити во слѣдъ Его* (Втор. 10, 12). Посему когда повелѣваетъ тебѣ любить Его, тогда наипаче показываетъ, что любить тебя. Пбо никогда не бываетъ столько надежно наше спасеніе, какъ когда любимъ Его» (Св. Злат.).

«Будемъ молиться и мы, чтобы сподобиться апостольскаго благословенія и улучшить обѣтованныя блага по благодати и чловѣколюбію Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Съ Нимъ Отцу со Святымъ Духомъ слава и велелѣпіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь» (Теодоритъ).

Епископъ Теофанъ.

ДОСИОЕЙ, ПАТРИАРХЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

II. Сношенія Досиоея съ Россією по церковнымъ дѣламъ.

Дѣятельный и ревностный защитникъ православной церкви вообще, Досиоей пользовался всякимъ случаемъ, чтобы быть полезнымъ для русской церкви. Не одни крупныя явленія жизни русской церкви, но и мелкія не ускользаютъ отъ внимательнаго взора патріарха, всегда вызывая къ себѣ то или иное отношеніе и съ его стороны. «Думаю, писалъ онъ (въ 1686 г.) къ Московскому патріарху Іоакиму, что вы скажете такъ, яко что ищетъ патріархъ іерусалимскій въ чуждой снархін? Отвѣчаю: наше вмѣшательство въ церковныя дѣла ваши законно и вполнѣ основательно. Понеже святѣйшихъ патріарховъ свойство есть попеченіе всѣхъ церквей, которое свойство есть и апостоловъ, а наслѣдницы апостоловъ суть патріархи. Въ силу этого, не токмо свойственныя дѣла (своей церкви), но и о всѣхъ христіанахъ всякій патріархъ попеченіе имѣетъ по силѣ своей». Но въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ себѣ въ этомъ отношеніи преимущество предъ другими патріархами, называя іерус. патріархію господственною частію вселенской церкви. Наконецъ, вмѣшиваясь въ дѣла русской церкви, Досиоей, по его словамъ, исполняетъ завѣщаніе исторіи, слѣдуетъ обычаю отцевъ, которые смѣло писали приснопамятнымъ самодержцамъ *).

Коснемся теперь частныхъ сторонъ жизни русской церкви, къ которымъ Досиоей имѣлъ отношеніе.

*) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 146.—Туманскій. Собр. зап. II. Вел. т. 10, стр. 107—8. 121.

а. Подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому патриарху.

Въ половинѣ 15 ст. совершилось раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи, Кіевскую и Московскую. Съ этого времени московскій митрополитъ пересталъ уже именоваться митрополитомъ кіевскимъ, и церкви сѣверная и южно-русская пошли въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи двумя дорогами. Но новый путь привелъ кіевскую митрополію къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Разумѣемъ бѣдствія отъ латинской пропаганды. Наступило время уніи, время для южно-русской церкви самое тяжелое, когда польское правительство, іезуиты, паны и отпавшіе отъ православія епископы принимали самыя рѣшительныя мѣры, чтобы на почвѣ православія посѣять католицизмъ. Захвативъ въ свои руки кіев. іерархію, паписты сами завладѣли лучшими монастырями и приходами, прочія же церкви отдавали жидамъ въ арсиду, нѣкоторыя печатали, надъ иными ругались, а многія истребляли совершенно *). Положеніе южно-русскаго православія вообще дѣлалось все болѣе опаснымъ, такъ что необходимо было подумать о выходѣ изъ него, и вотъ въ то время, какъ правительство, іезуиты и увлеченное ими высшее духовенство южно-русской церкви насильно вводятъ унію, на защиту православія выступаютъ: братства, народная масса и низшее духовенство. Поддерживаемые восточными патріахами, они находятъ дорогу для выхода изъ тягостнаго положенія. Тогда какъ уніаты тянули къ Польшѣ, эти защитники православія видѣли свое спасеніе въ Москвѣ и тянули подъ власть царя православнаго. Это стремленіе должно было взять перевѣсъ уже и потому, что политическое соединеніе Москвы съ Малорос-

*) Рѣчь защитника православія Лаврентія Древинскаго на сеймѣ 1620 г.

сією на половину рѣшило дѣло и относительно церковнаго ихъ единенія.

Итакъ, возникъ вопросъ о подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху,—вопросъ, который не могъ быть рѣшенъ безъ участія восточныхъ патріарховъ. Что касается московскихъ патріарховъ, то они всегда думали о подчиненіи себѣ Кіева въ церковномъ отношеніи. Дѣло соединенія было близко къ концу, особенно при Никонѣ; тѣже попытки были и послѣ него. Нѣсколько разъ Москва думала посвящать у себя митрополитовъ для Кіева, но всегда встрѣчала со стороны высшей іерархіи южно-русской церкви рѣшительное нежеланіе имѣть у себя такихъ митрополитовъ. Наконецъ, при гетманѣ Самойловичѣ и московскомъ патріархѣ Іоакимѣ настало самое удобное время для соединенія Кіева съ Москвою въ церковномъ отношеніи. Самойловичъ не могъ не стоять за это дѣло, какъ вѣрный слуга Московскаго государства, а окончательное разстройство іерархіи въ Малороссіи не могло съ другой стороны не побудить Іоакима, ревностнаго поборника православія, къ ея устройству. Послѣ долгой переписки съ Іоакимомъ, гетманъ въ лицѣ Гедеона Святополка, князя Четвертинскаго, нашель достойнаго пастыря для кievской кафедръ. Единодушно избранный малороссійскою церковію въ митрополита, Гедеонъ прибылъ въ Москву и здѣсь 8 ноября 1685 г. былъ торжественно посвященъ въ этотъ санъ. Дѣло подчиненія такимъ образомъ совершилось; но пока Константиноп. патріархъ не изъявилъ на это своего согласія, оно не было законно. Оставалось добиться этого согласія. Самъ Самойловичъ писалъ въ Константинополь грамоту (отъ 30 дек. 1685 г.): «О возведеніи епископа Луцкаго Гедеона на кievскую митрополію, съ испрашиваніемъ разрѣшительной грамоты на поступленіе Кіевской епархіи въ вѣдомство патріарха всероссійскаго» *). Въ тоже время въ

*) Собр. Госуд. гр. и догов. ч. IV, стр. 501—5.

ноябрѣ 1685 г. въ Константинополь были отправлены Никита Алексѣевъ и Лисица хлопотать о томъже дѣлѣ.

Хотя послы главнымъ образомъ должны были имѣть дѣло съ патріархомъ константинопольскимъ, но главное участіе въ этомъ случаѣ пришлось взять на себя Досиоею: Узнавъ отъ грека Юрія Мецевита, что безъ визирскаго согласія Іаковъ (патріархъ конст.) ничего не можетъ предпринять, Алексѣевъ началъ хлопотать, какъбы повидаться съ іер. патріархомъ, въ то время собиравшимъ по Македоніи милостыню. Юрій опять замѣтилъ Алексѣеву, что и этого прежде свиданія съ визиремъ сдѣлать нельзя. Тогда послы побывали у визиря и, взявъ у него позволеніе, отправились къ Досиоею, котораго встрѣтили на пути къ Царьграду, въ Адрианополѣ. Патріархъ принялъ ихъ не ласково и на первыхъ порахъ положительно высказался противъ подчиненія. Послы просили его ходатайствовать предъ константинопольскимъ патріархомъ о ихъ дѣлѣ, но онъ прямо и рѣшительно отвѣтилъ, что совѣтовать Іакову отказаться отъ кіевской митрополи въ пользу патріарха московскаго онъ не будетъ. «Великіе государи изволили бы писать *къ намъ* о поставленіи въ Кіевъ митрополита, *и мы* бы дали благословеніе, что вольно его поставить московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. На это благословенія не дадимъ: это будетъ восточной церкви раздѣленіе»... На это Лисица замѣтилъ смѣло и рѣзко, что митрополія кіевская непремѣнно должна быть подчинена патріарху московскому, ибо того желаетъ гетманъ. Но и послѣ бывшихъ затѣмъ краткихъ просьбъ Досиоей остался одинаково твердъ. «Я въ это дѣло, заявилъ онъ, вступаться не буду». Обратитесь къ Іакову, пусть, какъ хочетъ, поступитъ онъ; но и ему ничего нельзя сдѣлать безъ визирскаго указа. Вы предлагаете мнѣ деньги, но и за большую казну я такого дѣла не сдѣлалъ бы». Чѣмъ объяснить такое упрямство Досиоея? Можно думать, что главной причиной его былъ страхъ подвергнуться гнѣву

визиря. Досиѣею необходимо было напередъ знать, какъ сама Порта взглянетъ на это.

Но были и другія причины такого упрямства со стороны Досиѣея. Русскіе послы прибыли въ Турцію съ грамотами только къ константинопольскому патріарху и прежде всего искали свиданія съ нимъ и уже тогда съ Досиѣеємъ, когда то свиданіе не удалось. Это, конечно, было не по духу Досиѣея. Что этимъ онъ былъ задѣтъ, то самъ онъ высказалъ въ грамотѣ (1686 г.) къ царямъ, негодуя главнымъ образомъ за то, что русское правительство испрашивало разрѣшенія на это дѣло у одного константинопольскаго патріарха. Недовольство тѣмъ, что ему не было прислано письмо, высказалъ онъ и въ письмѣ (1686 г.) къ Іоакиму. «Сказывалъ намъ, писалъ онъ, посланникъ вашъ, что письма отъ васъ не привезъ, токмо приказали ему дати намъ милостыню... *),—писалъ конечно съ укоромъ. Въ стремленіи московскаго патріарха подчинить себѣ кievскую митрополію разгнѣванный Досиѣей не видѣлъ другихъ побужденій, кромѣ самолюбія и желанія возвысить свою власть насчетъ права другихъ. «Можетъ быть, вы захотите, писалъ онъ Іоакиму, то мы и Іерусалимъ бы сотворили вашею епископіею, и ноги бы ваши мыли... Развѣ мало вамъ, что московская митрополія стала патріаршимъ престоломъ, что избираетъ васъ свой соборъ и признаютъ васъ всѣ патріархи? Нѣтъ, вамъ понадобилась еще чужая епархія! Довольно было бы братской твоей любви оставаться намѣстникомъ цареградскаго патріарха и отъ имени его испытывать и судить митрополита кievскаго». — «Братская твоя любовь, писалъ онъ опять Іоакиму, рукоположилъ еси митрополита въ Кіевъ и возвѣщаеши, яко нужда бѣше быти тако. Но по нашему мнѣнію нужды тутъ нѣтъ никакой, а явное лихоиманіе. А кромѣ нужды для чего да движутся предѣлы отеческія? И кто можетъ сія извинить вамъ? Дѣлая это въ ущербъ

*) Устряловъ. II. Вел. т. I.—Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 144.

необходимости, удовлетворяя только своему самолюбію, вы вмѣсто добра творите великое зло и для себя, и для церкви. Въ первомъ случаѣ потому, что ваша честь страдаетъ, а въ послѣднемъ потому, что это уничтоженіе и смущеніе восточныхъ церкви и нарушеніе мира христіанъ той митрополіи (кіев.), ибо можетъ случиться, что христане, подвластные Польшѣ, изберутъ себѣ другаго митрополита».

Не считаетъ Досиоей основательнымъ поводомъ къ подчиненію кіевской митрополіи и того, будто современныя неурядица въ константинопольскомъ патріархатѣ не позволяютъ тамошнему патріарху смотрѣть за благосостояніемъ южно-русской церкви. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, какъ въ Россіи возсіяла православная вѣра и даже до вчерашняго дня, всегда, несмотря на дальность, Россіяне сносились съ Константинополемъ и ничего оттуда кромѣ пользы не получали».

Но какъ смотрѣть на это дѣло съ точки зрѣнія церковнаго законовѣдѣнія? Досиоей находитъ, что оно противно каноническимъ правиламъ и церковнымъ предѣламъ. «По отеческимъ постановленіямъ епархіи должны быть неприкосновенны въ своихъ предѣлахъ; поэтому никто изъ епископовъ не долженъ искать власти въ чужой епархіи, а вы (къ Іоакиму) ищете взяти чужую епархію. Въ этомъ не оправдаетесь ничѣмъ и только стыдъ отъ людей и грѣхъ отъ Бога падеть на ваше имя. А что отеческія правила должны быть свято соблюдаемы, такъ это видно изъ того, какъ сами отцы церкви смотрѣли строго на ихъ нарушителей *). Но если вы уже рѣшились исполнить хотѣніе свое, то вѣдайте, мы не жалали бы, чтобы вы впали въ такой большой грѣхъ». Что касается церковной практики, то и она, по словамъ Досиоея, стоитъ

*) Такъ, онъ приводитъ тотъ фактъ, что ант. патріархъ, желавшій хиротонисать кипрскаго архіепископа, былъ епитимисанъ отцами церкви, бывшими на третьемъ вселенскомъ соборѣ.

за права константинопольскаго патріарха, подъ руководствомъ котораго южно-русская церковь находилась съ самаго начала и доселѣ митрополиты кievскіе законно рукополагались царьградскими патріархами. Зачѣмъ же теперь, безъ всякой на то нужды, нарушать освященный древностію порядокъ?»

Досиѳей находитъ незаконнымъ и тотъ путь, которымъ московскіе цари и патріархъ думали достигъ цѣли. Во-первыхъ, незаконнымъ считалъ онъ то, что они просили разрѣшенія только отъ одного константинопольскаго патріарха и ему одному прислали свои грамоты, между тѣмъ какъ это дѣло принадлежитъ совѣту всѣхъ патріарховъ. Во-вторыхъ, не одобрилъ Досиѳей и то, что московское правительство дѣйствовало посредствомъ подкуповъ. «Не есть ли стыдъ отъ людей и грѣхъ отъ Бога, что вы присылаете деньги и берете грамоты сопротивныя церкви и Богу? Сказывалъ намъ посланникъ вашъ, что дастъ намъ милостыню тогда, когда ему дадимъ письмо, якоже хочетъ; и аще не дадимъ ему, и онъ намъ да не отдастъ. Гораздо меньше вы виноваты въ томъ, что поставили митрополита безъ благословенія, чѣмъ въ томъ, что присылаете деньги и просите прощенія, яко есть явная симонія... И грамота, юже емлетъ честность его (Іоакимъ) отъ константинопольскаго чрезъ деньги, есть ли праведна, есть ли грамота достойна?»

Признавъ такимъ образомъ незаконнымъ подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху, Досиѳей обращается къ царямъ и Іоакиму съ такими заключительными словами. «Я вамъ совѣтую послушаться меня, но какъ знаете, свободы вашей я не стѣсняю. Свое дѣло я исполнилъ и поэтому, если вы не послушаетесь меня, буду непричастенъ грѣху вашему. Помните только, что то, что мы совѣтуемъ вамъ, есть праведное и непорочное, за которое Богъ не гнѣвается» *).

*) Арх. Юг. Рос. т. V, стр. 142—160 (Письма Досиѳея къ Іоакиму, царямъ и государынѣ царевнѣ Софіи всѣ отъ апр. 1686 г.).

Все это писалъ въ Россію Досиөей непосредственно послѣ разговора своего съ Лисицею и Алексѣевымъ, писалъ, конечно, подъ живымъ впечатлѣніемъ минуты. Хотя онъ и старается доказать незаконность подчиненія, тѣмъ не менѣе больше выражаетъ личную обиду, чѣмъ эту незаконность. Это было въ апрѣлѣ, но не далѣе какъ въ маѣ мы видимъ въ Досиөей совершенную перемену но настоящему дѣлу. Послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ патріархами Алексѣевъ обратился къ визирю съ просьбой: дозволить патріархамъ дать согласіе на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху. Визирь, чтобы поддержать, въ виду войны съ Польшей, Австріей и Венеціей, пріязнь Россіи къ Турціи, изъявилъ послу польнѣйшую готовность помочь ему. Между прочимъ, онъ обѣщаль призвать къ себѣ Досиөея и приказать ему исполнить желаніе московскаго правительства. Вѣроятно, такъ онъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ Досиөей, не подавшій повода къ подозрѣнію себя, узналъ волю турецкаго правительства. Къ тому же временная вспышка прошла и гнѣвъ его утотился. Когда Алексѣевъ снова явился къ нему, то нашелъ въ немъ совершенно не то. Обѣщая послу дать свое согласіе, онъ опять подыскиваетъ подходящія каноническія правила. «Я пріискалъ въ правилахъ, говоритъ онъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи къ другому архіерею». Мало того, что онъ даетъ свое согласіе, онъ обѣщается еще хлопотать объ этомъ и предъ патріархомъ константинопольскимъ и дать благословеніе отъ себя особо, а не вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Діонисіемъ *). Послѣ бесѣды съ Досиөеемъ Діонисій безъ малѣйшаго возраженія вручилъ русскимъ посламъ всѣ нужныя по кievскому дѣлу

*) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XIV, стр. 35. С. Терновскій. „Изс. о под. кievскаго митрополита московск. патр.“, стр. 141.

бумаги и между прочимъ грамоты объ отпущеніи Кіевской митрополіи подъ власть московскаго патріарха *).

Съ своей стороны Досиѳея отправилъ въ Россію чрезъ тогоже Алексѣева особую отпустительную грамоту. Въ ней онъ полнѣе, чѣмъ патріархъ Діонисій, обсуждаетъ дѣло о подчиненіи кіевской митрополіи и многостороннѣе излагаетъ права кіевскаго митрополита и его обязанности въ отношеніи къ новому владыкѣ. И только грамота Досиѳея была прислана Гедеону Четвертинскому «для соблюденія въ книгохранительницѣхъ и въ потребныхъ случаяхъ для должнаго руководства». «Нынѣшняго года, говорится въ грамотѣ царей къ Гедеону (отъ 14 февр. 1687 г.), къ намъ писали святѣйшіе патріархи Діонисій и Досиѳея, что по нашему великихъ государей прошенію кіевская митрополія навсегда отходитъ подъ власть патріарха московскаго. И по нашему указу іерусалимскаго Досиѳея грамота послана къ тебѣ нашего царскаго величества богомольцу преосвященному митрополиту съ сею грамотою: и тебѣ бѣ преосвященному Гедеону ту отпустительную грамоту принять и держать у себя въ книгохранительницѣхъ со всякимъ береженіемъ». При этомъ въ грамотѣ говорится, чтобы Гедеонъ для увѣренія православныхъ въ законности совершившагося дѣла «съ той отпустительной грамоты посылалъ, кому нужно, списки, а инымъ духовнымъ и знатнымъ и достойнымъ вѣры особамъ и подлинную ту грамоту для лучшаго увѣренія, и къ нашему царскому величеству о приѣмѣ той грамоты писалъ». Объ этой отсылкѣ кіевскому митрополиту грамоты Досиѳея былъ извѣщенъ особой царской грамотой (отъ 14 февр. 1687 г.) и гетманъ Самойловичъ. «По нашему указу святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго Досиѳея

*) Двѣ грамоты къ царямъ, двѣ московскому патріарху, одну Гедеону Четвертинскому, одну Самойловичу и двѣ ко всѣмъ членамъ южно-русской церкви. 1687—1688 гг. (Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 166—193).

отпустительная благословенная грамота на кievскую митрополию, какъ съ подписью его патріаршей, такъ и митрополичьихъ рукъ и печатей, послана къ преосвященному Гедеону, митрополиту кievскому и велѣно ему ту грамоту принявъ, держать у себя въ книгохранительницѣ со всякимъ береженіемъ *)).

Такъ грамота Досиоея была важна по отношенію къ совершившемуся столь великому событію во исторіи Русской церкви, и такъ онъ сумѣлъ загладить прежнее упорство свое по этому дѣлу!

Въ 1686 г. Досиоей пишетъ грамоту епископамъ и всѣмъ благочестивымъ, живущимъ въ Польшѣ. Въ ней онъ высказываетъ свою радость о совершившемся дѣлѣ. Затѣмъ, опасаясь, быть можетъ, чтобы недовольные не выбрали другаго митрополита, говоритъ, что избранный на кievскую митрополию Гедеонъ Четвертинскій—истинный и законно поставленный митрополитъ. «Сего ради ублажаемъ и молимъ всѣхъ васъ, яко да и вы всѣ имѣйте преждереченнаго и истиннаго киръ Гедеона и законнаго митрополита кievскаго, яко отъ всея восточныя церкви признаннаго такимъ». Такъ какъ главнымъ образомъ южно-русскіе епископы враждебно относились къ поставленнымъ въ Москвѣ митрополитамъ, то Досиоей убѣждаетъ епископовъ покоряться Гедеону, «яко своему митрополиту, по древнему общковенію католическія церкви, и воспоминати имя его, якоже истиннаго вашего митрополита, и пріимите толкованія и указы его, яко отъ устъ Христовыхъ» **).

Въ то же время Досиоей особо писалъ и къ гетману Самойловичу, прося его во всемъ содѣйствовать кievскому

*) Собр. госуд. гр. и догов. т. IV, стр. 534—5. 536.—Къ сожалѣнію, м. Евгений, нашедшій въ библиотекѣ к. Соф. собора другія грамоты восточныхъ патріарховъ по этому дѣлу, не встрѣтилъ грамоты Досиоея. (Евг. Оп. К. Соф. собора, въ приложеніи, стр. 110). **) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 162—164.

митрополиту. «Прежде этого, говорить онъ, мы были въ великой печали, потому что столько лѣтъ кievскій митрополитъ не бѣ, и христiане неученые быша и стадо неисправное, и оттолѣ послѣдовали многія безчинства, которыя вѣдаетъ ясность ваша лучше, нежели мы. И нынѣ, егда поставленъ митрополитъ кievскій киръ Гедeonъ, молимъ вашу любовь: да будете вкупѣ съ нимъ сподонники и поборники, во еже дѣйствовати по правиламъ церковнымъ и дабы никто ему сопротивлялся» *).

Труды Досиеея по этому дѣлу не были конечно оставлены безъ вознагражденія. Еще Алексѣевъ, въ бытность свою въ Константинополѣ, тотчасъ по полученіи отъ него согласія поднесъ ему 200 золотыхъ **).

β. Послѣдній приговоръ надъ патріархомъ Никономъ.

Въ 1682 г. было совершенно окончено дѣло знаменитаго дѣятеля XVII ст. Весьма живое участіе въ его довершеніи принималъ іер. п. Досиеей. Говоримъ о Никонѣ.

Лишенный святительскаго сына, Никонъ былъ отправленъ въ Терапонтовъ монастырь и здѣсь пилъ горькую чашу своего заточенія. Изъ Терапонтова онъ былъ переведенъ въ Кирилловъ монастырь подъ строгій надзоръ. Тяжела была жизнь заточника: ничто ему не улыбалось уже впереди, и изнуренный старецъ желалъ только одной послѣдней отрады—успокоиться подъ сѣнію созданной имъ обители Новаго Іерусалима. Но уже подъ конецъ своего царствованія Феодоръ Алексѣевичъ вспомнилъ о Никонѣ и дозволилъ ему умереть въ основанной имъ обители. Однако старцу не суждено было достигнуть ея: на пути онъ отошелъ въ вѣчность (1686 г.). Умеръ тотъ, который, нарушивъ спокойствіе церкви, и самъ лишился мира съ нею. Феодоръ Алексѣевичъ, тронутый печальной судьбой Никона, рѣшился хотя теперь

*) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 165.

**) Соловьевъ. Ист. Рос. т. XIV, стр. 35.

примирить его съ церковію. Но въ Россіи этого добиться нельзя было. Тогдашній патріархъ московскій Іоакимъ былъ вообще враждебенъ къ Никону. Долго онъ не соглашался на его возвращеніе въ свою обитель, былъ противъ погребенія его какъ патріарха и наконецъ остался непреклоненъ предъ желаніемъ царя снять съ него судъ собора 1666 года. Оставалось обратиться къ восточнымъ патріархамъ. Собственноручно написалъ царь грамоту къ нимъ и отправилъ съ дьякомъ Прокопіемъ Возницинымъ, испрашивая у нихъ прощенія, возвращенія перво-святительскаго достоинства и причисленія къ лику все-россійскихъ патріарховъ, словомъ того, чего лишилъ Никона соборъ 1666 г. Патріархи разсмотрѣли дѣло и прислали въ Россію свои разрѣшительныя грамоты.

О степени непосредственнаго своего участія въ оправданіи Никона на патріаршемъ соборѣ (1682 г.), Досиоей въ грамотѣ (1682 г.) къ Θεодору Алексѣевичу говоритъ, что «о прощеніи киръ Никона мы по силѣ возможности радѣли»; мало того, онъ самъ даже грамоты всѣмъ патріархамъ написалъ *). Свою разрѣшительную грамоту Досиоей такъ заключаетъ: «прощаемъ его отъ прежде бывшаго низверженія и да поминается со усопшими прочими патріархи московскими во священныхъ царскихъ диптихахъ, да именуется патріархомъ по помянутымъ церковнымъ образамъ».

Никонъ оправданъ. Но не есть ли это разрушеніе собора 1666? Въ виду возможности подобнаго вопроса, Досиоей прилагаетъ къ грамотѣ слѣдующее замѣчаніе: «прочая вся, яже отъ священнаго того собора содѣянная, пусть останутся нерушима и крѣпко хранима, яко добро и законно учиненное, ибо соборъ той непороченъ есть и твердъ» **).

*) Собр. гос. грг. и дог. ч. IV, ст. 419.

**) Тамъ же, стр. 431—433. (Грамоты другихъ патріарховъ по этому дѣлу помѣщены тутъ же, стр. 424—431. Всѣ грамоты писаны

Въ особой грамотѣ къ Ѳеодору Алексѣвичу (отъ мая 1682 г.) Досиѳей хвалить царя за его доброе и справедливое дѣло по отношенію къ патріарху Никону *).

γ. *По поводу Синайскаго дѣла.*

Укрѣпляясь и раздвигая предѣлы свои, Русская церковь дѣлала пріобрѣтенія въ XII ст. и на далекомъ востокѣ. Въ Константинополѣ имѣла она свои храмы и на горѣ Синай утвердила свое господство. Синайская обитель всегда пользовалась покровительствомъ Россіи; московскіе цари жаловали милостынныя грамоты и жертвовали ей богатые вклады. Это, вѣроятно, послужило причиною тому, что Синайскіе монахи были не прочь перейти совсѣмъ подъ управленіе Московскаго патріарха. Въ 1688 г. Синайскій архіепископъ Іоанникій прислалъ въ Россію архим. Кирилла «бити челомъ, дабы великіе государи изволили св. Синайскія горы и всѣмъ обрѣтающимся монахамъ, а наипаче монастыря Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины быти строители и обладатели...». Просьба была принята и Синайская гора съ монастыремъ ея перешла въ призрѣніе Россійскаго государства **). Между тѣмъ какъ Кириллъ хлопоталъ объ этомъ въ Россіи, синайское дѣло, о которомъ въ своемъ мѣстѣ мы говорили, приходило къ концу. Благодаря учености и энергіи Досиѳея, оно, какъ мы знаемъ, окончилось (1691 г.) въ пользу іерусалимскаго престола. Но возвратившійся въ томъ же году архимандритъ Кириллъ принесъ вѣсть о результатѣ своего посольства. Конечно, вѣсть эта не могла обрадовать Досиѳея. Въ мартѣ того же 1691 г. онъ пишетъ патріарху Моск. Адріану по этому дѣлу. Сказавъ вообще о синайскомъ дѣлѣ, о соборномъ рѣшеніи его, давъ такимъ образомъ понять, кто законный владыка Си-

въ 1682 г., получены въ Россіи уже по кончинѣ Ѳедора Алексѣвича). *) Тамъ же, стр. 419. **) Ж. М. Н. 1848, 11, стр. 168 (Синайск. полуостровъ).

ная, онъ укоряетъ Адриана за вторженіе въ предѣлы чужой власти. «Архимандритъ Кирилль отдалъ свой монастырь Москвѣ, а въ Москвѣ приняли: дѣло сіе незаконное, потому что монастырь принадлежитъ другому патриарху; какъ же послѣ этого будетъ править имъ московскій патриархъ?» *)

Впрочемъ со стороны Досиөея все ограничивалось одними только укоризнами; патриархъ московскій остался при своихъ на Синайскій монастырь правахъ **).

д. Заботы Досиөея объ устройствѣ Россійской іерархіи.

Одна кievская митрополія свидѣтельствуесть уже о той ревности, какую Досиөей прилагалъ къ этому дѣлу.

Но Досиөей заботился, чтобы и другія епархіи, а также и приходы не оставались первыя безъ епископовъ, вторыя безъ іереевъ. Въ случаѣ особенной надобности, на примѣръ «ради многаго народа», онъ совѣтовалъ «и не одного епископа поставити» ***).

Въ епархіальномъ управленіи Россіи во вторую половину XVII в. замѣчательно умноженіе архіерейскихъ кафедръ. На соборѣ 1667 г. патриархи предлагали открыть 19 новыхъ епархій и 19 епископій. Дѣло однако ограничилось открытіемъ только нѣкоторыхъ архіепископій и епископій и переименованіемъ немногихъ кафедръ изъ низшихъ въ высшія. Остальныя же проектированныя кафедры не были открыты по недостатку матеріальныхъ средствъ. Въ то время, какъ совершается это переустройство въ русской іерархіи, съ далекаго востока слышится голосъ Досиөея, дающій по этому поводу и свой совѣтъ. Патриархъ предлагаетъ, гдѣ быть митрополиту и гдѣ основывать новыя епархіи. «Чтобы было удобнѣйше церковное поученіе, митрополитъ пусть будетъ въ большихъ городахъ, а въ остальныхъ городахъ епископы... На случай, если открытію въ указанныхъ мѣстахъ (Петрополь, Нарва) епи-

*) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 449. **) Ж. М. Н. Пр. 1848, 11. (Син. полуостровъ). ***) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 165. 410.

скопій можетъ помѣшать недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, то да сотворитъ власть вашего царскаго величества (пишетъ онъ Петру въ 1705 г.) меньшіе расходы, какъ творимъ мы, ибо расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименьшаго монастыря» *).

Къ особенностямъ жизни русской церкви XVII в. можно отнести наплывъ въ нее инородцевъ и проникновеніе на сѣверъ западно-русскаго элемента. Эти пришлецы, въ особенности Греки—подъ видами митрополитовъ, архіереевъ и т. д. не малое разстройство приносили россійской іерархіи. Безъ всякихъ свидѣтельствъ о себѣ являясь въ Россію, Греки служили самовольно и посвящали въ разныя іерархическія степени. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы, прибывъ въ Москву или Малороссію, посредствомъ интригъ и обмановъ приобрѣсть себѣ имя и общественное значеніе. Такихъ выходцевъ особенно было много во время дѣла Никона. Они такъ заявили себя тогда, что царь счелъ даже нужнымъ спросить о нихъ патріарха константинопольскаго Діонисія, который отвѣтилъ, что всѣ пришлые Греки обманщики **).

Какъ же смотрѣлъ на это столь вредное въ русской церковной іерархіи явленіе Досіеѣй? Какъ строгій ревнитель православія, онъ желалъ видѣть въ русской іерархіи однихъ москвитянъ и москвитянъ природныхъ. Въ виду этого онъ настраивалъ, чтобы иностранцевъ, а равно воспитанниковъ латинскихъ школъ не посвящать не только въ архіереи или архимандриты, но даже и въ пресвитеры. Не жалуетъ онъ даже малороссовъ, ибо таковыя имѣютъ «растлѣнные нравы, и у нихъ не подобаетъ учиться православнымъ» ***). Особенно же Досіеѣй настаивалъ, чтобы не допускали иностранцевъ до высшихъ іерархическихъ мѣстъ. Вотъ что писалъ онъ (отъ 2 іюня 1702 г.) царю: «Аще придутъ отсюда или Сербы или Греки или отъ иного на-

*) Соловьевъ Ист. Рос. т. 15, стр. 428. **) Дѣло Никона, стр. 77. ***) Св. Дим., м. Рост., стр. 23—24.

рода, аще бы и были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное царствіе да никогда сотворить митрополитомъ или патріархомъ Грека, Серба или и Русянина (малоросса), но москвитянь и природныхъ москвитянь, аще и не мудрин, суть. Понеже патріархъ и митрополитъ, ежели добродѣтели суть и мудрин, веліе есть добро, аще ли и не суть мудрин, довлѣтъ добродѣтельнымъ быти и да имѣють мудрыхъ клириковъ....». Видя, что царь не внимааетъ ему, Досиөей не успокоивается. Въ 1703 г. онъ пишетъ Яворскому, что патріархомъ московскимъ долженъ быть природный русскій; а въ 1705 г. обращается къ Петру опять съ тоюже просьбой не ставить патріархомъ какого-нибудь пришлеца, а непременно москвича. Если патріархами будутъ иноязычни, како могутъ такое великое настоятельство устроить? И если патріархи изъ москвитянь сохраняли миръ и спокойствіе въ церкви, то чужестранцы принесутъ ей смущенія и колебанія. Наконецъ, разнесется дурная молва, что не осталось потребныхъ людей изъ москвитянь и возводятся потому странные на патріаршескій престоль, да еще какіе: одни изъ нихъ—Греки настоящіе мужики, а другіе—еретики *).

Несмотря однако на эти требованія, наплывъ иностранцевъ съ западнымъ образованіемъ и авторитетъ южно-русскихъ ученыхъ все больше и больше увеличивались. Этому способствовалъ самъ царь, желавшій на высшихъ іерархическихъ мѣстахъ видѣть дѣятелей просвѣщенныхъ. А противъ силы и твердой рѣшимости этого чловѣка что голосъ Досиөея могъ сдѣлать? Что же касается патріаршей кафедры, то Петръ, какъ извѣстно, сдѣлавъ Яворскаго мѣстоблюстителемъ ея, никого уже не думалъ ставить въ патріархи.

Давно недовольный московскими патріархами за расширение ими своей власти, Досиөей пользуется случаемъ,

*) Ст. Явор. Терновскаго, стр. 245.—Соловьевъ. Ист. Рос. т. 15, стр. 419—420. 427.

чтобы обратить вниманіе Петра на права и власть патріарха въ Россіи. Онъ положительно высказывается не въ пользу того положенія, какимъ пользуется со времени Филарета патріархъ въ Россіи. А потому настаиваетъ, чтобы московскій патріархъ «не писался господинъ и патріархъ, но токмобъ архіепископъ и патріархъ. Подбааетъ добродѣтели патріарха....., да будетъ патріархъ, а не царь самодержецъ....., да будетъ человекъ, который смотрѣлъ бы одну только церковь; пусть совсѣмъ онъ будетъ отлученъ отъ политическихъ дѣлъ». Но и въ своей области патріархъ не долженъ быть самопроизвольнымъ; въ управленіи дѣлами церкви онъ долженъ выслушивать мнѣнія епископовъ и пресвитеровъ. Нрава онъ долженъ быть тихаго, кроткаго и чуждаго гордости, дабы архіереи могли смѣло говорить предъ нимъ «церковная» *). Эти совѣты Досиоея были какъ разъ по духу Петра, стремившагося къ полной самостоятельности. Несмотря на то, что Адріанъ вовсе былъ не похожъ на Никона, говорить Знаменскій, грозная тѣнь этого властительнаго государя была постоянно въ глазахъ Петра. Досиоей, какъ нельзя лучше, придвинулъ эту тѣнь къ глазамъ царя.

ε. *Заботы Досиоея о поддержаніи православія въ Россіи.*

Досиоей былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ и поборниковъ православія. Вся его дѣятельность на востокѣ протекла въ постоянной борьбѣ за Церковь Христову. Стоитъ вспомнить одно только великое событіе—соборъ 1672 г., чтобы имя Досиоея сдѣлать неразлучнымъ съ именемъ борца за вѣру православную **).

*) Соловьевъ. Ист. Рос. т. 15, стр. 419 — 420. 427. Арх. Ю. Р. т. V, стр. 443. Ст. Яворск. Ф. А. Терновскаго, стр. 250. 251.

**) Однако нѣкоторые утверждаютъ, что Досиоей былъ поклонникъ папства. Къ этому подали поводъ постановленія Іерус. собора, казавшіяся для многихъ согласными съ ученіемъ Римской церкви. Нѣкто Аймонъ, одинъ изъ реформаторовъ, поэтому предмету говорить слѣдующее: „Находясь подъ вліяніемъ католиковъ, особенно

Такимъ же ревнителемъ православія заявилъ онъ себя и по отношенію къ единовѣрной Россіи, всячески стараясь защищать ее отъ вредныхъ вліяній извнѣ. Можно сказать, что вся многосторонняя дѣятельность Досиоея по отношенію къ Россіи преслѣдовала одну цѣль — поддержаніе въ ней православія. Вмѣшивается ли онъ въ дѣла политическія, заботится ли объ устроеніи дѣлъ церковныхъ, содѣйствуетъ ли поднятію просвѣщенія, всегда онъ пользуется случаемъ, чтобы напомнить о святости вѣры, чистотѣ единой православной церкви и ея неприкосновенности, чтобы предостеречь православныхъ отъ вліянія иновѣрцевъ и оболстительныхъ и ложныхъ ихъ проповѣдниковъ. *) Латинянь, кальвинистовъ и лютеранъ онъ

французскаго посла Нуантеля, Досиоей отдался совершенно во власть этой партіи. Опредѣленія Іерус. собора нельзя считать исповѣданіемъ православной греческой церкви. Изъ его актовъ видно, что пункты, въ которыхъ греческая церковь различается отъ римской, или совершенно пройдены молчаніемъ, или затронуты только чуть-чуть. И уже въ послѣдствіи изъ прежней угодливости латинянамъ Досиоей перешелъ въ рѣшительную оппозицію по отношенію къ нимъ“. (*Monumens authentiques de la religion des Graec. etc.* р. 447—450). Что же противъ этого сказать?—Что касается Іерус. собора, то дѣйствительно, относительно латинскихъ отступленій отъ греческой церкви сдѣланы только краткія замѣчанія. Но однако онъ нигдѣ не склоняется на сторону латинянь въ ихъ, напр., ученіи о исхожденіи св. Духа, главенствѣ папы, евхаристіи и т. д. Если же подробно не занимается онъ разсмотрѣніемъ католической догматики, то это, конечно, не потому, чтобы считалъ ее согласной съ православной, а потому, что главною его задачей были кальвинисты. Обвинитель оставилъ безъ вниманія ту принципъ подъ актами собора, которую сдѣлалъ своей рукой Досиоей. Въ ней онъ съ обличеніемъ и угрозами обращается вообще ко всему иновѣрному западу. Обвинитель обошелъ вниманіемъ жизнедѣятельность и ученые труды Досиоея, которые дышатъ самой сильной полемикой противъ католиковъ. Нуантель же вовсе не имѣлъ на него никакого вліянія; напротивъ, какъ мы знаемъ, съ нимъ онъ боролся и устоялъ противъ всѣхъ его козней. *) См. грамоты Досиоея: Арх. Югоз. Рос. т. V; Собр. зап. о. П. В. Туманскаго. Ч. X; Собр. гос. гр. и дог. ч. IV; Соловьевъ, т. 14. 15; Зап. Арх. Общ. т. 2.

внушалъ не только не слушаться, но даже не пускать въ предѣлы отечества, избѣгать съ ними всякихъ встрѣчъ, а книги ихъ жечь. «Нѣкіе изъ Литвы уніаты, діавольскіе органы, преобразившеса въ ангела свѣта, приходятъ, яко православные и лицемѣріемъ и сладкими своими словами прельщаютъ сердца простыхъ. О тѣхъ просимъ, писалъ онъ къ Θεодору Алексѣевичу, да не входятъ въ предѣлы вашего царствія...» *). Въ особенности южно-русскую церковь Досиѳей старался предохранять отъ вліянія іезуитовъ, этихъ антихристовъ и безбожниковъ **). Что же касается Грековъ, то и отъ нихъ предостерегалъ онъ Русскихъ, ибо и Греки въ западныхъ школахъ заражаются неправославіемъ, народъ греческій имѣетъ злыхъ людей. Поэтому Досиѳей совѣтуетъ осторожность въ отношеніи къ нимъ. Не всякаго Грека можно принимать и не всякому можно довѣряться. Необходимо всѣхъ пріѣзжихъ Грековъ подвергать самому строгому испытанію, чтобы узнать, «кіи суть истинные и кіи суть ложные»; первыхъ конечно оставлять, а послѣднихъ «епитимисать» и затѣмъ высылать изъ Россіи ***).

Изъ личностей того времени, которыхъ Досиѳей особенно считалъ вредными для православія, и отъ которыхъ предостерегалъ русскихъ, были: Стефанъ Яворскій, Лихуды и Паисій Лигаридь.

Досиѳей дѣйствительно имѣлъ нѣкоторое основаніе подозрительно смотрѣть на Яворскаго, ставшаго во главѣ русской церкви. Варлаамъ Ясинскій, взявъ Стефана подъ свое покровительство, далъ ему возможность окончить свое образованіе въ славившихся тогда галицкихъ и польскихъ училищахъ Лемберга и Познани. Такъ какъ іезуиты, бывшіе въ этихъ училищахъ учителями и главными руководителями, не иначе дозволяли православнымъ

*) Собр. гос. гр. и дог. ч. IV, стр. 420. **) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 16, 17. 23. 30. ***) Туманскій. Соб. Зап. П. Вел. т. X, стр. 112. 117. 118. 119. 122. Зап. Арх. общ. т. 2, стр. 604.

слушать въ нихъ лекціи, какъ подъ условіемъ перехода въ латинство, то это давало поводъ Досиоею, какъ и многимъ другимъ, видѣть въ личностяхъ, 'получившихъ подобное образованіе, измѣну православію и склонность къ латинству.

Не взирая на настоятельныя требованія Досиоея, Петръ, нуждавшійся въ просвѣщенныхъ людяхъ, давалъ доступъ до высшихъ іерархическихъ мѣстъ людямъ съ западнымъ образованіемъ. Еще при жизни патріарха Адріана онъ положилъ начало поставленію архіереевъ изъ малороссовъ, воспитанниковъ кіевскихъ, и первый выборъ его палъ на Стефана Яворскаго, которому въ послѣдствіи было ввѣрено управленіе русскою церковію. Досиоей остался этимъ весьма недоволенъ, ибо видѣлъ въ Яворскомъ образецъ самыхъ вредныхъ людей. Доказывая самому Стефану, что воспитанники заграничныхъ школъ, какъ зараженные латинствомъ, не должны стоять во главѣ російской іерархіи, Досиоей ищетъ примѣра и самый лучший находитъ въ лицѣ тогоже Стефана. «О семъ не надобно намъ другаго образца, довлѣетъ архіерейство твое, которое, отшедши къ латинскимъ градомъ для возвращенія мудрости и возвратившись принесть въ даръ воспитавшей и почтившей тя восточной церкви списанія полныя хулы». И вотъ, видя, что этотъ опасный челоѡкъ поднялся уже на ту ступень, которая у самого престола патріаршаго, Досиоей, думаетъ, какъ бы не допустить Яворскаго до патріаршей кафедры, съ каковою цѣлію и пишетъ (1702 г.) Петру Великому. Узнавъ о нерасположеніи къ себѣ Досиоея, митрополитъ Стефанъ счелъ нужнымъ писать къ нему оправдательное и примирительное письмо, въ которомъ заявляетъ свое глубокое усердіе и преданность православної церкви, несмотря на полученное имъ въ латинскихъ школахъ образованіе; говоритъ, что онъ ученикъ Варлаама митрополита кіевскаго и проч. Досиоей отвѣчалъ въ нояб. 1703 г. ему сурово-обличительнымъ письмомъ. «Давно бы, говоритъ онъ, слѣдовало

писать противъ тебя съ гнѣвомъ, тѣмъ болѣе, что и другіе имѣли неотмѣнное желаніе писать также противъ тебя, но доннѣ умолчахомъ; частію въ ожиданіи лучшихъ слуховъ о тебѣ, частію, чтобы не дать повода къ нареканію и злорадованію враговъ православной церкви». Затѣмъ онъ по пунктамъ разбираетъ письмо Яворскаго и противъ cadaго ставитъ возраженія и обличенія. «Пишетъ архіерейство твое, что ты поборникъ восточной церкви; но это несправедливо; потому что на нѣкоторой трапезѣ со многими прохладаяся, опорочилъ архіерейство твое восточную церковь... Пишешь, что хотя ты знаешь латинскій языкъ, но это не мѣшаетъ тебѣ быть поборникомъ восточныя церкви. Сіе есть истина, зане еже знати кому латинскій языкъ, то не худо, а наипаче пріятно, ибо многіе употребляютъ его для отрицанія латинскихъ басней...; архіерействожъ твое гсесмѣло въ разныхъ твоихъ сочиненіяхъ несешися противъ всея восточныя церкви въ латиномудрественномъ духѣ. Пишетъ архіерейство твое, что ты ученикъ преосвященнѣйшаго Варлаама; и буде сіе есть правда, надобно наипаче быти тебѣ ученику его и во образѣ вѣры, понеже онъ мудрствоваль и мудрствуетъ согласно съ преданіями отцовъ. А твое архіерейство ввель еси въ церковь отъ себя та, яже суть отвергнута и осуждена... И нынѣ токмо о латинскихъ школахъ стараешься, поставивъ учителей (въ московской академіи) по отношенію къ догматамъ строитивыхъ, такъ какъ отъ тебя они научились многому неправомыслію. Вопрошаемъ тя, брате, чего ради напечаталъ книгу противъ отеческихъ догматовъ *) безъ всякаго страха? Зачѣмъ опасаясь обличити тѣхъ (еретиковъ), которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ? До тебя церковь русская была мирна, а съ вступленіемъ твоимъ въ управленіе церковными дѣлами тотчасъ обна-

*) Разумѣеть вѣроятно „тезисы“ его, „противныя совершенію Евхаристіи и иныхъ нѣкихъ“.

ружились колебанія и смущенія. Ты не признаешься въ своихъ погрѣшеніяхъ и стоишь за православіе свое; но это только на словахъ, а на дѣлѣ совсѣмъ не то. Нужно дѣлами свидѣтельствовать, а не словесами церковную истину. И только подъ условіемъ дѣйствительнаго раскаянія ты будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій искренній. архіерей и превозлюбленнѣшій братъ» *).

Но и послѣ этихъ обличеній Досиоей не нашелъ въ Яворскомъ никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Поэтому онъ опять, уже предъ лицомъ императора, обличаетъ его въ отступленіи отъ православія. На этотъ разъ Яворскій является у него положительнымъ уже еретикомъ; далѣе Досиоей умоляетъ царя обратить серьезное вниманіе на этого еретика и лишить его архіер. сана **).

Досиоей такъ и умеръ съ гнѣвомъ противъ Яворскаго. Зато преемникъ Досиоея племянникъ его Хрисанъ, п. іерусалимскій, былъ въ мирѣ со Стефаномъ и прислалъ (въ 1715 г.) ему обширное, извѣстное намъ, сочиненіе своего дяди.

Оставляя на этотъ разъ Лихудовъ, такъ какъ судьба ихъ въ Россіи тѣсно связана съ исторіей просвѣщенія, о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ,—остановимся на Паисіѣ Лигаридѣ.

Въ то время, какъ дѣло Никона породило волненія въ русской церкви, къ еще большому несчастію прибылъ въ Россію бывшій митрополитъ газскій Паисій. Получивъ въ Римѣ образованіе, Лигаридъ искалъ, но безуспѣшно, счастья въ Италіи, въ Греціи, потомъ перешелъ въ Унговалахію, былъ учителемъ въ Яссахъ и тамъ сблизился съ патриарх. іер. Паисіемъ. вмѣстѣ отправился онъ въ іерусалимъ и принялъ отъ него постриженіе. Спустя нѣсколько лѣтъ, монахъ Паисій былъ уже митрополитомъ Газы палестинской. Узнавъ о нехорошемъ поведеніи Паисія, патриархъ іер. Нектарій лишилъ его газской каѳедры. Остав-

*) Стер. Явор. Ф. Терновскаго, стр. 246 — 252. **) Соловьевъ. Ист. Рос. т. 15, стр. 426—427.

шись безъ мѣста, онъ опять началъ гоняться за счастьемъ и, нигдѣ не найдя его, обратилъ взоръ свой на Россію, гдѣ въ то время господствовали волненія по дѣлу Никона. Въ 1166 г. явился онъ въ Москву. Царь и Никонъ были рады этому пріѣзду и надѣялись первый, что Паисій, какъ знатокъ церковныхъ правилъ, распутаетъ ему трудное дѣло, а послѣдній, что онъ явится его защитникомъ. Но расчетъ того и другаго оказался напраснымъ. Дѣло въ томъ, что Паисій дѣйствовалъ не по требованію закона и правды, а по самолюбивымъ побужденія. Правда, онъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ грековъ своего времени; но въ тоже время это былъ и самый хитрый, льстивый, проницательный и корыстолюбивый грекъ. Такія качества давали ему возможность принаравливаться ко всякому образу мыслей и являться на той сторонѣ, гдѣ сила и выгода. Въ обществѣ православныхъ онъ умѣлъ казаться православнымъ, а въ средѣ латинянъ держалъ себя какъ настоящій папистъ. Понятно, что, прибывши въ Россію, исключительно съ корыстною цѣлію, онъ долженъ былъ примкнуть къ той партіи, которая отвѣчала его вкусу. Такой партіей была конечно та, на сторонѣ которой стоялъ самъ царь; и Паисій Лигаридъ явился ея душой.

Но этотъ человекъ, которому довѣрился царь и всѣ враги Никона, встрѣтилъ осужденіе со стороны восточныхъ патріарховъ—Нектарія и его преемника Досіеоя. Умоляя царя возстановить Никона, Нектарій просилъ его (1664 г.) неслушать навѣтовъ людей, только нарушающихъ покой церкви *). Главнымъ образомъ онъ имѣлъ въ виду Паисія Лигарида. А въ 1668 г. онъ пишетъ царю, что «Лигаридъ отнюдь не митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь... Онъ съ православными православенъ, а латины называютъ его своимъ **). Но

*) Дѣло Никона, стр. 80—81. **) Зап. Арх. Общ. т. 2, стр. 602.—Соловьевъ. Ист. Рос. т. 12, стр. 260—261.

видить, что авторитетъ Лигарида не страдаетъ, и царь еще большее оказываетъ ему вниманіе.

Нектарій дѣйствовалъ такъ подъ вліяніемъ Досиоея, что видно изъ письма послѣдняго къ Алексѣю Михайловичу. Вступивъ самъ на іерусалимскій престолъ, Досиоей еще съ большою ревностію возсталъ противъ Лигарида. Въ то время какъ Лигаридъ занималъ кафедру въ Ясскомъ училищѣ, Досиоей еще тогда сблизился съ нимъ; потомъ, находясь постоянно при патриархѣ Паисіѣ, онъ еще болѣе сошелся съ нимъ въ Іерусалимѣ. Въ послѣдствіи онъ имѣлъ подъ руками и Исторію Лигарида, когда трудился надъ своимъ произведеніемъ, благодаря чему знакомство его съ духомъ и образомъ мыслей Паисія тѣмъ болѣе расширилось. Что послѣдній питалъ привязанность къ католицизму, это было убѣжденіемъ Досиоея, о чемъ онъ говорил и въ своей Исторіи *). Преслѣдуя подобныхъ людей, какъ вредныхъ для православія, Досиоей не могъ быть покойнымъ при видѣ, что Паисій пріобрѣлъ такую извѣстность въ Россіи. Царь хлопоталъ предъ Досиоеемъ, чтобы онъ снялъ съ Паисія проклятiе и запрещеніе. Какъ видно, онъ оправдывалъ Паисія, какъ необходимаго ему человѣка. Сильно кипѣла гнѣвомъ душа Досиоея противъ еретика, но нечего было дѣлать: царскую волю нужно было исполнить. Но прежде чѣмъ послать разрѣшительную грамоту, Досиоей въ письмѣ (въ 1669 г.) къ Алексѣю Михайловичу изливаетъ свое недовольство и гнѣвъ. «Царь, говоритъ Досиоей, исполнить волю твою я готовъ; знай только, что ты хлопочешь за великаго преступника. Онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія и великія вины и согрѣшенія. Объ этомъ писалъ тебѣ мой предшественникъ; но кажется, ты ему не повѣрилъ. Напрасно. Съ увѣренностію глаголемъ, что Кирь Нектарій патриархъ не таковъ, чтобы только писати или говорить, но таковъ онъ есть въ правдѣ....». Досиоей приписывалъ Паисію многія преступленія. Но главныя ви-

* Вѣдл. XI, кѣф. XI, пар. 7.

ны его тѣ, что онъ еретикъ и ведетъ переписку съ еретиками подобными себѣ. А «если хочешь знать, говорить Досиѳею, что онъ пишетъ къ своимъ друзьямъ; изволь принять одну его грамоту, вычешь и выразишь, какъ онъ патріарха своего хулитъ и бранитъ; за это одно ему должно было отпущену быть отъ архіерейскаго достоинства». Не понравилось Досиѳею и то, что Лигаридъ не просилъ его самъ о прощениі. «Ты пишешь къ намъ, но слѣдовало бы и ему писати, что есть праведно молити и просити.... вмѣсто того, чтобы смириться и молить о милости, онъ насъ бранитъ и называетъ мертвдушными и нечестивыми и отца нашего Нектарія называетъ безумнымъ.... и иные многіе неподобныя, хульныя..... слова...». Лигаридъ просилъ ходатайства за себя у Логоѳета Константинопольск. церкви Константина, а Логоѳеть послалъ его письмо Досиѳею. Досиѳею написалъ на этомъ письмѣ слѣдующія, полная гнѣва, строки: «Еслибы не было святаго ходатайства царева, то узналъ бы ты (Паисій), кто мертвдушень и бѣденъ, тотъ ли, кто 15 лѣтъ какъ оставилъ паству безъ пастыря, или тотъ, кто полагаетъ душу свою за овцы? Исполнилась на тебѣ басня Езопова: козелъ бранитъ волка съ высокаго мѣста: ты самъ по себѣ не великъ и глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь—царскій дворъ. Уцѣломудрись хоть теперь» *).

Въ октябрѣ 1669 г. Досиѳею послалъ Алексѣю Михайловичу и разрѣшительную грамоту о газскомъ митрополитѣ, въ которой сказано, что Паисій Лигаридъ «прощенъ (только) для любви тишайшаго и самодержавнаго царя Алексѣя Михайловича» **).

Но, несмотря на разрѣшеніе Паисія, авторитетъ его вскорѣ падаетъ и довѣріе къ нему царя подрывается. Остальные дни его жизни были печальные, такъ что онъ жаловался, что умираетъ отъ голода и жажды и просьбы

*) Зап. Р. Арх. Общ. т. 2, стр. 600—606.—Соловьевъ Ист. Рос. т. 12, стр. 260—261. **) Зап. Р. Арх. Общ. т. 2, стр. 606—607.

его на смѣхъ пересылаются изъ одного приказа въ другой *). Мѣстомъ его смерти былъ Кіевъ, ибо Досиоей писалъ (въ іюлѣ 1679 г.) Іоакиму: «Гавскій епископъ Паисій умеръ въ Кіевѣ, и будите вѣдоми, что онъ хотя былъ и подъ запрещеніемъ, однакоже былъ подъ Іерусалимомъ; и для того, что осталось у него: книги, деньги и иное что, молимъ васъ, чтобы приказали тѣмъ, что завладѣли этимъ, чтобъ они посылали бережно въ Яссы.....» **).

Если Досиоей не успѣлъ остановить наплывъ въ Россію иностранцевъ Запада, то относительно грековъ его усилія увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Мы видимъ, дѣйствительно, что нерасположенность къ нимъ, проявлявшаяся еще въ давнія времена, въ эту пору особенно увеличилась. Уступая именно требованію Досиоея, патріархъ Адріанъ собираетъ свѣдѣнія о грехѣ Акакіѣ и отсылаетъ его въ дальній монастырь ***). «О прекращеніи безчинствъ, писалъ Адріанъ къ гетману Мазепѣ, какія дѣлають скитающіися безмѣстніи архіереи, писалъ святѣйшій киръ Досиоей патріархъ Іерусалимскій....» ****). Письмо (отъ 7 ф. 1695 г.) Варлаама Ясинскаго, содержащее отвѣтъ на вопросъ патріарха о странствующихъ греческихъ архіереяхъ, показываетъ, что митрополитъ дѣятельно старался объ искорененіи господствовавшаго зла, и что греческіе выходцы не имѣли уже той свободы и не пользовались въ глазахъ малороссовъ прежнимъ авторитетомъ †).

Въ заключеніе этого отдѣла, для характеристики отношеній Досиоея къ русской церкви, приведемъ его званіе къ русскимъ, полное самаго искренняго и глубокаго сочувствія къ единовѣрной церкви. Патріархъ обращается къ пастырямъ, царю, разнымъ возрастамъ и наконецъ ко всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ, умоляя ихъ заботливо охранять благосостояніе церкви и

*) Соловьевъ. Ист. Рос. т. 12, стр. 262. **) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 440. ***) Приб. къ Тв. Св. От. 1852, 2, 89. ****) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 409—410. †) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 411.

твердо держаться православной вѣры. «Первосвященницы! пасите стадо, въ немъже васъ Духъ Святыи поставилъ блюстителями, храните преданія, утѣшайте малодушныя, наказуйте неисправленныя, заступайте немощныя. Священницы! подвизайтесь о правдѣ даже до смерти, не боящися убивающихъ тѣло, но—того, иже власть имѣетъ во вѣрещи въ геенну. Преподобнѣйшіе иноцы! умертвивше уды ваша на земли, подобницы бывайте подвигамъ святыхъ и подвизайтесь о правдѣ въ терпѣніи..., яко да язвы Христовы въ тѣлѣ вашемъ воистину носяще, примете царствіе и вѣнецъ благодати.—Князи! не бойтесь благонаслажденія Господа ради, да обогатитесь въ церкви первородныхъ написанныхъ на небесѣхъ. Старцы! иже благочестную вѣру отъ родителей вашихъ пріяте, давайте цѣлую чадамъ вашимъ. Юноши! не уможь, но злобою младенчествуйте, уподобляйтесь тріемъ отрокамъ, и не бойтесь огня прещенія, да ороситесь въ царство Христово.—Братіе! искушеніе васъ постиже человѣческое; вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искушатися паче нежели можете (разумѣеть унію). Иже бо намъ помогаая въ толицѣхъ лѣтѣхъ, подасть и вамъ отъ небесъ помощь и посѣщеніе» *).

И. Матченко.

*) Арх. Югоз. Рос. т. V, стр. 31—32.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХЪ КЪ ПОДЧИНЕННЫМЪ.

СЛОВО НА СЯТИТЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

„Знаю моя и знаютъ мя моя.“
(Іоан. 10, 14).

Это трогательное выраженіе взаимнаго довѣрія заимствовано изъ прекрасной притчи о добромъ пастырѣ и овцахъ, которую церковь предлагаетъ нынѣ въ честь добраго пастыря, коего память мы нынѣ совершаемъ, который былъ для своей паствы правиломъ вѣры, образомъ кротости и учителемъ воздержанія. При этомъ мнѣ приходятъ на память прекрасныя изображенія добраго пастыря, часто встрѣчающіяся на памятникахъ древней церкви. Добрый пастырь былъ любимый ея образъ и она представляла его въ разныхъ положеніяхъ. Вотъ онъ звукомъ свирѣли созываетъ овецъ, и онѣ весело бѣгутъ къ нему и съ довѣрчивостію вокругъ него тѣснятся. Вотъ овцы уже на пажити: онѣ безопасно разбрелись, — потому что знаютъ, что надъ ними бдитъ заботливое око добраго пастыря. То представляется онъ идущимъ среди дебрей и горъ; онъ искалъ заблуждшую овцу; онъ нашелъ ее и теперь несетъ на плечахъ. Во всей его фигурѣ замѣтно утомленіе, но взоръ его выражаетъ радость, и онъ по временамъ бросаетъ любящій взоръ на свое бремя. А между тѣмъ остальные овцы, столпившись, устремили тревожные взгляды вдаль: онѣ ждутъ возвращенія своего добраго пастыря. Наконецъ онъ опять въ кругу своихъ овецъ; онъ нѣжно ласкаетъ только-что найденную овечку; прочія смотрятъ на эти ласки безъ зависти: онѣ знаютъ

своего пастыря такъже, какъ и онъ знаетъ ихъ. *Азъ знаю моя и знаютъ мя моя.*

Таковъ прекрасный образъ добраго пастыря древней церкви. Онъ наводитъ меня на мысль поговорить съ вами, братіе, объ отношеніяхъ начальствующихъ къ подчиненнымъ. Кто изъ насъ не имѣетъ у себя какихъ-нибудь подчиненныхъ, если не постороннихъ, то естественныхъ, присныхъ, напр. жены и дѣтей? Кому, слѣдовательно, можетъ быть чуждъ вопросъ объ этихъ отношеніяхъ? А какъ важны для нашего благосостоянія эти отношенія, это мы знаемъ по опыту, и по опыту, къ сожалѣнію, не рѣдко очень горькому, потому что эти отношенія очень часто бывають весьма неудовлетворительны. Подвластные жалуются на своихъ начальствующихъ; еще чаще послѣдніе жалуются на первыхъ; хозяева жалуются на лѣность, нерадѣніе, недобросовѣстность, дурное поведеніе прислуги и рабочихъ; начальники и родители—на непокорность, даже дерзости подчиненныхъ и дѣтей. Взаимное недоброжелательство и вражда раздѣляютъ эти два класса, поставленные въ такія тѣсныя отношенія другъ къ другу, и оттого оба страдаютъ. Кто виноватъ? Власть имущіе обвиняють, разумѣется, подвластныхъ: народъ, говорятъ, сталъ очень дуренъ. Это, можетъ быть, и правда; но тѣмъ не менѣе это оправданіе неудобно: оно обоюдоострое оружіе. Народъ дуренъ, а мы-то развѣ не принадлежимъ къ народу? Такъ, прежде чѣмъ высматривать сучки въ глазахъ подчиненныхъ, обратимъ испытующій взоръ на себя, не найдемъ ли въ нашихъ глазахъ бревна. Какъ бы то ни было, дѣло собственно не въ томъ, чтобы оправдать себя и обвинить другаго, а въ томъ чтобы улучшить наши отношенія къ подвластнымъ, отношенія, отъ которыхъ мы такъ страдаемъ. Итакъ поищемъ средствъ улучшить эти отношенія. Для этого я расскажу вамъ, каковы были эти отношенія въ очень недавнее время, именно во времена покойнаго крѣпостнаго права и стараго суда. Здѣсь можетъ быть откроются причины зла, отъ котораго стра-

даемъ мы, т.-е. что, какъ говоритъ пророкъ, отцы наши ѣли кислое, а у насъ оскомина. А причины зла укажутъ на средства противъ него.

Въ это несчастное время власть имущіе искренно были убѣждены, что творческое благословіе: *наполняйте землю и обладайте ею* — относится исключительно къ нимъ, власть имѣющимъ; что же касается до подвластныхъ, то-есть до всего остальнаго человѣчества, къ которому они, власть имѣющіе, относятся какъ одинъ къ тысячѣ, то все это человѣчество обречено, наравнѣ со скотами полевыми, работать на нихъ, обладателей міра Божія. Отсюда само собою уже слѣдовало, что всѣ возможныя и даже невозможныя права принадлежать исключительно имъ, владыкамъ міра, а остальное человѣчество не имѣетъ никакихъ правъ, кромѣ одного—работать на нихъ какъ машина, то-есть не имѣя права даже уставать, работать безъ устали, пока не испортится машина и не будетъ брошена какъ ни на что не годная, — разоряться для нихъ и умирать для нихъ и за нихъ. Поэтому, они, владыки міра, не имѣютъ никакихъ обязанностей и для нихъ не писанъ никакой законъ,—законы, разумѣется, писаны для ихъ подвластныхъ; собственно даже и не нужно бы никакихъ законовъ, потому что они, владыки міра, естественно суть живые законы; и потому ничѣмъ нельзя было столько оскорбить властителя, какъ напоминаніемъ ему о законѣ и обязанностяхъ; если такую дерзость позволялъ себѣ подвластный, то не было предѣловъ гнѣву оскорбленнаго владыки; тогда раздавался его грозный голосъ: «молчать! я тебѣ законъ!»

Судите сами, братіе, могли ли подвластные уважать законы и обязанности, если ихъ властители не хотѣли знать никакихъ законовъ и обязанностей? Какія горькія чувства озлобленія и ненависти должны были кипать въ ихъ сердцахъ! Съ какимъ отвращеніемъ должны были они тянуть свою тяжелую лямку! Вотъ, братіе, та кислятина, которую ѣли отцы наши и отъ которой у насъ оскомина.

Вотъ откуда произошло и безпутство, и лѣдность, и нерадѣніе, и недобросовѣстность, и неуваженіе къ долгу и закону, всѣ тѣ пороки простаго народа, отъ которыхъ мы теперь страдаемъ. Крѣпостное право, благодареніе Богу, рушилось, судъ теперь болѣе правый, произволь и деспотизмъ обуздываются болѣе сильнымъ закономъ; однимъ словомъ, весь строй жизни измѣнился къ лучшему; но нравы не такъ скоро измѣняются, не такъ скоро, какъ учрежденія. Какъ помочь злу? Какія средства нужны для того, чтобы уничтожить эти слѣды стараго порядка? Какое лекарство отъ этой оскомины? У владыкъ стараго закала было одно лекарство—наказаніе: розга, палка, кнутъ—смотря по вкусу владыки—считались всемогущими медикаментами; если медикаментъ не помогалъ, то отнюдь не возникало сомнѣнія въ его дѣлительной силѣ, а считалось только нужнымъ усилить пріемъ,—и усиливались пріемы до ужасающихъ размѣровъ! Но увы! Какъ ни усиливали пріемы, а дѣла не поправлялись; случалось зачастую, больной умиралъ подъ розгой или бичемъ, а народъ все не удовлетворялъ вкусу своихъ владыкъ,—напротивъ, падалъ все ниже. Одни, запуганные, забитые теряли всякую нравственную силу и энергію, погружались въ глубокую апатію, проникались отвращеніемъ ко всякому труду и дѣлали дѣла только изъ-подъ палки; а извѣстно, что всякое дѣло идетъ успѣшно только тогда, когда дѣлается по свободному произволенію, усердно и съ энергіей. Мало того, забитые люди утрачивали даже умственные способности и становились почти идіотами. Однимъ словомъ, забитые люди превращались, что называется, въ тряпку, ни на что негодную. Другіе, одаренные болѣе энергическимъ характеромъ, проникались глубокимъ озлобленіемъ и ненавистію къ своимъ утѣснителямъ. Тайно мстили имъ, къ чему озлобленный человѣкъ всегда найдетъ тысячу случаевъ, а по временамъ даже открыто возмущались, и тогда владыкамъ приходилось дорого расплачиваться; таковы были бунты Стеньки Разина, Пугачева и дру-

гіе. Эти потрясенія всего государственнаго тѣла, въ самомъ основаніи, послѣ реформъ настоящаго царствованія, кажется, невозможны болѣе; но, помилуй Богъ, не осталось ли намъ отъ нашихъ отцевъ въ наслѣдство нѣчто худшее: въ газетахъ то и дѣло раздаются сѣтованія на то, что самыя благотворныя начинанія не приносятъ надлежащихъ плодовъ, даже погибаютъ въ самомъ рожденіи, какъ недоноски, по милости нашей апатіи, равнодушія къ общему дѣлу, недобросовѣстности, мелочнаго эгоизма и своекорыстія и неуваженія къ закону. Мыслящіе люди боятся, не превратились ли всѣ мы въ тряпку. Вотъ зло, которое ужаснѣе всякихъ бунтовъ и революцій, потому что бунты и революціи свидѣтельствуютъ только о болѣзненномъ направленіи живыхъ силъ въ народѣ, и значитъ есть еще надежда на исцѣленіе; но апатія, равнодушіе къ общему дѣлу и мелочное своекорыстіе—это признаки изсякнувшей жизни, нравственной смерти. Будемъ надѣяться, что наше положеніе еще не безнадежно.

Итакъ, мѣры насильственныя оказались не только бесполезны, но даже совершенно гибельны. Матеріальная сила дѣйствительна только въ отношеніи къ мертвому матеріалу, а не къ живому организму, а тѣмъ менѣе къ свободному духу. Нужно слѣдовательно поискать другихъ, нравственныхъ средствъ, болѣе соотвѣтствующихъ свободной природѣ души, и установить свои отношенія къ подчиненнымъ на нравственныхъ началахъ. Такія отношенія указываетъ намъ добрый пастырь. Отчего овцы слушаются гласа добраго пастыря и охотно, съ радостью слѣдуютъ за нимъ? Оттого ли, что онъ прибѣгаетъ къ строгимъ наказаніямъ? Напротивъ, въ его отношеніяхъ къ овцамъ не было и слѣдовъ строгости; вся тайна въ любви: любовь—единственная сила, движущая стадо. Отсюда послушаніе, отсюда усердіе, отсюда довѣренность и преданность овецъ своему пастырю; овцы знаютъ, что ихъ добрый пастырь готовъ положить за нихъ свою душу и

сами въ свою очередь готовы положить свои души за него. *Азъ знаю моя и знаютъ мя моя*, говорить добрый пастырь. Если и встрѣчаются въ его стадѣ непокорныя овцы, то это тѣ, которыя уже были испорчены прежде лжепастырями наемниками; онѣ *не суть отъ овецъ его*.

Посмотрите на благоустроенную семью, въ которой всѣ отношенія опредѣляются любовью. Отчего въ такой семьѣ неизвѣстна непокорность, напротивъ, все дѣлается охотно, живо, скоро и хорошо, такъ что не видится никакой надобности въ строгости? Отчего дѣти не считаютъ для себя оскорбленіемъ исполнять волю не только родителей, но и братьевъ? Оттого, что тамъ всѣ отношенія опредѣляются взаимною любовью и довѣріемъ. Тамъ ничего не требуется несправедливаго, ничего не повелѣвается изъ желанія показать свою власть; оттого тамъ и исполняется все охотно: братъ напримѣръ говоритъ другому, чтобы тотъ сходилъ куда для него, принеси, сдѣлай,—и тотъ идетъ, приноситъ, дѣлаетъ, нисколько не думая оскорбляться повелѣніемъ. Тамъ нѣтъ, можно сказать, ни властителей, ни подвластныхъ, ни высшихъ, ни низшихъ: тамъ только братья, да родители съ дѣтьми, а родители болѣе служатъ дѣтямъ, чѣмъ дѣти родителямъ. Родители живутъ для дѣтей и приносятъ въ жертву и состояніе, и покой и самую жизнь; за то и дѣти стануть стѣной вокругъ родителей и прольютъ за нихъ кровь свою. Скажите, можетъ ли сдѣлать это матеріальная сила и строгость?

Разскажу вамъ одинъ поразительный случай, изъ котораго вы увидите, что значить нравственная сила. Близъ одного городка стоялъ на берегу рѣки укрѣпленный замокъ, служившій острогомъ. Комендантъ обращался очень гуманно съ узниками: онъ не только не показывалъ къ нимъ презрѣнія, но не считалъ даже неумѣстнымъ относиться съ уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству, всегда показывалъ живое участіе къ ихъ горькой судьбѣ и не только не обращался съ ними жестоко, не только

не наживался на счетъ ихъ, а еще сколько могъ облегчалъ ихъ участь. И узники любили своего коменданта. Однажды разбушевалась рѣка, протекавшая подъ стѣнами замка, и грозила городу опустошеніемъ. Что же сдѣлалъ комендантъ? Онъ собралъ острожниковъ, объяснилъ положеніе и предложилъ спасти городъ, но прибавилъ: «вамъ нужно будетъ отчаянно бороться съ разсвирѣпѣвшей рѣкой, съ опасностію жизни; а между тѣмъ предупреждаю васъ, вы не должны ждать никакой награды и должны дать мнѣ слово возвратиться въ замокъ». Они дали слово, пошли, одолѣли раздраженную стихію, спасли городъ и всѣ до одинаго возвратились въ острогъ. Такова сила любви даже надъ испорченными сердцами. И это совершенно естественно: къ этимъ несчастнымъ никто никогда не относился съ любовію и уваженіемъ; комендантъ былъ первый человѣкъ, который обращался съ ними по-человѣчески, первый человѣкъ, воззавшій къ благородству ихъ человѣческой природы и довѣрившійся имъ, и благородство человѣческой природы, никогда не умирающее въ человѣкѣ, отозвалось на этотъ кличъ; они совершили геройскій подвигъ, не требуя никакой награды; можно думать, что даже и не желали ея въ эту минуту, напротивъ, были еще благодарны за то, что имъ дали возможность доказать, что и они люди, что и имъ можно довѣрять; они понесутъ голову на плаху и воспоминаніе объ этой великой минутѣ усладитъ ужасныя минуты казни.

Довѣрьтесь же, братіе, благородству человѣческой природы; уважайте въ вашихъ подчиненныхъ человѣческое достоинство; оказывайте имъ правду и уравниеніе, не ту подъяческую правду, съ которой можно разорить и уморить человѣка самымъ законнымъ образомъ, а правду Божію, которая начертана въ Евангеліи и въ сердцѣ каждаго человѣка, правду любви христіанской. Мы всѣ братія во Христѣ: да царствуетъ же между нами братская любовь. Эта любовь особенно необходима въ семейныхъ отношеніяхъ. Здѣсь отношенія слишкомъ близки, и

поэтому безъ любви столкновения, оскорбленія, обиды, становятся ежеминутны, неизбѣжны, притѣсненія невыносимы, жизнь дѣлается адомъ. А между тѣмъ никакое посредничество невозможно и никакой законъ не въ силахъ охранить и защитить угнетенную сторону: онъ можетъ, да и то рѣдко, только случайно открыть однѣ грубыя, явныя несправедливости; мелкія же, составляющія по своей многочисленности мученіе жизни, для него неуловимы. Самые же несчастные большею частію и самые беззащитные члены семьи—это дѣти. Въ первые годы жизни они не могутъ не только жаловаться, но даже объяснить, даже сами понять своихъ страданій; а между тѣмъ они страдаютъ обыкновенно несравненно болѣе взрослыхъ, какъ по своей слабости и нѣжности, такъ и потому что ихъ потребности во многомъ отличны отъ потребностей взрослыхъ. Оттого взрослые, не понимая этихъ потребностей, часто считаютъ за капризь, за непокорность, за испорченность то, что есть самая законная потребность, даже похвальное качество, и—стараясь подавить эту потребность, искажаютъ природу дѣтей и душатъ ихъ съ самою благонамѣренною цѣлью. Этотъ предметъ столь важенъ, что требуетъ особеннаго, обстоятельнаго разсмотрѣнія; здѣсь же я укажу на одинъ случай, самый обыкновенный. Многіе родители, не понимая того, что кровь дѣтей гораздо горячѣ ихней, и потому движется гораздо быстрѣе, смотрятъ на ихъ потребность поиграть, пошумѣть, порѣзвиться, какъ на шалость, которую нужно подавлять, не жалѣютъ строгости, чтобы подавить эту склонность, и приходятъ въ восторгъ, когда бранью, пинками и розгами вышколятъ ихъ такъ, что дѣти становятся степенными стариками, не подозрѣвая того, что этимъ они изуродовали дѣтей и убили ихъ живыя силы. Невозможно перечислить всѣхъ случаевъ такихъ губельныхъ недоразумѣній; но чтобы хотя сколько нибудь предохранить отъ нихъ, я скажу родителямъ только одно: не забывайте, родители, того, что вы сами

были нѣкогда дѣтьми, и относитесь къ дѣтямъ съ сни-
схожденіемъ, хотя и безъ поблажки.

И вообще въ отношеніи ко всѣмъ подвластнымъ власть
имущіе да не забываютъ великаго закона, предписаннаго
властямъ: *болій въ васъ да будетъ всѣмъ слуга и всѣмъ
рабъ.* Аминь.

Д. Державинъ.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ЕДИНЕНІИ.

„И будетъ едино стадо и единъ
Пастырь“.

Эти слова дышатъ чѣмъ-то необыкновенно свѣтлымъ и
отраднымъ; но должно сознаться, что мы утратили ихъ
глубокій смыслъ. *И будетъ едино стадо и единъ Па-
стырь*,—это конечная, высшая цѣль христіанской церк-
ви—соединить всѣхъ воедино, да будетъ все едино.

Что такое человѣкъ? Есть ли онъ только самостоя-
тельное, отдѣльное существо, только случайными, искус-
ственными узами соединенное съ другими? Посмотримъ.

Я, напримѣръ, веду хорошую жизнь, сохраняю тѣмъ
свое здоровье, устраиваю свое благосостояніе и приобрь-
таю добрую славу: мои дѣти становятся наслѣдниками
моего здоровья, благосостоянія и доброй славы. И на-
оборотъ, дѣти мои становятся наслѣдниками моихъ бо-
лѣзней, бѣдности и позора, которыя я приобрьлъ дурною
жизнію. Итакъ, человѣкъ не совсѣмъ отдѣльное, незави-
симое существо; онъ принадлежитъ семьѣ и есть ея
членъ. Перейдемъ за предѣлы семьи. Человѣкъ живетъ въ
обществѣ: случайно ли онъ связанъ съ другими, живу-
щими въ томъ же обществѣ? Есть ли общество собраніе
семействъ, только искусственно связанныхъ между собою?
Посмотримъ. Положимъ, какой-нибудь классъ общества
угнетенъ, страдаетъ; это непременно вноситъ разстройство

и въ другіе классы, всѣмъ становится неловко; однимъ словомъ, общество больно; значить и общество, такъ же какъ и семья, есть одно цѣлое, есть одна большая семья, въ которой отдѣльныя лица и семьи суть члены. Но сдѣлаемъ послѣдній шагъ. Что такое народы? Это, кажется, ужь точно единицы совершенно отдѣльныя, входяція иногда между собою только въ случайную связь. Посмотримъ. Тамъ, гдѣ-то въ Индіи, въ отдаленной странѣ, до которой намъ нѣтъ никакого дѣла, начинается холера—тамъ ея родина,—начинается отъ общественнаго неустройства, отъ голода, нищеты,—это главная причина большей части болѣзней; что же? Страшная болѣзнь не остается въ предѣлахъ своей родины, переходитъ въ другія сосѣднія страны, идетъ далѣе, проникаетъ въ самыя благоустроенныя государства, несмотря ни на какіе карантинныя доходить до насъ. Такимъ образомъ всѣ народы находятся въ тѣсной связи, какъ одна огромная семья. И одни ли тѣ народы, которые живутъ въ одно время? Нѣтъ, потомки становятся наслѣдниками того достоянія, которое приготовили предки, точно также какъ это бываетъ въ отдѣльной семьѣ, въ отдѣльномъ родѣ; всѣ поколѣнія древнія и новыя и самыя отдаленныя грядущія, все человѣчество составляютъ одно необъятное цѣлое, одну семью. Это одно огромное дерево, въ которомъ всѣ вѣточки и листья составляютъ одно цѣлое и послѣдніе, нынѣшнею весной распустившіеся листья суть прямыя наслѣдники той жизненной силы, которую нѣсколько столѣтій назадъ дало первому ростку сѣмя, брошенное въ землю. Таковъ всеобщій законъ природы: каждое созданіе, по плану Творца, должно производить потомство по роду своему не исключая и человѣка. Человѣчество должно было, по плану Творца, наслѣдовать отъ своего прародителя—Адама его совершенства, его безсмертіе, блаженство; все человѣчество, какъ одно великое цѣлое, должно было жить божественною силою, почерпаемою изъ единенія съ Творцомъ. Но человѣку угодно было жить самостоятельно, безъ

Бога. Оторвавшись отъ источника жизни—Бога, человѣкъ неизбежно утратилъ жизненные силы и внесъ разстройство въ свою духовную и тѣлесную природу: отсюда удобопреклонность ко грѣху, болѣзни, смерть и всѣ бѣдствія, которыя родъ человѣческой наслѣдоваль отъ своего прародителя. Начались раздѣленія. Люди раздѣлились на разные народы, народы на сословія, сословія на кучки по богатству, знатности, занятіямъ; раздѣленіе дошло до крайнихъ предѣловъ и проникло даже въ семейство. Но зло еще не здѣсь; хуже всего то, что раздѣленіе сопровождалось раздоромъ, враждою. *Возсталъ языкъ на языкъ и царство на царство*, началась борьба сословій; даже въ одномъ и томъ же сословіи кружки, увлекаемые духомъ соперничества и вражды, вступили въ ожесточенную борьбу. Любовь,—основаніе единства и гармоніи, до того изсякла, что раздѣленіе и вражда разъединили то, что связано неразрывными узами природы: возсталъ братъ на брата, отецъ на дѣтей и дѣти на отца. Такъ-то родъ человѣческой идетъ вопреки своей природѣ и, составляя единое цѣлое, ищетъ раздѣленія. Жизнь народовъ и обществъ основана на законѣ борьбы, что совершенно противно самому понятію общества. Каждый самъ по себѣ и самъ для себя. Понятно, что при такомъ противоестественномъ порядкѣ вещей люди не могутъ быть счастливы. Не говорю объ угнетенныхъ, но спросите самихъ угнетающихъ: счастливы ли они? Всѣмъ живетъ какъ-то неловко, тяжело. Вышніе классы жалуются на низшіе и не напрасно: недостаетъ, говорятъ, въ нихъ доброжелательства и добросовѣстности; руки дурно работаютъ. Все это правда. Но подумали ли о томъ: отчего это? Не оттого ли руки дурны, что голова не совсѣмъ хороша? Не оттого ли руки отчуждаются отъ головы, недоброжелательны къ ней, что она сама далека отъ нихъ, стало слишкомъ высока, и мало думаетъ объ нихъ?.... Видимо, ничто не клеится, все лѣзетъ врозь; администрація и полиція едва-едва успѣваетъ кой-какъ

склеивать машину; но не надо забывать, что и это жалкое склеиваніе будетъ удаваться только дотолѣ, пока раздѣленіе и раздоръ не дошли до послѣднихъ предѣловъ. Когда это совершится и изсякнетъ послѣдняя капля любви, общество должно погибнуть: такъ погибали великія государства.

Сынъ Божій затѣмъ и приходилъ въ міръ, чтобы *возглавити всяческая*: чтобы возстановить разрушенное единство, создать изъ рода человѣческаго единое тѣло и содѣлаться его главою. Церковь, составляющая Его тѣло, старается собрать всѣхъ воедино: она проповѣдуетъ *едину вѣру, едино крещеніе, единого Бога и Отца всѣхъ, едино упованіе званія нашего*.

Вонмите, христіане, призыву Церкви: проникнитесь духомъ единенія, поймите, что благоденствіе возможно только *въ единеніи духа въ союзъ мира*. Поймите, что намъ нужно пересоздать строй нашей жизни въ этомъ отношеніи; гдѣ она основана на законѣ борьбы, тамъ пусть оснуется на законѣ взаимной любви; кто живетъ самъ по себѣ и только самъ для себя, пусть живетъ для всѣхъ. Изнемогаетъ ли твой ближній — не подставляй ему ноги, а поддержи его; начинаешь ли какое дѣло, начинай его не одинъ, а собща съ другими: оно пойдетъ успѣшнѣе и будетъ прочнѣе.

Такъ постепенно мы будемъ восходить отъ низшаго къ высшему единству: изъ единства кружка и сословія къ единству общественному; отъ единства общественнаго къ единству со всѣмъ человѣчествомъ. Тогда исполнится воля Господа: *будетъ едино стадо и единъ Пастырь*; тогда воистину *придетъ царствіе Божіе*.

Д. Державинъ.

ПРИМѢРЫ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ.

„Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его“. (Псал. 115, 6).

„Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ“. (Апок. 14, 13).

Въ декабрьской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за истекшій 1877 годъ напечатаны пять разсказовъ о блаженной кончинѣ извѣстныхъ благочестивою жизнію: старца Новоспасскаго монастыря Филарета (въ схимѣ Теодора), графини А. А. Орловой-Чесменской, Задонской подвижницы Евѣиміи, кievскаго іеросхимонаха Парѣенія и одной набожной вдовы священника *). Подобные разсказы, при своей полной достовѣрности, весьма назидательны для боголюбивыхъ читателей, идущихъ путемъ заповѣдей Христовыхъ и помышляющихъ о неизбѣжномъ для всѣхъ земнородныхъ часѣ смертномъ. Такие разсказы побуждаютъ благоговѣнно внимающихъ имъ къ соревнованію въ подвигахъ благочестія и добродѣтели, укрѣпляютъ и утверждаютъ въ этихъ подвигахъ, внушая надежду на блаженную кончину и ожидающее праведниковъ нескончаемое блаженство въ загробной жизни. Могутъ эти разсказы благотворно подѣйствовать и на нерадящихъ о своемъ спасеніи, преданныхъ земнымъ заботамъ и порокамъ, показавъ имъ, чего они лишаются, пренебрегая божественными заповѣдями и чрезъ то удаляясь отъ вѣчнаго блаженства.

Въ видахъ такой назидательности разсказовъ о бла-

*) Въ статьѣ: *Кончина праведниковъ*.

женной кончинѣ праведниковъ, я считаю долгомъ съ своей стороны предложить вниманію читателей нѣсколько таковыхъ рассказовъ, собранныхъ изъ достовѣрныхъ источниковъ.

1) Въ Сибири, и въ особенности въ Тобольскѣ, благоговѣнно почитается память *митрополита Тобольскаго Іоанна* (Максимовича), извѣстнаго своею свято-подвижническою жизнію. Онъ управлялъ Тобольскою епархією съ марта 1711 года по день смерти своей, 10 іюня 1715 года. Къ гробу его, находящемуся въ Тобольскомъ кафедральномъ соборѣ, приходятъ и пріѣзжаютъ, для поклоненія издалека, не только изъ Тобольской губерніи, но и изъ губерній Пермской, Оренбургской, Уфимской, Томской, Енисейской и Иркутской. Въ Златоустовскомъ придѣлѣ собора, гдѣ погребенъ святитель, почти ежедневно служатся заказныя заупокойныя литургіи и паннихиды по усопшемъ митрополитѣ; у многихъ жителей Сибири сохраняются его изображенія. Этотъ архипастырь, усердный молитвенникъ, постникъ, покровитель вдовъ и сиротъ, кроткій, смиренный, удостоился истинно праведнической кончины. 10 іюня 1715 года, когда празднуется память священномученика Тимоѳея, епископа Прусскаго, митрополитъ Іоаннъ торжественно отслужилъ литургію, послѣ которой угощалъ обѣдомъ городское духовенство и нищихъ. Послѣднимъ при этомъ прислуживалъ самъ. Послѣ трапезы, простившись съ духовенствомъ, святитель удержалъ на нѣкоторое время двухъ, болѣе любимыхъ имъ, священниковъ; но что онъ говорилъ съ ними, осталось неизвѣстнымъ; только отпустивъ и ихъ, онъ заперся въ своихъ внутреннихъ келліяхъ. Предъ вечернею, когда, по обычаю, надлежало испросить у преосвященнаго благословеніе на начатіе благовѣста, служащіе при архіерейскомъ домѣ много разъ приходили къ кельѣ владыки, стучались и звали его; но ни дверь не отворялась, ни голоса не было слышно. Жители Тобольска, глубоко почитавшіе и любившіе митрополита, не слыша въ обыкно-

венное время благовѣста къ вечернѣ и приведенные въ недоумѣніе быстро облетѣвшими городъ разказами о не совсѣмъ обычномъ утреннемъ прощаніи Іоанна съ духовенствомъ, собрались во множествѣ въ ограду архіерейскаго дома. Наконецъ пріѣхаль туда же сибирскій губернаторъ, князь М. П. Гагаринъ. Послѣ новыхъ, но опять тщетныхъ, попытокъ вызвать митрополита, князь, принимая отвѣтственность на себя, приказаль ломать двери. Что же представилось, когда двери были открыты? Митрополить Іоаннь, въ молитвенномъ положеніи, стояль на колѣняхъ предъ иконою Спасителя, давно уже мертвый *).. Обстоятельства, кончины митрополита Тобольскаго Іоанна весьма сходны съ обстоятельствами кончины другаго, современнаго ему, подвижника, давно уже прославленнаго въ ликѣ святыхъ, Ростовскаго святителя Димитрія **).

2) Замѣчательна была кончина одного изъ великихъ подвижниковъ нашего времени, святителя *Филарета* (Амфитеатрова), *митрополита Кіевскаго и Галицкаго*. Онъ скончался 21 декабря 1857 года, послѣ двадцатилѣтняго управленія Кіевскою митрополіею (съ 18 апр. 1837 г.). За 17 еще лѣтъ до своей кончины благочестивый архипастырь тайно приняль схиму, съ именемъ Θεодосія, и самъ себѣ приготовиль гробъ, который видимымъ образомъ напоминаль ему ту истину, что смерть не умедлитъ, что она можетъ придти яко тать въ нощи. Въ послѣдніе дни своей жизни среди непрерывныхъ болѣзненныхъ страданій, святитель Филареть, казалось, дышаль уже не здѣшнею, а будущею жизнію. «Тѣло мое утончилось и похудало до крайности, говорилъ онъ; какъ женихъ съ нетерпѣніемъ ждетъ дня брачнаго для соединенія съ невѣстою,

*) См. Жизнь Іоанна Максимовича, митрополита Тобольскаго и всея Сибири. Соч. Прот. Ал. Сулоцкаго. Изд. 2, Москва 1854 г.

**) Муравьева: Житія святыхъ Россійской церкви, мѣсяць сент., въ жизнеописаніи св. Димитрія Ростовскаго.

такъ и я жду и желаю разрѣшенія отъ этой жизни». За два дня до кончины, въ полночь, послѣ долгаго молчанія, въ необыкновенномъ душевномъ восторгѣ, святитель неожиданно проговорилъ окружающимъ его смертный одръ: «я помышляю, какъ буду лежать во гробѣ».., и потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, тихимъ и прерывающимся, по еще совершенно внятнымъ голосомъ пропѣвши всю до конца надгробную пѣснь: «зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи».., сказалъ: «вотъ вамъ и послѣдняя пѣснь»!.. Во все продолженіе своей тяжкой болѣзни, митрополитъ, лежа уже на смертномъ одрѣ, не оставлялъ обычнаго молитвеннаго правила, ежедневно пріобщался св. Христовыхъ таинъ, и, пока дозволяли силы, онъ, для причащенія, вставалъ самъ и ходилъ въ церковь, потомъ приказывалъ водить себя, а затѣмъ и носить на рукахъ, когда изнемогъ. Съ благословѣніемъ повергался онъ предъ св. Тайнами, съ духовною радостію и восторгомъ обнималъ и лобызалъ св. потиръ, восклицая: «жизнь моя, свѣте мой, надежда моя»! Наканунѣ кончины архипастырь трогательно прощался съ нѣкоторыми духовными и свѣтскими особами, благословляя ихъ иконами и преподавая наставленія. Въ самый день смерти владыка, рано утромъ, опять пріобщился. Въ этотъ день тѣлесныя страданія его усилились до чрезвычайной степени. Это была послѣдняя борьба жизни со смертію, силы духа съ немощію плоти. Окружавшіе одръ болящаго предложили ему прочитать молебный канонъ Богоматери: «Многими содержимъ напастями». «Хорошо, сказалъ владыка, вы дѣйствуйте, какъ чувствуете». Съ чтеніемъ первыхъ тропарей страданія утихли, больной успокоился, благоговѣнно слушалъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ каждый разъ, когда читавшій произносилъ: «Пресвятая Богородице, спаси насъ», а изъ померкавшихъ уже и полузакрытыхъ глазъ постоянно струились слезы. При чтеніи тропарей хвалитныхъ движеніе рукой прекратилось и дыханіе стало рѣдко: пока-

зывались уже ясные признаки скорой кончины. По окончаніи канона Богоматери начали читать канонъ на исходъ души. Въ руку умирающаго, уже почти охладѣвшую, дана была зажженная свѣча, на грудь положенъ крестъ. Движенія не было замѣтно, но свѣча въ рукахъ держалась твердо и изъ закрывшихся глазъ продолжали струиться слезы. Къ одру собралась братія лавры и много свѣтскихъ лицъ. По окончаніи канона прочитаны были 17-я каѳисма: *Блжени непорочнѣи въ путь*, за тѣмъ каѳисма 18,—пѣсни степеней. Во время чтенія послѣдней душа святителя отлетѣла ко Господу, оставивъ на лицѣ умершаго совершенное спокойствіе праведника *).

3) Апрѣля 30-го 1867 года скончался въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, Костромской епархіи, проживавшій тамъ на покой, бывшій *епископъ Кавказскій и Черноморскій, преосвященный Игнатій* (Брянчаниновъ), происшедшій изъ стариннаго дворянскаго рода и до монашества бывшій инженернымъ офицеромъ, пользовавшійся особенно любовію и вниманіемъ блаженной памяти покойнаго императора Николая Павловича, и извѣстный почти всей Россіи, какъ знаменитый въ свое время архимандритъ Сергіевой пустыни, что на Петергофской дорогѣ близъ Петербурга. Преосвященный Игнатій издалъ въ свѣтъ пять большихъ томовъ своихъ сочиненій аскетическаго содержанія. Онъ былъ великій подвижникъ нашего времени. Къ смертному часу онъ началъ готовиться съ особенною заботливостію со времени отреченія своего отъ святительской каѳедры и удаленія на покой въ любимый имъ Бабаевскій монастырь. Живя въ этой обители, преосвященный Игнатій мало спалъ, никогда не раздѣвался и, какъ вѣрный рабъ Божій, бодрствовалъ на всякій часъ дня и ночи, готовый встрѣтить Господа своего. И засталъ его Господь бодрымъ на молитвѣ и вѣрнымъ на службѣ

*) См. Послѣдніе дни жизни почившаго въ Бозѣ высокопреосв. Филарета, митрополита кievскаго. Кіевъ 1858 года.

человѣчеству.... Преосвященный предчувствовалъ свою кончину, а можетъ быть, ему было о ней и таинственное откровеніе свыше,—Богъ вѣсть! Только въ послѣдніе предсмертные дни, не чувствуя особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ и проводя время въ обычныхъ своихъ благочестивыхъ занятяхъ, владыка былъ какъ-то необычайно веселъ; снисходительный, милостивый и смиренный былъ онъ всегда, но въ эти послѣдніе дни любовь и смиреніе разливались вокругъ него такими потоками, что потрясали души окружавшихъ его и заставляли ихъ какъ будто бояться чего-то. 30-го апрѣля преосвященный Игнатій всталъ, по обыкновенію, въ шесть часовъ утра; послѣ ранней обѣдни выпилъ двѣ чашки чаю и не приказалъ входить къ нему до девяти часовъ. Спустя немного времени кто-то изъ братіи пришелъ съ просьбою доложить владыкѣ, что онъ явился по важному дѣлу. Келейникъ не посмѣлъ отказать и вошелъ къ преосвященному. Было около девяти часовъ утра; ударили въ колоколъ къ поздней обѣднѣ. На зовъ келейника не послѣдовало никакого отвѣта. Онъ подошелъ ближе, смотритъ: преосвященный, склонилъ голову на лѣвую руку и держа въ правой канонникъ, лежитъ какъ бы углубленный въ чтеніе *). Наклонившись къ нему, келейникъ увидѣлъ, что глаза святи-теля устремлены неподвижно. Испуганный, онъ бросился за архимандритомъ Иларіономъ и казначеемъ. Прибѣжавъ и видя преосвященнаго свѣтлымъ и спокойнымъ, съ наложеннымъ пальцемъ на третьей утренней молитвѣ: *Къ тебѣ, Владыко челоуколюбче...*, какъ бы въ размысленіи о сейчасъ прочитанномъ, они подумали, что ему сдѣлалось только дурно; давали ему нюхать спиртъ и терли виски одеколономъ. Но свѣтлая душа отошла уже къ

*) Въ послѣднее время, по причинѣ изнеможенія силъ тѣлесныхъ, преосв. Игнатій молился иногда лежа.

предвѣчному свѣту, оставивъ отблескъ небеснаго свѣта на лицѣ усопшаго подвижника вѣры *).

4) Московскаго Новоспасскаго монастыря *архимандритъ Пожаръ* скончался 19 января 1837 года. Это былъ старецъ смиренный и благочестивой жизни. Предъ смертію, напутствовавшись Св. Тайнами покаянія, причащенія и елеосвященія, о. архимандритъ видѣлъ замѣчательный сонъ. Сидя въ креслахъ, послѣ соборованія, онъ тихо сказалъ намѣстнику: «говори братіи, что я тебѣ буду говорить. Я видѣлъ сонъ. Пришелъ ко мнѣ мужъ, долженъ быть святой, имени не знаю, и сказалъ: Спаситель послалъ тебѣ возвѣститъ, что Онъ прощаетъ грѣхи твои, и даруетъ тебѣ жизнь (вѣчную) не за добродѣтели твои, а потому что многіе о тебѣ молятъ и просятъ. Послѣ сего архимандритъ просилъ молитвъ у братіи, и замолчалъ. Послалъ лекарю благодарность, и велѣлъ сказать, чтобы онъ болѣе не ѣздилъ. Кончина была мирная» **).

5) Въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, въ сороковыхъ годахъ и началѣ пятидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія, подвизался благочестивый *инокъ о. Иларій*. Отличительною чертою его характера были беззлобіе и простодушіе. Въ 19 лѣтъ въ обители ни съ кѣмъ онъ не былъ въ непріятныхъ столкновеніяхъ; всѣ его любили и со всѣми онъ былъ миренъ; ревность къ служенію имѣлъ до забвенія своей немощи. У него было много духовныхъ дѣтей. Скончался 18 августа 1852 года. Назидательна была кончина благочестиваго старца. Наканунѣ смерти его соборовали и причастили; въ самый день смерти, послѣ утрени, посѣтилъ болящаго о. намѣстникъ Лавры, нынѣ покойный, архимандритъ Антоній, и предложилъ ему приобщиться Св. Таинъ послѣ ранней литургіи. Старецъ съ благодарностію принялъ предложеніе, и благо-

*) См. „Домаш. Бесѣда“ 1867 г. вып. 21, статья: Кончина преосв. епископа Игнатія (Брянчанинова).

**) Монастырскія письма. М. 1863 г.

говѣнно причастился, когда были принесены Св. дары. Вскорѣ послѣ этого, какъбы въ забытїи, болящїй старецъ сталъ называть множество именъ. Намѣстникъ спросилъ его: «кого ты призываетъ»? «Дѣтей духовныхъ къ молитвѣ за меня; ибо я умираю, отвѣчалъ старецъ». Да ихъ здѣсь нѣтъ, возразилъ намѣстникъ. «Ихъ душамъ я говорю, онѣ должны услышать». Намѣстникъ опять сказалъ ему: «ты, по милости Господней, за молитвы преподобнаго Сергія, старецъ, не умрешь». «Правда, отвѣчаетъ о. Иларій, тѣломъ только умру; уповаю, твердо уповаю на милость и человѣколюбіе распеншагося за насъ Господа Иисуса Христа». На всѣ вопросы старецъ отвѣчалъ тихо, но ясно и довольно твердо, читалъ молитвы и глядѣлъ на представленія, видящіяся ему. Въ одно время онъ все подымалъ къ верху руки. На вопросъ: «къ кому ты подымаешь руки»? старецъ отвѣчалъ: «къ Господу Саваоѹ! Прошу отъ всея святыя Троицы милости и заступленія въ часъ сей». Черезъ нѣсколько времени намѣстникъ спросилъ его: «не стужаютъ ли тебѣ, старецъ, противныя силы»?—«Да, отвѣчалъ: но мнѣ нужды до нихъ нѣтъ; я на нихъ не смотрю, а взираю мысленно на распятіе Господа моего». Во время чтенія канона на исходъ души старецъ съ сокрушеніемъ молился. Предъ самымъ концемъ жизни онъ сталъ вслухъ читать молитву Господню: *Отче нашъ*, и, когда сказалъ славословіе: *яко Твое есть царство, Аминь*, вода (онъ былъ боленъ водялкою), какъ волной, прилила къ гортани, и о. Иларій тихо скончался *).

6) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1849 года въ больницѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры скончался праведнической кончиною старецъ *священникъ Андрей*, изъ Тульско епархіи, жившїи въ Лаврѣ по паспорту. За три дня онъ предъизвѣщенъ былъ Ангеломъ о кончинѣ своей; ко многимъ ходилъ прощаться и просилъ молитвъ; исповѣдался,

*) Монастыр. письма. М. 1863 г.

пріобщился св. Таинъ, соборовался елеемъ, всю послѣднюю ночь молился стоя, читая акаѣсты Господу Иисусу и Его Пречистой Матери; часто повторялъ тропарь: *се женихъ грядетъ въ полунощи*. Предъ утреней, въ день смерти, о. Андрей сказалъ бывшему при немъ послушнику: «о! какой прекрасный садъ я вижу, какія чудныя роши и цвѣты!» Да гдѣ же ты видишь? спросилъ послушникъ. Старецъ, указывая на востокъ, отвѣчалъ: «вотъ тамъ». «Да тсперь еще ночь; что можно увидѣть?» повторилъ послушникъ. «А я вижу тамъ день, говорилъ старецъ, да и какой свѣтлый! О, Господи! Вижу тамъ одного мнѣ и знакомаго». Послушникъ возражаетъ: «да тебѣ это мечтается». «Нѣтъ, отвѣчалъ о. Андрей: я не только вижу, но и зовутъ меня туда». Послѣ утрени, видя о. Андрея изнемогающимъ, предложили перевести его въ общую больницу, но онъ на это сказалъ: «чрезъ четверть часа меня обѣщаютъ перевести въ вѣчность». Такъ и случилось: осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, легъ старецъ на постелю; опрыталъ себя, т.-е. поправилъ кафтанъ, сложилъ на перси руки, и отдалъ душу въ руцѣ Господу *).

7) Въ Балаамскомъ монастырѣ, въ скиту всѣхъ святыхъ подвизался въ недавнее время благочестивый и добродѣтельный іеромонахъ *Виталій*, происходившій изъ крестьянскаго сословія. Онъ скончался 9 іюня 1856 года, 32 лѣтъ отъ рожденія. Предъ смертію долго болѣлъ лихорадкою; наканунѣ смерти исповѣдался и причастился св. Таинъ; по причащеніи по его желанію, въ присутствіи игумена обители о. Дамаскина, стали читать канонъ на исходъ души. По произнесеніи іеромонахомъ обычнаго начала, о. Виталій, не владѣвшій уже ни руками, ни ногами, самъ читалъ нѣкоторыя молитвы, и громко и отчетливо пропѣлъ пять ирмосовъ канона: *Яко по суху пшшествовалъ Израиль по безднѣ стопамъ*. По окон-

*) Монаст. письма. М. 1863 г.

чаніи отходной, больной просилъ наединѣ поговорить съ о. игуменомъ; братія вышли; затѣмъ, когда чрезъ нѣсколько минутъ всѣ опять собрались въ его келью, о. Виталій объявилъ, что въ эту ночь онъ видѣлъ архангеловъ и ангеловъ, преподобныхъ валаамскихъ и всѣхъ святыхъ, и что ему открыто, что завтра около 9 часовъ вечера онъ скончается. На другой день въ скиту совершалось настоятелемъ соборное всенощное бдѣніе, по случаю храмоваго праздника всѣхъ святыхъ, и во время этого бдѣнія, именно около 9 часовъ вечера, о. Виталій отошелъ ко Господу *).

8) Въ Валаамской же обители, 2 февраля 1860 года, на 83 году отъ рожденія, скончался блаженною кончиною строгій подвижникъ благочестія, *схимонахъ Серафимъ*. Въ послѣднее время старецъ очень болѣлъ: отъ плечъ и до пояса со спины его сошла вся кожа; страшная язва приводила въ содроганіе постороннихъ, но самъ старецъ не обращалъ на нее вниманія и даже не хотѣлъ лѣчиться, хотя болѣзнь сопровождалась чрезвычайными страданіями. Въ послѣдніе дни своей жизни о. Серафимъ соборовался и нѣсколько разъ пріобщался св. Таинъ. Дня за два до кончины келліархъ іеродіаконъ Іона, по своей должности, пришелъ посѣтить его. Схимникъ лежалъ съ закрытыми глазами; лицо его сіяло необычайною радостію; грудь его высоко подымалась, изъ словъ его можно было заключить, что онъ видитъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сказавъ: «Владыка грядетъ, грядетъ Владыка!» старецъ крестился, въ величайшемъ восторгѣ простиралъ руки и съ чувствомъ благоговѣнія и любви взывалъ: «Господи мой! Сладчайшій Іисусе Христе! Боже мой!»... Когда старецъ умолкъ, о. Іона рѣшился подойти къ нему. Спросивъ старца о здоровьѣ и получивъ отъ него отвѣтъ: «Я здоровъ, очень здоровъ, мнѣ легко, весьма легко»,—келліархъ продолжалъ: «Батюшка, про кого ты говорилъ не-

*) Валаамскіе подвижники. С.-Пб. 1872 года.

давно, что грядетъ; кто грядетъ?» «Какъ кто? Господь нашъ Иисусъ Христосъ; про Него я говорилъ, что Онъ грядетъ,» радостно отвѣчалъ о. Серафимъ. За нѣсколько часовъ до кончины, когда старецъ былъ очень труденъ, казначей іеромонахъ Іонаанъ пришелъ проститься съ нимъ. О. Серафимъ былъ какъбы въ забытіи. Казначей наклонился къ нему; старецъ что-то говорилъ шопотомъ. Болѣе громки и внятны были слова старца: «Распныйся за мя, помилуй мя! Сладчайшій Господи, помилуй!» Такъ созерцая страданія своего Спасителя, скончался схимникъ Серафимъ. При опрытаніи тѣла усопшаго, ощущалось благоуханіе, а страшной до того язвы на тѣлѣ старца уже не было: ее благолѣбно покрыла тонкая кожаца **).

9) Въ Сибири повсемѣстно почитается скончавшійся 15 апрѣля 1843 года подвижникъ *старецъ Даниилъ*, подвизавшійся близъ г. Ачинска, Енисейской губерніи, въ тѣсной и убогой кельѣ. Даниилъ происходилъ изъ военнаго званія, въ молодости былъ за какой-то проступокъ сосланъ въ Сибирь, въ работы, на одинъ винокуренный заводъ, гдѣ много потерялъ истязаній отъ жестокаго управляющаго заводомъ. По освобожденіи отъ работъ, Даниилъ остался на поселеніи въ Сибири. Подвиги старца были самыя трудныя, въ которыхъ онъ провелъ болѣе тридцати лѣтъ. Пищею его былъ одинъ хлѣбъ съ водою, да и того до сытости онъ никогда не вкушалъ. Одежду его составляло рубище. Былъ великій молитвенникъ. Пользовался уваженіемъ не только мірянъ, но и священниковъ и даже архіереевъ: архіепископъ иркутскій Михаилъ и епископъ Томскій Агапий любили и почитали его, какъ старца богоугодной жизни. Многіе пользовались во спасеніе не только примѣромъ его добродѣтельной жизни, но и наставленіями его, дышавшими помазаніемъ отъ св. Духа. Старецъ Даниилъ удостоился отъ Господа и дара предвѣднія. За десять лѣтъ предсказалъ онъ о своей кон-

***) Валаамскіе подвижники. С.-ПБ. 1872 года.

чинѣ благочестивой игуменіи енисейскаго женскаго монастыря Евгеніи, тогда бывшей еще въ мірѣ и за мужемъ. На приглашеніе ея перейти къ ней въ домъ, на постоянное житѣе, старецъ тогда сказалъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ и приду; ты меня и похоронишь». Дѣйствительно, все это сбылось въ свое время: по смерти мужа, домъ ихъ, за казенные долги, былъ проданъ, а она поступила въ иркутскій женскій монастырь и была потомъ игуменьей въ енисейскомъ монастырѣ. Когда прошло десять лѣтъ послѣ сейчасть описаннаго предсказанія, именно въ 1843 году, старецъ Даниилъ за три мѣсяца до своей кончины, пришелъ въ енисейскій монастырь къ игуменіи Евгеніи, и, только-что вступивъ въ ея келью, сказалъ: «вотъ, теперь ты на твердой землѣ и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь». Слѣдующимъ образомъ описываетъ достопочтенная игуменія Евгенія кончину старца Даниила, въ письмѣ къ іеросхимонаху Пареепію, собиравшему свѣдѣнія о почившемъ старцѣ: «наканунѣ своей смерти, старецъ съ удовольствіемъ осматривался въ оградѣ монастырской и говорилъ мнѣ: завтра меня уже не будетъ; вы не говорите: я уѣхалъ, а скажите: былъ, да нѣтъ Даниила». И подлинно такъ: съ вечера былъ здоровъ; въ двѣнадцатомъ часу ночи заболѣлъ, въ утреню исповѣдался, а въ раннюю литургію причастился Св. Таинъ тѣла и крови Христовыхъ. Мнѣ онъ сказалъ: «приди ко мнѣ въ третьемъ часу». Я, пришедши, послала за священникомъ; и прочиталъ онъ отходную. Старецъ сталъ на колѣни; я поддержала его за плеча. Онъ же сказалъ мнѣ: «Богъ тебя проститъ, мое золото». Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда же начали его обмывать, усмотрѣли на тѣлѣ его берестовый поясъ, уже вросшій въ его тѣло, и кровь запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили во гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ. По смерти же его явилась на лицѣ его такая

живая улыбка, что совсѣмъ онъ не походилъ на мертваго. Скончался онъ около 60 лѣтъ отъ роду. На похороны его столько стеклось народу, что подивиться надобно: ибо еще не знали странника въ нашемъ городѣ, а всѣ собрались въ церковь, отъ мала до велика. Когда же несли тѣло его мимо моей предмѣстницы, а она уже была слѣпая и ничего не видѣла и не могла видѣть,—то и она увидѣла свѣтъ: будто бы блеснула молнія. Въ церкви же, хотя и зажжены всѣ мѣстныя свѣчи, былъ какой-то еще особенный свѣтъ; чувствовали многіе какой-то пріятный запахъ, и говорили: «вотъ, какъ Господь возлюбилъ странника и прославляетъ трудника своего!..» И теперь многіе приходятъ, служатъ по немъ панихиды, берутъ земли съ его могилы, и бываетъ по вѣрѣ ихъ въ болѣзняхъ отрада *)!

10) Въ шестидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Козельской Введенской пустыни, Калужской губ., проживалъ на покоѣ бывшій игумень Малоюрославецкаго Николаевского мѣнастыря, О. Антоній, строгій подвижникъ имѣвшій много духовныхъ дѣтей. Въ числѣ послѣднихъ была у него ученица *Екатерина Александровна П*,—дѣвица изъ высшаго свѣтскаго круга, съ молодыхъ лѣтъ почувствовавшая призваніе къ духовной жизни, но, по родственнымъ связямъ, не имѣвшая возможности поступить въ монашество. Тѣмъ не менѣе, живя въ мірѣ, она вела подвижническую жизнь, подъ руководствомъ о. игумена Антонія, и скончалась 30 лѣтъ отъ роду. Кончина ея была поистинѣ блаженная. Самъ старецъ, о. Антоній въ слѣдующихъ чертахъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, изображаетъ кончину своей духовной дочери: «Съ весны и все лѣто Екатерина Александровна, какъ свѣч-

*) Сказаніе о жизни и подвигахъ въ Бозѣ почившаго старца Данила, подвизавшагося въ Сибирской странѣ, въ предѣлахъ г. Ачинска. С.-Пб. 1874 года.

ка горѣла, и каждый день таяла, т.-е. оскудѣвала въ силахъ. Любимый разговоръ ея былъ всегда о переходѣ въ вѣчность. Ежедневно готовилась къ смерти своей, какъ нѣкая невѣста къ брачному вѣнцу, со свѣтлымъ лицомъ и радостнымъ сердцемъ. За мѣсяць до кончины, несмотря на свою болѣзнь, она пожелала, чтобы таинство елеосвященія совершено было надъ нею въ церкви. Тогда же келейно приняла постриженіе въ ангельскій образъ; послѣ того чрезъ каждые два дня пріобщалась св. Христовыхъ Таинъ, или даже черезъ день, а послѣднюю недѣлю ежедневно. Со дня особорованія ея, ежедневно ее подъ руки водили ко мнѣ, потомъ на стулѣ носили, а потомъ уже я ежедневно ходилъ къ ней на гостиницу (монастырскую, Оптиной обители) по два и по три раза въ день. Послѣ облеченія Екатерины Ал—ны въ ангельскій образъ, поздравляя съ онымъ, я спрашивалъ ее при посѣщеніяхъ: «какое, сестра, имя твое во ангельскомъ чинѣ?» Она отвѣчала: «многогрѣшная монахиня Евфросинія.» Я вторично ее спрошу: «что же означаетъ новое имя твое?» и она отвѣтитъ мнѣ: «веселіе и радость». И я ей на сіе скажу: «дай тебѣ, Господи, вѣчное веселіе и радость со святыми въ небесномъ царствіи». И она съ радостнымъ лицомъ благодарила меня всегда: «Ахъ, какъ я вамъ много благодарна за святое имя сіе!» Какое вопрошеніе, по ея желанію, ежедневно повторялось до кончины ея. Со дня особорованія св. елеемъ она была какъ бы переродившеюся; ко всѣмъ дышало сердце ея любовью, всѣхъ жалѣла, у всѣхъ прощенія испрашивала и лично и заочно, со всѣми сдѣлалась дружна, и до самой кончины своей находилась въ молитвенномъ настроеніи души, ни на минуту не выпуская изъ рукъ четокъ. Въ послѣднюю недѣлю ея жизни я спросилъ ее, какъ она молится? Она отвѣчала мнѣ: «вотъ какъ: Господи помилуй, Господи помилуй! Господи помилуй! Пресвятая Богородице, Царица небесная, Матушка моя, возьми меня къ

себѣ! Св. Архангелъ Михаилъ, св. Архангелъ Гавріилъ, св. Архангелъ Рафаилъ, возьмите душу мою! Святителю Николае, великій угодникъ Божій, сохрани душу мою!» Подобнымъ сему образомъ и другихъ многихъ святыхъ призывала она въ молитвѣ своей на помощь при исходѣ души; каковая истинно дѣтская молитва ея чувствительна была для меня. Прежде кончины все свое раздавала, говоря: «какъ я въ міръ сей родилась, ничего не имѣя, такъ и отъ міра отходя, желаю, чтобы ничего не было у меня». А, раздавши все, съ радостію говорила: «вотъ и я теперь ничего у себя не имѣю, кромѣ единой надежды на спасеніе Божіе!» За двѣ недѣли до кончины былъ уже у ней и гробъ приготовленъ, а за два дня до смерти просила меня, чтобы ее живую вынести въ церковь, чтобы тамъ ей умереть; но я отказался это сдѣлать. Отходный канонъ разъ восемь или десять былъ читанъ надъ нею, и окончаніе опаго дочитывала она сама, и говорила: «Возлюбленные отцы мои, и братія, и сестры, и всѣ знаеміи! помяните мою любовь и дружбу, и молитте Христа всѣхъ Бога милостиву быти ко мнѣ въ часъ кончины моей и по кончинѣ». Между тѣмъ она ежедневно исповѣдывалась, и у всѣхъ мысленно прощенія просила; и я каждый вечеръ окроплялъ ее св. богоявленскою водою и прощался съ нею. Скончалась она на праздникъ Усѣкновенія главы честнаго славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, послѣ бдѣнія, въ самую полночь. За полчаса до кончины попросила засвѣтить свѣчи у всѣхъ образозвъ въ гостиной келліи своей, и начала радоваться, говоря: «какъ теперь весело на моей душѣ, будто праздникъ какой!» Потомъ вскорѣ почувствовала внутренніе спазмы, которые и прекратили ея дыханіе. Три дня во гробѣ была похожа не на умершую, а на спящую дѣву; и когда я, прочитавши надъ нею разрѣшительную молитву, сталъ ее влагать ей въ руки, то замѣтилъ ихъ мягкими, а не окостенѣлыми. Истинно дивень Богъ не точію

во Святыхъ своихъ, но дивенъ Онъ и въ наши времена среди насъ недостойныхъ и грѣшныхъ *).

Много бы и еще можно привести подобныхъ, въ высшей степени назидательныхъ, рассказовъ, но тогда составила бы цѣлая книга. Достаточно на сей разъ и немногаго.

Будемъ же, христілюбивый читатель, усердно и непрестанно молиться Господу Богу, да и насъ сподобитъ Онъ, милосердый, христіанской кончины. Но такъ какъ по непреложному вѣщанію слова Божія, *честна предъ Господомъ смерть только преподобныхъ Его* (Пс. 115, 6), то потщимся, подвигами добродѣтельной жизни, содѣлаться достойными блаженной кончины. «Ты учишься хорошо умирать, если будешь учиться хорошо жить», сказалъ блаженный Августинъ. И всѣ святые и благочестивые люди, въ продолженіи всей своей труженической жизни, учились искусству умирать. Послѣдуемъ и мы ихъ достойно-подражательному примѣру.

Протоіерей Михаилъ Путинцевъ.

Г. Кульджа
1878 года.

*) Жизнеописаніе настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, игумена Антонія. М. 1870 г.

СВЯТЫНИ И ДРЕВНОСТИ СТАРОЙ РУСЫ.

(Письмо первое къ М. М. Евреинову.)

Вотъ уже нѣскольо недѣль, какъ я нахожусь въ Старой Русѣ и занимаюсь обзорѣніемъ священной ея старины. Руса—одинъ изъ старшихъ пригородовъ Великаго Новгорода. Начало ея теряется во мракѣ времени, какъ видно изъ стародавнихъ легендъ (Зеркало російскихъ государей Малыгина стр. 14 и 15). Городъ Старая Руса, по сказанію одного письменнаго безыменнаго лѣтописца, назвался Русою по имени своего основателя Руса, который былъ правнукъ Іафета, сына Ноева. Этотъ Русъ основалъ будто бы городъ Русу 3113 года отъ сотворенія міра, до Рождества Христова за 2395 лѣтъ. Въ послѣдствіи городъ пришелъ въ заустѣніе, а потомъ опять возобновленъ подъ именемъ Старой Русы. Мѣстное преданіе говоритъ, что одну изъ двухъ рѣкъ орошающихъ Русу, Русъ называлъ Полистью по имени дочери своей Полисты, а другую Порусью по имени жены своей. Конечно, мы не можемъ вѣрить этимъ баснословнымъ сказаніямъ, но лѣтописи удостовѣряютъ, что жители Русы просвѣщены крещеніемъ въ одно время съ Новгородцами при равноапостольномъ Владимірѣ. Въ XII вѣкѣ Руса была уже городомъ укрѣпленнымъ, впрочемъ не на нынѣшнемъ мѣстѣ, но гораздо выше, по р. Порусью, что доказывается развалинами соборнаго храма св. князей Бориса и Глѣба, близъ Никольскаго моста; въ ней были церкви и даже былъ устроень монастырь, въ зависимости отъ каѳедры Новгородской. Около тогоже времени Руса стала важ-

нымъ проѣзднымъ пунктомъ, лежавшимъ на прежнемъ пути изъ Новгорода на Русь и изъ Руси въ Новгородъ. Подъ именемъ Руси Новгородцы разумѣли Кіевъ и другія южныя удѣльныя области. Въ XIII вѣкѣ Руса была разоряема отъ Литовцевъ, а въ XV вѣкѣ потерпѣла опустошеніе моровой язвы. Во время завоеванія Новгорода Іоанномъ III, Старая Руса терпѣла отъ литовской дружины съ воеводою княземъ Михаиломъ Олельковичемъ и отъ русскихъ воиновъ князя Даніила Холмскаго. Она была сожжена польскими ратниками въ 1581 году, во время войны Іоанна IV съ Стефаномъ Баторіемъ. Ее посѣщали голодъ и моровая язва въ періодъ междоцарствія. Это страшное время было особенно памятно для Старой Русы, какъ періодъ вражескихъ смятеній, нападений и разореній. Много церквей погибло въ Старой Русѣ въ такъ называемое нѣмецкое или шведское разореніе (1611 — 1617), когда весь городъ былъ занятъ Шведами, когда все гибло отъ огня и меча. Но къ счастью, при такомъ страшномъ разореніи, православная вѣра и усердіе къ храмамъ Божиимъ сохранились въ жителяхъ Старой Русы неприкосновенными. И вотъ видимъ, что послѣ разоренія, церкви частію возобновлялись, а частію устроились вновь на мѣстѣ разрушенныхъ; самыя бѣдствія научили старорусовъ искать утѣшенія и спасенія подъ знаменемъ креста. Завѣтная святыня ихъ — чудный крестъ устроенъ въ память избавленія отъ моровой язвы. Въ воспоминаніе подобныхъ избавленій учреждались крестные ходы, которыми въ прежнее время могла похвалиться Старая Руса. Теперь уже многіе крестные ходы прекращены и многія церкви также упразднены и приписаны къ другимъ. Но и теперь въ какомъ-либо другомъ небольшомъ уѣздномъ городѣ рѣдко можно встрѣтить столько церквей, а вмѣстѣ столько и съ такимъ торжествомъ совершаемыхъ крестныхъ ходовъ, сколько ихъ въ Старой Русѣ. Все это останавливаетъ вниманіе и возбуждаетъ любопытство — узнать

о судьбѣ старорусскихъ церквей и ихъ достопримѣчательностяхъ, по оставшимся памятникамъ.

Впрочемъ Старую Русу знаютъ теперь не по древностямъ церковнымъ, а по солянымъ варницамъ, издавна здѣсь существующимъ, по бывшимъ въ ней военнымъ поселеніямъ и особенно по минеральнымъ водамъ и устроеннымъ въ нихъ ваннамъ; сюда ѣдутъ и археологи и наблюдатели, а страждущіе недугами—въ ожиданіи исцѣленія отъ соляныхъ минеральныхъ водъ и грязей.

Имѣя теперь много свободнаго времени, я постарался собрать и спѣшу сообщить вамъ свѣдѣнія обо всемъ, что видѣлъ здѣсь замѣчательнаго.

Старорускій Спасопреображенскій мужской монастырь, на сѣверовосточной сторонѣ города, недалеко отъ праваго берега р. Полисти, основанъ въ 1192 году при новгородскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, внукѣ Мстислава великаго и правнукѣ Мономаха, и при владыкѣ новгородскомъ, блаж. Григоріи, братѣ св. Іоанна—Иліи чудотворца. Основателемъ и первымъ игуменомъ новой обители иноческой былъ священноинокъ Мартирій, родомъ изъ самой Русы; онъ выбралъ мѣсто уединенное, въ срединѣ густаго лѣса, вдали отъ города, который находился тогда на лѣвомъ берегу рѣки, и тогда же срубилъ деревянную церковь, во имя Преображенія Господня. Со времени своего основанія, монастырь назывался «въ Русѣ на посадѣ,» и «на островѣ,» вѣроятно потому, что ручей Войо, обтекающій городъ съ восточной стороны и впадающій за монастыремъ въ р. Полисть, образуетъ собою островъ.

Деревянный храмъ вскорѣ сгорѣлъ, но первоначальникъ обители, блаж. Мартирій, избранный въ 1193 году на вѣчѣ, по кончинѣ архіепископа Григорія, и получившій святительскую хиротонію въ Кіевѣ, соорудилъ новый, каменный, однопрестольный храмъ также въ честь Спасова Преображенія. При освященіи этого храма, 15 августа 1196 года, святитель Мартирій произнесъ слѣдующую

молитву, сохранившуюся въ монастырской лѣтописи: «Господи, призри иноки. Господи Боже, виждь и посѣти винограда своего и сверши, иже насади десница Твоя, и призри на церковь сію, юже создахъ рабъ твой архіепископъ Мартирій въ имя святаго ти Преображенья, да аще кто помолится въ церкви сей съ вѣрою, то услыши молитву его и оцѣсти (очисти) его и отпусти грѣхи его молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ. Аминь».

Въ первой лѣтописи Новгородской (стр. 21) сказано: «веселяшеса блаженной душою и тѣломъ, устроивъ себѣ память вѣчную, и всѣмъ крестьяномъ (христіанамъ) честный монастырь». Заслуги блаженнаго Мартирія остались незабвенными для Новгорода, хотя архипастырство его было непродолжительное. Въ маѣ 1195 года онъ заложилъ храмъ Богоматери на воротахъ великаго Новгорода; осенью тогоже года основанъ имъ храмъ Воскресенія Христова въ новой женской обители у оз. Мячина, а въ слѣдующемъ году 13 сентября освященъ. Лѣтопись такъ говоритъ о семъ подвигѣ святителя: «владыка трудился палимый во время дня зноемъ, а ночью скорбѣлъ отъ заботы, какъ бы окончить и видѣть въ полной красотѣ церковь; чего желалъ, получилъ онъ, царство небесное и радость нескончаемую». Между тѣмъ въ томъже году усердные два брата, Каравоковичи, по благословенію святителя, основали еще монастырь въ Нелезинѣ, на Лубяной улицѣ, въ честь св. Кирилла и Аеанасія, монастырь замѣчательный и потому, что Новгородцы признавали потомъ въ св. Кириллѣ защитника своего отъ татаръ. Въ 1197 г. святитель имѣлъ утѣшеніе заложить въ плотницкомъ концѣ храмъ св. муч. Евѳиміи съ дѣвичьимъ монастыремъ, а постройку приняла на себя благочестивая боярыня Полюда, жительница городища.

Въ томъже году было изумительное происшествіе: одинъ набожный Новгородецъ каждый день посѣщалъ храмъ Божій и, съ благоговѣніемъ принимая антидоръ или просфору, съ благоговѣніемъ и вкушалъ. Однажды несъ

онъ Богородичную просфору въ домъ, и по немощи заснулъ на дорогѣ. Псы, почуявъ хлѣбъ, подошли и хотѣли похитить просфору, но отскакивали прочь, отражаемые какою - то невидимою силой. Это было въ виду людей. Когда доложили объ этомъ блаженному Мартирію, онъ приказалъ на мѣстѣ происшествія основать храмъ въ честь Богородицы. Супруга князя Ярослава Владиміровича Елена приняла на себя построение храма и женской обители, и въ слѣдующемъ году освященъ на торговой сторонѣ, на Молотковѣ, монастырскій храмъ Рождества Богородицы.

Важнѣйшею и притомъ послѣднею заслугою святителя было примиреніе Новгорода съ велик. кн. Всеволодомъ, который собиралъ уже рать для усмиренія вольнаго города. Для этой цѣли маститый владыка долженъ былъ, въ 1199 году, отправиться съ посадникомъ и лучшими людьми во Владиміръ. Возвращаясь оттуда, изможденный лѣтами и подвигами, архіепископъ Мартирій скончался на дорогѣ, на берегу оз. Селигера, 24 августа. Мощи его привезли въ Новгородъ и положили въ западномъ притворѣ св. Софіи, который потомъ назывался Мартиріевою или златою папертью. Благодарные Новгородцы вписали имя его въ списокъ своихъ приснопамятныхъ архипастырей, и на столбѣ, въ алтарѣ Софійскаго соборнаго храма, доннѣ видно изображеніе св. Мартирія. Память его празднуется вмѣстѣ съ другими святителями великаго Новгорода, 10 февраля и 4 октября.

Прошло болѣе 200 лѣтъ, тагостныхъ и скорбныхъ для обитателей Русы, подверженныхъ частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ Литовцевъ (въ 1224, 1228, 1230 и 1234 годахъ). Въ послѣднее изъ этихъ нашествій, Литва явилась внезапно подъ стѣнами Русы, ограбила городскія церкви и Спасскій монастырь, умертвивъ здѣсь 4 иноковъ; но несмотря на то, самобытное существованіе монастыря продолжалось непрерывно, благодаря благочестію мѣстныхъ жителей.

Между тѣмъ каменный храмъ Спаса, сооруженный

блаж. Мартиріемъ совершенно обветшалъ и грозилъ паденіемъ. Въ 1442 году св. архіепископъ Евѳимій разобралъ церковь (кромѣ алтарной части), воздвигъ на прежнемъ основаніи (на «старой основѣ», по выраженію лѣтописи) новый каменный храмъ и украсилъ его иконописью.

Этотъ храмъ сохранился доннѣ въ полной цѣлости, со всѣми признаками зодчества XV вѣка, кромѣ иконъ, расширенныхъ въ послѣдствіи; старая часть его очевидно древнѣе остальнаго зданія, какъ видно изъ толщины и кладки стѣнъ. Безъ западной паперти, пристроенной позднѣе, храмъ представляется квадратнымъ (въ 5 саж. длины и ширины, кромѣ трехъ алтарныхъ полукружій). Глава на немъ одна, довольно обширная; до 1789 года она была деревянная, чешуйчатая, утвержденная на круглой, каменной шеѣ; теперь большая часть этой шеи скрыта подъ желѣзною кровлей.

Внутренность храма отдѣляется отъ пристройки новѣйшаго времени капитальною стѣною съ тремя арками. Далѣе къ иконостасу поддерживаютъ своды храма и куполь два квадратные столба; два другіе скрыты за иконостасомъ; пятирусный иконостасъ по характеру рѣзьбы принадлежитъ XVII вѣку; высота его 7 саж. 2 арш. и 1 верш., ширина 5 саж. Сохранившійся отъ первоначальной постройки, полукруглый, алтарь раздѣляется на три части капитальными стѣнами съ арками; древняя живопись на стѣнахъ храма и алтаря не уцѣлѣла; можетъ быть она скрывается подъ штукатуркою.

Къ сѣверо-западному углу Преображенскаго храма примыкаетъ колокольня. Она построена послѣ шведскаго разоренія, около 1630 года, въ три яруса, изъ коихъ нижній имѣетъ фигуру квадратную, внутри со сводомъ. Второй и третій ярусы представляютъ видъ осмигранника, а четвертый ярусъ, надстроенный въ 1818 году, круглый, а не 8-гранный, съ 7 пролетами и карнизами. Въ этомъ 4-мъ ярусѣ висятъ колокола. На большомъ

праздничномъ слѣдующая надпись: «лѣта 7200 (1692) вылить сей колоколь, при державѣ великихъ государей и благовѣрныхъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, Февруарія во 2-й день. Даль сей колоколь вкладомъ въ монастырь всемилостиваго Спаса что въ Старой Русѣ крестнаго монастыря архимандритъ Іосифъ, да келейной его старецъ Макарей, по своей души и по своихъ родителѣхъ въ вѣчной поминокъ, вѣсомъ 120 пуд. 8 ф.». Кромѣ большаго, тутъ же висятъ семь колоколовъ: одинъ изъ нихъ вылить въ 1601 году при царѣ Борисѣ, а остальные принадлежать къ новѣйшему времени.

Съ сѣверной стороны примыкаетъ къ колокольніѣ двухъ-этажный храмъ Рождества Христова, а за нимъ далѣе теплая Срѣтенская церковь: первая изъ этихъ церквей построена около 1620 года; въ подвалѣ подъ нею устроены придѣлы св. Безсребренниковъ Космы и Даміана. Срѣтенская церковь, бывшая при переписи 1625 года деревянною, сооружена изъ камня, по всей вѣроятности, около 1630 года. Къ ней пристроена съ западной стороны, трапеза. Подъ нею, въ подвальному этажѣ, устроены храмъ въ честь Старо-русской иконы Богородицы, съ придѣломъ священномученика Антипы.

Въ Спасскомъ монастырѣ привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе слѣдующіе предметы:

1. Ковчегъ или рака съ 50 частицами мощей св. угодниковъ Божіихъ, перенесенный, по прошенію архимандрита Моисея и по усердному желанію гражданъ города Старой Русы, съ благословенія преосв. Амвросія, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, изъ Новгородскаго Софійскаго собора въ 1805 году. Онъ помѣщенъ въ Спасской соборной церкви, между арками западной стѣны, съ правой стороны. Надъ ракою на стѣнѣ поставлена большая икона, на которой Преображеніе Господне, украшенное серебряною ризою, осѣняетъ и видъ Спасскаго

монастыря и предстоящихъ по обѣимъ сторонамъ онаго св. угодниковъ, почивающихъ здѣсь частями своихъ мощей. Поля образа исписаны ликами святыхъ и храмовыми праздниками монастыря.

2. Икона Спасителя на убрूसѣ, древней греческой живописи, по устному преданію данная императоромъ Петромъ Великимъ, но, къ сожалѣнію, особой лѣтописи на ней нигдѣ не видно.

3. Образъ всѣхъ святыхъ, на паперти Срѣтенской церкви, съ надписью: «въ 7204 (1696) году мѣсяца мая въ 6 день, сей образъ сосроенъ Господа нашего Иисуса Христа и всѣхъ святыхъ при игуменѣ Паисіи съ братією сея обители. Иконописецъ Даніилъ Нефедовъ писалъ».

4. Храмовая икона нижней церкви, посвященной Старорусскому образу Божіей Матери, присланная настоятелемъ Тихвинскаго большаго монастыря архимандритомъ Иларіономъ въ 1835 году, при свидѣтельствѣ въ томъ, что сей образъ есть вѣрный снимокъ съ чудотворной иконы, находящейся въ его монастырѣ.

5. Образъ Божіей Матери Владимірской, 6-вершковый, писанный на доскѣ съ выемкою, замѣчателенъ по превосходному, весьма древнему новгородскому письму. Басменный окладъ, вѣнецъ съ цѣнннными украшеніями и сканною работою. Корона надъ вѣнцемъ несомнѣнно относится къ XV вѣку, а самая икона можетъ быть и древнѣе. Существуетъ мѣстное, весьма вѣроятное, преданіе, что этотъ образъ есть благословеніе, дарованное обители св. Евѣиміемъ при возобновленіи храма. Хранится въ ризницѣ.

6. Кадило серебряное литое 1641 года съ крышкою въ видѣ башенки, увѣнчанной крестомъ.

7. Два креста напрестольныхъ XVI вѣка, съ мощами.

8. Евангеліе рукописное, полууставное, съ надписью на оборотѣ послѣдняго листа - «лѣта 7100 (1592) года марта 26 дня положилъ сію книгу Евангеліе въ домъ всемилостивому Спасу въ старой Русѣ священно-инокъ Андрей».

9. Евангеліе московской печати 1644 года. По листамъ Евангелія скорописью отмѣчено: «лѣта 7157 (1649) марта въ 3 день, великій господинъ преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, сію книгу святое Евангеліе далъ въ обитель Боголѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, въ Старую Русу, по отцѣ своемъ священно-инокѣ іереѣ Карпѣ и по матери своей инокинѣ схимницѣ Евѳиміѣ и по сродче (родственникѣ) своемъ инокѣ схимникѣ Іоасафѣ». Обложено старинною парчею. Верхняя доска серебряная, украшена бордюрами съ литыми образами. Митрополитъ Варлаамъ—тотъ самый, который скончался внезапно при встрѣчѣ мощей святителя Филиппа, перенесенныхъ изъ Соловецкаго монастыря въ Москву 1652 года. Здѣсь мы впервые узнаемъ имена его родителей.

10. Евангеліе московской печати 1685 года, замѣчательное какъ вкладъ извѣстнаго келейника и біографа патріарха Никона, Ивана Корниловича Шушерина. По листамъ сохранилась собственноручная его надпись.

Со времени своего основанія Спасскій монастырь, хотя и подвергался въ XIII и XVII столѣтіяхъ многимъ опустошеніямъ отъ набѣговъ непріятельскихъ, но всегда удерживалъ за собою самостоятельность; потому что до изданія штатовъ 1764 года онъ владѣлъ 32 деревнями съ 2000 крестьянъ, имѣлъ возможность содержать двухъ отставныхъ оберъ-офицеровъ и двухъ нижнихъ чиновъ. Въ 1830 году мнастырь возведенъ во 2-й классъ; настоятели его отправляютъ священнослуженіе на коврахъ, съ отверстыми царскими вратами во все время божественной литургіи, до причастнаго стиха.

Въ Спасскомъ монастырѣ помѣщается Старорусское духовное училище. Не ранѣе, какъ въ XVIII столѣтіи, начаты попытки къ заведенію духовныхъ училищъ въ Новгородскомъ краѣ ревностными къ просвѣщенію архипастырями новгородскими. Начало сему дѣлу положилъ митр. Іовъ, устроивъ въ 1706 году, при содѣйствіи братьевъ

Лихудовъ, два училища въ Новгородѣ: греко-латинское и славянское; онъ размножилъ отъ сихъ двухъ училищъ до 14 славянскихъ грамматическихъ школъ по уѣзднымъ городамъ своей епархіи.

Вѣроятно одна изъ этихъ школъ существовала и въ Старой Русѣ, какъ городѣ древнемъ, людномъ и сосѣдственномъ съ Новгородомъ. Черезъ 74 года послѣ этого, въ 1780 году, преосв. митрополитъ Гавріилъ снова возобновилъ прежнія школы въ городахъ новгородской епархіи: Новгородѣ, Старой Русѣ, Тихвинѣ, Валдаѣ и Боровичахъ. Наконецъ при общихъ правительственныхъ мѣрахъ къ распространенію духовнаго просвѣщенія, по повелѣнію блаженной памяти государя императора Александра I, при содѣйствіи ревностнаго и просвѣщеннаго митрополита Амвросія (Подобѣдова), положено болѣе прочное основаніе школьному образованію духовнаго юношества. Въ это время, именно 1805 года декабря 4-го дня, открыто вновь Старорусское духовное училище, помѣщающееся съ того времени въ стѣнахъ Спасской обители.

Въ заключеніе письма скажу вамъ нѣсколько словъ о старорусскихъ крестныхъ ходахъ. Торжество обнесенія святыхъ мощей установлено въ семь монастырѣ съ благословенія епископа старорусскаго Евгенія (Болховитинова, въ послѣдствіи митр. кіевскаго) въ 1807 г. и совершается ежегодно въ первое воскресенье послѣ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, съ трогательнымъ благолѣпіемъ и величественностію. Наканунѣ сего торжества собирались нѣкогда крестные ходы со всѣхъ окрестныхъ сель и погостовъ на разстояніи около 20 верстъ и сопровождались многочисленнымъ народомъ; но со времени открытія военныхъ поселеній въ 1825 году эти ходы отмѣнены и учреждено крестное ходженіе изъ одного Воскресенскаго собора, при собраніи всего духовенства изъ церквей города Старой Русы. Въ этотъ праздникъ, по окончаніи божественной литургіи, въ присутствіи настоятеля монастыря съ братією, всего освященнаго

собора и при многочисленнѣйшемъ стеченіи богомольцевъ, благоговѣнно подымается ковчегъ съ частицами св. мощей и совершается обнесеніе онаго вокругъ всего монастыря подъ украшеннымъ натуральными цвѣтами балдахиномъ, въ предшествіи хоругвей, св. иконъ, настоятеля монастыря и всего духовенства. Шествіе на разстояніи 580 саж. продолжается около 3-хъ часовъ.

По случаю свирѣпствовавшей въ 1848 году въ г. Старой Русѣ эпидемической холеры, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, въ теченіи лѣта, бываютъ три крестныхъ хода: первый совершается въ день празднованія Казанской иконѣ Божіей Матери 8 іюля въ часовню чуднаго, животворящаго креста Господня, на Ильинской улицѣ. Здѣсь при собраніи всего градскаго духовенства и настоятеля монастыря, поднявъ огромнаго размѣра и вѣса честный крестъ и соборную икону Старорусскія Божія Матери, съ хоругвями, запрестольными крестами и съ мѣстными изъ всѣхъ церквей иконами свыше 50, шествуютъ въ Спасскій монастырь. По совершеніи же здѣсь божественной литургіи, торжественная и величественная процессія начинаетъ свое медленное шествіе вокругъ 1-й части города Старой Русы.—А послѣдніе два градскихъ крестныхъ хода начинаются изъ собора: одинъ изъ нихъ совершается въ первое воскресенье послѣ 8 іюля, вокругъ соборной, а другой 1-го августа вокругъ Введенской стороны города.

При входѣ въ Спасскій монастырь и при выходѣ изъ него привлекають къ себѣ особенное вниманіе надписи на св. воротахъ. Съ наружной стороны ихъ, подъ иконою Спасителя, написано: «Благословенъ грядый во имя Господне; грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ», а съ внутренней, подъ изображеніемъ монастыря: «съ миромъ изыдемъ». Эти надписи сдѣланы покойнымъ настоятелемъ Спасской обители, архимандритомъ Паисіемъ, добродѣтельнымъ старцемъ, строгимъ къ самому себѣ, весьма снисходительнымъ и любвеобильнымъ къ другимъ. Значе-

ніе надписей онъ объяснялъ братіи и посѣтителямъ слѣдующимъ образомъ: «когда идетъ кто къ намъ изъ города, помолиться ли въ храмъ Божіемъ, или побесѣдовать по душѣ, или помощи попросить на нужды свои, пусть онъ впередъ прочтетъ, что писано надъ воротами (а если онъ неграмотный, грамотные ему расскажутъ), пусть знаетъ, что онъ приходитъ съ благословіемъ Божіимъ. А мы должны принять его съ любовію, кто бы ни былъ проходящій къ намъ, должны оказать ему уваженіе, помня, что мы сами всѣхъ грѣшнѣе и недостойнѣе, должны оказать ему помощь, если онъ просить, и послужить ему чѣмъ можемъ, должны подать ему добрый примѣръ своимъ житіемъ и усердіемъ къ службѣ Божіей. Вотъ нашъ долгъ христіанскій и монашескій. Если мы будемъ исполнять этотъ долгъ, всякій богомолецъ, всякій гость будетъ выходить отъ насъ «съ миромъ», и мы сами, отлучаясь когда-либо въ городъ по благословной винѣ, «съ миромъ изыдемъ», то-есть съ чистою совѣстію, не стыдясь и не опасаясь встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было. Если же мы не уважаемъ проходящаго къ намъ, не принимаемъ его съ любовію, не служимъ ему, сколько можемъ, въ нуждѣ его, если подаемъ ему, вмѣсто пользы душевной, соблазнъ слабымъ нашимъ житіемъ и нерадивымъ богослуженіемъ, то мы изгоняемъ грядущаго къ намъ, вопреки слову самого Господа и Спасителя нашего. Для того и написано это слово на воротахъ, чтобы мы всегда его помнили и остерегались столь тяжкаго грѣха». Такія наставленія покойный архимандритъ подкрѣплялъ собственнымъ примѣромъ: онъ не упускалъ ни одной церковной службы, самъ служилъ часто, усердно и благоговѣнно, гостей принималъ радушно и умѣлъ занять ихъ душеполезною бесѣдой, хотя былъ изъ неученыхъ; не отказывался посѣщать жителей города, подавая имъ примѣръ воздержанія и трезвости (хмѣльныхъ напитковъ онъ вовсе не употреблялъ), къ бѣднымъ и страждущимъ былъ необыкновенно сострадателенъ и дѣлилъ съ ними свои послѣднія крохи. Начало

подвиговъ иноческихъ онъ положилъ на Валаамѣ, гдѣ засталъ еще опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, учениковъ великаго старца Назарія, потомъ былъ игуменомъ Сквородскаго монастыря близъ Новгорода. Настоятельство отца Паисія въ Спасской обители продолжалось только три года; онъ скончался въ 1862 году, оставивъ монастырю все свое достояніе, около 600 рублей. Погребенъ за алтаремъ главной церкви; къ сожалѣнію, на могилѣ его, осѣненной деревяннымъ крестомъ, до сихъ поръ еще нѣтъ прочнаго памятника. Всѣ подробности объ от. Паисіѣ сообщилъ мнѣ одинъ изъ Старорусскихъ монаховъ, ученикъ и келейникъ покойнаго архимандрита.

Въ слѣдующемъ письмѣ постараюсь сообщить Вамъ свѣдѣнія о церквахъ, часовняхъ и замѣчательныхъ иконахъ Старой Русы.

Гр. М. Толстой.

Старая Руса
12 іюля 1877 года.

СОВѢТЫ ПРОРОКОВЪ, ПРИГОДНЫЕ ДЛЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

По словамъ мудреца, безвременный рассказъ есть тоже, что музыка во время печали (Сир. 22, 6). Думаемъ, что нашему времени будетъ и благовременно, и прилично выслушать два-три древнихъ рассказа.

Въ царствованіе Іорама Израильскаго Сирійцы очень высококомѣрно обращались съ Израильтянами и постоянно искали предлога къ войнѣ съ ними (4 Ц. 5, 7). Конечно, при такихъ международныхъ отношеніяхъ, до войны открытой было не далеко. И война началась.

На военномъ совѣтѣ Венададъ, царь Сиріи, составилъ, говоря теперешнимъ языкомъ, планъ кампаніи и пошелъ. Израиль едва былъ въ силахъ противостать силамъ Сирійскимъ. Но къ счастью страны, тогда жилъ въ ней пророкъ Елисей. Онъ заранѣе предупреждалъ Іорама о томъ, что Сирійцы тайно избрали такой или иной пунктъ, для нападенія. Іорамъ посылалъ войско и Сирійцы къ своему удивленію встрѣчали отпоръ тамъ, гдѣ рѣшительно не ожидали присутствія еврейскихъ войскъ. Такъ было не разъ и не два. Неудачныя нападенія заронили сильное сомнѣніе въ Венададѣ: не измѣняетъ ли кто изъ лицъ, посвященныхъ въ тайну? Собирается снова совѣтъ и царь спрашиваетъ:

— Скажите мнѣ, кто изъ нашихъ въ сношеніи съ царемъ Израильскимъ?

Въ Сиріи объ Елисеѣ, какъ пророкъ, лица военнаго званія знали еще ранѣе этой войны отъ плѣнныхъ Израильтянъ. Совѣсть ихъ, спрошенная царемъ, отрицала измѣну: сообщеніе кому-либо изъ Израильтянъ составлен-

наго заранѣе Сирійцами плана военныхъ дѣйствій. Поэтому одинъ изъ находившихся на совѣтѣ на вопросъ царя смѣло отвѣтилъ:

— Никто, царь! А Елисей пророкъ, который у Израиля, пересказываетъ царю Израильскому и тѣ слова, которыя ты говоришь въ спальной комнатѣ своей.

Причина раннѣйшихъ неудачъ найдена и рѣшено было ее устранить: взять въ плѣнъ пророка. Шпіоны, отряженные Венададомъ, узнали, гдѣ находился Елисей. Онъ въ Дофаимѣ. Лишь только былъ узнанъ городъ, гдѣ жилъ въ то время пророкъ, какъ туда посланы были кони, колесницы и много войска. Ночью городъ окружили и по утру, когда слугитель Елисея вышелъ, вотъ вокругъ города войско, и кони, и колесницы.

Сирійцы были очень жестоки: они молотили Израильтянъ желѣзными молотилами, когда имъ удавалось вторгнуться въ предѣлы еврейскіе (Амосъ 1, 3). Неудивительно поэтому, что слуга пророческій сильно испугался и воротился къ Елисею съ плачемъ:

— Увы, господинъ мой, что намъ дѣлать?

Для иныхъ можетъ показаться страннымъ успокоительный отвѣтъ пророка: «не бойся, потому что тѣхъ, которые съ нами, больше нежели тѣхъ, которые съ ними». И открывается видѣніе..; но необходимы очи ветхозавѣтной вѣры слугителя пророческаго, чтобы видѣть то, что предстало и принесло полное успокоеніе. И открылъ Господь глаза слугѣ, и онъ увидѣлъ, и вотъ вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругомъ Елисея.

Кончилось видѣніе длл духовныхъ очей слуги пророка, и начинается слѣпота для естественныхъ глазъ враговъ. Къ Елисею подходятъ Сирійцы и ничего не видятъ.

— Это не та дорога и не тотъ городъ, говоритъ пророкъ на вопросы воиновъ. Идите за мною; я провожу васъ къ тому человѣку, котораго вы ищете.

Пророкъ повелъ. Сирійскія ослѣпленныя войска пошли.

Идутъ болѣе четырехъ часовъ, останавливаются съ проводникомъ Елисеемъ и вдругъ видятъ, что они въ Самаріи, столицѣ Израильскаго царства.

Можно представить себѣ, какъ долженъ былъ тревожиться Іорамъ, когда враги были такъ близко, въ четырехъ часахъ пути отъ столицы царства. Такое неожиданное событіе, какъ плѣнные, не могло не показаться царю необычайнымъ. И увидѣвъ Сирійцевъ въ своихъ рукахъ, сверхъ всякаго ожиданія, Іорамъ обратился къ виновнику событія, тажъ радостнаго, Елисею съ вопросомъ:

— Не избить ли ихъ, отецъ мой?

Въ древнее время съ плѣнными врагами и сами Евреи обходились крайне жестоко. Въ войну напр. Амасіи Іудейскаго десять тысячъ живыхъ сыновъ Сеира взяли въ плѣнъ сыны Іудины, и привели ихъ на вершину скалы, и низринули ихъ съ вершины скалы, и всѣ они разбились совершенно (2. Пар. 25, 12). Особенно понятно предложеніе Іорама избить плѣнныхъ, такъ какъ не онъ началъ войну и самозащита давала ему право ослаблять врага, грозившаго Израильтянамъ въ случаѣ пораженія всякими жестокостями, всякими же и средствами. Но какъ отнесся самъ пророкъ къ этому предложенію?

— Не убивай, отвѣтилъ онъ Іораму. Развѣ мечемъ своимъ и лукомъ своимъ ты плѣнилъ ихъ, чтобы убивать ихъ? Предложи имъ хлѣба и воды; пусть ѣдятъ и пьютъ и идутъ къ государю своему.

Слово пророка было услышано. И приготовилъ (Іорамъ) имъ большой обѣдъ и они ѣли и пили. И отпустилъ ихъ, и пошли къ государю своему.

Пророкъ не принялъ предложенія царя, находя его незаконнымъ. Іорамъ не плѣнялъ Сиріянъ мечемъ и лукомъ: онъ не имѣетъ по этому и права кроваваго обычнаго въ то время суда надъ плѣнниками. Разсматриваемый даже съ политической точки зрѣнія, совѣтъ пророка былъ благо-разумнѣе предложенія Іорамова. Послѣ этого, говоритъ

повѣствователь, не ходили болѣе тѣ полчища Сирійскія въ землю Израилеву (4 Царствъ, 6 гл. 8—23 ст.).

Такой же совѣтъ пророческій мы слышимъ въ другой разъ о плѣненныхъ ужь мечемъ, слѣдовательно при другихъ условіяхъ. Въ Сирійско-Израильскую войну съ Іудеями, Израильтяне взяли въ плѣнъ двѣсти тысячъ чело-вѣкъ іудеевъ и, на правахъ побѣдителей, повели ихъ въ Самарію. Не можемъ судить, какая участь ожидала бы здѣсь этихъ плѣнниковъ. Но для насъ важна самая развязка событія. Предъ войско, сопровождавшее плѣнныхъ, выступаетъ пророкъ Одеъ съ рѣчью.

— Богъ отцевъ вашихъ, въ гнѣвъ на іудеевъ, предалъ ихъ въ руку вашу и вы избили ихъ... А развѣ на васъ самихъ нѣтъ вины передъ Господомъ? Итакъ послушайте меня, возвратите плѣнныхъ.

Сознавая за собою вины, на сторону пророка тотчасъ же склонились нѣкоторые начальники и взяли плѣнныхъ и всѣхъ нагихъ изъ нихъ одѣли, и обули ихъ, и накормили ихъ, и напоили ихъ, и помазали ихъ елеемъ, и посадили на ословъ всѣхъ слабыхъ изъ нихъ, и отправили ихъ къ братьямъ ихъ (2 Пар. 28, 8—15).

Какое миролюбіе у пророка! Какая мощь истинно-высокаго челоуѣколюбія! Какая глубина всепрощенія! Долгъ правды требуетъ сказать, не боясь оказаться хвастливымъ, что въ бывшую войну нашъ русскій народъ, какъ будто заблаговременно перечитавъ запомнилъ и взялъ въ образецъ своихъ отношеній къ плѣннымъ туркамъ эти священные рассказы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нагіе плѣнники не одѣты нашей одеждой, не накормлены досыта русскимъ хлѣбомъ, не напоены? Развѣ больные изъ нихъ не помазаны елеемъ? Отъ судебныхъ учрежденій до, къ сожалѣнію, кабака, на всемъ пространствѣ ихъ временнаго поселенія, вездѣ имъ оказана правда, прощеніе обидъ, благотвореніе. Чтобы программу добрыхъ отношеній къ плѣннымъ въ наши дни совершенно выполнить согласно со внушеніями древнихъ пророковъ, намъ остается, ка-

жется, только одно: посадить плѣнныхъ одѣтыхъ, обутыхъ, накормленныхъ и напоенныхъ на ословъ и отпустить къ братьямъ своимъ, къ государю своему...

Но подождемъ извлекать послѣдніе назидательные уроки изъ тѣхъ благовременныхъ разсказовъ, какіе сейчасъ только привели.

Была другая война и съ тѣми же Сирійцами. Она была ранѣе упомянутыхъ, при Ахавѣ отцѣ Іорама. Во главѣ тридцати двухъ царей вассаловъ пошелъ царь Сиріи войной на Израиля. Готовъ былъ Ахавъ на всѣ возможные уступки, чтобы избѣжать тяжелой войны; но видно было, что замышлялось зло, потому что требованія все возрастали. Собралъ Ахавъ старѣйшинъ и предложилъ на ихъ судъ и рѣшеніе вопросъ о войнѣ и мирѣ. И рѣшено было не соглашаться на требованія сирійскія, а воевать. Отказъ сильно раздражилъ Венадада; онъ грозилъ и клялся, что праха самарійскаго не достанетъ по горсти всѣмъ его воинамъ. Но Ахавъ на угрозу благоразумно отвѣтилъ: пусть не хвалится подпоясывающійся, какъ распоясывающійся. Послѣ этого началась осада Израильской столицы; но она была такъ удачно отбита, что самъ Венададъ спасся только благодаря коню отъ преслѣдованій. Впрочемъ неудача не остановила Сирійцевъ; она объяснена была нѣкоторыми неправильностями военныхъ дѣйствій, которыхъ въ слѣдующій разъ должно и можно избѣжать. Поэтому совѣтники предложили походъ новый.

По прошествіи года дѣйствительно Венададъ съ громадною арміею вторгнулся въ предѣлы Израиля; но опять при Афекѣ ему нанесено было сильное пораженіе: сто тысячъ Сирійцевъ пало въ битвѣ, двадцать семь тысячъ задавила павшая городская стѣна. Положеніе царя становилось отчаяннымъ. Нашлись однако у него добрые совѣтники, знавшіе характеръ побѣдителя. Между тѣмъ какъ пораженный бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, отчаявшись въ сохраненіи своей жизни, совѣтники обратились къ нему съ такимъ предложеніемъ:

— Мы слышали, что цари дома Израилева—цари милостивые. Позволь намъ возложить вретича на чресла свои и веревки на головы свои и пойти къ царю Израильскому; можетъ быть онъ пощадитъ жизнь твою.

Во вретичахъ, съ веревками на шеяхъ, въ знакъ того, что Венададъ отдается на судъ и милость побѣдителя, явилось смиренно посольство предъ Ахава.

— Рабъ твой Венададъ говоритъ: пощади жизнь мою.

Польщенный тѣмъ, что такъ униженно просить жизни сильный противникъ, Ахавъ забылъ все: забылъ исторію (1 Цар. 15); забылъ, какъ еще отцу его Амврію недавно былъ предписанъ тѣмъ же Сиріянами унизительный и тяжкій для народа Израильскаго миръ; забылъ и будущую судьбу своего народа.

— Развѣ онъ живъ? Онъ братъ мой: отвѣтилъ Ахавъ на просьбу пословъ.

Тяжелое бремя спало съ плечъ посланниковъ. Они не ждали такой милости; не думали, чтобы недавняго злѣйшаго врага побѣдитель назвалъ своимъ братомъ. Посланники подхватили царское слово и сказали: братъ твой—Венададъ, желаетъ поддержать милостивое расположеніе духа Ахава. Но едва ли нужна была эта хитрость съ ихъ стороны. Милостивый царь тотчасъ пригласилъ къ себѣ Венадада; подали колесницу,—и два недавнихъ врага поѣхали вмѣстѣ.

Побѣжденный конечно не могъ быть еще вполне увѣреннымъ въ томъ, благополучно ли окончится пріемъ пословъ и поѣздка. Ему нужно было такъ или иначе убѣдиться въ милости и, признавая себя побѣжденнымъ, общать побѣдителю лестныя для него выгоды. Между царями завязалась бесѣда, открытая конечно Венададомъ:

— Города, которые взялъ мой отецъ у твоего отца, я возвращаю, и площади ты можешь имѣть для себя въ Дамаскѣ, какъ отецъ мой имѣлъ въ Самаріи.

— Послѣ договора я отпущу тебя, заключилъ дружественно бесѣду Ахавъ.

И заключенъ былъ миръ. И отпущенъ былъ Венададъ.

Въ то время, какъ разсуждали объ условіяхъ мира, подписывали договоръ и провожали плѣнника, Сирійскаго царя, происходило другое событіе.

Одинъ изъ сыновъ пророческихъ сказалъ другому: бей меня! Но этотъ не согласился и за то, на дорогѣ, растерзалъ его левъ.—Такъ наказаніе несетъ всякій, кто изъ ложныхъ воззрѣній, какъ бы они на первый взглядъ ни казались разумны, не служитъ самоотверженно дѣлу Божію. Но слово Божіе не возвращается назадъ тщетно: отказывается одинъ, находится другой. Дѣйствительно нашель сынъ пророческій другаго человѣка и обратился къ нему съ тѣмъ же неожиданно-страннымъ требованіемъ: бей меня! Этотъ, послушный слову пророка, билъ его до того, что изранилъ побоями. И пошелъ избитый пророкъ. Эти выпрошенные усиленно жестокіе побои и раны были прообразомъ того, чего долженъ былъ ждать отъ Сирійцевъ Ахавъ и народъ Израильскій.

Прикрывши покрываломъ свои глаза, сталъ избитый при той дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Ахавъ послѣ заключенія мира. Ёдетъ наконецъ царь, и сынъ пророческій останавливаетъ побѣдную колесницу жалобю:

— Рабъ твой ходилъ на сраженіе, и вотъ одинъ человѣкъ, отошедшій въ сторону, подвелъ ко мнѣ человѣка, и сказалъ: стереги этого человѣка; если его не станеть, то твоя душа будетъ за его душу, или ты долженъ будешь отвѣсить талантъ серебра. Когда рабъ твой занялся тѣми и другими дѣлами, его не стало.

— Таковъ тебѣ и приговоръ; ты самъ рѣшилъ, отвѣтилъ Ахавъ.

Быстро снявши покрывало съ глазъ, сынъ пророческій предрекъ царю: <такъ говоритъ Господь: за то, что ты выпустилъ изъ рукъ твоихъ человѣка, заклятаго Мною, душа твоя будетъ вмѣсто его души, народъ твой вмѣсто его народа> (3 Цар. 20, 1—42). Встревоженнымъ и огор-

ченнымъ поѣхалъ царь, достойный сожалѣнія, послѣ этихъ грозныхъ предсказаній.

Такъ и случилось. Недолговременно было ослѣпленіе и вѣра Ахава въ искренность и крѣпость Афекскаго договора.

Политика побѣжденнаго всегдашняго врага извѣстна: «устаи онъ усладить тебя, но въ сердцѣ своемъ онъ замышляетъ ввергнуть тебя въ яму: глазами своими врагъ будетъ плакать, а когда найдетъ случай, не насытится кровью. Если встрѣтится съ тобой несчастіе, ты найдешь его тамъ прежде себя, и онъ, какъ будто желая помочь, подшибетъ тебѣ ногу».

Отсюда и практическое правило отношеній къ нему: «не вѣрь врагу твоему во вѣкъ; ибо какъ ржавѣтъ мѣдь, такъ и злоба его. Хотя бы онъ смирился и ходилъ наклонясь, будь внимателенъ душой твоей и остерегайся его; будь предъ нимъ, какъ человѣкъ имѣющій чистое зеркало, и ты узнаешь, что онъ не до конца изоржавѣлъ». (Сир. 12, 10—11. 16—17).

Клятвопреступный Венададъ, побѣжденный и помилованный врагъ, не выполнилъ договора: онъ не отдалъ обѣщанныхъ городовъ, и началась война снова. Сирійскій же царь приказалъ въ уплату за милость, три только года назадъ тому ему оказанную, не сражаться ни съ малымъ, ни съ великимъ, а только съ однимъ царемъ Израильскимъ. Напрасно передѣвался Ахавъ, чтобы не быть узаннымъ. Одинъ человѣкъ случайно натянулъ лукъ и ранилъ царя Израильскаго сквозь швы латъ. Рана была смертельна, и Ахавъ въ тотъ же вечеръ умеръ. Послѣдовала паника, пораженіе и отступленіе Израильскихъ войскъ (3 Цар. 22 гл.).

Сопоставляя все разсказанное, мы теперь находимъ, что на все есть свое время,—время, когда обнимать, и время, когда удаляться отъ объятій (Еклез. 3, 5). Особенно такая осторожная и благоразумная оцѣнка времени и его требованій нужна въ наши лукавые дни (Ефес.

5, 15—16), когда нужно не только разсматривать, но и беречь время.

Заключенъ миръ; но нѣтъ мира въ мірѣ. Едва только кончилась брань, какъ настойчиво носятся слышанія новымъ, болѣе ужаснымъ, бранемъ (Мф. 24, 4). Еще такъ недавно открекшіеся отъ нашего призыва къ умиротворенію міра, желая воспользоваться плодами нашихъ трудовъ, или скорѣе уничтожить плоды нашихъ миротворительныхъ трудовъ, насъ теперь нагло спрашиваютъ съ угрозой: для чего ты ходилъ воевать, а насъ не позвалъ съ собою? Мы сождемъ домъ твой и съ тобой вмѣстѣ (Суд. 12, 1—2).

Въ виду такихъ слышаній обычна предосторожность, выражается ли она въ разнообразныхъ приготовленіяхъ для встрѣчи врага (2 Парал. 11, 5. 12. 23; 26, 11—15), или же въ расчетѣ: достаточно ли силъ для сопротивленія. Истина старая: какой царь, идя на войну противъ другаго царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство просить о мирѣ (Луки 14, 31—32).

Намъ нѣтъ нужды просить мира, когда миръ такъ недавно и такъ униженно былъ выпрошенъ у насъ.

Условія мира, въ главныхъ своихъ чертахъ, изстари у всѣхъ народовъ были одни и тѣже. Одинъ изъ пророковъ сохранилъ намъ такія условія, предложенныя царемъ Вавилонскимъ мятежному дому—Іудеѣ. «И заключилъ, сказано, (Навуходоносоръ съ Седекіею) съ нимъ союзъ, и обязалъ его клятвою, и взялъ сильныхъ земли той (Іудеи) съ собою, чтобы царство было покорное, чтобы не могло подняться, чтобы сохраняемъ былъ союзъ и стоялъ твердо» (Лезек. 17, 12—14). Но Седекія отложился отъ Навуходоносора, взявшаго клятву съ него именемъ Бога и сдѣлалъ упругою шею свою. Замысливъ измѣну, онъ послалъ пословъ своихъ въ Египетъ, надѣясь на эту трость надло-

мленную, которая, если кто опрется на нее, войдетъ тому въ руку и проколетъ ее (Исаи 36, 6; Иерем. 2, 36—37), чтобы дали ему коней и много людей.

Нельзя пройти вниманіемъ въ этомъ случаѣ безпристрастія пророка. Его ли сердце не должно было болѣть о судьбѣ отечества? Онъ ли, какъ гражданинъ царства, не долженъ былъ желать ему всякаго процвѣтанія и свободы? И однакожь онъ требовалъ, чтобы клятвенный завѣтъ, данный во имя Бога язычнику, былъ ненарушимъ послѣ того, какъ дана рука (Иезек. 17, 15—18).

А что слышимъ мы о мятежномъ домѣ, заложниками котораго остались плѣнные? Не посылаются ли куда-либо послы, не шлются ли откуда-либо предложенія коней и многихъ людей, хотя намъ уже и дана рука?

Въ виду тревожнаго положенія дѣлъ, сомнительныхъ, двуличныхъ отношеній, слышанія бранемъ, для насъ не можетъ быть безразличнымъ, не требующимъ яснаго отвѣта, древній вопросъ: «измѣнитъ ли Египтянинъ кожу свою и барсъ пятна свои? Можетъ ли дѣлать доброе, привыкшій дѣлать злое» (Иерем. 13, 23)? Получившій отъ насъ доброе будетъ ли платить намъ и защищаемымъ нами нашимъ единовѣрнымъ добромъ же, или ессалійскими, египетскими и македонскими непрерывающимися ужасами?

Времени отъ заключенія мира доселѣ прошло уже довольно и нѣтъ сомнѣнія, что десятки тысячъ матерей выглядываютъ въ окно и вопятъ сквозь рѣшетку: «что долго нейдетъ конница, что медлятъ колеса колесницъ?» не имѣя и возможности, какъ бывало давно, прежде, обманывать себя утѣшительными предположеніями, что умедлившіе, «вѣрно, нашли и дѣлать добычу, по дѣвицѣ, по двѣ дѣвицы на cadaго воина (восточный вкусъ). Въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисарѣ, полученная въ добычу разноцвѣтная одежда, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника» (Суд. 5, 28—30).

Сострадаая, однакожь, тѣмъ воплямъ долгихъ ожиданій, тѣмъ материнскимъ слезамъ,—при замышляемыхъ измѣ-

нахъ, угрозахъ и слышаніяхъ бранемъ, должны ли мы сказать плѣннымъ слово освобожденія (Исаи 61, 1), то слово, которое такъ внятно мы слышали отъ пророковъ? Но отъ пророка же сейчасъ мы слышали и другое. И та послѣдняя милость, которую мы намѣреваемся оказать имъ, не ляжетъ ли тяжкимъ бременемъ страданій на нашихъ братьевъ, на насъ самихъ наконецъ, если она будетъ рановременно оказана?

Для людей, говорилъ когда-то нашъ отечественный историкъ, Новый завѣтъ; а для государствъ въ политикѣ Ветхій. (Историко-политическія письма и записки Погодина въ продолженіе Крымской войны.)

Поэтому, пусть относится къ плѣннымъ каждый похристіански. Но не лучше ли намъ, какъ государству, перехватить переправу, чтобы, не полагаясь на голословныя только увѣренія, и спытать задержанныхъ болѣе вѣрнымъ способомъ, спросить, что они намъ отвѣтятъ: шибболеть, или сибболеть? (Суд. 12, 5—6). Если языкъ выдастъ природу: то и природа, свойства ея, качества, привычки, непременно должны выдать обманчивый языкъ.

По Апостолу, многое въ Ветхомъ завѣтѣ описано въ наставленіе намъ, достигшимъ послѣднихъ вѣковъ (1 Кор. 10, 11).. Поэтому-то мы и привели ветхозавѣтные рассказы, какъ благовременные.

—й—з.

ПОПЫТКА ДАРВИНА ПОМИРИТЬ СВОЮ ТЕОРИЮ СЪ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫМЪ ЧУВСТВОМЪ ХРИСТІАНИНА.

(Къ характеристикѣ англичанъ.)

Ни изложенія, ни разбора теоріи знаменитаго англійскаго естествоиспытателя Чарльза Дарвина мы не имѣемъ въ виду дѣлать. Это уже не разъ сдѣлано во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. Мы намѣрены лишь бросить взглядъ, если не ошибаемся, на неразсмотрѣнную еще никѣмъ попытку этого ученаго примирить свою теорію съ высшими интересами человѣка. Сдѣлать это намъ кажется небезынтереснымъ даже въ виду современныхъ политическихъ явленій... Для большей ясности нашей замѣтки считаемъ умѣстнымъ напомнить читателю основную мысль теоріи Дарвина. Этотъ естествоиспытатель старается объяснить все развитіе міра органическаго, начиная отъ ничтожной былинки и кончая человѣкомъ, дѣйствіемъ, такъ пазываемаго у него, начала «борьбы за существованіе». Организмы постоянно борются между собой и въ этой борьбѣ, которая разнообразна до безконечности, незамѣтно усовершенствуются; такое совершенствованіе продолжается милліоны лѣтъ и никогда не окончится. Борьба эта, какъ борьба не на животъ, а на смерть, требуетъ конечно безчисленныхъ жертвъ. Переживаютъ ее только болѣе сильные организмы, остальные глохнутъ и помираютъ, не доживя вѣка. Теорія въ общемъ не чужда чувства кровожадности. Дарвинъ весьма ясно понимаетъ, что религіозныя и нравственныя симпатіи человѣка, насколько послѣдній дорожитъ своимъ достоинствомъ и своими христіанскими убѣжденіями, не могутъ относиться благопріятно къ его теоріи. Это сознаніе побуждаетъ

его такъ или иначе, насколько это возможно, помирить читателя съ своей теоріею или по крайней мѣрѣ внушить ему не слишкомъ оскорбляться ею. Но все это тщетно и тщетно. Религіозное чувство и нравственный смыслъ не могутъ быть подкуплены голословными увѣреніями и даже сладкими словами Дарвина. Дарвинъ находитъ, что какъ ни сильно ломаетъ его теорія, сложившіяся вѣками и освященныя религіей, понятія человѣчества, тѣмъ не менѣе она будто имѣетъ такія качества, которыя должны заставить замолкнуть самое щекотливое чувство. Онъ находитъ, что его теорія въ своемъ родѣ не лишена величія. «Есть величіе, говоритъ онъ, въ этомъ возрѣніи, по которому жизнь съ ея разнородными силами была вдохнута первоначально въ немногія (органическія) формы или лишь въ одну,—по которому, межъ тѣмъ какъ земля продолжаетъ кружиться по вѣчному закону тяготѣнія, изъ столь простаго начала развились и доселѣ развиваются безчисленныя формы дивной красоты» (Дарвинъ, «О происхожденіи видовъ», стр. 387. Переводъ Рачинскаго 1864 года). Онъ увѣряетъ, что его теорія даже болѣе сообразна съ идеей Творца, чѣмъ всякая другая теорія. «На мой взглядъ, рассуждаетъ онъ, болѣе согласно съ тѣмъ, что намъ извѣстно о законахъ напечатлѣнныхъ Творцемъ на вещественномъ мірѣ, предположить, что возникновеніе и вымираніе нынѣшнихъ и прежнихъ жителей земли обусловлено вторичными причинами (т.-е. съ исключеніемъ Верховной причины), подобными тѣмъ, которые обуславливаютъ рожденіе и смерть каждой особи. Когда я смотрю на всѣ живыя существа, говоритъ Дарвинъ, не какъ на отдѣльныя созданія (это библейское ученіе), но какъ на прямыхъ потомковъ нѣкоторыхъ немногихъ существъ, жившихъ задолго прежде отложенія перваго пласта Силурской системы (это одна изъ древнѣйшихъ формаций, признаваемыхъ геологіей), они кажутся мнѣ облагороженными» («О происхожденіи видовъ», стр. 386). Но едва ли кто согласится смотрѣть на дѣло такъ, какъ заставляетъ смо-

трѣтъ Дарвинъ, если ясно и отчетливо представимъ себѣ процессъ происхожденія міра органическаго по мнѣнію этого натуралиста. Гдѣ тутъ «величіе», гдѣ тутъ большая сообразность съ идеями Божества, гдѣ тутъ облагороженность твари, когда по словамъ самого Дарвина только «изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти слѣдуетъ это высокое явленіе, именно возникновеніе высшихъ формъ жизни» («О происхожденіи видовъ», стр. 387), когда для достиженія подобнаго результата «въ продолженіе долгихъ столѣтій должна была происходить борьба между разными видами деревьевъ, разсыпающихъ ежегодно каждое тысячи сѣмянъ, должна была происходить война между разными насѣкомыми,—между насѣкомыми, улитками и другими животными, и хищными звѣрями и птицами» («О происхожденіи видовъ», стр. 61), когда по его словамъ ни на минуту «не должно забывать, что каждое изъ отдѣльныхъ органическихъ существъ, окружающихъ насъ купило свою жизнь борьбою въ опредѣленный періодъ своего развитія, что жестокое истребленіе неминуемо поражаетъ организмы молодые и взрослые въ теченіе каждаго поколѣнія или въ опредѣленный срокъ» («О происхожденіи видовъ», стр. 54)? Что особенно величественнаго въ подобныхъ представленіяхъ о происхожденіи существъ органическихъ на землѣ? Міръ есть бойня, вотъ основное понятіе Дарвиновой теоріи: онъ былъ бойней, бойня есть, и бойней будетъ! Дарвинова теорія есть какой-то призывъ къ безусловной кулачной расправѣ! Это ли онъ называетъ сообразностію съ идеями, напечатлѣнными Творцемъ на мірѣ вещественномъ? Интересно знать: не представляетъ ли себѣ Дарвинъ Божество въ видѣ библейскаго Молоха, которому угодно и пріятно зрѣлище кровавыхъ жертвоприношеній?! Что касается въ частности до его теоріи о происхожденіи челоуѣка, то Дарвинъ хорошо понимаетъ, что она не можетъ быть принята съ одобреніемъ. «Я знаю, говоритъ онъ, что заключенія, къ которымъ приводитъ это сочиненіе «О происхожденіи чело-

вѣка», будутъ названы крайне нерелигіозными» (Дарвинъ, «Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу». Два тома; переводъ Сѣченова. 1871 г. томъ 2, стр. 441). Еще бы! И въ успокоеніе читателя старается съ одной стороны увѣрить его, что, какъ бы то ни было, происходитъ отъ животнаго лучше, чѣмъ происходитъ отъ какого-нибудь дикаря (ужь не Адамъ ли это), а съ другой стороны внушить, что вести свой родъ отъ животнаго лучше, чѣмъ происходитъ изъ пыли (персть земли). «Что касается до меня, вкрадчиво говоритъ Дарвинъ, я бы скорѣе желалъ быть потомкомъ маленькой храброй обезьянки (не такой ли, которая умѣетъ боксировать: о вкусахъ не спорять), чѣмъ быть потомкомъ дикаря, который наслаждается мученіями своихъ непріятелей» («О происхожденіи человѣка», т. 2, стр. 451). Быть можетъ авторитетъ такого естествоиспытателя, какъ Дарвинъ, и побудитъ кого-нибудь раздѣлять подобныя желанія; но конечно далеко не всѣ охотно повторяютъ эти слова Дарвина! Представимъ другой родъ утѣшеній, съ которыми съ чисто іезуитскою предупредительностію обращается Дарвинъ къ своимъ читателямъ. «Если мы не станемъ, говоритъ онъ, добровольно закрывать глазъ, то и съ теперешними нашими познаніями намъ можно будетъ приблизительно узнать нашихъ прародителей. *Стыдятся ихъ право нечего* (ужь должно быть многимъ стыдно за васъ, мистеръ Дарвинъ, когда вы такъ льнете къ своимъ читателямъ съ вашими убаюкиваньями)! Самый скромный организмъ все-таки несравненно выше неорганической пыли подъ нашими ногами» («Происхожденіе человѣка», т. 1, стр. 241). Но вотъ подите же! Даже люди, готовые слѣдовать по пятамъ Дарвина, не могутъ не стыдиться подобнаго родства человѣка съ низшими животными. Такъ Шлейденъ говоритъ: «какое мѣсто принадлежитъ человѣку въ огромной цѣпи существъ? Принадлежитъ ли онъ къ нимъ по своему физическому происхожденію, кто его ближайшая родня, и въ чемъ заключаются замѣчательныя

свойства, благодаря которымъ онъ сдѣлался властелиномъ всего созданія? Это чувство властелина наполняетъ чело-вѣка гордостію; оно должно наполнять его гордостію, если и признать обезьяну его предкомъ (!). Но *эта родня есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ несогласія съ ученіемъ Дарвина*, которое съ этой точки зрѣнія, надо признаться, не легко примирить, и во всякомъ случаѣ естественныя науки сами по себѣ не въ состояніи этого сдѣлать» (Шлейденъ, «Древность рода человѣческаго» и пр., стр. 51—2. Переводъ 1865. Изд. 2-е). Извѣстный естествоиспытатель Бэръ произноситъ слѣдующее сужденіе вообще о теоріи Дарвина: «вся эта гипотеза о преобразованіи видовъ есть фантастическое произведеніе, не основанное ни на какомъ реальномъ наблюденіи». «И къ чему эта попытка? спрашиваетъ Бэръ. Признаемся откровенно, что естествовѣдѣніе хотя дѣлаетъ вѣроятнымъ, что не всѣ животныя появились въ одно время, но о способѣ, какимъ произошли различныя формы, нельзя сказать рѣшительно ничего. И такъ какъ наука въ этомъ отношеніи не можетъ ничего сдѣлать, то отчего мы не хотимъ оставить этой чести Творцу, первой причинѣ всякаго бытія» (Журн. «Натуралистъ», за 1865 годъ, стр. 433, 367)?—Въ настоящее время, когда взоры всѣхъ Россіянъ обращены на сыновъ коварнаго Албіона, не мѣшаетъ почаще приводить себѣ на память: какую фальшь, сколько ложнаго благочестія, сколько лицемерія, сколько напускнаго чувства можно находить даже у великихъ мужей англійской націи? Что такое сей часъ приведенныя мысли Дарвина?—Иезуитская сдѣлка съ совѣстію: Дарвинъ хочетъ и прослыть передовымъ мыслителемъ, и боится упрековъ въ атеизмъ. Отсюда его сладкія рѣчи къ читателю. Не то ли же самое видимъ теперь во всей англійской націи: хочется и барышей не упускать и честное имя сохранить.

А. Л—въ.

Апрѣля 7 дня.
1878 г.

КЛИМАТЪ СВ. ЗЕМЛИ.

Предварительныя общія замѣчанія. — Времена года въ св. землѣ. *Зима*: Зимнее время въ Палестинѣ—преимущественно время дождей; начало зимнихъ дождей: дожди въ ноябрѣ и декабрѣ; окончаніе дождей и вмѣстѣ зимняго времени; дожди ранніе и поздніе и упоминанія о нихъ въ Библейскихъ книгахъ. Снѣгъ въ зимнее время: быстрое его исчезновеніе; бѣдствія, причиняемыя снѣгомъ въ сѣверовосточной части св. земли; знакомство обитателей св. земли съ вѣчными снѣгами; снѣгъ по изображенію Библии. Градъ зимою; бѣдствія, причиняемыя имъ.—Морозы.—Зимніе пути и ихъ неудобство.—Ясные дни зимою.—Земледѣльческія занятія въ св. землѣ въ зимнее время, благотворность раннихъ и позднихъ дождей для земледѣлія.—Растительность зимою.—*Лѣто*: начало лѣта; вторая половина апрѣля и первая половина мая—лучшее время Палестинскаго года; состояніе неба, воздуха и растительной жизни въ это время; майскіе дожди и облака; лѣтняя засуха, наступающая со времени жатвы; дѣйствіе ея на растительность; печальный видъ Палестины въ лѣтнюю засуху; конецъ лѣта; изсяканіе водъ; первые признаки приближенія раннихъ дождей.—Палестинскія лѣтнія росы.

Палестина принадлежитъ къ числу южныхъ теплыхъ странъ *). Сѣверная ея часть лежитъ на одной линіи съ южными частями Греціи, Италіи и Испаніи, включая сюда и острова; ея южныя пустынные равнины соотвѣтствуютъ сѣверному берегу Африки, омываемому Средиземнымъ моремъ. Въ долгіе лѣтніе дни солнце на безоблачномъ небѣ Палестины стоитъ хотя не надъ самою головою, но во всякомъ случаѣ очень высоко **) и почти отвѣсно бросаетъ свои лучи; притомъ оно никогда не скрывается за горизонтъ на очень продолжительное время: самый

*) Палестина находится на 31—33°, 16' сѣверной широты.

**) На 10' къ югу отъ зенита.

короткій зимній день въ Палестинѣ равняется почти 10 часамъ *). Поэтому святая земля относительно смѣны временъ года, относительно дождя и снѣга, холода и тепла, влажности и прозрачности воздуха и вообще относительно явленій, опредѣляющихъ *климатъ* извѣстной страны, представляетъ такія особенности, съ которыми незнакомы обитатели сѣверныхъ странъ. Вдобавокъ эти климатическія особенности въ значительной мѣрѣ разнообразятся и, по временамъ, становятся рѣзкими, благодаря своеобразному характеру, которымъ обладаетъ поверхность Палестины, состоящая то изъ горъ, высоко стоящихъ надъ уровнемъ моря, то изъ углубленій, лежащихъ ниже этого уровня. Немалое также вліяніе на климатъ Палестины, на его разнообразіе и особенности, оказываютъ прилегающія къ ней съ юга и востока каменистыя и песчаныя пустыни съ ихъ знойными и сухими вѣтрами.

Времена года въ св. землѣ.

Жителямъ святой земли неизвѣстно раздѣленіе года на четыре времени: они какъ знали въ древности, такъ и въ настоящее время знаютъ только два времени года—зиму и лѣто. Но палестинская зима и лѣто имѣютъ мало общаго съ тѣми же временами года на сѣверѣ. Палестинская зима—это не время глубокихъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ, но періодъ дождей, продолжающійся около 6 мѣсяцевъ. Палестинское лѣто—не то извѣстное намъ сравнительно короткое время, состоящее изъ смѣны то ясныхъ, то дождливыхъ теплыхъ дней, но также шестимѣсячный періодъ времени, отличающійся тѣмъ, что во все его продолженіе изо дня въ день съ утра до вечера свѣтитъ солнце и не бываетъ ни дождей, ни грозъ.

*) Въ самый короткій зимній день солнце въ Палестинѣ восходитъ въ началѣ осьмаго часа, заходитъ почти въ пять. Самый продолжительный лѣтній день имѣетъ нѣсколько болѣе 14 часовъ. Въ этотъ день солнце восх. въ 4 ч. 57 м., зах. въ 7 ч. 3 м.

Зима.

Во второй половинѣ октября, а иногда и въ началѣ ноября въ Палестинѣ начинаютъ выпадать дожди: съ этихъ поръ и настаетъ палестинская зима. Сначала дожди бываютъ незначительны, но затѣмъ мало-по-малу усиливаются и иногда, преимущественно по ночамъ, превращаются въ ливни. Особенною дождливостію отличаются ноябрь и декабрь; въ ноябрѣ и декабрѣ дожди идутъ иногда пять и болѣе дней сряду. Такъ, во время путешествія Зеетцена по Палестинѣ въ 1806 г. первая половина декабря была замѣчательно дождлива и пасмурна; именно съ шестаго по десятое число декабря дождь шелъ каждый день и по ночамъ переходилъ въ ливень; затѣмъ 11 числа стоялъ туманъ; 12 и 14 палестинское небо покрывали тяжелыя дождевыя тучи (Seetzen II, 206. 214. 216). По наблюденію Тоблера, зимою 1843—44 г. въ ноябрѣ и декабрѣ было 30 дождливыхъ дней; во всѣ же прочіе зимніе мѣсяцы только 33 дня (Robinson, Phys. Geogr. 288). Въ январѣ, февралѣ и мартѣ дожди идутъ рѣже; въ началѣ апрѣля они вовсе прекращаются *); вмѣстѣ съ ними оканчивается и палестинская зима. Такимъ образомъ зима въ святой землѣ обнимаетъ собою часть нашей осени, всю зиму и часть весны.—Зимніе дожди сопровождаются по большей части грозами и сильнымъ холоднымъ вѣтромъ. О грозѣ, или молніи и громѣ упоминается, между прочимъ, въ книгѣ Іова 36, 32. 33; 38, 25. 26. Въ послѣднемъ цитатѣ говорится о громоносной молніи именно во время зимнихъ дождей. Библейскія книги нерѣдко говорятъ о *раннихъ и позднихъ дождяхъ* (Второз. 11, 14; Іер. 3, 3; 5, 24; Ос. 6, 3; Іоиль 2, 23; Зах. 10, 1; Притч. 16, 15; Іаков. 5, 7). Ранними дождями называются дожди,

*) Дождь бываетъ и въ первыхъ числахъ мая, но какъ весьма рѣдкое исключеніе (Robins. Phys. Geogr. 288. 291).

выпадающіе въ октябрѣ, въ началѣ зимняго времени; поздними—мартовскіе и апрѣльскіе дожди.

Зимою въ Палестинѣ выпадаетъ также снѣгъ, хотя и не ежегодно. Снѣгъ начинаетъ падать въ декабрѣ, затѣмъ идетъ довольно часто въ январѣ и февралѣ и покрываетъ землю на $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе (Raumer, Paläst., S. 90. Anmerk. 7; 1 Макк. 13, 22). Въ мартѣ онъ появляется очень рѣдко *). Снѣгъ однакоже лежитъ очень не долго, по большей части лишь нѣсколько часовъ и не болѣе одного дня. Бываютъ, впрочемъ, исключенія. Такъ въ 1797 г. снѣгъ въ Іерусалимѣ лежалъ около 13 дней, въ 1818 г. 5 дней (Robins., Phys. Geogr. 228). Довольно долго иногда лежитъ снѣгъ на высокихъ горахъ Галаада (Seetzen, II, S. 300). Снѣгъ, какъ утверждаютъ обитатели Палестины, содѣйствуетъ обильному урожаю хлѣба и нѣкоторыхъ плодовъ (Seetzen II, 290). При всей своей, такъ сказать, мимолетности, снѣгъ причиняетъ иногда не мало бѣдъ обитателямъ святой земли, если не въ западной ея части, то въ восточной—въ нынѣшнемъ Гавранѣ. На равнинахъ Гаврана, принадлежавшаго нѣкогда Огу Васанскому, а затѣмъ полуколѣну Манассину, въ зимнее время бываютъ иногда сильныя метели, губительно дѣйствующія на людей и животныхъ. Такъ въ одну изъ подобныхъ метелей въ февралѣ 1860 г. зазябли цѣлыя стада овецъ, козъ и верблюдовъ, пасшихся на Гавранскихъ лугахъ, а также погибло много народу (Keil und Delitzsch, Bibl. Comment. IV, 2, 464). Сопровождаемая несчастіями зимнія метели бывали въ Гавранѣ, какъ кажется, и въ библейскія времена. По крайней мѣрѣ, указаніе на это можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ Господа къ Іову, обитавшему въ странѣ, называемой нынѣ Гавраномъ: «Входилъ ли ты въ хранилища снѣга, и видѣлъ ли сокровищницы

*) О снѣгѣ въ мартѣ говоритъ Фанъ-де-Фельде. Во время пребыванія этого путешественника въ Хевронѣ, въ двадцатыхъ числахъ марта 1852 г., почти три дня продолжалась буря, сопровождаемая постоянною вьюгою и дождемъ (Velde, II, S. 96. 97).

града, которыя берегу я на время смутное, на день битвы и войны?» Правда, здѣсь слова: «сокровищницы града» и «на день битвы и войны», быть можетъ, указываютъ на событіе, описанное въ книгѣ Иисуса Навина 10, 11; но упоминаніе о хранилищахъ снѣга и намекъ на губительное дѣйствіе послѣдняго, подобное дѣйствію града, всего вѣроятнѣе имѣетъ отношеніе къ снѣгамъ сѣверо-восточныхъ (нынѣ Гавранскихъ) равнинъ св. земли. Слѣдуетъ замѣтить, что обитателямъ Палестины знакомы и вѣчные снѣга, хотя собственно въ святой землѣ снѣгъ явленіе случайное. Именно снѣгъ не таетъ никогда въ нѣкоторыхъ особенно дикихъ ущельяхъ Ливанскихъ и Гермонскихъ горъ, стоящихъ на сѣверныхъ границахъ св. земли.

О снѣгѣ часто упоминается въ библейскихъ книгахъ, особенно учительныхъ. По словамъ этихъ книгъ, снѣгъ спадаетъ на землю изъ недовѣдомыхъ небесныхъ пространствъ (Іов. 38, 22; Ис. 55, 10), по повелѣнію божественному (Іов. 37, 6; Сирах. 43, 14; Пс. 148, 8), спадаетъ подобно волнѣ, птицамъ или саранчѣ (Псал. 147, 5; Сир. 43, 19); снѣгъ составляетъ принадлежность зимы, но никакъ не лѣта; снѣгъ также не свойственъ лѣту, какъ глупому почести (Прит. 26, 1); снѣговая вода—вода самая чистая (Іов. 9, 30). Особенное вниманіе библейскихъ писателей останавливала на себѣ бѣлизна снѣга, красотѣ которой, по словамъ Сираха, удивляется глазъ (Сир. 43, 20); поэтому они нерѣдко сравниваютъ съ снѣгомъ все особенно чистое даже въ нравственномъ смыслѣ, и все, что поражало своимъ бѣлымъ, блестящимъ цвѣтомъ (Пс. 50, 9; Ис. 1, 18; Плачъ 4, 7; Дан. 7, 9; Мѡ. 28, 3; Мр. 9, 3. Апок. 1, 14). Изъ книги Притчей мы узнаемъ, что древніе Евреи дѣлали изъ снѣга практическое употребленіе. Въ лѣтнюю пору они добывали его, по всей вѣроятности, въ ущельяхъ Ливана и Ермона и освѣжали имъ питье во время жатвы; отсюда въ книгѣ Притчей мы встрѣчаемъ такое сравненіе: «что прохлада отъ снѣга во время жатвы, то вѣрный посолъ для посылающаго его; онъ доставляетъ

душѣ господина своего отраду» (Прит. 25, 13). И въ настоящее время поселяне изъ окрестностей Дамаска лѣтомъ достаютъ въ горныхъ ущельяхъ зимній снѣгъ и доставляютъ его какъ въ Дамаскъ, такъ и въ города, стоящіе на берегу Средиземнаго моря (Keil und D., В. Comm. IV, 3, S. 406). Упомянутое о снѣгѣ мы находимъ еще въ Исх. 4, 6; Числ. 12, 10; 4 Цар. 5, 27.

Кромѣ снѣга, въ св. землѣ выпадаетъ *градъ*, притомъ гораздо чаще, нежели снѣгъ. Мелкій градъ съ дождемъ тамъ очень обыкновенное явленіе. Не рѣдкость и крупный градъ величиною съ горошину, съ небольшое бобовое зерно, и даже значительно болѣе. Такъ зимою 1821 г. въ Назаретѣ не однажды выпадалъ градъ съ голубиное яйцо (Robins. Phys. Geogr. 289). О крупномъ зимнемъ градѣ говоритъ Библия, называя крупныя градины камнями града (I. Нав. 10, 11; Ис. 30, 30; Іезек. 13, 13). Градъ нерѣдко сопровождается бурнымъ вѣтромъ. Крупный градъ съ бурей не можетъ не причинять значительнаго вреда; и дѣйствительно на бѣдствія отъ града и бури мы находимъ указанія, между прочимъ, у ветхозавѣтныхъ пророковъ. Такъ пр. Іезекіиль, обличая въ 13-й гл. ложныхъ пророковъ и указывая на горестныя послѣдствія ихъ дѣятельности, для нагляднаго изображенія этихъ послѣдствій беретъ образы отъ разрушительнаго дѣйствія крупнаго града, соединеннаго съ бурей; именно пророкъ отъ лица Іеговы говоритъ: «когда онъ (народъ) строить стѣну, они (ложные пророки) обмазываютъ ее грязью; скажи обмазывающимъ стѣну грязью, что она упадетъ. Пойдетъ проливной дождь, и вы, каменные градины, падете, и бурный вѣтеръ разорветъ ее. И вотъ падетъ стѣна; тогда не скажутъ ли вамъ: гдѣ та обмазка, которою вы обмазывали? Посему такъ говоритъ Господь Богъ: я пушу бурный вѣтеръ во гнѣвъ моемъ, и пойдетъ проливной дождь въ ярости моей, и камни града въ негодованіи моемъ, для истребленія. И разрушу стѣну, которую вы обмазывали грязью, и повергну ее на землю, и откроется осно-

ваніе ея, и падеть, и вы вмѣстѣ съ нею погибнете; и узнаете, что я Господь» (13, 10—14). О градѣ и его разрушительныхъ дѣйствіяхъ говорить также пророкъ Исаія (28, 17; 30, 30). Во времена Исуса Навина необыкновенно крупный градъ окончательно рѣшилъ исходъ сраженія между царями Амморейскими, жившими на горахъ, и Израилътанами въ пользу послѣднихъ. Объ этомъ событіи священный повѣствователь говоритъ слѣдующее: «когда они (цари Амморейскіе съ ихъ ополченіемъ) бѣжали отъ Израилътянъ по скату горы Веоронской; Господь бросалъ на нихъ съ небесъ большіе камни (града), до самаго Азека, и они умирали; больше было тѣхъ, которые умерли отъ камней града, нежели тѣхъ, которыхъ умертвили сыны Израилевы мечемъ» (I. Нав. 10, 11).

Зимою въ Палестинѣ бываютъ изрѣдка морозы, но не сильныя, такъ что палестинская почва никогда не замерзаетъ; и только поверхность воды въ прудахъ покрывается иногда на день-на два тонкимъ льдомъ (Robins., Phys. Geogr. S. 289). Впрочемъ при всей незначительности морозовъ, въ Палестинѣ бывали случаи замерзанія, или, точнѣе, зазябанія. Такъ въ 1754 г. около Назарета замерзло 25 человекъ (Raumer. Paläst. S. 90). Во время морозовъ появляется иней. О морозахъ, иней, ледъ и замерзаніи воды довольно часто упоминаютъ библейскія книги. Такъ въ кн. Іова мы читаемъ: «изъ чьего чрева выходитъ ледъ, и иней небесный, кто раждаетъ его? Воды какъ камень крѣпнуть и поверхность бездны замерзаетъ» (38, 29. 30; ср. Пс. 147, 6).

Вслѣдствіе дождей и снѣга дороги въ св. землѣ становятся зимою, особенно въ январѣ и февралѣ, очень грязными, скользкими и вообще крайне неудобными, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ проходятъ по горамъ. Понятно, что путнику, пробирающемуся по такимъ дорогамъ, на каждомъ шагѣ грозятъ всевозможныя невзгоды. Это и уясняетъ для насъ значеніе словъ Христа Спасителя:

«молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою» (Мѡ. 24, 20).

Палестинская зима, какъ мы видѣли, есть время дождей, снѣга и града. Но она далеко не имѣетъ того мрачнаго, тоску наводящаго характера, какимъ, по большей части, отличаются наши осени. Послѣ двухъ-трехъ, въ рѣдкихъ случаяхъ—пяти дождливыхъ и пасмурныхъ дней въ Палестинѣ обыкновенно наступаетъ превосходная погода. Небо совершенно освобождается отъ тучъ, солнце начинаетъ ярко свѣтить по цѣлымъ днямъ, становится тепло, и жителю сѣвера, путешествующему зимою по св. землѣ и непривыкшему къ ея климату, трудно въ такую погоду представить, что онъ переживаетъ не лѣтнее, а зимнее время. Такая смѣна дождливой и пасмурной погоды погодою ясною совершается въ Палестинѣ во всю зиму, и ясныхъ, теплыхъ дней въ зимнее время бываетъ въ общей сложности болѣе, нежели дождливыхъ и холодныхъ. Не мало превосходныхъ ясныхъ дней выпадаетъ на долю даже самыхъ дождливыхъ мѣсяцевъ, каковы ноябрь и декабрь. Такъ изъ замѣтокъ Зеетцена оказывается, что въ 1806 г. въ ноябрѣ прекрасная, необыкновенно пріятная погода (*Schöne, unvergleichlich schöne Witterung*) стояла 12, 16, 17, 20 чисель, а затѣмъ съ 20 до конца мѣсяца (*Seetzen II, 138. 151. 157. 165, 190*).

Зимнее время не освобождаетъ сельскихъ обитателей св. земли отъ трудовъ земледѣлія. Напротивъ, тамъ въ это время производятся наиболѣе важныя земледѣльческія работы. Какъ скоро выпадутъ первые зимніе дожди и размячатъ сухую почву, въ Палестинѣ начинается распашка полей, которыя потомъ засѣваются пшеницей и ячменемъ. Въ то же время происходитъ уборка созрѣвшихъ во время лѣта растений. Въ концѣ зимы въ мартѣ опять воздѣлываются еще невоздѣланные поля и на нихъ сѣютъ табакъ, дурру, бобы и хлопчатныхъ (*Raumer, Paläst., S. 90 Anmerk. 9*), которые поспѣваютъ къ жатвѣ въ началѣ зимы. Для жителей Палестины, воздѣлываю-

щихъ зимою свои поля, такъ называемые ранніе и поздніе дожди составляютъ величайшее благодѣяніе. Ранніе, изрѣдка перепадающіе, тихіе дожди даютъ земледѣльцу возможность въ свое время и надлежащимъ образомъ воздѣлать и засѣять землю; дожди поздніе содѣйствуютъ полному наливу и созрѣванію зимнихъ хлѣбовъ, а также и плодовъ; вообще отъ дождей раннихъ и позднихъ зависитъ обиліе урожая всѣхъ произведеній земли. Поэтому библейскія книги указываютъ на ранній и поздній дождь, какъ на особенную милость Іеговы къ избранному народу. «Если вы будете слушать заповѣди мои, говоритъ Моисей отъ лица Господня, то дамъ землѣ вашей дождь въ свое время, ранній и поздній; и ты соберешь хлѣбъ свой и вино свое и елей свой. И дамъ траву на полѣ твоёмъ для скота твоего; и будешь ѣсть и насыщаться» (Втор. 11, 13—15). Утѣшая Израильтянъ во время голода, причиненнаго саранчею и засухой, прор. Іоиль взываетъ: «Вы, чада Сіона, радуйтесь и веселитесь о Господѣ Богѣ вашемъ; ибо Онъ дастъ вамъ дождь въ мѣру, и будетъ ниспосылать вамъ дождь, дождь ранній и поздній, какъ прежде. И наполнятся гумна хлѣбомъ, и переполнятся подточилія винограднымъ сокомъ и елеемъ» (Іоиль 2, 23. 24). И древніе Евреи хорошо понимали и высоко цѣнили благотворность раннихъ и позднихъ дождей для ихъ полей и садовъ и потому проявленія божественной любви къ нимъ сравнивали съ дѣйствиємъ позднего дождя на землю. По словамъ прор. Осіи, «сыны Ефрема и Іуды вспомнивъ среди бѣдствій о Богѣ, ими оставленномъ, скажутъ наконецъ: познаемъ, будемъ стремиться познать Господа; какъ утренняя заря—явленіе Его, и Онъ прійдетъ къ намъ какъ дождь, какъ поздній дождь ороситъ землю» (Ос. 6, 7). О благотворномъ вліяніи, между прочимъ, позднихъ дождей на палестинскія нивы свидѣлствуютъ всѣ новѣйшіе путешественники. Такъ, по словамъ Робинзона, въ 1852 г. поздніе дожди были очень сильны и продолжались почти до второй недѣли апрѣля. Результатомъ

этого было изумительное обиліе жатвы озимыхъ хлѣбовъ во всей Палестинѣ (Neuere Biblische Forschung. S. 11). Но не всегда «въ свое время» посылаются ранніе и поздніе дожди на нивы и сады Палестины. Бываютъ годы, когда зимнее дождливое время начинается только въ концѣ ноября и начинается прямо проливными дождями; случается и то, что поздніе дожди прекращаются въ началѣ марта и даже ранѣе. Такая несвоевременность пагубно отзывается на земледѣліи. Въ первомъ случаѣ земледѣлецъ не имѣетъ возможности какъ слѣдуетъ заняться обработкою своего поля и засѣять его и потому поля по большей части остаются невоздѣланными; въ послѣднемъ зимніе хлѣба не успѣваютъ окрѣпнуть и жатва получается скудная. То и другое влечетъ за собою недостатокъ въ хлѣбѣ и, по мѣстамъ, голодъ. Несвоевременность раннихъ и позднихъ дождей не была очень рѣдкимъ явленіемъ и въ библейскія времена и служила наказаніемъ для Израиля, огорчавшаго Іегову, своего Бога. Въ кн. пророка Амоса мы читаемъ слѣдующія слова Господа, обращенныя къ Израильтянамъ: «я удерживаль отъ васъ дождь за три мѣсяца до жатвы; проливаль дождь на одинъ городъ, а на другой городъ не проливаль дождя; одинъ участокъ напаяемъ былъ дождемъ, а другой, неокропленный дождемъ, засыхалъ. И сходились два, три города въ одинъ городъ, чтобы напиться воды, и не могли досыта напиться; но и тогда вы не обратились ко Мнѣ» (Ам. 4, 7. 8). Изъ библейскихъ книгъ мы узнаемъ, что въ древнія времена бывали даже такіе случаи, когда не только ранняго и поздняго дождя въ свое время, но и никакого дождя не выпадало въ Палестинѣ во всѣ зимніе мѣсяцы, вслѣдствіе чего вся палестинская растительность погибала, всѣ воды изсыкали. Такъ было между прочимъ, во времена пророка Іоила (Іоиль 1, 16—20; 2, 21—24); такъ было во дни прор. Іліи (3 Цар. 17, 1).

Въ зимнее дождливое время растительная жизнь не замираетъ въ св. землѣ. Напротивъ въ это время она

оживаетъ послѣ лѣтнихъ жаровъ. Такъ поля пшеницы и ячменя вскорѣ послѣ посѣва начинаютъ зеленѣть и продолжаютъ зеленѣть и расти во всю зиму. Въ февралѣ появляются травы, а въ мартѣ, въ концѣ зимы зацвѣтаютъ деревья даже въ гористыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ довольно высоко надъ уровнемъ моря (Velde II, 70; Іов. 38, 25—27).

(До слѣд. книжки).

Н. Елеонскій.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ БИБЛЕЙСКИХЪ ПОВѢСТВОВАНІЙ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Потопъ при Ноѣ.

При Нои, Спасе, блудствовавшія (развращеннымъ) *подражахъ, онѣхъ насльдовавъ осужденіе въ потопъ похруженія.* Быт. 6, 4—23.

Печально было нравственное состояніе современниковъ Ноя. Самъ Господь, изъясляя предъ Ноемъ негодование на нихъ, назвалъ ихъ *плотію*. Это значитъ, что они совершенно заглушили въ себѣ духовныя потребности и заботились только объ удовлетвореніи однихъ плотскихъ, или чувственныхъ потребностей и прихотей. Въ этихъ заботахъ они дошли до того, что смотря на нихъ, можно было усумниться, есть ли въ нихъ душа, созданная по образу и подобію Божію, для жизни въ общеніи съ Богомъ,—не осталась ли въ нихъ одна плоть, способность къ одной чувственной, скотоподобной жизни. Особенно усилились между ними плотскіе грѣхи,—т.-е. любострастіе или распутство (*блудствованіе*). Поистинѣ они были *плотію*. И, что всего печальнѣе, такое нравственное растлѣніе распространилось по всему лицу обитаемой тогда земли (Быт. 6, 1. 2). Сначала оно господствовало между

нечестивыми потомками Каина, но съ теченіемъ времени оно проникло въ общество *сыновъ Божіихъ*, т.-е. потомковъ благочестиваго Сіаа,—вслѣдствіе смѣшенія послѣднихъ съ первыми посредствомъ супружескихъ связей (Быт. 6, 1. 2). Жены изъ нечестиваго племени внесли нечестіе въ семейства племени благочестиваго. А нечестіе отворило дверь всякимъ порокамъ.—Тяжка вина современниковъ Ноя, ведшихъ распущенную жизнь. Но не болѣе ли тяжело согрѣшаютъ христіане, когда раздражаютъ имъ, когда подобно имъ провождаютъ жизнь въ плотоугодіи, забывая о душѣ, о Богѣ, о вѣчности,—когда легкомысленно вовлекаются въ общества людей развратныхъ и тѣла свои, освященныя благодатію таинствъ въ храмы Св. Духа, въ члены Христовы, святотатственно оскверняютъ плотскою нечистотою и тѣмъ губятъ не себя только, но и тѣхъ, которые отдали себя въ жертву ихъ любострастію?—Не принадлежу ли и я къ числу подобныхъ грѣшниковъ? Но въ такомъ случаѣ я не долженъ думать, что могу продолжать грѣшить безнаказанно. Нѣтъ, если я подражаю блудствовавшему при Ноѣ, долженъ наслѣдовать и ихъ осужденіе, подобно имъ погрязнуть въ водахъ потопныхъ,—въ готовыхъ поглотить меня волнахъ гнѣва Божія (Псал. 68, 2. 3).

Впрочемъ современники Ноя, привлечшіе на себя гнѣвъ Божій, не прежде погибли въ водахъ потопа, какъ по испытаніи въ отношеніи къ нимъ всѣхъ мѣръ долготерпѣнія Божія. Господь сначала объявилъ имъ чрезъ Ноя, что даетъ имъ 120 лѣтъ на покаяніе, по истеченіи которыхъ угрожалъ имъ истребленіемъ. Но угроза не дѣйствовала. Люди не только продолжали творить и даже умножали злыя дѣла, но «всякъ помышлялъ въ сердцѣ своемъ прилежно на злая» (Быт. 6, 5. 6). Люди всею душею отдались порочнымъ помысламъ, склонностямъ и желаніямъ,—намѣренно, съ усиліемъ вызывали и питали ихъ въ душѣ. Зло, слѣдовательно, слишкомъ глубоко пустило корни въ ихъ сердцѣ. Тогда Господь уже не услов-

но, а рѣшительно объявилъ угрозу истребить ихъ. Угроза снова была пренебрежена, но долготерпѣніе Божіе не истощилось, и хотя теперь Господь рѣшилъ наказать людей потопомъ и повелѣлъ Ною строить ковчегъ для спасенія его съ семействомъ, но самое строеніе ковчега, происходившее на виду у всѣхъ и съ извѣстною всѣмъ цѣлю, могло служить новымъ предостереженіемъ для нечестивыхъ. Они однако не вняли и этому предостереженію, — и уже тогда наступилъ потопъ. Воды потопныя впрочемъ не вдругъ покрыли лице земли, а постепенно. Вслѣдствіе этого многіе, не вѣрившіе угрозамъ Божиимъ до исполненія ихъ, могли опомниться при наступленіи бѣды и воззвать къ Богу о помилованіи. Такіе, хотя понесли казнь потопленія, могли избавиться отъ вѣчной гибели, когда Христось Спаситель по смерти сошелъ въ адскую темницу съ проповѣдію о спасеніи всѣмъ ожидавшимъ съ вѣрою Его пришествія, и вмѣстѣ тѣмъ душамъ, которыя «нѣкогда непокорны были ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноя» (1 Петр. 3, 18—20), но въ послѣднія минуты жизни раскаялись въ своей непокорности. Слава долготерпѣнію Господа, даровавшаго современникамъ Ноя возможность отвратить праведный Его гнѣвъ покаяніемъ, которою и воспользовались многіе изъ нихъ. Но милосердый Господь, никому не желающій гибели, долготерпитъ и всѣмъ безпечнымъ грѣшникамъ, ожидая отъ нихъ покаянія. Онъ призываетъ ихъ къ покаянію голосомъ еще не совсѣмъ уснувшей совѣсти, — внушеніями святаго Слова своего, иногда доходящими до ихъ слуха изъ церковныхъ чтеній и изъ устъ пастырей церкви, — благопріятными и неблагопріятными обстоятельствами въ ихъ жизни, особенно предсмертными болѣзнями, во время которыхъ многіе, впродолженіе всей жизни прогнѣвлявшіе Господа грѣхами, обращаются къ Нему, подобно благоразумному разбойнику, покаявшемуся на крестѣ въ предсмертные часы, и нѣкоторымъ современникамъ Ноя, успѣвшимъ въ виду наступившаго потопа образумиться:

Какъ часто однако случается, что люди всю жизнь остаются равнодушными къ своему спасенію, не внимая никакимъ вразумленіямъ долготерпѣливаго Господа, ожидающаго отъ нихъ покаянія! Они или совсѣмъ не думаютъ о покаяніи, или отлагають его до смерти, хотя никому неизвѣстно, удастся ли покаяться передъ смертію. Горе мнѣ, если и я принадлежу къ числу такихъ безпечныхъ грѣшниковъ! Мнѣ грозитъ жребій не раскаявшихся предъ потопомъ современниковъ Ноя, осужденныхъ на временную и вѣчную погибель. Избавь меня, Господи, отъ подобной участи и даруй мнѣ слезными водами покаянія избѣгнуть потопленія въ безднахъ преисподней.

Х а м ъ .

Хама онаго, душе, отцеубійца подражавши, срама не покрыла еси искренняго (ближняго), всячь зря возвратившися. Быт. 9, 22. 23.

Послѣ потопа Ной сталъ заниматься земледѣліемъ и разведеніемъ винограда, изъ котораго научился дѣлать вино. Не испытавъ дотолѣ силы вина, Ной на первый разъ выпилъ его больше, чѣмъ сколько слѣдовало для укрѣпленія силъ и для невиннаго удовольствія. Неожиданно для Ноя, вино произвело на него опьяняющее и усыпляющее дѣйствіе. Во время сна, Ной непроизвольно сбросилъ съ себя одежду, въ которой легъ, и представилъ неблагообразное зрѣлище наготы. Хамъ, младшій сынъ Ноя, первый замѣтилъ это неблагообразіе и вмѣсто того, чтобы прикрыть наготу отца, рассказалъ о ней братьямъ съ цѣлю, чтобы и братья вмѣстѣ съ нимъ осудили отца и поглумились надъ нимъ, опьянѣвшимъ и обнаженнымъ. Братья однако поступили иначе: они съ почтительностію подошли къ отцу такъ, что не видѣли наготы его, и прикрыли его своею одеждою. Ной, проснувшись, узналъ о поступкѣ Хама и произнесъ проклятіе на

непочтительнаго и дерзкаго сына въ лицѣ его потомковъ—Хапанеевъ. Вотъ разительный урокъ, какъ грѣшно и опасно осуждать и дѣлать предметомъ глумленія недостатки и пороки ближняго, кто бы онъ ни былъ—свой, или чужой. Склонность къ осужденію и глумленію надъ другими свойственна, по словамъ Спасителя, людямъ, которые по самолюбію не замѣчаютъ въ самихъ себѣ недостатковъ и грѣховъ, или слишкомъ снисходительно относятся къ нимъ (Мат. 7, 3. 4). Безпристрастный взоръ на самихъ себя убѣдилъ бы ихъ, что они сами не меньше, если не больше виновны въ томъ, за что осуждаютъ другихъ, и что если они сами нуждаются въ снисхожденіи къ нимъ другихъ, то справедливость и отъ нихъ требуетъ снисхожденія къ ближнимъ. Чего я не желаю себѣ, того не долженъ дѣлать другимъ. Этого требуетъ не только Евангеліе (Мат. 7, 12), но и естественный разумъ. Если я не желаю быть предметомъ пересудовъ и насмѣшекъ, если пересуды и насмѣшки меня огорчаютъ и возмущаютъ до глубины души, хотя бы я и заслужилъ ихъ моимъ поведеніемъ, то по себѣ я долженъ судить и о другихъ,—и о другихъ я долженъ думать, что имъ неприятно тоже, что мнѣ неприятно. Потому, желая снисхожденія къ моимъ недостаткамъ другихъ, я и самъ долженъ относиться къ нимъ снисходительно: я долженъ подобно Симу и Іафету, покрывшимъ наготу отца, покрывать снисхожденіемъ срамъ, или позорное поведеніе, ближняго моего. Если же сего не дѣлаю, то я подражаю Хаму и долженъ подобно ему бояться за сіе гнѣва Божія.—Грѣхъ Хама противъ отца такъ великъ, что совершитель сего грѣха есть поистинѣ *отисубійца*. Хамъ не убилъ отца физически,—онъ убилъ его нравственно, потому что причинилъ ему своимъ поступкомъ великое горе, отнялъ у него душевный миръ, разстроилъ обычное теченіе его жизни. Хамъ не убилъ, повторяемъ, отца физически, но онъ посягнулъ на его честь, дерзнулъ поколебать уваженіе къ нему дѣтей, огласивъ предъ ними

его наготу. Но честь—такое благо, которое дороже жизни. «Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою» (1 Кор. 9, 15).—Не похожу ли и я на отцеубійцу Хама, когда осужденіемъ ближняго и глумленіемъ надъ его недостатками наношу ему самое чувствительное оскорбленіе, ибо оскорбляю его честь, отнимаю у него доброе имя? Не къ чести его служить, конечно, тѣ недостатки и пороки, за которые я жестоко осуждаю его передъ всѣми,—но моимъ осужденіемъ не увеличиваю ли его позоръ и чрезъ то не могу ли довести его до того, что онъ не вынесетъ своего позора и еще глубже погрязнетъ въ злѣ? Мое осужденіе и глумленіе не исправитъ, а только ожесточитъ его. Онъ впадетъ въ малодушіе, скажетъ себѣ: теперь мнѣ нечего терять, все потеряно съ утратою чести,—и ударится во всѣ крайности порока.—Не возму ли я на себя страшную отвѣтственность за его гибель, если доведу его до сего моимъ безсердечнымъ осужденіемъ его грѣховъ, моимъ преступнымъ равнодушіемъ къ его чести? Не убійца ли его я въ этомъ случаѣ?

Симъ и Іафетъ.

Благословенія Симова не наслѣдовала еси, душе оканная, ни пространное одержаніе, якоже Іафетъ, имѣла еси на земли оставленія (отрады). Быт. 9, 26. 27.

Вслѣдъ за проклятіемъ непочтительному Хаму, Ной изрекъ благословеніе старшимъ сыновьямъ Симу и Іафету, заслужившимъ его благоволеніе тою почтительностію къ нему и цѣломудренною скромностію, съ какою они покрыли наготу его. Благословеніе Симу состояло въ томъ, что среди его потомства сохранится истинное богочтеніе, что истинный Богъ будетъ Богомъ Сима и его племени. Благословеніе Іафету состояло въ предреченіи, что его племя шире всѣхъ распространится по

лицу земли, будетъ имѣть на ней пространное одержаніе, и со временемъ войдетъ въ шатры Симовы, т.-е. оставитъ языческія заблужденія и вступитъ въ духовное, религіозное общеніе съ Симою, войдетъ въ составъ церкви Божіей, къ которой сначала будутъ принадлежать одни потомки Сима. То и другое предреченіе сбылось въ судьбахъ потомковъ Сима и Іафета. До явленія въ міръ Христа Спасителя истинное богопочтеніе сосредоточивалось въ той части потомства Симова, которая произошла отъ Авраама чрезъ Іакова, въ одномъ избранномъ народѣ Божіемъ. Но съ пришествіемъ Христовымъ Церковь вышла за предѣлы этого народа. Христосъ, по плоти одинъ изъ потомковъ Симовыхъ, пришелъ для спасенія всѣхъ людей на свѣтѣ и повелѣлъ своимъ апостоламъ собрать въ Его Церковь всѣ народы. Этимъ благомъ воспользовались преимущественно потомки Іафета, и между ними мы русскіе. Среди нихъ господствуетъ и доселѣ распространяется христіанство; среди нихъ процвѣтаетъ Христова Церковь со всѣми ея просвѣтительными и освятельными учрежденіями, и будетъ процвѣтать до скончанія вѣка. Но дѣло не въ томъ одномъ, чтобы вообще процвѣтала Церковь Христова и сохранялось въ мірѣ истинное богопочтеніе, не въ томъ, чтобы въ этомъ отношеніи исполнилось благословеніе Божіе, данное чрезъ Ноя Симу и Іафету,—а въ томъ, чтобы я лично былъ истиннымъ членомъ Церкви Божіей, истиннымъ богочтецомъ, истиннымъ наслѣдникомъ обѣтованій Божіихъ, дарованныхъ Церкви. Горе мнѣ, если я принадлежу къ Церкви Божіей только по имени, если Богъ Симовъ, пребывающій въ ней, далекъ отъ моего сердца, если я исповѣдую Его устами, а житіемъ чуждъ общенія съ Нимъ, забываю Его и не ревную объ угожденіи Ему. Горе мнѣ, если я, будучи членомъ обширной духовной семьи, имѣющей пространное одержаніе во всѣхъ странахъ міра, пренебрегаю разнообразными, предлагаемыми въ ней, средствами спасенія и живу среди нея какъбы пришлецъ, не участвуя

въ благахъ, предоставленныхъ истиннымъ ея чадамъ. Другіе, имѣя общеніе съ Церковію, находятъ въ ней *землю оставленія*, т.-е. утѣшенія и отрады, какъбы рай духовный; а я незнакомъ съ этимъ утѣшеніемъ и отрадою, и окруженный обильною духовною пищею и питіемъ, изнываю отъ голода и жажды, не питая себя ни словомъ Божіимъ, ни благодатію таинствъ, ни молитвою, или едва прикасаюсь устами къ этимъ видамъ духовнаго питанія. Находясь въ такомъ жалкомъ состояніи, я—не наслѣдникъ благословенія Божія Симу и Іафету и не далекъ отъ опасности утратить вѣчное наслѣдіе въ царствѣ славы. Сохрани меня, Господь, отъ сей опасности.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

VI.

Житейскія дѣла и нужды не препятствуютъ нашему спасенію.

Изъ слова отъ Лимописа о Доровен пустынницѣ. Пролог. сент. 16 лист. 55.

Кто перестаетъ заботиться о своемъ спасеніи, залѣнится ходить въ храмъ Божій и дома молиться Богу, тотъ свое нерадѣніе начинаетъ всегда слагать на работу. «Грѣшенъ я, обыкновенно говоритъ такой человѣкъ, да ничего не сдѣлаешь. И радъ бы иной разъ помолиться, подумать о своемъ спасеніи, да работа одолѣла: одно дѣло сдѣлалъ,—глядишь, другое за плечами виситъ; это сдѣлалъ, третье подоспѣло» и т. д. Говоритъ такъ, въ свое оправданіе, подобный человѣкъ, и выходитъ, по его словамъ, что спасаются какъ будто только сидя сложа

руки, что для того, чтобы угодить Богу, нужно быть свободнымъ отъ всѣхъ работъ, не зная никакихъ мірскихъ занятій, вовсе не нести трудовъ. Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Примѣры святыхъ показываютъ, какъ несправедливы указанныя отговорки. Такъ авва Дороѣей работаль день и ночь. Днемъ выходилъ изъ пещеры, въ которой проживаль, въ пустыню, собираль камни и строилъ изъ нихъ кельи для иноковъ; ночью занимался плетеніемъ корзины изъ финиковыхъ вѣтвей. Ёль одинъ сухой хлѣбъ, сна почти не имѣль. Извѣстно, что преподобный Захарія (ноябр. 17) былъ шорникъ, св. Евхаристъ пастухъ, преподобный Евлогій каменосѣчець. Св. Павлинь, епископъ Ноланскій, добровольно продалъ себя въ рабство и несъ тяжкіе труды раба; Александръ, епископъ Команскій, до принятія епископства былъ угольщикомъ. «Одинъ изъ патриарховъ греческихъ пасъ муловъ; другой, жившій въ уединеніи на Аѳонской горѣ, на собственныхъ плечахъ таскаль себѣ пшеницу отъ моря на ужасную крутизну, гдѣ стояла его келейка; третій, наконецъ, тоже нѣсколько лѣтъ на св. горѣ жилъ работникомъ въ одномъ изъ монастырей» (Письма Святгорца изд. 1865 г. т. III, стр. 176 и 182). А св. апостолы сами про себя говорятъ, что, проповѣдывая Евангеліе царствія Божія, они трудились день и ночь, чтобы пріобрѣсти себѣ насущный хлѣбъ. *Мы у васъ... ни у кого не тли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою день ночь* (2 Сол. 3, 8), писалъ апостоль Павелъ ессалоникійскимъ христіанамъ.

Что теперь мнѣ скажете на это вы, говорящіе, что работа мѣшаетъ вамъ заниматься дѣломъ спасенія? Вѣдь вотъ находили же, какъ видите, люди, и при тяжкихъ трудахъ, время для спасенія своей души; а нѣкоторые заботились о спасеніи не только своей души, но можетъ быть и тысячей другихъ, ввѣренныхъ отъ Бога ихъ попеченію. Но приведенные примѣры еще только капля въ морѣ. Читайте житія святыхъ, и вы увидите, что многіе

изъ нихъ несли такіе труды, въ сравненіи съ которыми ваши работы ничто и что даже не стоитъ и говорить о нихъ. Работа ли же виновата въ застоѣ дѣла вашего спасенія? Нѣтъ, не она, братіе, а или жадность ваша къ прибытку, или, что всего чаще приходится видѣть, ваша привычка, или лучше, страсть проводить все свободное отъ работъ время въ праздности и разгулѣ.

Бросьте жадность къ прибытку, оставьте знакомство съ развратными товарищами, проводите свободное отъ трудовъ время кротко и благочестиво въ своемъ семействѣ, посѣщайте въ праздники церковь Божию, ходите на бесѣды къ людямъ благочестивымъ; среди самой работы помышляйте о Богѣ, о душѣ, о страшномъ судѣ, держите на умѣ молитву. А говорить, что работа — помѣха спасенію души, грѣшно, недобросовѣстно. Аминь.

VII.

Неискусные не должны принимать на себя званія учителей и толковать Слово Божіе.

Изъ слова отъ Патерика о гнѣвѣ и о покаяніи. Пролог. сент. 17 лист. 58 и наоб.

Случается, что грамотные изъ васъ, и особенно не малое время пожившіе въ городахъ, и наслушавшіеся разныхъ начетчиковъ, возвращаясь домой, принимаютъ на себя званіе учителей. Собираютъ вокругъ себя простецовъ, начинаютъ читать имъ отъ божественнаго, и слова св. писанія толкуютъ, какъ только имъ вздумается, съ полною увѣренностію, что они дѣлаютъ доброе дѣло. Что читаютъ они божественное, это, съ ихъ стороны, подлинно доброе дѣло; а что толкуютъ они божественныя словеса по своему, это добрымъ дѣломъ назвать нельзя, потому что часто отъ ихъ произвольнаго толкованія начинаютъ ходить по міру суевѣрія, предразсудки и заблужденія, самыя гибельныя. Хуже же всего то, что когда подобнымъ учителямъ станутъ доказывать, что то или другое мѣсто Писанія протолковано ими не такъ какъ должно, они въ своемъ заблужденіи почти никогда не сознаются и все будутъ думать, что они правы. Это упорство нерѣдко доводитъ ихъ до того, что они совсѣмъ отдѣляются отъ церкви и становятся раскольниками, и погибая сами, ведутъ за собой въ гибель и многихъ

другихъ. Сознайся же они въ своемъ заблужденіи, Господь тотчасъ простилъ бы ихъ и церковь сейчасъ же бы приняла ихъ въ свое общеніе.

Два инока, читая Евангеліе, дошли въ немъ до мѣста, которое имѣеть иносказательный смыслъ. Не долго думая, они истолковали это мѣсто по своему, толкованіе приложили къ жизни и впади въ тяжкій грѣхъ, за который архіереемъ своимъ были отлучены отъ церкви. Въмѣсто раскаянія иноки стали роптать на него. «Мы поступили по Евангелію и ради царствія небеснаго, а онъ отлучилъ насъ отъ церкви; принесемъ жалобу архіепископу Іерусалима». Принесли, однако и сей отлучилъ ихъ. Иноки не раскаялись и пошли къ архіепископу въ Антиохію. Увы! и сей подтвердилъ отлученіе. Что дѣлать? Пошли въ Римъ. И тутъ не легче. «Отлучены вы до меня, отлучаю и я васъ», сказалъ имъ архіепископъ Римскій. Надобно бы кажется послѣ сего сознаться согрѣшившимъ, но нѣтъ. «Пристрастно всѣ судили насъ, сказали они, пойдемъ къ Епифанію архіепископу Кипрскому; онъ не смотритъ на лица и праведно судить». Пошли, но и тутъ неуспѣхъ. Епифаній не только не оправдалъ ихъ, но даже и въ городъ ихъ не пустилъ. Тутъ только наконецъ, къ счастью, иноки сознали свое заблужденіе. «Ну что мы оправдываемся, разсудили они, вѣдь не безъ правды же всѣ насъ отлучили. Согрѣшили мы!»—Что же? О какъ велико милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ! Едва сознали они свой грѣхъ, св. Епифанію уже возвѣстилъ Господь, что они прощены. Епифаній призвалъ ихъ, объявилъ имъ прощеніе и принялъ въ общеніе съ церковію.

Итакъ, братіе, будьте осторожны и не беритесь за толкованіе того, что вамъ не подъ силу. «Всякъ убо, говорится въ толкованіи 64-го правила 6-го вселенскаго собора, долженъ есть свой чинъ вѣдати, и не творити себе пастьера овца сый, и глава да не мнится, нога сый: но повинуватися преданному отъ Бога чину, и уши свои отверзати на послушаніе пріемлющихъ благодать учительскаго словесе. Не вси бо пророци и не вси апостоли. Сего ради мірстїи челоувѣцы да не учать, ни словесъ о заповѣдехъ да не подвизаютъ, тѣмъ санъ учительскій къ себѣ привлачаще» (Кормч. книга 1-я прав. 6-го вселенск. соб. 64 съ толков. л. 198). Аминь.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

С Л О В А

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА,

НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Къ причащающимся божественныхъ таинъ.—И кто причащается недостойно.

Какъ еслибы какой человекъ благородный и богатый, оставя протертую и обычную дорогу и уклонясь къ мѣстности пустынной и труднопроходимой, попалъ въ руки разбойниковъ, которые схвативъ его, сняли съ него хорошія одѣянія, какія носилъ онъ, и одѣли его въ рубища пропитанная кровію и всякими нечистотами, и затѣмъ оставя его съ собою, заставили и его вмѣстѣ съ собою объѣдаться, напиваться и дѣлать срамныя дѣла, а также и разбойничать, какъ они, и онъ находилъ бы удовольствіе въ многояденіи, что ни попадетъ, въ многопитіи и нечистыхъ дѣлахъ, а современемъ, привыкши къ ихъ разбойническимъ обычаямъ, совсѣмъ остался у нихъ, забывъ и все родство свое, и прежнюю благородную и честную жизнь, по той причинѣ, что совсѣмъ охладѣла въ немъ любовь, какую имѣлъ прежде, къ честнымъ и благочестнымъ нравамъ и обычаямъ: тоже самое и еще худшее страдаетъ и христіанинъ, который, оставя путь, коимъ подобаетъ шествовать христіанамъ, уклоняется на

распутія діавольскія, когда т.-е. онъ, скажемъ къ примѣру, оставя честную и трудолюбную жизнь, чтобъ жить своимъ и довольствоваться немногимъ, возлюбитъ жизнь съ мірскими утѣхами, и для того начнетъ употреблять неправду, обиду и хищеніе, а потомъ дойдетъ и до нечистыхъ и срамныхъ дѣлъ блудныхъ. Не очевидно ли, что такой впалъ въ руки демоновъ и обнаженъ ими отъ благодати святаго крещенія?

Явнымъ же признакомъ того, что онъ обнаженъ отъ благодати святаго крещенія, служитъ его собственное признаніе, что никакъ не можетъ пресѣчь и отсѣчь срамной похотливости своей и не можетъ воздержаться, чтобъ не удовлетворяетъ ее срамными дѣлами. И сколько у насъ такихъ несчастныхъ, которые тѣмъ несчастнѣе, что не сознаютъ и не чувствуютъ своего бѣдственнаго положенія?! А между тѣмъ видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до такого безумія, что дерзаютъ причащаться пречистаго тѣла и безцѣнной крови Христовыхъ. Какое безстыдство и самозабвеніе! Горе священнику, который преподаетъ таковому божественныя тайны, горе и ему, причащающемуся ихъ. Горе причащающемуся, потому что причащаясь, послѣ срамныхъ дѣлъ, не очищенныхъ покаяніемъ и епитиміями, онъ все больше и больше подпадаетъ власти діавола, а наконецъ и совсѣмъ имъ завладѣвается; и Богъ совершенно оставляетъ такого, за его срамность и нечистоту, и особенно за его безстыдство и дерзость, какъ пишетъ святое Евангеліе объ Іудѣ, что какъ только причастился онъ поданнаго ему Христомъ Господомъ хлѣба, сей божественной вечери, тотчасъ *по хлѣбъ вниде въ онъ сатана* (Іоан. 13, 27). Горе священнику, причащающему его, что удостоиваетъ причастія недостойнаго, и преподаетъ пречистое тѣло и честную кровь Христа Спасителя тому, кто недостойнъ даже преступать порога храма Божія, съ кѣмъ запрещено вмѣстѣ вкушать и простую пищу всякому христіанину, какъ законоположилъ св. ап. Павелъ, говоря: *еще нѣкій братъ именуемъ бу-*

детъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или пияница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти (1 Кор. 5, 11). Видишь, что поистинѣ даже не братъ христіанамъ такой человѣкъ, а только именуется такъ.

Преподающій такому тайны праведно подлежитъ осужденію, и за то, что чрезъ это онъ человѣка, грѣшащаго по уклоненію отъ праваго помысла, и по легкомысленной небрежности, дѣлаеть совершеннымъ врагомъ Богу. Священникъ или духовный отецъ не долженъ преподавать такому тайны, но долженъ подвигнуть его на покаяніе словами кроткими и умильными, помянувъ ему о тѣхъ страшныхъ мукахъ адскихъ, которыя непремѣнно имѣють испытать грѣшники; долженъ вразумить его и поруководить, какъ слѣпаго, и попечалиться о немъ, какъбы о вышедшемъ изъ ума и страждущемъ отъ искушенія и насилія діавольскаго, и помолиться Господу, да отверзеть слухъ души его и поможетъ ему хоть немного придти въ чувство и познать нечестіе свое, и опять чрезъ покаяніе возвратиться въ среду вѣрныхъ, потому что такой есть невѣрный нечестивецъ. Еслибъ имѣлъ онъ благоговѣніе и вѣру ко Христу, и исповѣдалъ сердцемъ, что Онъ есть Богъ, *не хотящій беззаконія, къ коему не преселится лукавнуяй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его* (Пс. 5, 5. 6): то убоялся бы и поостерегся съ такимъ легкомысліемъ причащаться пречистыхъ тайнъ Его, чтобы не поразилъ его за это невидимо мечъ ангельскій.

Много есть такихъ въ мірѣ, которые стыда ради человѣческаго, чтобы не обнаружилось, что они недостойны, дерзають приступать къ пречистымъ тайнамъ, сознавая, что недостойны; и еслибы кто сталъ удерживать ихъ отъ такой дерзости, на того серчаютъ и бранять его, какъ человѣка тяжелаго, а въ чувство не приходятъ, не устыждаются и не сознають злоумія своего, но всячески противятся возбраняющимъ имъ святое причастіе, и во

что бы то ни стало желаютъ причаститься, или лучше сказать, желаютъ ввергнуть себя въ конечную пагубу, въ безнадежіе и Божіе отверженіе. Слѣдовало бы имъ послушаться того, кто возбраняетъ имъ недостойное причастіе, и благодарить его, потому что онъ избавляетъ ихъ отъ величайшей бѣды, больше которой нѣтъ и никогда не было, такъ какъ недостойно причащающіеся повинны бывать крови Христа Господа, т.-е. будутъ осуждены вмѣстѣ съ Іудеою и распинателями Господа. А что можетъ быть хуже и тягчае, какъ подпасть такому же осужденію, какому подпадутъ распеншіе Господа?

Надлежало бы для такого грѣшника всѣмъ братіямъ собраться воедино и со слезами молить Бога, да предасть Онъ его сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господень, какъ говоритъ божественный Павелъ (1 Кор. 5, 5). Преданіе сатанѣ во изможденіе плоти между прочимъ означаетъ и то, чтобы грѣшникъ наказанъ былъ разными тѣлесными недугами, страданіями, ранами и болѣзнями неисцѣльными, дабы уцѣломудрился, пришелъ въ чувство и раскаялся и нехотя, будучи вынужденъ страданіями тѣла, и чего не хотѣлъ сдѣлать будучи здоровъ, то сдѣлалъ отъ болѣзни и мученій плоти. Ибо Богъ, когда согрѣшитъ душа, наказываетъ тѣло, чтобы она, пришедши въ чувство, покаялась и спаслась. Когда же таковой, покаившись и исправившись, причастится святыхъ таинъ, тогда святыня божественнаго причащенія великую явить въ немъ силу и власть, сокрушить грѣхъ, и душу его очистить отъ склонности и похотѣнія, какія имѣетъ онъ ко грѣху. Ибо какъ невозможно огню и водѣ вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же сосудѣ: такъ невозможно вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же христіанинѣ и пречистому тѣлу Христову, и мерзости грѣха.

Если любящій грѣхъ и недостойно причащающійся пречистыхъ таинъ тѣла и крови Спасителя не подвергается тотчасъ вразумительнымъ мученіямъ, то всячески

не избѣжитъ вѣчныхъ мученій тамъ, гдѣ червь неусыпающій и огонь неугасающій. Итакъ если таковой не боится вѣчнаго жженія и нестерпимыхъ мукъ вмѣстѣ съ диаволомъ во вѣки вѣковъ, то пусть безстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него воздержавшись нѣкоторое время отъ причащенія пречистыхъ таинъ покаяться, поплакать предъ Богомъ, потрудиться по силѣ своей надъ измѣненіемъ произволенія своего, и пресѣчь злой навѣкъ свой грѣховный, и тогда уже причаститься, безъ опасности для души своей; и ижденется изъ него сатана, который живя въ немъ, насильственно подвигалъ его на распутство и всякую нечистоту. Ибо любящій срамныя и безмѣстныя дѣла, любитъ ихъ не самъ отъ себя, но по дѣйству сатаны, который прельщаетъ сначала, отворивъ ему только дверь сладострастнаго стремленія, чтобъ онъ вложилъ туда лишь голову свою, т.-е. положилъ только начало грѣху; но потомъ мало-по-малу съ укрѣпленіемъ навыка грѣховаго, и весь входитъ онъ въ него, завладѣваетъ всѣми силами души, почиваетъ въ сердцѣ его какъ на одрѣ, и дѣйствомъ своимъ возжигаетъ въ немъ любовь къ срамнымъ дѣламъ, чтобъ онъ предавался имъ съ услажденіемъ, подобно тому какъ бѣсноватые нерѣдко ядятъ калъ свой съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Это слѣдуетъ поимѣть въ мысли тому, кто по великому человѣколюбію Божію, дѣйствомъ присѣщенія Божія, получаетъ нѣкоторый отдыхъ отъ сатанинскихъ на грѣхъ влеченій, чтобы придти въ себя и прибѣгнуть ко Христу, который одинъ силенъ и демоновъ изгнать, и всякую болѣзнь душевную и тѣлесную уврачевать.

Подобаетъ намъ знать, что есть пять классовъ людей, которымъ воспрещается отъ св. отцевъ приступать ко святому причастію: первый—оглашенные, какъ еще некрещеные; второй—крещеные, но возлюбившіе срамныя и неправедныя дѣла, какъ отступники отъ святой жизни, для коей крещены, какъ-то: блудники, убійцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятливые,

которые всё, будучи таковыми, нечувствуютъ, что суть враги Богу и находятся въ бѣдственномъ положеніи, почему не сокрушаются, не плачутъ о грѣхахъ своихъ и не каются; третій—бѣсноватые, если они хулятъ и поносятъ божественное таинство сіе; четвертый—тѣ, которые пришли въ чувство и раскаялись, прекратили грѣховныя дѣла свои и исповѣдались, но несутъ наложенную на нихъ епитимію стоять внѣ церкви опредѣленное время; и пятый—тѣ, у которыхъ еще не созрѣлъ плодъ покаянія, т.-е. которые не дошли еще до рѣшимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христѣ жизнию чистою и безукоризненною. Эти пять классовъ очевидно недостойны святаго причастія. Достоинъ же причаститься пречистыхъ таинъ тотъ, кто чистъ и непричастенъ грѣховъ, о коихъ мы сказали. Но когда кто-либо изъ такихъ достойныхъ осквернится какимъ-либо оскверненіемъ, какъ человѣкъ, тогда конечно и онъ недостойно причастится, если не отмоетъ покаяніемъ того, чѣмъ осквернился. Такимъ образомъ и тотъ есть ядый и пійай недостойнѣ, кто будучи достоинъ, не приступилъ достойно ко святымъ тайнамъ. Буди же намъ достойными быть и достойно причащаться пречистыхъ таинъ, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, коему слава въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. О словахъ Апостола Павла: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16).

2. Какимъ образомъ искупаетъ кто разумно время настоящей жизни?

1. Душа, желающая поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь, ни отъ чего не получаетъ въ семъ отношеніи столько пользы, какъ отъ изслѣдованія божественныхъ Писаній; потому что внутри сихъ писаній сокрыты помы-

шленія благодати святаго Духа, каковыя, бывъ постигнуты, производять въ душѣ великое нѣкое услажденіе, которое возвышаетъ ее надъ всѣмъ земнымъ и мірскимъ и возноситъ на небеса, располагая помышлять только о божественномъ, его одного вожделѣвать и проводить жизнь ангельскую въ этомъ мірѣ. Посмотримъ же, что возвѣщаетъ намъ апостоль Павелъ въ посланіяхъ своихъ, и изслѣдуемъ до точности нѣкоторыя богодухновенныя его словеса, да обогатимся сокровищами, сокрытыми внутри ихъ, и благодатию святаго Духа возвеселимъ духовно свои души. Какія же это апостольскія словеса, кои намѣрены мы изслѣдовать въ настоящемъ словѣ? Тѣ, въ коихъ участвуетъ насъ св. Павелъ, говоря: *блюдите, како опасно ходите..., искупующе время, яко дніе лукави суть.*

Если хотимъ, какъ должно, понять слова сіи, то должны обсудить ихъ, взявъ во вниманіе дѣла, кои видимъ въ мірѣ семъ. Это поможетъ намъ уразумѣть ихъ до точности. Видимъ, что торговецъ, земледѣлецъ, художникъ великое имѣють усердіе и прилежаніе къ дѣлу своему; потому что если кто изъ нихъ понерадить о своемъ дѣлѣ, хоть не многое время, то потерпитъ большой вредъ. Тоже самое бываетъ въ дѣлахъ и подвигахъ духовныхъ. Чтобъ это лучше вамъ понять, разсмотримъ подробнѣе предложенный примѣръ. Положимъ, что когда всѣ купцы спѣшатъ на какое-нибудь торжище, чтобъ одно продать, а другое закупить и получить чрезъ то прибыль, иной изъ нихъ, видя, какъ одни съ большою поспѣшностію бѣгутъ впереди его, а другіе догоняють сзади и перегоняють, едва передвигаетъ ноги, или сидитъ предъ домомъ своимъ и зѣваетъ на торговцевъ, спѣшавшихъ на торгъ, совсѣмъ не думая о торговлѣ, или, еще хуже, предается забавамъ и винопитію, отлагая заняться торговлею день отъ дня. Теперь, прошу васъ, скажите мнѣ: тѣ, благовременно поспѣвшіе на торжище, поторговавшіе на немъ и возвратившіеся съ немалою прибылью, не искупили ли времени своего? А тотъ, потратившій его на пустяки, или

лучше сказать продавшій на дѣла безполезныя, не погубилъ ли напрасно своего времени? Предположимъ, пожалуй, что и онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими на торжище; но когда тѣ, имѣя съ собою деньги, тотчасъ приступили къ торговымъ сдѣлкамъ и набрали себѣ потребныхъ каждому товаровъ, въ полной надеждѣ получить отъ продажи ихъ большія выгоды, онъ, не имѣя при себѣ денегъ, тамъ уже началъ обращаться то къ тому, то къ другому, чтобы занять ихъ и закупить себѣ товаровъ, но пока хлопоталъ о займѣ денегъ, торгъ кончился, и онъ остался не при чемъ: не погубилъ ли онъ, и въ этомъ случаѣ, времени своего напрасно? Пусть взялъ онъ съ собою и денегъ, но, пришедши на торгъ, вмѣсто того чтобы заняться торговыми дѣлами, началъ шататься по кофейнямъ, трактирамъ и балаганамъ, чтобы тамъ попить, тамъ поѣсть, тамъ повеселиться, и злѣ растратилъ свои деньги на попойки и срамныя дѣла. Не погубилъ ли и тутъ онъ времени своего напрасно, безумно растративъ притомъ и деньги? Допустимъ, что онъ не дѣлалъ ни одного изъ указанныхъ нами противныхъ дѣлъ; но если онъ, пришедши на торгъ вмѣстѣ съ другими купцами, протолкался все время по торгу изъ конца въ конецъ, не начиная никакихъ торговыхъ сдѣлокъ, а лишь глаза и балагурия со знакомыми и незнакомыми, между тѣмъ какъ другіе усердно обдѣлывали свои дѣла, ни на что стороннее не обращающаго вниманія; то, когда по окончаніи торга, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, эти, такъ усердно хлопотавшіе по своимъ дѣламъ и продажей пріобрѣтшіе не малую прибыль, а на покупкахъ надѣющіеся получить еще большую,—не искупили ли времени своего? А онъ, прозанимавшійся сторонними вещами, не заботясь о торговлѣ, не погубилъ ли времени своего, хотя тамъ же былъ съ тѣми купцами? Если также, когда другіе торговцы, имѣя въ виду прибыль, какую чаютъ получить отъ торговли, не смотрятъ ни на отдаленность мѣста торга, ни на трудности пути туда, ни на опасности отъ разбойниковъ и

ни на что другое подобное, но, въ надеждѣ на прибыль, со всею торопливостію спѣшать на торжище, онъ, убоясь всего этого, не отправится туда, и даже послѣ того, какъ другіе, желая убѣдить его ѣхать съ ними, пообѣщаютъ ему охранить его отъ всѣхъ опасностей, страшящихъ его, не согласится на то: то эти, ѣздившіе на торжище, поторговавшіе тамъ и получившіе добрую отъ того прибыль, не купили ли времени, а онъ, убоившійся страха, гдѣ не было страха, не погубилъ ли его?—Подобное тому, что сказано нами въ этомъ примѣрѣ, случается и въ духовной жизни: ибо бываетъ, что когда другіе братія наши христіане со всѣмъ тщаніемъ исполняютъ заповѣди Божіи и преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ со всѣмъ усердіемъ и горячностію, мы проводимъ жизнь свою въ нерадѣніи и бездѣйствіи, не заботясь о такомъ исполненіи заповѣдей и о такомъ преуспѣяніи въ добродѣтеляхъ. И явно для всѣхъ, что въ такомъ случаѣ тѣ искупаютъ время свое и великую пріобрѣтаютъ пользу и прибыль для душъ своихъ, а мы губимъ время свое, и вмѣстѣ съ нимъ души свои.

2. Впрочемъ, если кажется вамъ благословнымъ, изслѣдуемъ еще лучше смыслъ апостольскаго изреченія, чтобы познать, какъ искупается время, и какое это время, и какіе это дни лукавые, изъ-за которыхъ долженствуемъ мы искупать время. Время купли для всякаго человѣка есть время настоящей жизни, и дни настоящей жизни явно суть дни лукавые (злые) для тѣхъ, которые не пользуются ими, какъ подобаетъ. Всякій человѣкъ, живущій въ настоящей жизни цѣломудренно, праведно и благочестно, и мужественно, съ благодушнымъ терпѣніемъ переносящій всѣ притрудности и прискорбности искушеній и бѣдъ, причиняемыхъ видимыми и невидимыми врагами, всякій такой мудро искупаетъ время и успѣшно дѣлетъ куплю, наперекоръ злымъ днямъ настоящей жизни. Чтобы это было болѣе для васъ ясно, возьму доказательство изъ того, что каждодневно происходитъ въ настоящей жизни. Кто умѣетъ хорошо торговать настоящею жизнію,

тотъ, встрѣтивъ скорби, поношенія, безчестія и осмѣянія, и зная, какую могутъ онѣ принести пользу, и провидя великую отъ нихъ прибыль, тотчасъ схватываетъ ихъ и возложивъ на рамена свои, течетъ съ ними радуясь, и такимъ образомъ вмѣсто сребра однимъ терпѣніемъ мгновенно искупаетъ время, тогда какъ многіе не успѣваютъ въ этомъ, несмотря на то, что постытятся, проводятъ ночи безъ сна, спятъ на голой землѣ, и подвѣмлютъ другіе подвиги и труды въ продолженіе долгихъ лѣтъ. И скажу вамъ, что кто не умѣетъ такимъ образомъ дѣять куплю, тотъ губить время спасенія своего.

Если хотите, пояснимъ дѣло и другимъ примѣромъ. Два человѣка насильно принуждаются какимъ-либо тиранномъ преступить заповѣдь Божию. Одинъ, убоявшись мукъ и истязаній, какими устрашалъ его тиранъ, убѣгаетъ и скрывается; а другой мужественно противостоитъ искушенію, претерпѣвъ всѣ казни и терзанія, или даже и смерть за заповѣдь Божию. Кто изъ этихъ двухъ искупаетъ время? Тотъ ли, кто скрывается, убѣжавъ отъ страданій, или тотъ, кто покорно предаетъ себя на страданія и мужественно переноситъ ихъ, или даже и умираетъ за заповѣдь Божию? Очевидно, что кто претерпѣваетъ страданія и не бѣжитъ даже отъ смерти, тотъ искупаетъ время; а другой теряетъ вмѣстѣ со временемъ и то, что было бы полезно для спасенія души своей.

Итакъ, которые претерпѣваютъ въ настоящей жизни скорби и искушенія, ради богоугодной цѣли, тѣ покупаютъ себѣ вѣчныя блага и нескончаемое радованіе; чрезъ смерть тѣлесную они покупаютъ себѣ жизнь вѣчную и безсмертную вмѣстѣ съ безсмертнымъ и вѣчнымъ Богомъ. Какъ иной торговецъ, нашедши множество предметовъ многоцѣнныхъ, продаваемыхъ однакожь за ничтожную цѣну, поспѣшно съ радостію дастъ эту цѣну, чтобы поскорѣ завладѣть такими драгоценностями: такъ и подвизающійся за заповѣдь Божию съ готовностію и радостію рѣшается на смерть, вѣруя несомнѣнно, что покупаетъ себѣ вѣч-

ныя блага этою смертію, которая въ сравненіи съ ними ничто. Но животолюбцы, славолюбцы, плотолюбцы, сластолюбцы и богатстволубцы не дѣлаютъ такъ; но когда бывають притѣсняемы какимъ-либо властителемъ, понуждающимъ ихъ преступить заповѣдь Божию, не могутъ перенести гнѣва его и непріязни, безчестія и ущербъ, какими онъ угрожаетъ имъ, и несмысленно продавъ вѣчное и многоцѣнное, покупають временное и тлѣнное, и ничего нестоющее, спасеніе же свое, т.-е. жизнь вѣчную теряють. Такіе не какъ подобаеть дѣють куплю во время настоящей жизни; потому что предпочитаютъ лучше покупать себѣ утѣшеніе на краткое время, какое имѣють жить здѣсь, чтобы за то мучиться въ безпредѣльные и нескончаемыя вѣки.

Чтобы не пострадать и намъ тогоже, будемъ, умоляю васъ, искупать время, пока еще стоитъ торжище настоящей жизни; потому что дни этой жизни крайне лукавы и каждодневно воздымають неисчетныя волны слагаго моря грѣховнаго, которыя, обрушиваясь на насъ, то исполняютъ души наши срамными движеніями чрезъ сладострастіе тѣла, то ввергають въ печаль, или въ гнѣвъ, чрезъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ покушаются совсѣмъ удалить насъ отъ царства небеснаго. Почему, искупая время жизни своей, со всею готовностію и рвеніемъ, всецѣло предадимъ себя на одно дѣланіе заповѣдей Божиихъ и на одно стяжаніе всякой добродѣтели, да сподобимся преисполниться сокровищами благодати святаго Духа и безопасно войти въ небурное пристанище Божіе и въ царство Его. Такимъ образомъ избѣгнемъ мы лукавства дней сихъ, и по минованіи ихъ, не услышимъ онаго страшнаго гласа, посылающаго грѣшниковъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.

Будемъ искупать разумность души нашей, научая ее презирать видимыя и привременныя блага и углубляться въ размышленіе о благахъ духовныхъ и вѣчныхъ. Мудро-

ванія же плотскаго будемъ всячески бѣгать, потому что оно негодно Богу и при немъ нѣтъ возможности оторваться отъ наслажденія привременнымъ и вознестись умомъ къ небесному и вѣчному. Мудрованіе плотское, тому, кто поработенъ ему, не даетъ жить по Богу, но увлекаетъ душу его къ безсловеснымъ стремленіямъ плоти, и всего человѣка дѣлаетъ подобнымъ неразумному животному.

Будемъ искупать дѣлающую насъ присными Богу правду со всякимъ благоговѣніемъ и разсужденіемъ, различая праведное отъ неправеднаго, предпочитая добродѣтель пороку, и не давая мѣста лукавому діаволу, уготовляющему гибель душѣ нашей. Будемъ всему отдавать подобающее: тѣлу дадимъ пищи столько, чтобы живо было, и достаточное одѣяніе; душѣ же отдадимъ всю силу и все усердіе, чтобы питать ее и очищать размышленіемъ о божественныхъ всщахъ, молитвою и слезами и чтеніемъ божественныхъ Писаній, и такимъ образомъ сдѣлать достойною воспріять божественный свѣтъ солнца правды, Бога, который и оправдаетъ насъ благодатію святаго Духа, и единеніемъ съ Собою содѣлаетъ праведными, достойными насладиться неизреченными благами царства Его.

Будемъ искупать мужество душъ нашихъ, чрезъ благодушное претерпѣніе всякихъ искушеній, по слову Господа, который говоритъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), мужественнымъ помысломъ противостоя грѣху и бія врага нашего орудіями святаго Духа. Позлопостраждемъ, какъ добрые воины Христовы, въ пощеніяхъ, бдѣніяхъ, долудеганіяхъ, въ плачѣ, во вретичи и пеплѣ, въ покаяніи и непрестанныхъ къ Богу взываніяхъ, да примемъ вѣнецъ побѣды и воцаримся со Христомъ во вѣки вѣковъ.

Будемъ искупать цѣломудріе тѣла нашего со всякимъ воздержаніемъ и смиреніемъ: ибо борець, законно подвизающійся на поприщѣ благочестія, отъ всего воздерживается, какъ говоритъ божественный Апостолъ (2 Тим.

2, 5; 1 Кор. 9, 25). Если успѣмъ стяжать цѣломудріе, то избѣжимъ злаго дня безсловеснаго похотѣнія, которое воистину есть самый злой врагъ дѣйственности святаго Духа, избѣжимъ оскверненія души, причиняемаго такого рода страстными движеніями, избѣжимъ осужденія совѣсти, нечистоты сердца, презрѣнія и осужденія человѣческаго, и самаго отверженія и гнѣва Божія.

Такою духовною куплею премного получимъ мы прибыли, если разумно будемъ вести торгъ во время сіе, теча стезею настоящей жизни въ правдѣ и цѣломудріи, и мужественно переноса тяготу и зной дня. Ибо если симъ образомъ будемъ куплю дѣять во время настоящей жизни, оставивъ привременное тѣмъ, для кого оно вожделѣнно, себѣ же стараясь присвоить одно нетлѣнное и вѣчное, то несомнѣнно внидемъ въ неволненное и небурное пристанище царствія Божія, неся съ собою всѣ усокровиществованные дары святаго Духа, и не убоимся ни страшнаго онаго гласа, отсылающаго грѣшниковъ въ огонь вѣчный, ни горькихъ оныхъ мукъ, такъ какъ будемъ имѣть съ собою многоцѣнный бисеръ Духа, который обрѣли мы въ періодъ торговаго времени настоящей жизни, продавъ всѣ свои желанія, мудрованія, расположенія и силы, и купивъ его.—Да сподобимся и мы стяжать его во время настоящей жизни, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, коему слава и держава во вѣки. Аминь.

КЛИМАТЪ СВ. ЗЕМЛИ *)

Л ѣ т о.

Съ прекращеніемъ апрѣльскихъ позднихъ дождей въ Палестинѣ наступаетъ лѣтнее время. Начало лѣта, обнимающее собою вторую половину апрѣля и первую половину мая до уборки озимыхъ хлѣбовъ, составляетъ самую лучшую, отрадную пору года. Въ это время палестинское небо бываетъ вообще чисто и ясно, воздухъ мягокъ и проникнуть ароматами всюду распустившихся цвѣтовъ; на поляхъ колыхаются созрѣвающие колосья пшеницы и ячменя; всюду видна молодая трава, зелень деревьевъ отличается необыкновенною свѣжестью и блещетъ на солнцѣ; ручьи, источники, пруды и цистерны полны пока еще водою; словомъ, это наша поздняя весна съ ея избыткомъ жизненныхъ силъ и нерукотворной красоты. Правда, въ началѣ мая выпадаетъ еще дождь; такъ напр. онъ шелъ, по словамъ Робинсона, въ маѣ въ 1838 и 1844 годахъ (Robins., Phys. Geogr. S. 291). Но впервыхъ, это бываетъ чрезвычайно рѣдко; а ввторыхъ, майскій дождь бываетъ тихъ и необыкновенно освѣжительно дѣйствуетъ на воздухъ, растительность и вообще на все живущее. Правда также, что въ апрѣлѣ и маѣ появляются облака; но облака ранняго лѣта вовсе не то, что облака и тучи зимнихъ дней. Они не приносятся вѣтромъ издалека, съ моря, подобно зимнимъ; они мѣстнаго происхожденія. Въ началѣ лѣта почва Палестины бываетъ очень обильна влагою и потому сильно испаряется. Испаренія почвы, сгустившись утреннею порою, и образуютъ облака, но облака незначи-

*) Начало см. въ майской книжкѣ.

тельные по объему, легкія, прозрачныя, которыя вскорѣ по восхожденіи солнца быстро исчезаютъ, нисколько не омрачивъ яснаго неба. Они пока остаются доступными взору, лишь разнообразятъ общій видъ лѣтняго палестинскаго утра и увеличиваютъ его прелесть. Прекрасно изображена эта пора въ книгѣ Пѣснь Пѣсней: «вотъ, зима уже прошла; дождь миновалъ, пересталъ; цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградныя лозы, разцвѣтая, издають благовопіе» (2, 11—13).

Со второй половины мая, а по мѣстамъ и ранѣе, въ св. землѣ начинается первая лѣтняя работа на нивахъ: уборка пшеницы и ячменя, посѣянныхъ въ началѣ зимы. Со времени жатвы и уже до самаго октября или ноября палестинское небо остается постоянно безоблачнымъ. За весь этотъ періодъ времени, и особенно во дни жатвы, дождь и громъ—явленія невозможныя въ св. землѣ (Притч. 26, 1). Правда, при пр. Самуилѣ, во время уборки пшеницы, лился дождь и гремѣлъ громъ; но то было чудо, совершенное, по молитвѣ пророка, Господомъ и послужившее нагляднымъ доказательствомъ того, что легкомысленное желаніе народа поставить надъ собою царя было оскорбительно для Бога Израилева. Какъ на чудо, посмотрѣли на такое необычное явленіе и всѣ Израильтяне и потому пришли въ страхъ. Составитель 1 кн. Царствъ объ этомъ происшествіи повѣствуетъ слѣдующее: «станьте (сказалъ пр. Самуилъ народу) и посмотрите на сіе дѣло великое, которое Господь совершитъ предъ глазами вашими: не жатва ли пшеницы нынѣ? Но я воззову къ Господу, и пошлетъ Онъ громъ и дождь, и вы узнаете и увидите, какъ великъ грѣхъ, который вы сдѣлали предъ очами Господа, прося себѣ царя. И воззвалъ Самуилъ къ Господу, и Господь послалъ громъ и дождь въ тотъ день; и пришелъ весь народъ въ большой страхъ отъ Господа и отъ Самуила» (1 Цар. 12, 16—18).

Отсутствіе дождей въ лѣтнюю пору, постоянно свѣтящее южное солнце, очень неблагопріятно дѣйствуютъ на природу св. земли. Травы и кустарники, покрывающіе поля и луга, не долго сохраняютъ въ себѣ жизнь. Палимыя солнечными лучами, не получая влаги изъ высохшей почвы, они блекнутъ и, по большей части, вовсе засыхаютъ, оставляя послѣ себя лишь обнаженные мертвые стебли. Такое замираніе растительной жизни особенно быстро совершается въ мѣстностяхъ, имѣющихъ песчаную и каменистую, или глинистую почву. Лишенная зелени, Палестина принимаетъ грустный видъ безжизненной пустыни. Продолжаютъ зеленѣть деревья и большіе кустарники, группами разбросанные по странѣ, затѣмъ фруктовые сады и виноградники, пріютившіеся въ долинахъ, имѣющихъ обильные водою, никогда не оскудѣвающіе источники, далѣе изрѣдка встрѣчающіеся полевые участки, засѣянные горохомъ, и еще берега постоянно текущихъ рѣчекъ и ручьевъ, густо заросшіе тростникомъ и олеандрами. Но эти услаждающіе взоры путника зеленѣющіе оазисы не измѣняютъ общаго печальнаго характера палимой лѣтнимъ солнцемъ Палестины. Къ концу лѣта сухость почвы и мертвенность природы въ св. землѣ достигаютъ послѣднихъ предѣловъ. Въ это время начинаютъ оскудѣвать палестинскія воды; цистерны и пруды по большей части пустѣютъ, многіе ручьи высыхаютъ; изсякаютъ даже нѣкоторые источники живой воды и палестинскій земледѣлецъ съ нетерпѣніемъ начинаетъ ждать зимы, или точнѣе раннихъ дождей, которые должны увлажить и размягчить его закаменѣвшее поле. Надежду на приближеніе столь желаннаго времени оживляютъ въ немъ пока еще небольшія бѣлыя тучки, которыя въ концѣ августа и въ сентябрѣ начинаютъ время отъ времени появляться на юго-западѣ.

Впрочемъ хотя лѣтомъ въ Палестинѣ не бываетъ дождей, однако палестинская природа не остается въ это время вовсе лишенною благотворной влаги. Такую влагу

доставляетъ роса, выпадающая по ночамъ. Ночная роса освѣжаетъ воздухъ, оживляетъ растенія, еще не высушенныя солнцемъ, и даетъ имъ возможность бороться съ дневнымъ зноемъ. Палестинская роса необыкновенно сильна. Предметы, на которыхъ она осѣдаетъ, смачиваются ею, какъ бы дождемъ. Мондрелль (Moundrell), путешествуя по Палестинѣ, провелъ однажды ночь въ Изреельской равнинѣ въ палаткѣ. На утро полотно палатки, смоченное росой, оказалось совершенно мокрымъ и, по словамъ путешественника, можно было подумать, что всю ночь шелъ дождь (Raumer, Paläst. S. 91). Фурреръ на пути къ Иордану ночевалъ около селенія Рихи (древняго Іерихона) также въ палаткѣ, а Арабы, служившіе ему проводниками, на открытомъ воздухѣ у костра. Ночью выпала сильная роса и, подобно дождю, смочила палатку, а Арабы, спавшіе подъ открытымъ небомъ, могли замѣчать Фурреръ, сказать о себѣ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ *Пьсни Пьсней* (5, 4): «голова моя вся покрыта росой, кудри мои ночью влагой» (Furrer, Wanderungen durch Palästina. S. 153). Особенно сильна бываетъ роса на низменныхъ мѣстахъ, покрытыхъ растительностію; именно ея влагою по преимуществу пользуются долины, а также и равнины, окруженныя возвышенностями, какъ напр. равнина Изреельская. Но на обнаженныхъ и наиболѣе доступныхъ вѣтру вершинахъ горъ и на горныхъ каменистыхъ склонахъ росы сравнительно бываетъ немного и даже, по временамъ, не бываетъ совсѣмъ. Въ свѣтлыя лунныя ночи палестинскія долины и равнины-покрытыя обильною росой, представляютъ, говорятъ, рѣдкое по своей волшебной прелести зрѣлище. Роса въ Палестинѣ выпадаетъ не только лѣтомъ, но иногда и въ зимнее время. Такъ Зеетценъ наблюдалъ сильную росу въ ясную ночь съ 1 на 2 января 1807 года (Seetzen, II. S. 293).

Роса, выпадающая въ сухое лѣтнее время въ замѣчательномъ обилии, принадлежитъ къ числу благодѣтельныхъ

даровъ палестинской природы, и въ Библейскія времена на нее смотрѣли, какъ на одно изъ великихъ благодѣяній Божіихъ. Потому-то Исаакъ, благословляя Іакова, между прочимъ, сказалъ: «да дастъ тебѣ Богъ отъ росы небесной и отъ тука земли, и множество хлѣба и вина» (Быт. 27, 28). Подобное же было сказано Моисеемъ при благословеніи колѣна Іосифова: «да благословитъ Господь землю Іосифа вождельнными дарами неба, росую и дарами бездны, лежащей внизу» (Второз. 33, 13). Роса обыкновенно сопоставлялась съ дождемъ по своей благодѣтельности для св. земли и ея обитателей (3 Цар. 17, 1), и ея отсутствіе, какъ и отсутствіе дождя, почиталось наказаніемъ свыше за грѣхи народа. Такъ пр. Аггей говорилъ отъ лица Господа своимъ соплеменникамъ: «ожидаете многого, а выходитъ мало; и что принесете домой, то я развѣю,—за что? говоритъ Господь Саваоѣ: за мой домъ, который въ запустѣніи, тогда какъ вы бѣжите, каждый къ своему дому. Посему-то небо заключилось, и не даетъ вамъ росы, и земля не даетъ своихъ произведеній» (Агг. 1, 9. 10). Насколько благодѣтельны для св. земли лѣтнія обильныя росы, можно видѣть уже изъ того, что самъ Господь, устами пророка Осіи, сравниваетъ съ росую свое благоволеніе къ Израилю: «я буду росую для Израиля; онъ разцвѣтетъ, какъ лилія, и пуститъ корни свои, какъ Ливанъ» (Осіи 14, 6).

Н. Елеонскій.

ДОСИОЕЙ, ПАТРИАРХЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ.

III. *Отношеніе Досиоея къ просвѣщенію Россіи.*

Въ XVII-мъ вѣкѣ, въ сѣверной Россіи съ особенною силою пробудилось стремленіе къ просвѣщенію. Въ Москвѣ стали заводить школы. Съ разныхъ сторонъ являюся въ Москву учителя: греческіе и западно-русскіе монахи, шляхтичи съ польскимъ школьнымъ образованіемъ, разные ино-вѣрные учителя и съ дальнѣйшаго запада. Произошло столкновеніе новыхъ силъ съ старымъ порядкомъ, и исходомъ борьбы, замѣчастъ Соловьевъ, было то, что старая Россія окончилась, а новая началась *).

Этому стремленію къ просвѣщенію сочувствовали и восточные патріархи, особенно Досиоей, содѣйствуя и съ своей стороны его поднятію. Каково было отношеніе ихъ, особенно Досиоея, къ просвѣщенію Россіи, объ этомъ свидѣтельствуеетъ исторія Московской академіи, къ которой мы и переходимъ.

а. Московская академія до ея преобразованія.

На открытіе Московской академіи главнымъ образомъ имѣли вліяніе пастыри восточной церкви. Представляя выгоды, какія могла получить отъ распространенія образованія сама Россія, они имѣли въ виду и ту пользу, какую могла бы получить отъ учрежденія училищъ здѣсь, при упадкѣ собственнаго просвѣщенія, и восточная церковь. Такія именно мысли были высказаны патріархами, бывшими въ Москвѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ по дѣлу

*) Соловьевъ. Истор. Рос. т. XIII, стр. 227.

Никона *). Но только при патр. Іоакимѣ пришло время, когда завѣщанное восточными первосвятителями дѣло должно было исполниться. Внушенія патріарховъ и пламенное желаніе грековъ нашли сильную поддержку въ лицѣ одного русскаго инока, очевидца упадка просвѣщенія на Востокѣ. Нѣкто іеромонахъ Тимоѳей, долго жившій въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, по возвращеніи въ Москву (1679 г.) извѣстилъ царя о томъ печальномъ состояніи просвѣщенія, въ которомъ оно находилось на Востокѣ **). Сожалѣя объ этомъ, Θεодоръ Алексѣевичъ пожелалъ открыть въ Москвѣ греческое училище. Исполненіе этого дѣла возбудило радость въ сердцѣ царя и патріарха Іоакима. Не менѣе радовался этому и Досиѳей; въ маѣ 1682 года онъ писалъ Θεодору Алексѣевичу: «благодаримъ Господа Бога, яко во дни вашего святаго царствія благоволилъ быти въ царствующемъ вашемъ градѣ Еллинской школѣ» ***). Въ тоже время онъ просилъ царя «утвердити и впередъ разпространити это училище, да пребудетъ вѣчная и безсмертная ваша память у Бога и у чловѣкъ» ****). Дѣйствительно, Θεодоръ Алексѣевичъ не думалъ ограничиться одной низшей школою: онъ рѣшился преобразовать ее въ высшее заведеніе, — академію. Прежде всего для сего, конечно, нужно было позаботиться о наставникахъ будущаго заведенія. Осторожный царь не хотѣлъ поручить академію ученымъ юго-западныхъ русскихъ школъ; оставалось искать ихъ въ Византіи. Приказавъ составить проектъ академическаго образованія, онъ поручилъ посламъ, Возницкому и Чирикову, отправлявшимся въ Константинополь по политическимъ дѣламъ, просить восточныхъ патріарховъ о присылкѣ въ Россію учителей для проектированной академіи. Но послѣдовавшая вскорѣ смерть (въ апр. 1682 г.) царя не позволила

*) Приб. къ тв. св. от. 1845, 166. 167.

**) Истор. Моск. акад. Смирн. (Прибав. къ твор. св. от. 1852, 2, 63).

***) Собр. госуд. грам. и договор. ч. IV-я, стр. 421.

****) Ibid. стр. 422.

ему видѣть исполненія его намѣренія; это суждено его преемникамъ.

Между тѣмъ какъ послы хлопотали предъ патриархами лично, Іоакимъ письменно заботился о томъ же. Онъ писалъ Констант. патриарху Іакову и іерусалим. Досиееу съ просьбой содѣйствовать дѣлу русскихъ пословъ, отправленныхъ въ Царьградъ *). Но главнымъ образомъ Іоакимъ рассчитывалъ въ данномъ случаѣ на Досиоея. Поэтому онъ поручилъ іеродіакону Мелетію писать къ нему особо, чтобы тотъ прислалъ въ Россію учителя **). Досиеей дѣйствительно оправдалъ надежды русскихъ. Онъ началъ искать учителей для Московской академіи, и нашель. Въ 1683 г. пріѣхали въ Константинополь два ученые грека—іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды, получившіе образованіе въ Венеціи и Падуѣ. Такъ какъ они сами просили восточныхъ патриарховъ благословить ихъ на должность наставниковъ и проповѣдниковъ, то на нихъ Досиеей и обратилъ вниманіе, какъ на могшихъ отправиться въ Россію. Но не довѣряя характеру ихъ образованія, онъ беретъ братьевъ подъ свое непосредственное наблюденіе, подвергаетъ испытанію и только тогда рѣшается послать ихъ въ Москву. Вотъ какъ Досиеей описываетъ свою въ этомъ случаѣ заботливость: «въ то время, какъ мы думали, кого бы послать въ Россію, въ Константинополь пріѣхали два брата Іоанникій и Софроній Лихуды, преубогіе люди... и жили у насъ въ Царьградѣ, въ монастырѣ св. гроба, и били челомъ намъ со слезами показать имъ образъ, во еже бы могли покормиться и заплатить долгъ, который имѣли въ отечествѣ своемъ. Мы же, видя ихъ черноризцевъ и смиренныхъ людей и надѣясь встрѣтить въ нихъ вполнѣ добрыхъ людей, первѣе взяли исповѣданіе вѣры ихъ, яко суть православные, также дали имъ заступительныя грамоты и наи-

*) Арх. юго-з. Рос. т. V, стр. 441.

**) Туманскій. Собр. зап. о Петр. Велик. часть X, стр. 109—110.

паче на дорогу протори, и тогда послали ихъ къ вамъ, чающе творити имъ по обѣщанію своему *)». Кромѣ этого испытанія, Лихуды, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, говорили поученія въ кафедральной церкви въ присутствіи всѣхъ духовныхъ властей. Найдя такимъ образомъ истинно-православными ихъ, Досиѳей предложилъ имъ ѣхать въ Россію. Лихуды охотно согласились и тогоже 1683 г. оставили Константинополь, но по особеннымъ обстоятельствамъ прибыли въ Москву уже въ мартѣ 1685 года **).

Врученную восточными патріархами грамоту Лихуды сейчасъ же, по пріѣздѣ, представили въ посольскій приказъ, гдѣ, кромѣ того, ихъ допрашивали о цѣли пріѣзда. Въ грамотѣ этой патріархи восхваляютъ Лихудовъ, какъ извѣстныхъ по православію и учености, и просятъ воздавать имъ подобающую честь. Приняты въ Москвѣ милостиво, восточные наставники поселились въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ и начались ихъ первые труды; а затѣмъ они были переведены въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ въ 1686 г. было окончено обширное для академіи зданіе. Такимъ образомъ во главѣ просвѣтительнаго движенія въ Москвѣ стали присланные Досиѳеемъ учителя.

Отправляя Лихудовъ въ Россію, Досиѳей не далъ имъ полной свободы въ веденіи образовательнаго дѣла: въ этомъ отношеніи онъ подчинилъ ихъ имъ самимъ составленному проекту. Чтобы яснѣе понять желанія Досиѳея въ этомъ случаѣ, необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ объ отношеніи его къ кievскому образованію. Всѣ южно-русскія школы, въ томъ числѣ и Кіевское училище Богоявленскаго братства, находясь подъ вліяніемъ Востока, были до времени Петра Могилы чужды духу Запада, давая у себя перевѣсъ греческому просвѣщенію. Этотъ же преобразователь Богоявленской школы, получивъ самъ западное образованіе, не могъ уже сочув-

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X стр. 110.

**) Истор. Моск. акад. (Приб. къ тв. св. от. 1852, 2, 66—68).

ствовать образованію греческому. Его увлекла другая, іезуитская образованность съ ея строгими схоластическими формами и всемірнымъ языкомъ. Его желаніемъ по этому было видѣть въ русскихъ школахъ преобладаніе латинскаго вліянія надъ греческимъ. Съ этой цѣлю онъ, будучи печерскимъ архимандритомъ, посылалъ на западъ молодыхъ людей для образованія изъ нихъ учителей въ новомъ латинскомъ направленіи. Богоявленское училище переименовано было въ Коллегію и преобразовано по примѣру іезуитскихъ школъ. Нетрудно послѣ этого догадаться, каково было мнѣніе Досиоея о юго-западныхъ школахъ. Онъ вообще враждебно смотрѣлъ на образованіе въ духѣ Запада. По этому постоянно предостерегалъ отъ него русскихъ и не сочувствовалъ мѣрѣ Петра, посылавшаго молодыхъ людей за границу для обученія. Вѣсть, что царь хочетъ и своего сына Алексѣя, наслѣдника престола, отправить туда же для образованія, встревожила Досиоея. И вотъ въ 1702 г. онъ пишетъ Петру: «пришли къ намъ письма изъ Вѣны и пишутъ, яко похваляются тамо, что пошлетъ ваше царствіе сына своего Алексія Петровича туда обыкновенія (πράξις) ради и ученія: внемли не высылать изъ Москвы сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста, гдѣ онъ научится не обыкновенію, но иностраннымъ нравамъ» *). При такомъ взглядѣ вообще на западное просвѣщеніе онъ не могъ сочувствовать новому, въ такомъ же духѣ, направленію кievскихъ школъ. Онъ смотрѣлъ на него какъ на еретическое, а на воспитанниковъ кievскихъ школъ, какъ на людей, потерянныхъ для православной церкви, какъ на людей, которыхъ ученость не можетъ быть терпима въ обществѣ русскихъ. Этотъ именно неодобрительный взглядъ на кievское образованіе опредѣлилъ отношеніе Досиоея къ новоучрежденной академіи. Послѣдняя, по инструкціи его, должна быть реакціей противъ коллегіи кievской, совершенною ей противопо-

*) Соловьевъ. Истор. Рос. т. XV, стр. 420.

ложностию. Между тѣмъ какъ въ кіевскихъ школахъ преобладалъ духъ латинскій, въ основу московскаго просвѣщенія Досиѳеѣй полагалъ греческій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно должны имѣть употребленіе и книги греческія. Досиѳеѣй строго наказалъ Лихудамъ: «латинскаго ученія и языка чтобы не учили въ школахъ, опъичь еллинскаго». Но однимъ наказомъ Досиѳеѣй не ограничился; онъ потребовалъ отъ Лихудовъ клятвы, что они будутъ твердо слѣдовать его внушеніямъ, которую тѣ и дали *).

О превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ и о томъ, что въ новоучрежденномъ училищѣ «благочестіе и ученіе должны быть преподаваемы на эллинскомъ языкѣ, а ни на какомъ иномъ, Досиѳеѣй разсуждаетъ такъ: «греческій языкъ есть истинная причина разума и мудрости духовной; только благодаря ему, мы постигаемъ дѣйствительный смыслъ того, что заключаютъ съ себѣ священныя книги не только Новаго, но и Ветхаго Завета. Что касается послѣдняго, то какъ текстъ еврейскій, такъ и прочія толкованія или переводы не даютъ намъ возможности вполнѣ изучить и вѣрно толковать его. И только трудъ семидесяти переводчиковъ (сдѣлавшихъ переводъ книгъ Ветхаго Завета на греческій языкъ) даетъ намъ эту возможность, только онъ пользуется въ соборной церкви полнымъ къ себѣ довѣріемъ. Греческій текстъ ветхозавѣтныхъ книгъ пользовался кромѣ того уваженіемъ и вниманіемъ со стороны разныхъ другихъ переводчиковъ, которые текстъ семидесяти помѣщали на ряду съ другими текстами. И это они дѣлали для того, что если будетъ въ переводѣ ихъ какая проступка или усумнѣніе, исправляется усумнѣніе, исправится проступка отъ еллинскаго языка». По отношенію къ новозавѣтному времени греческій языкъ получаетъ еще большую важность. «Греческимъ

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 108—110; 111; 115—116.

бо языкомъ писано Евангеліе и Апостолъ; а Евангеліе отъ Матѳея, хотя писано еврейскимъ языкомъ, а отъ Марка латинскимъ, однакоже оныя не обрѣтаются». Кромѣ того «латины и другіе достоименитые христіанскіе народы новый завѣтъ, который есть на языкѣ ихъ, пишутъ и печатаютъ вкупѣ съ еллинскимъ языкомъ»... Опять это для того, чтобы въ случаѣ нужды исправить свой текстъ по тексту греческому. «А къ тому и вселенскіе соборы еллинскимъ языкомъ любопрѣлись и дѣла и правила ихъ еллинскимъ языкомъ написаны и изрядные учителя, и повѣстописатели еллински писаша; и градскіе законы, уложенія, правила, книги соборныя, указы, именуемыя царственныя, еллински писаны суть... Еллини, далѣе, бяху святіи отцы, еллински написашеся святыхъ отцевъ списаніе и всѣ святыя церковныя книги». Такія преимущества имѣеть за собой греческій языкъ. И вотъ почему «еллинское просвѣщеніе держится отъ всѣхъ народовъ христіанскихъ... И сіе есть божественное дѣло, еже учити христіаномъ еллинскій языкъ, во еже разумѣти книги православныя вѣры, якоже писаны суть, и познавати толкованіе ихъ удобно. По этимъ-то причинамъ мы и желали, дабы пришелъ въ тамошнія страны (въ Рос.) учитель еллинскаго языка» *). Что же касается латинскаго просвѣщенія и латинскаго языка, «на латинскомъ языкѣ многія суть ереси и безбожества, а книги латинскія исполнены суть лукавства и прелести... Необходимо по этому возбранять ученіе латинское отъ школы...; такой слѣдуетъ учинити и указъ» **).

Какой же кругъ предметовъ Досиоей рекомендуетъ проходить въ Московской академіи? Въ этомъ случаѣ онъ выражается весьма неопредѣленно. Называя прямо одну

*) Туманскій. Собор. зап. о II. Вел. ч. X, стр. 108—109. Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, стр. 421—422.

**) Туманскій. Соб. зап. о II. Вел. ч. X, стр. 115—116. Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, стр. 422.

только грамматику, остальные науки онъ обозначаетъ общимъ терминомъ: «иныя ученія, свободныя ученія», подъ которыми, вѣроятно, надо разумѣть: піитику, реторику, логику, діалектику, філософію и фізику. Что касается послѣдней и особенно філософіи, то онъ былъ противъ предпочтенія ихъ другимъ наукамъ *).

Ходъ ученія въ академіи долженъ быть, по Досиѳею, такой. Одинъ изъ присланныхъ имъ учителей долженъ преподавать «свободныя ученія», а другой грамматику; занятія должны быть во всѣ дни недѣльные, исключая воскресныхъ дней, Господскихъ праздниковъ и свѣтлой недѣли. Но и въ дни, свободные отъ занятій, ученики не должны быть совершенно праздны. Въ это время учителя «приказывали бы учащихся прятися межъ собой, дабы училися искусству діалектики». Ежемѣсячно же «блаженнѣйшій патріархъ и нѣкоторые обрѣтающіеся тамо ученые люди должны истязати, что учинили въ томъ мѣсяцѣ ученики, и къ тому истязати порознь учениковъ, чему училися, и радѣютъ ли, и всегда ли пребываютъ въ школѣ», послѣ чего «праведная хвалить, а преступленія укорять и всякими образы исправляти ихъ» **).

Относительно личнаго поведенія учителей Досиѳею высказываетъ очень строгія требованія. Они должны исполнять свое дѣло не какъ-нибудь, но «какъ подобаетъ», а именно: «чтобъ всегда жили въ школѣ и радѣли бѣ къ приращенію школы, дабы имѣти учениковъ многихъ, и прибавленію ученія, которое преподавали бы съ прилежаніемъ, доколѣ бѣ научились нѣкіе изъ учениковъ всякаго ученія». Зная одну только школу, они ничѣмъ постороннимъ не должны увлекаться и не входить ни въ какія обязательства. Держать себя должны они «смиренно и не гордо, и съ пріѣзжами людьми чтобъ они не мѣшались, ниже укоряти кого, ниже похваляти кого». Подчи-

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 111. 116.

**) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 116. 117.

няясь во всемъ патриарху, они <къ царскому величеству или въ честные приказы безъ вѣдома и воли блаженнѣйшаго святѣйшаго патриарха Московскаго не должны ходить, токмо гдѣ и когда велить святѣйшій. Въ случаѣ увидятъ они какое дивное или непристойное дѣло въ благочестіи и хотятъ сказать блаженнѣйшему патриарху, дабы доносили смиренно и благоговѣнно, а сами не должны мѣшаться въ то дѣло; также не должны они говорить всякому, что хотятъ, и что придетъ въ мысль... Пусть помнятъ (Лихуды), что они смиренные монахи, начальствующіе только въ одной школѣ... Такъ именно ведутъ себя учителя и нашихъ школъ, которыя суть въ Царьградѣ, Хіосѣ, и въ иныхъ мѣстахъ, и которыхъ учителя всѣ повинуются архіереови и такъ, что даже уста не смѣютъ отверзати въ иныхъ дѣлахъ безъ его повелѣнія: не суть бо иное что, только учителя единой школы> *).

О достоинствахъ этихъ правилъ для академіи Досиоей самъ замѣчаетъ: <такъ будетъ приращеніе и ученія школы (т.-е. если она будетъ устроена по его совѣту) и великихъ государей жалованье дано будетъ не всеу> **).

Взявъ эти правила изъ рукъ самого Досиоея, брата Лихуды дали обѣщаніе вѣрно хранить ихъ. Но надежды патриарха не оправдались и онъ перемѣнилъ къ нимъ отношеніе. Въ этомъ случаѣ нельзя не замѣтить уже слишкомъ рѣзкаго и мгновеннаго поворота. Мы знаемъ, что онъ рекомендовалъ ихъ, какъ истинно православныхъ и знатоковъ своего дѣла. Еще въ 1691 г. онъ писалъ къ нимъ весьма благосклонно, называя ихъ мудрѣйшими учителями, восхваляя древнюю славу ихъ рода, изъявляя радость объ успѣхахъ, какіе оказываютъ въ академіи, и прося Бога, да <приведетъ ихъ дѣло въ величайшее совершенство> ***). А черезъ два года онъ выступилъ уже

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 111, 112, 116, 118, 120. **) Тамъ же, стр. 117. ***) Приб. къ Тв. св. от. 1852, 2, стр. 80—81.

какъ строгій обличитель Лихудовъ. Чѣмъ же объяснить эту переѣну? Если онъ до этого такъ восхвалялъ учителей, то, значить, получалъ изъ Москвы хорошіе о нихъ отзывы. Но вотъ, возвратившійся оттуда Хрисанеъ, какъ очевидецъ, принесъ своему дядѣ совершенно противоположныя извѣстія и вообще отозвался о Лихудахъ весьма неодобрительно. Дѣло въ томъ, что Досиѳею просилъ Лихудовъ вспомошествовать его племяннику, если онъ чего потребуеть въ пользу гроба Господня. Хрисанеъ между тѣмъ остался весьма недоволенъ приѣмомъ, какой сдѣлали ему Лихуды, и потому высказался о нихъ неблагопріятно. Кромѣ Хрисанеа невыгодныя о Лихудахъ извѣстія сообщили Досиѳею іерусал. архимандритъ Исаія и нѣкоторые другіе *). Изъ ихъ доносовъ оказалось, что, вопреки данному слову, учителя нарушили всѣ почти пункты составленной имъ инструкціи для академіи. Такъ, на ряду съ греческимъ языкомъ преподавали латинскій и ввели въ школу латинское ученіе; давали предпочтеніе физикѣ и философій, занимались посторонними дѣлами, оставляя и нерадѣя объ академіи; не оказывали по этому успѣховъ и не образовали ни одного учителя; вмѣсто смиренія обнаруживали гордость и имѣли сношенія съ пріѣзжими греками, считая себя главою ихъ и давая о нихъ начальству отзывы. Доносовъ этихъ было достаточно, чтобы пробудить въ Досиѳеѣ нерасположеніе къ московскимъ учителямъ. А то обстоятельство, что они преподавали латинскій языкъ и ввели латинское ученіе, бросило тѣнь подозрѣнія насчетъ ихъ православія; и Досиѳею рѣшился, во что бы то ни стало, удалить Лихудовъ изъ академіи, какъ людей опасныхъ. Конечно, не понравилось Досиѳею и гордое обращеніе ихъ съ его племянникомъ Хрисанеомъ.

Разгнѣванный патріархъ немедленно послалъ въ Москву три письма: къ учителямъ (отъ 15-го іюля 1693 г.), царямъ

*) Истор. Моск. акад. (Приб. къ Тв. св. от. 1852, 2, 81—82; 84).

и патриарху (отъ 10-го авг. тогоже года). Нѣкогда хвалившій, Досиоей теперь упрекалъ Лихудовъ за непринятіе Хрисанѳа, за то, что они приняли участіе въ судьбѣ изверженнаго епископа грека Акакія, отпавшаго въ латинство; наконецъ грозилъ Лихудамъ отлученіемъ отъ церкви *). Къ великимъ государямъ писалъ онъ въ сильно обличительномъ тонѣ: «мы приказали имъ (Лихудамъ) латинскаго языка и ученія чтобъ не учили въ школѣ, oprичъ еллинскаго, а они творили и творятъ все противно. Вы, божественнѣйшіе самодержцы, да возбраните ученіе латинское отъ школы потому, что на латинскомъ языкѣ многія суть ереси и безбожества. Вы должны такой указъ учинити, чтобъ только на еллинскомъ языкѣ, а не на иномъ какомъ учили. Если же они вымышляютъ иное, то за это чтобъ учинена была имъ эпитимія и смирились бы, яко подобаетъ» **). Дѣйствуя въ этомъ случаѣ столь строго, Досиоей не обращалъ вниманія на то, что Лихуды въ веденіи учебнаго дѣла поступали отнюдь не по личному произволу; они руководствовались проектомъ академическаго образованія, составленнымъ Симеономъ Полоцкимъ, въ которомъ предписано обученіе и латинскому языку. А подозрѣвать ихъ въ неправославіи для Досиоея не было основанія, потому что въ спорахъ объ Евхаристіи и въ сочиненіяхъ своихъ противъ католиковъ Лихуды не показали себя сторонниками латинистовъ. Кромѣ того, патриархи Іоакимъ и Адріанъ были ревнители православія и потому не могли не слѣдить за поведеніемъ иностранныхъ учителей; между тѣмъ съ ихъ стороны мы не видимъ никакихъ жалобъ на Лихудовъ. Далѣе, продолжаетъ Досиоей въ томъ же письмѣ, «вмѣсто того, чтобы учить грамматику и иныя ученія, они забавляются около физики и философіи. Вообще учителя многія деньги ѣли вашего царскаго величества, а не служили, какъ подобаетъ. По-

*) Истор. Моск. акад. (Приб. къ Тв. св от. 1852, 2, 81—82; 84).

**) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 111; 114—116.

неже безъ прилежанія преподавали они ученіе, то изъ учениковъ, которыхъ за столько лѣтъ довелось имъ имѣть много, не токмо кто учинился учитель, но которые что и учили, и то недобрѣ. памятьствуютъ *)). И въ этомъ случаѣ Досиѳей былъ неправъ. Успѣхи учениковъ на самомъ дѣлѣ были блистательны, судя по тому, что въ первые три года ученики изучили всѣ науки, могли говорить на обоихъ языкахъ и перевели нѣсколько книгъ на славянскій языкъ. Кромѣ того, записки уроковъ, составленныя Лихудами, свидѣтельствуютъ, что они съ великою ревностію проходили постепенный курсъ ученія, начиная съ грамматики; изъ школы ихъ вышли достойные наставники, которые со славою послѣ проходили служеніе при академіи **). Нерадѣя объ академіи, писалъ далѣе Досиѳей, Лихуды занимаются совершенно стороннимъ дѣломъ, не соотвѣтствующимъ ихъ профессіи. «Пріѣхавъ тамо, они на первыхъ же порахъ учинили лукавство, взявъ столько богатства діакона Мелетія. Мы же имѣемъ грамоту, рукой Мелетія написанную, что пожитки его послѣ смерти да будутъ св. гробу. Однакожь мы умолчали, чая, что взявши столько богатства, они будутъ жити въ тихости и попеченіе творить о школьной наукѣ. Но они не довольствовались и этимъ: старшій (Іоанникій), оставивъ школу, поѣхалъ въ Венецію быти купцомъ съ деньгами Мелетіевыми и палъ тамъ въ толикіе убытки и безчестія, которыя, яко сущи явно, не пишемъ». Занятіе несомвѣстимое съ званіемъ учителя, ибо «никто, обязавшись быти учителемъ, не можетъ обставляться житейскими куплями, и купцами имъ быти невозможно. Никто бо можетъ работати Богу и мамонѣ. Но понеже великое ваше царствіе обогатили ихъ ради школьнаго ученія, подобаетъ быти такому указу, чтобъ они не торговали, а

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 111.

***) Истор. Моск. акад. Смирн. (Прибавл. къ Тв. св. от. 1852, 2; 73, 84, 85).

чтобъ жили въ школѣ и радѣли бы къ ея приращенію *)). Одинъ изъ Лихудовъ, Іоанникій, дѣйствительно оставлялъ академію; но онъ ѣздилъ въ Венецію не для торговли, а по дѣламъ государства; если даже онъ и покупалъ что въ Венеціи, то по порученію царей для ихъ двора. Что касается до денегъ Мелетія, употребленныхъ будто Іоанникіемъ для торговыхъ оборотовъ, то хотя извѣстно, что эти деньги уже истрачены были для постройки академическихъ зданій, но обвиненіе Лихудовъ въ корыстолюбіи вообще вѣрно, такъ какъ они не были чужды этого порока **).

Весьма не нравилось Досиеву то, что московскіе учителя слишкомъ гордились и начальственно держали себя по отношенію ко пріѣзжимъ грекамъ. Такъ, «они позволяютъ себѣ давать правительству отзывы о нихъ; многимъ говорятъ, что они въ Москвѣ первые между греками, что они лучшіе члены восточной церкви, а это послѣдняя изъ укоризнъ восточной церкви.... Многихъ, которые пріѣзжаютъ туда отселѣ, монаховъ нѣкихъ заступаютъ и помогаютъ, а иныхъ унижаютъ и оклеветываютъ; держать сторону людей, осужденныхъ церковью. Между тѣмъ имъ подобаешь сидѣти въ школѣ, быть смиренными и негордыми, и ко пріѣзжимъ людямъ совершенно не мѣшаться». Преимущественно же Досиевъ нападаетъ на Лихудовъ за то, что они присвоили себѣ княжескій титулъ. Отзывъ прямо противоположный прежнему: въ прежнемъ письмѣ онъ восхваляетъ древнюю славу ихъ рода; теперь всѣми силами старается доказать, что «они люди преубогіе, безъимяннаго и неблагороднаго происхожденія; родители ихъ жили и питались пашнею и заступомъ; словомъ, они настоящіе мужики. А что они такіе, такъ это знаютъ многіе, знаемъ это и мы, потому

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 110, 112, 120.

***) Истор. Москов. акад. Смирн. (Приб. къ Тв. св. от. 1852, 2, 77, 83).

что они «жили у насъ въ Царьградѣ, въ монастырѣ св. Гроба, и били челомъ намъ со слезами помочь имъ покорниться и заплатить долгъ». Называя же себя князьями, они исключительно слѣдуютъ влеченію гордости—гордости совершенно неумѣстной. «Многіе самодержцы быша монахи и трудшася на поварнѣ, и именовашу себя бѣдными и ни къ чему негодными, а они простые учителя прельстили божественную державу и называются и пишутся князьями. Мы же знаемъ во всемъ родѣ греческомъ, которые суть отъ царскаго рода, а такимъ солдатомъ и нищимъ и разбойникомъ морскимъ именоватися князьями не терпимъ». При этомъ Досіеѣй извращаетъ ихъ фамилію, называя не Лихудами, а Ликудіями, производя это слово отъ λύκος волкъ. «Не приходится, чтобъ таковыя были царевичами; понеже убо они отъ мужицкой породы назвались князьями и солгали святому вашему и великому царствію... Необходимо, дабы божественнѣйшія царскія грамоты, которыя то утвердили званіе, чтобъ взяты были назадъ, и чтобъ учинился такой указъ, дабы ни ихъ, ни дѣтей ихъ никто не называлъ князьями. Если въ этомъ случаѣ вы не довѣряете мнѣ, то спросите того человѣка, котораго съ письмомъ послали мы къ блаженнѣйшему патріарху, собрату нашему. Онъ знаетъ, какого житія они есть, которые безъ страха Божія учинили противно правиламъ и истинѣ»... *)

Вѣроятно Хрисанеъ пересказалъ патріарху слѣдственное дѣло о княжескомъ родѣ Лихудовъ, окончившееся утвержденіемъ ихъ въ княжескомъ достоинствѣ (въ феврал. 1692 г.). Но нужно замѣтить, что упрекъ въ присвоеніи этого достоинства—не совсѣмъ заслуженный учителями, которые, проживъ въ Москвѣ семь лѣтъ, и не думали хлопотать объ утвержденіи въ этомъ достоинствѣ. Дѣло о титулѣ начали и окончили дѣти Іоанникія, собственно для

*) Туманскій. Собр. зап. о П. Вел. ч. X, стр. 110, 114, 120.

себя, и Лихуды, получивъ его, никогда не подписывались князьями *).

Въ томъже году (1693 г.) получилъ отъ Досиоея письмо и Адріанъ. Досиоей пишетъ, отъ кого онъ получилъ неблагопріятныя о Лихудахъ извѣстія, повторяетъ тѣже вины ихъ и проситъ принять противъ нихъ строгія мѣры. «Учителей этихъ обличи, запрети, да уцѣломудрятся, сирѣчь не торговали бы, князьями не назывались бы ни они сами, ни дѣти ихъ; поелику они убогіе люди и ремесленные. О школѣ имъ подобаешь прилѣжати, латинскаго же ученія совсѣмъ не показовати, яко ходатая великихъ злыхъ, и наконецъ знать только школу, а не иныя дѣла, и аще случится церковное дѣло, глаголати имъ вашимъ повелѣніемъ, а не пріимати имъ лица суди» **).

Письма Досиоея, написанныя такъ рѣзко и требовательно, не могли остаться безъ дѣйствія, тѣмъ болѣе, что сильные покровители Лихудовъ царевна Софія и князь Василій Голицынъ лишились въ это время вліянія на государственныя дѣла ***). Съ другой стороны и патріархъ Адріанъ хотя и сочувствовалъ Лихудамъ, тѣмъ не менѣе грозныя обличенія противъ нихъ произвели и на него вліяніе. Преданный православію и несочувствовавшій западному и южно-русскому образованію ****), Адріанъ обратилъ вниманіе на голосъ Іерусалимскаго патріарха. Однако, имѣя въ виду рекомендательную грамоту, подписанную патріархами, очевидную пользу, принесенную Лихудами Академіи, и наконецъ то, что нѣкоторыя обвиненія не касались дѣла ученія,—имѣя все это въ виду, онъ медлилъ принятіемъ строгихъ мѣръ противъ Лихудовъ. Только во второй половинѣ 1694 г. патріархъ отрѣшилъ Лиху-

*) Исторія Моск. академ. (Прибав. къ Твор. св. от. 1852. 2, 82 до 83). ***) Истор. Москв. акад. (Приб. въ Тв. св. от. 1852. 2, 84—85).

****) Первая заключена въ монастырь, послѣдній сосланъ въ ссылку.

*****) Адріанъ крѣпко стоялъ за старыя обычаи: реакція южно-русскому и западному образованію была при немъ особенно сильна.

довъ отъ должности наставниковъ и выслалъ изъ академіи въ типографію, гдѣ они продолжали все-таки свое дѣло, обучая желающихъ итальянскому языку *).

Настаивая на удаленіи Лихудовъ изъ академіи, Досиѳею черезъ своего племянника Хрисанѳа утѣшалъ 20 мая 1694 г. Адріана обѣщаніемъ выслать ему новыхъ учителей. Въ это время въ Москвѣ хотѣли печатать греческія и латинскія азбуки, и Хрисанѳъ предлагалъ прислать въ Москву справщика, который бы могъ быть съ тѣмъ вмѣстѣ и учителемъ; «а дондеже прилетитъ отъ насъ таковой человѣкъ, можетъ учить вновь поступающихъ Николай (Семеновъ) и Ѳеодоръ (Поликарповъ)» **).

Дѣйствительно, по удаленіи Лихудовъ, мѣста ихъ въ академіи заняли ихъ ученики Николай Семеновъ и Ѳеодоръ Поликарповъ, которые пять лѣтъ съ половиною (1694—1699) преподавали грамматику, пѣнтику и реторику на одномъ греческомъ языкѣ. Латинскій же языкъ, по настоятельному требованію п. Іерусалимскаго, изгнанъ былъ вовсе изъ академіи. Въ 1699 г. и эти учителя оставили академію; ихъ мѣсто занялъ чудовскій монахъ (тоже ученикъ Лихудовъ) Іовъ, только нѣсколько мѣсяцевъ учившій въ академіи. Послѣдняя, благодаря такимъ перемѣнамъ, все больше и больше клонилась къ упадку ***). Между тѣмъ Досиѳею не исполняетъ своего обѣщанія относительно высылки другихъ учителей. Адріану, видно, наскучило ожидать, и онъ самъ просилъ у патр. іерусалимскаго дать ему учителей; тотъ опять обѣщаль, но не присылалъ «труднаго ради времени». Въ 1696 г. онъ писалъ Адріану: «учителя и справщика не посылаемъ доселѣ; ибо теперь такое время, что не только писать къ вамъ или послать человѣка, но даже имя ваше произнести значитъ заслужить смертную казнь». Трудно это

*) Ист. Моск. акад. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852 г. 2, 85—86).

**) Ист. Моск. ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2, 86).

***) Ист. Моск. ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2, 7).

время было потому, что тогда шла война между Австріею и Турціей. Нужда однако такъ была настоятельна, что Адрианъ еще нѣсколько разъ послѣ этого просилъ Досиоея прислать въ Москву учителей. Въ 1698 году Досиоей отвѣчалъ тѣмъ же, именно, что надобно переждать опасное время. Однако, въ виду усиленныхъ просьбъ, онъ рекомендовалъ Адриану родосскаго грека Панагіота и іеромонаха Діонисія, учившагося въ Венеціи, Падуѣ, Римѣ, Англіи и Голландіи, отлично знавшаго греческій и латинскій языки, философію и богословію. Діонисій однако въ Москву не явился; а Панагіоть, хотя и пріѣзжалъ, но не былъ принятъ, вѣроятно по ходатайству самихъ Лихудовъ. Къ тому времени въ 1699 г. возвратился изъ путешествія іеромонахъ Палладій Роговскій (ученикъ Лихудовъ), который и сдѣланъ былъ первымъ ректоромъ академіи *).

Быть можетъ Досиоей не особенно старался объ удовлетвореніи неоднократныхъ просьбъ изъ Москвы и потому еще, что его требованія относительно Лихудовъ были не вполнѣ удовлетворены. Обстоятельство, что они, несмотря на его требованія, не были совсѣмъ удалены изъ Москвы, дѣйствительно оскорбило Досиоея. Настойчивый и непоколебимый въ достиженіи своихъ цѣлей, онъ продолжаетъ преслѣдованіе Лихудовъ и представляетъ на нихъ новое обвиненіе. Въ виду немирныхъ отношеній между Россіею и Турціею, онъ старается выставить Лихудовъ въ глазахъ Московскаго правительства какъ людей, содѣйствовавшихъ интересамъ Порты. Поэтому, какъ опасныхъ и для благосостоянія Россіи, Досиоей проситъ выслать Лихудовъ совсѣмъ изъ столицы.

Адрианъ еще колеблется и думаетъ даже защищать Лихудовъ предъ Досиоеемъ. Отвѣчая ему (отъ 20 февр. 1697 г.) довольно уклончиво, Московскій патріархъ между прочимъ писалъ, что Лихуды принесли пользу академіи

*) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2, 87—88, 90).

и теперь принялись за другое дѣло: стали учить итальянскому языку. Чтожь намъ съ ними дѣлать? спрашиваетъ Адрианъ и весьма колко для самолюбія Досиѣея продолжаетъ: «они пришли отъ васъ, съ вашими свидѣтельствами, что они мудры и во всемъ совершенны; здѣсь (поѣтому) оказали имъ честь и обогатили, но вамъ же на бѣду» *).

Такіе укоры Досиѣею вѣроятно были тоже одною изъ причинъ, почему онъ не присылалъ новыхъ учителей, ограничиваясь только однимъ указаніемъ на достойныя личности. Это онъ высказалъ особенно предъ Родосскимъ грекомъ Панагіотомъ. Когда тотъ, послѣ неудачной попытки занять кафедру въ Московской Академіи, пріѣхалъ (въ октябрѣ 1697 г.) въ Валахію къ Досиѣею съ жалобой на Лихудовъ и просилъ у патріарха свидѣтельствованную грамоту для себя, Досиѣей отказалъ Панагіоту **). Наученный опытомъ, онъ опасался въ другой разъ подвергнуться нареканію въ Москвѣ за свои рекомендацельныя письма.

Судьба же Лихудовъ, между тѣмъ улучшилась. Петръ Великій, въ виду наступательнаго союза Россіи съ Венеціей противъ Турціи, нуждавшійся въ знатокахъ латинскаго и итальянскаго языковъ, обратилъ вниманіе на бывшихъ учителей академіи, частно обучавшихъ этимъ языкамъ. Чтобы больше поощрить ихъ на этомъ поприщѣ, Петръ выдалъ имъ казенное желованье и указъ, чтобы бояре и другихъ чиновъ люди отдавали своихъ дѣтей къ Лихудамъ учиться итальянскому языку ***).

Понятно, что послѣ этого Досиѣей тѣмъ болѣе не могъ успокоиться. Но къ его удовольствію представился поводъ къ новому нападенію. Въ это именно время пріѣхалъ къ нему Грекъ Панагіотъ съ жалобой на Лихудовъ. Отказавъ

*) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2,88).

**) Такъ же, стр. 90—91.

***) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2,89—90).

ему въ грамотѣ, Досиоей, видимо раздраженный, въ то же время писалъ Адріану о Лихудахъ: «мы слышали, что нѣкоторые, покровительствуя учителямъ, говорятъ, что я писалъ прежде и хвалилъ ихъ, зачѣмъ же теперь порицаю ихъ? (Отвѣтъ главнымъ образомъ на письмо Адріана.) Но говорить такъ, продолжаетъ Досиоей, неблаго-разумно. Христосъ сердцевѣдецъ избралъ Іуду и сдѣлалъ его апостоломъ, какъ доброга; а когда онъ сталъ золь, отринулъ его. Такъ и намъ учителя показались на видъ смиренными, и мы думали, что у нихъ сердце доброе, а они оказались послѣ злыми и лукавыми; и мы писали о ихъ злобѣ и лукавствѣ, которое вы и сами видѣли, и не было нужды писать объ этомъ много грамотъ, но слѣдовало бы вамъ послѣ первой же грамоты сослать ихъ куда нибудь дальше, чтобъ они не оставались въ Москвѣ и не писали, что имъ вздумается; они смириться не умѣютъ и пишутъ сюда всякую ложь, отъ чего можетъ произойти зло» *).

Вотъ послѣднее слово Досиоея, направленное съ одной стороны къ обвиненію Лихудовъ, а съ другой—къ оправданію себя самаго,—слово, говоримъ, послѣднее и рѣшительное! Адріанъ необходимо долженъ былъ преклониться передъ сильной волей Іерусалимскаго патріарха. Всего болѣе, конечно, возымѣла свою силу жалоба, что Лихуды стали принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ и писать въ Константинополь о современномъ положеніи дѣлъ государства. Преступленіе весьма важное въ пору враждебныхъ отношеній между Россією и Турцією. Моск. патріархъ долженъ былъ довести это до свѣдѣнія царя; и Лихудовъ поселили сначала въ Новоспасскомъ монастырѣ, а въ 1701 (или 2) г. сослали въ Костромской Ипатьевскій монастырь **).

*) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор; св. отц. 1852, 2, 91.).

**) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2, 92).

По удаленіи Лихудовъ Академія почувствовала большую потерю. Потребность науки, болѣе и болѣе ощущаемая, скоро однако вызвала братьевъ изъ уединенія. Въ 1706 г. митр. Новгородскій Іовъ, вознамѣрившись завести у себя училища, обратился къ Лихудамъ и съ позволенія государя вызвалъ ихъ въ Новгородъ. Такимъ образомъ Досиѣю, уже наканунѣ своей смерти, пришлось быть свидѣтелемъ начала новаго возвышенія такъ безпокоившихъ его людей. При содѣйствіи Лихудовъ Іовъ успѣлъ распространить просвѣщеніе по всей епархіи. Въ 1708 г. Софронія Яворскій оставилъ въ Москвѣ и приказалъ преподавать греческій языкъ въ школѣ, открытой на Казанскомъ подворьѣ. Въ 1716 г. указомъ Петра былъ вызванъ въ Москву и Іоанникій, чрезъ полтора года умершій (7 августа 1717 г.) и погребенный близъ «любезнаго ему Заиконоспасскаго училища». Софронію же опять выпалъ жребій быть наставникомъ въ этомъ училищѣ *).

β. Преобразование академіи.

Съ 1694 г., когда Петръ началъ принимать уже дѣятельное участіе въ управленіи дѣлами государства, и когда судьба измѣнила Лихудамъ, положеніе Московской академіи, какъ видѣли мы, становилось все печальнѣе и печальнѣе. Послѣдній патр. Московскій, до самой смерти заботившійся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ Греціи, скончался (1700 г.), оставивъ академію въ опасности совершеннаго паденія. Дѣйствительно, послѣ Лихудовъ наставники непрестанно смѣнялись; дошло наконецъ до того, что некому было учить. Ничто не обѣщало академіи прочнаго существованія въ будущемъ. Это время было для нея переходное и оно тянулось до тѣхъ поръ, пока рука великаго преобразователя Россіи не коснулась и ея стѣнъ.

*) Ист. Моск. Ак. (Приб. къ Твор. св. отц. 1852, 2,92—94).

Въ октябрѣ 1698 г., посѣщая больнаго Адріана, Петръ говорилъ ему: «ставятся у насъ священники малограмотные... Надо ихъ учить, чтобъ они могли вразумлять православный народъ въ истинахъ христіанскихъ и просвѣщать зловѣрцевъ... Для того, хотя бы въ Кіевѣ послать нѣсколько десятковъ въ тамошнія школы для обученія. Есть у насъ и своя школа, да мало въ ней пользы по недостатку должнаго надзора. Надобно бы поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ, и снабдить какъ учителей, такъ и учащихся всѣмъ необходимымъ для поощренія ихъ къ занятію науками» *). Очевидно, царь имѣлъ въ виду преобразовать Московскую академію. Вѣроятно вскорѣ послѣ этого свиданія съ Адріаномъ, царь отправилъ въ Кіевъ и къ Досиноею письма съ просьбой прислать въ Москву просвѣщенныхъ и способныхъ людей для занятія высшихъ іерархическихъ должностей. Досиноея онъ кромѣ того просилъ дать ему такихъ, которые бы, помимо своего роднаго, знали и славянскій языкъ. Долго ничего не отвѣчалъ Досиноея, быть можетъ разыскивая достойныхъ, въ чисто греческомъ духѣ образованныхъ людей. Только 1702 года государь получилъ письмо, въ которомъ Досиноея извѣщаетъ его, что ученыхъ и способныхъ людей (т.-е. настоящихъ Грековъ), знающихъ притомъ славянскій языкъ, въ Греціи нѣтъ **). Ошибшись, какъ ему казалось, въ Лихудахъ, онъ боялся посылать въ Россію тѣхъ образованныхъ Грековъ, которые учились въ западныхъ училищахъ, потому что они не могли уже считаться полными представителями греческаго образованія. А такихъ, дѣйствительно, нельзя уже было найти. Состояніе просвѣщенія на Востокѣ, какъ въ свое время мы говорили, было такъ печально, что священники попадались безграмотные, что природный греческій языкъ почти забывался. Время однако не терпѣло: академія припла

*) Устрял. Петръ Великій, т. III, стр. 356.

**) Стефанъ Яворскій. Ф. Ал. Терновскаго, стр. 243.

въ такое жалкое положеніе, что Петръ не видѣлъ надежды на ея улучшеніе *). Къ его удовольствію, за это дѣло взялся Стефанъ Яворскій. Такимъ образомъ ужс не Греція, а Кіевъ съ своими учеными явился царю на помощь. Въ 1701 г. царь, найдя Стефана человѣкомъ способнымъ, ввѣрилъ Московскую академію его непосредственному надзору и попеченію. Выборъ, сдѣланный Петромъ, оправдался, какъ нельзя лучше: просвѣщенному вниманію Яворскаго академія обязана своимъ возстановленіемъ и улучшеніемъ. Лучшій изъ тогдашнихъ воспитанниковъ Кіевской академіи, докончившій притомъ образованіе за границею, Стефанъ внушилъ царю, что лучшимъ образцомъ для устройства академіи Московской можетъ быть Кіевская. И Петръ, сочувствовавшій образованнымъ людямъ Запада, еще прежде указывавшій Адриану на Кіевскихъ ученыхъ, а ктому же не получавшій никакого отвѣта отъ Досиѳея, представителя греческаго образованія, повелѣлъ «завестъ въ академіи ученія латинскія» **). Яворскій съ ревностію принялся за переустройство академіи; такъ что послѣ смерти Палладія ***)) она утратила уже совершенно названіе школы греческой: латинское образованіе стало въ ней господствующимъ.

Это обстоятельство сильно разсердило Досиѳея. Онъ пытается возстановить Московскую академію въ ея первоначальномъ греческомъ видѣ. Для этого онъ, прежде чѣмъ обличать преобразователя, старается дѣйствовать мирно, путемъ убѣжденій. Такъ, въ письмѣ къ дяку Полянскому онъ опять подробно раскрываетъ превосходство греческаго образованія предъ латинскимъ, приводя впрочемъ нѣкото-

*) Палладій Роговскій, почти послѣдній въ ряду вставниковъ академіи, вышедшій изъ школы Лихудовъ, тоже не могъ поднять академію. Онъ былъ человѣкъ очень образованный, но вскорѣ онъ умеръ (23 янв. 1703 г.). (Ист. наш. дух. школь. Ф. Ал. Терновск.).

***) Душепол. Чтен. 1875 г. май 59. Прав. Обозр. 1862, 10. (Изъ ист. наш. дух. школь. Ф. А. Терновскаго).

***)) Учившаго тоже только на латинскомъ языкѣ.

рѣхъ изъ тѣхъ основаній, съ которыми мы уже знакомы изъ письма его къ царямъ отъ 10-го августа 1693 г. «Рекшему чести вашей, писалъ патриархъ, не учитися дѣтямъ вашимъ эллински, но полатински, рцы ему (т.-е. Стефану Яворскому), что древле св. Писаніе св. Духъ на эллинскій языкъ претолкова, что оный предпочитаетъ и употребляетъ во свидѣтельство вся каѳолическая Христова церковь, и саміи еретики, что св. Евангеліе и Дѣянія апостольская и писанія св. Апостоль эллински написахуся; Вселенскіе соборы эллини имѣяху; избранніи изъ отцовъ бѣху эллини; восточніи отцы суть западныхъ учителя; каноны св. Апостоль, символъ Апостольскій и символъ 1-го св. вселенскаго собора и предѣлы прочихъ вселенскихъ соборовъ эллински написахуся; наконецъ: церковніи историки древніи эллини быша, и самый языкъ латинскій половина есть греческаго. На латинскомъ же языкѣ написана суть толикія ереси безбожства. Итакъ, пусть Яворскій убѣдится, что несравнительно предпочитается эллинскій языкъ отъ латинскаго, и пусть онъ знаетъ, что кто предпочитаетъ латинскій, тотъ есть еретикъ и отступникъ». Въ заключеніе Досиоей выражаетъ надежду, что существующій порядокъ образованія въ Москвѣ измѣнится, что государь, увидя его незаконность, дастъ начало другому *).

Надо полагать, что Полянскій передалъ Яворскому все, что писалъ ему Досиоей; и голосъ послѣдняго не остался безъ вліянія на протектора академіи. Выставляя предъ Досиоеемъ свое усердіе и преданность православної церкви, не нарушаемая образованіемъ, полученнымъ въ латинскихъ школахъ, Стефанъ имѣлъ конечно въ виду успокоить Досиоея насчетъ направленія академіи въ православномъ духѣ. Но тотъ не успокоился и продолжалъ обличать Яворскаго за преобразование академіи въ духѣ латинскомъ. Ещѣ прежде «бывшу тебѣ въ Кіевской школѣ, писалъ онъ, ты обнаружилъ неправославныя убѣжденія.

*) Ф. А. Терновскій. Изъ ист. наш. дух. шѣ. (Пр. Обозр. 1862 г. 10).

И нынѣ, находясь въ православномъ градѣ (Москвѣ), въ конецъ еллинское училище стерль еси и токмо о латинскихъ школахъ стараешься *)).

Письмо патріарха ни къ чему не привело. Ни Яворскій, ни Петръ, на котораго патріархъ въ данномъ случаѣ больше всего рассчитывалъ, не давали ему никакой надежды на перемену существующаго порядка образованія. Досиоеу, любившему видѣть вездѣ побѣду, оставалось теперь только одно: сердиться; и дѣйствительно онъ сердился какъ на Яворскаго, такъ и на тѣхъ, которые были на его сторонѣ. Переводчикъ Спафари **) писалъ Головину въ 1704 году: «святѣйшій (Досиоей) нынѣ зѣло гнѣвенъ на меня за то, будто мы умаляемъ его честь и бережемъ Рязанскаго (Стефана Яворскаго), а его письма небрежемъ. Я природу его вѣдаю: запальчивый такой, что и въ алтарѣ никому не уступить. Отпиши къ нему, потому что онъ вашей милости въ письмѣ пеняетъ, что ни малой отповѣди отъ вельможности вашей не получилъ... На всякую статейку учини ему отповѣдь, и такъ уголится гнѣвъ его» ***). Но въ то время какъ онъ сердился, Яворскій продолжалъ переносить Кіевское просвѣщеніе въ Великороссію, подвигая все впередъ преобразование Московскоі академіи.

Однако Досиоей напрасно укорялъ Яворскаго за его дурное мнѣніе о православіи Грековъ и за несочувствіе поэтому греческому образованію. Митрополитъ Стефанъ лично не имѣлъ никакого предубѣжденія противъ греческаго образованія ****) и въ предпочтеніи ему латинскаго

*) Стефанъ Яворскій. Ф. А. Терновскаго, стр. 246, 249.

**) Тотъ самый, на котораго Досиоей указывалъ Адриану, какъ на „ученаго и правдиваго человѣка“.

***) Соловьевъ. Ист. Россіи. Т. 15, стр. 125.

****) Напротивъ, при случаѣ онъ пользовался услугами и Грековъ; такъ въ 1705 г. онъ назначилъ ректоромъ М. акад. Святогорца Антонія Кармелита, а съ 1707 г. по возвращеніи Софронія Лихуда изъ Новгорода устроилъ даже въ Москвѣ греч. училище (Ф. Терновскаго: Изъ ист. наш. дух. школъ).

руководствовался совершенно другими побужденіями. Дѣло въ томъ, что Византія, сама павшая въ просвѣщеніи, не могла уже служить для Россіи въ этомъ отношеніи образцомъ и не могла дать ей необходимыхъ для этого средствъ. Сами Греки сознавались, что у нихъ нѣтъ ученыхъ людей *), и даже Досиоей, какъ мы видѣли, писалъ (1702) о томъ же. При такихъ обстоятельствахъ Яворскому, которому поручили дѣло возстановленія Московской академіи, что оставалось дѣлать? Естественноѣе всего было ему обратиться къ тому, что ближе, взяться за тѣ средства, которыми скорѣе можно было подвинуть образованіе. А къ тому еще и собственное воспитаніе, которымъ Яворскій былъ обязанъ школамъ Кіевскимъ и западнымъ, скорѣе влекло его симпатіи сюда, а не въ Грецію.

γ. *Участіе Досиоея въ богословскихъ спорахъ.*

Вмѣстѣ съ водвореніемъ въ столицѣ Россіи наукъ въ области русской мысли поднимаются и путемъ полемики выясняются богословскіе вопросы. Возникновенію споровъ способствовало еще и столкновеніе кіевскаго образованія съ греческимъ. Въ этихъ спорахъ Досиоей принималъ самое дѣятельное и вліятельное участіе.

Лишь только Лихуды открыли въ академіи полный курсъ ученія, какъ уже должны были вступить въ преніе съ полякомъ Бѣлободскимъ о евхаристіи. Но послѣ того, какъ Бѣлободскій призналъ себя слабымъ въ знаніи богословія, его мѣсто заняли другіе, во главѣ которыхъ, какъ приверженецъ римско-католическаго ученія о евхаристіи, стоялъ іеромонахъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Онъ силился доказывать, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову при произнесеніи словъ: примите ядите...; пійте отъ нея..., и не считалъ важными послѣдующія слова молитвы, призывающей на освящаемые дары благодать ст.

*) Христ. Чт. 1856, 1, 405—406.

Духа. Лихуды вопреки этому мнѣнію, на основаніи преданій апостольскихъ и писаній отцовъ, изложили православное ученіе о времени пресуществленія. Когда споръ этотъ произвелъ въ народѣ волненіе и зашелъ такъ далеко, что о высокихъ предметахъ таинства даже простой народъ сталъ толковать на торжищахъ, патріархъ Іоакимъ для пресѣченія соблазна вступилъ въ сношеніе съ восточными патріархами, которые и прислали въ Москву собраніе церковныхъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ православное ученіе о таинствѣ причащенія *).

Изъ письма Досиѣея къ Яворскому (отъ 15 ноябр. 1703), видно, что іерусал. патріархъ внимательно слѣдилъ за ходомъ этихъ споровъ и ему извѣстно было, кто какіе по этому предмету высказывалъ взгляды. Досиѣей напомнилъ Яворскому о его неправославномъ ученіи о Евхаристіи въ бытность его еще въ кievск. школѣ. «Прежде бывшу тебѣ (писалъ онъ) въ кievской въ богословскихъ наукахъ положенія общая (тезисы) издалъ еси противная явно совершенію св. тайны Божественнаго благодаренія (евхаристіи) и иныхъ нѣкихъ» **). Дѣло въ томъ, что когда возникшіе споры произвели въ народѣ возмущеніе, Іоакимъ, кромѣ сношеній съ восточными патріархами, писалъ и къ южно-русскимъ ученымъ съ предложеніемъ: высказать свои мнѣнія относительно спорнаго вопроса. Въ числѣ другихъ и Стефанъ Яворскій писалъ особый трактатъ, въ которомъ высказалъ средній, примирительный взглядъ, т.-е. что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь вмѣстѣ со словами Спасителя и молитвою призывающею св. Духа ***). Это-то ученіе его Досиѣей и разумѣть подѣ «общими положеніями». Кромѣ этого трактата, Досиѣей познакомился со взглядами Яворскаго по этому предмету изъ его богословскихъ лекцій, которыми тотъ

*) Приб. къ Тв. св. отц. 1852 г. 2, 73—75.

**) Ст. Яворс. Ф. Терновскаго, стр. 249.

***) Ст. Яворскій Ф. Терновскаго, стр. 65—66.

приобрѣлъ себѣ въ Кіевской коллегіи ученую извѣстность. И въ нихъ онъ пашель развитіе латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія *). Быть не можетъ, чтобы Досиоей въ самое время споровъ не обличалъ Яворскаго за его направленіе: удерживаться было не въ его духѣ.

Въ связи съ вопросомъ о времени пресуществленія св. Даровъ возбужденъ былъ и другой вопросъ: должно ли кланяться св. Дарамъ при возглашеніи словъ Христовыхъ: пріимите и т. д.? Тогда ходили по рукамъ тетради, въ которыхъ поклоненіе въ этотъ моментъ дарамъ называлось ересью хлѣбопоклонною, смертнымъ, тяжкимъ грѣхомъ. Противъ нихъ возражалъ Яворскій, доказывая, что св. Дары, хотя еще не освященные, но предложенные къ немедленному освященію, заслуживаютъ благоговѣйнаго почитанія **). Существованіе въ Россіи еретическихъ тетрадей было Досиоею извѣстно. Въ (мартѣ) 1691 г. онъ писалъ Адріану письмо, въ которомъ извѣщалъ его о своей (напечатанной въ Валахіи) книгѣ противъ лютеранъ и кальвинистовъ, написанной имъ по поводу сказанныхъ тетрадей. Далѣе, распространяясь объ этомъ вопросѣ, онъ доказываетъ, что въ тетрадяхъ содержится хула Кальвинова... При этомъ же письмѣ, для лучшаго уясненія спорныхъ вопросовъ о евхаристіи, Досиоей посылаетъ Адріану «Синодикъ о таинствѣ, т.-е. дѣяніе собора іерусалимскаго (1672 г.)», на которомъ, какъ намъ извѣстно, сдѣлано постановленіе и относительно евхаристіи.

Насколько вмѣшательство Досиоея въ эти богословскіе споры было благотворно для Россіи, объ этомъ свидѣтельствуеетъ письмо Іоакима (1688 г.) къ Лазарю Барановичу. Опровергая ученіе о времени пресуществленія, содержащееся въ книгѣ «Выкладъ о вѣрѣ» ***), Іоакимъ пишетъ: «Во днехъ архипастырства нашего присла къ

*) Рук. къ ист. Р. цер. Знаменскаго, стр. 381.

**) Ст. Яворскій. Ф. Терновскаго, стр. 66.

***) На которую Сильв. Медвѣдевъ главнымъ образомъ указывалъ.

намъ во св. Дусѣ братъ нашъ Досиѳей, п. іерусалимскій, книгу греческую блаженнаго Симеона Θεссалоникійскаго, печатанную въ Молдавіи, въ Яссахъ... Мы же прочетше тую книгу, нашли въ ней о совершеніи св. тайны Евхаристіи согласіе съ древнимъ преданіемъ и чиномъ св. нашея церкви, противно же тетради оной неправой». Находя эту книгу весьма полезною, мы «повелѣхомъ превести Толкованіе божественныя литургіи, ѵ о храмѣ и сущихъ въ немъ, слово въ слово на славянскій діалектъ, съ книги присланнаго отъ святѣйшаго Досиѳея,—перевести ради вѣдѣнія и на обличеніе таковыхъ лестныхъ іезуитскихъ лжесловесій, прельщающихъ православныя *)». И послѣ смерти Досиѳея, посредствомъ литературныхъ трудовъ своихъ, былъ для русскихъ богослововъ руководителемъ. Когда въ началѣ 18 ст. открылась со стороны протестантства попытка къ соединенію съ православною церковію, восточные патріархи по этому случаю отвѣчали англійскимъ богословамъ пространнымъ изложеніемъ незыблемыхъ истинъ православія. Послѣ этого англиканскіе епископы вошли въ сношеніе о томъ же предметѣ съ русскимъ св. Синодомъ и прислали въ Россію свое возраженіе на отвѣтъ патріарховъ. Узнавъ объ этомъ, патріархи въ 1723 г. прислали въ Россію окружное посланіе и при немъ «Исповѣданіе вѣры» патр. Досиѳея, какъ истинно-православное руководство **). Русскіе остались непоколебимы въ отеческой вѣрѣ, и попытка англиканской церкви кончилась безуспѣшно.

Такъ широко и многосторонне было участіе Досиѳея въ дѣлахъ русскаго государства. Исторія второй половины XVII и нач. XVIII ст. не можетъ пройти молчаніемъ имени этого дѣятеля,—имени, такъ тѣсно связаннаго со многими весьма видными событіями нашего отечества.

*) Арх. югоз. Рос. т. V, стр. 265—266.

**) Рук. къ ист. Р. Ц. Знаменскаго, стр. 363—364.

Съ другой стороны, это участіе въ дѣлахъ Россіи было не бесполезно и для самого Досиѳея, ибо онъ всегда находилъ здѣсь значительную поддержку въ матеріальномъ отношеніи, всегда смотрѣлъ на русскихъ какъ на единственныхъ защитниковъ и поборниковъ свят. мѣстъ Палестины *).

Ив. Матченко.

ТИРЪ И ПРИЧИНЫ ЕГО ПАДЕНІЯ.

На небольшомъ полуостровкѣ восточнаго берега Средиземнаго моря въ настоящее время лежитъ не заслуживающее даже названіе города мѣстечко Суръ съ тремя четырьмя тысячами жителей. Строенія по большей части бѣдныя хижины; улицы узки, кривы и грязны. Отъ мѣстечка на протяженіи получаса пути лежатъ груды мусора, жалкіе слѣды бывшихъ когда-то роскошныхъ храмовъ и домовъ. Когда-то славныя гавани настолько засыпаны пескомъ и засорены остатками безчисленныхъ пилястръ и камней отъ построекъ, что въ нихъ можетъ взойти развѣ только небольшая лодка. Часть древняго величія поглотило море, другую погребла въ своихъ нѣдрахъ земля. Теперешняя почва Сура на нѣсколько футовъ вглубь составляетъ сплошную массу камней отъ построекъ, кусковъ колоннъ и щебня изъ мрамора, порфира и гранита. Обломки пилястръ изъ драгоценнаго зеленого мрамора всюду встрѣчаются во множествѣ. Поверхность почвы состоитъ изъ того же безобразнаго смѣшенія всякихъ остатковъ, такъ что въ цѣломъ полуостровкѣ даетъ общее впечатлѣніе голой скалы, мѣста, гдѣ рыбакъ разстиляетъ для просушки свои сѣти.

Не то увидѣли бы мы, еслибы перенеслись мыслію за

*) См. Арх. югоз. т. V, стр. 30—31; 142—143; 441. Тум. соб. Зап. о П. В. ч. X, стр. 97; 99.—Зап. Р. Арх. об. т. 2, стр. 603—604.

двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до настоящаго времени. Какая роскошь! Какая жизнь! Какое движеніе! Какія живыя связи и сношенія у отдаленнѣйшихъ народовъ тогдашняго міра, лишеннаго нынѣшнихъ средствъ быстрого и удобнаго сообщенія, съ этою излюбленною точкою земнаго шара! Здѣсь на островѣ, теперь уже несуществующемъ, въ новомъ Тирѣ, отдѣленномъ отъ Тира древняго только узкимъ проливомъ, теперь также несуществующимъ, жизнь была такимъ живымъ ключемъ, можно было видѣть такое лихорадочное движеніе, такую пеструю, богатую толпу, какія теперь, послѣ столь долгаго времени, которое прожило человѣчество, изыскивая и созидая взаимныя разнородныя связи между членами этой великой братской семьи и всякія средства для крѣпчайшаго ихъ упроченія, можно замѣтить и встрѣтить развѣ только въ первой по централизаціи жгучихъ интересовъ, скопленію богатствъ и величинѣ народоселенія столицъ современнаго міра Лондонѣ, гдѣ такъ сказать завязанъ узелъ всѣхъ и всякихъ торговыхъ интересовъ и сношеній нашего времени, когда такъ много значать для людей и тридцать сребренниковъ... Тиръ былъ тогда обладателемъ морей и всемірной торговли; въ Тирѣ былъ рынокъ для народовъ міра.

Но лучше современника намъ конечно не передать того, что было въ Тирѣ, чѣмъ былъ онъ. Такимъ современникомъ и можетъ быть наблюдателемъ жизни и движенія въ новомъ Тирѣ былъ пророкъ Іезекииль, и мы воспользуемся его высоко-поэтической картиною этой жизни. Никто бы теперь и не нарисовалъ намъ этой картины лучше его—ясно и краткими, но полными живыхъ красокъ чертами. Пророкъ стоитъ въ гавани города, ходитъ по торговымъ площадямъ и, понятно, ему виднѣе, что здѣсь происходитъ, знакомѣ лица обычныхъ посѣтителей города торговцевъ и покупателей, извѣстнѣе тѣ иноземныя произведенія, какія сюда отвсюду свозятся, понятнѣе характеръ обитателей всесвѣтной митрополи.

Зритель, вслѣдъ за пророкомъ, такъ былъ бы пораженъ необычайно рѣдкимъ зрѣлищемъ, что ему самый городъ, построенный на островѣ, отчасти созданномъ природою, отчасти искусственно насыпями, представился бы въ видѣ прочно сдѣланнаго и богато украшеннаго корабля, качающагося на волнахъ Средиземнаго моря. Для постройки этого корабля строители избрали самыя благородныя, самыя дорогія въ древнемъ мірѣ деревья. Кокоры—ребра этого корабля сдѣланы изъ кипарисовъ Сенирскихъ, Антиливанскихъ, а мачты изъ ливанскихъ кедровъ. Древніе употребляли кипарисъ на постройку кораблей, какъ дерево негниющее, долговѣчное, не источаемое червями и въ тоже время очень легкое на водѣ. Весла у этого прочно сдѣланнаго корабля изъ дубовъ васанскихъ; скамьи для гребцовъ изъ буковаго дерева, съ оправой изъ слоновой кости съ острововъ Киттимскихъ, Кипра и другихъ острововъ Средиземнаго моря. Такая оправа и красива и драгоценна. Для флаговъ и парусовъ корабля служатъ виссонныя узорчатыя полотна—произведенія Египта, особенно славившіяся въ древности. Для защиты отъ солнечнаго зноя гребцамъ служатъ голубыя и пурпуровыя ткани съ острововъ Елисы—Целопонеса. Гребцы на кораблѣ жители Сидона и Арвада, а кормчими—сами Тиряне. Для починокъ случайныхъ пробоинъ на кораблѣ находятся жители Гевала или Библоса, изстари извѣстные за лучшихъ мастеровъ въ обдѣлкѣ дерева (3 Ц. 5, 32).

Такой поэтической образъ города-корабля, готоваго въ путь, данъ пророкомъ для того, чтобы указать на самую сущность жизни и направленія жителей города. Но оставимъ аллегорію, пойдемъ за пророкомъ на Тирскую гавань и торговыя площади, чтобы видѣть на самомъ дѣлѣ, что здѣсь происходитъ, какая жизнь кипитъ.

При первомъ же общемъ взглядѣ на множество кораблей, на дѣсь мачтъ въ гаваняхъ, на пеструю смѣсь одеждъ въ густой толпѣ снующихъ различныхъ лицъ, племень, состояній,—прислушиваясь къ шумному говору

на разнообразныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, безошибочно можно сказать, что мы находимся на всемірномъ рынкѣ, куда каждая страна тогдашняго извѣстнаго цивилизованнаго и полу-цивилизованнаго міра несетъ свои произведенія, чтобы продать ихъ или обмѣнять на произведенія другихъ земель, но болѣе на товары самого Тира.

Станемъ, вмѣстѣ съ пророкомъ, знакомиться здѣсь съ людьми, начиная съ жителей крайняго запада, перейдемъ къ жителямъ сѣвера и чрезъ различныя земли передней Азіи и береговъ Средиземнаго моря дойдемъ до крайняго сѣверо-востока, чтобы сдѣлать такимъ образомъ полный кругъ и опять воротиться къ западу же, откуда начали. Но вмѣстѣ съ людьми различныхъ странъ, такъ рѣзко бросаются въ глаза разнообразные товары и, кажется, они болѣе, нежели сами люди,—что вмѣстѣ присмотримся и къ этимъ товарамъ, чтобы получить приблизительное представленіе о главномъ характерѣ той жизни, какой былъ въ Тирѣ.

Вотъ Фарсисъ—Испанцы изъ Тартеса—покупаютъ у Тирявъ за серебро, желѣзо, свинець и олово, чѣмъ была такъ богата ихъ родная страна (Иер. 10, 9), разнородные товары, уложенные въ громадныхъ кладовыхъ этихъ князей-купцовъ. Между ними протѣсняется Іаванъ, Оуваль и Метехъ, желая вымѣнять на тирскіе товары, страшно сказать, души человѣческія—рабовъ и мѣдную посуду. Іаванъ—это Греки Іонійцы (Іоила 4, 6); другіе—Тиберинцы и Мосхи древнихъ—жители земель между нашими Каспійскимъ и Чернымъ морями. Эти послѣдніе торгуютъ больше мѣдною посудой, такъ какъ горы ихъ родины доставляли имъ неисчерпаемыя богатства мѣди. Изъ дома Оогармы Армяне ведутъ коней и лошаковъ, чтобы за нихъ получить что имъ нужно. За ними сыны Дедана,—это вѣроятно обитатели земель около Персидскаго залива, и жители острововъ, т.-е. острововъ и береговъ Аравіи при Персидскомъ заливѣ и Еритрейскомъ (Черномъ) морѣ, доставляютъ слоновую кость и черное дерево. Рядомъ съ этими продав-

цами благородныхъ и дорогихъ продуктовъ слѣдуютъ продавцы болѣе благородныхъ и драгоцѣннѣйшихъ. Это Арамейцы— жители Месопотаміи платятъ за тирскіе товары карбункулами, рубинами, кораллами, пурпуровыми и виссонными тканями. Іудей и Израильтянинъ продаютъ грузы и своей и аммонитской пшеницы, съ которою на рынкѣ конкурируетъ знаменитая пшеница, доставляемая Египтянами съ береговъ Нила (Исаи 23, 3). Но у евреевъ есть еще сласти изъ меда, чистый медъ, масло и бальзамъ. Хотя почва Финикіи была въ высшей степени плодоносна (Осіи 9, 13); но считая себя владыкою моря, Тирь главнымъ образомъ снималъ для себя хлѣбъ не съ лица земли, а съ лица водъ (Екклес. 11, 1). Вотъ Дамаскинцы торгуютъ хелбонскимъ—въ трехъ съ половиной часахъ къ сѣверу отъ Дамаска—виномъ. Вино дорогое. Персидскіе цари пили только одно это вино. Тѣже жители Дамаска торгуютъ съ Тирянами еще бѣлою шерстью. Аравитяне, нагружая на ословъ и верблюдовъ Тирскіе товары, платятъ выдѣланнымъ желѣзомъ, кассією и благовонною тростію—продуктами далекой Индіи. Отважный бедуинъ изъ Дедана—средней Аравіи носитъ по торгу драгоцѣнныя попоны для коней подъ верховую ѣзду тирскимъ купцамъ, князьямъ и знаменитостямъ земли; его соотечественники ведутъ на продажу стадо ягнятъ, барановъ и козловъ. Жители юго-восточной Аравіи предлагаютъ купцамъ тирскимъ лучшія благовонія, всякіе дорогіе каменья и золото. Вотъ наконецъ съ рынковъ Месопотаміи выгружаютъ въ кладовыя Тира дорогіе ящики, сдѣланные изъ кедра и хорошо упакованные съ драгоцѣнными одеждами, шелковыми и узорчатыми матеріями (Іезекіиля 27 гл. 5—9. 12—24). Тиру все доставляютъ, Тирь все покупаетъ или обмѣниваетъ и перерабатываетъ, Тирь все перепродаетъ съ барышомъ.

«Въ скрѣпленія камней вбивается гвоздь: такъ среди продажи и купли вторгается грѣхъ» (Сир. 27, 2). Любопытенъ тотъ путь, какимъ онъ вторгается. Сначала грѣхъ

принимаетъ очень ухищренную и благоприличную на глаза другихъ личину справедливой боязни за свою собственность, личину ея обереженія. «Покупающій вещь обыкновенно говоритъ: *худа, худа*, а когда взявъ пойдетъ къ себѣ, тогда хвалится ею» (Пр. Солом. 20, 14). Какой тонкій обманъ для простодушныхъ нуждающихся продавцовъ! За хитростью идетъ притѣсеніе: не имущихъ самихъ покупаютъ за серебро и бѣдныхъ за пару обуви. За тѣмъ начинаетъ царить наглый обманъ: уменьшаютъ мѣру и увеличиваютъ цѣну сикля, высѣвки изъ хлѣба продаютъ и обманываютъ невѣрными вѣсами. У продавшаго за деньги свою совѣсть купца гиря да гиря, ефа да ефа и невѣрность въ вѣсовыхъ чашахъ (Ам. 8, 5—6; Пр. Солом. 20, 10. 23). Поэтому богачъ, гонящійся за золотомъ и оказывающійся неукоризненнымъ и непорочнымъ, есть ни болѣе ни менѣе какъ чудо,—такъ близко искушеніе грѣха въ торговлѣ, такъ упорно и разнообразно онъ вторгается (Сир. 31, 5—11).

Понятно, что еслибы въ той многолюдной Тирской толпѣ продавцовъ и покупателей, гдѣ конечно первое мѣсто занимали сами Тиряне, принимавшіе и отпускавшіе товары, походить по улицамъ города и посмотреть и развѣдать и поискать на площадяхъ: не легко было бы найти человѣка соблюдающаго правду, ищущаго истину (Иер. 5, 1; Іезек. 28, 16).

Какъ центръ всемірной торговли, Тиръ сосредоточивалъ въ себѣ сокровища народовъ, съ нимъ торговавшихъ, и обезпечивалъ постоянный приливъ новыхъ богатствъ устройствомъ многочисленныхъ колоній во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта, тогда извѣстныхъ, Европѣ, Азіи и Африкѣ. Не удивительно поэтому, что онъ накопилъ серебра, какъ пыли, и золота, какъ уличной грязи (Зах. 9, 3).

Какъ пиявица, онъ всасывалъ въ себя богатства міра..., а извѣстно, что у пиявицы всегда одиѣ и тѣже двѣ насытныя дочери: «дай, дай», которыя никогда не скажутъ: «довольно» (Пр. Солом. 30, 15). Алчность всякій

день алчетъ (— 21, 26). Такъ и Тирь, несмотря на то, что былъ очень богатъ, любя серебро, не насыщался серебромъ (Еккл. 5, 9). Когда онъ узнавалъ, что падало какое-нибудь царство, онъ громко ликовалъ: «а! а! онъ сокрушенъ—врата народовъ; онъ обращается ко мнѣ; наполнюсь; онъ опустошенъ» (Иезек. 26, 2). Замышляя такіе лукавые замыслы, намѣчая вѣрную добычу, тирскіе купцы перемигивались глазами, и расширяя жадныя уста говорили: хорошо! хорошо! видѣлъ глазъ нашъ! хорошо! хорошо! по душѣ нашей! мы проглотили! (Псал. 34; 19—21, 25—26). Они радовались тому, что бѣдствія другихъ народовъ дадутъ имъ прямыя выгоды. Этотъ Хананеянинъ съ невѣрными вѣсами въ рукѣ любилъ обижать (Осін 12, 7), когда гдѣ-либо ему представлялся случай сдѣлаться властелиномъ страны, дешево покупая чужія и дорого продавая свои произведенія. Лишь бы только увеличивались его рынки, лишь бы только росли его прибыли, все остальное для него не существовало. Разсчитывая на выгоды, хотя бы онѣ получались чрезъ продажу человеческихъ душъ и тѣлъ, Тирь не задумывался нарушать даже братскіе союзы, какіе заключались когда-либо имъ со своими сосѣдями (Ам. 1, 9; Іоиль 3, 6).

Обыкновенная добыча богатыхъ—бѣдняки (Сир. 13, 19). Ими они и питаются, какъ львы дикими ослами пустыни. Но нѣтъ ничего ненасытнѣе глаза (— 31, 13). При собственномъ довольствѣ успѣхи другихъ возбуждаютъ въ нихъ зависть (Еккл. 4, 4), желаніе властвовать всюду, гдѣ только обѣщаетъ быть личная выгода.

Апшетиты, когда они болѣзненно развиваются у народовъ, поражаютъ наказаніе самое тяжкое—вѣчный голодъ. Они будутъ рѣзать по правую сторону и останутся голодны; и будутъ ѣсть по лѣвую сторону и не будутъ сыты (Исаи 9, 20). Для нихъ пужла постоянная пища и кто ничего не кладетъ имъ въ ротъ, противъ того они объявляютъ войну (Мих. 3, 5). Зависть и жадность приводятъ такихъ народовъ къ деспотизму въ его послѣднихъ

предѣлахъ, стремленію и усилію владѣть всѣмъ міромъ. Такія царства, стремящіяся къ обладанію всѣмъ міромъ путемъ ли меча, или путемъ торговли, прекрасно характеризуютъ пророки. Эти царства требуютъ отъ всѣхъ безмолвнаго подчиненія, какъ бы ни были незаконны и жестоки средства, какими имъ вздумалось бы пользоваться для достиженія завѣтной цѣли — безраздѣльнаго обладанія всѣмъ. Безмолвное признаніе ихъ права на господство, ихъ успѣха вызываетъ ихъ на большее, потому что сулитъ новый успѣхъ. Нѣсколько шаговъ по пути такихъ успѣховъ—и остальной міръ слышитъ однѣ и тѣ же рѣчи самоуслажденія: вѣчно буду госпожею; я и другой подобной мнѣ нѣтъ; я и никто кромѣ меня (Исаи 47; 7, 8, 10); рѣчи самоувѣренности: кто придетъ ко мнѣ? (Иер. 49, 4); рѣчи грубаго насилія: пади ницъ, чтобы намъ пройти по тебѣ! И вотъ, хребетъ людей дѣлается какъ-бы землею и улицею для этихъ проходящихъ великановъ Исаи 51, 23); а только мирный заговоритъ, они къ войнѣ (Псал. 119. 7). Пресыщенныхъ и вмѣстѣ вѣчно голодныхъ гордость, какъ ожерелье, облагаетъ и дерзость одѣваетъ ихъ, какъ нарядъ. Уже выкатываются глаза ихъ отъ жира, а жадные помыслы все еще бродятъ въ сердцахъ. Они надъ всѣмъ издѣваются, говорятъ свысока. Поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ (Псал. 72, 6—9) съ высокоумною рѣчью: силою руки моея и моею мудростію я сдѣлалъ это, потому что я уменъ; и переставляю предѣлы народовъ, и расхищаю сокровища ихъ, и низвергаю съ престоловъ, какъ исполинъ; и рука моя захватила богатство народовъ, какъ гнѣзда; и какъ забираютъ оставленныя въ нихъ яйца, такъ забралъ я всю землю, и никто не пошевелилъ крыломъ, и не открылъ рта, и не пискнулъ (Исаи 10, 13—14).

Какая исполинская сила! Какое ясное сознаніе этой силы! Какая не менѣ ясная паглость исповѣди объ ея приложеніи: никто не пошевелилъ крыломъ, не открылъ рта и не пискнулъ!

Нѣтъ, это ошибка. Кромѣ вздоховъ безмолвнаго страданія были и громкіе и ясные голоса; только они не были услышаны въ торговомъ шумѣ и гвалтѣ вертепа разбойниковъ. Были подобающіе отвѣты.

«Рука моя захватила богатство...»

— Горе тѣмъ, которые, потому что есть сила въ рукѣ ихъ, пожелаютъ полей и берутъ ихъ силою; домовъ—и отнимаютъ ихъ и обираютъ человѣка и его домъ, мужа и его наслѣдіе (Мих. 2, 2).

«Забралъ я всю землю...»

— Горе тѣмъ, которые прибавляютъ домъ къ дому, присоединяютъ поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто они одни поселены на землѣ (Ис. 5, 8).

«Вѣчно буду госпожею...»

— Живущему при водахъ великихъ, изобилующему сокровищами, приходитъ въ свое время конецъ, мѣра его жадности (Иер. 51, 13).

«Я—и никто кромѣ меня...»

— Есть истребительная метла, которая сметаеть острова, какъ порошокъ (Ис. 14, 23; 40, 15).

Такъ на голоса человѣческой неправды и насилія, ложныхъ надеждъ и самовозвеличенной гордости отвѣтили разъ навсегда голосъ правды Божіей.

И островъ Тиръ былъ сметенъ, какъ порошокъ, такъ что теперешній полуостровъ, гдѣ стоитъ жалкій Суръ, гораздо менѣе прежде бывшаго острова. Давно тому назадъ, въ дни высшаго процвѣтанія Тира раздался этотъ голосъ правды Божественной (Исаи 23 гл.; Иезек. 26—28 гл.); людская память мало сохранила подробностей объ ужасной катастрофѣ, постигшей рынокъ міра; но всякій знаетъ, что Тиръ давно уже голая скала, мѣсто для разстиланія рыбацкихъ сѣтей.

Чѣмъ особенно грозенъ такъ грозно судящій голосъ высшей правды, такъ это тѣмъ, что внѣшняя сила, богатство, слава, владычество подобныхъ Тиру государствъ

падаетъ иногда внезапно—въ одинъ день, по выраженію пророка (Ис. 47, 9), и отъ многолюднѣйшихъ центровъ богатства, роскоши, великолѣпія—плодовъ насилія остается лишь мѣсто для свободныхъ пустынныхъ звѣрей и птицъ (13, 21—22).

Конечно, не такъ было съ Тиромъ. Мы знаемъ, видимъ, можемъ осязать, что пророчество исполнилось; но какъ, мы мало знаемъ. Знаемъ только, что Навуходносоръ во время тринадцатилѣтняго обложенія города утомилъ свое войско большими работами при Тирѣ: всѣ головы оплѣшивѣли и всѣ плечи стерлись (Иезек. 29, 18). Много позднѣе Александру Македонскому стоило большихъ усилій взять этотъ островъ, соединивъ его съ материкомъ земляною насыпью. При Селевкидахъ и Римлянахъ Тиръ былъ еще главнымъ городомъ Финикіи. Онъ торговый городъ и въ христіанское время (Дѣяній 21, 3); но это уже не древній славный Тиръ, хотя еще крестоносцамъ пужны были цѣлые мѣсяцы осады, чтобы взять его. Со времени овладѣнія Сарацынами въ тринадцатомъ вѣкѣ и разрушенія, Тиръ уже не возставалъ изъ своихъ развалинъ. Островъ не существуетъ. Насыпь, сдѣланную Александромъ Великимъ, чтобы соединить островъ съ твердой землей, море превратило въ широкую песчаную губу; островъ превратился въ полуостровъ. Владычица морей стала бѣдною деревушкой; нѣкогда совершенство красоты стало голою скалой.

Но если и не внезапность катастрофы, во всякомъ случаѣ страшные удары, сыпавшіеся на Тиръ, удары грозившіе ему паденіемъ, производили на тогдашній міръ сильное впечатлѣніе: всѣ содрогнулись и пришли въ смятеніе. Это и понятно.

Представимъ себѣ, какой ужасъ, какая паника обняла бы рѣшительно весь теперешній міръ отъ обитаемаго сѣвера и запада до крайняго населеннаго юга и востока, еслибы вдругъ по телеграфу или телефону разнеслась напимѣръ вѣсть, что производства въ Англіи нѣтъ; что

всесвѣтнѣйшій центръ торговли палъ; что Лондонъ, этотъ городъ занимающій въ настоящее время пространство въ 1590 квадрат. верстъ, котораго улицы въ сложности представляютъ протяженіе въ 10,500 верстъ, гдѣ считается 4 милліона жителей и въ томъ числѣ до ста тысячъ иностранцевъ всѣхъ національностей, гдѣ католиковъ болѣе нежели въ Римѣ, Евреевъ болѣе чѣмъ въ Палестинѣ, гдѣ на каждыя пять минутъ дня приходится одинъ родившійся, а на восемь умершій, гдѣ движеніе таково, что среднимъ числомъ бываетъ по семи несчастныхъ случаевъ въ одни сутки; представимъ себѣ, что этотъ величайшій и богатѣйшій городъ въ мірѣ не больше какъ бѣдненькій городокъ, которому даетъ мѣсто географическая карта только потому, что знаетъ его славное прошлое. Конечно, это была бы такая ужасная вѣсть, которую еслибы кто услышалъ, зазвенѣло бы въ обоихъ ухахъ (1 Ц. 3, 11). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ до послѣдняго поселенія, гдѣ людскія потребности не ограничиваются только исключительно тѣмъ, что можетъ поднять съ земли рука, не отозвалось бы паденіе Лондона? И чѣмъ была бы для насъ биржевая вѣсть: Лондона нѣтъ, тѣмъ для древняго міра была вѣсть, что нѣтъ Тира.

Но вмѣстѣ съ этой ужасной вѣстью пронеслась тогда одновременно и вѣсть свободы, хотя и на время, только до новаго гнета отъишуду, отъ всякаго давленія міроваго великана: ходи по землѣ твоей, какъ рѣка: нѣтъ болѣе препоны (Ис. 23, 10). Съ крушеніемъ его вся земля отдыхаетъ, покоится и восклицаетъ отъ радости (— 14, 7).

Впрочемъ пророки не ограничиваютъ слѣдствій паденія міровыхъ царствъ и въ частности Тира только ужасомъ владыкъ и радостію рабовъ. Видящіе всматриваются, размышляютъ: тотъ ли это, который колебалъ землю, потрясалъ царства? (Исаи 14, 16).

Мы не знаемъ, что извлекли для себя видѣвшіе надежде Тира; но знаемъ что можно извлечь изъ разсмотрѣнія и размысленія объ этой и подобныхъ ей катастро-

фахъ. Царь мудрецъ, изслѣдовавшій съ премудростію все то, что дѣлается подъ небесами (Еккл. 1, 13), нашель, что только правдою тверды престолы (Пр. Солом. 16, 12). Неправедныя же приобрѣтенія, какъ бы они ни были велики, кто только на нихъ опирается, по словамъ другаго мудреца, не приносятъ пользы въ день напасти (Сир. 5, 8).

Новый міръ могъ бы представить не мало примѣровъ въ подкрѣпленіе сейчасъ высказанныхъ священныхъ истинъ, если еще для нихъ нужно подкрѣпленіе. Вотъ напр. мраморная мумія, какъ ее теперь называютъ, а пѣкогда славная владычица морей Генуя. Въ дни ея жизни и блеска она сама въ себѣ носила свое осужденіе и свой конецъ. Правила ея жизни не могли вести никуда, кромѣ смерти. Она жила неравенствомъ и хищничествомъ. Великая республика была въ сущности огромною конторою купцовъ милліонеровъ, которымъ хотѣлось ворочать всѣмъ свѣтомъ съ точки зрѣнія своего кармана. Правленіе генуэзскихъ нобилей было просто хроническимъ разговоромъ противъ правъ и благосостоянія бѣднаго населенія. Несмотря на республиканскія формы, неравенство, несправедливость, торгашническая разсчетливость въ дѣлахъ были доведены до крайнихъ предѣловъ. Богатѣйшія колоніи Генуи пали вслѣдствіе лавочнической близорукости, недовѣрчивости и завистливости ея политики. Она набивала кассы своихъ банковъ золотомъ и уничтожала внутри себя духъ гражданства. Но золото не спасло ее, когда потребовались республикѣ граждане. Политика банкирской конторы оказалась бессмысленною въ примѣненіи къ государству. Корысть и киченіе богатствомъ, бывшія господствующими страстями народа, подточили внутреннія силы народа, загубили доблести и всѣ благороднѣйшія побужденія. И она пала, когда настало ея время. А Данте говорилъ:

О, Генуэзцы, родъ безиравственный, порочный!
Зачѣмъ не стерли васъ давно съ лица земли?

(Адъ. Пѣснь 33).

Вотъ какую недобрую память оставилъ по себѣ недобрый народъ.

Посмотрите на соперницу Генуи, бывшее чудо свѣта— Венецію. Таже ненасытная жадность къ деньгамъ и богатству, воспитывавшая неисправимую жестокость сердца. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка мы видимъ въ Венеціи государство преисполненное сухой разсудочности, строжайшаго уваженія къ наружной формѣ закона и въ тоже самое время сильнѣйшей несправедливости къ подданнымъ. Борьба за исключительное обладаніе торговлей на моряхъ, возгорѣвшаяся между республиками, привела соперницъ къ гибели.

Такъ снова оправдывается политическая истина, высказанная древнимъ мудрецомъ, что владычество переходитъ отъ народа къ народу по причинѣ несправедливостей, обидъ и любостыжанія (Сир. 10, 8).

Но ни голоса пророковъ, ни уроки исторіи отдаленнѣйшихъ и ближайшихъ къ намъ вѣковъ не вразумляютъ людей съ крѣпкимъ лбомъ и жестокимъ сердцемъ (Іезск. 3, 7). Какъ бы убѣдительно они ни говорили: не давай ногамъ твоимъ истаптывать обувь и гортани своей томиться жаждой въ погонѣ за тѣмъ, что ведетъ къ паденію,— крѣпкіе лбы упорно не внимаютъ предостереженіямъ: не надѣйся, отвѣчаютъ, нѣтъ! Ибо люблю и буду ходить... мы сами себѣ господа (Іер. 2, 25. 31). Заснувшее чувство собственнаго достоинства не пробуждается; изжитое чувство чести не воскресаетъ; даже и послѣ того, какъ плюнуть въ лицо (Числь 12, 14), люди не стыдятся. Таковъ обычай жены прелюбодѣйной,—поѣла, и обтерла себѣ ротъ, и говоритъ: «я ничего худаго не дѣлала» (Пр. Сол. 30, 20.) А между тѣмъ идетъ на ту же старую дорогу и истаптываетъ обувь.

Недавно въ газетахъ былъ напечатанъ очень интересный историческій документъ, это—отвѣтъ Турецкаго кабинета на предложеніе ему услугъ и посредничества со стороны Англіи въ войну нашу съ Турціей въ 1787—1792

годахъ. Извлекаемъ изъ этого поистинѣ поучительнаго документа болѣе характерныя мѣста. «Султанъ ведетъ войну за себя и для себя же заключаетъ миръ. Онъ можетъ имѣть довѣріе къ своимъ подданнымъ: онъ знаетъ ихъ вѣру, испыталъ ихъ добродѣтели и можетъ положиться на ихъ вѣрность, сію добродѣтель съ давняго времени изгнанную изъ вашего (т.-е. Англійскаго) государства. Хотя всѣ прочіе христіане говорятъ истину, однако къ Англичанамъ не можемъ имѣть ни малѣйшаго довѣрія; они покупаютъ и продаютъ все человѣчество... Вашъ визирь... безъ сомнѣнія имѣетъ въ виду какой-либо обманъ, преднамѣреніе къ угнетенію, дабы тѣмъ поддержать вашъ народъ, который, какъ извѣстно, обожаетъ только золото. Отличительнѣйшая черта вашего характера есть своскорыстіе. Вы стали бы покупать и продавать вашъ кумирь. Золото есть божество ваше, и у вашего министерства и народа—все продажное... Хитрость и несправедливость есть нравственность, вамъ свойственная..; какъ справедливости, такъ и добродѣтели не соблюдаете вы въ вашемъ поведеніи и взаимныхъ поступкахъ... Исполняла ли когда Англія данное обѣщаніе, если оно не согласовалось съ сребролюбіемъ и любочестіемъ? Никогда... Если хочешь ты здѣсь остаться какъ шпионъ, или, какъ ты себя называешь, чрезвычайнымъ посланцемъ своего двора,—ты можешь проживать съ прочими христіанскими націями, пока поведеніе твое не будетъ предосудительно... Если вы не изъ числа самыхъ печестивыхъ націй, то по крайней мѣрѣ васъ можно почестъ безстыднѣйшими... Вы воображаете, что можете предписывать законы; вы всегда находили въ томъ удовольствіе, чтобы раздражать человѣчество другъ противъ друга, дабы въ послѣдствіи времени отъ своихъ хитростей получить выгоду. Вы не имѣете другой религіи, кромѣ барыша. Корыстолюбіе есть вашъ богъ и вѣра, вами исповѣдуемая, служитъ только личною для вашего лицемѣрія» (Совр. Изв. № 107-й).

Послѣ такого грубо-безцеремоннаго отказа, послѣ та-

кихъ оплеваній лица цѣлой націи, какъ бы повидимому не устыдиться хотя бы только на семь дней? (Числь 12, 14) Но природу или привычку, ставшую второй природой, трудно пересоздать. Глупаго хотя пестомъ въ ступѣ толки вмѣстѣ съ зерномъ,—глупость его не отстанетъ отъ него (Пр. Солом. 27, 22).

Можетъ быть рѣчи древнихъ пророковъ и мудрецовъ уже устарѣли,—а новыхъ нѣтъ нужды слушать,—и не заслуживаютъ вниманія молодыхъ и свѣжихъ силами народовъ, какъ не останавливаютъ часто на себѣ вниманія предупреждающія рѣчи дѣда, обращенныя къ рѣзвой, полной и силъ и надеждъ юности. Можетъ быть, если и возбудится любопытство на минуту прочесть три или четыре столбца, ничего не остается сдѣлать лучшаго, какъ отрѣзать ихъ писцовымъ ножичкомъ и бросить на огонь въ жаровню, доколѣ не уничтожится весь свитокъ на огнѣ (Іер. 36, 23), такъ какъ пророкъ не пророчествуетъ добраго, а только худое (3 Ц. 22, 8), и въ ихъ свиткахъ написано внутри и снаружи: плачь, и стонъ, и горе? (Іез. 2, 10) Но сколько бы мы ни уничтожали свитковъ, напишутся другіе и въ нихъ всѣ прежнія слова, какія были написаны ранѣе, и даже еще къ нимъ прибавлено будетъ много подобныхъ тѣмъ словъ (Іер. 36, 28. 32). Это пишетъ исторія. Можетъ быть многоискусныя умы новыхъ народовъ и въ событіяхъ изъ жизни народовъ прежде бывшихъ усматриваютъ инныя ошибки, нежели какія видѣли пророки, и запримѣтивъ ихъ для себя надѣются пройти счастливо между опасностями, иначе чему же и будетъ учить исторія?—а на предложеніе пророковъ: отыщите въ книгѣ Господней и прочитайте; ни одно изъ сихъ наказаній не преминетъ прійти и одно другимъ не замѣнится; ибо сами уста Его повелѣли (Ис. 34, 16),—спокойно отвѣтятъ: не дѣлаетъ Господь ни добра, ни зла (Соф. 1, 12), а пожалуй еще и спросятъ, гдѣ слово Господне? Пусть оно придетъ (Іер. 17, 15). Пусть Онъ поспѣшитъ и ускоритъ дѣло свое, чтобы мы видѣли. Пусть приблизится и прій-

детъ въ исполненіе совѣтъ Святаго Израилева, чтобы мы узнали! (Ис. 5, 19.) Но вопрошающихъ и говорящихъ такъ можно въ свою очередь спросить: гдѣ же то разводное письмо, съ которымъ они отпущены на свободу дѣлать такъ, кто какъ бы захотѣлъ, безъ необходимости отвѣта за свои дѣла, Тѣмъ, кто сказалъ: отъ начала дней я тотъ же, и никто не спасетъ отъ руки моей; я сдѣлаю, и кто отмѣнитъ это? (48, 13; 50, 1.)

А если Онъ сказавшій—тотъ же: то и воля Его, проявленіе которой въ судьбахъ народовъ должно назвать тѣмъ, что зовутъ неправильно законами исторіи, одна и таже, что была, есть и будетъ; потому что тысячелѣтія ли назадъ, тысячелѣтія ли впередъ, они только для насъ тысячелѣтія, а предъ очами Господа—день вчерашній, когда онъ прошелъ, когда слѣд. воля Его для этого момента уже выражена (Псал. 89, 5.). А воля эта такова: когда изберу время, я произведу судъ по правдѣ (Псал. 74, 3); грядетъ день на все гордое и высокомерное и на все превознесенное... и на всѣ корабли (Ис. 2, 12—16), какъ пришелъ этотъ день и на корабли Тира.

Но наше время не воспоминаетъ прежняго и о древнемъ не помышляетъ; даже новаго не хочетъ знать (48, 18. 19). Ужели же и нынѣ, какъ прежде, чтобы повѣрить, для слѣпоты людской нужно, дабы кисть пишущей праведный судъ руки написала противъ лампы на извести стѣны чертога царскаго: мене, мене, текед, упарсин (Дан. 5; 5, 25)? А когда будетъ написано,—то будетъ поздно.

Задолго до паденія Тира пророкъ Исаія примѣнялъ къ этой царицѣ морей слова народной пѣсни: возьми цитру, ходи по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много пѣсень, чтобы вспомнили о тебѣ (23, 16). Но и такую цѣной покупаемое напоминаніе не привлекаетъ никого къ забытой разъ, и забытая падшая умираетъ. Не въ предчувствіи ли подобной же участи, паденія, забвенія и смерти лордъ Байронъ, упрекая свою родину за то, что она не протянула руки помощи Венеціи, терявшей свою

независимость, обратился къ ней въ четвертой пѣсни Чайльдъ-Гарольда съ слѣдующими стихами:

О Англія! пусть велики
Твои владѣнія на свѣтѣ,
Но и тебя быть можетъ, ждетъ
Паденье то же, тотъ же гнетъ.

С—68.

СВЯТЫНИ И ДРЕВНОСТИ СТАРОЙ РУСЫ.

Второе письмо къ М. М. Евримова.

Наконецъ успѣлъ я осмотрѣть всѣ замѣчательныя старинную церкви и часовни въ Старой Русѣ и объѣздить окрестности, заслуживающія вниманія. Спѣшу передать вамъ мои наблюденія. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о городскомъ соборѣ, потомъ о старинныхъ церквяхъ и часовняхъ, наконецъ перейду къ окрестностямъ.

Старорусскій Воскресенскій соборъ построенъ на мѣстѣ бывшей пѣкогда деревянной Покровской церкви, какъ видно изъ описанія Старой Русы составленнаго въ 1625 году. Когда и кѣмъ она была строена, неизвѣстно; извѣстно только то, что послѣ разоренія Шведами (въ 1611 году) Борисоглѣбскаго собора, построеннаго новгородскими пришлыми купцами въ 1403 году, она замѣняла собою соборный храмъ. Подлѣ Покровской церкви стояла въ то время соименная ей башня, одна изъ пяти каменныхъ башенъ, составлявшихъ, съ деревяннымъ острогомъ, крѣпость на острову, между рѣчками Порусью, Полистью и Перерытицею, въ окружности 320 саж.; стѣны рублены изъ дубу, въ пять вѣнцовъ; вокругъ сдѣланы были земляныя насыпи и бастионы. Остальныя башни назывались: Тайницкая, Чортова или Чертовѣсная, Глухая и Наугольная. Въ концѣ XVII вѣка деревянная Покровская церковь,

за ветхостію, была разобрана и на мѣстѣ ея построень нынѣшній каменный соборъ Воскресенія Христова съ придѣлами съ сѣверной стороны Покрова Пресв. Богородицы, а съ полуденной Рождества Предтечи. Строеіе собора началось въ 1692 году, съ благословенія митрополита Новгородскаго Корнилія, а кончено 1696 года. На сумму пожалованную государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1828—1833 годахъ, соборъ возобновленъ и распространенъ. Онъ занимаетъ въ длину 17 саж., въ ширину и высоту 16 саж.

Изъ числа храмовъ приходскихъ и приписныхъ, замѣчательны по древности:

1) Николаевская церковь. Она находится по правую сторону рѣчки Порусыи и по лѣвую протока изъ солянаго озерка, разстояніемъ отъ Петропавловской церкви въ 30 саж., близъ самой холмской дороги. По сказанію лѣтописи, она построена въ 1371 году въ княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго съ благословенія архіепископа Новгородскаго Алексія. Послѣ разоренія Шведами она находилась въ заустѣннн до 1710 года. Въ 1710 году, при митрополитѣ Новгородскомъ Іовѣ была возобновлена усердіемъ прихожанъ и помощію мѣстныхъ благотворителей въ прежнемъ видѣ. Храмъ имѣетъ видъ четвероконечнаго креста, оканчивающагося на востокъ однимъ полукружіемъ для алтаря; сѣверная и южная стороны выдаются четырехугольниками, а западная образуетъ квадратъ, служащій входомъ въ церковь и основаніемъ колокольни. Церковь устроена на твердомъ каменномъ основаніи; стѣны ея толсты, кладены изъ обожженнаго продолговатаго кирпича, дикаго камня и тонкой плиты съ желѣзными связями.

Стѣны храма совнѣ украшены разными пилястрами, колонками и капителями, выкладенными изъ кирпичей. Поверхъ кровли возвышаются 5 круглыхъ кирпичныхъ фонарей, изъ коихъ средніе гораздо толще четырехъ угло-

выхъ; главы устроены конусообразно. Къ Николаевской церкви приписаны: Петропавловская и Владимірская.

Первая изъ нихъ находилась при самомъ источникѣ минеральныхъ водъ; въ старину при ней существовалъ дѣвичій монастырь. Шведы совершенно разорили и обитель, и храмъ. По описи 1625 года монастыря уже не было; но замѣчено, что ему прежде принадлежало 21 мѣсто въ разныхъ частяхъ города. При самомъ монастырѣ былъ большой огородъ и таковой же фруктовъ садъ, принадлежавшій игуменѣ съ сестрами. Старожилы дѣйствительно помнятъ и рассказываютъ о большомъ садѣ при прежней деревянной Петропавловской церкви; нынѣ же это мѣсто занято зданіемъ и паркомъ при ваннахъ; нынѣшняя каменная церковь, во имя апостоловъ Петра и Павла съ придѣлами, посвященными препод. Нилу Столбенскому и св. мученицѣ Параскевѣ, построена въ 1804 году; она находится на южной сторонѣ города при концѣ его, въ 85 саж. на сѣверо-западъ отъ минеральнаго источника.

Другая приписная къ Николаевской, церковь Владимірской иконы Божіей Матери деревянная, находится въ 15 саж. отъ Петропавловской; стоитъ близъ дороги, идущей къ Никольскому мосту чрезъ р. Порусье. Въ Описаніи г. Старой Русы въ 1625 году ничего о ней не упоминается; посему съ вѣроятностію положить надобно, что ея тогда не было, а построена она послѣ, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе, около 1635 года. Она построена изъ бревенъ въ уголь, въ видѣ четырехконечнаго креста, съ восточнымъ полукружіемъ алтаря, рубленнымъ въ 5 угловъ.

2) Георгіевская церковь, съ придѣльною въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, первоначально построенная архимандритомъ Варлаамомъ 1410 года, въ княженіе Василя Димитріевича, съ благословенія архіепископа новгородскаго Іоанна II-го. Она сохранилась въ цѣлости при разореніи города Нѣмцами и Литовцами, съ двумя колоколами на колокольнѣ, однимъ среднимъ, да другимъ

клепаломъ желѣзными; но съ 1710 года, неизвѣстно по какому случаю, была въ запустѣніи до 1740 года, въ которомъ съ благословія архіепископа Амвросія Юшкевича была возобновлена, а придѣлъ Благовѣщенскій возобновленъ въ 1782 году, по благословію митр. Гавриила. Церковь Георгіевская имѣетъ форму квадрата, съ прибавленіемъ олтарнаго полукружія. Зданіемъ весьма прочная; стѣны ея кладены обожженнымъ продолговатымъ кирпичемъ, дикимъ камнемъ и плитою; связи желѣзныя; углы стѣнъ имѣютъ пилястры, выдѣланныя кирпичемъ съ разными украшеніями; окна всѣ продолговатаго четырехугольника, съ желѣзными витыми рѣшетками; у верхнихъ оконъ наличники съ украшеніями; подъ самою кровлей церковь опоясана карнизомъ. Внутри храма, по срединѣ, находятся четыре квадратныхъ столба, поддерживающіе сводъ церкви и основаніе купола. Храмъ Благовѣщенія находится съ сѣверной стороны главнаго Георгіевского храма и имѣетъ видъ продолговатый. Алтарь съ одною полуконусною аркой, и высокимъ сводомъ. Кладка стѣнъ та же, какъ и въ Георгіевскомъ храмѣ.

3) Церковь во имя св. мученика Мины каменная находится между рѣкъ Перерытицы и Порусья. Когда и кѣмъ построена она—неизвѣстно; извѣстно только то, что это храмъ весьма древній, въ видѣ четвероугольника длиною въ 8, а шириною въ 4 саж. съ небольшимъ полукружіемъ для алтаря. Церковь замѣчательна по древности своей архитектуры: кладка стѣнъ такая же, какъ въ Георгіевской церкви; на каждой сторонѣ церкви находится по 4 пилястры съ разными ихъ украшеніями; купола нѣтъ, а верхъ церкви надъ древними стѣнами устроенъ деревянный. Она приписана къ Димитріевской церкви, которая была прежде (съ 1446 г.) рубленною изъ сосноваго лѣса, а въ недавнее время замѣнена каменною.

4) Церковь пресв. Троицы каменная, о пяти главахъ, находится въ самомъ центрѣ города Старой Русы, на Троицкой улицѣ. Существованіе ея на семь мѣстъ отно-

сится ко временамъ отдаленнымъ. Въмѣстѣ со многими другими храмами она была разорена Шведами; построена вновь въ 1680 году иждивеніемъ купца Творева. Въ 1853 году возобновлена, вмѣстѣ съ придѣломъ св. Іоанна Златоуста, существующимъ съ 1761 года. Къ Троицкой церкви принадлежитъ находящаяся близъ нея теплая каменная церковь во имя Знаменія Божіей Матери, построенная въ 1782 году.

5) Церковь св. жень Муроносицъ, первоначально деревянная, вмѣстѣ съ Успенскою, также деревянною, принадлежала къ бывшему Успенскому женскому монастырю, существовавшему издавна. Еще вел. князь Іоаннъ Васильевичъ третій подтвердилъ грамоты отца, дѣда и пра-дѣда своего великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, давшего монастырю пожню, называемую Богородичною, каковою церковь доселѣ владѣеть. Монастырь упраздненъ въ 1764 году; Успенская деревянная церковь въ недавнее время сгорѣла, а муросолицкая, по ветхости, была разобрана и на томъ же мѣстѣ вновь построена каменною въ 1786. Въ ризницѣ ея сохранилась дарственная въ подлинникѣ запись Варлаама, митрополита ростовскаго и ярославскаго, писанная въ 1649 г. свиткомъ въ 1 арш., со святительскою печатью, на имя бывшаго здѣсь дѣвчяго монастыря игумены Улиты (родной сестры его) о пожертвованіи имъ въ монастырь на престольнаго Евангелія печатнаго, двухъ октоиховъ, двухъ прологовъ, 12-ти миней печатныхъ, милостыни игуменѣ съ сестрами, 37-ти старицамъ 3 р. 23 алтына и 2 деньги, и 1½ рубля на сорокоустъ бѣлому попу Кузьмѣ по своимъ родителямъ и сродникамъ.

Изъ числа часовенъ въ Старой Русѣ особенно замѣчательна такъ называемая Ильинская часовня, на углу Ильинской и Крестецкой улицъ. Она была приписана прежде къ Ильинской (сгорѣвшей въ 1820 году), а теперь принадлежитъ къ Муросолицкой церкви. Въ этой часовнѣ хранится наиболѣе чтимая мѣстными жителями святыня

животворящій крестъ, называемый <чуднымъ>, подобно чудному кресту въ Новгородѣ; по сторонамъ креста предстоящіе вы́зны: Божія Матерь и Іоаннъ Богословъ. Крестъ сосноваго дерева (въ вышину 4¼, въ ширину 2¼ аршина), въ подножіи закругленный, по виду темноватый, устроенъ въ воспоминаніе мороваго повѣтрія, бывшаго въ г. Старой Русѣ въ 1655 году. На крестѣ очень искусно вырѣзанъ распятый Спаситель, съ херувимомъ, солнцемъ и луною подъ нимъ. На задней сторонѣ вырѣзана полууставомъ надпись: «Лѣта отъ сотворенія міра 7163 (1655) года, въ Старой Русѣ бысть посланіе Божіе грѣхъ ради нашихъ: созданію Божію многимъ чловѣкамъ смертоносная язва бысть; тогожъ году декабря 6 дня поставили сей крестъ на семъ мѣстѣ, въ Ильинской улицѣ сожители, чтобъ всемилостивый Господь Богъ нашъ утолил тотъ свой праведный гнѣвъ смертоносія, а положили праздновать въ предъидущія лѣта сему образу честному и животворящему кресту Господню, на немъже распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сего жъ декабря въ 22 день на память св. великомученицы Анастасіи узорѣшительницы, а второе празднество въ третью недѣлю св. великаго поста отнынѣ въ предъидущія лѣта, въ честь и благодареніе и въ славу въ Троицѣ славимому Богу и въ поклоненіе и въ велелѣпіе Отцу и Сыну, и Святому Духу. Аминь».

По сему завѣту предковъ, жители города имѣютъ обыкновеніе и доселѣ стекаться въ сію часовню въ крестопоклонную недѣлю, въ день Воздвиженія креста, послѣ литургіи, и въ воскресные дни послѣ вечерни, гдѣ въ это время мѣстнымъ причтомъ отправляется молебствіе животворящему кресту.

Со времени холеры въ 1848 г., чудный крестъ разрѣшено носить въ трехъ крестныхъ ходахъ въ Старой Русѣ: 8 июля, въ день Казанскія Божія Матери, въ слѣдующее послѣ сего числа Воскресеніе и 1-го августа.

Другая часовня при минеральныхъ водахъ, приписанная

къ церкви св. Мины, устроена въ 1760 году въ честь святыхъ мучениковъ Кирика и Гулитты, потому что здѣсь среди другихъ иконъ, находится мѣдный вызолоченный небольшой образокъ сихъ мучениковъ, съ ушкомъ, величиною въ 1½ вершка; онъ найденъ въ 1846 году, при расчисткѣ источника, на глубинѣ 8-й сажени вмѣстѣ съ битымъ кирпичемъ, чугуннымъ ядромъ, двумя картечами и человѣческими костями, и въ народѣ почитается чудотворнымъ.

Отъ храмовъ и часовенъ Старорусскихъ перейдемъ къ иконамъ, особенно, чтимымъ мѣстными жителями или замѣчательнымъ по древнему искусству.

1) Первое мѣсто между ними занимаетъ икона Богородицы, называемая Старорусскою. Подлинная чудотворная икона сего наименованія, принесенная по преданію изъ Царьграда, издревле была главною святыней Старой Русы. Во время моровой язвы 1655 года, жители города Тихвина, испросивъ ее у Старорусянъ, принесли въ свой городъ на головахъ своихъ, отслужили съ вѣрою и сердечнымъ умиленіемъ молебствіе Царицѣ небесной, обнесли икону около города и получили отъ Бога прекращеніе смертоноснаго повѣтрія. Съ того времени чудотворная икона не возвращена на прежнее мѣсто и донинѣ находится въ Тихвинскомъ большомъ монастырѣ. А жители Старой Русы, скорбя объ утратѣ драгоценной имъ святыни, рѣшились снять хотя списокъ съ чудотворнаго образа, для чего посылали соборнаго старосту Илью Красильникова, который и привезъ имъ икону въ 1788 году, 4 мая. Въ этотъ день ежегодно совершается празднество въ честь Божіей Матери. Образъ, привезенный изъ Тихвина, находится въ городскомъ соборѣ, на столбѣ за правымъ клиросомъ.

2) Въ томъ же соборѣ замѣчательны еще двѣ Богородичныя иконы. Одна изъ нихъ, называемая Цареградскою, мѣрою въ 2 дюйма, выбита на грифельной доскѣ. Объ ней преданіе говоритъ, что въ давнія времена два монаха

изъ Царьграда, проѣзжая чрезъ городъ Старую Русу, слушали литургію въ соборѣ, послѣ коей и оставили на память сей образъ. Вѣрующіе во множествѣ притекаютъ къ сей иконѣ и берутъ воду, погруженіемъ ея освященную, съ надеждою исцѣленія больныхъ младенцевъ.

3) Другая соборная икона Божіей Матери извѣстна подъ именемъ Дамасской и замѣчательна по превосходному византійскому письму. Предвѣчный Младенецъ изображенъ на ней съ двумя голубиными птенцами въ рукахъ.

4) Икона Страшнаго суда. Изъ надписи надъ нею видно, что она при разореніи и опустошеніи города Старой Русы Шведами и Литовцами въ 1614 г. была взята въ плѣнъ, выкуплена въ 1723 г. у Шведовъ въ городѣ Або, Старорусскимъ купцомъ Иваномъ Пономаревымъ и отдана въ соборъ, гдѣ и доселѣ находится.

5) Списокъ съ Тихвинской Богородичной иконы, написанный въ городѣ Тихвинѣ съ чудотворнаго образа тихвинскимъ иконописцемъ Дураковымъ по заказу Старорусскаго посадскаго человѣка и солянаго промышленника Петра Иванова Троицкаго, который, получивъ святую икону, хранилъ оную въ домѣ своемъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. У одного Старорусскаго гражданина разболѣлся сынъ и лежалъ долгое время въ разслабленіи, моля Царицу небесную о дарованіи ему исцѣленія, и скорая Помощница ко всѣмъ, съ вѣрою къ ней прибѣгающимъ, явила ему свою помощь; Она явилась ему сперва дважды во снѣ и повелѣла отслужить молебень предъ Тихвинскимъ образомъ, находившимся тогда въ домѣ Троицкихъ. Больной передавалъ свое видѣніе отцу, но отецъ не повѣрилъ, считая слова его бредомъ. Тогда Матерь Божія, видя вѣру и любовь къ себѣ болящаго, сама явилась къ нему въ домъ, въ своей иконѣ. Узрѣвъ оную, болящій началъ громко вопить и звать къ себѣ отца, мать и прочихъ домашнихъ; они всѣ въ недоумѣніи сбѣжались къ нему, и увидя явленіе иконы, поражены были страхомъ и ужасомъ. Побуждаемый недоумчивостію, отецъ

большаго послалъ къ владѣльцу иконы узнать, у нихъ ли икона или нѣтъ; получивъ отвѣтъ, что она исчезла, онъ увѣрился въ подлинности явленія Божіей Матери; слезы умилснія потекли изъ очей его и домашнихъ, и всѣ они приносили теплыя моленія къ небесной Заступницѣ. Вдругъ болящій почувствовалъ въ себѣ новыя силы и всталъ, желая облобызать святую икону; но она внезапно скрылась. Исполненный благодарностію къ Пресвятой Дѣвѣ, исцѣленный восхвалялъ и прославлялъ Ея имя всюду. Всѣ вѣрные дивились чуду и славили скорую небесную помощницу; а Троицкій, по просьбѣ и усердію вѣрныхъ, рѣшился поставить икону въ часовнѣ, которая въ недавнее время обращена въ храмъ св. Александра Невскаго. Эта церковь, приписная къ собору, всегда отперта и чудотворная икона носится для молебствій въ дома, по желанію обывателей. Описаніе чуда заимствовано мною почти буквально изъ сказанія, хранящагося при иконѣ и составленнаго, какъ видно по языку и почерку, въ концѣ прошедшаго столѣтія.

6) Образъ Благовѣщенія Богородицы, храмовой въ придѣлѣ Георгіевской церкви и современнѣйшій постройкѣ ея, новгородскаго письма XV вѣка. Здѣсь Богородица представлена, какъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, съ веретеномъ въ рукѣ.

7) Другой образъ Благовѣщенія, писанный по золотому полю на доскѣ со впадиною. По нижнему краю доски надпись: «Лѣта 7188 (1680) писали сей образъ иконописцы великаго Новаграда Михайлъ Корнильевъ, Василій Макаровъ, Петръ Степановъ, Григорій Михайловъ». Находится въ Троицкой церкви.

8) Икона Успенія Богородицы древняго письма, бывшая нѣкогда храмовою въ Успенской церкви, считается въ городѣ чудотворною. Она находится въ церкви св. жень муроносиць.

9) Въ той же Мурносицкой церкви замѣчательна храмовая икона. Въ верхней части ея изображено явленіе

воскресшаго Спасителя Маріи Магдалинѣ, а ниже Ангель возвѣщаетъ мурносицамъ радостную вѣсть—Воскресенія Христова. Образъ написанъ по золотому полю масляными красками; риза на немъ древняя, рѣзная, позлащенная. Древность иконы видна изъ того, что объ ней значится въ описи г. Старой Русы 1625 г. Икона эта особенно чтится въ народѣ.

10) Образъ, извѣстный подъ названіемъ: «Память смертная». На немъ вверху въ облакахъ Господь Саваоѣ, въ срединѣ праотцы: Авраамъ, Исаакъ, и Іаковъ, держащіе на лонѣ своемъ почивающихъ праведниковъ; а внизу иконы изображеніе мертвеца, лежащаго во гробѣ, и около стоящихъ и принимающихъ ко гробу иноковъ. Надъ ними надписана стихира: «плачу и рыдаю» и пр. Пошибъ письма свидѣтельствуетъ о древности иконы. Находится въ Николаевской церкви.

11) Икона извѣстная подъ названіемъ: «Вѣрую во единого». Я увидѣлъ ее въ церкви св. Димитрія Солунскаго и тотчасъ же узналъ въ ней списокъ съ одного изъ образовъ XVI вѣка, стоящаго на первомъ столпѣ за лѣвымъ клиросомъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Что касается до списка Старорусскаго, то нужно замѣтить, что здѣсь живописное изложеніе догматовъ, съ подписью словъ сѣмбола вѣры надъ каждымъ изъ членовъ его, расположено въ нѣсколько рядовъ миниатюръ. Особенно замѣчательны двѣ изъ нихъ: догматъ о Св. Духѣ и Страшный судъ. На первой изображены Богъ Отецъ и Богъ Сынъ на престолѣ огнезрачномъ, а между Ними, въ видѣ летящаго голубя, Духъ Святой; отъ котораго лучи падаютъ направо ко храму, гдѣ видны апостолы и святители, а налѣво—къ темной пещерѣ, заключающей въ себѣ Моисея, Давида и другихъ пророковъ. Въ миниатюрѣ Страшнаго Суда, верхняя часть занята изображеніемъ Спасителя Судіи на престолѣ, съ апостолами, сидящими по сторонамъ Его. Отъ престола внизъ течетъ рѣка огненная; на правомъ берегу сея стоятъ праведники, за которыми Апо-

столь отворяеть ключемъ дверь рая, на лѣвомъ осужденные, но ада за ними не представлено. Мѣра иконы въ длину $1\frac{3}{4}$ арш., въ ширину почти аршинъ. Ризы на ней нѣтъ. Краски сильно потемнѣли.

12) Икона «Соборъ Богородицы», весьма замѣчательная и по иконописи лучшаго новгородскаго пошиба XVI вѣка, и по изобрѣтательности художника въ расположеніи лицъ и предметовъ. Постараюсь описать ее для васъ сколько можно подробнѣе.

Верхнюю часть образа занимаютъ какія-то зданія, вѣроятно небеснаго Иерусалима; между ними надпись въ двухъ клеймахъ: «Образъ соборъ» «Пресвятая Богородицы». Къ верхнему краю иконы какъбы привѣшенъ кругъ съ изображеніемъ Богоматери, окруженной сіяніемъ; на колѣнахъ Ея Превѣчный Младенецъ, благословляющій правою рукою. Надъ кругомъ сіяетъ звѣзда. Икона раздѣлена горизонтально на четыре ряда: средину перваго изъ нихъ занимаетъ сказанный кругъ; отъ него направо архангелъ Гавріилъ и Богоотцы Іоакимъ и Анна; налѣво пророки Исаія съ хартіей, на которой написано: «се дѣва во чревѣ», Моисей съ заповѣдями, Іеремія (слова на хартіи неразборчивы) и Даніилъ (на хартіи: «се камень отторжеса»). Во второмъ ряду правая сторона занята волхвами и пастырями Виолеемскими, съ надписью надъ ними: «пастыріе чудо, волсви дары». За ними стоитъ Іоаннъ Креститель; на хартіи его: «се агнецъ Божій». На лѣвой сторонѣ втораго ряда, на ложѣ изъ травы, лежитъ младенецъ, повитый пеленами. Я думалъ сначала, что это изображеніе поворожденнаго Спасителя, но разобралъ надъ нимъ надпись: «Іоаннъ Предтеча». За младенцемъ стоитъ его мать Елисавета, а за нею, въ густой травѣ, покрытый куколемъ, преклоняетъ колѣна старецъ (по надписи Валаамъ); на хартіи его написано: «возсіяетъ звѣзда отъ Іакова». На средней части образа, между вторымъ и третьимъ рядами, представлень видъ какого-то города, можетъ быть Иерусалима, или Виолсема. Въ третьемъ

ряду на правой сторонѣ три пророка съ хартіями: Іезекиль («такъ глаголетъ Господь»), Аввакумъ («Богъ отъ горы придетъ») и Михей («и ты Виолесме»). На лѣвой сторонѣ три мученицы: Анастасія съ воздѣтыми на молитвѣ руками, Параскева съ закрытымъ сосудомъ и Евгенія съ одноглавою церковью въ правой рукѣ. Среднюю часть четвертаго или нижняго ряда занимаетъ «соборъ всѣхъ святыхъ», а въ двухъ углахъ его написаны эмблематическія изображенія. Въ правомъ углѣ, престарѣлая женщина, съ распущенными сѣдыми волосами, сидящая въ пещерѣ, простираетъ впередъ руки, предлагая кому-то свой вертепъ. Надъ нею надпись: «земля вертепъ». Въ лѣвомъ углѣ,—красивая женская фигура, увѣнчанная и окруженная цвѣтами, поднимаетъ передъ собою ясли. Это «прекрасная мать пустыня» старинныхъ духовныхъ пѣсень, какъ указываетъ надпись: «пустыня ясли».

Основаніемъ этой многосложной картины очевидно служила стихира на праздникъ собора Богородицы: «каждо отъ тебе бывшихъ тварей благодареніе тебѣ приноситъ: ангели пѣніе, небеса звѣзду, волсви дары, пастыріе чудо, земля—вертепъ, пустыня—ясли».

Эта икона (вышиною въ 2 арш., шириною въ 1 арш. 10 верш.) стоитъ на южномъ концѣ иконостаса въ Муромской церкви.—Второе письмо мое вышло слишкомъ длинно, а потому свѣдѣнія объ окрестностяхъ Старой Русы отлагаю до слѣдующаго, послѣдняго письма.

Старая Руса,
22 іюля 1877 года.

Третье письмо къ М. М. Евреинову.

Послѣ двухъ писемъ, присланныхъ мною изъ Старой Русы, прошло уже около двухъ мѣсяцевъ. Я побывалъ въ это время на IV-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани, и теперь, пользуясь свободнымъ временемъ въ де-

ревнѣ, спѣшу сообщить вамъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ окрестностяхъ Старой Русы.

1. Ближе всѣхъ къ этому городу лежитъ мѣстность, извѣстная подъ именемъ Кречева, въ 2 верстахъ отъ Спасскаго монастыря, на берегу р. Полисти. Здѣсь съ давнихъ временъ существовалъ «Никольскій Кречевскій особый монастырь». Когда и кѣмъ основана эта обитель— неизвѣстно, но древность ея подтверждается жалованною грамотою владыки Леонида, выданною въ 1572 году. При переписи 1615 года, послѣ шведскаго опустошенія, въ Кречевѣ монастырь значится деревянная пятиглавая церковь св. Николая Чудотворца съ придѣлами преп. Сергія и св. митрополита Алексія и шатровою колокольней. Еще до штатовъ 1764 года эта обитель была приписною сначала къ Александроневскому, а потомъ къ Старорусскому Спасскому монастырю. Въ 1799 году она вовсе уничтожена, а земля (около 27 десятинъ) поступила во владѣніе Спасскаго монастыря. Здѣсь въ 1802 году построена новая деревянная церковь преп. Сергія, въ которой замѣчателенъ древняго письма храмовой образъ великаго радонежскаго чудотворца, перенесенный вѣроятно изъ прежняго храма. Это вѣрный списокъ съ знаменитой иконы, находящейся въ Сергіевской надворотной крестовой церкви Новгородскаго архіерейскаго дома, писанной, какъ увѣряетъ преданіе, однимъ изъ учениковъ преп. Сергія, старцемъ схимникомъ, доживавшимъ долгій вѣкъ свой въ Хутынѣ. Когда св. архіепископъ Новгородскій Іона въ 1463 году отправлялся въ Москву, чтобы примирить свой вольный городъ съ великимъ княземъ Василиемъ Темнымъ, онъ положилъ обѣтъ воздвигнуть на дворѣ своемъ храмъ въ честь преп. Сергія, незадолго предъ тѣмъ прославленнаго чудотворца, если успѣетъ въ исполненіи своихъ намѣреній. Слезныя мольбы старца-святителя и обѣщаніе его испросить у Господа сына Василія, будущему самодержцу Іоанну III, избавленіе отъ ига Ордынскаго, тронули сердце Великаго

князя: онъ предложилъ гнѣвъ на милость, а св. Іона исполнилъ обѣтъ свой и устроилъ въ своихъ палатахъ первую церковь въ честь новоявленного чудотворца радонежскаго. Такова исторія новгородской древней иконы. Кречевскій списокъ ея отличается необыкновенною выразительностію лика; правая рука преподобнаго благословляетъ именовсловно (какъ и въ подлинникѣ), а лѣвая держитъ развернутый свитокъ.

Въ Кречево бываетъ ежегодно крестный ходъ изъ Спаскаго монастыря 5 іюля, въ день памяти преп. Сергія, при многочисленномъ стеченіи горожанъ и жителей окрестныхъ селеній.

2. Другая замѣчательная мѣстность, въ 7 верстахъ отъ Старой Русы, находится подлѣ холмской дороги, при рѣчкѣ Порусьѣ. Назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ или нѣсколько болѣе, небольшой куполъ съ деревянной церкви села Воскресенскаго, построенной на берегу тойже рѣчки, за 9 верстъ выше, былъ сорванъ сильнымъ вихремъ и приплылъ сюда; въ куполѣ устроенномъ на иглахъ, былъ вклеенъ образъ Спасителя, писанный на холстѣ. Обыватели двухъ сосѣднихъ деревень, Махорина и Шѣнина, къ землѣ которыхъ приплыла икона, приняли ее съ благоговѣйнымъ усердіемъ, устроили часовню, и покрыли ее приплывшимъ куполомъ съ иконою, не разбирая его. Въ этомъ видѣ сохранился образъ въ часовнѣ; жители города, сосѣднихъ селеній и пріѣзжающіе для лѣченія ваннами весьма часто прибѣгали съ усердною молитвою къ св. иконѣ, получая по вѣрѣ своей благодатную помощь. Вклады богомольцевъ доставили возможность замѣнить часовню деревянною церковью въ честь Нерукотвореннаго образа Спасителя, причемъ чтимая икона, выпиленная изъ бревенъ купола, заняла подобающее ей мѣсто въ иконостасѣ. Мнѣ случилось слышать о многихъ бывшихъ здѣсь исцѣленіяхъ, въ числѣ которыхъ особенно достойно вниманія слѣдующее: года два тому назадъ пріѣхало сюда изъ города цѣлое общество. Попросили отслужить

молебень и всѣ усердно молились, кромѣ одного молодого вольнодумца, который вздумалъ написать какіе-то непристойные стихи на стѣнѣ церковной. Но онъ не успѣлъ еще окончить своего кощунственного намѣренія, какъ мгновенно пораженъ былъ параличемъ правой руки. Никакія врачебныя средства не помогали больному, пока онъ не пришелъ въ раскаяніе, а послѣ молитвы предъ чудотворною иконою онъ тотчасъ же ощутилъ новую жизнь въ своей омертвѣвшей рукѣ.

Церковь окружена красивою березовою рощей, гдѣ богомольцы, послѣ молитвы, прогуливаются и пьютъ чай. Для нихъ, на случай ненастья, выстроена небольшая гостиница. Находящійся при церкви причетъ, почти безприходный, благодаря множеству молящихся не нуждается въ способахъ содержанія.

3. Въ 3 верстахъ отъ Старой Русы, въ весьма красивой, возвышенной мѣстности, на островѣ, окруженномъ съ южной и восточной сторонъ рѣкою Полистью, а съ западной и сѣверной рѣчкою Снѣжею, красуется древній каменный храмъ. Около 1220 года двое учениковъ преп. Варлаама Хутынского, Константинъ и Козма, по влеченію къ безмолвной жизни пришли на это мѣсто, называемое Косинымъ, потому что двѣ рѣки во время разлива образуютъ на островѣ правильную фигуру косы. Здѣсь они поставили себѣ келью и подвизались въ безмолвіи. Когда собрались къ нимъ нѣсколько любителей пустыннаго житія, отшельники построили каменную церковь во имя св. Николая чудотворца и основали монастырь, получившій названіе Николаевского Косинскаго. Первымъ игуменомъ новой обители былъ преп. Константинъ, но подробныя свѣдѣнія о житіи его и сотрудника его преп. Козмы за утратою монастырскихъ лѣтописей въ бѣдственную годовину шведскаго разоренія, не сохранились. Время преставленія перваго игумена Косинскаго, названнаго въ рукописныхъ святцахъ («книга о россійскихъ святыхъ»)

чудотворцемъ, предполагается около 1240 года; память его празднуется 29 іюля.

При учрежденіи штатовъ, монастырь упраздненъ, но соборный храмъ (нынѣ приходская церковь Косинскаго погоста) сохранился въ древнемъ своемъ видѣ. Онъ сложенъ, какъ и всѣ древніе храмы Новгородскаго края, изъ дикаго, булыжнаго, очень крупнаго камня, съ примѣсью прочной известковой плиты. Для сводовъ и арокъ употребленъ тотъ тонкій, узкій и длинный кирпичъ, который въ лѣтописяхъ называется плинѣюю, съ дубовыми вмѣсто желѣзныхъ связями. Алтарь пристроенъ въ видѣ одного небольшого полукружія. Церковь представляетъ правильный квадратъ, въ 4 сажени длины и ширины; сводъ опирается на четырехъ массивныхъ столпахъ (пилонахъ); изъ нихъ два скрыты за иконостасомъ.

Стѣны весьма толсты, что и дало возможность зданію простоять шесть съ половиною столѣтій; но внутренность храма пришла въ ветхость и въ аркахъ обнаружилась трещины, что потребовало немедленныхъ работъ. Въ этомъ видѣ засталъ я древній храмъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на кладку стѣнъ и перемычекъ, вполне доступную наблюденію на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отбита была рабочими старинная штукатурка.

Деревянная паперть соединяетъ церковь съ деревянною же колокольнею. Въ правой сторонѣ этой паперти почиваютъ подъ спудомъ мощи основателей бывшаго Косинскаго монастыря, преп. Константина, игумена и чудотворца, и преп. Козьмы. Рака съ рѣзною сѣнью надъ мощами устроена въ прошломъ году. Окрестные жители благоговѣйно почитаютъ угодниковъ Божіихъ, стекаясь во множествѣ за нѣсколько десятковъ верстъ на поклоненіе св. мощамъ ихъ, въ особенности въ первую пятницу Петрова поста, такъ называемую Варлаамевскую.

Къ югу отъ древняго Косинскаго храма стоитъ зимняя каменная церковь во имя преп. Варлаама Хутынскаго, построенная уже по уничтоженіи монастыря въ 1792 году,

вмѣсто сгорѣвшей деревянной. Въ недавнее время она распространена и украшена весьма хорбшимъ стѣннымъ писаніемъ.

Послѣ бывшаго здѣсь монастыря сохранилось нѣсколько достопримѣчательныхъ предметовъ: а) Евангеліе, печатанное въ Москвѣ въ 1606 году, по благословенію патріарха Гермогена; б) Трефологія Кіевской печати 1643 года; в) крапешинная фелонь безъ вырѣзки спереди, весьма похожая на Хутынскую ризу преп. Варлаама и принадлежавшая, вѣроятно, преп. Константину; г) напрестольный крестъ 1678 года—вкладъ Старорусскихъ посадскихъ людей; д) большая икона Знаменія Богородицы съ новгородскими чудотворцами, писанная, какъ видно изъ надписи, въ 1716 году по заказу Косинскаго строителя іермонаха Іоны Ломохина. На этой иконѣ представлены также чудотворцы Соловецкіе и Олонецкаго края.

4. Послѣдняя изъ замѣчательныхъ окрестностей Старой Русы—погостъ Леохново, гдѣ былъ нѣкогда монастырь.

Основатель этой обители, преп. Антоній родился въ 1526 году, въ г. Твери, отъ благочестивыхъ родителей бояръ Вельяминовыхъ и съ юныхъ лѣтъ любилъ упражняться въ молитвѣ и постѣ, чуждаясь всего мірскаго. Тайно отъ родителей удалился онъ въ предѣлы новгородскіе, въ Шелонскій конецъ и нашель себѣ уединенное мѣсто въ 50 верстахъ отъ Новгорода, въ урочищѣ, извѣстномъ теперь подъ названіемъ Рублевой пустыни. Здѣсь выкопаль онъ пещерку, надъ нею построиль себѣ убогую хижину и провель нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ, вѣдомыхъ единому сердцевѣдцу—Богу.

Однажды, во время молитвы, явился пустыннику ангель Господень и сказалъ: «Антоніе, иди на мѣсто, рекомое Леохново, за три поприща отселѣ и тамо имаши спастися.» Послушный гласу небесному, отшельникъ перешель на указанное мѣсто; тамъ нашель онъ старца священноинока, по имени Тарасія, который постригъ его въ иночество съ тѣмъ же именемъ Антонія, даннымъ при креще-

ніи. Вдвоемъ они срубили небольшую церковь въ честь Преображенія Господня. Мало-по-малу собрались къ нимъ любители пустыни числомъ до 50, и такимъ образомъ устроился общежительный монастырь, въ которомъ всё трудились усердно, безъ всякаго различія прежнихъ званій и равно повиновались общему отцу—преподобному игумену Антонію. Здѣсь, по увѣренію писателя житія его, вполне сбывалось слово псалмопѣвца: «Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ».

За свою святоподвижническую и равноангельскую жизнь преп. Антоній сподобился отъ Господа дара прозорливости.

Однажды, во время молитвы, провидѣль онъ духомъ пораженіе православнаго русскаго воинства Ляхами подъ Оршею, и рассказалъ келейнику такъ подробно, какъ бы самъ былъ свидѣтелемъ кипѣвшей тогда кровопролитной битвы.

Въ другой разъ случился пожаръ въ обители: загорѣлась крыша надъ трапезой и сильный вѣтеръ разносилъ пламя по ближайшимъ кельямъ. Келарь въ ужасѣ кинулся къ блаж. игумену. Преп. Антоній помолился и спокойно сказалъ келарю: «Не бойся, брате, не оскорбитъ насъ Господь свыше нашей мѣры.» Дѣйствительно, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и пламень погасъ, не повредивъ обители.

Вскорѣ послѣ того, преп. Антоній исцѣлилъ молитвою одного юношу пастуха, ужаленнаго змѣею и находившагося уже при смерти. Видя его здоровымъ, прозорливый старецъ сказалъ ему: «зачѣмъ ты клялся вчера бѣдной вдовѣ, что овца ея, отданная къ тебѣ въ стадо, съѣдена волкомъ? Вѣдь самъ же ты продалъ ее за три сребренника». Изумленный пастухъ раскаялся, обѣщалъ не только отдать овцу вдовѣ, но и ежегодно отдавать въ обитель, для странниковъ и нищихъ, десятую часть своего прибитка.

Нужды обители принудили преп. Антонія предпринять путешествіе въ Москву, гдѣ царь Іоаннь Васильевичъ

Грозный, одержимый въ то время (не задолго до 1570 года) свирѣпою кровожадностью, сверхъ всякаго чаянія, принялъ его съ честію и любовію, прося молитвъ и благословенія. Царь далъ много милостыни въ обитель, пожаловалъ ей земли и рыбныя ловли на озерѣ Ильменѣ. И въ страшную годину опустошенія Новгорода и его окрестностей опричниками, Леохновскій монастырь, по волѣ царя, остался неприкосновеннымъ.

Въ тяжкое и смутное время междуцарствія, когда Шведы, овладѣвъ измѣннически Новгородомъ, опустошали и грабили его окрестности, при чемъ особенно пострадалъ Старо-русскій край, митрополитъ новгородскій Исидоръ вызвалъ преп. Антонія съ нѣсколькими учениками въ Софійскій святительскій домъ, чтобы укрыть ихъ отъ опасности. Здѣсь старецъ-подвижникъ заболѣлъ и мирно предалъ духъ свой Господу, 17 октября 1611 года, на 86 году отъ рожденія, проживъ въ иноческихъ подвигахъ около 56 лѣтъ. Тѣло его было предано землѣ въ Новгородѣ, у церкви св. евангелиста Луки, что на Редятиной улицѣ, а въ послѣдствіи (около 1630 года), по явленіи блаженнаго старца любимому ученику его Григорію, мощи преп. Антонія, найденныя совершенно нетлѣнными, торжественно перенесены въ основанную имъ обитель. При открытіи мощей получили прозрѣніе два слѣпца, по имени Іосифъ и Стефанъ.

Эти свѣдѣнія о преподоб. Антоніи Леохновскомъ, новгородскомъ чудотворцѣ, извлечены изъ рукописнаго житія, хранящагося въ Леохновской церкви.

Существованіе Леохновской обители продолжалось недолго. Возстановленная, по изгнаніи Шведовъ, она была очень бѣдна и въ 1687 году значителенъ уже приписною къ новгородскому архіерейскому дому, а въ 1764 году упразднена.

Построенная преп. Антоніемъ деревянная Преображенская церковь, по упраздненіи монастыря, сдѣлалась приходскою, но въ 1788 году, вмѣстѣ съ прочимъ, остав-

шимся отъ прежней обители деревяннымъ строеніемъ (тамъ ничего каменнаго не бывало), сгорѣла. На мѣстѣ ея усердіемъ прихожанъ построенъ каменный храмъ Преображенія Господня съ двумя придѣлами въ честь Казанской иконы Божіей Матери и во имя преп. Антонія Леохновскаго. Въ этомъ послѣднемъ придѣлѣ, подъ аркою, соединяющею его съ главною церковью, почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Антонія. Предъ ракою стоитъ икона Спасителя, предъ которою онъ молился въ пустынныхъ своихъ подвигахъ.

Память преп. Антонія празднуется мѣстно, во 2-ю пятницу послѣ праздника первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Къ этому дню собирается много богомольцевъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей и приходитъ крестный ходъ изъ ближайшихъ сельскихъ церквей.

Въ 3-хъ верстахъ отсюда, въ Рублевской пустыни, посреди красивой березовой рощи, стоитъ часовня, подъ которою въ пещерѣ сохранились остатки первоначальнаго уединеннаго жительства преп. Антонія: мѣсто его отдыха лавка, сложенная изъ камней, и слѣды небольшой печи, гдѣ онъ готовилъ себѣ скудную пищу. Подъ горою, недалеко отъ часовни находится вырытый преп. Антоніемъ колодезь съ чистою и весьма пріятною водою.

Вотъ всѣ свѣдѣнія о мѣстныхъ святыняхъ и старинѣ, какія успѣлъ я собрать въ Старой Русѣ и ближайшихъ къ ней окрестностяхъ. Если они покажутся вамъ скудными, любезнѣйшій М. М., не сѣтуйте на меня, и простите моей лѣности и моему неумѣнью.

С. Медвѣжье,
5 октября 1877 года.

Гр. М. Толстой.

БЛАГОЧЕСТІЕ И ВНѢШНЕЕ БЛАГОСОСТОЯНІЕ.

Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго. (Тим. 4, 8).

Благочестіе, т.-е. истинное богопочтеніе или истинная и живая вѣра, во всѣхъ отношеніяхъ есть величайшее благо для человѣка. Съ благочестіемъ соединено обѣтованіе вѣчной жизни. Вѣчная жизнь, вѣчное блаженство—какое благо можетъ идти въ сравненіе съ этимъ? Не всѣ ли земныя сокровища и блага суть не что иное, какъ *уметы, предъ превосходящимъ достоинствомъ вѣчной жизни?* И однако люди до такой степени, такъ глубоко погрязли въ земномъ и временномъ, такъ *осуетились помысленіи своими*, что небесное и вѣчное не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Какъ много такихъ, которые способны высоко цѣнить благодѣянія только матеріальнаго свойства! Что-жь? Благочестіе или истинная вѣра и въ этомъ отношеніи имѣетъ право на общее сочувствіе. Вѣра, завѣщанная намъ Христомъ есть сокровище, имѣющее цѣну не только на небѣ, но и на землѣ; она служитъ основаніемъ земнаго благосостоянія. *Благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имущее живота нынѣшняго же и грядущаго.*

Что нужно для счастья человѣка? Нужно здоровье, уваженіе общества и безбѣдное состояніе: это три условія, безъ которыхъ счастье немыслимо.

Здоровье—первое условіе счастья. Отчего происходитъ большая часть болѣзней? Не отъ грѣха ли? Страсти, невоздержаніе, беспорядочная жизнь разстраиваютъ организмъ, причиняютъ разнообразныя недуги и сокращаютъ

жизнь. Правда, мы часто видимъ, что и благочестивые люди бывають больны и умирають преждевременно. Но изучите внимательно ихъ жизнь, и вы увидите, что корень ихъ недуговъ, если не ихъ собственные грѣхи, то грѣхи другихъ. Ихъ жизнь подточила незаслуженная нищета, лишенія, непомѣрные труды; а все это что такое, какъ не бремя, полученное ими отъ другихъ? Какъ богатство непременно есть плодъ труда, если не своего, то чужаго; такъ и нищета и лишенія, если незаслужены человѣкомъ, суть горькій плодъ несправедливостей, грабительства и всякаго рода обидъ и притѣсненій, и вообще слѣдствіе неправильныхъ общественныхъ отношеній, причина которыхъ опять растлѣніе человѣческой природы, т.-е. грѣхъ. Часто благочестивый человѣкъ наследуетъ недуги отъ родителей. Но это наследство опять непременно плодъ грѣха: всѣ мы получаемъ и передаемъ дѣтямъ это несчастное наследство съ прибавкою. Первымъ виновникомъ этого наследства, первымъ мастеромъ, выковавшимъ первое звѣно этой безконечной цѣпи, сковывающей и сокрушающей родъ человѣческой, былъ нашъ несчастный праотецъ, убившій грѣхомъ и себя, и свое потомство. Съ тѣхъ поръ это проклятое наследство все растетъ и растетъ, эта цѣпь становится все тяжелѣе и грозитъ раздавить родъ человѣческой: болѣзни все усложняются, становятся запутаннѣе, разрушительнѣе; многія, бывшія вначалѣ случайными недугами, обратились въ эпидеміи, а эти эпидеміи, сначала бывшія тоже случайными, начинаютъ превращаться въ постоянныя, подобно тому какъ пьянство дѣлается сперва временнымъ запоемъ, а наконецъ превращается въ постоянный, въ страшный недугъ, которому нѣтъ имени; нѣкоторыя страны превратились въ какое-то укуренное гнѣздо эпидемій. Чѣмъ это наконецъ кончится—единъ Богъ вѣдаетъ; но вѣрно только то, что *смерть* со всею страшною свитой своей есть *оброкъ грѣха* и что единственное вѣрное средство противъ этого вымиранія рода человѣческаго—это вѣра, которая учитъ

ась побѣждать грѣхъ. Это рецептъ, который оставилъ намъ величайшій изъ врачей, единственный всеисцѣляющей врачъ, Господь нашъ І. Христосъ, Который всякое исцѣленіе начиналъ отпущеніемъ грѣховъ, дѣйствуя такимъ образомъ на корень болѣзни.

Второе условіе счастья—уваженіе людей. А чѣмъ оно приобращается, какъ не благочестіемъ и въ частности доброю христіанскою жизнію? Правда, люди преклоняются и предъ внѣшними преимуществами, льстятъ и пресмыкаются предъ богатствомъ и знатностію. Но внѣшнему только и отдается внѣшняя честь; все это поклоненіе есть обманъ и лицемеріе; искреннее же почтеніе служить наградою только истинныхъ душевныхъ достоинствъ.

А если и здоровье и почтеніе снискивается доброю христіанскою жизнію, значитъ и безбѣдное состояніе, потому что главныя условія успѣха въ дѣлахъ—крѣпость силъ, т.-е. возможность дѣлательно трудиться, дѣлательная жизнь, честность и добросовѣстность и довѣріе общества. Кому люди довѣряютъ? Съ кѣмъ стараются имѣть дѣла? Не съ тѣмъ ли, о комъ знаютъ, что онъ не обманетъ довѣрія, не измѣнитъ своему слову, добросовѣстно выполнитъ всякое порученное ему дѣло. Кого искренно любятъ и кому охотно помогаютъ? Не тому ли, кто самъ спѣшитъ на помощь ко всякому нуждающемуся, кто скорѣе отдастъ свое чѣмъ возьметъ чужое, кто скорѣе отдастъ жизнь, чѣмъ сдѣлаетъ какую-нибудь низость или злодѣяніе? Кратко сказать, кто можетъ рассчитывать на довѣріе, преданность, содѣйствіе и помощь, какъ не истинный христіанинъ? Безсовѣстность, обманъ, грабительство и насиліе часто имѣютъ успѣхъ, но успѣхъ временный и ненадежный: при первой неудачѣ рушится все, раскрываются всѣ обманы и насилія; презрѣніе, ненависть всеобщая и кара закона дѣлаются справедливымъ возмездіемъ за преступленія. *Мудрость христіанская держитъ въ десницѣ домоту житія и лѣта жизни, въ шуйцѣ же богатство и*

славу; напротивъ того, горекъ хлѣбъ неправды и путь нечестивыхъ погибнетъ.

Правда, какъ часто путь нечестивыхъ временно спѣется, такъ и наоборотъ, праведные терпятъ насиліе отъ нечестивыхъ. Но и въ этомъ случаѣ благочестивому остается еще внутреннее сознаніе своей правоты, надежда на правосуднаго мздовоздаятеля Бога и тѣ благодатныя утѣшенія, которыхъ невозможно описать, но которыя бывають столь сильны, что не только могутъ поддерживать бодрость страдальца, но и доставлять неописанные восторги среди страшныхъ мученій. Стефанъ первомученикъ, побиваемый камнями, видѣлъ небо отверстос и Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога.

Какъ бы то ни было, но если нечестивые могутъ настолько нарушать счастье благочестиваго, что онъ нуждается уже въ небесныхъ утѣшеніяхъ, то, строго говоря, земное его счастье неполно, т.-е. оно зиждется благочестіемъ христіанскимъ и нарушается грѣхами, если не своими, то чужими.

Нѣтъ надобности доказывать, что счастье семейное, также какъ и личное, зиждется благочестіемъ: кому неизвѣстно, что счастливы только тѣ семейства, гдѣ между супругами царствуютъ взаимная вѣрность, любовь и уваженіе; гдѣ родители любятъ дѣтей и пекутся о дѣтяхъ, дѣти чтутъ родителей и покоятъ ихъ старость; гдѣ родители *воспитываютъ дѣтей въ наказаніи и ученіи Господнемъ*, и служатъ имъ примѣрами благочестія, а дѣти утѣшаютъ родителей добрымъ поведеніемъ и служатъ вѣнцомъ ихъ почтенной жизни? *Жена благочестиваго чловѣка яко лоза плодовица; сынове его яко новосозденіи масличныя окрестъ трапезы его: тако благословится чловѣкъ бояйся Бога.*

Но счастье семейное, также какъ и личное, благочестиваго чловѣка нарушается нечестивыми; неправда и насиліе вносятъ слезы въ самыя благоустроенныя семьи. Для полноты счастья отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ

нужно, слѣдовательно, чтобы общество было настолько благоустроено, чтобы могло защищать слабыхъ членовъ своихъ отъ насилія сильныхъ; т.-е. вполнѣ счастливъ человекъ благочестивый можетъ быть только въ благоустроенномъ обществѣ. Какими же средствами благоустраивается общество? Да опять тѣмъ же благочестіемъ. Скажите, какое общество считается благоустроеннымъ? Не то ли, въ которомъ владычествуютъ справедливые и мудрые законы, законы, которые, не стѣсня свободы гражданъ, не допускаютъ однако произвола и безчинія, которые не покровительствуютъ однимъ классамъ во вредъ другихъ, не предають слабыхъ въ жертву сильныхъ, т.-е. законы прямо христіанскіе? Не то ли, въ которомъ власть достаточно сильна, для того чтобы законы не были безсильны, и настолько добросовѣстна, что сама удерживается отъ нарушенія законовъ; гдѣ бдительны блюстители закона и усердны и честны исполнители его; гдѣ властители не для того пользуются властію, чтобы господствовать надъ подчиненными, а для того чтобы служить ихъ благу, а подчиненные *не предъ очима точію работаютъ, яко челоуѣкоугодницы, но яко раби Христовы, творятъ волю Божию отъ души*, гдѣ т.-е. между тѣми и другими царствуетъ взаимная любовь и довѣренность; гдѣ высшіе классы не насильствуютъ, а напротивъ, какъ о младшихъ братіяхъ, пекутся о низшихъ, а низшіе честно и усердно служатъ высшимъ; гдѣ, однимъ словомъ, всѣ классы высшіе и низшіе, и сильные и слабые, представляютъ одну семью, въ которой царствуетъ братская любовь. *Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ*. То же общество, въ которомъ царствуютъ произволь и насиліе, въ которомъ милліоны народа страдаютъ отъ нѣсколькихъ тысячъ людей сильныхъ и богатыхъ, то общество нельзя назвать благоустроеннымъ; никакіе успѣхи наукъ и искусствъ не помогутъ: они только увеличатъ удобства немногихъ счастливцевъ, но отягчатъ иго, лежащее на прочихъ; они придадутъ только наружный блескъ обществу, но не уврачу-

ють его недуговъ, точно также какъ румяна прикрываютъ фальшивымъ цвѣтомъ молодости безвозвратно улетѣвшую красоту и здоровье женщины. Въ такомъ обществѣ не только страдаетъ главная масса людей бѣдныхъ и немощныхъ, но и тѣхъ самыхъ, кои пользуются ихъ страданіями, счастье нельзя назвать прочнымъ. Примѣръ Франція въ 1870 году. Въ ней ли не процвѣтали науки и искусства? А былъ ли когда-нибудь счастливъ ея народъ? Никогда. Его только оглушали громомъ побѣдъ и омрачали чадомъ пустой военной славы, за которую онъ платилъ своими трудовыми копѣйками и кровію своихъ сыновъ. Были ли счастливы по крайней мѣрѣ тѣ, которые пользовались его по́томъ и кровію? Повидимому, да: они упивались тою славою, за которую такъ дорого платилъ народъ, и воздвигали великолѣнные памятники для увѣковѣченія этой славы. Но...дохнулъ Господь, и гдѣ эта слава? Врагъ уничтожилъ армію, растерзалъ самое сердце Франціи; мало того, къ одному злу присоединилось другое—междоусобная война; простой народъ оказался свирѣпѣе враговъ: онъ сталъ разрушать то, что пощадили враги; онъ попиралъ бѣговую славу, разрушалъ памятники и упивался кровію. Итакъ, счастье, казавшееся незыблемымъ, оказалось зданіемъ, построеннымъ надъ огнедышащею горой, или, по выраженію Господа, домомъ построеннымъ на пескѣ: случилось наводненіе иноземнаго нашествія, возвѣяла буря войны—и зданіе рухнуло со страшнымъ шумомъ, отъ котораго затрепеталъ міръ. *И ты, Капернауме, до небесъ вознесыйся, низведенъ теперь до ада!*

Франція торжественно, предъ цѣлымъ міромъ, признала себя *нечестивѣйшею націей*. О, еслибы это сознаніе стало началомъ ея возрожденія! О еслибы она, являвшая до-толѣ міру страшный примѣръ несчастія отъ нечестія, показала теперь и утѣшительный примѣръ счастья, основаннаго на благочестіи! О еслибы этимъ примѣромъ воспользовался и тотъ народъ, который довелъ ее до уничиженія, и остановилъ себя на пути нечестія и безвѣрія, проникшаго

въ послѣднее время даже въ низшіе классы германской націи! Не менѣ ли поучительны и для насъ русскихъ уроки изъ судьбы другихъ народовъ? Какъ бы ни были велики наши успѣхи военные, какъ бы ни были хороши наши внутреннія учрежденія, мы не должны забывать, что безъ благочестія невозможно благосостояніе.

Д. Державинъ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПОКОЙНАГО КАМЧАТСКАГО ЕПИСКОПА ПАВЛА.

Въ двухъ первыхъ №№ Иркутскихъ Еп. Вѣдомостей настоящаго года помѣщены какого-то священника, въ 60-тыхъ годахъ служившаго при Якутскомъ соборѣ, а, можетъ быть еще и доселѣ служащаго тамъ, *Воспоминанія о преосвященномъ Павлѣ епископѣ Камчатскомъ*. Въ нихъ есть нѣкоторыя и ошибочныя свѣдѣнія о названномъ лицѣ, напр. будто бы преосв. Павелъ между службою въ санѣ іерея и протоіерея въ Красноярскѣ и посвященіемъ, по постриженіи въ монашество, въ санъ якутскаго епископа, викарія камчатскаго, служилъ протоіереемъ въ бывшихъ русскихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ и тамъ съ успѣхомъ проповѣдывалъ вѣру христіанскую дикарямъ и полудикарямъ—язычникамъ; но есть въ нихъ довольно много и весьма интересныхъ и назидательныхъ свѣдѣній о покойномъ преосв. Павлѣ,—такихъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ его некрологѣ и ни въ одной его біографіи, напечатанныхъ въ разныхъ газетахъ и духовныхъ журналахъ прошедшаго года. Эти свѣдѣнія я и рѣшаюсь предложить вниманію читателей «Душеполезнаго Чтенія».

Камчатскій преосв. Павелъ былъ весьма кротокъ и великодушень. Для того, чтобы очертить это качество ду-

ши преосвященнаго, составитель «Воспоминаній» говорить: «Никто и никогда не видалъ, чтобы преосвященный вышелъ изъ себя, или сдѣлалъ бы кому-либо выговоръ во гнѣвѣ. Особенно же онъ былъ терпѣливъ по отношенію къ личнымъ оскорбленіямъ». И для оправданія этихъ послѣднихъ словъ авторъ статьи вотъ что рассказываетъ: «Однажды, по распоряженію преосвященнаго, былъ заключенъ въ монастырь Якутскій, которымъ въ качествѣ настоятеля управлялъ и въ которомъ и жилъ преосвященный *) — одинъ священникъ; съ нимъ было поступлено вполне справедливо, но онъ считалъ себя обиженнымъ и сердился на пр. Павла... Келья, въ которой жилъ этотъ священникъ, находилась какъ разъ противъ оконъ владыки. Однажды приходитъ къ преосвященному протоіерей Х. Дѣло было лѣтомъ; окна въ кабинетѣ архіерейскомъ и окна въ кельѣ священника были отворены. Во время разговора преосвященный кротко, между прочимъ, замѣчаетъ протоіерею: слышите ли, отъ протоіерей, какой мнѣ акаѳистъ читаютъ? Протоіерей сначала не понялъ словъ владыки и продолжалъ прежній разговоръ. Спустя нѣсколько минутъ, владыка снова сказалъ: послушайте, отъ протоіерей, какой мнѣ акаѳистъ читаютъ. Тогда протоіерей Х. остановилъ разговоръ и слышитъ,

*) Преосв. Павелъ, въ мѣрѣ Петръ Поповъ, долго (лѣтъ 25) служилъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ въ гор. Красноярскѣ. Архіепископъ камчатскій Иннокентій (что нынѣ митроп. Московскій), узнавши его съ отличной стороны, какъ пастыря благочестиваго, кроткаго, дѣятельнѣйшаго по приходу, нищелюбиваго и притомъ уже вдоваго, представилъ его въ якутскаго епископа, викарія своей камчатской (что на Амурѣ, въ Благовѣщенскѣ) епархіи, и отъ Петръ, по постриженіи съ именемъ Павла въ монашество, былъ въ 1860 г. рукоположенъ въ архіереи въ Иркутскѣ и съ тѣхъ поръ лѣтъ 6 или 7 служилъ викаріемъ въ Якутскѣ, года 3 викаріемъ же и той же камчатской епархіи въ Новоархангельскѣ на островѣ Ситхѣ, а затѣмъ служилъ уже самостоятельнымъ епископомъ на двухъ епархіяхъ—енисейской (съ половины 1870 г.) и камчатской (съ 1873 г. по смерть, послѣдовавшую въ маѣ прошедшаго года).

что кто-то и гдѣ-то ругается. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ въ одномъ окнѣ кельи, находящейся противъ архіерейскихъ комнатъ, вышеупомянутаго священника: послѣдній стоялъ въ окнѣ и ругалъ преосв. Павла. Когда брань истощилась и онъ болѣе не находилъ словъ для выраженія своего гнѣва, то начиналъ харкать и плевать. Объ этомъ тяжкомъ оскорбленіи, нанесенномъ ему священникомъ, замѣчаетъ авторъ «Воспоминаній», преосвященный больше никогда и никому не напоминалъ».

Преосв. Павелъ отличался еще безпристрастіемъ. «У него, говоритъ составитель «Воспоминаній», не было любимцевъ, къ которымъ бы онъ оказывалъ особенное свое расположеніе. Для него всѣ были равны, надъ всѣми онъ произносилъ одинаково безпристрастный и равно милостивый судъ... Въ этомъ случаѣ, прибавляетъ писавшій «Воспоминанія», онъ иногда простиралъ свою строгость даже можеть быть далѣе, чѣмъ слѣдовало»; и все это, особенно послѣднее, онъ подтверждаетъ слѣдующими замѣчаниями: «Чтобы не подать повода къ пристрастію, преосвященный Павелъ даже не принялъ къ себѣ на службу своего сына, который, по окончаніи (въ Томскѣ) семинарскаго курса, желалъ было поступить въ якутскую епархію священникомъ». Еще: «У преосвященнаго въ Красноярскѣ былъ зять (мелкій) чиновникъ духовнаго происхожденія. Говорятъ, владыка запретилъ ему пріѣзжать изъ Красноярска въ Якутскъ. Несмотря на это зять пріѣхалъ въ Якутскъ вслѣдъ за тестемъ и пожелалъ поступить въ духовное званіе. Едва-едва, и то вслѣдствіе постороннихъ просьбъ, онъ далъ ему должность дьячка, но посвятить его въ діакона или священника ни за что не хотѣлъ; послѣ уже самъ преосв. Иннокентій, въ одно изъ своихъ посѣщеній Якутска, посвятилъ его зятя въ діакона». Послѣдній поступокъ пр. Павла на автора «Воспоминаній», по словамъ его, всегда производилъ глубокое впечатлѣніе; онъ видѣлъ въ немъ высокій подвигъ самоотверженія, заповѣданный Спасителемъ своимъ послѣдователямъ.

Преосв. Павелъ былъ безсребренникъ, въ высшей степени нестяжательнъ. Пишущему извѣстно, что онъ, служивши еще приходскимъ священникомъ въ Красноярскѣ, между прочимъ вотъ что дѣлалъ: совершить отпѣваніе какого-нибудь покойника или какой-нибудь покойницы; родные отпѣтаго или отпѣтой предлагаютъ ему вознагражденіе за труды отпѣванія и предшествовавшія паннихиды, но онъ не принимаетъ денегъ, а проситъ оставшагося послѣ умершаго или умершей поношеннаго платья и старой обуви, и тѣ въ изобиліи снабжаютъ его этимъ для нихъ ненужнымъ или почти совсѣмъ ненужнымъ добромъ. Для чего однакоже ему этотъ, можно сказать, хламъ? А вотъ для чего: городскіе бѣдныя знали о нищелюбіи от. Петра, и пятками и десятками ходили къ нему за милостыней, между прочимъ за тѣми или другими обносками и отопками; онъ ихъ надѣлялъ ими и такимъ образомъ спасалъ ихъ отъ холода и простуды. А составитель «Воспоминаній» для характеристизаціи безсребренничества преосвященнаго сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ первое время архіерейства преосвященный не держалъ у себя лично денегъ, а все свое жалованье хранилъ у эконома архіерейскаго дома и чрезъ него производилъ свои расходы. Но экономъ оказался неблагонадежнымъ, растратилъ казенныя деньги, да и изъ его жалованья безъ толку издержалъ 300 рублей. За растрату казенныхъ денегъ экономъ былъ смѣненъ и описанъ, а свои деньги владыка простилъ ему, запретивъ даже и взыскивать ихъ съ него. Другой случай: разъ преосвященному за освященіе церкви на какихъ-то приискахъ посланъ былъ пакетъ съ значительною суммою денегъ; но онъ не хотѣлъ не только принять деньги, а и взять въ руки пакетъ, хотѣлъ даже отправить его обратно; и едва-едва уговорилъ его случившійся при томъ протоіерей З. не дѣлать этого, говоря: «если Вы, ваше преосвященство, не хотите принять этихъ денегъ для себя лично, то примите по крайней мѣрѣ въ пользу Попечительства (о бѣдныхъ дух. зва-

нія); принявши деньги, пріискателей вы не разорите, а бѣднымъ поможете». Ну такъ вы уже сами, от. протоіерей, сказали наконецъ владыка, примите пакетъ, распечатайте его, сосчитайте деньги и передайте ихъ въ Попечительство, но не отъ меня, а отъ имени пріискателей.

Объ учительности преосв. Павла въ «Воспоминаніяхъ» разсказывается вотъ что: «не отличаясь даромъ проповѣдничества, напротивъ пазидая паству свою болѣе жизнію, пр. Павелъ рѣдко говорилъ проповѣди (къ Русскимъ), за то онъ любилъ учить Якутовъ, для которыхъ искусственныхъ проповѣдей не требовалось... Въ Якутскѣ съ того времени какъ начали отпавлять богослуженіе на мѣстномъ, т.-е. якутскомъ языкѣ *), каждый воскресный и праздничный день положено было совершать въ одной церкви, находящейся около базара, раннюю литургію на якутскомъ языкѣ собственно для Якутовъ. Сюда въ эту церковь каждый воскресный и праздничный день къ ранней литургіи являлся преосвященный; по окончаніи литургіи выходилъ онъ изъ алтаря, садился посреди церкви на скамейку и вплоть до поздней литургіи посредствомъ переводчика училъ истинамъ вѣры христіанской и правиламъ святой жизни Якутовъ, всегда во множествѣ туда собиравшихся. Это онъ дѣлалъ неопустительно въ каждый праздникъ и въ каждое воскресенье во все время своего служенія (1860—66 гг.) въ Якутскѣ. Что дѣлалъ въ епархіальномъ городѣ, тоже самое онъ дѣлалъ и въ другихъ городахъ, и не только въ городахъ, а и въ селахъ и деревняхъ во время обозрѣнія епархіи: совершать богослуженіе (на якутскомъ языкѣ),—и преосвященный

*) Нужнѣйшія священныя и богослуженныя книги на якутскій языкъ были переведены въ 50-хъ годахъ, по побужденію и при непосредственномъ руководствѣ преосв. Иннокентія (нынѣ митроп. московскаго), который въ то время и жилъ въ Якутскѣ... Въ Якутской области якутскій языкъ такъ силенъ, что пные и Русскіе совѣмъ забыли свой природный языкъ и говорятъ только на немъ, т.-е. на якутскомъ языкѣ.

сейчасъ же начнетъ учить Якутовъ истинамъ вѣры и молитвамъ и учить часа по два и по три, и только уже послѣ этого пойдетъ со священниками пить чай или закусить. Этого мало: бывало, встрѣчается на дорогѣ нѣсколько якутскихъ юртъ; владыка выходитъ изъ повозки, входитъ въ юрту, соберетъ Якутовъ и учить ихъ по нѣскольку часовъ.

Въ «Воспоминаніяхъ» встрѣчаются интересныя и назидательныя свѣдѣнія и о совершеніи богослуженія преосв. Павломъ. «Пр. Павелъ, говорится тамъ, служилъ неопустительно не только въ большіе праздники, но и въ малые. Я не помню, прибавляетъ авторъ «Воспоминаній», чтобы онъ опустилъ безъ службы хотя одно воскресенье или какой-либо праздникъ. Такая неопустительность пр. Павла въ отправленіи богослуженія тѣмъ удивительнѣе, что онъ страдалъ двумя и очень тяжелыми болѣзнями—каменною (болѣзнью) и ревматизмомъ въ ногахъ, который онъ нажилъ уже въ Якутскѣ во время ежегодныхъ обзорнѣй епархіи и отъ котораго у него ноги постоянно были въ язвахъ. Самое богослуженіе владыка любилъ совершать неспѣшно и чинно; не было во время его ни бѣготни, ни толкотни. Если случались ошибки въ совершеніи богослуженія, то поправки и замѣчанія дѣлались имъ тихо и спокойно. Въ важнѣйшія минуты священнослуженія, заканчиваетъ авторъ «Воспоминаній», нерѣдко сослужившій преосвященному, онъ весь уходилъ въ созерцаніе божественныхъ таинъ, лицо его получало особенное благоговѣйное выраженіе. Трепетъ благоговѣнія невольно сообщался и сослужащимъ. Я особенно любилъ эти минуты церковнаго богослуженія, гдѣ явно чувствовалось, какъ сила вѣры одного человѣка могла согрѣвать и сердца другихъ».

Этимъ я и заключаю свои извлеченія изъ «Воспоминаній» о покойномъ благочестивомъ архипастырѣ камчатскомъ Павлѣ.

Прот. Александръ Сулицкій.

9 марта 1878 г.

Омскъ.

ЛИЦЕМЪРНЫЕ РЕВНИТЕЛИ СЛОВА БОЖІЯ.

ПОУЧЕНІЕ НА СВЯТИТЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

„Во время оно ста Исусъ на мѣстѣ равнѣ и народъ ученикъ Его и множество много людей отъ всея Іудей и Іерусалима и поморія Тирска и Сидонска, иже придоша послушати Его“.
(Лук. 6, 17. 18).

Въ сихъ словахъ изъ положеннаго на сегодняшній праздникъ евангельскаго чтенія указывается на могущественную силу слова Христова. Оно привлекало многочисленныхъ слушателей не только изъ Іудеевъ, но также изъ язычниковъ, съ приморскихъ береговъ Тира и Сидона.

Тиръ и Сидонъ—города, расположенные на западномъ берегу Средиземнаго моря—принадлежали къ Финикійской странѣ, сосѣдней съ Іудеею. Финикіяне славились обширною морскою и сухопутною торговлей. Они имѣли колоніи въ Африкѣ и на югѣ Испаніи. Одна изъ нихъ, Карѳагенъ, сдѣлалась знаменитымъ государствомъ, долго боровшимся съ Римлянами. Корабли финикійскіе съ товарами достигали до южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Рынки Тира и Сидона были загромождены складами всякаго рода товаровъ, привозныхъ и отпускныхъ, и привлекали покупателей и торговцевъ не только ближнихъ мѣстъ, но и отдаленныхъ краевъ извѣстнаго тогда свѣта. Купцы финикійскіе, по богатству и размѣрамъ торговой предпріимчивости, были поистинѣ князьями земли, какъ ихъ называетъ пророкъ Исаія. Въ древнемъ мірѣ Финикіяне были въ этомъ отношеніи тѣмъ же, что въ наше время Англичане, всесвѣтные торговцы и владыки морей. Грозныя пророчества о разрушеніи Тира исполнились чрезъ

Навуходоносора и Александра Македонскаго, окончательное же исчезновеніе его изъ среды городовъ послѣдовало въ послѣднее время, подъ властію Турокъ. Но Сидонъ до сихъ поръ существуетъ, имѣеть до пяти тысячъ жителей и ведетъ небольшую торговлю, преимущественно рыбою.

Въ Тирѣ и Сидонѣ, какъ и вообще въ Финикии, господствовало служеніе Ваалу и Астартѣ, соединявшееся съ безнравственными дѣйствіями. Но съ другой стороны по сосѣдству съ страной истиннаго богопочтенія—Иудеею не могли не проникать въ среду финикійскихъ идолопоклонниковъ здравыя понятія о Богѣ и постепенно распространяться между ними. Вотъ почему въ этой средѣ могли явиться такіе люди, какъ Сирофиникіявка, которая неотступною мольбой подвигла Иисуса Христа къ исцѣленію ея бѣспующейся дочери, и вѣру которой Онъ назвалъ великою. Но знаменательнѣе всего то, что обитатели финикійскихъ береговъ шли къ Иисусу Христу не по одной нуждѣ въ тѣлесной помощи, или для исцѣленія тѣлесныхъ недуговъ,—нѣтъ, съ поморія тирскаго и сидонскаго многіе стекались къ Нему затѣмъ, чтобы послушать Его ученіе, съ жаждою духовнаго просвѣщенія. Эта жажда не заглушена была въ нихъ житейскими дѣлами. Они легко покидали ихъ на время, чтобы напитать себя глаголами живота вѣчнаго, исходившими изъ устъ Иисуса. Въ этомъ отношеніи жители поморья тирскаго и сидонскаго опять напоминаютъ собою Англичанъ: послѣдніе не меньше, если не больше ихъ предприимчивы въ дѣлахъ торговли и промышленности и сбываютъ свои товары почти во всѣхъ уголкахъ земнаго шара,—но въ то же время отличаются ревностію къ слову Божію: она въ нихъ легко уживается со страстною преданностію житейскимъ интересамъ. Любовь къ слову Божію, къ чтенію и слушанію его, нигдѣ такъ не распространена, какъ въ Англіи. Англичане почиваютъ на Библии, какъ Іудеи на законѣ Моисеевомъ (Римл. 2, 17). Они не только сами упражняются въ словѣ Божіемъ, но и распространяютъ его по всему свѣту.

Британское Библейское Общество, какъ видно изъ отчета его за 1877 годъ *), внутри одной Россіи распространяетъ Свящ. Писаніе на 60 языкахъ и приготовляетъ его къ изданію на тѣхъ инородческихъ языкахъ, на которые оно до сихъ поръ еще не было переведено. На русскомъ языкѣ этимъ Обществомъ въ 1877 году продано больше ста тысячъ книгъ Свящ. Писанія. Нашимъ войскамъ за Дунаемъ частію безмездно роздано, частію за полцѣны продано 13 т. книгъ Новаго Завѣта. Судя по такой ревности къ слову Божію можно подумать, что Англичане—примѣрные христіане, что слово Божіе плодотворно вліяетъ на ихъ образъ мыслей и дѣйствій, что самая ревность ихъ къ распространенію слова Божія есть плодъ испытываемаго на себѣ самихъ благотворнаго его дѣйствія. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать по крайней мѣрѣ о большинствѣ англійскаго общества. Общее нравственное настроеніе этого большинства даетъ право заключать, что можно быть ревнителемъ слова Божія и въ то же время поступать вопреки его внушеніямъ съ возмутительною беззастѣнчивостью. Подобныхъ ревнителей слова Божія было много между Іудеями, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ обличаетъ ихъ св. апостоль Павелъ: «Се ты іудей именуешься и почиваеши на законѣ и хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю (Божію) и рассуждаеши лучшая, научаемъ отъ закона, уповая себе вождя быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, имуща образъ разума и истины въ законѣ. Научая убо иного, себе ли не учиши? Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши» (Рим. 2, 17—19. 21. 23). Эти обличенія Апостола, направленные противъ іудеевъ, съ поразительною точностію могутъ быть приложены къ ревнителямъ слова Божія—Англичанамъ. Доказательства на лицо. Кому неизвѣстно, какъ недобросовѣстно эти ревнители слова Божія поступаютъ въ отношеніи къ другимъ народамъ? Напримѣръ

*) Правосл. Собесѣдникъ 1878, февраль.

они не постыдились вести войну съ Китайцами за право свободнаго провоза къ нимъ опиума и достигли своей цѣли, не переставая въ тоже время быть ревнителями слова Божія. Одну рукою они подаютъ Китайцамъ обильную духовную пищу въ Евангеліи, которое распространяютъ между ними на китайскомъ языкѣ, другою подносятъ имъ вещественный ядъ и отравляютъ имъ несчастное многомилліонное народонаселеніе. А возмутительное поведеніе Англичанъ въ современныхъ политическихъ затрудненіяхъ кому неизвѣстно? И не отъ нихъ ли главнымъ образомъ произошли эти затрудненія? Кто подбилъ Турокъ къ сопротивленію Россіи, вступившей за единовѣрныхъ и единоплеменныхъ христіанъ, терпѣвшихъ отъ Турокъ всякаго рода озлобленіе? Не Англичане ли? Кто во все продолженіе нашей войны съ Турками держалъ ихъ сторону и снабжалъ ихъ оружіемъ и руководителями для успѣшной борьбы съ нами? Не Англичане ли? Кто всѣ мѣры и усилія употребляетъ, чтобы отнять у насъ плоды нашихъ побѣдъ надъ Турками? Кто дѣлаетъ громадныя приготовленія къ войнѣ съ нами съ цѣлю освобожденныхъ нами христіанъ возвратитъ подъ власть враговъ христіанства? Не Англичане ли? Кто радовался нашимъ временнымъ неудачамъ во время минувшей войны, и снисходительно смотрѣлъ на безчеловѣчныя жестокости Турокъ, производившихъ въ огромномъ размѣрѣ поголовное избіеніе мирныхъ христіанскихъ населеній, не исключая женъ и младенцевъ? Не Англичане ли? Вотъ каковы ревнители слова Божія! Нельзя не удивляться, какъ это они, ревнуя о просвѣщеніи другихъ словомъ Божиимъ, сами показываютъ такое неуваженіе къ нему, что вопреки его заповѣди о любви къ ближнимъ, особенно близкимъ по вѣрѣ, стараются вредить имъ всячески и для сего вступаютъ въ союзъ со врагами Христа, предавая на жертву имъ послѣдователей Его. Нельзя не удивляться, какъ это съ Библіею въ рукахъ можно рѣшиться на такое жестокое и позорное дѣло, какъ отъ этой рѣшимости не могла

удержать Англичанъ Библія. Но въ самой же Библии, въ самомъ словѣ Божіемъ есть объясненіе на это. Господь Иисусъ въ притчѣ о сѣятелѣ, сравнивая слово Божіе съ сѣменемъ, а душу слушающихъ слово Божіе съ землею, одною изъ причинъ безплодія его указываетъ въ «печали вѣка сего и лести богатства»: печаль вѣка, или заботы о житейскомъ, и лестъ богатства, или корыстолюбіе, заглушаютъ слово Божіе, какъ терніе заглушаетъ ростокъ сѣмени (Мѡ. 13, 22). Сіи слова притчи вполне можно примѣнить къ Англичанамъ. Кому неизвѣстно, что забота о земныхъ благахъ, страсть къ накопленію богатства, составляетъ выдающуюся черту въ характерѣ англійскаго народа? И ни одинъ народъ не обладаетъ такою способностью къ открытію источниковъ богатства, какъ Англичане. Но вмѣстѣ едва ли есть на свѣтѣ народъ, который бы былъ такъ неразборчивъ на средства къ достиженію этой цѣли, какъ они. Путемъ происковъ, захватовъ подъ разными предлогами чужихъ земель, они расширили свою торговлю до необычайныхъ размѣровъ: ихъ товарами наводнены всѣ почти рынки свѣта. Но всего возмутительнѣе то, что страсть къ наживѣ заглушаетъ въ нихъ голосъ челоуѣколюбія и уваженія къ самому христіанству. Иуда предалъ Христа врагамъ Его за 30 сребренниковъ. Не подражаютъ ли ему тѣ, которые стараются всѣми неправдами упрочить господство надъ христіанами враговъ христіанства, также ради сребренниковъ? Англичане, союзники Турокъ, сами не скрываютъ, что за сребренники передаютъ имъ христіанъ,—они въ оправданіе своего противодѣйствія Россіи, стремящейся къ освобожденію турецкихъ христіанъ, постоянно твердятъ о своихъ интересахъ, постоянно утверждаютъ, что ихъ интересамъ, т.-е. торговымъ выгодамъ, угрожаетъ это освобожденіе. Они боятся потерять тѣ торговыя льготы въ турецкихъ областяхъ, населенныхъ христіанами, которыми они пользуются единственно благодаря поблажкѣ турецкаго правительства. Они очень хорошо знаютъ, что какъ только кончится гнетъ турецкій надъ христіанами, кончится съ тѣмъ и за-

стой между ними промышленности и торговли, что съ развитіемъ собственныхъ производительныхъ силъ они уже не будутъ по прежнему нуждаться, или будутъ менѣе нуждаться въ иностранныхъ произведеніяхъ. Смотри со стороны, этому слѣдовало бы радоваться, слѣдовало бы благодарить Господа, призрѣвшаго наконецъ на смиреніе рабовъ своихъ. Но такая радость, такая благодарность свойственна только сердцамъ полнымъ христіанской любви къ ближнимъ и истиннаго благочестія. Печаль вѣка сего и леть богатства подавляютъ въ людяхъ любовь къ ближнему и благочестіе. Для нихъ несравненно дороже сребренники, чѣмъ благосостояніе ближнихъ. Любители сребренниковъ не только неспособны содѣйствовать благосостоянію ближнихъ, но готовы даже разорить ихъ, чтобы только не видѣть убыли своихъ сребренниковъ. Русскій человѣкъ называетъ такихъ людей безбожными, говоритъ, что они Бога не боятся, креста на себѣ не имѣютъ. Не такъ смотрятъ на себя любители сребренниковъ. Они почитаютъ себя людьми благочестивыми, и въ доказательство своего благочестія укажутъ на свою ревность къ чтенію и распространенію слова Божія. Не вѣрьте ихъ благочестію. Они благочестивы до тѣхъ поръ, пока ничто не угрожаетъ ихъ денежнымъ выгодамъ. Они любятъ слово Божіе, но больше всего любятъ сребренники: звукъ послѣднихъ для нихъ несравненно пріятнѣе голоса Евангелія, повелѣвающаго любить ближнихъ до самоотверженія, до забвенія личныхъ своихъ интересовъ. Корыстолюбіе, пристрастіе къ земнымъ благамъ, наполняя ихъ душу, заглушаетъ въ ней дѣйствіе слова Божія, какъ терніе глушитъ пшеницу, и подавляетъ въ сердцѣ движенія челоуѣколюбія, заповѣданнаго Евангеліемъ, и вмѣстѣ благочестіе или любовь къ Богу, ибо тотъ не можетъ любить Бога, кто не любитъ ближняго (1 Іоан. 4, 20).

Будемъ, братія, подражать нашимъ недоброжелателямъ въ ихъ ревности къ чтенію и распространенію слова Божія, но вмѣстѣ остерегаться лицемѣрія, духомъ котораго зара-

жена эта ревность и которое отнимаетъ у ней цѣну въ очахъ Божіихъ. Главная причина этого лицемѣрія заключается въ ихъ корыстолюбіи. Корыстолюбивый можетъ восхищаться словомъ Божіимъ и съ неотступною навязчивостію предлагать его другимъ, подобно фарисеямъ, почивавшимъ на законѣ и толковавшимъ его для назиданія другихъ; но его благоговѣніе къ слову Божію только наружное, фарисейское. Въ своей жизни онъ руководствуется не словомъ Божіимъ, а правилами, несогласными съ нимъ. Поревнуемъ объ очищеніи сердца отъ корыстолюбія, какъ очищаютъ поле отъ тернія, чтобы оно не глушило пшеницы.

Прот. В. Нечаевъ.

ОДНО ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНѢЙШИХЪ СРЕДСТВЪ ДЛЯ БОРЬБЫ СЪ АНГЛЕЙ.

БЕСѢДА ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ ПО ПАСХѢ.

Событіе, воспоминаемое церковію въ настоящую недѣлю, замѣчательно не столько тѣмъ, что въ немъ чудеснымъ образомъ проявилось божественное всемогущество Иисуса Христа—въ этомъ отношеніи многія изъ исцѣлений еще поразительнѣе,—сколько тѣмъ, что по поводу этого исцѣленія ясно обнаружился характеръ представителей народа іудейскаго и ихъ враждебныя отношенія къ Иисусу Христу.

По случаю праздника Пасхи І. Христось пришелъ въ Іерусалимъ. Здѣсь у *Овечьихъ воротъ*, названныхъ такъ потому, что чрезъ нихъ прогоняли жертвенныхъ овецъ, находилась купальня, въ которой омывались эти овцы. Эта *овчая кутьль* называлась *Виѣзда*, т.-е. домъ милосердія, потому что въ пяти крытыхъ галлереяхъ, или притворяхъ, окружавшихъ ее, лежало множество больныхъ, ожидавшихъ чудеснаго исцѣленія. Разъ въ годъ ангель

невидимо сходилъ въ купальню и возмущалъ воду, и первый, кому удавалось погрузиться въ возмущенную воду, получалъ исцѣленіе. Здѣсь І. Христосъ увидѣлъ человѣка, 38 лѣтъ страдавшаго расслабленіемъ и не могшаго воспользоваться чудеснымъ волненіемъ воды за неимѣніемъ человѣка, который погрузилъ бы его во время въ воду. І. Христосъ исцѣлилъ его, велѣвъ ему встать, взять одръ и идти домой.

Итакъ вотъ событіе: исцѣленъ несчастный, добрую половину жизни страдавшій неисцѣлимымъ недугомъ. Каждый, конечно, долженъ былъ радоваться и благодарить Врача. Народъ дѣйствительно благодарилъ Бога за то, что *Онъ посылалъ людей своихъ*, за то, что *Пророкъ велиій всталъ въ нихъ* и что *Богъ далъ власть таковую чело-вѣкомъ*; народъ относился къ Своему благодѣтелю съ такимъ уваженіемъ и благодарностію, что видѣлъ въ Немъ не только великаго пророка, но даже ожидаемаго Мессію и не разъ готовъ былъ поставить Его царемъ. Но не такъ относились къ І. Христу представители народа—первосвященники, книжники, фарисеи и саддукеи: они не только не воздавали Христу должнаго почтенія и благодарности, но постоянно относились ко всѣмъ Его благодѣяніямъ со злобою, и часто, какъ и на этотъ разъ, строго осуждали Его—поставляя Ему въ вину, что Онъ совершалъ ихъ иногда въ субботу. *Не можетъ чело-вѣкъ сей быти отъ Бога*, говорили они, потому что *субботы не хранитъ*; слѣдовательно и тебѣ, говорили эти ревнители субботнаго покоя исцѣленному *не достоинъ взять одра своего*,—лучше, т.-е. оставаться тебѣ прикованнымъ къ одру болѣзни.

Но Боже мой! неужели можно было такъ безумно понимать покой субботы? Неужели благодѣяніе можетъ быть оскорбленіемъ праздника? Не лучшее ли, напротивъ того, средство почтить праздникъ—это украсить его дѣлами любви? Неужели въ самомъ дѣлѣ представители народа, *державшіе въ рукахъ ключъ разумнія* закона, не понимали

этого? Нѣтъ, не то. Если они и были слѣпы, то совсѣмъ не отъ недомыслія, а отъ того, что страсти ослѣпляли ихъ. Ихъ раздражало то, что этотъ назаретскій плотникъ, *неимѣющій гдѣ главы поклонить*, этотъ *другъ мѣтарей и грѣшниковъ*, не спросясь ихъ, взялъ на себя дѣло учителя и пророка; да еще что,—осмѣливается обличать ихъ—ихъ присяжныхъ вождей народа,—и можно ли снести, своимъ ученіемъ и чудесами увлечь народъ: народъ, прежде такъ чтившій ихъ, теперь отвернулся отъ нихъ и пошелъ за Нимъ: *весь міръ по немъ идетъ!* Вотъ гдѣ причина ослѣпленія вождей народа, ихъ вражды къ І. Христу—это зависть и злоба; суббота же была только благовиднымъ или вѣрнѣе—неблаговиднымъ предлогомъ.

И вотъ начинаются гоненія: клеветы, ругательства,—и благодѣтеля народа распинаютъ наконецъ *на крестъ*.

Нѣчто подобное совершается въ настоящее время. Вотъ народъ 500 лѣтъ,—а 500 лѣтъ—это цѣлая половина жизни народа, какъ 30 лѣтъ половина жизни одного человѣка,—500 лѣтъ страдающій, если не разслабленіемъ физическимъ и духовнымъ, то подавленный тяжкимъ игомъ порабощенія. Одинъ за другимъ порабощенные народы сбрасывали съ себя цѣпи рабства: итальянцы, румыны, частію греки достигали политической свободы, а славяне все томились подъ тяжкимъ игомъ свирѣпаго народа. И вотъ наконецъ является избавитель. Русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, возстаетъ за поруганное человѣчество, за страждущихъ братьевъ; самъ будучи бѣденъ, жертвуетъ послѣднія лепты на алтарь братской любви, не щадитъ своей крови и разбиваетъ оковы рабства. Ты свободенъ, говоритъ Россія угнетенному народу,—*возьми твой одръ и ходи*.

Что можно сказать противъ этого святаго дѣла, противъ этого самоотверженнаго подвига братской любви? За всѣ свои усилія и жертвы Россія взяла себѣ такъ мало, что даже враги Россіи не смѣютъ обвинить ее въ корыстныхъ расчетахъ; клочекъ турецкихъ владѣній въ Азіи,

нѣсколько сотъ милліоновъ вознагражденія, тогда какъ истрачены тысячи милліоновъ, и чтобъ не испугать враговъ славянства, самое освобожденіе Славянъ не доведено до конца, а предоставлено будущему. Поэтому, если противъ Сантъ-Стефанскаго трактата можно было что сказать, такъ только то, что онъ не окончательно разбиваетъ оковы, а только ослабляетъ ихъ, что онъ слишкомъ великодушень къ Туркамъ и мало вознаградилъ Россію за ея огромныя жертвы. Европѣ, значить, не разрывать его должно, а дополнить развѣ. И что же однако оказывается? Если большая часть державъ относятся къ договору болѣе или мѣнѣе равнодушно, то двѣ изъ нихъ, Австрія и Англія—особенно послѣдняя—хотятъ совершенно разорвать его. Но за что же? *Субботы не хранитъ*, нарушаетъ парижскій трактатъ. Но позвольте, *не человекъ субботы ради, а суббота человека ради*: не народы существуютъ для трактатовъ, а трактаты для народовъ; если трактатъ вреденъ, то и долженъ быть нарушенъ, уничтоженъ. *Смыслъ человѣческій есть господинъ субботы*: трактаты дѣло рукъ человѣческихъ; если трактатъ созданъ Европой, то ея же можетъ быть и отмѣненъ и замѣненъ другимъ. Итакъ, вотъ вамъ другой, болѣе справедливый и болѣе соотвѣтствующій положенію вещей.—*Субботы не хранитъ!* Но можетъ ли быть благодѣяніе противно субботѣ—празднику Божію? Можетъ ли свобода угнетенныхъ быть противна какому бы то ни было трактату, если только онъ не составленъ самими угнетателями? Не для охраненія ли Славянъ составленъ парижскій трактатъ? А охранялъ ли онъ ихъ? Не охранялъ ли онъ напротивъ власть турокъ надъ славянами? Такъ не стыдно вамъ отстаивать такой трактатъ? Да наконецъ можно ли говорить о неприкосновенности трактата, который давно уже нарушенъ не разъ и вами, и турками, и всѣмъ кому только угодно было, который отмѣненъ уже самою войною?

Но какая наивность надѣяться, что доводы разума и справедливости подѣйствуютъ на новыхъ фарисеевъ! Раз-

вѣ не очевидно, что парижскій трактатъ есть только предлогъ, только завѣса—и завѣса слишкомъ прозрачная, чтобы не усмотрѣть сквозь нее подлинныхъ замысловъ Европы ослабить Россію и задушить Славянъ? Величіе Россіи и жизненность славянства—это два страшные призрака, которые наводятъ ужасъ на западныя державы. Оттого, какъ царство сатаны, вѣчно враждуя между собою, они сходятся только въ одномъ—въ непримиримой враждѣ къ Россіи и славянству. Оттого они съ безстыдствомъ и наглостію, непонятными для человѣка незнающаго этихъ тайныхъ пружинъ, движущихъ политику Европы, кричатъ и будутъ кричать: Славянамъ *не достоинтъ* *взяти* *одри* *своего*—они должны изнывать въ рабствѣ до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ всѣ нравственныя силы. Россія должна отказаться отъ всякаго вознагражденія, даже денежнаго, потому-де, что у Турціи есть другіе кредиторы. Всякій побѣдитель имѣетъ право предписывать миръ побѣжденному, только не Россія; всѣ европейскія державы имѣютъ право разорвать на части издыхающую Турцію, одна Россія, боровшаяся и побѣдившая не имѣетъ права взять ни одного клочка изъ распадающагося тѣла *умирающаго* *человѣка*; всѣ поработенные народы имѣютъ право разбить свои оковы, однимъ славянамъ не дается этого права, имъ позволяется только одно—перемѣнить одно иго на другое, турецкое на австрійское или англійское. Поэтому Россіи, если позволено было воевать съ Турціей, то неужели она была такъ наивна, что не догадалась, что это позволено было ей только для того, чтобы она истощала свои силы въ бесплодной борьбѣ—не болѣе?—Если ей позволено было даже побить Турцію, то только въ качествѣ жандарма, которому начальство приказываетъ смирить буяна, забывшаго о существованіи начальства. Поэтому Россія, побивъ Турцію, должна была предоставить рѣшеніе участи побѣжденной начальству,—и тогда, конечно, заслужила бы его благоволеніе. Но дѣйствовать самостоятельно, заключить миръ самолично, не спросясь на-

чальства—какая дерзость! Теперь Россія должна предстать предъ синедріонъ Европы и молить ее о прощеніи.

Таковы требованія Англии и Австріи. Вы видите, что Россію позорятъ, заушаютъ и влекутъ на распятіе; вы видите, что здѣсь дѣло идетъ уже не о какихъ-нибудь частныхъ интересахъ Россіи, а о чести, о величіи, о самомъ существованіи Россіи, какъ великой державы; уступить этимъ наглѣмъ требованіямъ значитъ не только отдать себя посмѣянію и позору, но измѣнить своимъ торжественнымъ обѣщаніямъ и надеждамъ угнетенныхъ братьевъ и навсегда отказаться отъ титула великой державы, потому что теперь, кромѣ прежнихъ враговъ, Россія будетъ имѣть противъ себя весь славянскій міръ, такъ жестоко обманутый и выданный ею врагамъ.

На такихъ условіяхъ не можетъ уступить ни одна, даже самая ничтожная держава, а будетъ бороться, бороться до послѣднихъ силъ, даже безъ надежды на побѣду, единственно только для того, чтобы спасти свою честь,—а Россія можетъ разсчитывать даже на побѣду. Кто наши враги? Полураздавленная Турція, собирающая теперь послѣднія силы, чтобы разорвать связывающія ее условія Санъ-Стефанскаго договора; сшитая на живую нитку Австрія, которая при первыхъ усиліяхъ должна разлѣзться по швамъ, которая, начиная отчаянную войну, должна еще оглядываться на Италію и въ войнѣ противъ славянскаго дѣла должна считать противъ себя двѣ трети собственныхъ силъ своихъ. Каждый изъ этихъ враговъ не только порознь, но и вмѣстѣ, нисколько не страшны Россіи и никогда не осмѣлились бы вызывать ее; могучая пружина, приводящая ихъ въ движеніе—это Англія, непримиримый врагъ Россіи. Она была истинною виновницей и прошлой войны: она поджигала Турцію, она помогала ей всѣми средствами—и деньгами, и вооруженіемъ, и офицерами; она и теперь поджигаетъ Турцію нарушить только что заключенный миръ и составляетъ противъ насъ коалицію. Какъ островная держава, считая

себя неуязвимою, она смѣло вызываетъ Россію на бой, увѣренная, что ни въ какомъ случаѣ ничего не потеряетъ сама, а Россію, даже побѣдоносную, непременно утомить и истощить. И вотъ этотъ-то и есть самый опасный врагъ нашъ; потому что если сама по себѣ Англія, какъ морская держава, еще менѣе чѣмъ Турція и Австрія, страшна для такой могущественной континентальной державы, какова Россія, то она чрезвычайно опасна именно съ этой стороны, какъ душа коалиціи,—которая, ничѣмъ не рискуя сама, вѣчно будетъ возбуждать противъ насъ новыхъ враговъ, ни на минуту не оставитъ насъ въ покоѣ и можетъ дѣйствительно истомить насъ нескончаемою борьбою. Чтобы уничтожить всякую коалицію и достигнуть прочнаго мира, надо уничтожить этотъ очагъ, на которомъ куется противъ насъ оружіе. Но какъ намъ побѣдить Англію, какъ слону одолѣть акулу? Для этого указываютъ два средства. Первое—отнять у Англіи Индію. Нельзя сказать, чтобы это было невозможно; но невѣрно и рискованно какъ по отдаленности этого театра войны, такъ и по тому напряженію, котораго можетъ потребовать отъ насъ война на главномъ, ближайшемъ пунктѣ, и въ случаѣ успѣшнаго окончанія этой опасной экспедиціи нельзя рассчитывать смирить этимъ Англію, потому что, отнявъ у нея Индію, мы правда, вырвемъ изъ тѣла ея лучшей кусокъ мяса, но не сокрушимъ ея силъ. Единственный источникъ ея силы есть морская торговля; убить Англію можно только убивъ ея торговлю. Для этого есть одно вѣрное и легкое средство. Оно состоитъ въ томъ, что снаряжаются быстроходныя суда, съ тѣмъ, чтобы ловить въ морѣ торговые корабли непріятели. Стоить захватить пять, десять торговыхъ англійскихъ кораблей, и вся торговля Англіи будетъ разстроена и перейдетъ въ руки другихъ морскихъ державъ, а въ самой Англіи произойдетъ страшный застой промышленности, миллионы рукъ останутся безъ работы, миллионы ртовъ безъ хлѣба, ртовъ не только рабочаго класса, который только и

существуетъ фабричнымъ трудомъ, но и прочихъ болѣе обеспеченныхъ классовъ, потому что Англія четыре пятыхъ своего населенія кормитъ привознымъ хлѣбомъ, котораго подвозъ долженъ будетъ тогда прекратиться. Такимъ образомъ Англія будетъ поставлена на край гибели, Россія избавится отъ непримиримаго врага, достигнетъ прочнаго мира, упрочитъ свое святое дѣло и заслужитъ благодарность не только славянскаго міра, которому будетъ тогда обеспечена свобода, но и всего свѣта, надъ которымъ тяготѣетъ иго моревластной Англіи.

Что эти надежды не пустая мечта, такъ это видно изъ того, что едва только поднялся у насъ вопросъ о крейсерствѣ и каперствѣ, какъ въ Англіи поднялась тревога и начались опять замолкшіе было митинги и адреса въ пользу мира; и если Англія еще не спустила тона, такъ только потому, что она слишкомъ уже высоко подняла его, чтобы можно было безъ крайняго униженія вдругъ спустить его,—и потому еще, что разсчитываетъ на миролюбіе русскаго правительства. Но твердая рѣшимость Россіи принять вызовъ навѣрно заставитъ Англію спустить тонъ, если только не будетъ у нея отнята возможность сдѣлать это съ соблюденіемъ хоть какого - нибудь приличія. Такимъ образомъ вѣрнѣйшее средство добиться мира рѣшительно готовится къ войнѣ.

Съ этою цѣлію правительство дало разрѣшеніе призвать всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ пожертвованіямъ на сооруженіе добровольнаго флота, и на этотъ призывъ конечно горячо откликнется каждый, кому дороги благоденствіе и слава отечества.

Л. Державинъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

VIII.

Въ несчастіяхъ не должно унывать и отчаяваться, а должно все упованіе возлагать на Бога.

(Изъ Пролога сент. 20 лист. 64 наоб.).

Бываютъ съ нами несчастія, въ которыхъ мы можемъ еще повидимому найти помощь или утѣшеніе отъ людей; но бываютъ и такія, помочь или утѣшить въ которыхъ люди вовсе безсильны. Въ этихъ послѣднихъ несчастіяхъ вмѣсто того, чтобы обратиться съ молитвою о помощи къ Богу, и на Него, какъ всемогущаго, возложить всю надежду, мы, нерѣдко, предаемся совершенному малодушію, и, какъ говорится, совсѣмъ опускаемъ руки. Отъ этого нерѣдко и происходитъ то, что многіе изъ насъ, безъ вѣры и упованія на Бога, въ несчастіяхъ отъ малодушія переходятъ къ отчаянію и погибаютъ. А между тѣмъ развѣ есть горе, въ которомъ бы Господь не могъ утѣшить насъ? Или у Него мало любви и состраданія? Или Онъ не видитъ нашихъ бѣдъ и скорбей? О Его всемогуществѣ и всерѣдвніи нечего и говорить, а что есть у Него любовь и состраданіе къ бѣдствующимъ, видно изъ того, что Онъ самъ призываетъ ихъ къ Себѣ и обѣщаетъ имъ свою помощь. *Призови Мя, говоритъ, въ день скорби твоея и услышу тя.* Поэтому люди праведные въ несчастіяхъ поступаютъ не какъ мы: они пребываютъ въ упованіи на Бога непоколебимыми какъ скала, и упованіе не посрамляетъ ихъ; Господь неожиданно прелагаетъ печаль ихъ на радость и скорбь на веселіе.

Св. великомученикъ Евстаѳій представляетъ намъ въ этомъ отношеніи разительный примѣръ. Онъ былъ Римскимъ воеводою, имѣлъ огромное богатство, множество рабовъ, былъ славенъ и знаменитъ. Но вотъ, горе за горемъ, бѣда за бѣдой начинаютъ преслѣдовать его. Прежде всего домъ его посѣтила смерть; затѣмъ пришли не добрые люди, ограбили его и онъ сдѣлался нищимъ и беспомощнымъ скитальцемъ. Добрую и благочестивую жену отнялъ у него разбойникъ; двоихъ сыновей унесли дикіе звѣри, и Евстаѳій остался одинъ съ своимъ горемъ. Что могло быть ужаснѣе его положенія? Но онъ не потерялся въ немъ. «Плачу бо яко человекъ, Господи, говорилъ онъ, но о Тебѣ промыслитель мой и строитель пути моего утверждаюся и на Тебе надѣюся, и Твоею любовію, якоже хладною росою, и Твоимъ желаніемъ, аки сладостію, горестъ бѣдъ моихъ услаждаю». Такимъ образомъ, не имѣя ничего на землѣ, онъ весь устремился къ Богу, и Богъ утѣшилъ его. Пришло время и онъ сдѣлался еще болѣе богатымъ и знатнымъ; нашель чудесно сохраненныхъ Богомъ, жену и дѣтей, а въ послѣдствіи обрѣлъ и такую благодать и милость отъ Господа, что сподобился и вѣнца мученическаго.

Не будемъ же изнемогать въ несчастіяхъ, оставимъ малодушіе и уныніе, и исцѣленіе отъ смертной тоски не будемъ искать въ какихъ-нибудь нелѣпыхъ, иногда суетвѣрныхъ средствахъ. Но когда томительная скорбь будетъ тяготить душу нашу, то скорѣе въ слезной молитвѣ повергнемся предъ Господомъ, откроемъ скорбь свою и печаль свою Ему возвѣстимъ. Онъ милосердъ, и потому или пошлетъ намъ свою благодатную силу, которая дастъ душѣ нашей терпѣніе и великодушіе, или и отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей совершенно избавить. Аминь.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. «Священникъ давно уже замѣчаемъ былъ въ неисправности отъ нетрезвости; и побуждаемъ былъ къ исправленію неоднократными увѣщаніями; а однажды, вмѣсто монастырскаго испытанія и исправленія, посылаемъ былъ съ сею же цѣлію въ архіерейскій домъ, съ такимъ притомъ, для вящаго побужденія его къ исправленію, обѣщаніемъ, что дѣло сіе останется негласнымъ, если онъ въ исправленіи своемъ утвердится. И послѣ репорта благочиннаго отъ 25 мая, и послѣ сего репорта (отъ 22 іюня) о признаніи священника (въ разныхъ неисправностяхъ), сдѣлано было отъ меня лично священнику увѣщаніе къ исправленію, и обнадеженіе предать сіе забвенію, если онъ исправится. Но какъ слѣдующіе за симъ репорты благочиннаго показываютъ, что онъ не исправляется: то консисторіи, разсмотрѣвъ приложенный при семъ допросъ его, и послѣдовавшіе репорты благочиннаго, безъ промедленія, въ отвращеніе соблазна, постановить опредѣленіе, можетъ ли онъ оставаться долѣе въ столицѣ» (Рез. отъ 13 септ. 1835). *)

2. 1833, генв. 29. «1) О Шестаковскомъ діаконѣ N въ вѣдомости сказано, что онъ въ служеніи безобразенъ, поведенія грубаго, наглаго, гордаго, непокориваго, самохвальнаго, ругательнаго, кощуннаго, да и не совсѣмъ трезваго. Посему послать сего діакона въ Іосифовъ монастырь на мѣсяць для испытанія въ священнослуженіи и поведеніи, и о послѣдующемъ велѣть донести. 2) О Зеленцынскомъ діаконѣ Симеонѣ Владиславлевѣ сказано въ вѣдомости, что онъ имѣетъ тщательное усердіе къ Божіей службѣ, учитъ народъ слову Божію просто, правильно и внятно; поведенія похвальнаго, кроткаго, послушливаго, молчаливаго и богобоязливаго. Объявить сему діакону чрезъ благочиннаго, что мы съ радостію прочитали такое о немъ свидѣтельство, и призываемъ ему благословеніе Божіе. 3) О Дмитріевскомъ, что въ Кругу, священникѣ I. Л.—въ сказано, что онъ о благоустроеніи церковномъ тщателенъ, и поведенія смирнаго, но не со-

*) Посланъ былъ въ Берлюковскую пустынь на три недѣли.

всѣмъ трезвъ: поручить благочинному увѣщевать его, чтобы онъ къ прочимъ добрымъ качествамъ присовокупилъ и совершенную трезвость; а въ противномъ случаѣ донести, особенно если нетрезвость соединена будетъ съ соблазномъ для прихожанъ. 4) Поелику села Петровскаго священникъ N показанъ нетрезвымъ и безобразнымъ: то послать его въ Саввинъ монастырь на мѣсяць для испытанія въ поведеніи, и какъ себя окажетъ, донести; а благочинному замѣтить, что надлежало доносить о семъ обстоятельно, не ожидая вѣдомостей. Вотъ уже и затрудненіе изъ того, что благочинный не донесъ особо ранѣе: посылка въ монастырь священника теперь при наступленіи поста *) неблагопріятна для прихожанъ, а оставленіе его безъ испытанія можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Послать его въ монастырь на двѣ среднія недѣли поста; и если хорошо проживетъ, то на страстную и пасху отпустить къ приходу, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ пасхи явился въ монастырь для исполненія срочнаго времени».

3. 1833, авг. 18. «Большой недостатокъ въ слухѣ, неоднократно дознанный въ семъ просителѣ **), никакъ не позволяетъ опредѣлить его въ приходскаго священника, дѣлая его неспособнымъ къ совершенію таинства покаянія, особенно надъ больными въ домахъ. Но и въ діакона приходскаго опредѣлить его весьма сомнительно. Совѣтуется ему внимательно размыслить о семъ, и избрать такое званіе и должность, въ которыхъ могъ бы онъ обращаться безъ замѣшательства и затрудненія».

4. 1858, ноября 17. «1) Поврежденный (*мышами*) антиминсъ въ каѳедральную ризницу. 2) Выдать новый освященный. 3) Престоль по освященіи воды окропить святою водою. 4) Священникъ говоритъ, что сырость (*въ приписной церкви*) была поводомъ къ случившемуся. Его дѣло было принять мѣры противъ сырости, и частымъ прилежнымъ осмотромъ дознать, что нужно было къ охраненію святыни. Положить ему въ каѳедральномъ соборѣ сорокъ поклоновъ».

Сообщилъ А. Г—рій.

*) Въ 1833 г. великій постъ начался съ 13 февраля.

**) Алексѣй Миляевъ, кандидатъ дух. академіи.

С Л О В А

ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА,

НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

1) О словахъ: *первый человекъ отъ земли перстень, второй человекъ Господь съ небесе.* (1 Кор. 15, 47).

2) Какъ совлекаемся мы перстнаго человекъ, и облакаемся во Христа, и дѣлаемся родственниками Ему и братіями.

1) И прежде богато угостилъ уже насъ блаженный Павелъ трапезою божественныхъ словесъ, и преобразовалъ сердца наши; и теперь опять угощаетъ насъ другою трапезою тѣхъ же богодухновенныхъ словесъ, которая бывъ преисполнена духовныхъ брашнъ, питающихъ внутренняго человекъ, и веселящихъ и укрѣпляющихъ сердце, живоноснымъ хлѣбомъ Слова и радостотворнымъ виномъ премудрости и Боговѣдѣнія, преисполнена еще и божественною благодатию святаго Духа, наполняющею душу всякою радостію и веселіемъ и располагающею ее, оставя земное, возноситься на крылахъ ума къ небесному и къ самому Богу. Посмотримъ же, какая это апостольская трапеза, и какія на ней брашна? Но прежде исторгнемъ умъ нашъ изъ земнаго, и, какъ имѣющіе услышать божественные глаголы, изостримъ вниманіе, чтобы со всѣмъ тщаніемъ внимать изрекаемому, да достойно содружимся съ Духомъ

святѣмъ, который чрезъ Апостола научаетъ насъ сокровеннымъ тайнамъ царства небеснаго.

Вотъ что говоритъ онъ: *первый человекъ отъ земли перстенъ, второй человекъ Господь съ небесе.* Не оставь, возлюбленный, безъ изслѣдованія слова сего, и не подумай, что оно удобопонятно. Оно содержитъ въ себѣ глубокія мысли и требуетъ великаго вниманія и изслѣдованія. Но уготовь слухъ твой къ слышанію того, что будетъ говоритья, и познаешь глубину тайнъ Божіихъ, которыя сокрыты въ семь изреченій.

Первый человекъ отъ земли перстенъ: второй человекъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковы и перстни; и яковъ небесный, тацы же и небесни. Первымъ и перстнымъ человекомъ называетъ онъ Адама, какъ написано: *и созда Богъ человека, персть вземъ отъ земли* (Быт. 2, 7), который послѣ того, какъ былъ созданъ изъ земли перстнымъ и пріять духа жизни, именуемаго мысленною душею и образомъ Божіимъ, введенъ былъ Богомъ въ рай и получилъ повелѣніе воздѣлывать сго и хранить, чтобы, пока будетъ соблюдать заповѣдь Божію, пребывать въ немъ безсмертно, собращаясь съ Ангелами, и вмѣстѣ съ ними всегда славословя Бога, умно созерцая Его, пріемля (мысленныя) осіянія отъ Него и слушая (когда потребно) божественный гласъ Его; а въ какой часъ нарушить заповѣдь Божію и снѣсть отъ древа, отъ котораго повелѣно ему не ясти, быть предану смертности, возслѣпотствовать очами души своей, совлечься одѣянія божественной славы, лишену быть соображенія съ Ангелами и изгнану изъ рая, какъ онъ и потерпѣлъ все сіе. Ибо когда онъ склонился на лукавыя слова прельстителя діавола и преступилъ заповѣдь Божію, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла: то праведно лишился всѣхъ оныхъ благъ, сдѣлался глухъ (для духовнаго), чтобы нечистыми ушами не слышать болѣе божескихъ словесъ, кои слышать только одни достойные, и ослѣпъ душевно, чтобы не видѣть болѣе оной славы неизглаголанной, такъ какъ

самоохотно отдалилъ отъ оной умъ свой и страстнымъ вниманіемъ впился въ плодъ древа запрещеннаго, повѣривъ змію, который сказалъ: *въ онъже аще день съѣсте отъ него, будете яко божи, въдѣяще доброе и лукавое* (Быт. 3, 5). Этими словами обольстился перстный чело-вѣкъ, и надѣясь, что дѣйствительно станетъ богомъ, вкусилъ отъ древа познанія. За это лишился онъ всѣхъ духовныхъ и небесныхъ благъ, а вмѣсто ихъ получили пристрастіе къ земнымъ и видимымъ тварямъ, и сталъ, скажу опять то же, глухъ, слѣпъ, нагъ, несочувственъ къ тѣмъ благамъ, отъ которыхъ ниспалъ, ктому же еще смертенъ, тлѣненъ и несмысленъ, подобно неразумнымъ животнымъ, какъ говоритъ царепророкъ Давидъ: *приможися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Видишь теперъ, отъ какой славы и какого блаженства, въ какое безчестіе, неразуміе и тлѣніе низринулъ человекъ? Отъ сколь великаго богатства въ сколь великую пришелъ бѣдность? И мы еще не все сказали, что слѣдуетъ сказать. Итакъ первый человекъ бысть отъ земли перстень, и содѣлался (нравственно) перстнымъ (плотянымъ) такъ, какъ мы сказали.

Теперь посмотримъ и поучимся изъ божественныхъ Писаній, что есть второй человекъ, Господь съ небесе? Сей есть Богъ отъ Бога, безначальный Сынъ безначальнаго Отца, Безтѣлесный Безтѣлеснаго, Непостижимый Непостижимаго, Вѣчный Вѣчнаго, Непреступный Непреступнаго, Невмѣстимый Невмѣстимаго, Безсмертный Безсмертнаго, Невидимый Невидимаго, Слово Бога и Богъ, коимъ сотворено все и земное и небесное. Будучи же таковъ, и пребывая въ Отцѣ, и Отца имѣя пребывающимъ въ себѣ, не отдѣляясь отъ Него сошелъ Онъ на землю и воплотился отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы, и содѣлался человекомъ, подобнымъ намъ по всему кромѣ грѣха, чтобы возсоздать и обновить того перваго человека, а съ нимъ и всѣхъ, отъ него рожденных и раждающихся, такъ какъ и они подобны ему, ихъ породившему. Ибо какъ Адамъ, поро-

дившій ихъ, по преступленіи заповѣди сдѣлался тлѣннымъ, смертнымъ, слѣпымъ, обнаженнымъ отъ божественнаго одѣянія, и безчувственнымъ: такъ и они всѣ, рожденные отъ него, сдѣлались всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ — перстный, т. е. тлѣнными, смертными, глухими, слѣпыми, обнаженными, безчувственными, ничѣмъ почти неразняющимися отъ неразумныхъ животныхъ, или, лучше сказать, ставшими хуже ихъ, такъ какъ они собрали въ себя однихъ страсти каждаго животнаго и держатъ ихъ въ себѣ самихъ. Ктому же эти, рожденные перстными, ниспали въ такое великое безсмысліе и въ такое невѣдѣніе Бога и заповѣдей Его, что ту честь, какую надлежитъ воздавать единому Богу, стали воздавать видимымъ тварямъ Его, и не только небо и землю, солнце, луну и звѣзды, огонь, воду и прочія твари обоготворили, но даже самыя срамныя страсти, и тѣ обоготворили, и имъ, о безсмысліе, поклонялись, какъ Богу. И какія страсти? Блудъ, прелюбодѣяніе, мужеложство, убійство, и другое многое, сему подобное. Все это дѣлать научилъ и склонилъ чловѣка діаволь, подчинившій себѣ чрезъ то весь родъ чловѣчскій. Если и бывалъ, въ древнее время, кто изъ безчисленныхъ темъ людей, не всякую діаволу волю исполнявшій, но всякой не тѣмъ, такъ другимъ грѣшилъ. Да и того одного, что всякій происходилъ отъ сѣмени тѣхъ, кои согрѣшили вначалѣ, достаточно было къ тому, чтобъ всякой предаваемъ былъ смерти и тлѣнію и низводимъ во адъ. И не было никого, кто бы могъ избавить изъ рукъ его.

Но сжалился надъ нами Богъ Слово, Творецъ нашъ, и какъ самъ Онъ вѣсть, сошелъ на землю, и сдѣлался чловѣкомъ, не по образу чловѣческаго зачатія, но отъ Духа святаго и Маріи Приснодѣвы, какъ написано: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Ин. 1, 14). Ибо какъ въ началѣ Богъ создалъ чловѣка, персть возьмъ отъ земли и вдунувъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть совершенъ чловѣкъ въ душу живу, не тѣмъ образомъ, какъ

обычно раждаются люди: такъ Онъ же, пришедши возсоздать его, содѣлался человѣкомъ совершеннымъ по тѣлу и душѣ, не по образу человѣческаго зачатія. Читаемъ въ ветхозавѣтномъ Писаніи, что Богъ навелъ сонъ на Адама, и взявъ одно изъ ребръ его, создалъ изъ него жену: такъ сдѣлалъ Онъ и здѣсь, при собственномъ своемъ воплощеніи. Но внемли, да разумѣешь!

2) Ребро Адамово есть жена. Изъ этого Адамова ребра, т.-е. жены, Богородицы Маріи Сынъ и Слово Бога и Богъ взялъ плоть и претворилъ ее въ мужа совершенна съ душою и тѣломъ, чтобъ воистину быть сыномъ Адама. Сдѣлавшись же человѣкомъ, подобнымъ намъ по всему кромѣ грѣха, онъ сталъ тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ сродникомъ по плоти всѣхъ людей, какъ утверждаетъ и божественный Златоустъ тамъ, гдѣ говоритъ: «облекшись плотию, Христосъ облекся въ братство намъ». Но Христосъ, будучи Богомъ вмѣстѣ и человѣкомъ, какъ по божеству есть и пребудетъ святъ, такъ и по человѣчеству, и душою и плотію, есть и пребудетъ святъ, пресвятъ и пренепороченъ; прочіе же люди, хотя стали братьями и сродниками Его по плоти, но какъ перстныя, остались такими же и не сдѣлались тотчасъ (т.-е. чрезъ самое дѣло воплощенія Бога) святыми и сынами Божиими. Теперь внемли со тщаніемъ тому, что буду тебѣ говорить. Содѣлался человѣкомъ Богъ, и тотчасъ сталъ сродникомъ и братомъ людей. Но, поелику Онъ одинъ былъ Сыномъ Божиимъ и Богочеловѣкомъ, то одинъ Онъ былъ есть и будетъ святъ, одинъ праведенъ, одинъ истиненъ, одинъ безсмертенъ, одинъ человеколюбецъ, одинъ милостивъ и благоутробенъ, одинъ властелинъ и Господь, одинъ свѣтъ міра и свѣтъ неприступный. Мы же, какъ смертныя и тлѣнныя, не имѣемъ (оставаясь въ своемъ естественномъ порядкѣ) съ Нимъ никакого другаго общенія, кромѣ одного сродства по плоти, какъ сказано выше. Посему посредницею между Богомъ и людьми поставлена вѣра въ Него (Спасителя), чтобы Богъ, вмѣсто всего другаго, принималъ одну эту

вѣру, которую имѣемъ въ Него, зная, что мы бѣдны и что совершенно ничего не можемъ принести Ему для спасенія своего, кромѣ одной вѣры, и за одну эту вѣру миловаль насъ и подаваль намъ оставленіе грѣховъ нашихъ и избавленіе отъ смерти и тлѣнія. Что все и даруетъ Онъ даже доселѣ всѣмъ, которые отъ всей души вѣрують во Христа Господа, и не это одно, но и все то, о чемъ обѣтоваль во святомъ Евангеліи, что все конечно получимъ чрезъ Него, т.-е. блага оной земли, которую наслѣдять кроткіе съ великимъ веселіемъ и радостію сердець ихъ,—даруетъ все то, чтобъ Онъ (Христосъ) соединялся съ нами, и чрезъ Него мы оба содѣлывались едино съ Богомъ и Отцемъ Его, сочетаваемы бывая въ тоже время и съ Духомъ святымъ.

Все сказанное мы дѣйствительно получаемъ, когда вѣрно соблюдаемъ, что обѣщали соблюдать во святомъ крещеніи, и убѣгаемъ всего, отъ чего тогда отреклись. Когда соблюдаемъ мы все это и всѣ заповѣди Божіи, тогда бываемъ истинно вѣрующими, яко показующіе вѣру свою отъ дѣлъ своихъ, и, какъ Онъ есть, содѣлываемся святыми, и совершенными, и всѣ всецѣло небесными, чадами Бога небеснаго, и во всемъ подобными Ему, Христу Господу, какъ и Онъ содѣлался подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха: только мы содѣлываемся подобными Ему по благодати.

Когда же, предавшись нерадѣнію, презримъ святыхъ и животворныхъ Его заповѣди, и, возвратясь на прежнее, начнемъ дѣлать то, что заповѣдуетъ Онъ намъ не дѣлать: тогда тотчасъ лишаемся всѣхъ благъ, какія дароваль Онъ намъ чрезъ святое крещеніе. И какъ Адамъ по преступленіи заповѣди изгнанъ былъ изъ рая и удаленъ отъ сладостей его, отъ соображенія съ Ангелами, какое имѣлъ тамъ, и отъ самаго Бога: такъ и мы, когда грѣшимъ, отдаляемся отъ церкви святыхъ рабовъ Его, совлекаемся божественнаго онаго одѣянія, самого, говорю, Христа Господа, въ коего вѣруемъ и въ коего облеклись, когда

крестились, лишаемся жизни вѣчной и свѣта онаго не-вечернаго и непрестающаго, и вѣчныхъ благъ, равно какъ освященія и сыноположенія, и изъ ставшихъ было небесными и во всемъ подобными второму человѣку, Господу Иисусу Христу, дѣлаемся опять перстными, какъ былъ первый оный человѣкъ, и не только это, но дѣлаемся повинными смерти, имѣющими наследовать тьму кромѣшную и огонь неугасимый, идѣже плачь и скрежетъ зубовъ. Пусть не терпимъ мы изгнанія изъ видимаго рая, и не слышимъ осужденія въ потѣ лица воздѣлывать землю; но мы сами себя изгоняемъ изъ царства небеснаго, отчуждаемъ отъ оныхъ благъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не въздоша, и дѣлаемъ повинными нескончаемому мученію. И еслибы не дароваль намъ Богъ еще такого блага, чтобъ мы могли опять возвращаться къ Нему чрезъ покаяніе, то и спастись никому не было бы возможности.

Посему-то благоутробный, человѣколюбивый и спасенія нашего желающій Богъ премудро поставилъ между нами и собою таинство исповѣди и покаянія, и каждому далъ власть, если хочеть, чрезъ исповѣдь и покаяніе, возстать отъ своего паденія грѣховнаго, которымъ палъ, и опять придти въ прежнее родство, славу и дерзновеніе, какія имѣлъ у Бога, и опять стать наследникомъ всѣхъ благъ, о коихъ мы сказали выше, или еще большихъ, если покажемъ болѣе теплое покаяніе. Ибо какое показываетъ человѣкъ покаяніе, такое же обрѣтаетъ и дерзновеніе и къ Богу присвоеніе, удостоиваясь ясно сознать сіе и бесѣдовать съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу.

Итакъ которые, послѣ прещенія, не чувствуютъ удостовѣренія, что имѣютъ къ Богу такое дерзновеніе и присвоеніе и причастны тѣхъ благъ, о коихъ мы сказали, и не сознаютъ, что облечены во Христа, и не зрятъ свѣта божества Его, съ свѣтомъ Духа Святаго, пусть тщательно изслѣдуютъ совѣсть свою, и конечно найдутъ, что

не соблюли или всѣхъ, или нѣкоторыхъ изъ тѣхъ соглашеній, въ которыя вступили съ Богомъ, когда приняли крещеніе, или что зарыли въ землю талантъ свой, т.-е. полученный ими даръ освященія и сыноположенія, и не умножили его; почему и не удостоиваются созерцать и умно видѣть Владыку своего. Богъ истиненъ и не раскаявается въ дарованіяхъ, подаемыхъ Имъ; а Онъ самъ говоритъ: *имѣй заповѣди моя и соблюдай ихъ, той есть любяй мя. И азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ* (Ин. 14, 21). Слышали, что говоритъ владыка Христосъ? Кто, говоритъ, меня возлюбитъ и заповѣди моя соблюдетъ, того и я возлюблю и явлюся ему самъ. Если теперь Христосъ есть истина, какъ самъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь истина* (Ин. 14, 6); а истинѣ невозможно солгать, какъ говоритъ Апостоль: *невозможно солгати Богу* (Евр. 6, 18): то пусть никто изъ тѣхъ, которые не видятъ Господа, не говоритъ, что невозможно Его видѣть; тогда какъ это не только не невозможно, но и очень легко. Если Онъ, какъ самъ говоритъ, есть *свѣтъ міру* (Ин. 8, 12); то которые Его не видятъ, конечно слѣпы суть, а слѣпы они суть, потому что ни Его не возлюбили, ни заповѣдей Его не соблюли. Ибо еслибъ они возлюбили Его и заповѣди Его соблюли, то и они всею душою возжелали бы и взыскали бы увидѣть Его, и Онъ всеконечно самъ явилъ бы себя имъ, яко неложный, существенно истинный, и само-истина. Онъ за тѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы свѣтомъ своей славы и своего божества просвѣтить всѣхъ находящихся въ мірѣ и сѣдящихъ во тмѣ. Итакъ, которые христіане не видятъ умно Господа, не освѣщаются явственно и знательно Его божескимъ свѣтомъ, не видятъ Его пребывающимъ въ себѣ, пусть не говорятъ, какъ невѣрные, что невозможно Его видѣть; но каждый изъ насъ, возлюбленные мои, пусть испытаетъ совѣсть свою, какъ я сказалъ уже, и конечно найдетъ, что самъ виноватъ, что не имѣетъ въ себѣ Бога и не видитъ славы Его; а за тѣмъ пусть покается и восплачетъ о себѣ, что находится

въ такомъ бѣдномъ состояніи, и потщится покаянiемъ и исповѣданiемъ возвратить потерянное, да улучшить и вѣчныя блага во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, коему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

1) Богъ въ день суда осудитъ, какъ грѣшниковъ, тѣхъ, которые не ищутъ прiять благодать Божию.

2) Сила грѣха непонятна.

3) Христось употребляетъ члены христіанъ, какъ орудiя.

1) Естеству человѣческому свойственно грѣшить, потому что съ того времени, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Божию, стало немощно естество сіе и не можетъ не грѣшить. (Немощно оно есть, потому что не облечено умною свыше силою святаго Духа, которая называется благодатию Господа нашего Исуса Христа; благодатию же называется, потому что даруется человѣку по одной вѣрѣ, а не за добрыя дѣла). Какъ опять естеству ангельскому свойственно не грѣшить, потому что ангелы сильны крѣпостию и облечены въ божественное одѣяніе Духа святаго, безъ коего невозможно не грѣшить. Посему, когда Богъ сядетъ на престолѣ судить міръ, тогда осуждая грѣшниковъ за то, что грѣшили, осудитъ ихъ наипаче за то, что не прибѣгали къ Богу всевышнему, яко немощные и грѣшашіе по немощи, и не умоляли Его послать имъ свыше благодать Всесвятаго Духа, да избавитъ ихъ отъ немощи и даруетъ имъ силу не грѣшить.

Кто не знаетъ, что Ангелы, облечены ли они во всеоружіе свое, или не облечены, сильнѣе человѣкъ? (А всеоружіе Ангеловъ есть вседержительная сила святаго Духа, которую носятъ они въ себѣ съ того момента, какъ созданы, такъ какъ и созданы быть разумными и мысленными пріятельницами несозданнаго и божественнаго осiянія, яко существа чистѣйшія). Сильнѣе, потому что суть

простое естество; а люди составлены изъ словесной и мысленной души и изъ тѣла чувственнаго и видимаго. Облечены были и они такимъ же всеоружіемъ, т.-е. божественною силою, какую носятъ въ себѣ и Ангелы, какую и люди бываютъ сильны и святы (хотя одинъ только Адамъ до преступленія заповѣди былъ облеченъ въ такое всеоружіе Божіе). Но поелику Богъ совлекъ съ діавола за гордость сію божественную силу, равно какъ и со всего его полчища; то эта нечистая сила позавидовала человѣку и употребила свои усилія, чтобъ и съ человѣка была совлечена божественная сила. И дѣйствительно по навѣту ея, лишился человѣкъ покрывавшей его божественной силы и сдѣлался обнаженнымъ отъ нея, какъ были уже обнажены отъ нея демоны. И вотъ обнаженные демоны побѣждаютъ обнаженнаго человѣка, какъ сильнѣйшіе его; потому что они просты и безтѣлесны, а человѣки сложны и несутъ бремя плоти. И съ того времени, какъ палъ первозданный, даже доселѣ никто не можетъ и не могъ, да и въ послѣдующее время никогда не возможетъ ни одинъ человѣкъ противостать діаволу и прочимъ нечистымъ силамъ и препобѣдить ихъ, потому, какъ я сказалъ, что хотя и они обнажены отъ божественной силы, но какъ безплотные, они сильнѣе обнаженныхъ тойже силы людей. Почему и Апостоль говоритъ: *братіе, облцытеся во вся оружія Божія, яко возмоци вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ: яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы въка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 10—12).

И въ этомъ ничего нѣтъ дивнаго (т.-е. что они міродержители). Ибо какъ только обнажился человѣкъ отъ божественной благодати, тотчасъ и вся видимая тварь, созданная для человѣка, обнажилась вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ божественнаго свѣта, ее осіявавашаго, и растлилась, какъ говоритъ тотъ же Апостоль: *суеть тварь повинуса не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко*

и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и сбольшнуетъ даже донынѣ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ часть (Рим. 8, 19—22). А когда вся видимая тварь лишилась такимъ образомъ божественнаго освѣщенія, тогда началъ въ ней носиться (*χρῆσται* гарцовать) діаволь съ прочими демонами, какъ хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ, и сдѣлался княземъ міра сего преходящаго. Княземъ и властителемъ міра сего былъ человекъ, но когда діаволь прельстилъ его, то, по попущенію Божію, взялъ отъ него начальство и власть, и назвался княземъ міра сего, и властвуетъ, какъ и разбойники властвуютъ надъ тѣмъ, что насильственно захватятъ въ свои руки, *не сущу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3). Есть, правда, избавляющій и спасающій Богъ; но этотъ разбойникъ діаволь успѣваетъ такъ обольщать подпавшихъ его тиранніи, что они остаются довольными бѣдственнымъ положеніемъ, въ коемъ находятся, рады рабству своему, любятъ нечистоты и неправды, въ коихъ валяются, и не желаютъ освобожденія.

2) И это рабство діаволу есть нѣкая престранная вещь. Ибо вообрази, какимъ непонятнымъ образомъ властвуетъ грѣхъ надъ человѣческимъ естествомъ?! Большею частію этого ни разумъ не разумѣетъ, ни совѣсть не ощущаетъ. Понять нельзя, какимъ образомъ бываетъ, что человекъ находитъ утѣху и веселіе въ пѣсняхъ и пляскахъ, въ шуткахъ и смѣхахъ, въ играхъ и забавахъ, въ борьбахъ и кулачныхъ бояхъ, и во многомъ другомъ излишнемъ и непотребномъ и несмотря на то, что все это очевидно бесполезно и непристойно человекъ, не жалѣетъ на это трудовъ, заботы и силъ; а къ тому, что добро и Богу угодно и не требуетъ иногда никакихъ трудовъ, душа у него не лежитъ, и онъ тяготится тѣмъ, скучается за тѣмъ, и бѣжитъ отъ того, хотя то никакого не причиняетъ ему зла, а приноситъ одно добро. И смотри, какъ лукава эта тайная сила! Она привела человекъ, разумную тварь, въ

такое бѣдное и жалости достойное состояніе, что онъ отвращается отъ подобающаго ему, какъ отъ неподобающаго, и любить неподобающее ему и несообразное съ нимъ, какъ подобающее и сообразное. И еще хуже то, что когда познавъ всю пустоту и лживость такихъ утѣхъ, онъ захочетъ отстать и отворотиться отъ нихъ, то встрѣчаетъ въ этомъ большой для себя трудъ. Понимаешь ли эту бѣдственность? Постигаешь ли нужду и насиліе, претерпѣваемое человѣческимъ естествомъ? Видишь ли опасность? Когда призываютъ въ храмъ Божій: то какъ старцы, такъ юноши и дѣти тяготятся идти; а на гулянья, игры и въ хороводы всѣ бѣгомъ бѣгутъ съ великою радостію и поспѣшностію.

3) Сколь же великая потребна для человѣческаго естества сила, чтобы преодолѣть эту злую дѣйствующую въ немъ силу, и отложить такой нравъ неестественный, кажущійся ему естественнымъ, и воспріять естественный, кажущійся ему неестественнымъ? Требуется сила божественная и вышеестественная; потому что если не будетъ онъ возсозданъ и обновленъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, то не можетъ перемѣниться на лучшее и придти въ свое естественное состояніе. И пусть никто не присвоитъ себѣ спасенія, если не измѣнился еще въ настроеніе духовное и богоугодное, какое подобаетъ имѣть человѣку, такъ чтобы радовался о дѣлахъ божественныхъ и скорбѣлъ о злыхъ. Только въ такомъ случаѣ, по мѣрѣ воспріемлемаго имъ измѣненія, можетъ онъ питать и надежду спасенія. Посему смотри всякой христіанинъ на себя по этимъ чертамъ, какъ въ зеркало, чтобы не обмануть себя самого, потому что характеръ и признакъ тѣхъ, которые могутъ имѣть надежду спасенія, явны.

Это непонятное насильство, какое претерпѣваетъ отъ грѣха и діавола естество человѣческое, знали и древніе святыя пророки, и чтобы избавиться отъ него, зывали ко Господу, и *Онъ посылалъ слово свое, и исцѣлялъ ихъ,*

и избавлялъ отъ растльнй ихъ (Ис. 106, 20). А святые, являющіеся послѣ воплощеннаго домостроительства, имѣють въ себѣ самого Христа, Сына Божія и Бога, и носятъ Его въ себѣ, сію вѣстасную силу и премудрость Божію. И кто посмѣетъ напасть и вооружиться на тѣхъ, которые облечены во Христа, какъ во всеоружіе Божіе? На такихъ не смѣетъ нападать діаволь шуйими, т.-е. грѣхами, но нападаетъ десными, т.-е. добрыми ихъ дѣлами, покушаясь свергнуть ихъ въ високоуміе. Но буй есть и несмысленъ тотъ, кто вздумалъ бы гордиться по поводу всеоружія Божія или вседержительной силы Божіей, являемой въ немъ. Ибо Апостоль, говоря: представьте уды ваша оружія правды Богу, и грѣхъ вами не будетъ обладать, потому что вы подъ благодатію (Рим. 6, 13. 14), явно показываетъ, что дѣйствующій сими орудіями есть Богъ. Посему, какъ чувственныя оружія не имѣють своей воли и смысла, чтобы поперечить въ чемъ-либо пользующемуся ими воину, но бываютъ ему послушны, на что бы онъ ихъ ни употреблялъ, оставляя ему свободу дѣйствовать ими какъ и когда хочетъ: такимъ же образомъ и христіанинъ долженъ представить уды свои послушными Богу, и что бы ни дѣлалъ, дѣлать то такъ, какъ того хочетъ Богъ; пусть и слушаетъ, и смотритъ, и говоритъ, и осязаетъ, и обоняетъ, и ходитъ, и стоитъ, и лежитъ и сидитъ, и дѣлаетъ, и безъ дѣла бываетъ, и съ другими общится и уединяется, и даетъ и принимаетъ, и строитъ и разоряетъ, и все вообще пусть дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ Богъ. При семъ разсуди всякъ: когда воинъ вооруженный поражаетъ оружіями своими врага, и какъ изрядный борець показываетъ тѣмъ силу свою и воинскую опытность, то онъ есть побѣждающій, а не оружіе; и какъ то, что онъ не могъ бы воевать безъ оружія, истинно, такъ и то, что побѣда есть дѣло воина, а не оружія, неложно. Отсюда возьми себѣ такое наведеніе, что какъ оружія, если не бываютъ въ рукахъ воина, который могъ бы ими дѣйствовать, остаются праздными и бездѣйствен-

ными, такъ и члены христіанина, если не дѣйствуетъ ими Христось, нося ихъ, остаются бездѣйственными (на добро), и не только бездѣйственными, но діаволь, находя, что не носить ихъ Христось и они бездѣйственны, схватываетъ ихъ, надѣваетъ и начинаетъ воевать ими противъ христіанъ, и множество душъ оскверняетъ. Если же Христось есть воитель, если члены вѣрующихъ въ него суть оружія Христовы, и тотъ, кто побѣждаетъ сими оружіями, есть самъ Христось, какъ Онъ же и брань самую ведетъ: то всячески потребно, чтобы всякій христіанинъ былъ послушенъ Христу, подобно тому, какъ послушны воину бездушныя оружія, чтобы Христось одерживалъ чрезъ нихъ побѣду, и потомъ дѣлалъ и ихъ, какъ оружія, участниками въ своей славѣ. Оружія сіи, при всемъ томъ что разумны, не должны имѣть другаго движенія, кромѣ того, которое бываетъ по волѣ самого Христа воителя и побѣдителя. А кто непослушенъ волѣ Христовой, тотъ все состоитъ въ числѣ христіанъ. Намъ же буди всегда представлять члены свои въ послушныя Христу оружія, силою Его. Ему слава и держава, во вѣки. Аминь.

БЕЗГРѢШНОСТЬ ГОСПОДА . I. ХРИСТА, КАКЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЕГО БОГОЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ есть лице, соединившее въ Себѣ два естества—божеское и человѣческое,—есть Богочеловѣкъ.

Какая глубокая тайна въ этомъ догматѣ христіанства! Какую неисчерпаемую темой стоитъ онъ предъ нашимъ разумомъ, усиливающимся приподнять покрывающую его завѣсу, желающимъ уяснить себѣ его сокровенный смыслъ, оправдать его внутреннюю истину! Но какъ ни таинствененъ этотъ догматъ самъ по себѣ, по своему существу, тѣмъ не менѣе имѣетъ какъ нельзя болѣе прочное доказательство своей истины во всемъ чудесномъ образѣ Иисуса Христа, отпечатлѣнномъ въ нашихъ евангеліяхъ и представляющемъ намъ черты истиннаго Бога, принявшаго на Себя природу человѣка. Что преимущественно поражаетъ насъ въ этомъ образѣ, что проходитъ чрезъ всѣ его крупныя и мелкія черты и съ неотразимою силою приводитъ насъ къ убѣжденію во Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ, такъ это совершенная безгрѣшность, безусловная святость нашего Господа, полное жизненное осуществленіе въ Его лицѣ идеи добра. Раскрыть съ разныхъ точекъ зрѣнія совершенную безгрѣшность нашего Спасителя и показать, какъ изъ этой безгрѣшности со всею естественностію и непринужденностію самаго строгаго логическаго мышленія дается намъ въ видѣ заключенія не просто человѣческая, но *истинно-богочеловѣческая* природа Христа,—и будетъ задачею настоящаго меньшаго труда.

Прежде чѣмъ приступимъ въ нашихъ цѣляхъ къ изслѣдованію собственнаго образа Христа, насколько очерчиваетъ его предъ нами евангельская исторія, рассмотримъ свидѣтельства о Христѣ Его современниковъ.

Изъ этихъ свидѣтельствъ мы узнаемъ слѣдующее: а) самыя разнообразныя лица различныхъ классовъ и состояній народа выносили изъ сношеній съ Христомъ неизгладимое впечатлѣніе Его необычайнаго нравственнаго величія и Его внутреннѣйшаго, неразрывнаго общенія съ Богомъ; б) даже злѣйшіе, непримиримѣйшіе враги Христа не могли открыть въ Немъ никакого истиннаго порока или нравственнаго недостатка; в) вѣра ближайшихъ послѣдователей Христа въ Его исключительное величіе и безусловную нравственную чистоту становилась тѣмъ сознательнѣе и возрастала тѣмъ тверже, чѣмъ чище и совершеннѣе раскрывался въ нихъ самихъ духъ истины и добра.

По отношенію къ первому пункту мы придаемъ особенное значеніе слѣдующему факту. Наболѣе строгій учитель нравственности и исполнитель нравственнаго закона среди людей современныхъ Христу былъ, безъ сомнѣнія, Іоаннъ Креститель. Онъ такъ далекъ былъ отъ всякаго лицепріятія, что открыто возставалъ даже противъ правителя страны и съ опасностію своей жизни обличалъ его въ незаконномъ супружествѣ. И что же? Какъ относится этотъ безпристрастный и неустрашимый обличитель челоуѣческихъ преступленій къ нашему Господу, Іисусу Христу? Онъ такъ глубоко преклоняется предъ нравственною возвышенностію Христа, что считаетъ себя недостойнымъ развязать ремень обуви Его и, отказываясь крестить Его, самъ требуетъ отъ него крещенія *). Но кромѣ Іоанна, какъ мы сказали, самыя

*) Что такое самоуниженіе Крестителя предъ Христомъ основалось не исключительно на пророческомъ прозрѣніи мессіанскаго достоинства въ Христѣ, но также и на близкомъ раннемъ знакомствѣ ихъ между собой, это, намъ кажется, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

разнохарактерныя лица изъ разныхъ классовъ народа ощущали въ себѣ тоже впечатлѣніе отъ лица Іисуса Христа. Они обращались къ Нему, какъ къ мужу, не только владѣющему чудесною силою исцѣленія различныхъ тѣлесныхъ болѣзней, особенно тѣхъ, которыя обусловливались болѣзненнымъ состояніемъ души, но даже имѣющему власть своимъ именемъ прощать грѣхи. Подъ духовнымъ воздѣйствіемъ Его лица они чувствовали въ себѣ совершенное успокоеніе совѣсти, дотолѣ терзаемой чувствомъ виновности предъ Богомъ, и въ общеніи съ Нимъ воспринимали въ себя новый духъ жизни, испытывали въ себѣ нравственное перерожденіе. Слѣдуетъ только припомнить въ данномъ случаѣ Марію Магдалину, Захехя, разбойника на крестѣ и проч.

Вовторыхъ, даже лютые враги Христа не находили въ Немъ никакой истинной вины. Какъ ни безотвязчиво и неотступно слѣдили они за Христомъ, какъ ни старательно желали открыть въ Его характерѣ какія-либо темныя пятна, однако всѣ нареканія, возводимыя ими на Христа, мы находимъ скорѣе свидѣтельствующими противъ нихъ самихъ, противъ ихъ собственныхъ нравственныхъ недостатковъ, нежели противъ Христа. Даже во время наиболѣе сильныхъ нравственныхъ нападеній Христа на своихъ враговъ, во время, если можно такъ сказать, самыхъ беспощадныхъ обличеній ихъ въ закоснѣлыхъ и тяжкихъ порокахъ (въ концѣ общественной дѣятельности Христа), обличеній, естественно возбуждавшихъ враговъ Христа до послѣдней степени ожесточенія, эти могли собрать и выставить противъ Него только самыя жалкія и ничтожныя обвиненія. Такой недостатокъ обвиненія Христа въ какихъ-либо истинныхъ порокахъ или погрѣшностяхъ со стороны Его заклятыхъ враговъ не служитъ ли для насъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ Его нравственной безупречности? Въ самомъ дѣлѣ, едва ли мыслимо, чтобы различные предводители партій іудейскаго народа, отличавшіеся тонкою хитростію и коварствомъ

и, безъ сомнѣнія, уже рано почувашіе во Христѣ опаснаго противника своимъ іерархическимъ и эгоистическимъ стремленіямъ, при строго организованной системѣ шпионства, которою они окружили Его, и при постоянно повторявшихся попыткахъ—открыть въ существѣ и характерѣ Христа какія-либо противорѣчія и уловить Его въ Его собственныхъ словахъ, едва ли, говоримъ, мыслимо, чтобы они не отыскиали во Христѣ какихъ-либо слабостей характера, еслибы только послѣднія дѣйствительно находились въ Немъ.

Въ третьихъ, наконецъ, что касается учениковъ Христа, ежедневно обращавшихся съ Нимъ и не рѣдко получавшихъ отъ Него строгія увѣщанія и выговоры, то они все почительнѣе и благоговѣйнѣе созерцали Его, пока не достигли наконецъ твердаго убѣжденія, что ихъ учитель есть истинный Христосъ (Мессія), Сынъ Бога живаго и, какъ такой, стоитъ несравненно выше даже Моисея и Или. Ученики Христа, при постоянномъ общеніи съ Нимъ и подѣ духовными воздѣйствіями, исходившими отъ Его лица, постепенно нравственно возрождались, становясь все болѣе и болѣе истинными чадами Божиими. Но чѣмъ болѣе они преуспѣвали въ усвоеніи добра умомъ и сердцемъ, тѣмъ сильнѣе укрѣплялись въ своемъ убѣжденіи, что самъ Равви ихъ, Іисусъ, есть совершеннѣйшій первообразъ всѣхъ добродѣтелей, что Онъ представилъ міру въ своемъ лицѣ наиполнѣйшее отображеніе невидимаго Бога, Отца всѣхъ, и своимъ послушаніемъ волѣ Божіей и святою жертвою любви за грѣхи людей примирилъ міръ съ Богомъ. Глубоко вкорененныя воспитаніемъ и вопреки разубѣжденіямъ Христа всегда снова возникавшія въ ученикахъ Его плотскія мечты о царствѣ Мессіи на землѣ печальнымъ исходомъ жизни Господа были, наконецъ, жестоко и безповоротно разрушены, и однако впечатлѣніе лица Христова отразилось въ Его ученикахъ столь сильными и неизгладимыми чертами, что даже въ моментъ полного разочарованія ихъ

въ своихъ надеждахъ (отъ смерти Христа до Его воскресенія) они не могли чувствовать ко Христу никакого озлобленія, никакой ненависти, кромѣ глубокаго сожалѣнія о Немъ и теплѣйшей любви къ Нему; но затѣмъ послѣ, по совершившемся воскресеніи, наставленные Христомъ въ тайнахъ царствія Божія и просвѣщенные Духомъ Божиимъ, они чѣмъ глубже входили во внутренній смыслъ страданій и смерти Христа, тѣмъ неотразимѣе убѣждались, что распятый Іисусъ есть истинный Агнецъ Божій, предназначенный отъ начала міра къ подъятію на Себя грѣховъ человѣчества.

Но перейдемъ къ главному: къ показанію безгрѣшности нашего Господа изъ собственнаго образа Его, начертаннаго руками евангелистовъ.

Всматриваясь въ основныя черты этого безпримѣрнаго, образа, мы испытываемъ отъ него впечатлѣніе личности, которая, вопервыхъ, въ періодъ своей общественной дѣятельности не запятнала себя никакимъ положительнымъ грѣхомъ, не омрачила своихъ свѣтлыхъ сторонъ никакимъ опредѣленнымъ нравственнымъ порокомъ; которая, вовторыхъ, не даетъ видѣть въ себѣ никакихъ признаковъ или слѣдовъ какой-либо скрытой грѣховности въ глубинѣ ея сердца или вообще когда-либо совершеннаго ею грѣха, и которая, наконецъ, такъ полна святой любви, такъ всецѣло проникнута единеніемъ съ Богомъ, первоисточникомъ святости и добра, что не оставляетъ никакого мѣста грѣху въ своей душѣ.

Раскроемъ теперь раздѣльнѣе и ближе безгрѣшность Христа съ каждой изъ указанныхъ нами сторонъ.

І. Корень или собственный источникъ грѣха лежитъ, какъ этого, конечно, никто не будетъ отвергать, въ прирожденной человѣку склонности къ самолюбію, или въ злой страсти. Самолюбіе проявляется частію какъ личное, частію какъ соціальное, т.-е. какъ фамиліное или семейное, сословное и т. д., частію какъ національное. Христосъ въ теченіе своего общественнаго служенія на землѣ

показалъ Себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ этихъ видовъ самолюбія.

Первый родъ самолюбія—личный эгоизмъ въ самой низшей и общей своей формѣ обнаруживается, какъ плотская страсть. Мы находимъ ее тамъ, гдѣ человѣкъ стремится къ удовлетворенію влеченій общихъ ему съ животными, заглушая въ себѣ голосъ совѣсти или съ полнымъ нравственнымъ хладнокровіемъ. Надъ этимъ родомъ низшаго и общаго самолюбія возвышались даже благороднѣйшіе изъ язычниковъ; по отношенію ко Христу о немъ не можетъ быть и рѣчи.

Но существуютъ также болѣе высокія, духовные виды личнаго самолюбія, которымъ легко поддаются именно сравнительно лучшіе люди; такъ какъ они ставятъ высшимъ предметомъ своихъ стремленій извѣстныя блага, покоющіяся на духовномъ основаніи: напримѣръ личную честь, высокое положеніе въ обществѣ, стремленіе къ власти, господству, въ крайней степени къ господству надъ всѣмъ міромъ. Въ какомъ отношеніи стоитъ Христосъ къ этимъ высшимъ видамъ личнаго эгоизма? Посмотримъ. Мы видимъ, что нашъ Господь былъ въ высшей степени воспріимчивъ къ чести и уваженію; Онъ не только хочетъ быть признанъ совершеннѣйшимъ человѣкомъ, сыномъ человѣческимъ и Мессіей, но даже исключительнымъ Сыномъ Божіимъ. Онъ стремится также къ безусловному господству надъ всѣмъ міромъ. Но вопросъ теперь въ томъ: находимъ ли мы однако въ этихъ желаніяхъ и стремленіяхъ хотя малѣйшій признакъ, хотя какую-либо тѣнь личнаго самолюбія? Отнюдь нѣтъ. Никогда и ни въ чемъ мы не усматриваемъ, чтобы Христосъ искалъ чести и господства въ эгоистическомъ смыслѣ, въ противорѣчій съ высшими требованіями истины и добра, но всегда только въ цѣляхъ всеобъемлющаго царства Божія, въ видахъ спасенія всего рода человѣческаго. Господь хочетъ и своихъ учениковъ, даже cadaго чело-вѣка возвысить на высшую ступень чести, до господства

надъ міромъ въ духѣ истины и любви. И какимъ образомъ? Путь, какой Онъ намѣчаетъ къ этой цѣли, состоитъ въ глубокомъ самоуниженіи, въ самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ, и самъ первый идетъ по этому пути, нимало не колеблясь и подвергаясь на немъ всѣмъ видамъ позора, оскорбленія и страданія. Всѣ земныя блага: собственность, спокойствіе и довольство жизни, семейное счастье, мірскую честь и самую жизнь Христосъ приносить въ жертву служенія Царству Божію на землѣ. Огонь этого жертвеннаго приношенія, разгораясь въ Его сердцѣ болѣе и болѣе яркимъ пламенемъ, подалъ въ немъ всякій позывъ къ личному самоудовлетворенію и всякое искусительное прираженіе извнѣ эгоистическихъ помысловъ и вождельній.

Другая форма самолюбія, какъ сказано выше, состоитъ въ расширеніи личнаго самолюбія до соціального, т.-е. до узкой привязанности къ семьѣ или роду, къ сословію, городу, краю или мѣстности, къ извѣстной партіи или кружку людей и т. п.

Нельзя отрицать, что Христосъ питалъ самую нѣжную любовь къ своей семьѣ и теплѣйшую привязанность ко всей галилейской обстановкѣ своей частной жизни и воспитанія. Какъ послушный сынъ своихъ земныхъ родителей, Онъ въ юные годы жизни оказывалъ имъ въ соединеніи съ дѣтскою любовію глубокую почтительность. Даже въ часъ смерти Его не оставляла горячая любовь къ своей матери и забота о ея судьбѣ. Но при всемъ чувствѣ любви къ своимъ близкимъ и роднымъ, Христосъ не затрудняется противорѣчить своей матери и братьямъ (Мар. 3, 31 и д.), какъ скоро видитъ ихъ намѣренія и мысли несогласными съ Его высокими цѣлями. Точно также вся нравственная дѣятельность Господа, повидимому, вращается преимущественно въ кругу интересовъ опредѣленнаго сословія или состоянія учительства: призваніе учителя Онъ считалъ очень высокимъ и Ему посвятилъ свои лучшія силы. Но это призваніе Онъ возвышаетъ до слу-

женія всему человѣчеству, не допуская въ себѣ никакого возбужденія сословной гордости и оспаривая ее во всѣхъ, въ комъ только замѣчалъ ея проявленія. Въ своей возвышенности надъ всѣми сословными ограниченіями Онъ охотно принимаетъ предлагаемыя Ему со всею искренностію и радушіемъ сердца угощенія богатыхъ и знатныхъ лицъ; но въ то же время вопреки предразсудкамъ высшихъ классовъ общества и въ истинно гуманномъ духѣ Онъ не чуждается и общенія съ людьми презрѣннѣйшихъ классовъ народа, съ мытарями и грѣшниками. Въ теченіе всей своей публичной дѣятельности Христосъ находился въ разнообразныхъ отношеніяхъ съ различными партіями своего времени; но при всемъ этомъ постоянствѣ и разнообразіи отношеній Онъ не питалъ особеннаго пристрастія ни къ какой изъ бывшихъ партій, не входилъ ни въ одну изъ нихъ, какъ ея членъ. Духъ партіи или вообще какого-либо узкаго направленія былъ совершенно чуждъ Христу, и только духовныя потребности цѣлаго человѣчества, были родственны Ему, какъ никому другому изъ людей.

Наконецъ, изъ сказаннаго уже доселѣ отчасти можно видѣть, что Христосъ также, какъ никто другой, свободенъ былъ и отъ всякаго увлеченія національнымъ самолюбіемъ. Правда сердце Господа лежитъ ближе всего къ Его собственному народу: Онъ признаетъ Себя посланнымъ прежде всего для спасенія потерянныхъ овецъ изъ дома Израилева. Онъ примыкаетъ къ народнымъ обычаямъ, если послѣднія не противорѣчатъ духу истины и любви, на служеніе которымъ Онъ пришелъ въ міръ; съ любовью участвуетъ Онъ въ народныхъ празднествахъ и такъ тѣсно, неразрывно чувствуетъ Себя соединеннымъ со своимъ народомъ, что мысль о предстоящей гибели народа вызываетъ въ Немъ жгучія слезы. Но въ противоположность національной ограниченности іудейства Онъ стремится основать царство любви и праведности, въ которомъ бы каждый въ каждомъ, какого бы званія или народа тотъ ни былъ, видѣлъ своего брата и оказывалъ ему

помощь, какъ своему ближнему. Никогда Христосъ не обнаруживаетъ въ Себѣ ограниченнаго Іудея, но вездѣ только человѣка въ широкомъ смыслѣ, Сына человѣческаго, видящаго въ каждомъ временномъ человѣкѣ вѣчнаго человѣка. Если повидимому Онъ отталкиваетъ отъ Себя Хананейскую жену, съ настоичивостію приступавшую къ Нему, и указываетъ ей на преимущественныя права Іудеевъ въ домѣ Отца небеснаго, то, съ другой стороны, тотчасъ же удовлетворяетъ ея просьбѣ, какъ скоро замѣчаетъ въ ея сердцѣ присутствіе высокаго зерна вѣры.

Такъ, Спаситель міра за все время своего общественнаго служенія не обнаружилъ въ Себѣ никакого грѣха, вытекающаго изъ самолюбія въ его трехъ главныхъ развѣтвленіяхъ.

II. Но мы въ правѣ спросить далѣе: однако не скрывалось ли въ тайникахъ Его сердца что-либо порочное или грѣховное, не имѣлъ ли Онъ грѣховъ, оставшихся неизвѣстными окружавшимъ Его лицамъ; словомъ, былъ ли Онъ и всегда ли былъ также внутренно святъ и чистъ, какимъ мы наблюдаемъ Его во внѣшней общественной дѣятельности въ мірѣ? Все нечистое и грѣховное, какъ бы осторожно и искусно ни таилось въ глубинѣ сердца человѣческаго, тѣмъ не менѣе всегда и неизбѣжно выдаетъ себя разными признаками, такъ или иначе прорывающимися наружу въ духовно-нравственной жизни человѣка, и всякій грѣхъ, когда бы ни былъ совершенъ и тайно или явно, оставляетъ по себѣ неизгладимыя слѣды въ нашемъ сердцѣ, всегда болѣе или менѣе очевидныя другимъ людямъ. Посмотримъ же теперь, можемъ ли мы указать въ лицѣ Христа какіе-либо признаки или слѣды, вынуждающіе насъ къ признанію въ Немъ не обнаруженной предъ глазами другихъ какой-либо грѣховности или когда-либо и гдѣ-либо въ неизвѣстномъ мѣстѣ совершеннаго имъ грѣха?

Слѣды или признаки какъ прирожденной человѣку грѣховности, такъ и личныхъ грѣховъ человѣка даютъ себя

замѣтить въ отношеніяхъ духа человѣческаго: а) къ духу божественному, б) къ идеальнымъ совершенствамъ духовной природы человѣка и в) къ плоти человѣка или къ естѣственночувственнымъ влеченіямъ его физической природы. Итакъ, не открываетъ ли намъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ какомъ-либо одномъ изъ нихъ духъ Христа болѣе или менѣе яснаго намека на свою грѣховность или порочность? Будемъ искать.

Въ отношеніяхъ своихъ къ божественному Духу духъ человѣка обнаруживаетъ слѣдствія своей грѣховности, съ одной стороны, въ затемненности или ограниченности своего религіознаго сознанія, въ особенности въ ложномъ пониманіи существа Бога, съ другой—въ нравственномъ разладѣ съ самимъ собой, выражающемся въ мукахъ совѣсти, въ чувствѣ вины предъ закономъ добра.

Какими же находимъ мы, прежде всего, религіозное сознаніе Христа? Всецѣло единственнымъ, исключительнымъ, непримѣрнымъ. Въ духѣ Христа это сознаніе явилось на такой высотѣ и въ такой чистотѣ и совершенствѣ, что въ этомъ отношеніи Основатель нашей религіи недосыгаемо возвышается надъ всѣми лицами нашего рода. Не будемъ много распространяться о боговѣдѣніи человѣчества дохристіанскаго времени и скажемъ о немъ только слѣдующее. Не говоря уже о грубыхъ, необразованныхъ племенахъ, даже внутри образованнаго языческаго міра грѣхъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ смѣшеніе божества съ предметами и силами природы. Отъ этого смѣшенія съ трудомъ освобождались, и то никогда вполне, даже лучшіе изъ язычниковъ. Знаменитѣйшіе мыслители древности, правда, достигали иногда извѣстнаго духовнаго понятія о Богѣ; но какъ бессодержательно, какъ пусто было это понятіе, какъ рѣдко оно возвышалось даже только въ нѣкоторой степени надъ пантеизмомъ и какимъ безутѣшнымъ является даже у такихъ мужей, какъ Сократъ, Платонъ и Аристотель!.. И при всемъ томъ ихъ философія была лишь мгновеннымъ лучезарнымъ просвѣтомъ въ общей

тъмѣ языческой религіозно-нравственной жизни: послѣ вѣка Аристотеля у стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ богосознаніе опять является въ крайне жалкомъ видѣ, а въ образованныхъ слояхъ чуть не исчезаетъ. Въ предѣлахъ ветхозавѣтнаго царства Божія, при всей истинѣ здѣсь, говоря вообще, идеи Бога, даже Моисей и великіе пророки не владѣли ею во всей ея чистотѣ и совершенствѣ. Напротивъ, и для нихъ еще оставалась она болѣе или менѣе сокрытою подъ покровомъ чувственныхъ видѣній и богоявленій, и мысль о Богѣ, какъ безконечной Любви и Отцѣ всѣхъ все еще такъ или иначе стояла у нихъ позади понятія о Богѣ, какъ Богѣ Израиля, а чувство радостной, безпредѣльной надежды на Него слишкомъ много уступало мѣста ощущеніямъ тоски и страха предъ близкимъ общеніемъ съ Богомъ. Но ко времени Христа какое искаженіе древняго боговѣдѣнія находимъ мы въ іудействѣ! Какъ узко, признавая отношеніе Бога только къ избранному народу, — и вмѣстѣ какъ внѣшне-чувственно понимали существо Бога фарисеи, какъ фаталистически мыслили Его саддукеи и какъ запутанно было понятіе о Богѣ и мірѣ у ессеевъ! Выше всѣхъ этихъ сектантскихъ представленій Бога было, безъ сомнѣнія, воззрѣніе на существо Бога Іоанна Предтечи. Но даже и этотъ величайшій изъ пророковъ никогда не испытывалъ полной блаженной радости, соединяющейся съ представленіемъ и чувствомъ близости Божества; потому что при своемъ аскетическомъ направленіи онъ все еще имѣлъ въ виду на первомъ планѣ судящую и карающую дѣятельность Бога. И вотъ, среди этой-то ограниченности и даже, какъ мы видѣли, затемнѣнія и искаженія богосознанія является на общественную проповѣдь нашъ Спаситель Иисусъ Христосъ. Какой чудный свѣтъ отражается въ Его богосознаніи! Невидимый Господь и Творецъ неба и земли открѣвается Ему какъ Отецъ всѣхъ и Отецъ Его въ исключительномъ смыслѣ слова; Онъ чувствуетъ Себя въ столь нераздѣльномъ единствѣ съ небеснымъ Отцемъ, что

не отдѣляетъ своихъ правъ отъ правъ Отца, отождествляетъ ихъ между собой. Безъ всякаго чувственнаго покровя, всегда ясно и невозмутимо Онъ созерцаетъ и ощущаетъ существо Бога въ Себѣ и внѣ Себя, видитъ Бога во всемъ мірѣ, какъ всеобъемлющаго и вездѣ присутствующаго Духа, Духа истины и любви, который повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Христосъ знаетъ и проповѣдуетъ Бога, какъ существо, которое въ своей духовности бесконечно возвышено надъ всѣмъ натуральнымъ, но въ тоже время внутреннѣйшимъ образомъ проникаетъ собой весь міръ, существуетъ въ немъ, движетъ и управляетъ имъ и непосредственно близокъ каждой человѣческой душѣ, относясь къ каждому изъ насъ, какъ отецъ къ сыну. И въ какой неподражаемо-простой, совершенно понятной каждому благочестивому чувству формѣ выражаетъ Господь глубочайшія истины о Богѣ и Его царствѣ! Эта чистота и высота богосознанія Христова и простота выраженія его служатъ для насъ наилучшимъ доказательствомъ, что тѣнь грѣха никогда не омрачала души Искупителя и что Его сердце всегда пребывало чистѣйшимъ сосудомъ божественнаго откровенія въ мірѣ.

Чистѣйшее богосознаніе соединялось во Христѣ съ чистѣйшею совѣстію предъ Богомъ. Въ высшей степени нѣжна, воспріимчива и отзывчива была совѣсть Христа. Съ какою силою возмущалась она ощущеніемъ каждаго человѣческаго грѣха! Какъ глубоко затрогивало ее даже малѣйшее преступленіе нравственнаго закона со стороны другихъ! И притомъ что за пронизательный взглядъ въ наипослѣднее основаніе грѣховъ—человѣческое сердце, изъ котораго исходятъ злыя мысли, отличаетъ нашего Господа! При этомъ указываетъ Онъ на сознаніе грѣховности и искреннее покаяніе, какъ на существеннѣйшія условія вступленія всякаго человѣка въ царство Божіе. Владѣя такою совѣстію по отношенію къ чужимъ грѣхамъ и заявляя такія требованія отъ другихъ людей,

какъ же относится Христосъ къ нравственному состоянію своего собственнаго духа? Во всей исторіи Его жизни мы не встрѣчаемъ даже темнаго намека на то, чтобы самъ Онъ когда-либо сознавалъ или чувствовалъ Себя виновнымъ предъ Богомъ и обращался къ Нему съ покаяніемъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что даже наиболѣе нравственно развитые люди въ сужденіи о чужихъ винахъ исходили прежде всего изъ собственнаго, личнаго грѣховнаго опыта; но во всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ Христа тщетно было бы искать какихъ-либо указаній на Его собственное, непосредственное чувство вины и грѣха. Его совѣсти никогда не касалось жало грѣха. Даже глазъ, взоръ, простое лишнее слово, по ученію Христа, могутъ быть не чужды грѣха; сыновъ своего времени Онъ называетъ лукавыми; своихъ учениковъ укоряетъ въ слабостяхъ и самъ учитъ ихъ молитвѣ о прощеніи грѣховъ. И однако, этотъ мужъ высочайшаго нравственнаго сознанія и въ тоже время необычайнаго смиренія и самоуниженія, Самъ за себя никогда не проситъ прощенія грѣховъ у небеснаго Отца, никогда, ни даже въ Геѳсиманіи, ни на Голгоѣ! Онъ наслаждается непрерывнымъ, вѣчно свѣтлымъ сознаніемъ своего единственнаго сыновняго отношенія къ Отцу всѣхъ, прощаетъ грѣхи другимъ, умираетъ за грѣшниковъ и, какъ признаетъ даже одинъ изъ либеральныхъ богослововъ историковъ (*Кеймъ*), никто не осмѣлится утверждать, чтобы Его жизнь чѣмъ-либо противорѣчила искупительно - жертвенному значенію Его смерти.

И такъ, въ области отношеній духа Христа къ Духу божественному самый зоркій глазъ не въ состояніи подмѣтить никакой тѣни, отбрасываемой какимъ-либо скрытымъ порокомъ въ сердцѣ Христа или вообще когда-либо совершеннымъ Имъ грѣхомъ.

Къ тому же заключенію придемъ, если обратимъ вниманіе на то, какъ осуществлялись во Христѣ идеальныя совершенства духовной человѣческой природы,—на стройное развитіе въ Немъ духовныхъ силъ.

Вслѣдствіе грѣховнаго состоянія, самая значительная часть (масса) человѣчества лишена яснаго и правильнаго сознанія о задачѣ и цѣляхъ своего бытія, объ истинныхъ стремленіяхъ и требованіяхъ своей духовной природы, но даже и тѣ немногія лица, которыя стоятъ на высотѣ этого сознанія, всегда развиваются какъ-либо односторонне, въ какомъ-либо одномъ исключительномъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающемъ направленіи духа и такимъ образомъ никогда не представляютъ въ своей личности полнаго гармоническаго развитія духовныхъ силъ. Преимущественное развитіе одной опредѣленной силы духа по большей части утверждается на стѣсненіи или даже совершенномъ подавленіи развитія другихъ силъ. Такъ, мы знаемъ не мало людей съ высоко-развитою силою фантазій; таковы—натуры художниковъ и поэтовъ; но кому неизвѣстно, что этимъ натурамъ всего чаще недостаетъ надлежащаго нравственнаго развитія, надлежащей силы характера, нравственнаго самообладанія? Наоборотъ, нѣкоторые поражаютъ насъ сильно-развитою волею духа, твердостію и непреклонностію характера; но за то рѣдко встрѣчается у такихъ людей нѣжность и теплота сердца: имъ свойственны леденящая холодность, жесткость, своеволіе, несправедливость по отношенію къ другимъ людямъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ принимать на себя личину вѣжливости и предупредительности къ другимъ; не рѣдко они даже щадятъ слабости другихъ, но только для того, чтобы сдѣлать ихъ своею добычею, воспользоваться ихъ слабостями въ своихъ видахъ; они бываютъ любезны и добры, но также грубы и самолюбивы; великодушны, но часто и жестоки и мстительны; вѣжливы, но и не рѣдко высокомѣрны до презрѣнія ко всему человѣчеству. Своего рода недостатки замѣчаемъ мы и въ людяхъ, у которыхъ беретъ перевѣсъ надъ прочими силами духа чувство: эти обыкновенно въ высшей степени чутки и воспріимчивы ко всему прекрасному и доброму, но также безхарактерны, уступчивы, нерѣшительны, раздражитель-

ны, вѣчно недовольны и т. д. Наконецъ, также люди съ преобладающимъ развитіемъ умственной силы имѣютъ свои недостатки въ различныхъ видахъ. Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что односторонности въ развитіи духа въ различныхъ людяхъ столь разнообразны, что, строго говоря, нѣтъ возможности перечислить и указать только главныя изъ нихъ, насколько онѣ обуславливаются въ каждомъ человѣкѣ его темпераментомъ, національнію, духомъ времени, его общественнымъ положеніемъ и другими безчисленными обстоятельствами, возбуждающими или задерживающими развитіе той или иной способности духа. Довольно сказать, что по свидѣтельству исторіи, даже наилучшія и благороднѣйшія природы, надѣленные отъ природы богатыми дарованіями и воспитывавшіяся, повидимому, при благопріятныхъ условіяхъ для стройнаго развитія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ,—и тѣ не свободны были отъ значительныхъ односторонностей и крайностей въ проявленіяхъ своего духа. Что же мы скажемъ теперь о Христѣ въ разсматриваемомъ нами отношеніи? То, что Ему и только Ему одному принадлежитъ преимущество полного, всецѣлаго развитія въ Себѣ человѣка. Онъ не былъ по преимуществу ни философомъ, ни практикомъ, ни человѣкомъ сердца, но тѣмъ и другимъ и третьимъ вмѣстѣ въ совершенно равной мѣрѣ, и ни одна изъ Его душевныхъ силъ сама въ себѣ не страдала какимъ-либо крайнимъ направленіемъ развитія; словомъ, вся душа Его во всѣхъ своихъ силахъ и ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ представляетъ намъ собой чудный гармоническій концертъ, въ которомъ ни одна нота, ни одинъ звукъ не заглушается и не выдается въ ряду другихъ.

Чтобы не казаться голословными, присмотримся нѣсколько ближе къ отдѣльнымъ духовнымъ силамъ Христа и ихъ взаимному сочетанію.

О высотѣ развитія умственной силы Христа мы можемъ судить уже по высотѣ и чистотѣ Его богосознанія, о которомъ говорили выше. Но вмѣстѣ съ исключительною

возвышенностію богосознанія Христось соединилъ въ Себѣ и непримѣрное сердцеѣдѣніе по отношенію къ людямъ. Онъ быстро узнавалъ, что скрывается въ каждомъ человѣкѣ. Его не могли обмануть наружное благочестіе и скрытая порочность сердца фарисеевъ и саддукеевъ; поэтому Его прямыя и мѣткія обличенія приводили ихъ въ невольное онѣмѣніе, какъ ни скрежетали они противъ Него зубами. Ни иродіане, соединенные общою ненавистью къ Христу съ фарисеями, своимъ лукавымъ вопросомъ о дани римскому императору, ни саддукеи съ своимъ, повидимому, неразрѣшимымъ, но въ сущности нелѣпымъ вопросомъ о супружескихъ правахъ мужа на жену по воскресеніи, ни на одинъ мигъ не поставили Христа въ смущеніе и затрудненіе: Онъ хорошо понималъ затаенныя цѣли ихъ вопросовъ и разрѣшалъ послѣдніе такъ, что вынуждалъ вопросителей отходить отъ Него со стыдомъ. Съ ясностію взора Христось провидѣлъ также судьбу своего народа и не поддаваясь никакому самообольщенію относительно будущаго состоянія своего царства на землѣ, въ превосходныхъ чертахъ, подъ образомъ горчичнаго сѣмени, брошеннаго въ землю и выросшаго въ огромное дерево, предсказалъ постепенный ходъ его развитія. Господь не скрывалъ отъ Себя тысячей трудностей, съ которыми придется бороться Его царству. Часто скорбѣлъ Онъ о будущемъ своего дѣла; такъ какъ зналъ, что Его религія любви послужитъ возбужденіемъ жесточайшей ненависти. Но въ то же время всегда открывались Ему и свѣтлыя виды въ будущемъ состояніи Его церкви; Онъ не скрывалъ отъ Себя порочности человѣческаго сердца, но также зналъ и божественно-свѣтлую сторону человѣческой природы (*τὸ φῶς ἐν σοί*) и потому видѣлъ непоколебимую устойчивость своей церкви подъ всѣми ожесточенными напорами адскихъ силъ.—Съ глубокимъ вѣдѣніемъ божественнаго и человѣческаго міра Христось соединялъ въ Себѣ также и самое широкое практическое направленіе духа: отъ своего внутренняго самоуглу-

бленія въ молитвенномъ обращеніи съ небеснымъ Отцемъ Онъ съ неугасимою ревностію, съ всегда новою энергіей обращается къ религіозно-нравственной практикѣ и при каждомъ случаѣ является какъ совершеннѣйшій нравственно-практическій дѣятель. Ничто не было Ему такъ чуждо какъ сухая отвлеченная теорія, лишенное жизненнаго значенія и практическаго примѣненія ученіе. Какъ истинный благодѣтель человѣчества по отношенію къ духовнымъ и тѣлеснымъ его нуждамъ, Онъ неумоимо переходитъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и даже во время своего послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ, когда мысль о предстоящемъ исходѣ Его жизни острымъ ножомъ поражала Его сердце, Онъ не оставляетъ своего обычнаго милосердія и благодѣянія къ страждущему человѣчеству. Выполняя свое высочайшее дѣло—искупленія человѣчества, какую силу мужества, непреклонность характера, твердость духа отражаетъ Христосъ на своемъ величественномъ челѣ, въ своемъ глубокомъ взорѣ, въ своей возвышенной рѣчи! Одно слово Господа: «Я» повергаетъ на землю цѣлый сонмъ вооруженныхъ служителей первосвященниковъ; одинъ взглядъ Христа на Петра производитъ въ послѣднемъ глубочайшее внутреннее потрясеніе и горькое чувство раскаянія; на слезы состраданія къ Страстотерпцу іерусалимскихъ женщинъ Онъ отвѣчаетъ: *не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ* (Лук. 23, 28). При такой твердости духа, однако Христосъ далеко былъ отъ всякой стоической холодности или искусственной безчувственности; Его сердце полно было благороднѣйшаго жара, горѣло святымъ огнемъ любви и открыто было всѣмъ истинно-человѣческимъ ощущеніямъ: Онъ плачетъ съ плачущими, сострадаетъ бѣдствіямъ человѣчества и въ особенности Своего народа, но въ то же время не замыкается и отъ радостей и удовольствій, приличныхъ извѣстнымъ случаямъ (Мѡ. 11, 19; Іоан. 2, 1 и д.). Нравственныя требованія Господа отъ своихъ послѣдователей,

повидимому, въ высшей степени суровы, тяжелы. *Если кто хочет идти за Мною, говоритъ Христосъ, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною; ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ сбережетъ ее* (Лук. 9, 23. 24; ср. 17, 33). Но эта строгость опять растворяется духомъ самой нѣжной, отеческой снисходительности къ недостаткамъ людей и широкой терпимости: *не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать*, говоритъ Господь ученикамъ при неумѣренной ревности ихъ за Его честь (Лук. 9, 54—56). *Кто не противъ васъ* (послѣдователей Христа), *тотъ за васъ* (ст. 50), вотъ руководственное правило, оставленное намъ Господомъ, для распознанія нашихъ друзей и недруговъ по вѣрѣ.

Въ этомъ, представленномъ нами, краткомъ очеркѣ высшихъ духовныхъ силъ нашего Господа и ихъ взаимнаго сочетанія, намъ кажется, несмотря на его недостаточность, съ очевидностію открывается вся полнота развитія отдѣльныхъ силъ духа Христа и ихъ совершенная гармонія между собой и, такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія отношеній духа Христа къ требованіямъ духовной человѣческой природы вообще въ ея идеальномъ видѣ, мы должны признать совершенное отсутствіе въ Христѣ всякаго слѣда или признака когда-либо совершеннаго имъ грѣха или какой-либо Его невидимой грѣховности, оставшейся неизвѣстною міру.

Не откроется ли намъ, наконецъ, какая-либо грѣховная черта въ Христѣ въ области отношеній Его духа къ своей плоти, къ натурально-чувственнымъ влеченіямъ, исходившимъ изъ тѣлесной стороны Его природы? Посмотримъ.

Задача cadaго человѣческаго духа въ его отношеніи къ соединенной съ нимъ тѣлесной природѣ состоитъ въ томъ, чтобы влеченія присущія послѣдней онъ держалъ въ своей власти и управлялъ ими единственно по тре-

бованіямъ и указаніямъ своей совѣсти и разума. Слѣдствія грѣховъ, какъ личныхъ, такъ и наслѣдственнаго, первороднаго, обнаруживаются теперь въ области отношеній души къ тѣлу въ томъ, что духъ обыкновенно оказывается неспособнымъ властвовать надъ плотію, какъ господинъ надъ рабою. Чѣмъ болѣе грѣхъ укореняется въ человѣкѣ и распадается на множество отдѣльныхъ видовъ и частныхъ дѣйствій, тѣмъ менѣе человѣкъ является сильнымъ удерживать въ своемъ подчиненіи плотскія влеченія, обуздывать чувственныя склонности, отвращенія и страсти и тѣмъ болѣе, наоборотъ, эти проявленія плоти вынуждаютъ къ подчиненію и удовлетворенію себѣ волю человѣка.

Видимъ ли мы въ Христѣ хотя подобіе раболѣпства духа плоти? — Никакого. Напротивъ, никто изъ рода человѣческаго не былъ такимъ совершеннымъ, самодержавнымъ властелиномъ надъ своею плотію, какъ Господь Іисусъ Христосъ. Всѣ добродѣтели Христа и вообще все Его нравственное совершенство не было Ему вродено, не было дано Ему готовымъ отъ природы; напротивъ, духъ Его только постепенно развивался, проходилъ истинно-человѣческой путь развитія и этотъ путь совершалъ не безъ борьбы съ естественно-чувственными влеченіями своей физической природы и, такимъ образомъ, все свое нравственное совершенство имѣлъ своимъ личнымъ достояніемъ, результатомъ своего собственнаго, свободнаго подвига. Но во всемъ ходѣ нравственнаго саморазвитія Господа мы не можемъ уловить ни одного случая, когда бы духъ Христа въ изнеможеніи уступилъ какому-либо влеченіямъ плоти, уклонявшимъ Его отъ предназначенной Ему задачи; напротивъ, духъ Его самъ всегда съ неизмѣнною бодростію и энергіей властвовалъ надъ всѣми чувственными влеченіями и требованіями. Нѣкоторые признаютъ, будто съ такимъ могущественнымъ духомъ, каковъ духъ Христа, соединялась и тѣлесная природа съ столь исключительными по своей силѣ и напряженности

задатками разныхъ влеченій, какими (задатками) не обладало ни одно тѣло человѣческое, и вслѣдствіе этого, таила внутри себя столько предрасположенія къ различнымъ искушеніямъ самолюбія, честолюбія, властолюбія, сколько не приходилось на долю ни одного другаго человѣка. Справедливо ли такое мнѣніе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мы видимъ въ Христѣ одно непрерывное господство духа надъ плотію, одно неослабное самообладаніе, проявлявшееся въ безпредѣльной преданности и любви къ Богу Отцу, въ смиреніи, терпѣннн, въ любви и состраданіи къ людямъ, въ самоотверженіи и крестномъ мученіи за родъ человѣческой.

Никогда господство духа надъ плотію не отражается предъ нашимъ взоромъ съ такою яркостію и паглядностію, съ такою несомнѣнностію и убѣдительностію, какъ въ дѣйствіяхъ духа, хотя вполне согласныхъ съ его высокою задачею, но, повидимому, совершенно противоположныхъ требованіямъ его тѣлесно-чувственной природы: таковы дѣйствія—страданіе за истину и добро, перенесеніе оскорбленій и мученій по любви къ другимъ и т. под. Отсюда, намъ кажется, и въ лицѣ Христа безусловное самоуправленіе духа и господство его надъ чувственною природою нигдѣ не выступаетъ съ такою разительною очевидностію, какъ именно въ послѣднихъ событіяхъ Его земной жизни. Остановимся на нихъ нѣсколько времени. Здѣсь смѣняются предъ нами искушенія за искушеніями, усиливающія отклонить Христа отъ прямого Его призванія, въ самомъ страшномъ, невыразимо тяжеломъ видѣ. Въ Геосиманіи не просто возмущается физическая природа Спасителя въ виду предстоящихъ ужасовъ заключительныхъ дней Его жизни, но даже самъ духъ Его какъ будто чувствуетъ въ себѣ потрясеніе отъ предстоящихъ испытаній жестокости и звѣрства со стороны однихъ, предательства другихъ, невѣрности третьихъ, лицемерія и грубости четвертыхъ и т. дал. Господь видитъ себя отверженнымъ своимъ народомъ, видитъ свое цар-

ство, по крайней мѣрѣ, на мигъ пересиленнымъ царствомъ тьмы, и однако неуклонно идетъ впередъ и впередъ къ своей конечной цѣли, пока не возносится на крестъ. Однако развернемъ предъ собой нѣсколько шире всю эту картину страшныхъ страстей Господнихъ.

Яснымъ взоромъ духа, далеко возвышающагося надъ всѣми обманчивыми мечтами, Господь предвидѣлъ, что лицемѣріе, рабство буквѣ, безнравственное властолюбіе, ложь, насиліе и неправда всякаго рода еще долго, цѣлыя столѣтія будутъ задерживать широкое и глубокое примѣненіе къ жизни новыхъ религіозно-нравственныхъ началъ, насажденных Имъ съ такимъ трудомъ въ мірѣ. Онъ сейчасъ еще переживаетъ глубоко потрясающій опытъ измѣны и предательства даже со стороны одного изъ Его собственныхъ учениковъ, хотя этотъ ежедневно обращался съ Нимъ и былъ свидѣтелемъ единственно Его любви и самопреданности человѣчеству. И вообще Господь не могъ положиться твердо ни на кого изъ своихъ учениковъ, такъ какъ зналъ ихъ слабый, колеблющійся духъ, и не разъ убѣждался, какъ они несмотря на Его ученіе, снова и снова возвращаются къ своимъ національнымъ предразсудкамъ, къ суетному высокомѣрію и плотскимъ ожиданіямъ Мессіи. Такъ, повидимому, должно было казаться Христу, что Его дѣло будетъ погребено вмѣстѣ съ Его тѣломъ. Какое безотрадное положеніе и вслѣдствіе этого какія искусительныя мысли должны были естественно втѣсняться въ Его душу! Не должны ли были даже въ Его благороднѣйшей и возвышеннѣйшей душѣ возстать такія чувства, которыя легко склоняли къ мысли, что родъ человѣчскій недостойнъ Его жертвы, что не слѣдуетъ метать бисера предъ свиньями? Не должны ли были пробудиться въ Немъ желанія какимъ-либо образомъ избѣгнуть того исхода жизни, къ которому Онъ велъ себя добровольно? Чтобы понять надлежащимъ образомъ силу и значеніе указанныхъ чувствъ, мыслей и желаній, нужно хотя нѣсколько приблизить себя къ тому состоя-

нію, которое переживалъ Христосъ въ послѣдніе часы своей земной жизни. Безъ сомнѣнія Онъ рано уже предвидѣлъ трагическій исходъ своей жизни: все яснѣе и опредѣленнѣе Онъ не разъ предсказывалъ его своимъ ученикамъ. Но тогда еще Его чувство не такъ непосредственно соприкасалось съ предстоящими событіями. Тогда Онъ разсматривалъ свой земной исходъ исключительно съ высоты своею призванія и съ этой же высоты зрѣнія за мракомъ своей смерти невозмутимымъ взглядомъ усматривалъ зарю новой жизни человѣчества, новаго царства божія на землѣ. На такой высотѣ внутренняго созерцанія смерть представлялась Ему просто неизбѣжнымъ условіемъ произрастенія на землѣ небснаго зерна въ величественное и плодоносное дерево. Такъ, смерть Христа казалась Ему тогда лишь примирительною жертвой за грѣхи міра, жертвой любви, которая въ своемъ истинномъ характерѣ ясно обозначится предъ міромъ съ воскресеніемъ Его изъ мертвыхъ. Отсюда, слѣдуя своему внутреннему влеченію и повинаясь голосу своего небснаго Отца, Онъ безстрашно и добровольно совершаетъ свое послѣднее путешествіе въ Іерусалимъ. Но вотъ близится смертный часъ Его жизни. Теперь свѣтлая мысль Его духа, какъ будто, грозитъ потухнуть отъ искусительныхъ желаній и чувствованій, все сильнѣе поднимавшихся изъ глубины Его плоти и крови. Теперь Господь собственнымъ опытомъ извѣдываетъ, что духъ бодръ, но плоть немощна. Онъ желалъ бы опереться на своихъ преданнѣйшихъ учениковъ, но тщетно: сонъ смежаетъ ихъ очи. Подъ невыносимымъ давленіемъ своихъ бурно-волнующихся чувствъ и мыслей три раза падаетъ Онъ ницъ предъ Богомъ въ горячей молитвѣ; три раза взываетъ Онъ: *Отче мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія.* Но каждый разъ, какъ невольно прорывался изъ Его устъ этотъ скорбный вопль, въ Его сознаніи тотчасъ же получала господство мысль: *впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты.* Итакъ, подкрѣпленный моли-

твою и подчинивши свою волю волѣ небеснаго Отца, выступаетъ Онъ съ энергіей безусловнаго послушанія на путь страданій и мученій, которыя какъ будто ждутъ Его съ нетерпѣніемъ. И какъ теперь идетъ Онъ на встрѣчу своей смерти? Съ полнымъ сознаниемъ духа, со всею рѣшимостію воли, опирающейся на Бога; но въ то же время съ всецѣлою воспріимчивостію своего сердца къ наступающимъ событіямъ, шагъ за шагомъ погружается Христосъ все глубже и глубже въ море страданій, гдѣ непрерывно смѣняются волны за волнами, одна яростнѣе другой: предательство Іуды, отреченіе Петра, насмѣшки и издѣвательства фарисеевъ и священниковъ, грубость солдатъ, безчувственность Пилата. Въ этомъ тяжеломъ шествіи по пути самоотверженія наконецъ достигаетъ Господь до того пункта, когда даже самое чувство нераздѣльнаго единства съ Отцемъ какъбы готово въ Немъ погаснуть. Наконецъ исторгается изъ Его сердца гласъ: *Богъ мой, Богъ Мой! Почему Ты меня оставилъ?* Но обратите вниманіе, какъ даже при всемъ изобиліи и невыразимости духовныхъ и тѣлесныхъ страданій Христа мы не замѣчаемъ никакого слѣда, чтобы хотя капля горечи излилась изъ сердца Господа на Его мучителей. Въ благородномъ молчаніи позволяетъ Онъ совершиться надъ собой всѣмъ родамъ жестокости; но какъ скоро прерывается это молчаніе, то каждое изъ Его послѣднихъ словъ дышетъ чуднымъ миромъ духа, сердечною привязанностію къ людямъ, всепрощающею любовію и всегда снова возбуждающею надеждою на Бога. Какимъ возвышеннымъ стоитъ предъ нами Страстотерпецъ, если Онъ въ своихъ невыносимыхъ мукахъ на крестѣ всегда забываетъ самого Себя и только помнитъ бѣдствія своего народа; если просить у небеснаго Отца прощенія для народа, такъ какъ этотъ самъ не знаетъ, что творить; если пробуждаетъ благороднѣйшія ощущенія въ душѣ даже грубыхъ служителей войны и даетъ имъ случай оказать ему услугу удовлетвореніемъ Его жадъ! Его сердце само въ жару стра-

даній, но полно вѣжнѣйшей любви къ матери и любимому ученику, дышетъ божественнымъ милосердіемъ къ разбойнику. Еще два раза вся полнота Его преданности Богу Отцу и самоотверженія открывается въ предсмертныхъ словахъ: *совершилось!* и: *Отче! въ руки твои предаю духъ Мой.* Такъ Онъ взываетъ и Его душа уходитъ. Она уходитъ совершеннѣйшею побѣдительницею грѣха и смерти.

Кто дерзнетъ отрицать, что всѣ моменты послѣднихъ страдальческихъ часовъ нашего Господа запечатлѣны безусловнымъ торжествомъ Его духа надъ плотію? Такъ, и въ области отношеній духа Христа къ своей плоти мы не находимъ и малѣйшаго намека на какую-либо грѣховность въ Его душѣ.

III. Чистъ былъ нашъ Спаситель отъ всякаго пятна или порока или чего-либо подобнаго. Что же наполняло Его душу, служило господствующимъ въ Немъ расположеніемъ что составляло душу души Его? Любовь безпредѣльная, безконечная, всеобъемлющая. Думаемъ, что мы представимъ вполне законченное изложеніе совершенной безрѣшности, безусловной святости Господа, если раскроемъ, наконецъ, ближе полноту и высоту воодушевлявшей Его любви.

О, святая, высокая, божественная любовь! Ты была дыханіемъ жизни нашего Господа, источникомъ Его мыслей, дѣйствій и чувствъ; ты въ постоянно возрастающей борьбѣ съ препятствіями къ устроенію царства Божія въ мірѣ, постепенно развиваясь и укрѣпляясь въ духѣ Господа, достигла въ Немъ такой силы, что не оставляла никакого мѣста никакому зародышу, никакому призраку грѣха во всѣхъ Его силахъ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ. Присущее каждому человѣку и ясно выраженное въ Ветхомъ Завѣтѣ требованіе нравственной жизни *любить Бога больше всего и ближняго какъ самаго себя* (Исх. 19, 8. 34; Втор. 6, 5), ни въ комъ не раскрывалось столь господствующимъ основоположеніемъ жизни, какъ въ нашемъ Господѣ.

Любовь Христа къ невидимому Богу проникаетъ все существо Его духа, проявляется во всѣхъ Его религіозно-нравственныхъ обнаруженіяхъ. Всегда, въ каждую минуту жизни Христосъ пребываетъ во внутреннѣйшемъ общеніи съ Существомъ всѣхъ существъ. Его отношеніе къ Богу есть единственно отношеніе преданнаго, любящаго Сына къ Отцу. Каждое внушеніе, воспринимаемое Имъ отъ Отца въ своей совѣсти и религіозномъ сознаніи, такъ глубоко входитъ въ Его существо, что никакія опасности не могутъ отвлечь Его отъ исполненія воли Отца. Ничто также не въ состояніи было поколебать Его надежды на Отца. Вездѣ Онъ обнаруживаетъ твердое, неизмѣнное убѣжденіе, что никакія силы, ни земныя, ни преисподнія, не могутъ воспрепятствовать осуществленію цѣли Его земнаго дѣла. Онъ признаетъ свое царство основаннымъ на скалѣ, которой никакія волны ада не смогутъ разрушить. Онъ видитъ въ своей смерти осуществленіе вѣчнаго божественнаго совѣта, а не слѣдствіе какой-либо внѣшней случайности и чисто человѣческаго произвола, и своею беззавѣтною преданностію божественной волѣ возвышаетъ свою смерть съ одной стороны, до совершенной искупительной *жертвы* отъ человѣчества Богу, съ другой, до полнаго высочайшаго откровенія *любви* отъ Бога человѣчеству. Любви къ Богу Христосъ жертвуетъ всѣмъ своимъ существомъ безъ всякихъ личныхъ видовъ и цѣлей. Онъ любитъ Бога единственно ради Бога, а не самаго Себя. Это была любовь чистая, совершенная, безъ всякой тѣни самолюбія, только одна любовь и болѣе ничего. Правда, мы знаемъ много людей, испытывавшихъ разнаго рода бѣдствія и даже претерпѣвшихъ мученія, смерть и позоръ ради вѣры и религіи. Но всегда находимъ мы въ нихъ еще нѣкоторую примѣсь къ ихъ святой любви къ Богу какихъ-либо не вполне чистыхъ побужденій и основаній; напримѣръ, страхъ предъ адомъ, мечтательную, окрашенную чувственными красками, надежду на будущую загробную жизнь и т. п.

Ничего подобнаго нельзя подмѣтить въ духѣ Христа. Его любовь къ Богу была чиста отъ всякаго самолюбиваго движенія; это какъ нельзя лучше и убѣдительно подтверждается Его чистѣйшею и совершеннѣйшею любовью къ людямъ. Религіозность и благочестіе служили въ Христѣ въ тоже время источникомъ Его всесовершенной любви къ людямъ.

Вся жизнь Христа есть непрерывная цѣпь разнообразныхъ проявленій любви къ людямъ безъ отличія ихъ возраста, пола, личныхъ свойствъ, состоянія, національности, даже религіи. Господь—нѣжнѣйшій другъ дѣтей, милосердый къ бѣднымъ, больнымъ, несчастнымъ, снисходительный къ грѣшникамъ. Чистѣйшая любовь во всѣхъ ея образахъ нашла въ Немъ всецѣлое воплощеніе.

Чистота и совершенство этой любви Господа особенно характеризуются слѣдующими ея основными чертами. Во-первыхъ, она всегда направлена на высшее, вѣчное въ человѣкѣ. Она имѣетъ въ виду всего менѣе чувственную сторону въ человѣкѣ, но духовную, его истинное существо, его душу и ея спасеніе. Во-вторыхъ, она не страдаетъ при этомъ никакою крайностію направленія: имѣя своимъ главнымъ предметомъ внутреннее въ человѣкѣ, она не забываетъ однако и внѣшнихъ условій благосостоянія человека и проявляется также въ тѣлесной помощи человеку, конечно, всегда съ тѣмъ, чтобы въ этой помощи оказать вспоможеніе спасенію души. Наконецъ, третьихъ, любовь Христа къ людямъ возвышается надъ всѣми границами самолюбія сколько по своей широтѣ, столько же по своей глубинѣ и крѣпости. Всѣми означенными чертами любовь Христа къ людямъ обрисовывается предъ нами, какъ наиболнѣйшее отображеніе всеобъемлющей, неисчерпаемой любви, которую самъ небесный Отецъ всѣхъ любитъ человѣчество и желаетъ каждой человѣческой душѣ участія въ вѣчной блаженной жизни.

Вершиною святѣйшей любви Христа къ человѣчеству служить Его самопожертвованіе на смерть за наши грѣхи.

Величайшій рабъ Бога, совмѣщавшій въ себѣ все истинно-человѣческое, осуществившій въ себѣ идеаль Сына человѣческаго, на высотѣ своего жизненнаго пути принимаетъ на себя всю тяжесть проклятiя, которое ведетъ за собой грѣхъ, дабы своею всепобѣждающею любовію превратить гнѣвъ Бога въ благословеніе, кару въ благодать. Самъ безъ грѣха и именно потому, что самъ свободенъ отъ всякаго самолюбія, единственно въ цѣляхъ спасенiя человѣчества, Онъ такъ совершенно погружается въ состояніе виновности за грѣхи міра, что будто бы былъ виновенъ самъ и несъ наказаніе за самага Себя. Но именно потому, что Христосъ способенъ былъ въ своемъ сердцѣ совмѣстить все человѣчество, расширить свою душу до души человѣчества, Онъ своею жертвенною смертію побѣдилъ грѣхъ человѣчества и въ своей жертвенной любви къ человѣчеству открылъ безконечную любовь Бога, которую, такимъ образомъ, уничтожена пропасть, произведенная грѣхомъ, между Богомъ и человѣчествомъ (Римл. 5. 6—10; 2 Кор. 5, 18 и д.).—Здѣсь полагаемъ предѣлъ нашему изслѣдованію безгрѣшнаго состоянiя духа нашего Господа Иисуса Христа.

Такъ, безгрѣшность, совершенное осуществленіе идеи добра въ лицѣ Христа, стоитъ предъ нами виѣ всякаго сомнѣнiя, какъ неотразимая, непреложная истина. Какое же заключеніе естественно и необходимо слѣдуетъ изъ этого по отношенію къ природѣ Христа? Слѣдующее, состоящее изъ двухъ положенiй: во-первыхъ, Евангеліе проповѣдуетъ не пререкаемую истину, свидѣтельствуя, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ родился въ мірѣ не по естественнымъ законамъ общечеловѣческаго рожденiя, но по особеннымъ, исключительнымъ, сверхъестественнымъ; Онъ—сверхъестественное явленіе въ мірѣ, чудо въ нашей исторiи по самому происхожденію своему. Во-вторыхъ, Онъ не только есть сверхъестественное лицо какого-либо неопредѣленнаго характера, но истинный Богъ, принявшій на себя природу человѣка и, такимъ образомъ, ставшій

человѣкомъ, истинный Богочеловѣкъ. Покажемъ же, какъ эти положенія со всею безукоризненностію здравой логики сами собой даются намъ безусловно безгрѣшностію Христа.

Вполнѣ правильное развитіе человѣческаго духа безъ всякихъ уклоненій въ сторону, т.-е. въ умственномъ отношеніи постепенное преспѣваніе въ знаніи истины безъ заблужденій, въ нравственномъ постепенное усовершенствованіе въ дѣлѣ добра безъ нарушеній нравственнаго закона, составляетъ назначеніе человѣка, положено было въ божественномъ планѣ творенія человѣка и потому совершенно возможно было для человѣческой природы. Развитіе человѣка опредѣлено извѣстными законами и, безъ сомнѣнія, вовсе не для нарушенія ихъ, а для точнаго исполненія. Однако, въ дѣйствительности, съ того времени какъ грѣхъ вошелъ въ міръ, мы не находимъ въ исторіи человѣчества ни одного человѣка, кромѣ Христа, который бы развивался безусловно правильно. Никто и никогда, насколько извѣстно намъ изъ исторіи, не объявлялъ себя предъ человѣчествомъ безгрѣшнымъ, и только одинъ Христосъ открыто такъ свидѣтельствовалъ о Себѣ. Никакой народъ ни въ какое время не считалъ ни одного изъ величайшихъ представителей и руководителей своей жизни всецѣло святымъ, и только въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ смѣняющіяся одно другимъ поколѣнія христіанъ вѣрують въ Основателя своей церкви, какъ безусловно-безгрѣшнаго, совершенно святаго. Что мы должны сказать теперь, прежде всего, о связи грѣха и заблужденія съ человѣческою природою, если грѣхъ и заблужденіе мы видимъ въ каждомъ человѣкѣ, исключая Христа? Очевидно, не что другое какъ то, что грѣхъ и заблужденіе хотя не лежали первоначально въ нашей природѣ, какъ положительное сѣмя, однако со вступленіемъ ихъ въ нашу природу, стали неотъемлемою принадлежностію послѣдней, нераздѣльною ея частью въ настоящемъ ея состояніи, сдѣлались какъбы второю нашею природою. Но Христосъ

во всемъ своемъ развитіи, какъ мы видѣли, показалъ Себя безусловно чуждымъ этой ненормальности нашего развитія, этой второй нашей природы. Чѣмъ же объяснить Его такую свободу отъ недостатковъ нашей природы? Ясно, что ничѣмъ инымъ, какъ совершенно другимъ способомъ Его происхожденія въ мірѣ, нежели какимъ происходятъ все прочіе люди. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, встрѣчаясь съ явленіями природы, стоящими въ тѣсной связи съ высокимъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ и рѣшительно необъяснимыми изъ законовъ природы, называемъ ихъ не натуральными продуктами міра, но непосредственными или сверхъестественными дѣйствіями Бога въ мірѣ, чудесами: такъ точно и Христа, въ виду Его безгрѣшности и безусловной правильности и совершенства Его развитія, должны признать по происхожденію не натуральнымъ плодомъ общечеловѣческихъ условій нашего рожденія, но непосредственнымъ или сверхъестественнымъ дѣйствіемъ Божиимъ, таинственно совершеннымъ въ человѣческой природѣ, т.-с. во чревѣ пречистой Дѣвы Маріи, Матери Христа,— творческимъ произведеніемъ внутри Ея утробы новаго Главы нашего рода, втораго Адама. Кто можетъ оспорить правильность этого вывода о сверхъестественномъ зачатіи нашего Спасителя, неизбежно слѣдующаго изъ Его совершенной безгрѣшности?

Но этимъ только выводомъ отличіе природы Христа отъ общечеловѣческой и полное понятіе о ней далеко еще не исчерпывается: до сего времени мы узнали лишь одну отличительную сторону, но не цѣлое отличіе отъ насъ Господа. Насколько труднѣе была задача безгрѣшнаго и совершеннаго развитія Христа въ мірѣ по сравненію съ такою же задачею перваго Адама, настолько же и природа перваго, ни мало не уклонившаяся отъ своей задачи, должна была отличаться отъ природы послѣдняго, превосходить ее. Трудность задачи вполне нормальнаго развитія Христа состояла въ самосохраненіи Его отъ

всестороннихъ внѣшнихъ вліяній грѣха, особенно въ ранній періодъ жизни (а мы видѣли, что въ духѣ Христа нельзя отыскать никакого намека на когда-либо вообще совершенный имъ грѣхъ). Адамъ пришелъ въ міръ съ полнымъ самосознаніемъ и надлежащею силою самоуправленія своею волею, съ положительнымъ направленіемъ къ добру внутри своего существа и совершенно свободнымъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій грѣха изъ человѣческаго міра, котораго еще не существовало. Зрѣлость состоянія его духа и отсутствіе всякаго грѣха на землѣ служили для него прочною основою вполнѣ правильнаго развитія его духа. Не такимъ явился въ мірѣ Христосъ и не при такихъ условіяхъ происходило Его развитіе въ мірѣ. Онъ родился безсознательнымъ младенцемъ и Его развитіе должно было совершаться въ мірѣ, въ которомъ грѣхъ дѣйствовалъ и властвовалъ уже съ непобѣдимую силою. Еслибы душа Христа уже съ перваго момента своего бытія находилась въ полномъ владѣніи своимъ самосознаніемъ и свободою, то, конечно, она еще могла бы съ самаго начала своей жизни объявить войну всему плотскому и грѣховному и съ теченіемъ времени вести эту войну съ возрастающею силою. Между тѣмъ, подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго развитія, она только постепенно переходила изъ безсознательнаго и несвободнаго состоянія въ область сознательной и свободной жизни. Но въ то самое время какъ дѣти находятся въ безсознательномъ или полусознательномъ состояніи и управляются въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе инстинктами, нежели свободнымъ опредѣленіемъ своей воли, они поддаются уже разнообразнымъ вліяніямъ грѣха изъ окружающей ихъ среды и потому, достигнувъ полнаго умственного и нравственнаго сознанія, находятъ въ себѣ силу грѣха уже дѣйствующею. При такихъ условіяхъ развитія, даже независимо отъ послѣдственно натуральной склонности каждаго человѣка ко грѣху, невозможна совершенная безгрѣшность человѣка. Какимъ же образомъ

Христось могъ представить намъ въ Себѣ живой идеаль безусловно правильнаго, безгрѣшнаго, совершеннаго развитія? Какъ могъ Онъ сохраниться особенно въ ранніе годы Своей жизни отъ всякихъ воздѣйствій грѣха и заблужденій изъ окружающаго Его человѣческаго міра? Можетъ быть скажутъ: благодаря исключительному охраненію Его отъ этихъ внѣшнихъ вліяній божественно-благодатною силою? Но въ такомъ случаѣ было бы непонятно, почему Богъ избралъ предметомъ своего особеннаго, исключительнаго охраненія именно только эту одну личность, а не также всѣхъ другихъ? Притомъ такое охраненіе не говорило ли бы о какомъ-то насильственномъ, предопредѣленномъ какою-то роковою необходимостью ростѣ, а не свободномъ саморазвитіи духа Христа? Нѣтъ, если особенная, высшая божественная сила оберегала Христа отъ всѣхъ вліяній грѣха и заблужденія, то она должна была дѣйствовать изнутри Его духа, составлять самую сущность Его духа, внутреннее начало Его жизни, постепенно раскрывающееся въ совершенной гармоніи съ натуральнымъ развитіемъ человѣческой природы Христа. Что же мы должны разумѣть подъ этимъ божественнымъ началомъ, дѣйствовавшимъ внутри духа Христа? Очевидно, отнюдь не то только сродное Богу или богообразное начало жизни, которое присуще каждому человѣческому существу: такая богообразность Христа не исключала бы ненормальности въ Его духовномъ развитіи, какъ это мы видимъ во всѣхъ другихъ людяхъ. Въ такомъ случаѣ, что же остается намъ заключить о божественномъ началѣ во Христѣ, въ виду Его совершенной безгрѣшности? То, что оно было божественнымъ естествомъ въ собственномъ смыслѣ слова, соединившимся съ человѣческою природою и, такимъ образомъ, въ своемъ соединеніи съ послѣднею открывшимъ міру въ нашемъ Спасителѣ Бога и человѣка вмѣстѣ, *Богочеловѣка*. Такъ, безгрѣшность Христа, разсматриваемая среди всеобщей грѣховности человѣческаго рода, даетъ намъ въ видѣ неизбѣжнаго, неотразимаго

вывода изъ нея богочеловѣчности Христа. Кто опять, смѣемъ спросить, не согласится съ правильностію этого вывода?

Итакъ, если Господь нашъ Иисусъ Христосъ безгрѣшенъ, святъ, живой воплощенный идеаль добра, то несомнѣнно и непререкаемо Онъ—истинный Богъ, ставшій человекомъ, истинный Богочеловѣкъ.

С. И. П.

УЧАСТІЕ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ВЪ УСТРОЕНИИ ЖЕНСКИХЪ ОБЩЕЖИТІЙ.

ДВА ПИСЬМА ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, КЪ ВДОВѢ МАЮРА АННѢ ГАВРИЛОВНѢ ГОЛОВИНОЙ, УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНѢ ГАГАРИНОЙ.

1. Милостивая государыня, Анна Гавриловна! Имѣю утѣшеніе извѣстить васъ, что предположеніе ваше о учрежденіи въ вашемъ селѣ Новоспасскомъ Богоугоднаго Влахерскаго общежитія *), изъ лицъ женскаго пола, въ 13 день прошедшаго маія Высочайше утверждено.

Молю Бога, да будетъ благоугодна Ему ваша жертва, да благословитъ Онъ васъ и чадъ вашихъ благословеніемъ временнымъ и вѣчнымъ и да даруетъ вамъ увидѣть учрежденіе ваше возрастающимъ и приносящимъ плодъ духовный.

Вашего высокоблагородія, и пр. 29 іюня 1852.

2. Милостивая государыня, Анна Гавриловна! Указомъ Указомъ св. Синода, отъ 20 іюня 1852 года, № 5226., объявлено мнѣ Высочайшее Его императорскаго величества разрѣшеніе по богоугодному желанію вашему учредить въ селѣ Новоспасскомъ, Дмитровскаго уѣзда, Московской епархіи, женское общежитіе, подъ наименованіемъ

*) Нынѣ Спасо-Влахерскій монастырь.

Влахернскаго, на утвержденныхъ для Троицкаго Одигитріевскаго женскаго общежитія *) правилахъ.

Посему препровождая списокъ съ означеннаго указа св. Синода и списокъ правилъ о составѣ, зависимости и устройствѣ Одигитріевскаго женскаго общежитія, долгомъ поставляю присовокупить слѣдующее:

1. Главнѣйшія правила общежитія Одигитріевскаго, могутъ вполнѣ быть примѣнены къ общежитію Влахернскому, и потому должны быть приняты въ руководство.

2. Нѣкоторыя правила могутъ быть приняты, какъ совѣты, и употребляемы не съ строгою настоятельностью, по разсужденію начальницы. Таково 21 правило о неимѣніи въ келліяхъ украшенныхъ иконъ.

3. 39 правило о неупотребленіи молочной пищи, присвоенное общежитію Одигитріевскому по особеннымъ обстоятельствамъ онаго, не поставляется обязательнымъ для Влахернскаго общежитія; и молочную пищу употреблять въ семь общежитіи въ опредѣленные по уставу дни не возбраняется.

4. По состоянію здоровья вашего, не надѣясь, чтобы вы могли принять трудъ непосредственнаго начальствованія надъ общежитіемъ, тѣмъ не менѣ надѣюсь, что, будучи учредительницею онаго, не отречетесь пребыть и попечительницею онаго.

5. Ближайшею же начальницею Влахернскаго общежитія, по предложенію вашему, утверждена мною дѣвица Елисавета Андреева Татарина **).

6. Какъ за симъ должно будетъ дѣйствительно приступить къ образованію общежитія на основаніи данныхъ правилъ: то, надѣюсь, милостивая государыня, что вы и почтенный сынъ вашъ Гавріиль Павловичъ, обратите дѣятельное вниманіе на приготовленіе того, что вами предположено для устроенія общежитія. Полезно было бы,

*) Въ Верейскомъ уѣздѣ. Нынѣ Одигитріевско-Зосимова пустынь.

**) Нынѣ игуменія Серафима.

чтобы, за приготовленіемъ жилищъ не далеко слѣдовало и устроеніе ограды, хотя отчасти деревянной, если въ устроеніи каменной встрѣтятся затрудненія.

Призывая вамъ и почтенному сыну вашему благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю, и пр.
16 февраля 1854.

ПРАВИЛА О СОСТАВѢ, ЗАВИСИМОСТИ И УСТРОЙСТВѢ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТРОИЦКАГО ОДИГИТРИЕВСКАГО ЖЕНСКАГО ОБЩЕЖИТІЯ.

1. Общежитіе сіе состоитъ подѣ главнымъ начальствомъ епархіальнаго архіерея.

2. Оно состоитъ изъ сорока лицъ женскаго пола и нѣсколькихъ новоначальныхъ.

3. Управление общежитіемъ ввѣряется начальницѣ, избираемой изъ сестеръ онаго, благонравныхъ и -благонадежныхъ, съ ихъ общаго согласія, и утверждаемой епархіальнымъ архіереемъ.

4. Вторая по начальницѣ есть ея помощница, третья казначея. Въ сіи должности избираетъ начальница съ согласіемъ старшихъ сестеръ, и на вступленіе избраннымъ въ должность испрашиваетъ благословеніе епархіальнаго архіерея. Старшими сестрами признаются тѣ, которыя по довольномъ пребываніи въ общежитіи добрымъ житіемъ и духовнымъ разсужденіемъ оказываются способными помогать начальницѣ въ руководствованіи прочихъ.

5. Желаящая вступить въ общежитіе является къ начальницѣ съ законными письменными о себѣ видами.

6. Пріемъ сестеръ бываетъ сперва въ разрядѣ новоначальныхъ для испытанія на годъ или болѣе, смотря по качествамъ вступающей. По довольномъ испытаніи оказавшаяся благонадежною пріемлется рѣшительно въ число сестеръ общежитія и о семъ доводится до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея, или, смотря по требованію обстоятельствъ, испрашивается его разрѣшеніе на принятіе.

7. И послѣ рѣшительнаго принятія въ число сестръ, ежели которая станетъ нарушать правила сего общежитія и вести себя несообразно духу онаго, и не покажетъ тѣнанія ко исправленію, начальница, съ согласія старшихъ сестръ, имѣеть право удалить оную изъ обители общежитія, испросивъ на то разрѣшеніе епархіальнаго архіерея.

8. Начальница и всѣ сестры должны во всѣ четыре поста говѣть для причащенія Св. Таинъ, а усердствующія и живущія во вниманіи къ себѣ могутъ и чаще съ благословія отца духовнаго и начальницы.

9. Церковное богослуженіе и молитвенное монашеское правило совершаются по уставу церковному.

10. По возбужденіи отъ сна прежде утрени не начинать никакого дѣла, даже ничего не говорить, кромѣ необходимаго слова, и быть на утреннемъ богослуженіи по крайней мѣрѣ до исполненія шестопсалмія. Послѣ сего трудящіяся, или какою благословною виною отзымаемая, могутъ отходить на свои дѣла съ благословія начальницы.

11. Въ церковь и на всякое правило собираются всѣ немедленно и стоятъ каждая на своемъ мѣстѣ благочинно въ молчаніи, стараясь молиться со усердіемъ и смиреніемъ, помышляя усердную молитву грѣшницы у ногъ Спасителя и смиренную мытареву.

12. Памятуя наставленіе Василия Великаго въ 1-й главѣ подвижническихъ его уставовъ, яко молитву всему должно предпочитать, какъ начальница, такъ и сестры должны стараться не упускать никакого церковнаго богослуженія и никакого соборнаго или келейнаго правила кромѣ винъ благословной, за послушаніе наложенное отъ начальницы, или по болѣзни, о которой должно быть извѣстно начальницѣ. Соборное или келейное чтеніе священныхъ и духовныхъ книгъ также должно имѣть за важнѣйшее упражненіе Богу посвященной жизни.

13. Послѣ ужина всѣ сестры общежитія нерасходясь

должны слушать молитвы на сонъ грядущимъ, а которыя не ужинали, тѣ имѣютъ право совершать оныя въ своихъ келліяхъ въ тоже время, или нѣсколько ранѣе или позже. Послѣ вечернихъ молитвъ да охраняются всѣ отъ всякихъ разговоровъ, кромѣ необходимаго слова; но однимъ общимъ земнымъ поклономъ да просятъ другъ у друга искренно прощеніе, помышляя каждая: можетъ быть мнѣ нынѣ одръ мой гробъ будетъ; такъ да расходятся ежедневно съ мирнымъ духомъ ко всѣмъ, по реченному: «солнце да не зайдетъ во грѣбъ вашемъ».

14. Грѣбъ имѣющимъ не давать ни пить, ни ѣсть до тѣхъ поръ, пока примирятся; и если сіе продолжится цѣлый день, то дать только мало хлѣба и воды въ вечеръ; а которая и въ три дня примириться не захочетъ, такую удалить отъ прочихъ, и въ послѣдній разъ увѣщевать, чтобы смирилась и за упорство во грѣбъ и соблазнъ понесла приличную епитимію. Если и за симъ не смирится: то по правилу Василія Великаго, «яко неисцѣльно недугующую», непременно отъ сестръ отлучить и изъ обители отпустить.

15. Въ недоумѣнныхъ случаяхъ по общежитію надлежитъ просить разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

16. Какъ новоначальныя для испытанія своихъ поступковъ имѣютъ старшихъ сестръ, а сіи начальницу, но и самой начальницѣ благопотребно такое же пособіе въ испытаніи себя; и какъ для утвержденія истиннаго мира и любви въ общежитіи нужно, чтобы въ немъ господствовала между всѣми совершенная искренность и откровенность, съ соблюденіемъ впрочемъ порядка подчиненности: то начальница позволяетъ и даже требуетъ, чтобы каждая старшая сестра открывала ей наединѣ помыслы свои о погрѣшностяхъ самой начальницы, или о своемъ, или ученицъ своихъ на начальницу неудовольствіи; но при семъ какъ подчиненная должна говорить со смиреніемъ и готовностію признать погрѣшительность своего помысла, такъ и начальница должна слушать со

смирениемъ и готовностію признать свою погрѣшность; и буде она въ чемъ обличена справедливо, то должна сознаться и просить прощенія и молитвъ въ помощь себѣ ко исправленію, а если въ чемъ несправедливо обвиняють ее, то съ кротостію должна объяснить обвиняющимъ ихъ ошибку, и онѣ должны принять отъ нея съ вѣрою и просить прощенія. (Зри пространныхъ правилъ Василия Великаго гл. 27).

17. Всѣ сестры должны содержать себя въ такомъ расположеніи, чтобы, услыша отъ начальницы назначеніе какого послушанія или предлагаемый совѣтъ, немедленно и безпрекословно въ точности исполнить, хотя бы то казалось труднымъ или неприятнымъ. (Зри въ концѣ слова Василия Великаго о подвигахъ иноческихъ и въ краткихъ правилахъ его главу 121, и въ подвижническихъ его уставахъ главу 23).

18. Дѣлать рукодѣліе не должны сестры по своему выбору, но какое кому назначить начальница, и отдавать оное въ ея распоряженіе. (Зри пространныхъ правилъ Василия Великаго главу 41).

19. Отъ свѣтскихъ людей предлагаемыя на заказъ работы принимать только вещей служащихъ на церковное или домашнее полезное и нужное употребленіе; а работъ мірскихъ и къ роскоши относящихся отнюдь не брать, и для избѣжанія многихъ сношеній съ мірскими, заказы работъ должна принимать только одна казначея, или другая сестра по назначенію начальницы.

20. Каждая сестра должна соблюдать совершенное нестяжаніе, т.-е. не имѣть ничего собственнаго, даже и того, что носить, и что имѣеть у себя необходимое, не признавать своимъ, и всегда готовой быть отдать другой сестрѣ, ежели отъ начальницы повелѣно будетъ; и ни одна ничего не должна у себя имѣть иначе, какъ по благословенію начальницы, и даемое посторонними, принявши по ея дозволенію, полагать въ общину, чтобы все у всѣхъ почиталось общее; впрочемъ одна у другой от-

19*

нюдь ничего не должна брать безъ вѣдома той, у которой беретъ, и безъ благословенія начальницы или своей старшей. (Зри слово Василия Вел. о подвиг. иноч. и въ краткихъ его правилахъ гл. 85, 86 и 87 и въ подвижнич. его уставахъ гл. 34).

21. Внутри келлій никакого излишняго и роскошнаго убранства не допускать, но во всемъ да является простота и смиреніе, а посему даже и св. иконъ въ богатыхъ окладахъ въ келліяхъ не держать, но поставлять ихъ или въ церкви, или въ общей молитвенной келліи.

22. Одежду носить изъ черныхъ тканей, приличную смиренному пустынному житію; а посему тонкое бѣлье и всякое изысканное по свѣтскому обычаю украшеніе или убѣленіе возбранять; но токмо какъ въ одеждахъ, такъ и въ келліяхъ наблюдать приличную чистоту и опрятность.

23. Поступившія въ число сестръ и полагающія твердое намѣреніе пребыть съ помощію Божіею до конца жизни въ общежитіи, могутъ получать благословеніе употреблять и наглавіе монастырское.

24. Начальница съ одною или двумя старшими сестрами должна нечаянно два раза или по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ осматривать всѣ келліи и имущество каждой сестры. Для того сіе необходимо, что иная не смѣлая и совѣстливая и о томъ, въ чемъ нужду имѣеть, не скажетъ, а у иной по слабости жизни и невниманію вкрадется что-нибудь и излишнее. Въ слѣдствіе осмотра, нуждающейся выдать немедленно потребное изъ общаго имущества; а у которой найдется непозволительное излишество, таковую стараться убѣдить по совѣсти, чтобы сама охотно отдала излишнее въ общину, дабы не быть разрушительницею устава и соблазномъ обществу, чего не должно попускать. Впрочемъ, если у которой окажется что-либо, хотя не пужное, но несоблазнительное или маловажное, можно по разсужденію начальницы дѣлать снисхожденіе. Только денегъ оставлять ни у которой не должно.

25. Новопрішедшая должна отдать все свое имущество подь сохраненіе обители и дается ей годъ времени, по прошествіи коего должна объявить свое рѣшительное расположеніе, и ежели не желаетъ жить въ обители, то возвращается ей все ея имущество, а если останется, то причисляется сама къ числу сестръ, а имущество ея поступаетъ въ собственность общежитія, послѣ чего, если и пожелаетъ выдти изъ обители, ничего уже изъ прежняго своего имущества не имѣетъ права требовать обратно, по примѣненію къ правиламъ Кормчей книги 2 части.

26. Если которая и послѣ искуса не можетъ рѣшиться отдать всего своего имущества, но усердно желаетъ жить въ обители для спасенія души своей, то не принимать ее рѣшительно въ число сестръ, доколѣ не покорится сему правилу; впрочемъ можно оставить ее какъ-бы въ разрядѣ новоначальныхъ, ежели только она не въ тягость и не въ соблазнъ всему обществу.

27. Въ пріемѣ сестръ всего болѣе смотрѣть на намѣреніе къ очищенію сердца и желаніе спасенія съ благопокорнымъ отсѣченіемъ своей воли, и всячески остерегаться, чтобы не имѣющихъ сего расположенія не принять по какимъ-либо постороннимъ видамъ, а имѣющихъ оно не отвергнуть по ихъ бѣдности или другимъ не духовнымъ причинамъ.

28. Жить одной по себѣ новоначальной не должно попускать до времени, а также молодымъ двумъ или болѣе вмѣстѣ жить безъ старшей отнюдь запрещаетъ Василій Великій; но начальница должна поручить ихъ старшимъ келейнымъ наставницамъ по своему усмотрѣнію, потому что, ежели въ началѣ новопрішедшая не отсѣчетъ въ конецъ воли своей, то и сама себѣ и другимъ будетъ въ тягость, и вѣтъ надежды, чтобы совершила жизнь свою въ обители.

29. На основаніи правилъ и завѣщаній св. отецъ (о чемъ зри пространныхъ правилъ Василя Вел. гл. 10, 26 и 46, краткихъ его правилъ гл. 110 и 111 и въ Добротолубіи

Каллиста и Игнатія гл. 14 и 15 и Симеона новаго Богослова въ Добротолюбіи же гл. 41 и 129 и Іоанна Лѣтвичника въ четвертой степени), всѣ сестры обители должны быть со всею искренностію откровенны во всемъ своей начальницѣ, чтобы она, вѣдая ихъ склонности, чувства, мысли и желанія, и всѣ дѣянія и поступки цѣлой жизни ихъ отъ младенчества, и вида совѣсть каждой, могла безошибочно управлять ими и охранять ихъ отъ всего душевреднаго. Ибо не зная склонностей и искушеній сестръ, начальница по невѣдѣнію можетъ поручить имъ такія дѣла, которыя будутъ увеличивать ихъ искушенія, наприкладъ: корыстолюбивую можетъ избрать въ казначей, склонную къ разсѣянію и суетнымъ бесѣдамъ употребить въ послушаніе гостепріимства, невоздержную въ пищѣ или пристрастную къ лакомству поставить распорядительницею трапезы или ключницею, нескромную и слабую противъ соблазновъ посылать на послушанія для нея опасныя, гордую и высокомыслящую о своей святости оставить жить въ безмолвіи и въ усиленномъ постѣ, тщеславной поручить высшую должность, или поручить таковымъ ученицѣ, слѣпыхъ слѣпымъ водительницамъ, отъ чего вмѣсто спасенія можетъ послѣдовать вредъ и совершенное въ сестрахъ разстройство, за что начальница должна отвѣчать Богу. Посему, если которая изъ новоначальныхъ не хочетъ откровенна быть во всемъ начальницѣ, таковой до времени оказать терпѣніе, пока сама увидитъ и узнаетъ, какая великая польза и облегченіе совѣсти и утѣшеніе души (какъ говоритъ Симеонъ новый Богословъ) происходитъ отъ чистой откровенности, а до тѣхъ поръ не принимать ее въ число сестръ.

30. Каждая сестра, открывши однажды все о себѣ чисто-сердечно начальницѣ, должна послѣ сего каждый вечеръ говорить откровенно со своею наставницею, коей поручена отъ начальницы, о ежедневныхъ своихъ погрѣшностяхъ и просить у нея прощенія и молитвъ и помощи къ исправленію (зри Симеона новаго Богослова главу 122).

31. Келейныя же наставницы во всемъ должны относиться къ начальницѣ, и по волѣ и совѣту ея управлять порученными имъ. Если что случится важное, о чемъ новоначальная не можетъ сказать своей старшей, то немедленно да открываетъ оное самой начальницѣ. Если же и ничего при Божіей помощи нѣтъ важнаго, при всемъ томъ какъ старшія, такъ и ученицы ихъ должны по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ быть у начальницы для духовной откровенной бесѣды или наединѣ, или вмѣстѣ съ другими, какъ которой нужно и по чувствамъ и по обстоятельствамъ; ибо отъ сего болѣе усиливается любовь и довѣріе у сестръ къ начальницѣ, а у начальницы къ сестрамъ, а человѣкъ безъ совѣта и самъ противу себя супостатъ. (Притч. гл. 11, ст. 14).

32. Въ отсутствіе начальницы до ея возвращенія отъ новоприходящей никому никакихъ тайнъ не извѣдывать, но еще и внушать ей, чтобы безъ благословенія начальницы не была ни съ кѣмъ откровенна (зри краткихъ правилъ Василия Великаго главу 229 и слово о разсужденіи Кассіана Римлянина въ Добротолюбіи въ 4 части).

33. Находящимся еще во искусѣ, пока привыкнутъ, хотя и можно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣлать позволительныя послабленія и снисхожденія; но притомъ надлежитъ внушать имъ, чтобы старались съ самаго начала исполнять всѣ правила подъ опасеніемъ, что послѣ времени искуса имъ труднѣе будетъ, поелику обыкновенно съ перваго вступленія болѣе бываетъ горячности и охоты на всѣ труды и подвиги, а особливо у молодыхъ; и если таковыя не самочинно, а съ благословеніемъ будутъ слѣдовать своимъ первымъ усерднымъ движеніямъ, то придутъ въ благое навыкновеніе; а если сначала не покажутъ ревности, то нельзя не опасаться, что по времени еще болѣе ослабѣютъ.

34. Впрочемъ всѣмъ вообще стараться проводить жизнь тихую, уединенную, подвижническую, молчаливую, а наипаче въ св. čtyрдесятницу тщательно наблюдать строгое безмолвіе такъ, чтобы и въ келіи одна къ другой,

кромѣ субботы и воскресенья, не ходили и избѣгали всякихъ бесѣдъ, повидимому, и полезныхъ, ибо молчаніе и безмолвіе приносятъ высшую пользу (по Григорію Синаиту, глава 104, въ Добротолубіи). Дни поста суть дни плача, покаянія и очищенія. Въ сіе время преимущественно должно стараться сердечною вѣрою и любовію сострадать страданіямъ Искупителя, пролившаго святѣйшую кровь свою за грѣхи наши. Въ сіе священное время дается болѣе свободы на занятія духовныя отъ дѣлъ обительскихъ.

35. Впрочемъ сверхъ установленнаго поститься или молиться или какое подвижническое дѣло творить не должна ни которая сестра самочинно и скрытно отъ начальницы, а должна взять на то каждая благословеніе у начальницы, или у своей келейной старшей, опасаясь прелести вражіей. (Зри кратк. правилъ Василія Великаго гл. 137 и 138).

36. Въ праздники Христовы не ходитъ никогда въ свѣтскіе дома для славленія. Вообще никуда не ходитъ изъ обители безъ дозволенія начальницы; для необходимыхъ же нуждъ обительскихъ по усмотрѣнію посылаются будутъ могущія безвредно исполнять поручаемыя дѣла и служенія.

37. О посѣщающихъ давать знать начальницѣ и принимать по ея разсужденію и по ея дозволенію.

38. На трапезѣ должны быть предлагаемы по приличію дня, сообразно съ уставомъ церковнымъ, иногда съ рыбою, иногда съ елеемъ, а иногда и безъ елея, въ простые дни два кушанья, въ праздники три, а въ большіе праздники четыре.

39. Молочной пищи вообще не употребляютъ въ подражаніе нѣкоторымъ святымъ пустынножителемъ, а токмо разрѣшать на оную въ честь великихъ дванадесятихъ праздниковъ, и въ тѣ седмицы, въ которыя по предапіямъ святыхъ отецъ положено таковое разрѣшеніе, частію во славу великихъ праздниковъ, частію въ противоположность обычаемъ еретиковъ.

40. Какъ сама начальница, такъ и всѣ сестры должны

стараться ходить всегда за общую трапезу, кромѣ вины благословной или болѣзни. Для немощныхъ и болящихъ можно готовить и особенную пищу, по усмотрѣнію начальницы.

41. За трапезою сидѣть благочинно и слушать внимательно священное чтеніе.

42. Дабы обитель не имѣла попеченія, ей несвойственнаго, поставляется въ правило и для посѣтителей не имѣть въ обители вина и не готовить яствъ, съ вышеизложенными правилами несообразныхъ.

43. Если по опыту окажется нужнымъ сдѣлать въ настоящихъ правилахъ нѣкоторое измѣненіе или дополненіе, безъ нарушенія главнаго основанія, то начальница съ согласіемъ старшихъ сестръ представляетъ о семъ на благоусмотрѣніе епархіальному архіерею съ испрашиваніемъ разрѣшенія и благословенія.

44. О денежномъ приходѣ и расходѣ вести записку въ книгѣ, которую по окончаніи года представлять епархіальному архіерею при репортѣ о благосостояніи общежитія, и краткій отчетъ о хозяйственномъ состояніи обители.

45. Для надзора за симъ общежитіемъ въ отношеніи къ благочестію и благонравію, епархіальный архіерей опредѣляетъ надъ нимъ благочиннаго изъ монашествующихъ, мужа зрѣлыхъ лѣтъ, назидательнаго и опытнаго въ жизни духовной.

46. Для наблюденія со стороны духовнаго начальства, соблюдаются ли сіи правила и соответствуетъ ли общежитіе своей цѣли, назначенный благочинный посѣщаетъ оное не менѣе одного раза въ годѣ.

47. Кромѣ наблюденія надъ состояніемъ общежитія, онъ старается споспѣшествовать къ большему усовершенствованію онаго, подавая сестрамъ и начальницѣ потребные духовные совѣты и наставленія.

48. Послѣ каждаго такового посѣщенія доносить онъ епархіальному архіерею обстоятельно, съ приложеніемъ

именнаго списка сестръ общежитія, съ своими о нихъ замѣчаніями и со свидѣтельствами начальницы.

„1841. дек. 14. По симъ правиламъ общежительство, добровольно ихъ принявшее, Богъ да благословитъ и благоустроитъ и сохранитъ“.

Филаретъ. М. Московскій.

Н О Ч Ъ.

По поводу современныхъ событій.

Пророкамъ народа Божія было обычно живописать тяжелыя времена, переживаемыя какимъ-либо народомъ, а чаще имѣющія ихъ постигнуть въ будущемъ, какъ дни тьмы и мрака, дни облачныя и пасмурныя (Юлія 2, 2. Амоса 5, 18—20), какъ безлунныя ночи, безсолнечныя дни (Исаи 13, 10). Въ частности, такими чертами, какъ дни скорби и тѣсноты, дни тьмы и мрака, дни облака и мглы, живописуются тѣ времена, когда раздается, или же обѣщаетъ раздаться, звукъ военной трубы и браннаго крика противъ укрѣпленныхъ городовъ и высокихъ башенъ (Софоніи 1, 15—16).

Въ такія мрачныя времена люди, по замѣчанію пророковъ, осязаютъ какъ слѣпыя стѣну и какъ безъ глазъ ходятъ ощупью; спотыкаются въ полдень, какъ въ сумерки, между живыми — какъ мертвые (— 1, 17; Исаи 59, 10).

А между тѣмъ, какъ вчера, такъ и сегодня, обычной чредой, на тверди небесной восходятъ два свѣтила великія: свѣтило большое, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды поставленныя Богомъ, чтобы свѣтить на землю и управлять днемъ и ночью и отдѣлять свѣтъ отъ тьмы (Бытія 1, 16—18). Все совершается такъ, какъ разъ было установлено съ тою цѣлію, чтобы было *хорошо*, и каждый день солнце выходитъ, какъ женихъ, изъ брачнаго чертога своего и радуется, какъ исполинъ, пробѣжать поприще, дабы никто

не укрылся от теплоты и свѣта его (Псал. 18, 5—7). Только у людей, для нихъ однихъ темная ночь.

Обыкновенно съ восходомъ солнца выходить и человекъ на дѣло свое и на работу свою до вечера, когда, зная свой западъ, свѣтило сходитъ съ горизонта, распространяется тьма и бываетъ ночь (Псал. 103, 19—23). Свѣтъ по этому есть жизнь; свѣтъ есть вмѣстѣ и дѣятельность. Когда же приходитъ ночь, никто не можетъ дѣлать (Іоанна 9, 4). Обычная ночь есть время успокоенія.

Иною бываетъ ночь духовная. Ея отличительная черта — прекращеніе дѣятельности—повидимому та же, что и у ночи обычной. Но это не та обыкновенная отрадная, смѣняющаяся днемъ, ночь, которая даетъ покой, сладкій сонъ и свѣжія силы работающему. Духовная ночь превращаетъ обычные ночи и дни въ такой ужасъ (Ис. 21, 4), что люди въ трепетѣ сердца утромъ говорятъ: о, еслибы пришелъ вечеръ! а вечеромъ: о, еслибы наступило утро (Втор. 28, 67)! Такъ необычно становится теченіе всей человѣческой жизни отъ страха предъ тѣмъ, что совершается и грозитъ совершиться.

Люди страшатся такихъ знаменій небесныхъ, какъ на-примѣръ кратковременное затменіе солнца и т. под. (Іереміи 10, 2). Ожиданія чего-то страшнаго, потому что не извѣстнаго, останавливаютъ живую дѣятельность. Тоже, если не большее и худшее, совершается и тогда, когда наступаетъ долгая духовная ночь въ мірѣ людей. Обычное, покойное теченіе дѣлъ прекращается. Исчезаетъ съ плодоносной земли веселіе и ликованіе, и въ виноградникахъ не поютъ, не ликуютъ; виноградарь не топчетъ винограда въ точилахъ (Ис. 16, 10). Плачутъ рыбаки и рыдаютъ всѣ бросающіе уду въ рѣку, и ставящіе сѣти въ водѣ впадаютъ въ уныніе; въ смущеніи находятся обрабатывающіе лѣсъ и ткачи бѣлыхъ полотня; содержащіе садки для живой рыбы упадаютъ въ духѣ (— 10, 8—10). Прекращается звукъ жернововъ (Іереміи 25, 10). Во всѣхъ отрасляхъ свободной дѣятельности сыны человѣческіе какъ

бы опутываются сѣтью злаго времени, которое нападаетъ на нихъ, какъ опутываются птицы силкомъ (Екклесіаста 9, 12). Нѣтъ свободы; у всѣхъ опускаются руки (Иезекіиля 7, 17), и люди ѣдятъ хлѣбъ свой съ печалію и воду свою пьютъ въ уныніи (— 12, 19).

Не правда ли, что они кажутся дѣйствительно мертвыми по сравненію съ живыми? Потому что жизнь есть дѣятельность.

Чѣмъ особенно страшна эта, болѣе обыкновенныхъ продолжительная ночь, что сообщать ей особую мрачность,—это неопредѣленность положенія людей, невыясненность обстоятельствъ, среди которыхъ ходятъ оцупью, неувѣренность. Отвсюду проносятся лишь какіе-то неопредѣленные звуки безъ смысла, слова безъ мысли, рѣчи безъ содержанія, хрупкія надежды, безпредметныя предчувствія и ожиданія; какъ будто день дню не передастъ уже болѣе ясной, вразумительной рѣчи и ночь почи не открываетъ вѣрнаго знанія (Псал. 18, 3). Состояніе безпомощности—самое тяжелое состояніе. Нѣтъ видѣнія у тѣхъ, кого считали ранѣе пророкомъ; ихъ глаза сомкнуты и закрыты головы прозорливцевъ; не даетъ никакого совѣта старецъ (Иез. 7, 26; Ис. 29, 16). Никто не знаетъ, чему вѣрить, на что надѣяться, чего ждать, такъ какъ разнообразясь и переплетаясь, взаимно уничтожая себя, идетъ вѣсть за вѣстью: одинъ разъ идетъ вѣсть: «не увидите меча, но постоянный миръ будетъ», а на утро другая вѣсть: «то, что вчера возвѣщали, возвѣщали видѣнія ложныя, и гаданія, и пустое, и мечты сердца своего» (Иер. 14, 13—14). И такъ день за днемъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, куда ни взглянуть люди, взглянуть ли вверхъ, или посмотреть на землю,— и вотъ мракъ, густая тьма. Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ становится тяжелѣе, какъ будто мракъ огустѣлъ и стоитъ неподвижно (Ис. 8, 22).

Мракъ сглаживаетъ, скрадываетъ признаки предметовъ. Въ такую почъ люди, какъ слѣпые, видятъ проходящихъ людей какъ деревья (Марка 8, 24),—настолько теряются ясныя

очертанія самыхъ близкихъ, самыхъ знакомыхъ человѣку образовъ. А когда становятся неясными ближайшіе и знакомые предметы, уже ничтожно мало уловляются черты предметовъ менѣ знакомыхъ и болѣе отдаленныхъ. Естественно, что люди спотыкаются и падаютъ отъ неизвѣстности: что встрѣтитъ ихъ впереди. Тяжелое положеніе тѣмъ тяжелѣй, чѣмъ долѣ оно продолжается, чѣмъ сильнѣе поэтому огустѣваетъ мракъ, чѣмъ шире разстилается его пелена, охватывающая иногда цѣлыя массы человѣческія. Ждутъ свѣта—и вотъ тьма; озаренія—и ходятъ во мракъ (Ис. 59, 9). И тревожась въ эту ночь долгую вопросами и ожиданіями на ложахъ своихъ, никто не знаетъ: что будетъ послѣ сего (Даніила 2, 29). Будетъ ли еще и еще продолжаться такая же ночь, или скоро наступитъ утро?

Въ ветхозавѣтныя времена, въ народѣ Божіемъ, были люди, стоявшіе на башнѣ, становившіеся на стражу, чтобы наблюдать (Аввакума 2, 1), люди, остававшіеся на стражѣ не только днемъ, но и простаивавшіе цѣлыя ночи, вслушиваясь прилежно, съ большимъ вниманіемъ, всматриваясь зорко, чтобы сказывать вопрошающимъ о томъ, что они, стражи, услышатъ и увидятъ (Ис. 21, 6—8). Это истинные пророки. Не только для своихъ соотечественниковъ, въ трудныя времена, когда тьма покрывала землю и мракъ падалъ на языки (— 60, 2), даже и для язычниковъ они были вѣрными стражами, внимательными наблюдателями, точными передатчиками совершавшагося и имѣющаго совершиться. Недремленно стоя на стражѣ, на башнѣ, поэтому выше народа земли, они могли видѣть и видѣли далѣе и болѣе нежели кто-либо, усматривать ранѣе, а потому могли давать и отвѣты стоявшимъ внизу. Къ нимъ и обращались.

«Кричатъ мнѣ съ Сеира: сторожь! сколько ночи? сторожь! сколько ночи?»

Сторожь отвѣчаетъ: «приближается утро, но еще ночь... Если вы настоятельно спрашиваете: то обратитесь и приходите» (Исаи 21, 11—12).

Въ этихъ двухъ стихахъ заключено все пророчество, Исаи, носящее надписаніе пророчества о Думѣ.

Такъ какъ пророчество о Думѣ дано на настоятельные вопросы кричавшихъ Исаи съ горы Сеира, принадлежавшей Едомлянамъ, а на территоріи древняго Едома до сихъ поръ никакой думы не пайдено, то ясно, что здѣсь Дума не есть географическое названіе какого-либо мѣста или города на Сеирѣ, какъ напр. Бытія 25, 14, или I. Навина 15, 52, но имя символическое. Въ данномъ мѣстѣ оно означаетъ то же самое, что въ Псалмѣ 93-мъ, ст. 17, называется страню молчанія или страню мертвыхъ (Псал. 113, 25—26). Черезъ превращеніе имени *Едома*, жившаго на горѣ Сеирѣ (Втор. 2; 4, 5, 8, 12, 29); въ имя *Дума* пророкъ въ своемъ отвѣтѣ и надписаніи предъизобразилъ будущую судьбу сыновъ Исавовыхъ Едомлянъ или Идумеевъ: ихъ страна будетъ страню молчанія, сна, ночи мертвецовъ.

Въ дважды даннымъ, торопливомъ крикѣ-вопросѣ съ Сеира: сколько ночи? уже слышится вся жгучая настоятельность, нетерпѣніе Едомлянъ получить какъ можно скорѣй отвѣтъ: такъ тяжела, такъ темна и страшна была для нихъ продолжительная ночь съ ея ужасами. Спрашивающіе страстно желаютъ знать отъ сторожа: сколько прошло ночи, скоро ли она кончится, когда настанетъ утро, долго ли имъ томиться ожиданіями разсвѣта, когда разсвѣются ужасы ночи (Псал. 90, 5)? Какъ больной съ нетерпѣніемъ ждетъ конца безсонной ночи и постоянно спрашиваетъ о времени: такъ точно Идумей спрашивали у пророка: скоро ли пройдетъ ночь ихъ бѣдствій?

Такая ночь бѣдствій спустилась на Едомъ, наряду съ многими другими народами, въ то время, когда Ассирійскій царь шелъ на землю, чтобы разорить ее (Ис. 36, 10). Исторія не знаетъ близко всѣхъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, среди которыхъ находился въ ту пору Едомъ и которыя пали на него непроглядною ночью. Но достаточно и одного крика нетерпѣнія съ горы Сеира, чтобы представить всю трудность положенія цѣлаго народа, надъ которымъ огустилъ мракъ,—огустилъ настолько,

что мудрецы Оемана не могли дать совѣта, благоразумные потеряли разумъ, умѣвшіе или считавшіе себя умѣвшими утѣшать (Перем. 49, 7; Авдія 8; Иова 2, 11) не могли утѣшить. Среди того мрака недостаточно было *земнаго* знанія Оеманитянъ (Варуха 3, 23); нужно было знаніе *высшее*, знаніе стража, стоящаго на башнѣ. Поэтому и обратились гордые сердцемъ Едомляне (Авд. 3) къ червячку Іакову, къ малолюдному народцу Израилю, чтобы отсюда имъ сказали: что произойдетъ, и предвозвѣстили о будущемъ (Ис. 41, 14. 22).

Что же отвѣтилъ пророкъ? Подаль ли надежду, утѣшилъ ли болѣзненное нетерпѣніе ходившихъ во мракѣ обѣщаніемъ скорога разсвѣта и затѣмъ полного сіянія дня?

— Приближается утро, но еще ночь... Если вы настоятельно спрашиваете; то обратитесь и приходите.

Какой смыслъ отвѣта стража-наблюдателя?

Смыслъ пророческаго обоюднаго отвѣта не тотъ, что близится утро, но еще не окончилась и ночь; но тотъ, что хотя утро и близится, однакожь оно не разсвѣтетъ въ полный ясный день, а поглотится снова темной ночью. За такой смыслъ пророческаго отвѣта свидѣтельствуемъ исторія. За ночью Ассирійскою для Едомлянъ послѣдовала ночь Халдейская, за Халдейскою—Персидская, за Персидскою—Греческая, за Греческою—Римская. Между этими темными ночами занималась нѣкая заря для Едома; но скоро опять спускалась ночь темная, пока наконецъ Едомъ не превратился въ Думу, страну мертваго молчанія, страну ночи смерти, исчезнувъ навсегда изъ семьи живыхъ народовъ.

Хотя Едомъ въ то время переживалъ страшную ночь наравнѣ со своими ближайшими сосѣдями, напр. народомъ Израильскимъ, однакожь будущая судьба его была не такова, какова судьба Израиля. Ночь народа Божія должна была имѣть свой непреложный конецъ въ обѣтованномъ утрѣ, которое видѣлъ пророкъ. «Не всегда будетъ мракъ тамъ, говорилъ онъ, гдѣ онъ огустѣлъ. Народъ, ходящій

во тьмѣ, увидитъ свѣтъ великій; на живущихъ въ странѣ тѣни смертной свѣтъ возсіяетъ» (Ис. 8; 22. 9; 1—2). Но этотъ же пророкъ не видитъ послѣдняго конца ночи надъ Едомомъ и потому не даетъ ему никакого утѣшенія. Онъ отсылаетъ вопрошающихъ домой, на родину, въ страну мрака, въ область ночи, туда, откуда раздавались нетерпѣливые крики: скоро ли пройдетъ ночь?

Но онъ не совсѣмъ отказывается отвѣчать, отсылаетъ не безусловно; было и условіе: «если вы настоятельно спрашиваете, то обратитесь и приходите». Этими словами пророкъ давалъ возможность Едомлянамъ понять, что утѣшительный отвѣтъ отъ него они получаютъ тогда, когда обратятся и придутъ. Пророкъ, поставляя условіемъ обратный путь въ гору Сеирову, намекалъ этимъ на необходимость обратнаго нравственнаго пути, не того, какимъ шли до сихъ поръ Едомляне, для того, чтобы получить отъ него ясный отвѣтъ о ночи. Обратитесь, исправьтесь и тогда приходите за недвусмысленнымъ отвѣтомъ. А до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ обращенія ихъ, надъ ихъ будущимъ и для взора самаго пророка тяготѣетъ такая же безконечная ночь, какъ и для нихъ самихъ. Потому что путь къ свѣту, какъ для Израиля, такъ и для всѣхъ народовъ, одинъ и тотъ же: Это путь покаянія, нравственнаго исправленія. Евангелистъ Ветхаго Завѣта отвѣтилъ Едомлянамъ поэтому то же самое, что по Евангелисту Завѣта Новаго сказалъ всѣмъ Иисусъ Христосъ: «свѣтильникъ тѣла есть око; итакъ, если око твое будетъ чисто, то и все тѣло твое будетъ свѣтло. Итакъ, смотри: свѣтъ, который въ тебѣ, не есть ли тьма. Если же тѣло твое все свѣтло и не имѣетъ ни одной темной части, то будетъ свѣтло все, такъ какъ бы свѣтильникъ освѣщалъ тебя сіяніемъ» (Луки 11, 34—36).

Съ тѣхъ поръ, какъ спрашивали Исаію съ Сенра, прошло уже такъ много времени, что можно сказать, какъ и сказано: древнее прошло, теперь все новое (2 Кор. 5, 17). Являлась чудная звѣзда на востокъ, обрадовавшая

своимъ явленіемъ ходившихъ во тьмѣ людей радостію великою (Мѡ. 2, 2. 9—10). Былъ посланъ челоувѣкъ, чтобы свидѣтельствовать о наступавшемъ свѣтѣ (Іоан. 1, 7—8). Явилось наконецъ Сіяніе славы божественной (Евр. 1, 3)· Солнце правды (Мал. 4, 2) и изрекло: Я свѣтъ міру (Іоан. 9, 5). Ночь такимъ образомъ прошла, а день приблизился (Римл. 13, 12). Люди стали сынами свѣта и сынами дня, а не сынами ночи и тьмы (1 Сол. 5, 5). И свѣтъ засвѣтился во тьмѣ для того, чтобы не какъ было для Едомлянъ во времена Исаи, тьма уже не объяла его никогда и жизнь была не тьма, а свѣтъ челоувѣковъ (Іоан. 1, 4—5).

Ветхозавѣтные стражи-наблюдатели должны были по-этому самому оставить свое мѣсто на башнѣ и сложить съ себя призваніе передавать свои наблюденія о ночи и днѣ вопрошающимъ. Свѣтъ разлитъ повсюду; солнце правды, взошедшее однажды навсегда, незаходимо. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что для людей, озаренныхъ этимъ животворнымъ свѣтомъ, не повторится ночь, подобная той, которая такъ страшна была для Едомлянъ и заставляла ихъ тревожно вопрошать пророка, скоро ли пройдетъ эта ночь. Надлежало бы ожидать, что люди ходящіе во свѣтѣ легко избѣгутъ томительнаго положенія, свойственнаго тьмѣ, которые попали въ безвыходную тьму и не знаютъ, какъ изъ ней выбраться на свѣтъ. Къ сожалѣнію люди до сихъ поръ не умѣютъ пользоваться свѣтомъ, ихъ озаряющимъ, и сами создаютъ себѣ мракъ ночи.

Такъ, развѣ теперь не ночь? Развѣ не темную ночь переживаютъ вотъ уже сколько времени почти всѣ народы Европы? Смотрите: ея покрывало покрываетъ цѣлыя народы, лежитъ на многихъ племенахъ (Исаи 25, 7). Вездѣ опасенія и тревоги, вездѣ ожиданія и подозрѣнія, вездѣ сомнѣнія и предосторожности; какъ будто всѣ откуда-то ждуть и подслушиваютъ, въ темнотѣ не вламывается ли кто въ дома (Іова 24, 16). Тревожное мрачное время, не

дающее возможности съ увѣренностію въ безопасности жить и дѣйствовать ни хозяину дома, ни его рабамъ, тянется такъ долго уже, что можно было бы гадать, что прошла уже и вторая и третья стража переживаемой ночи (Луки 12, 38—39). Можно было бы гадать; но кто же знаетъ? И какъ прежде, давно, такъ и теперь, въ настоящее время всѣ ждуть свѣта, но еще не разрѣшается тьма; ждуть озаренія, и ходятъ во мракѣ. И въ немъ видны свидѣтельства только той вѣчной истины, что ночью никто не можетъ дѣлать, хотя бы и желалъ. Въ самомъ дѣлѣ, не слышны ли отовсюду жалобы на застои во всякой дѣятельности? Не жалуются ли многіе и многіе, что они ѣдятъ хлѣбъ свой съ печалію и пьютъ воду свою въ уныніи, опасаясь, что не сегодня—завтра ночь лишитъ ихъ и этого зарабатываемаго хлѣба печали и этой воды унынія? И такъ, въ наше время несомнѣнно переживается ночь, какъ ее обрисовывали древніе пророки, со всѣми ея слѣдствіями. Но наше время любить, обкрадывая само себя, утѣшать себя тѣмъ, что на политическомъ горизонтѣ собираются еще только тучи... По увѣренію же другихъ, и тучи-то уже прошли и не стоитъ тревожиться напраснымъ страхомъ, опасность миновала, все обстоитъ благополучно. Только легче ли кому отъ тѣхъ и другихъ увѣреній и утѣшеній?

Чего же, однако, слѣдуетъ ожидать въ будущемъ? Чему же должно быть? Утру, дню, или все ночи?

Для славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова видимому приближалось утро, послѣ долгой, тяжелой ночи, надъ нимъ огустѣвшей. Надѣялись привѣтствовать зарю новаго яснаго дня. Но не успѣли еще ходившіе цѣлые вѣка ощупью, трепетавшіе въ ночи за свою жизнь, которая висѣла предъ ними на волоскѣ, изнывавшіе душою и иставевашіе очами, жаждавшими хотя луча свѣта, вымолвить этого привѣтствія занимающейся зарѣ (Втор. 28, 65—66),—какъ съ запада, оттуда, гдѣ заходитъ солнце, стали распространяться длинныя вечернія тѣни (Іерем. 6, 4).

Уже ли солнце меркнетъ для славянъ при восходѣ своемъ (Ис. 13, 10)? Уже ли не разсвѣтшій, краткій какъ моментъ, день уже снова склоняется и ночь снова имъ сулитъ горе (Перем. 6, 4)? Но кто же и отвѣтитъ на этотъ настоятельный вопросъ нашего времени: сторожъ, сколько ночи? Сторожъ, сколько ночи?

Не отъ кого получить отвѣта. Древніе стражи сошли со стражи на башнѣ. Новые, взявшіе на себя задачу наблюдать и отвѣчать на вопросы,—всѣ только истощаются въ пустословіи (Иова 27, 12) и запутываютъ вопрошающаго человѣка въ словахъ (Ис. 29, 21). Мнящіеся имѣть ключъ разумѣнія событій сами не входятъ въ рѣшеніе ихъ и входящимъ препятствуютъ (Луки 11, 52).

И въ этомъ мракѣ остается неразрѣшеннымъ главный вопросъ: чему же должно быть, какая судьба ждетъ славянъ? Ужели и для нихъ, какъ для сыновъ Едома, которыхъ возненавидѣлъ Іегова и на которыхъ онъ прогнѣвался навсегда (Мал. 1, 3—4.), турецкую четырехсотлѣтнюю ночь, послѣ минутнаго мерцанія утра и надеждъ на ясный день, смѣнитъ еще ночь австро-венгерская, или англійская, или еще какая-либо другая?

Но длинныя вечернія тѣни, все болѣе и болѣе удлиняясь, легли уже на большее пространство. Вопросъ о Балканскомъ полуостровѣ разросся до вопроса о цѣлой части свѣта, если не болѣе; судьба Славянъ связалась съ судьбою многихъ народовъ. Мракъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше огустѣвая покрылъ уже цѣлыя народы. Чему же должно быть?

Послѣ истощенія новыхъ стражей въ пустословіи собрался наконецъ сонмъ представителей земныхъ боговъ, чтобы изречь міру слово о свѣтѣ или мракѣ.

Дастъ ли этотъ сонмъ судъ бѣдному и сиротѣ; угнетенному и нищему окажетъ ли справедливость? Избавитъ ли бѣднаго и нищаго, исторгнетъ ли его изъ руки нечестивыхъ? А въ этомъ и рѣшеніе всего вопроса: быть ли дню или продолжаться прежней темной ночи? Или же и

этотъ сонмъ (конгрессъ) будетъ ходить во тьмѣ, и снова будутъ колебаться основанія земли (Псал. 81, 1—5)?

Но на эти вопросы пока еще нѣтъ яснаго отвѣта; лишь отсюду слышится настоятельный, нетерпѣливо-болѣзненный крикъ - вопросъ: сторожъ, сколько ночи? Сторожъ, сколько ночи?

С—ъ.

И С Ц Ъ Л Е Н І Е *).

Сильно страдавши десять мѣсяцевъ нервною болью въ ногѣ (что врачи называютъ ишіадика — *Ischias dextra, nervosa*), я лечилась у многихъ извѣстныхъ и хорошихъ докторовъ. Всѣ спирты, всѣ мази, употребляемыя въ такихъ случаяхъ, мнѣ не оказали никакой пользы, хотя и было иногда маленькое облегченіе и то самое кратковременное, которое происходило только отъ согрѣванія. Также и внутри прописанныя лекарства и минеральныя воды не производили ожидаемаго дѣйствія. Была перемежка, когда боль утихала на короткое время, но послѣ этого возобновлялась все сильнѣе и сильнѣе и ходить было невозможно. Электричествомъ лечилась, не помогло. Около двухъ мѣсяцевъ пробыла въ больницѣ, которая славится своими хорошими порядками и извѣстными докторами; но мнѣ тамъ сказали, что моя болѣзнь неизлечима, что нервы слишкомъ ослаблены, чтобъ ожидать совершеннаго выздоровленія. Боль достигла наконецъ высшей степени, такъ что все мнѣ казалось въ самомъ мрачномъ видѣ, и я чувствовала упадокъ не только физическихъ, но и душевныхъ силъ, — уныніе овладѣло мною и я пришла сказать своему доктору, который лечилъ меня послѣднее время (очень хорошей и извѣстный докторъ, къ которому я имѣла полное

*) Свѣдѣніе объ исцѣленіи сообщено въ Редакцію намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры архимандритомъ Леонидомъ.

довѣріе), что не имѣю никакой надежды на выздоровленіе. Овъ и самъ, казалось мнѣ, уже сомнѣвался въ возможности выздоровленія. Однакоже перемѣнили рецептъ, велѣлъ оставить минеральныя воды и сказалъ, что, повидимому, леченіе надо отложить до лѣта.

Съ горестью возвратясь къ себѣ и не видя уже никакого спасенія въ медицинской наукѣ, я рѣшилась прибѣгнуть съ молитвой къ Богу, врачу небесному; и какъ ни трудно было мнѣ собраться къ преподобному Сергію, въ самую ужаснѣйшую погоду,—это были самыя сильныя метели, какія только были зимой сего 1878 г.,—февраля 9-го дня я отправила въ Троицкую Лавру, пригласивъ себѣ спутницу, такъ какъ одной мнѣ, безъ посторонней помощи, невозможно было ни войти, ни выйти изъ вагона. Прибхавъ въ Сергіевскій посадъ, я тотчасъ озаботилась занять теплый номеръ въ новой лаврской гостиницѣ въ ожиданіи тѣхъ приступовъ боли, которые осаждали меня обыкновенно въ такую дурную погоду. Я помолилась со слезами у мощей преподобнаго Сергія и поручивъ себя святымъ его молитвамъ, возвратилась въ свой номеръ. На тротуарѣ у самой гостиницы, метель, засыпая намъ глаза, сильнымъ порывомъ вѣтра, оторвала меня отъ спутницы моей (мы шли подъ руку) и перевернула меня такъ, что я должна была ухватиться за тумбу, чтобъ не упасть, и такимъ образомъ удержалась; взошла на верхъ, все-таки въ страхѣ и ожиданіи тѣхъ приступовъ боли, которые обыкновенно являлись послѣ подобныхъ случаевъ. Но каково было мое недоумѣніе и удивленіе, когда весь день прошелъ спокойно и рано съ вечера я заснула крѣпко безъ боли и проснулась безъ боли! Тутъ только я поняла чудное и благотворное дѣйствіе молитвы.—Съ радостнымъ трепетомъ и слезами благодарности къ Богу, я опять пошла къ мощамъ св. Угодника и еще болѣе пролила слезъ и молилась, все еще недоумѣвая и все еще сама себѣ не вѣря и почитая себя недостойною такого осязательнаго и великаго чуда.—Воз-

вратясь въ Москву и чувствуя порядочную усталость, я рѣдко заснула и на другой день проснувшись съ совершенно здоровой ногой, я принялась за чтеніе купленной мною у Троицы книжки: *житіе преподобнаго Сергія*, и къ удивленію моему прочла тамъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Я еще болѣе увѣровала въ его святую, чудодѣйственную, цѣлебную силу, ежедневно, почти ежеминутно благодаря святаго Угодника за такое великое для меня благодѣліе. Да послужить это урокомъ невѣрующимъ и ободреніемъ страждущимъ и болящимъ. Подобные случаи не должны оставаться въ неизвѣстности и я считаю долгомъ о моемъ исцѣленіи довести до свѣдѣнія монастырскаго начальства, чтобъ этотъ случай присоединенъ былъ къ прочимъ чудесамъ милостиваго, преподобнаго угодника Божія Сергія. Вотъ уже прошло три мѣсяца, и ни разу эта ужасная боль не возвращалась.

Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, но я могу бѣгать, ходить, и иногда бываю три и четыре часа въ ходьбѣ; чувствую общую усталость, но боли въ ногѣ нѣтъ.

А. П—ая.

7-го мая 1878 года. Москва.

ВОСПОМИНАНІЕ О ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМЪ ІОАННИКІѢ *), БЫВШЕМЪ АРХІЕПИСКОПѢ ВАРШАВСКОМЪ.

Наше воспоминаніе о преосвящ. ІоанникіѢ относится ко времени его святительства въ Привислинскомъ краѣ. Однимъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ служенія его въ этомъ краѣ служитъ величественный храмъ въ честь равноапостольныхъ Кирилла и Меодія, воздвигнутый по мысли его въ г. Ченстоховѣ и имъ освященный. Чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить великую важность этой заслуги архіепископа Іоанникія, надобно обратить вниманіе на значеніе мѣстности, занимаемой Ченстоховымъ, по историческимъ воспоминаніямъ и по существующей здѣсь святынѣ.

Городъ Ченстоховъ расположенъ при рѣкѣ Вартѣ, на лѣвомъ берегу ея, и есть первый городъ отъ истока Варты. Известно же, что по р. Вартѣ (единственная рѣка, во всей той мѣстности, течетъ на сѣверъ при направленіи прочихъ рѣкъ къ югу, и потому упоминается въ сказаніяхъ какъ рѣка пути къ сѣверу) простирались въ IX вѣкѣ православно-проповѣдническія путешествія первыхъ равноапостольныхъ просвѣтителей Славянъ. Самъ святой равноапостольный Меодій посылалъ своихъ учениковъ къ

*) Горскій. Изъ магистровъ XII курса С.-Пб. Духовной академіи, 1837 года. Былъ инспекторомъ и бакалавромъ Кіевской духовной академіи съ 1841 г. по 1846 г., ректоромъ Ярославской и Петербургской семинарій, съ 1854 г. епископъ Старорусскій, а потомъ былъ архіепископомъ Саратовскимъ, Варшавскимъ и наконецъ Одесскимъ или Херсонскимъ.

Вислицкому князю, какъ полагають *), въ доселѣ сохранившуюся Вислицу **) на р. Нидѣ, отстоящую отъ г. Ченстохова въ 120 верстахъ. Сохранилось и имя одного изъ миссіонеровъ отправленныхъ въ Польшу святыми знаменитыми братьями-просвѣтителями—Виснога ***). Въ Смогоржевѣ, нынѣшнемъ Бреславлѣ, въ Прусской Силезіи, существовала кафедра православнаго силезскаго епископа, зависѣвшая отъ моравскаго первосвятителя ****); а Силезія только въ 12 верстахъ отъ Ченстохова и г. Бреславль верстахъ во 100 къ юго-западу въ сторону противоположную отъ Вислицы,—между ними Ченстоховъ и Варта въ срединѣ. Въ концѣ IX вѣка, въ составъ епархіи св. Меодія входилъ исключительно городъ Краковъ съ его округомъ †). Извѣстно, что въ Малой-Польшѣ, въ составѣ которой были города Краковъ, Кѣльцы, Ченстохово, Ендржеевъ (нынѣшній Андресъ), Хепципы, Шидловець, Піотрковъ (нынѣшній Петроковъ), отъ Кракова до Буга было въ давнее время 12 православныхъ монастырей †*), то-есть было цвѣтущее состояніе восточнаго православнаго исповѣданія. Въ Краковѣ и доселѣ существуетъ греко-унитская церковь, слышно, трехъ-клирпая, образовавшаяся, конечно, изъ церкви православной. По теченію р. Варты, въ Ченстоховской мѣстности есть доселѣ много древнихъ храмовъ, имѣющихъ структуру греко-восточныхъ церквей, обращенныхъ именно на во-

*) Преосвященный Маркеллъ, епископъ люблинскій; въ Рѣчи въ присутствіи Свят. Синода 4 іюня 1875. Церк. Вѣстн. 1875 г. № 22, 8.

**) Въ Кѣлецкой губерніи сопредѣльной въ южной части съ Галлиціей и Австрійскою Силезіей, а въ западной съ Петроковскою губерніей, въ коей и г. Ченстоховъ.

***) Церковно-историч. и статистич. описаніе Варш. правосл. епархіи протоіер. Лотоцкаго, 14.

****) Парціи въ исторіи церкви Славян. народовъ 165. Что въ связи съ тѣмъ, о чемъ свидѣтельствуется въ кн. Кир. и Мео. Домбровскаго: 19. 22. 118.

†) Маѣвскій въ Истор. церкви Славян. народовъ, 107. Краковъ къ югу отъ г. Ченстохова верстахъ въ 200.

†*) Литов. епархіал. Вѣдомости 1863 г. № 23, 906.

стокъ *). Въ древнемъ «Missale proprium regni Poloniae», Польскомъ служебникѣ 1629 г. находится прямое указаніе о празднованіи памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія 10 марта, какъ «просвѣтителей Польши». А въ «Officia propria patronorum regni Poloniae» 1637 г., стр. 8, подъ 9 марта изложена и молитва въ честь свв. Кирилла и Меѳодія патроновъ Польши, въ коей говорится: «ты Боже, который благоволилъ призвать насъ къ единству вѣры Христовой чрезъ святыхъ блаженныхъ твоихъ священниковъ и исповѣдниковъ, нашихъ патроновъ Кирилла и Меѳодія»... Такимъ образомъ, мѣстность гдѣ Ченстоховъ, и именно городъ Ченстоховъ, какъ городъ при р. Вартѣ и первый отъ истока ея, по своему историческому значенію, такъ сказать сами собою запрашивалась на отмѣченіе и увѣковѣченіе памяти святыхъ первыхъ равно-апостольныхъ просвѣтителей славянскихъ языковъ и странъ и этой страны—памятникомъ святыни православной церкви, озаряющей край въ послѣднее время, тѣмъ болѣе, что во всей искони славянской польской странѣ за послѣднее время совсѣмъ не было храма памяти сихъ просвѣтителей **). Замѣчательно, источникъ, изъ кого вытекаетъ р. Варта въ с. Кармолувъ Кѣлецкой губерніи, съ незапамятныхъ временъ отмѣченъ священнымъ памятникомъ: надъ нимъ стоитъ большая, высокая, каменная часовня, обращенная на востокъ; изъ ключей подъ этою часовней и струится вода, расходящаяся въ длинную рѣку ***). Не вдалекѣ отъ

*) Особенно выдается въ этомъ отношеніи напр. костель въ жепскомъ монастырѣ св. Анны, Ченстоховскаго уѣзда. Съ дороги изъ Конецъ-Поля этотъ древній храмъ высматриваетъ прямо какъ бы велико-россійскимъ православнымъ храмомъ, лишь нѣсколько обезображеннымъ латинскими приставками, и обращенъ прямо на востокъ.

***) Только въ 1866 году въ зданіи пылъ 1-й, а бывшей „Русской“ Варшавской гимназій, что у памятника Копернику въ г. Варшавѣ на Краковскомъ предмѣстьѣ, устроена церковь во имя святыхъ Кирилла и Меѳодія. Но это домовая церковь.

****) Рѣка Варта впадаетъ уже судоходною въ р. Одеръ.

этой часовни и истока Варты на горѣ стоитъ костель, тоже обращенный прямо на востокъ, и при немъ два древнѣйшихъ кладбища сряду *).

Къ сказанному нами объ историческомъ значеніи мѣстности занимаемой Ченстоховымъ, мы должны присовокупить, что этотъ городъ поистинѣ и доселѣ во всемъ краѣ славится, благодаря православной святынѣ, состоящей съ XIV вѣка въ Ченстоховскомъ Ясногорскомъ монастырѣ латинскаго ордена Павликіанъ или Паулиновъ. Эта святыня есть чудотворный образъ Божіей Матери, перешедшій въ Ченстоховъ изъ Іерусалима чрезъ Константинополь и Галицію, и въ Ченстоховѣ поступившій во владѣніе латино-польской церкви, враждебной православію **). Ради этой святыни на такъ прославленной между Поляками Ясной горѣ, знаменитой въ былое время и крѣпостью ***),

*) Село Кармолowo верстахъ въ 30 отъ г. Ченстохова, въ 4 отъ ст. Завертѣя Варшавско - Вѣнской желѣзной дороги, къ югу отъ Ченстохова третья станція. Село довольно большое, расположено по лугу къ югу и юго-западу отъ его храма; храмомъ и кладбищами на горѣ оно заканчивается съ восточной стороны.

**) Въ послѣднее напр. возстаніе Поляковъ 1863 года довольно распространены были въ краѣ медали желѣзныя, мѣдныя и польскаго серебра съ весьма отчетливо вылитымъ изображеніемъ Богородицы Ченстоховской, величиною въ русскую 3-копѣечную монету 1869 года, съ ушкомъ и колечкомъ. Съ одной стороны медали вокругъ изображенія слова: „Bogarodzica Dziewica Czenstochowska“, съ другой внутри терноваго вѣнца надломанный крестъ съ рельефнымъ латинскимъ изображеніемъ Распятаго; вокругъ слова: „Boze zbaw nasz kraj“.

***) Ченстоховская крѣпость 25 марта 1813 года взята русскими войсками и срыта. Ключи ея висятъ въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ на колоннѣ съ лѣвой стороны. Въ этомъ же Казанскомъ соборѣ, у лѣваго клироса южнаго боковаго придѣла его во имя Рождества Богородицы находится богато-убранная древняя Ченстоховская икона Богородицы, по нѣкоторымъ извѣстіямъ подлинная и перенесенная изъ Ченстохова тоже въ 1813 году (кн. „Изображеніе иконъ пресв. Богородицы въ правосл. церкви прославляемыхъ съ краткими о нихъ сказаніями“. Москва. 1848 г.. стр. 4). Также въ календаряхъ, гдѣ печатаются свѣдѣнія объ извѣстныхъ чудотвореніяхъ иконахъ.

въ г. Ченстоховѣ собирается ежегодно громадное количество разнообразнаго люда въ лѣтніе праздники *), огромными компаніями (человѣкъ 300—900 и больше, съ длинными обозами позади), идущими процессуально съ крестами, хоругвями, музыкою, пѣніемъ всею толпою, изъ дальнихъ мѣстъ—Варшавской, Люблинской, Сѣдлецкой губерній, Галиціи, Венгріи, Австрійской и Прусской Силезіи. Приходятъ съ латинянами и православные, для конхъ бывають нужны и молебное пѣніе, и исповѣдь съ причащеніемъ святыхъ таинъ, по обычаю поклонничества. По немѣнью церкви въ городѣ, православныя богомольцы при богомоленіи, по меньшей мѣрѣ иные изъ нихъ, располагались обращаться за исповѣдью къ латинскому монастырскому духовенству, коимъ, среди массъ разнообразнаго люда, и удовлетворялись въ этомъ. Кромѣ того, въ районѣ Ченстохова достаточно и постоянныхъ православныхъ жителей, чтобы быть здѣсь постоянному православному храму **).

Теперь понятно, почему преосв. Юанникій принялъ живѣйшее участіе въ сооруженіи въ Ченстоховѣ православнаго храма. Надлежало этимъ памятникомъ убѣковѣчить память первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, а съ другой стороны удовлетворить насущной потребности въ православномъ богослуженіи многочисленныхъ богомольцевъ, стекающихся въ Ченстоховѣ, и мѣстныхъ православныхъ жителей. Во все время сооруженія храма высокопреосвященный былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ устроителями его, кои и обращались къ нему за ука-

*) Напр. въ августѣ 1874 года, какъ значилось въ Петроковскихъ губерн. Вѣдомостяхъ, было одновременно въ г. Ченстоховѣ богомольцевъ пришедшихъ до 150,000.

**) Прихожанъ Ченстох. церкви за 1875 и 1876 напр. годы было 734—791 лицъ, кромѣ хотя временно, но постоянно квартирующихъ войскъ и гражданскихъ и военныхъ чиновъ пограничной службы, имѣющихъ особыя подвижныя церкви въ неопредѣленныхъ навсегда мѣстахъ.

заніями, совѣтами, содѣйствіемъ при всякихъ надобностяхъ, и официально и запросто. Въ «дѣлѣ» по устройству Ченстоховской церкви, имѣющемся въ Варшавской духовной консисторіи, есть нѣсколько черновыхъ бумагъ въ разныя мѣста, прямо писанныхъ собственноручно преосв. Іоанникіемъ или значительно имъ исправленныхъ. — Къ освященію церкви преосвященный привезъ съ собою для поваго храма 6 иконъ въ окладахъ. Не оставлялъ направлять въ Ченстоховскую церковь приношенія иконами и послѣ изъ бывавшихъ на епархію пожертвованій. Ходатайствовалъ о вспоможеніяхъ ей и предъ извѣстными ему благотворителями. По всему сему церковь Ченстоховская считаетъ высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія своимъ «благотворителемъ», съ каковымъ названіемъ онъ и поминался въ ней на большой паннихидѣ по его упокоеніи и поминается всегда въ числѣ прочихъ благотворителей ея на литургіяхъ.

Сооруженіе правос. Ченстоховской церкви продолжалось два года. Она освящена самимъ преосвящ. Іоанникіемъ. Къ освященію ея онъ прибылъ въ Ченстоховъ изъ Варшавы по желѣзной дорогѣ 14 октября 1872 года въ субботу, въ часъ дня. Выйдя изъ вагона, онъ прямо началъ благостно благословлять подходящихъ къ нему во множествѣ людей, привѣтливо относясь къ каждому и особенно къ тѣмъ, кого уже зналъ лично, и къ бывшимъ тутъ же дѣтямъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Обошелъ съ благословеніемъ и всѣ шеренги выстроившихся при платформѣ ко встрѣчѣ его православныхъ воиновъ, квартировавшихъ въ ту пору въ городѣ и пожелавшихъ встрѣтить архипастыря при самомъ вступленіи его въ городъ. День былъ прекрасный—теплый, солнечный; народа было множество и всѣ стремились къ благословенію святителя, и замѣчательно, стремились тихо, безъ малѣйшей толкотни, шума, вполне спокойно; владыка же благословлялъ каждого, полнымъ благословеніемъ, неспѣшно, тихо, видимо проявляя благоговѣніе къ совершаемому имъ свя-

тому дѣлу. Всѣми чувствовалось, что святое дѣло совершается, самые Евреи смотрѣли какъ-то набожно, спокойно сгруппировавшись въ отдаленіи.

Съ желѣзной дороги владыка прямо направился въ церковь квартировавшаго въ городѣ Екатеринбургскаго полка, помѣщавшуюся въ срединѣ средней аллеи *) въ домѣ отставнаго штабсъ-капитана Игнатѣева, въ верхнемъ 3-мъ этажѣ. О. протоіерей этой церкви **) встрѣтилъ архипастыря со св. крестомъ и молитвословіемъ, во время коего владыка прикладывался къ св. престолу и не мало молился предъ св. иконами, особенно предъ иконою храмовою. Протоіерей представилъ ему здѣсь свою супругу и дѣтей и преосвященный любвеобильно благословилъ каждое лицо и участливо сказалъ каждому по нѣскольکو назидательно-крѣпительныхъ для переѣзднаго ихъ положенія словъ. Потомъ благословилъ каждого изъ бывшихъ въ церкви воиновъ пѣвцовъ, у каждого освѣдомившись, кто откуда, и пожелавъ имъ всегдашняго добраго отношенія къ своему храму «во славу Божию и въ утѣшеніе душъ».

Выразивъ желаніе посѣтить болящихъ въ военныхъ лазаретахъ и быть у Ченстоховской иконы Божіей Матери

*) Г. Ченстоховъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: стараго Ченстохова, гдѣ съ давняго времени было мѣстечко Польскожидовское, и Ченстоховки, гдѣ монастырь на Ясной горѣ, по обѣ стороны котораго съиздавна населеніе р.-католическое. Обѣ эти части соединены прямою прекрасною просторною версты въ 1½ длины аллею, отъ имени императора Александрова называющеюся Александровскою. Въ двухъ мѣстахъ эта аллея на небольшое пространство прерывается, въ одномъ—желѣзною дорогою, въ другомъ—Магистратскою площадью, такъ что вся она распадается на три аллеи. По обѣ стороны всей аллеи мостовая для ѣзды и сплошные большіе дома новой постройки и населенія смѣшаннаго.

**) О. Іоаннъ Никольскій, пережившій въ свое время съ полкомъ Севастопольскій знаменитый погромъ въ г. Севастополѣ, во время постройки церкви въ г. Ченстоховѣ единственный изъ духовенства членъ Строительнаго Комитета.

въ Ясногорскомъ монастырѣ, преосвященный въ сопровожденіи всѣхъ состоявшихъ на лицо въ городѣ гражданскихъ и военныхъ властей и огромнаго множества идущаго и бѣгущаго разнообразнаго люда, въ открытомъ экипажѣ, отправился на Ясную гору, гдѣ монастырь и лазареты. Звучный, стройный колокольный звонъ *) съ новаго мѣстнаго православнаго храма, мимо коего лежалъ путь, сопровождалъ владыку, весело давая знать граду **) и окрестности о высокопреосвященномъ посѣтителѣ и наконецъ наступившемъ открытіи мѣстной православной церкви въ г. Ченстоховѣ.

Всѣ прямо пріѣхали къ монастырю. При входныхъ дверяхъ встрѣтили преосвященнѣйшаго игуменъ монастыря и благочинный въ полномъ ихъ орденскомъ (павликіане) одѣяніи. Представившись имснитуму посѣтителю, тотъ и другой всепочтительно ***) сопровождали особу его, одинъ съ правой, а другой съ лѣвой стороны, ступни на двѣ не равняясь съ высокимъ лицомъ и шага на полтора не приближаясь къ нему, а лишь наклоняясь главами, имѣя притомъ при себѣ каждый второстепенныхъ или подручныхъ ксендзовъ, умѣющихъ свободно изъясняться по-русски, — они шли въ довольно близкомъ къ каждому изъ нихъ разстояніи и положеніи, обязательно предупредительно

*) На Ченстоховской церкви всѣхъ колоколовъ 8, изъ конхъ въ большомъ 81 пудъ 30 фунтовъ и во всѣхъ прочныхъ 81 пудъ 51 фунтъ, во всѣхъ же восьми цѣлый звонъ 164 пуда 1 фунтъ; всѣ колокола съ извѣстнаго колокольнаго завода въ Москвѣ Самгина, отличаются пріятностью звуковъ и подобранностью строя всего звона.

**) Церковь помѣщается противъ Магистратской площади, раздѣляющей среднюю аллею отъ аллен при паркѣ къ монастырю, въ срединѣ города и лучшимъ мѣстѣ въ городѣ.

***) Со всею утонченною тонкостью болѣе чѣмъ вѣжливо почтительнѣйшаго и предупредительнаго отношенія, въ коемъ такъ замѣчательно искусно римско-католическое духовенство.

удовлетворяя всякія вопрошенія владыки. Въ костелѣ было какъ нельзя болѣе тихо. Лишь нѣсколько богомольцевъ спокойно творили моленія.

Прошедъ длинный большой костелъ, преосвященный, предъ входомъ въ главный храмъ, гдѣ чтимая икона, оставилъ у стѣны свою трость, а войдя въ presbiterium (собственно каплицу, замѣняющую presbiterium) за рѣшетку къ алтарю, надъ коимъ икона, снялъ и клубукъ. Икона Богородицы была открыта и предъ нею горѣли свѣчи и лампы *). Время было послѣ полудня; храмъ, обращенный на востокъ и внутри мрачный **), при склоняющемся на западъ свѣтѣ былъ особенно примраченъ въ эту пору. Подойдя къ самому алтарю, архипастырь сталъ на колѣна и долго, долго молился, кладя наземные поклоны. Въ храмѣ царила полная, совершенная тишина и слышны были лишь тихіе вздохи молящагося православнаго святителя. Представители монастырской братіи оо. паулины всѣ въ бѣломъ одѣяніи безмолвно стояли тутъ же съ той и другой стороны архипастыря, прочіе же всѣ сзади. Минуты были глубоко знаменательны, торжественны, священны ***). За тѣмъ, посѣщено было то отдѣленіе костела съ правой стороны по ступенямъ внизъ, гдѣ хранятся частицы разныхъ мощей ****). Въ разговорѣ съ сопровождавшимъ игуменомъ

*) Икона, обыкновенно, всегда бываетъ закрыта металлическою доскою, открывается же во время богослуженій и въ случаяхъ особенныхъ. Она помѣщается высоко надъ алтаремъ и къ ней никто никогда не прикалывается.

***) Свѣтъ въ сію каплицу лишь съ восточной стороны, такъ какъ съ юга и запада каплица застроена огромнымъ костеломъ.

****) Многіе изъ бывшихъ весьма жалѣли, что не было приспособлено фотографа для снятія того, что и какъ происходило тутъ въ сію пору. Дѣйствительно, происходившее достойно умѣлой кисти художника.

*****) Въ этомъ отдѣленіи костела мощи помѣщаются запросто въ шкафахъ за стеклами—высокихъ, прямыхъ, какъ утварь въ какой-

и подручными его, преосвященный съ особеннымъ одобреніемъ говорилъ: «какъ прекрасно, благотворно, что каждый изъ ихъ братіи, какъ заявилъ о. игумень, ежедневно служить литургію—это мирное, безкровное священнослуженіе!»—За дверьми вселюбезно поблагодаривъ сопровождавшихъ за оказанное ему вниманіе, владыка отбылъ. «То есть набожный человекъ,—святъ человекъ сей bishopъ,» говорили многіе въ монастырѣ и изъ самыхъ оо. Паулиновъ.

На площади у воротъ монастыря снова стояла шеренга воинскихъ чиновъ, какъ прежде на желѣзной дорогѣ. Владыка хотѣлъ было отправиться въ лазареты. Но какъ время было уже довольно позднее, а самъ онъ и сопутствующіе были еще безъ обѣда и съ утра въ дорогѣ, безъ отдыха, усталые *), да и лазаретовъ было три и притомъ въ разныхъ мѣстахъ города, то, по предложенію сопровождавшихъ гг. генераловъ и иныхъ чиновъ, направился къ г. начальнику уѣзда, приглашавшему на изготовленный для всѣхъ обѣдъ, ограничившись лишь благословеніемъ каждаго отдѣльно изъ бывшихъ на площади воиновъ. Преосвященный благословлялъ сидя въ экипажѣ и поѣздъ тронулся, лишь когда подошли всѣ бывшіе на площади воины.

Обѣдъ былъ большой, парадный, въ честь владыки. Бесѣда всѣхъ все время была замѣчательно одушевленная. Преосвященный съ отличнымъ добродушіемъ относился къ каждому, сидя въ среднѣ длиннаго стола.

Въ помѣщеніе владыкѣ предложено было на собствен-

либо ризницѣ. Мощей премногое множество,—къ нимъ неприкладываются, да и надписей при нихъ не имѣется. Между мощами сими имѣется и митра извѣстнаго гонителя православныхъ Иосафата Кунцевича архіепископа Полоцкаго, мощи коего показываются въ гор. Бѣлой Сѣдлецкой губерніи.

*) Поѣздъ отходитъ изъ г. Варшавы въ 7 часу утра и идетъ безпрерывно по линіи до г. Ченстохова, — приходя сюда ровно въ 1 часъ пополудни.

ное его благоусмотрѣніе три квартиры: въ комнатахъ отсутствовавшего начальника дивизіи генераль-лейтенанта Глѣбова, въ квартирѣ начальника уѣзда Кашеринина и въ квартирѣ новоприбывшаго мѣстнаго священника *) Соколова. Архипастырю благогоудно было указать, что онъ остановится у священника,—хотя священникъ за дѣлами по церкви, семейными и учебными занятіями, и не ѣздилъ въ Варшаву приглашать владыку къ освященію храма, а когда онъ уже пріѣхалъ, частію за общою суетнею, частію по чувству высокаго положенія владыки, не приглашалъ къ себѣ въ домъ. По окончаніи обѣда, владыка обратился къ священнику сказалъ: «я ужь остановлюсь у васъ»,—и прямо поѣхалъ къ нему.

Прелюбезно благословивъ, какъ онъ выразился, «новаго пастыря **) новосоставляемаго стада», жену его, дочь и слугу, владыка прямо направился въ комнату, въ коей на этотъ разъ расположилось семейство священника, говоря: «покажите, гдѣ вы сами будете за время моего у васъ пребыванія, не стѣснить бы мнѣ васъ». Комната была одна, лишь перегорожена ширмами, съ ходомъ изъ кухни, тогда какъ помѣщеніе, отдѣленное для владыки, въ три комнаты съ переднею. Взглянувъ, архипастырь нашель, что «хоть и тѣсненько, но— «что же, когда таково расположеніе квартиры; я вѣдь не прихотливъ, говорилъ онъ, вы здѣсь, а я тамъ, зала же будетъ уже общою. Но извините, что я къ вамъ, наше положеніе здѣсь особое. И дай только, Господи, вамъ силъ и терпѣнія». Посидѣвъ нѣсколько

*) Къ новоосороуженной церкви, за 1½ мѣсяца до освященія ея назначенъ былъ этотъ священникъ къ ней. На мѣсто службы онъ прибылъ предъ тѣмъ лишь за мѣсяцъ съ больною женою и малою дочерью. Квартиру въ городѣ едва нашель недѣли за три до освященія своего храма, и въ ней къ сему времени все-таки успѣлъ размѣститься.

**) Священникъ Соколовъ дотолѣ не былъ приходскимъ священникомъ, состоялъ лишь законоучителемъ учебныхъ заведеній—гимназій и училища.

въ залѣ, онъ уединился въ своей дальней комнатѣ до всенощной, оставивъ при себѣ своего прислужника, коему и указалъ быть въ передней.

Всенощную преосвященный слушалъ у себя, — ее совершалъ въ его покоѣ о. благочинный. Въ церкви служило прочее духовенство. Послѣ всенощной владыка изволилъ кушать чай съ о. благочиннымъ и пришедшимъ изъ церкви послѣ службы мѣстнымъ священникомъ, давая разныя распоряженія для богослуженія во утрѣ. Кромѣ чая владыка не захотѣлъ ничего кушать.

15 октября, въ воскресенье, преосвященный совершилъ освященіе храма, затѣмъ литургію, произнесъ пространное, одушевленное силою и глубиною мысли и наставительныхъ благожеланій, написанное слово и отправилъ соборное торжественное молебствіе Божіей Матери и святымъ храма равноапостольнымъ просвѣтителямъ Славянъ Кириллу и Меѳодію, бывъ для сего на ногахъ съ 9 до 2 часовъ, а потомъ долго благословлялъ людъ. На торжествѣ богослуженія былъ графъ намѣстникъ царства Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Бергъ, нарочито прибывшій для сего утромъ въ тотъ же день изъ г. Варшавы, особымъ поѣздомъ, со многими именитыми особами.

Послѣ обѣдни владыка лишь нѣсколько *) вздохнулъ за чаемъ у священника съ служащимъ духовенствомъ, предлагая и съ своей стороны къ чаю поднесенный ему наканунѣ семействомъ священника хлѣбъ, который и лежалъ, во все время пребыванія его, на подносѣ на столѣ въ залѣ. Женѣ священника преосвященный, какъ вошелъ отъ обѣдни, вручилъ просфору, приговоривъ при этомъ: «вотъ вамъ, матушка, отъ первой, благодаря Бога, въ вашемъ прекрасномъ храмѣ литургіи лучшее благословеніе на вашемъ новосельѣ» **). За чаемъ архипастырь наибо-

*) Не болѣе ½ часа.

**) Эта просфора хранится въ семействѣ священника, напоминая и драгоцѣнное дѣло, и драгоцѣнное время, и дорогую особу.

лѣе говорилъ съ полковымъ о. протоіеремъ, который былъ членомъ строительнаго по сооруженію церкви комитета, спрашивая: кто изъ участвовавшихъ въ постройкѣ храма служилъ особенно дѣятельно, кому больше принадлежитъ мысль сдѣлать то и другое особенно выдающееся въ иконописи.

Оставя духовенство *) при чаѣ, владыка вскорѣ отправился съ визитомъ къ г. начальнику Калишскаго таможеннаго округа, пригласивъ съ собою въ карету и священника **), дабы «представить» его квартировавшему тамъ графу намѣстнику, къ коему и ввелъ священника вмѣстѣ съ собою. Священникъ былъ заочно извѣстенъ графу, по обстоятельствамъ службы въ Сувалкахъ, и преосвященный представилъ его прямо: «вотъ, ваше сіятельство, тотъ о. Соколовъ, котораго вы такъ хорошо изволите знать; я вотъ вызвалъ его изъ Сувалокъ въ настоятеля здѣшней нашей церкви». Графъ благосклонно протянулъ руку священнику и твердо жмя руку священника говорилъ преосвященному: «я очень доволенъ, что ваше преосвященство назначили въ Ченстоховъ такого батюшку. Здѣсь вѣдь мѣсто особое, какъ изволите знать. А о. С-въ и министру ***) извѣстенъ, да и вашему министру ****). Мнѣ весьма понравилось, что ваше преосвященство въ вашей проповѣди на литургіи коснулись здѣшней нашей святыни †)». Преосвященный же продолжалъ рекомендовать священника: «ваше сіятельство! Этотъ священникъ до принятія священства былъ учителемъ гимназіи, принялъ священство, именно слѣдуя призванію»... «Вотъ, вотъ, такого-то здѣсь и нужно», говорилъ графъ, направляясь

*) Кромѣ священнослужившихъ іереевъ на семь чаѣ никого больше не было.

**) Г.-е. Новаго настоятеля новой церкви Никодима Соколова.

***) Г. министру внутреннихъ дѣлъ — Тимашеву.

****) Г. министру народнаго просвѣщенія и оберъ прокурору св. Синода.

†) Ченстоховскаго образа Божіей Матери.

объ руку съ архипастыремъ къ софѣ. Намѣстникъ и архіепископъ сѣли рядомъ на софѣ, а священнику предложено сѣсть тутъ у софы и стола въ кресло. Графъ любопытствовалъ знать исторію Ченстоховской иконы Богородицы, явно древней и несомнѣнно восточнаго происхожденія. И преосвященный подробно сообщилъ извѣстныя свѣдѣнія, располагая рѣчь и глаза такъ, что было мѣсто и словамъ священника, сидѣвшаго тутъ же у стола, такъ что разговоръ былъ у всѣхъ трехъ общій и интересный. Потомъ рѣчь перешла къ храму, какъ прекрасенъ Ченстоховскій храмъ,—при чемъ графъ рассказывалъ о другихъ прекрасныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ его управленій и особенно о великолѣпномъ соборѣ въ Гельсингфорсѣ. Доложили, что баронъ Рамзай прибылъ, и преосвященный съ словами: «наземно кланяюсь вашему сіятельству за такой прекрасный храмъ въ г. Ченстоховѣ *),—такой храмъ именно и нуженъ въ Ченстоховѣ», поднялся. Вошелъ баронъ. Намѣстникъ отрекомендовалъ священника барону, затѣмъ передалъ барону слышанное отъ преосвященнаго объ образѣ нѣсколько порусски, но больше понѣмецки. Прощаясь, преосвященный, слегка касаясь плеча графа намѣстника, какъ-бы дружески говорилъ ему: «вотъ ежели бы еще въ г. Бѣлой устроить намъ церковь: очень надобна тамъ церковь, ваше сіятельство» **). Простившись съ владыкою, намѣстникъ подалъ на прощаньи руку и священнику, такъ

*) На постройку храма въ г. Ченстоховѣ отпущено было изъ казны 45000 рублей изъ средствъ, специально ассигнованныхъ правительствомъ на построеніе православныхъ храмовъ въ Привислинскомъ краѣ и состоявшихъ въ распоряженіи намѣстника края.

***) Дѣло по сооружеію церкви въ г. Бѣлой Сѣдлецкой губерніи почему-то долго тянулось, кажется, за отводомъ мѣста для церкви. Между тѣмъ, событія послѣдующихъ лѣтъ показали, какъ надобна православная церковь въ г. Бѣлой: въ Бѣлой началось присоединеніе униатовъ къ православію, въ 1874 году, прежде епархіальнаго города ихъ—въ Холмѣ, гдѣ было оное уже послѣ въ 1875 году.

что священникъ почувствовалъ, что рукопожатіе то твердо, на него можно опираться. Отъ г. намѣстника преосвященнѣйшій отправился къ командовавшему дивизіей генералу Шульману, благодаря въ лицѣ его расположенныя въ городѣ войска за участливое отношеніе къ храму во время сооруженія его *) и убѣждая сохранять это святое отношеніе и напредь.

Уже было время обѣда—4-й часъ. Обѣдъ былъ въ городскомъ клубѣ. За столомъ были всѣ служившіе священники—6 лицъ и діаконъ **). За обѣдомъ провозглашено было графомъ намѣстникомъ здорověе православному Варшавскому архипастырю и православному духовенству.

Пріѣхавъ съ обѣда въ свою квартиру, владыка вручилъ 6-лѣтней дочери священника конфекты. И малютка, и родители, и старушка нянюшка были невообразимо рады при такомъ вниманіи владыки, и опъ съ удовольствіемъ улыбался.

Вечеромъ преосвященный пилъ чай одинъ. Событіемъ дня были всѣ весьма утомлены. Вышедъ въ общій залъ, онъ указалъ подать себѣ самоваръ и чашку. Зажегши свѣчу, онъ сѣлъ съ газетою «Голосъ» къ самому самовару и пилъ чай, самъ наливая его. Когда вошелъ въ комнату священникъ, возвратясь съ бывшаго въ церкви исповѣданія нѣсколькихъ богомольцевъ послѣ всенощной,

*) Высшими чинами дивизіи поддержана была первая мысль о постройкѣ церкви въ г. Ченстоховѣ и дано ей движеніе сдѣланною г. начальникомъ дивизіи подпискою межъ своими чинами на сооруженіе его въ 1867 году. При самой постройкѣ храма, въ числѣ членовъ стронтельнаго комитета были начальникъ штаба дивизіи (Леонидъ Михайловъ) и полковой командиръ Екатеринбургскаго полка (Петръ Сороко). Нижніе чины въ свободное отъ ихъ воинскихъ занятій время очень много помогали различною черною работою.

**) О. діаконъ приглашенъ былъ уже по прибытіи преосвященнаго и по указанію его. Войдя въ залъ и осмотрѣвшись, владыка попросилъ кого слѣдуетъ пригласить и оо. діаконѣвъ къ столу, и за ними нарочно ѣздили,

преосвященный обратился къ нему съ словами: «извините, о. Никодимъ, что я располагаюсь у васъ совсѣмъ какъ дома у себя»,—и пригласилъ взять стаканъ и сѣсть въ кресло при немъ къ чаю. Хотя въ комнатѣ стояло двѣ лампы и 6 свѣчей въ подсвѣчникахъ на столахъ и подзеркальникахъ, но горѣла лишь одна свѣча во всей комнатѣ на столѣ, за которымъ сидѣлъ преосвященный; въ спаль-ной его горѣла только лампада у иконъ. Священникъ хотѣлъ было зажечь лампы или свѣчи, по владыка остановилъ внушительно: «право не къ чему. Для меня совершенно достаточно и одной свѣчи, полагаю—и для васъ. Лучше по домашнему. Вотъ чай. Вы вѣдь устали. Будемъ пить и говорить. Наше дѣло духовное». Наливъ въ свою чашку чая самъ, владыка предоставилъ самому священнику наливать для себя въ стаканъ чаю, приговоривъ: «какъ любите пить, такъ и располагайтесь». И вотъ началась въ тиши воистинну священная бесѣда архипастыря съ пастыремъ и пастыря съ архипастыремъ. И не забудется она во вѣки, потому что сѣянiе ея доброе и плодъ ея цѣлая послѣдующая жизнь пастыря въ приходской его церкви воинствующей. Рѣчь касалась всего, всего. Такими бесѣдами при такихъ отношенiяхъ именно крѣпится духъ, освѣ-жается сердце и бодрѣ человѣкъ при всякихъ зыбяхъ многоволнистаго житейскаго моря, по коему тамъ и здѣсь стремятся наши церковные корабли при своихъ у каждого оеормителяхъ *).

*) Приспомятна и драгоцѣнна эта бесѣда, какъ драгоцѣнны и тѣ бесѣды духовенства, какія происходили въ покояхъ владыки Іоанникія въ Варшавскомъ архіерейскомъ домѣ, особенно налѣво отъ приѣмной его комнаты, гдѣ преосвященный архипастырь, обыкновенно, усадивъ явившагося къ нему пастыря, бесѣдовалъ съ нимъ одинъ на одинъ обо всемъ долго, пока прислуга не доложитъ о приходѣ кого-либо; а обстоятельства и служебныя и личныя бывають всякія и сразу иныя и не высказать, особенно при приѣмахъ коротыхъ, на ногахъ. Владыка Іоанникій, кажется, и не принималъ на ногахъ являвшихся къ нему особенно издалека священнослужителей, съ коими онъ не могъ и видаться часто и кои совсѣмъ не

«Вотъ теперь по освященіи храма надобно вамъ служить ежедневно цѣлую седмицу, ужь потрудитесь», началъ преосвященный. «Да я располагаюсь вообще возможно чаще служить, по меньшей мѣрѣ 2—3 раза въ недѣлю», вызвался было съ словомъ священникъ. На это владыка, кротко ослабившись, проговорилъ: «вы еще неопытны, о. Н.; увидите сами, что это не придется вамъ здѣсь, вы вѣдь здѣсь при церкви и приходѣ одни, да одни на цѣлыхъ 3—4 уѣзда, да на 3—4 учебныя заведенія, а прихожане-то ваши все люди служащіе, занятые срочною службою; вы будете служить, а у старосты свѣчей не будетъ, да за просфоры и вино съ ладаномъ нечѣмъ платить; подкрѣпи васъ Господь,—вы вѣдь одиноки тутъ и товарищи—священники сосѣди Богъ вѣсть за сколько верстъ отъ васъ и тоже всѣ заняты; нужно всегда совершать вамъ полную службу по воскресеньямъ и праздникамъ, а по малымъ празднествамъ на недѣлѣ, особенно въ дни особенно чтимыхъ святыхъ Россійскихъ, достаточно отправить вечерню, утреню и обѣдницу; позвоните, россійскіе выходцы-то наши и будутъ припоминать, что вотъ память такого и такого нашего святаго; благочестивая душа воздохнетъ, да и привлечется помолиться, а то засвѣтитъ у себя лампадку предъ иконами и помолится. И вамъ не особенно трудно совершать такую службу, и для церкви не убыточно. Начинать службу лучше ранѣе, для удовлетворенія особенно тѣхъ, кои дорожатъ обѣдней, кои ходятъ къ обѣднѣ натошакъ,—это сыны Божіи, это основа наша, съ ними и хлѣбъ-соль хорошо вести... Псаломщиковъ я назначилъ вамъ именно такихъ, кои и вдвоемъ могутъ хорошо пѣть; просилось нѣсколько, но здѣсь мѣсто особое и я избралъ одного

могли являться къ нему часто, а потому, ежели когда являлись, то во всякомъ разѣ было о чемъ поговорить съ архипастыремъ и архипастырю съ ними; по меньшей мѣрѣ пишущаго сіе онъ обыкновенно всегда приглашалъ налѣво или направо въ покой, и предложивъ сѣсть, начиналъ рѣчь, а пишущій—изъ меньшихъ въ епархіи іереевъ.

баса, хоть и легонькаго, а другаго тепора, и оба умѣлые въ пѣніи».

Кромѣ чая, владыка и въ этотъ вечеръ ничего не сталъ кушать.

Изумила многихъ отмѣнная деликатность преосвященнаго. Въ его спальнѣ поставленъ былъ письменный приборъ, перья же къ нему положены были только стальные. Съ вечера въ день пріѣзда преосвященный не осмотрѣлъ перьевъ. Между тѣмъ, когда послѣ правила онъ расположился писать, писать оказалось ему нечѣмъ: стальными перьями онъ не пишетъ. И вотъ онъ пробирается тихо изъ своей дальней комнаты чрезъ залъ къ своему челоуѣку въ переднюю спросить: не имѣетъ ли онъ при себѣ гусинаго пера,—хотя могъ позвать къ себѣ челоуѣка звонкомъ. И когда челоуѣкъ, неимѣвшій нужнаго пера у себя, хотѣлъ было идти за онымъ къ священнику, владыка запретилъ, говоря, какъ тотъ рассказывалъ: «къ нимъ идти теперь не слѣдуетъ, поздно,—они устали, покой нуженъ, завтра священнику опять надо рано вставать»; такъ и не пустилъ прислугу. Прислужникъ явился лишь на другой день за перомъ, когда нужно было подавать умываться преосвященному, съ улыбкою сообщая о хожденіи его ночью за перомъ. Въ понедѣльникъ, когда нужно было преосвященному подписать св. антиминосъ, освященный для новаго храма наканунѣ при самомъ освященіи церкви, онъ и самъ съ улыбкою рассказалъ, что ночью на воскресеніе поставленъ былъ въ затрудненіе неимѣніемъ гусинаго пера для письма, но «не посмѣлъ тревожить васъ, о. Н.—устали, служить надо, да и жена-то ваша больная».

Еще другой случай въ подобномъ родѣ. Преосвященному нужно было сдѣлать два замѣчанія священнику: одно относительно веденія письменности, другое относительно изготовленной имъ проповѣди на событіе освященія храма. И вотъ какъ даны были имъ оба эти замѣчанія уже въ день отъѣзда его. Первое отъ лица его и по порученію его передалъ о. благочинный въ спокойно растолкова-

тельномъ тонѣ, когда священникъ былъ одинъ въ своей комнатѣ. Для втораго же владыка нарочно отозвалъ священника въ свою дальнюю комнату и здѣсь сѣвши въ углу на стулъ, спокойно и тихо изложилъ свои указанія *).

Въ понедѣльникъ утромъ преосвященный снова посѣтилъ Ясногорскій монастырь, гдѣ и выстоялъ литургію **), осматривалъ ризницу (знаменитый скарбецъ) и библіотеку. Игумень монастыря съ о. паулипами поднесъ преосвященному икону Ченстох. Божіей Матери. Владыка и отъ себя пріобрѣлъ покупкою нѣсколько иконъ чтимаго образа Богородицы, 4 или 6, на кипарисовыхъ дскахъ, заплативъ за это болѣе 10—15 рублей.

Вкусивъ, по возвращеніи изъ монастыря, у священника на дорогу грибовъ, картофеля и кое-какой рыбы, преосвященный на прощаньи вручилъ священнику «на память» книжицу: «Братское привѣтствіе единовѣрнымъ и единоплеменнымъ близкимъ сердцу славянамъ»,—большаго фор-

*) Сюда же относится способъ въ опредѣленіи священника на мѣсто въ г. Ченстоховъ. Когда нуженъ былъ къ совѣмъ новой церкви и для новоучреждаемаго при оной прихода священникъ, владыка Іоанникій лично отъ себя сдѣлалъ приглашеніе священнику вотъ въ какой формѣ (4 августа 1872 г.),— онъ далъ такую телеграмму: „Сувалки. Священнику отцу Никодиму Соколову. Прошу отвѣтить, согласны ли вы перемѣститься къ Ченстоховской церкви. Отвѣтъ уплачевъ. Архіепископъ Іоанникій“². Вѣдь обычаѣ спрашивать чрезъ канцелярію, письмоводителя, или вообще чрезъ какое-либо должностное лицо. Но владыка Іоанникій спрашиваетъ лично въ строго выдержанномъ, высоковѣжливымъ тонѣ, согласно достоинству и своего лица и того, кого спрашиваетъ, вѣроятно, цѣня именно положеніе священника среди другихъ въ его мѣстѣ; и еще за отвѣтъ уплачиваетъ самъ.

**) Священникъ занятый службою въ церкви, на этотъ разъ не сопутствовалъ владыкѣ на Ясную гору. Онъ лишь встрѣтилъ его у себя при возвращеніи его съ Ясной горы. И вотъ слово владыки, когда онъ вошелъ въ комнату, возвратясь: „ужь, право, извините меня, о. П.—я вѣдь обѣдню стоялъ въ монастырѣ. Хотъ и не слѣдовало бы, да что же, когда прибылъ во время ихней службы (мши), нельзя было оказать вниманіе къ совершавшемуся таинству“.

мата, съ раскрашенными изображеніями святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія.

Архипастырѣ отбылъ благополучно 16 октября, въ понедѣльникъ, въ 11 часу утра по желѣзной дорогѣ въ Варшаву, со всѣмъ своимъ штатомъ.

Бывшіе изъ г. Петрокова приглашали было владыку остановиться на полпути въ г. Петроковѣ. Но владыка сказалъ на это: «оно бы и такъ; но со мною и за мною хвостъ-то великъ; ктому же и дни будніе, отвлекать собою служащихъ отъ дѣлъ ихъ не приходится». И прослѣдовалъ по линіи прямо въ г. Варшаву, не останавливаясь нигдѣ.

Замѣчательно: на столѣ у священника преосвященный оставилъ свою визитную карточку, которая, конечно, и хранится вмѣстѣ съ книжицей и просфорой, какъ особенная драгоценность.

Услужливый и смѣтливый ченстоховскій фототрафѣ откуда-то переснялъ тогда же фотографическій снимокъ преосвященнаго и выставилъ на улицѣ между другими карточками. Благодаря сему, въ рѣдкомъ изъ православныхъ семействъ *) въ Ченстоховской мѣстности нѣтъ портрета архіепископа Варшавскаго Іоанникія. Подлинно достойно и праведно, между портретами именитыхъ лицъ красуется и скромный ликъ сего владыки, къ сожалѣнію нынѣ уже умершаго **).

Покойный высокій подвижникъ, костромской архіепископъ Платонъ, преимущественно предъ другими, питалъ уваженіе и сердечную привязанность къ преосвященному Іоанникію еще въ бытность его инспекторомъ и профессоромъ Кіевской духовной академіи («Душеполезн. Чтен.» 1877 года, ноябрь 348). Это уваженіе и привязан-

*) О римляно-католикахъ мы не знаемъ. Но знаемъ, что и они весьма уважительно всегда высказываются объ архіепископѣ Іоанникіѣ.

**) Въ ноябрѣ 1875 года переведень, совсѣмъ неожиданно, въ г. Одессу, гдѣ и умеръ на 1-е марта 1877 года.

ность лица, извѣстнаго высокою благочестиваго духа и святостью нравственныхъ стремленій, къ сему іерарху, о чемъ мы узнали изъ статьи «Душеполезнаго Чтенія»—и подвигли насъ запечатлѣть въ письмени что такъ извѣстно между всѣми въ ченстоховской мѣстности изъ дѣятельности бывшаго Варшавскаго святителя, чѣмъ и исполняемъ нравственно лежащій на насъ долгъ, давая и матеріаль для будущей біографіи почившаго въ мирѣ святителя, отличавшагося притомъ, какъ отзываются всѣ, съ коими доводилось говорить о немъ, великою правдивостью, соединенною съ чрезвычайною относительно всякихъ случаевъ осмотрительностью.

Священникъ Н. Соколовъ.

СУДЬБА ПРОРОКОВЪ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВ. ПРОРОКА ИЛИ.

„Аминь, аминь глаголю вамъ, который пророкъ пріятель есть во отечествіи своемъ“. (Лук. 4, 24).

Какая печальная судьба! Быть чуждымъ, отринутымъ тѣми, кто для насъ всего дороже на свѣтѣ, съ кѣмъ мы связаны природой тысячами узъ; не встрѣчать сочувствія и уваженія, а находить ненависть, презрѣніе и ожесточенное преслѣдованіе въ тѣхъ, чье счастье есть главная, даже единственная цѣль нашей жизни; быть отторгнутымъ отъ той почвы, на которой мы родились и выросли и къ которой прикрѣплены тысячею корней; проходить свой тернистый жизненный путь въ одиночествѣ, подъ тяжестью всеобщаго презрѣнія и ненависти, если не умереть отъ руки своихъ казію злодѣя,—такова судьба пророковъ. *Никоторый пророкъ пріятель есть во отечествіи своемъ.* Что же это за люди? Какія ихъ преступле-

нія, что общество такъ ужасно казнить ихъ? Конечно, это должны быть самыя зловредныя люди, совершившіе ужасныя злодѣйства!

Исторія пророка Ілія, котораго память мы совершаемъ нынѣ, даетъ намъ отвѣтъ на эти вопросы. Ілія былъ самый пламенный изъ пророковъ: его ревность была какъ огонь, а слово какъ пламенникъ; въ немъ яснѣе, рѣзче, чѣмъ въ комъ-либо другомъ выразился характеръ пророка.

Судьба рода человѣческаго со времени паденія прародителя зависѣла отъ того, придетъ или нѣтъ обѣтованный Спаситель міра; а пришествіе обѣтованнаго Спасителя зависѣло отъ того, сохранить или нѣтъ человѣчество вѣру въ Него. Ковчегомъ для храненія этой вѣры, этой величайшей святыни, избранъ былъ народъ еврейскій. Но этотъ народъ не былъ достоинъ своего избранія; онъ былъ избранъ какъ будто для того, чтобы люди убѣдились, что Богъ творитъ изъ ничего, что и самыя негодныя орудія служатъ исполненію Его плановъ. Этотъ народъ безпрестанно измѣнялъ своему призванію. И вотъ, когда нечестіе грозило затупить свѣтильникъ вѣры, Богъ послалъ пророковъ спасти вѣру: остановить потокъ нечестія грознымъ словомъ обличенія, напомнить народу о его назначеніи и возвратитъ его на путь служенія истинному Богу. Въ минуту величайшей опасности, когда за исключеніемъ 7000, по исчисленію самого Господа, весь Израиль поклонился, въ слѣдъ за своимъ царемъ, сирійскимъ идоламъ, Ваалу и Астартѣ, и имя истиннаго Бога едва не было забыто, Господь воздвигъ Ілію. Ілія является къ царю Ахаву и отъ лица Бога Израилева объявляетъ трехлѣтній голодъ въ наказаніе за нечестіе. Преступленіе ли это? Конечно, нѣтъ. Ілія вѣдь не самъ ссредѣляетъ это наказаніе; онъ только вѣстникъ Божій; его служеніе имепно въ томъ и состояло, чтобы возвѣщать волю Божию. Притомъ благовременнымъ предостереженіемъ онъ указывалъ и вѣрное средство отвратитъ грозящій судъ—покаяніемъ. Слѣдовательно

онъ заслуживалъ не гнѣва, по благодарности. Какую же получилъ онъ благодарность? А вотъ какую: спасая свою жизнь отъ ярости царя, онъ скрылся въ пустыню, гдѣ самъ Богъ чудеснымъ образомъ питалъ его; а потомъ, такъ какъ и эта пустыня не представляла надежнаго убѣжища отъ зоркихъ глазъ царскихъ сыщиковъ, долженъ былъ бѣжать въ чужую, языческую землю, потому что въ цѣломъ царствѣ Израильскомъ не нашлось никого, кто бы укрылъ и далъ кусокъ хлѣба пророку. *Многи вдовицы бѣша во дни Иліи въ Израили, и ни къ единой изъ нихъ посланъ бысть Илія, токмо въ Сарепту сидонскую къ женѣ вдовицѣ.*

По исполненіи суда Божія, Илія, по повелѣнію Божію, является опять къ царю и возвѣщаетъ ему незаслуженную милость и при этомъ чудеснымъ низведеніемъ огня небснаго на приготовленную жертву всенародно доказываетъ безсиліе Ваала и всемогущество истиннаго Бога. И что же? Пророкъ, возвѣстившій милость, мало того—принесшій ее, знаменіемъ доказавшій свое значеніе, принужденъ опять бѣжать въ пустыню отъ ярости царицы, поклявшейся убить его за то только, что обличенные уже развратители народа были, по закону, преданы смерти. Если мы помянемъ еще о томъ, что Илія обличилъ царя и возвѣстилъ ему судъ Божій за убійство и грабежъ, то мы будемъ знать всѣ преступленія пророка, за которыя онъ терпѣлъ гоненія и притерпѣлъ бы и смерть, еслибы Богъ не взялъ его отъ неблагодарной земли.

Таковы преступленія пророка Іліи; таковы же преступленія и всѣхъ другихъ пророковъ, начиная съ Эноха и великаго пророка Ноя, обличителя предпотошнаго міра, и кончая Іисусомъ Христомъ Спасителемъ міра: это ревность къ славѣ Божіей и самая пѣжная любовь къ людямъ, а отсюда смѣлое обличеніе людской неправды и нечестія. Пророки—это друзья челоуѣчества, глашатаи правды; это разумъ и совѣсть челоуѣчества; это его свѣтлыя, никогда не смежающіяся очи; это свѣтильники, озаряющіе

бездну невѣжества, суевѣрія, нечестія и всяческаго зла. Скажите, есть ли какой-нибудь смыслъ въ гнѣвъ противъ обличающихъ насъ разума и совѣсти? Былъ ли хотя одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который сердился бы на свои глаза за то, что они слишкомъ зорки, такъ зорки, что ни одно пятно грязи на тѣлѣ не укроется отъ нихъ? Кто когда-нибудь бросалъ свѣтильникъ за то, что онъ очень хорошо освѣщаетъ пропасти и указываетъ вѣрный путь? А пророковъ гонятъ, убиваютъ. Они, лучшіе изъ людей, «ихъ же не достоинъ весь міръ, терпятъ руганіе и раны, узы и темницы, въ милотѣхъ и въ козіихъ кожахъ скитаются въ горахъ, въ вертепахъ и въ пропастяхъ земныхъ, лишени, скорбяще, озлоблени, подвергаются пыткамъ и умираютъ отъ меча». За что же? За то, что ихъ обличенія весьма прямы, рѣзки, горьки, т.-е. свѣтильникъ очень ярко освѣщаетъ. Но можно ли разбить толстую ледяную кору тонкимъ, хрупкимъ деревяннымъ или костянымъ ножичкомъ? Можно ли разбить толстую, закрубѣлую кору эгоизма и свирѣпыхъ страстей мягкимъ словомъ? Какой больной гнѣвается на врача за то, что онъ подходитъ къ нему съ острымъ ножомъ, а не съ тупымъ косаремъ, чтобы отрѣзать членъ, пораженный антоновымъ огнемъ? А пророковъ ненавидятъ за то, что слова ихъ безпощадно остры.

Усматривайте здѣсь, братіе, глубокое растлѣніе нашей природы: мы любимъ грѣхъ, который убиваетъ насъ, и ненавидимъ того, кто хочетъ спасти насъ отъ убійцы, подобно тому какъ пьяница съ бѣшенствомъ бросается на того, кто хочетъ помѣшать ему отравляться виномъ. Поэтому можно вѣрно судить о степени нравственной доброты человѣка и народа по тому, какъ онъ относится къ пророкамъ, его обличающимъ. И Давидъ впадалъ въ тяжкія преступленія; но за то, какъ онъ принималъ обличенія! Кто принимаетъ такъ обличенія, въ томъ значитъ нравственная основа надежна, какъ бы ни были глубоки его душевныя язвы.

Есть ли у насъ пророки? Въ собственномъ смыслѣ, какъ богодухновенныхъ провозвѣстниковъ откровенія Божія, ихъ нѣтъ. Но служенію пророковъ соотвѣтствуетъ, вопервыхъ, служеніе пастырей церкви, призванныхъ наставлять и обличать людей. Вовторыхъ, благонамѣренные писатели, распространяющіе свѣтъ истиннаго знанія и указывающіе на существующее зло, обличающіе невѣжество и пороки, оказываютъ обществу услугу, подобную той, какую оказывали Израилю ветхозавѣтные пророки. Наконецъ, въ нѣкоторой мѣрѣ значеніе пророка имѣетъ и каждый изъ насъ, кто при случаѣ стоитъ за правду. *И Саулъ во пророцѣхъ.* А дай Богъ, чтобъ у насъ было какъ можно больше подобныхъ истиннымъ пророкамъ—ревнителямъ правды. *Окаяннѣйши всѣхъ чловѣкъ* были бы мы, еслибы у насъ не было пророковъ: это значило бы остаться безъ глазъ, или блуждать въ глубокомъ мракѣ, безъ свѣтильника.

А какъ относимся мы къ пророкамъ—ревнителямъ правды? Какъ у насъ относятся къ правдѣ обличающей, не той безцвѣтной правдѣ общихъ мѣстъ, которая ничего не обличаетъ опредѣленно, потому что слишкомъ много ужъ обличаетъ: въ родѣ того, что «всѣ мы грѣшны»,—подобную правду всѣ мы охотники пѣть на всѣ лады и готовы всегда вторить ей и противъ себя, потому что она столько же и противъ всѣхъ, не исключая и нашихъ обличителей, сколько и противъ насъ;—а къ той правдѣ, которая безпощадно разоблачаетъ мерзости нашей души и не оставляетъ ни малѣйшаго убѣжища нашему самолюбію? Предоставляю вамъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ. Укажу только на нѣкоторые знаменательные признаки. Не приходится ли иногда у насъ встрѣчать людей забытыхъ, заброшенныхъ, загнанныхъ, которыхъ все преступленіе въ томъ, что они очень откровенно говорили правду? И наоборотъ, не часто ли приходится видѣть людей, которыхъ общество лелѣетъ за то только, что они похожи на лживыхъ іудейскихъ пророковъ, которые бѣлое называли чернымъ, а

черное бѣлымъ, которые со сладкою улыбкою говорили: «миръ, миръ!» тогда какъ на самомъ дѣлѣ мира - то не было?

Возлюбимъ, братіе, правду не только тогда, когда она за насъ, но когда она и противъ насъ; будемъ выслушивать обличающую насъ правду не только безъ раздраженія, но даже съ благодарностію; будемъ принимать обличителя какъ друга, благодѣтеля, благовѣстника. Иначе, если мы, чувствуя въ храмѣ пророковъ, за порогомъ храма будемъ съ ожесточеніемъ гнать правду, мы будемъ также нечестивы, какъ іудеи, о которыхъ Господь сказалъ: «вы зиждете гробы пророковъ и красите раки праведныхъ и глаголете: аще бы быхомъ во дни отецъ нашихъ, не быхомъ общницы имъ были въ крови пророкъ. Тѣмже сами себѣ свидѣствуете, яко сынове есте избившихъ пророки; и вы исполните мѣру отецъ вашихъ».

Но возлюбить правду значитъ не только выслушивать ее со смиреніемъ и покорностію, но и съ ревностію возвѣщать ее; т.-е. мы должны не только съ почтеніемъ принимать пророковъ, но и сами при случаѣ быть пророками. Христосъ содѣлалъ насъ *царями и іереями* Отцу своему, слѣд. и пророками. Но если въ комъ недостаетъ рѣшимости обличать людей сильныхъ и возвѣщать имъ горькую правду, по крайней мѣрѣ пусть онъ удержится отъ одобренія неправды и не позоритъ себя низкимъ ласкательствомъ, угодничествомъ, лестію; если нѣтъ въ немъ рѣшимости стать поборникомъ правды, да не будетъ же онъ и предателемъ ея; если онъ не можетъ возвыситься до того, чтобы сдѣлаться истиннымъ пророкомъ, пусть по крайней мѣрѣ не унижаетъ себя до роли лживаго пророка. Аминь.

Д. Державинъ.

К О Н Г Р Е С С Ъ.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ДЕНЬ СВ. ДУХА.

„Идѣже еста два или тріе собрани
во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ“.
Мат. 18, 20.

Сіи слова Христа Спасителя содержатся въ слышанномъ вами сегодня Евангельскомъ чтеніи. Христосъ Спаситель обѣщаетъ присутствовать своею благодатію тамъ, гдѣ соберутся во имя Его, какъ бы ни были малолюдны такія собранія. Собирайтесь во имя Христова значитъ собираться во славу Христа, съ мыслию о Немъ, съ памятію о Его святѣйшемъ лицѣ и искупительномъ дѣлѣ, съ вѣрою въ Него, съ любовью къ Нему, съ надеждою на Его всесильную помощь и благословеніе во всякомъ благомъ дѣлѣ и предпріятіи, съ благоговѣйнымъ настроеніемъ духа, преданнаго Ему. Словомъ, собраніе во имя Христова значитъ собраніе, одушевленное христіанскими душевными расположеніями, соединяющими всѣхъ собравшихся. Таковы собранія молитвенныя, каково на примѣръ наше настоящее многолюдное собраніе по случаю храмоваго праздника. Таковы собранія для разсужденія о дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ славѣ имени Христова, о благоустроеніи церкви Христовой, на примѣръ соборы вселенскіе и помѣстные. Таковы собранія членовъ благотворительныхъ обществъ, проникнутыя убѣжденіемъ, что все, что ни дѣлается на пользу ближнимъ, дѣлается для самого Христа. Собраніями во имя Христова вообще могутъ быть названы всякія общественныя и частныя собранія, если

собравшіеся не забываютъ, что они—христіане, и ведутъ себя такъ, какъ еслибы лично, непосредственно присутствовали среди ихъ Христось, напрімѣръ собраніе гостей на свадьбу, подобное обществу пировавшихъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, который освятилъ своимъ присутствіемъ самъ Иисусъ Христось. Въ Его присутствіи они, безъ сомнѣнія, вели себя такъ, чтобы ихъ поведеніе было угодно Иисусу Христу, т.-е. благоговѣнно, благочинно, миролюбиво, ни на одну минуту не забывая, что въ ихъ обществѣ находится не простой смертный, а посланникъ Божій. Ко всѣмъ подобнымъ собраніямъ во имя Христово относится обѣтованіе Его присутствія.

Къ сожалѣнію, бываютъ собранія во имя Христа, къ которымъ однако не можетъ относиться это обѣтованіе. Таковы напрімѣръ молитвенныя собранія раскольниковъ. Раскольники враждуютъ противъ церкви, которая есть тѣло Христово, слѣдственно враждуютъ противъ самого Христа, главы этого тѣла. Какъ же возможно, чтобы Онъ благодатно присутствовалъ среди нихъ?—Но и православные, присутствуя въ церковномъ собраніи, не всегда привлекаютъ въ свою среду Христа. Есть между ними такіе, которые участвуютъ въ этихъ собраніяхъ, повидимому, во имя Христово, ради молитвы, но не Христось и не молитва у нихъ на умѣ. Они являются въ храмъ Божій, напрімѣръ въ храмовые праздники, не для молитвы, не для поученія въ законѣ Господнемъ, а единственнаго для развлеченія, съ тѣмъ же расположеніемъ духа, какъ-еслибы они пришли въ театръ, на гулянье и т. п. Они приходятъ въ храмъ какъ бы на зрѣлище, съ цѣлю на людей поглядѣть, самимъ порисоваться, полюбоваться искусствомъ и сильными голосами поющихъ и читающихъ,—благо за все это не требуется съ нихъ никакой платы,—зрѣлище даровое. О Христѣ они не помышляютъ, а потому и Христось не для нихъ присутствуетъ въ храмѣ. *Онъ знаетъ сущихъ своихъ* во множествѣ стоящихъ въ храмѣ, и ихъ однихъ осѣняетъ своею благодатію,—на другихъ, какъ бы

ихъ ни было много, Онъ не простираетъ своего благодатнаго покрова.—Въ древности собирались (и теперь иногда собираются) церковные соборы для совѣщанія о дѣлахъ вѣры и церкви: всѣ они созывались во имя Христово, но не всѣ удостоивались и удостоиваются чести Его благодатнаго присутствія. Сей чести не удостоивались тѣ изъ нихъ, на которыхъ проводимы и утверждаемы были ученія о лицѣ и дѣлѣ Христа, противныя истинѣ, служившія къ уничиженію, а не къ прославленію Его святѣйшаго имени.—Такъ не все то угодно Христу, что дѣлается во имя Его: именованъ Христовымъ можно прикрывать дѣла нехристианскія, мнѣнія лживыя и нечестивыя. Христосъ не можетъ благословлять ихъ, не можетъ благодатно присутствовать въ совѣтѣ нечестивыхъ, какъ бы ни было многочисленно ихъ собраніе.

Разсуждая о собраніяхъ во имя Христово, не можемъ, въ настоящее время, не перенестись мыслью къ сонму именитыхъ представителей европейскихъ государствъ, которые собрались въ столицѣ сосѣдней намъ державы для совѣщанія о судьбѣ христіанъ Балканскаго полуострова, за освобожденіе которыхъ отъ многовѣковаго турецкаго ига пролито столько русской крови. Что сказать объ этомъ собраніи? Присутствуетъ ли среди его Господь Исусъ?—Безъ сомнѣнія, Онъ присутствуетъ среди тѣхъ членовъ этого собранія, которые явились сюда во имя Христово, т.-е. съ искреннимъ желаніемъ упрочить благоденствіе освобожденныхъ нашимъ оружіемъ Балканскихъ христіанъ. Если война за ихъ освобожденіе была дѣломъ чистѣйшаго христіанскаго человѣколюбія, то и усилія обезпечить за ними добытую для нихъ свободу составляютъ продолженіе тогоже святаго дѣла. А все, что дѣлается для ближнихъ по христіанской любви къ нимъ, дѣлается для самого Христа, слѣдственно во имя Его, во славу Его, и пріемлется Имъ, какъ услуга, оказанная Ему самому. Потому благословенны тѣ, которые въ качествѣ членовъ великаго Европейскаго собора всѣми си-

лами отстаиваютъ порученное имъ дѣло человѣколюбія: среди нихъ присутствуетъ самъ Христосъ.—Къ сожалѣнію, не всѣ члены этого собора одушевлены подобными желаніями, подобною ревностію о благѣ ближнихъ и слѣдовательно о славѣ имени Христова. Большинство ихъ помышляетъ совсѣмъ не о томъ и другомъ, а о противоположномъ. Они явились на конгрессъ съ намѣреніемъ уничтожить или умалить все, что сдѣлано Россіей для Балканскихъ христіанъ. Россія освободила ихъ отъ рабства, а тѣ хотятъ возвратить ихъ къ рабству. Россія хотѣла доставить торжество кресту надъ полумѣсяцемъ, Евангелію надъ Кораномъ; а тѣ, забывъ свою принадлежность къ христіанству, добиваются снова дать перевѣсъ магометанству надъ христіанствомъ, снова принести въ жертву турецкому изуверству православную церковь. Россія, поднявъ оружіе для освобожденія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ей христіанъ, не преслѣдовала никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, не преслѣдуетъ ихъ и теперь, вступаясь на конгрессѣ за освобожденныхъ ею христіанъ. Не такъ относятся къ нимъ на конгрессѣ недружелюбныя намъ державы. У нихъ на первомъ планѣ своекорыстные—политическіе и экономическіе расчеты. Такъ одной державѣ хочется удержать христіанъ подъ властью Турокъ изъ опасенія вреда для себя въ случаѣ, еслибъ въ сосѣдствѣ ея образовалось новое славянское государство, или нѣсколько славянскихъ государствъ. Это—политической расчетъ. Другая держава находитъ невыгоднымъ для себя въ экономическомъ отношеніи самостоятельное существованіе славянскихъ племенъ, нами освобожденныхъ,—она боится упустить изъ своихъ рукъ торговья выгоды, которыми доселѣ пользовалась среди ихъ только благодаря тому, что гнетъ Турокъ надъ христіанами препятствовалъ успѣхамъ ихъ собственной торговли и промышленности.—Обстоятельства сложились, какъ видите, неблагопріятно для успѣховъ нашего заступничества за освобожденныхъ христіанъ. Противоборствующи-

щихъ этому святому дѣлу на международномъ европейскомъ съѣздѣ больше, чѣмъ сочувствующихъ ему, хотя на сторонѣ послѣднихъ, дѣйствующихъ во имя Христова, самъ Христосъ съ своею благодатію. Положеніе трудно. Придумать, какъ можно выйти изъ него съ честію, представимъ нашему мудрому правительству; паче же всего, что бы ни случилось, должно довѣряться провидѣнію Божию, управляющему судьбами царствъ и народовъ. Что речеть о насъ Господь, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ каждому, въ комъ только бьется сердце дышущее любовію къ отечеству и къ единоплеменнымъ намъ Балканскимъ христіанамъ, остается молитвенно желать, чтобы сторона людей, собравшихся на Европейскій международный соборъ во имя Христова, превозмогла и привлекла къ единомыслію съ собою прочихъ членовъ этого собора; остается желать, чтобы и эти послѣдніе вспомнили, что они—христіане и что слѣдовательно должны поступать въ духѣ любви и доброжелательства въ отношеніи къ братьямъ своимъ по общей вѣрѣ во Христа и почитать тяжкимъ грѣхомъ измѣны Христу предавать въ жертву врагамъ Его тѣхъ, которые освобождены отъ ихъ мучительства русскою кровью. Только подъ условіемъ единомыслія членовъ конгресса, единомыслія основаннаго на чисто христіанскихъ побужденіяхъ, можетъ быть достигнуто торжество праваго дѣла. О водвореніи сего единомыслія между ними да вознесетъ каждый изъ насъ усердную молитву къ Вышнему; да помолится Ему, чтобы Онъ, благодатію св. Духа чрезъ раздаваніе огненныхъ языковъ призавшій всѣхъ къ соединенію, тоюже благодатію привелъ къ доброму единенію въ образѣ мыслей собравшихся на международный европейскій съѣздъ для рѣшенія судьбы единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ христіанъ. Аминь.

Прот. В. Нечаевъ.

БЕСѢДА О ЖЕЛАЕМОМЪ ГЛАГОЛЕНЫМИ СТАРООБРЯДЦАМИ НАИМЕНОВАНИИ „СТАРООБРЯДЕЦЪ“.

Одинъ достопочтенный старообрядецъ при собесѣдованіи со мною выразилъ неудовольствіе, что аки бы старообрядцы терпятъ обиду отъ правительства чрезъ то, что при записяхъ ихъ браковъ и новорожденныхъ не позволено имъ писаться старообрядцами.

Я отвѣчалъ: Позволить и запретить вамъ во официальныхъ бумагахъ, а особенно въ записяхъ вашихъ браковъ и новорожденныхъ, именоваться старообрядцами зависитъ отъ распоряженія правительства; до меня это ни мало не касается. А справедливо ли, по праву ли, вы ищете, или требуете для себя названія «старообрядецъ», или не по праву, объ этомъ, если угодно, побесѣдуемъ.

Старообрядецъ сказалъ: Неужели, по вашему мнѣнію, названіе «старообрядецъ» по справедливости не должно намъ принадлежать? Вы знаете, что мы содержимъ старые обряды, положенные въ старопечатныхъ книгахъ: посему неоспоримо намъ принадлежитъ и имя «старообрядецъ». Чѣмъ вы можете это сильное доказательство опровергнуть? Чѣмъ докажете, что несправедливо желаемъ мы называться «старообрядцами»? И какое вмѣсто этого другое наименованіе считаете болѣе намъ свойственнымъ?

Я отвѣтилъ: Хотя для васъ и вождельно имя «старообрядецъ»; но таково ли оно дѣйствительно, чтобы стоило слишкомъ дорожить имъ? Оно еще не означаетъ сына св. соборной и апостольской церкви, или православно вѣрующаго христіанина, а только означаетъ содержателя старыхъ обрядовъ. Но и это названіе по праву и спра-

ведливости можетъ носить только тотъ, кто неизмѣнно и во всей цѣлости соблюдаетъ всѣ старыя обряды, а не такъ, чтобы одни изъ нихъ избиралъ для исполненія, а другіе отлагалъ; напротивъ, то лице или то общество, которое въ цѣлости всѣхъ старыхъ обрядовъ не соблюдаетъ, называться старообрядцемъ или старообрядцами законнаго права не имѣеть. Такъ ли по вашему?

Старообрядецъ отвѣтилъ: Это справедливо вы сказали.

Я продолжалъ: Вотъ на этомъ основаніи, которое вы и сами одобрили, и будемъ теперь изслѣдовать вопросъ: можетъ ли по справедливости принадлежать вамъ имя старообрядца, или нѣтъ?

Старообрядецъ отвѣтилъ: На этомъ основаніи этотъ вопросъ разсматривать я вполне согласенъ; да иначе его и разсматривать невозможно.

Я сказалъ: Мы начнемъ разсмотрѣніе съ самаго, по мнѣнію старообрядцевъ, важнѣйшаго предмета, то есть сложенія перстовъ для крестнаго знаменія. Посему позвольте мнѣ васъ спросить: какъ вы слагаете персты на крестное знаменіе? И не отказывайтесь отвѣчать мнѣ на это мое вопрошеніе моимъ о томъ знаніемъ.

Старообрядецъ отвѣтилъ: Большой и два малыхъ перста мы совокупаемъ во образъ Святыя Троицы, а два, указательный и великосредній, во образъ двухъ во Христѣ естество, Божества и человѣчества; верхнимъ, то есть указательнымъ, образуемъ Божество, а нижнимъ, то есть великосреднимъ, человѣчество; а преклоненіемъ перста великосредняго образуемъ преклоненіе небесъ и смиренное насъ ради Сына Божія на землю сошествіе; и тѣми двумя перстами полагаемъ на себѣ крестное знаменіе. Такъ указано въ книгѣ Кирилловой, и во Псалтыряхъ учебномъ и со возслѣдованіемъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ, въ словѣ о крестномъ знаменіи. И всѣ мы одинаково таковымъ сложеніемъ знаменаемся крестнымъ знаменіемъ.

Выслушавши отвѣтъ старообрядца съ объясненіемъ о

сложеніи перстовъ, я спросилъ его: а почему вы не знаменаетея такъ, какъ положено въ тѣхъже помянутыхъ вами книгахъ (напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ) въ словѣ именуемомъ Максима Грека, и въ книгѣ О вѣрѣ, во главѣ 9, и въ Маломъ катихизисѣ, гдѣ повелѣвается персты вышній и великосредній имѣти оба простерта? (Значитъ великосредній не наклоненъ). Или почему не слагаете персты на крестное знаменіе, какъ повелѣвается въ Великомъ катихизисѣ? Тамъ повелѣвается оба перста, указательный и великосредній, имѣти наклонена, а не простерта, и сложивши три перста возлагати на главу и проч. (Большой катихизисъ листъ 6). Это повелѣніе Великаго катихизиса вамъ, если желаете называться старообрядцами, наипаче слѣдовало бы исполнять, потому что оно древнѣе прочихъ указаній, напечатанныхъ при патріархѣ Іосифѣ *). Я оставляю уже и не поминаю, находящееся въ Кирилловой книгѣ на листу 236, древнее указаніе въ Панагіотовѣ словѣ тремя перстами полагать на себѣ крестное знаменіе; также оставляю и прочія древнѣйшія указанія о сложеніи трехъ первыхъ перстовъ, какъ-то: отъ житія Александра Ошевенскаго и прочихъ; но вопрошаю: почему вы, изъ указанныхъ мною выше въ старопечатныхъ книгахъ перстосложеній, избрали теперь вами употребляемое, а не избрали указанное въ такъ называемомъ словѣ Максима Грека, или въ древнѣйшихъ предъ Іосифовскими книгахъ, наприм. Великомъ катихизисѣ?

Старообрядецъ отвѣтилъ: Мы потому избрали употребляемое теперь перстосложеніе, что находимъ его болѣе правильнымъ и полнымъ.

Я сказалъ: Дѣйствительно ли вы избрали болѣе правильное перстосложеніе, или нѣтъ, теперь разсматривать

*) Великій катихизисъ напечатанъ въ лѣто 7135. А псалтыри учебный и съ возслѣдованіемъ и Кирилова книга напечатаны послѣ, 7150 лѣта.

это я не буду: потому что у насъ не о томъ идетъ рѣчь. Я только замѣчу вамъ на ваши слова: значить вы не безусловно и не безъ разсмотрѣнія покаряетесь старопечатнымъ книгамъ, или не безусловно слѣдуя этимъ книгамъ, употребляете именно тѣ обряды, которые признаете древнѣйшими, но разсматриваете ихъ и избираете изъ нихъ тѣ, которые мнятся вамъ быть лучшими, или справедливейшими, такъ что если и знаете изъ старопечатныхъ же книгъ, или изъ другихъ источниковъ, что въ болѣе глубокой древности употреблялось другое перстосложеніе, которое однакоже вамъ не нравится, вы это старое обходите, а пріемлете и содержите младшее, которое, по своему разсужденію, почитаете болѣе правильнымъ. Итакъ, вы не то перстосложеніе избрали, которое старѣе, по указанію даже старопечатныхъ книгъ, но то избрали и содержите, которое вамъ понравилось, или, лучше, къ которому вы привыкли. Такимъ образомъ по самому перстосложенію, почитаемому у васъ главнѣйшимъ изъ обрядовъ (а нѣкоторыми и догматомъ), справедливо ли васъ именовать старообрядцами? Нѣтъ; а справедливейе васъ можно именовать самоизбирателями обрядовъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго, тоже весьма уважаемаго вами, обряда: я разумѣю положеніе седмипоклоннаго начала: *Боже милостивъ*, три поклона, *Достойно есть*, поклонъ, *слава*, поклонъ, *и нынѣ*, поклонъ, *Господи помилуй* дважды, *Господи благослови*, поклонъ и малый отпустъ. Православныхъ, не употребляющихъ сего начала, старообрядцы, какъ вамъ извѣстно, не хотятъ именовать и христіанами, говорятъ: какіе они христіане, и что у нихъ добраго, когда они не умѣютъ и начала положить! Или: у нихъ въ церкви нѣтъ ни начала, ни конца!—Первое упоминаніе о семипоклонномъ началѣ, употребляемомъ въ монастыряхъ, находимъ въ Большомъ уставѣ, напечатанномъ при патріархѣ Іоасафѣ въ лѣто 7149. Потомъ о употребленіи сего начала и мірянами напечатано при патріархѣ Іосифѣ въ псалтыряхъ учеб-

номъ и со возслѣдованіемъ. Но древнѣе того времени, въ уставахъ, напечатанныхъ при патріархахъ Гермогенѣ и Филаретѣ, повелѣвается, взойдя въ церковь и выходя изъ церкви, только три поклона полагати, а не семь *). Почему же вы не содержите обрядъ входа въ церковь, существовавшій при патріархахъ Гермогенѣ и Филаретѣ, а содержите обрядъ позднѣйшій, возникшій послѣди, и даже за содержаніе древнѣйшаго обряда входа въ церковь тяжко укоряете православныхъ, не хотите называть ихъ и христіанами?

Старообрядецъ отвѣтилъ: Позднѣйшій обрядъ входа въ церковь полнѣе и приличнѣе; потому мы его и держимъ.

Я замѣтилъ: Значить и симъ обрядомъ показуется, что вы содержите не то, что старѣе даже по указанію старопечатныхъ книгъ, но избираете хотя и позднѣйшее, но такое, что вамъ нравится. Такимъ образомъ и употребленіе седмипоклоннаго начала, которымъ вы такъ дорожите, не дастъ вамъ права называться старообрядцами.

Я продолжалъ: Приведу вамъ и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Въ великій день святой Пасхи и во всю свѣтлую седмицу церковная служба украшается стихомъ: *Христосъ воскресъ*. Въ православныхъ церквахъ его поютъ сице: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть попралъ, и суцимъ во гробѣхъ животъ даровалъ*. Старообрядцы же, кромѣ конца стихирь пасхи, поютъ его сице: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, и гробнымъ животъ дарова*. Сей священный стихъ въ Трїодяхъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іовѣ, положено пѣть во всей утрени и вечерни, и во всей службѣ такъ, какъ поютъ въ церквахъ православныхъ; а въ нѣкоторыхъ Трїодяхъ и уставахъ позднѣй-

*) Уставъ напечатанный при патріархѣ Гермогенѣ въ лѣто 7118, въ чипѣ чстыредестницы, стр. 34 и 36; уставы напечатанные при патріархѣ Филаретѣ въ лѣто 7141, листъ 504.

шихъ онъ напечатанъ разнообразно *), и между прочимъ такъ, какъ его поютъ и старообрядцы. Принявши въ употребленіе позднѣе напечатанное чтеніе пасхальнаго стиха и отвергнувъ напечатанное ранѣе, во времена патріарха Іова, вы опять не соблюли уваженія къ древнему обряду. И еще въ тѣхъже Тріодяхъ, напечатанныхъ при патріархѣ Іовѣ, на Троицкой вечерни повелѣвается молитвы священнику читать отъ алтаря, то есть къ людямъ лицомъ, и людямъ послушати преклонивъ колѣна. А въ нѣкоторыхъ, послѣди напечатанныхъ Тріодяхъ и уставахъ, повелѣвается на Троицкой вечерни священнику читать молитвы во алтарь лицомъ, и людямъ послушати преклонивъ главы на землю. Вы сей послѣдній, позднѣйше напечатанный уставъ содержите, а древнѣйшій, при патріархѣ Іовѣ существовавшій, оставили. И еслибы такое изслѣдованіе по старопечатнымъ книгамъ мы захотѣли еще продолжать, то нашли бы, что множество древнѣйшихъ пѣснопѣній, молитвъ, чиновъ и обрядовъ въ службѣ литургіи, чинѣ крещенія и въ совершеніи прочихъ таинствъ, вами оставлено и поречено укоризною, а избраны молитвы, чины и обряды позднѣйшіе. Если же это изслѣдованіе перенести еще изъ области старопечатныхъ книгъ къ древлеписьменнымъ и харатейнымъ, по которымъ совершалась служба при нашихъ московскихъ чудотворцахъ, тогда нашлось бы и еще болѣе древнихъ чиновъ и обрядовъ, вами неприемлемыхъ и порицаемыхъ. За тѣмъ еще есть много обрядовыхъ дѣйствій, за которыя вы стоите, но которыя даже вовсе не положены въ старопечатныхъ книгахъ, какъ напримѣръ употребленіе печати на просфо-

*) Въ однихъ напечатано: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи, и *сушимъ* во гробѣхъ животь дарова“ (служебники напечатанные при патріархѣ Іосифѣ въ пятое лѣто его патріаршества, л. 378 обор.); а въ иныхъ: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи и *гробнымъ* животь дарова. (Тріодь цвѣтная напечатанная въ шестое лѣто патріаршества патріарха Іосифа, лист. 203).

рахъ съ изображеніемъ главы Адамовой и надписью: *се Амець Божій, взямай грѣхи міра*. Есть наконецъ и такіе обряды у васъ, неизвѣстно откуда взятые, изъ-за которыхъ вы сами между собой спорите и раздѣляетесь на разныя согласія, какъ напимѣръ: кадить два раза вверхъ, а одинъ поперекъ, и подобныя. Теперь разсудите, справедливо ли себѣ, и однимъ себѣ, хотите вы усвоить имя «старообрядецъ»; напротивъ, не справедливѣе ли вамъ какъ самовольно избирающимъ облюбованные вами, хотя бы и позднѣйшіе обряды, и изъ-за нихъ отдѣляющимся отъ св. церкви, спорящимъ и дѣлящимся между собою, именоваться, по приверженности къ обрядамъ, которымъ вы усвоите иногда значеніе догматовъ, просто обрядовцами?

Но еслибы имя старообрядца и могло принадлежать вамъ по праву, таково ли оно по своему значенію, чтобы стоило такъ усиленно искать его? Повторяю вамъ, что имя «старообрядецъ» еще не выражаетъ имени чловѣка православнаго или сына истинной церкви Христовой; напротивъ, даже еретики могутъ называться этимъ именемъ. Я докажу вамъ это примѣрами. Были въ древности такъ называемые четырнадцатники, которые праздновали праздникъ пасхи въ четвертый - надесять день луны перваго мѣсяца. Они за исполненіе сего обряда справедливо могутъ быть названы старообрядцами, потому что свой обрядъ празднованія пасхи приняли отъ начала христіанства, отъ апостола Іоанна Богослова и апостольскихъ мужей, священномученика Поликарпа, и прочихъ *); но при всемъ этомъ четырнадцатники за сопротивленіе святой церкви въ содержаніи того обряда, отъ единства и сыновства церковнаго отринуты **), и причислены къ еретикамъ ***). Еще: Неокесарійцы укоряли Василя

*) Θεατρονъ, вѣвъ второй 136, вѣка втораго отцы лист. 139, вѣка втораго соборъ листъ 145. Баронія лѣто Господне 167.

***) Антиохійскаго собора правило 1.

***) Лаодик. соб. правило 7.

Великаго за прибавленіе новосоставленныхъ имъ молитвъ и обрядовъ, значить были ревнителями стараго обряда, старообрядцами; но Василиемъ Великимъ за то не похвалены *). Посему и вамъ не только несправедливо, но и бесполезно такъ упорно держаться за имя старообрядца, а лучше бы предпочесть ему имя и честь и силу единства и сыновства святой соборной и апостольской церкви, исповѣдуемой въ символѣ вѣры.

Игуменъ Павелъ.

*) Книга богоугодныхъ трудовъ Василія Великаго. Посланіе 204 неокесарійцамъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. Архангельской единовѣрческой, что въ Михайловской слободѣ, церкви (въ Бронницкомъ у.) священникъ N, по смерти другаго священника, желалъ одинъ завѣдывать всѣмъ приходомъ и склонилъ нѣкоторыхъ прихожанъ просить о томъ митрополита. Владыка предписалъ (19 іюня 1831): «Московской церкви единовѣрцевъ священнику, въ удобное время прибыть на мѣсто, вызвать прихожанъ въ церковь (*Архангельскую*), и по надлежащемъ совѣщаніи, взять отъ нихъ по возможности согласное мнѣніе о томъ, нужно ли быть у нихъ второму священнику, и за ихъ подписаніемъ представить».

«Ав. 7. Слѣдуетъ быть двумъ священникамъ, во первыхъ, по прежнему; во вторыхъ, по числу душъ (*до 1000*) въ приходѣ; третьихъ потому, что оставить одного священника желаютъ немногіе; четвертыхъ потому, что желающимъ одного священника не будетъ бѣды, когда будетъ и другой; а еслибы желающіе другаго священника не получили его, и произошло бы затрудненіе въ исправленіи требъ церковныхъ, то это было бы вредъ. Объявить о семъ прихожанамъ и достойнымъ (*къ занятію священнической вакансіи*)».

2. Церковный сельскій староста просилъ позволенія внести въ храмъ для поклоненія рѣзное Распятіе, полученное изъ Москвы отъ такого-то мѣщанина, которому за излишествомъ этотъ образъ отданъ изъ Николаевской, въ Котельникахъ, церкви. Владыка написалъ такую резолюцію отъ 23 ноября 1833 года: «О рѣзныхъ иконахъ есть особое правило. Притомъ и обыкновенную икону, особенно Распятіе, не слѣдовало отдавать частному человѣку, а въ церковь съ удостовѣреніемъ, что оно будетъ употреблено приличнымъ образомъ. Посему учинить слѣдующее: 1) икону сію возвратить въ свою церковь до моего осмотра, о чемъ по возвращеніи моемъ въ епархію пусть напомнитъ мѣстный благочинный. 2) Священнику

за безразсудную выдачу иконы сдѣлать замѣчаніе, возложивъ на его попеченіе возвращеніе иконы, съ тѣмъ, что если не возвратитъ въ двѣ недѣли, то запретитъ ему священнослуженіе до исполненія предписаннаго».

3. 1831, дек. 19. «Чудно судить Консисторіа! Сейчасъ видѣлъ я дѣло, гдѣ она прогнѣвалась на причетниковъ, назвавшихъ блудницу дѣвку блудницею вдовою (*въ чемъ ни бѣды, ни обиды нѣтъ*), и осудила ихъ въ монастырь въ черную работу (*за ругательство*). Теперь она не полагаетъ вовсе никакого взысканія за неисправность въ вѣдомости, отъ которой малому слѣдовало бы идти въ солдаты, и отъ которой произошла запутанность въ важномъ дѣлѣ о разборѣ духовенства *). Взыскать съ причта десять рублей на вдовъ и сиротъ походяно; а благочинному подтвердить».

4. «Потребовать донесенія болѣе обстоятельнаго, отъ того ли только потрясается св. престолъ, что недовольно утверждень въ полъ, или отъ того, что связь его частей разстроилась; и потому, можетъ ли что-нибудь сдѣлано, для укрѣпленія его и для безопаснаго на немъ служенія, руками священнослужительскими, безъ употребленія художника, или надобно исправить его, или и вновь устроить, чрезъ художника».

Благочинный, согласно этой резолюціи (отъ 22 іюня 1838) донесъ, что столпы престола не довольно утверждены въ полъ и между собою не имѣютъ связей; при чемъ изъяснилъ, что мѣстный (*сельскій*) священникъ надѣется самъ укрѣпить ихъ съ надлежащею прочностію, безъ художника. Владыка написалъ (20 іюля): «Пусть утвердитъ священникъ, окропивъ святою водою матеріаль, если какой при семъ употребить нужно будетъ, если впрочемъ укрѣпить можно безъ снятія престола съ мѣста, и безъ снятія съ него срачицы».

5. 1851, авг. 18. «Мѣстному единовѣрческому священнику (*Михайло-Архангельской церкви*) сдѣлать требуемыя закономъ предбрачныя дознанія и справку по документамъ; и если просители (*раскольники—женка и тѣщанинъ*) къ православію не принадлежали доннѣ, и сожитія упоми-

*) По разбору назначень въ военную службу пономарскій сынъ, о которомъ въ клировой вѣдомости не было сказано, что онъ ученикъ семинаріи, вслѣдствіе чего онъ почтенъ былъ праздно проживающимъ.

наемныя въ прошеніи, не были освящены церковнымъ вѣнчаніемъ: то къ единовѣрческой церкви присоединить ихъ установленнымъ порядкомъ, а потомъ и бракъ ихъ благословить по чину церковному; и о послѣдующемъ донести съ приложеніемъ сего».

6. Резолюція отъ 16 іюля 1841 года: <1) діаконъ не признается. Священникъ доказательствъ не представляетъ, и изслѣдованія не желаетъ. Посему дѣло, по необходимости, оставитъ безъ дальнѣйшаго производства. 2) Священнику замѣтить, что его требованіе удаленія отъ церкви (*перемѣщенія въ другой приходъ*) діакона по доносу бездоказательному, и безъ изслѣдованія, есть неосновательное и законному порядку противное; что называть дѣйствія діакона, еще необличенныя, сатанинскими, есть поступокъ противный кротости христіанской, и тѣмъ болѣе священнической; и потому подтвердить ему, чтобы онъ исправилъ свои собственные поступки, и, если діаконъ требуетъ исправленія, употреблялъ къ тому мѣры правильныя и съ законнымъ порядкомъ согласныя».

7. На донесеніи Срѣтенскаго монастыря строителя Сергія о смерти іеромонаха Іоасафа и объ оставшемся послѣ него имуществѣ, Высокопреосвященный положилъ слѣд. резолюцію (*14 мая 1832*): <1) Часы продать, и деньги либо въ монастырь, въ замѣнъ издержанныхъ на погребеніе, либо раздать бѣднымъ. 2) Другія вещи продавать братіи (*монастырской*), а деньгами братію же удовлетворять за поминовеніе брата было бы стыдно: поминовеніе совершать по долгу и братской любви; вещи оставить въ монастырѣ, и изъ нихъ дать изъ братіи, кому что нужнымъ окажется. 3) О прочемъ консисторіи разсмотрѣть».

Сообщилъ А. Г—рій.

С Л О В А

ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА,

НОВАГО БОГОСЛОВА.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

- 1) Человѣкъ потерялъ истину, послѣ того, какъ изгнанъ былъ изъ рая.
- 2) Въ чемъ грѣхъ діавола, и въ чемъ—Адама?
- 3) Человѣкъ грѣшенъ отъ самаго зачатія своего.
- 4) И возраждается святымъ Духомъ во святомъ крещеніи.
- 5) Чего это желали цари и пророки, прежде пришествія Христава?
- 6) Духовный отецъ долженъ прежде оглашать исповѣдающихся и научать таинству вѣры, а потомъ налагать и эпитимію.
- 7) Всякому христіанину потребно воспріять божественное изменение.

1. Поелику Адамъ повѣрилъ діаволу, наговорившему ему лжей, и вкусилъ отъ древа познанія; то, какъ повѣрившій лжецу, изпалъ отъ истины. Послѣ сего естество человѣческое много трудилось ища истины, но обрѣсти ее не могло. Сіе явно подтверждаютъ всѣ еллинскіе мудрецы, которые никакъ не могли согласовать, привести къ единству и на правый путь направить разнообразное мудрованіе людей, несмотря на то, что многіе употребляли къ тому способы и написали множество пространныхъ сочиненій, въ которыхъ всесторонне разсуждали о

добродѣтели и худонравіи. Истина — отъ Бога, въ словѣ Божіемъ содержится, и благодатию Христовою постигается. Благодать во Христѣ Исусѣ, своею недомыслимою силою, раздробленныя и многосплетенныя воззрѣнія упростила, исправила и объединила нѣкоторымъ, какъбы физическимъ и непоколебимымъ единствомъ, показавъ тѣмъ, что всѣ другіе къ тому способы и приемы недѣйственны, непрактичны и бесполезны. Руководящіяся сими способами пускаются въ изслѣдованія, чтобъ найти истину, но найти ея не успѣваютъ: она праведно укрылась отъ нихъ. Ибо, такъ какъ человѣкъ, самоохотно и безъ всякаго насилія, принялъ ложь и повѣрилъ ей; то и осужденъ искать истину, и не находитъ, тещи въ слѣдъ ея, и не достигать. Впрочемъ какъ укрылась отъ насъ истина за то, что мы повѣрили лжи, такимъ же образомъ и опять обрѣтается нами истина, когда вѣруемъ истинѣ. Повѣрилъ Адамъ лжи прикрытой и неявной; а мы вѣруемъ въ великое и явное таинство, — въ Бога воплощенна. Та ложь сама въ себѣ содержала невѣроятность, потому что шла противъ прямой заповѣди Божіей; а это великое таинство воплощенія Христова имѣетъ свидѣтельство вѣрности своей отъ имени Божія. Та ложь, какъ только повѣровано было Адамомъ, что она истина, тотчасъ оказалась ложью, потому что повѣрившаго ей низринула въ тлѣніе и смерть; а это таинство, бывая вѣруемо, оказывается истиною, потому что освобождаетъ вѣрующаго ему отъ тлѣнія и смерти, такъ какъ силою его отъемлется у вѣрующаго грѣхъ и даруется ему добробытіе, или праведность. Такъ и истина и ложь явными бываютъ по концу своему.

2. Если вникнешь, какой грѣхъ сдѣлалъ діаволь и какой Адамъ, то не найдешь ничего другаго, кромѣ одной гордости. Но и діаволь и Адамъ возгордились по причинѣ великой славы, какой преизобильно были удостоены. Будучи облечены славою, не послѣ смиренія и безславія, они по этому самому и возгордились. Такъ какъ они ни-

когда не видѣли смиренія и не знали, что за вещь есть это смиреніе и безславіе, послѣдующее за низверженіемъ съ высоты славы; то, не имѣя страха бывающаго отъ опасенія такой случайности, возгордились. Помысли теперь, сколь велико было смиреніе Господа Исуса, когда Онъ, будучи Богъ, смирилъ себя даже до вольной смерти и умеръ на крестѣ, смертію, каковая служила наказаніемъ для самыхъ худыхъ людей. Итакъ одинъ грѣхъ гордость, и одна добродѣтель великое смиреніе. Но изъ насъ, такъ какъ мы нынѣ находимся въ такомъ униженіи и бѣдственности, кто станетъ гордиться, кромѣ развѣ буяго и несмысленнаго? Въ настоящей жизни ни силы никто не имѣетъ въ собѣ божеской, чтобъ являть блестящую славу, и никого пѣтъ, кто бы былъ облакаемъ славою прежде смиренія и безславія, но всякой человѣкъ, раждаясь въ міръ сей, раждается безславнымъ и ничтожнымъ, а потомъ уже мало-по-малу преуспѣвая бываетъ иной разъ и славнымъ.

3. Посему, если кто, испытавъ напередъ такое безславіе и ничтожество, потомъ возгордится, то не безмысленъ ли и не слѣпъ ли онъ? То изреченіе, въ коемъ говорится, что никто не безгрѣшенъ, кромѣ Бога, хотя бы одинъ день житія его былъ на землѣ, не о тѣхъ говоритъ, которые сами лично грѣшатъ; потому что однодневное дитя какъ можетъ согрѣшить? Но этимъ выражается то таинство вѣры нашей, что человѣческое естество бываетъ грѣшно отъ самаго зачатія своего. Богъ не создалъ человѣка грѣшнымъ, а чистымъ и святымъ. Но когда первозданный Адамъ потерялъ сію одежду святости, не отъ другаго какого грѣха, а отъ одной гордости, и сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ; то и всѣ люди, происходящіе отъ сѣмени Адамова, бываютъ причастны прародительскаго грѣха отъ самаго зачатія и рожденія своего. Кто симъ путемъ родился, хотя бы не сдѣлалъ еще никакого грѣха, уже грѣшенъ есть тѣмъ прародительскимъ грѣхомъ.

4. По сей причинѣ пришло иное рожденіе или возрожденіе, которое возраждаетъ человѣка чрезъ святое крещеніе Духомъ святымъ, опять воссоединяетъ его съ божескимъ естествомъ, какъ было тогда, какъ создали его руки Божіи, возстановляетъ всѣ душевныя силы его, обновляетъ ихъ и приводитъ въ то состояніе, въ какомъ были онѣ до преступленія первозданнаго Адама, и такимъ образомъ вводитъ его въ царство Божіе, въ которое не можетъ войти некрещеный, просвѣщаетъ свѣтомъ его и даетъ вкусить радостей его. Такъ каждый крещаемый опять содѣлывается такимъ, какъ былъ Адамъ до преступленія, и введенъ бывая въ мысленный рай пріемлетъ заповѣдь дѣлати его и хранить: дѣлати исполненіемъ заповѣдей Иисуса Христа, воссоздавшего его, и хранить храненіемъ благодати святаго Духа, дарованной ему чрезъ святое крещеніе, исповѣдуя, что сила сей благодати, живущей въ немъ, вмѣстѣ съ нимъ исполняетъ заповѣди Христовы. Въ этомъ состоитъ храненіе. И какъ невозможно дому прочно стоять безъ основанія, такъ душѣ, вѣрующей во Христа, невозможно явить богоугодное житіе, если въ нее не вложена будетъ, какъ основаніе, благодать святаго Духа. Ибо и постъ, и бдѣніе, и долугеганіе, и поклоны, и молитвословія, и всякое другое злостраданіе, ничтоже есть безъ божественной благодати. И если услышишь, что кто-либо, послѣ явныхъ христіанскихъ дѣлъ, отпалъ отъ Христа, знай, что онъ былъ въ то время безъ благодати Божіей. Ибо св. Духъ животворитъ душу, какъ душа тѣло, и она бываетъ сильна, тверда и постоянна. Великое это есть таинство. Да благоговѣнствуетъ предъ нимъ человѣкъ, да внимаетъ ему и хранить его. Сею благодатию св. Духа совершается въ сердцѣ жертва хваленія, и создается самое сердце чистое, сокрушенное и смиренное, которое, зная, что не имѣетъ ничего собственнаго, и не можетъ вознестись гордостію. Это смиреніе сердца сокрушеннаго и самоуниженнаго, истинное, а не напоказъ изъ тщеславія, и есть жертва хваленія,

приносимая Богу. Нечистъ предъ Господомъ, сказано, не всякой грѣшникъ, а всякъ высокосердый и гордый, потому что безъ грѣха никого нѣтъ. Смиренносердый праведенъ и праведно дѣйствуетъ: ибо исполненъ благодати св. Духа, обучающей его всякому добру и укрѣпляющей въ немъ. Благодать сія подаетъ ему святыню, безъ коей никто не узритъ Господа (Евр. 12, 14). Почему сказано: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10). И кто этотъ нечестивый? Высокосердый, у котораго по мѣрѣ гордыни его бываетъ и мѣра нечестія; какъ наоборотъ у смиренносердаго по мѣрѣ смиренія его бываетъ мѣра благочестія его. Но кто же этотъ смиренносердый? Ни мудрецъ, ни многознатель, ни научникъ, ни искусникъ, ни дѣлецъ; но тотъ, кто имѣетъ благодать св. Духа, которая очистивъ душу отъ всякаго грѣха и научивъ ее жить праведно и богоугодно, даруетъ ей истинныя—и мудрость, и знаніе, и умѣніе дѣйствовать.

5. Для этого и Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, и умеръ, давъ Себя въ искупленіе всего естества человѣческаго. Впрочемъ смерть Его была необходимою жертвою и за благочестивыхъ, умершихъ прежде пришествія Его во плоти. Ибо послѣ преступленія Адамова никто и изъ праведныхъ не могъ спасенъ быть, такъ какъ всѣ люди подлежали грѣху прародителя Адама, тлѣнію и смерти, и мечъ огненный никого не пропускалъ въ рай, изъ котораго изгнанъ былъ Адамъ; такъ какъ тѣ святыя обители рая принимаютъ только души непорочныя и чистыя отъ всякаго грѣха, какъ говоритъ Апостоль, что *тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія* (1 Кор. 15, 50). Почему необходимо было, чтобъ нетлѣнный Сынъ Божій посредствомъ тлѣнной плоти своей данъ былъ въ жертву, дабы искупить праведныхъ тѣхъ отъ тлѣнія. Ибо сами собою они не могли опять придти въ нетлѣніе, изъ коего низпалъ Адамъ; но это было дѣломъ великаго домостроительства Христова, совершеннаго съ судомъ и правдою. А для тѣхъ, которые родились послѣ рождества Христова,

Онъ есть и жертва и пища посредствомъ причащенія пречистыхъ тайнъ, въ коемъ чрезъ единеніе, въ какое вступаетъ съ причащающимся, Онъ обновляетъ его и возсоздаетъ, и неизреченною силою творческаго Божества приискренно сочетаваетъ съ Собою и Собою проникаетъ, т.-е. дѣлаетъ Богомъ по благодати: подобно тому, какъ и огонь, чрезъ свое проникновеніе, дѣлаетъ огнемъ тѣ твердыя тѣла, которыя его принимаютъ и имъ проникаются, какъ напримѣръ, желѣзо, мѣдь и подобныя,—дѣлаетъ огнемъ, но не измѣняетъ природы ихъ, а дѣлаетъ лишь то, что они, пока находятся въ такомъ сочетаніи съ огнемъ, бываютъ и сами огнемъ. И сіе-то есть то, чего желали пророки, цари и праведники, бывшіе прежде Христа, такъ какъ провидѣли тѣхъ, которые имѣли быть плотъ отъ плоти Христа и кость отъ костей Его, а себя самихъ видѣли лишаемыми столь великаго блага.

6. Которые же научены сему великому таинству христіанства, и познавъ его, сдѣлались вѣрующими и вѣрными ему, а потомъ пали, какъ человѣки, плотъ носящіе, для тѣхъ нѣтъ другаго средства возвратитъ потерянное, какъ покаяніе во всемъ, въ чемъ погрѣшили. Прибѣгнуть имъ надобно къ врачу духовному, и исповѣдавъ ему грѣхъ свой, открывъ рану свою, съ покорностію и желаніемъ принять слѣдующую по правиламъ эпитимію, какую наложитъ духовный отецъ; потому что такія эпитиміи разрѣшаютъ узы грѣховныя и служатъ для ранъ душевнымъ пригоднымъ врачевствомъ, чтобъ исцѣлитъ ихъ. Необходимо, говорю, грѣшачимъ по крещеніи несть эпитимію; потому что они были уже просвѣщены и *вкусили дара небеснаго* (Евр. 6, 4), т.-е. опытно познали силу Христову, почему должны были мужественно стоять противъ искушенія и не грѣшить, какъ говоритъ Апостолъ: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ грѣхомъ, но подъ благодатію* (Рим. 6, 14).

Еслибъ они не пренебрегли благодати Божіей, уже познанной, то она не попустила бы имъ согрѣшить. Сами

собою сдѣлались они повинными крови Христовой, очистившей совѣсть ихъ отъ мертвыхъ дѣлъ, чтобъ служить Богу живому и истинному; почему имѣютъ нужду во вторичномъ очищеніи чрезъ покаяніе, которое бываетъ соединено съ трудами и потами, стенаніями и слезами, чтобъ каждый изъ нихъ могъ сказать къ Богу: *виждь смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя* (Пс. 24, 18). Не потому такъ надо, чтобъ Богъ имѣлъ нужду въ трудахъ и потахъ кающагося, но для того, чтобъ кающійся, получивъ благодать Божію безъ труда, опять не пренебрегъ ее, какъ и прежде, и не былъ за то осужденъ вѣчно горѣть въ неугасимомъ огнѣ адскомъ.

Но которые не знаютъ таинства христіанства, каковы наибольшая часть изъ такихъ крещеныхъ, которые именуется, какъ крещеные, христіанами, но не оглашены христіанскимъ ученіемъ и совѣмъ остаются невѣдающими, и, скажу такъ, непросвѣщенными (крещеніемъ просвѣщены, но не просвѣщены вѣдѣніемъ), потому что не знаютъ и не разумѣютъ воистину, въ чемъ состоитъ таинство христіанства,—такъ когда таковыя, каюсь, исповѣдаютъ грѣхи свои, содѣланные ими по крещеніи, то ихъ не должно слишкомъ вязать на духу и возлагать на нихъ тяжеля эпитиміи; потому что это не будетъ для нихъ полезно, такъ какъ они будучи не научены и не просвѣщены, и не имѣя вѣдѣнія о тайнѣ Христа, не могутъ восчувствовать, какъ должно, этихъ вязаній и эпитимій. Они въ невѣдѣніи вѣровали, въ невѣдѣніи и грѣшили; и послѣку безъ разума грѣшили, то не могутъ, какъ должно, уразумѣть разумность духовнаго ихъ врачеванія.

Итакъ, какъ для тѣхъ которые научены и просвѣщены и знаютъ таинство христіанства, по мѣрѣ ихъ знанія и грѣха, т.-е. судя по тому, какое имѣютъ вѣдѣніе и знаніе о таинствѣ христіанства, и сколь тяжкій учинили грѣхъ, потребны и обязанности, и врачевства, и прижиганія и злостраданія, т.-е. посты, бдѣнія, долуганія, колѣнопреклоненія, и прочее: такъ для тѣхъ, которые не знали и не

были научены таинству христіанства, потребны напередъ наученіе, оглашеніе ученіемъ вѣры и просвѣщеніе, и потомъ уже каноническія эпитиміи. Ибо неразумно вязать и прижигать, т.-е. налагать, по правиламъ, эпитимію на немогущаго восчувствовать то, какъ несмысленно лечить мертваго.

Впрочемъ, какъ говорить божественный Павелъ, *елицы въ законъ согрѣшиша*, т.-е. при знаніи таинства вѣры и христіанства, *закономъ судъ примутъ*, т.-е. должны быть судимы и эпитимизованы по всей строгости священныхъ каноновъ; а которые *безъ закона согрѣшили*, т.-е. не знали всего, что относится къ вѣрѣ и что необходимо для спасенія, и не научились тому, *тѣ безъ закона и погибнутъ* (Рим. 2, 12), т.-е. и безъ приложенія къ нимъ всей строгости каноновъ, погибнуть (если не покаются), при всемъ томъ, что могутъ предлагать бесполезно въ оправданіе свое, что не знали, какъ обязаны были поступать: ибо Господь говоритъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселеннѣй, во свидѣтельство всемъ языкомъ* (Мѣ. 24, 14). Если такимъ образомъ языки осуждаются (за невѣдѣніе), тѣмъ паче будутъ осуждены тѣ христіане, которые, находясь въ оградѣ церкви Христовой, не знаютъ истиннаго ученія о христіанскомъ благочестіи, потому что не позаботились поучиться ему гдѣ и какъ слѣдуетъ, по нерадѣнію и презорству къ столько великому дѣлу, совершенному для насъ Сыномъ Божиимъ, для коего Онъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ и претерпѣлъ крайнее поношеніе, умерши на крестѣ, будто злодѣй.

7. Великое благо есть вѣровать во Христа, потому что безъ вѣры во Христа никому невозможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо, но надобно и крещеніе пріять во имя святаго и живоначальнаго Троицы, для оживленія души. Благо есть крещеніе пріять и чрезъ него новую жизнь духовную, но

надобно, чтобъ и чувствомъ ощущена была сія таинственная жизнь, или умное въ духѣ просвѣщеніе. Благо есть воспріять чувствомъ умное въ духѣ просвѣщеніе, но надобно являть и дѣла свѣта. Благо есть дѣлать дѣла свѣта, но надобно облечься и во смиреніе и кротость Христову, для совершеннаго уподобленія Христу. Кто достигнетъ сего и сдѣлается кротокъ и смиренъ сердцемъ, такъ какъ бы это были естественныя его расположенія, тотъ несомнѣнно внидетъ въ царство небесное и въ радость Господа своего. Впрочемъ и всѣ тѣ, которые текутъ путемъ Божиимъ по указанному мною порядку, если случится, что естественная смерть пресѣчетъ посрединѣ ихъ теченіе, не будутъ отогнаны отъ дверей царствія Божія, и двери сіи не будутъ затворены предъ ними, по безпредѣльной милости Божіей. Но которые не текутъ такимъ порядкомъ, тѣхъ суетна жизнь, суетна и вѣра, если какую имѣютъ во Христа Господа, коему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

1) Всякой изъ насъ долженъ познать, что онъ есть Адамъ, чтобъ быть Христомъ.

2) Таинство воплощенія Сына и Слова Божія имѣеть цѣлю пересозидать вѣрующихъ въ Него, и дѣлать ихъ нетлѣнными и бессмертными

3) Определенія Божіи дѣлаются закономъ естества.

4) Какія определенія Божіи опять Имъ отмѣняются, и какимъ образомъ?

1. Если кто изъ насъ не познаетъ, что онъ есть Адамъ, тотъ, который согрѣшилъ предъ Богомъ въ раю; то какъ можетъ онъ признать и думать, что нисшествіе Сына и Слова Божія было для него? Такой ужъ по паденіи установленъ законъ, что какъ каждый изъ насъ бываетъ Ада-

момъ, т.-е. человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ, не по причинѣ собственнаго своего грѣха, а по причинѣ преслушанія прародителя нашего Адама, отъ сѣмени котораго приходимъ: такъ опять каждый изъ насъ бываетъ Христомъ, нетлѣннымъ и безсмертнымъ, не ради добродѣтелей своихъ, но ради послушанія втораго Адама, который есть Христосъ, Господь нашъ, сошедшій съ неба, содѣлаваясь кость отъ костей Его и плоть отъ плоти Его. И какъ тлѣніе и смерть изъ рода въ родъ переходятъ отъ ветхаго Адама, такъ нетлѣніе и безсмертіе переходятъ въ христіанъ отъ новаго Адама. Какъ то, что мы причастники естества праотца Адама, падшаго, познаемъ мы по тому признаку, что и мы грѣшимъ и преступаемъ заповѣди Божіи: такъ и то, что мы бываемъ причастниками божественной благодати втораго родоначальника нашего Христа Господа, познаемъ по тому признаку, что не грѣшимъ болѣе, коль скоро получаемъ божественную благодать сію. Мы почерпаемъ отъ полноты Христовой, подобно тому, какъ изъ какого-либо источника огня возжигались бы міриады лампадъ, и чѣмъ больше бы возжигались, тѣмъ болѣе оны изобиловали бы огнемъ и источали его изъ себя: ибо Христосъ, какъ Богъ, преисполненъ всякимъ добромъ.

2. Онъ, не отстраняясь отъ всего сущаго, благоволилъ устранился въ пречистое чрево Приснодѣвы, родиться, млекою питаться, возрасти и стать мужемъ, также алкать, жаждалъ, утруждался, и проливалъ потъ, потомъ подвергнуться зависти Іудевъ за чудеса, совершенныя Имъ, въ показаніе своего божества, быть повѣшеннымъ на крестѣ, будто злодѣй, вмѣстѣ съ разбойниками, умереть позорною смертію, по волѣ своей, погребену быть, воскреснуть и вознестись на небо, чтобъ ниспослать на вѣрующихъ Духа святаго, отъ Отца исходящаго, котораго и послалъ. Ибо то и было цѣлію и концемъ всего воплощеннаго домостроительства Христова, чтобъ Духа святаго принимали въ души свои вѣрующіе въ Него, яко

Бога и человѣка, единого Христа въ двухъ естествахъ, божескомъ и человѣческомъ, нераздѣльныхъ и несліянныхъ; чтобы сей святыи Духъ былъ какъбы душею души вѣрующихъ, и они по сей причинѣ именовались христіанами; чтобы (дѣйствиємъ сего Духа святаго) они нѣкоторымъ образомъ переплавились, пересозидались, обновлялись, и освящались, по уму, совѣсти и по всѣмъ чувствамъ, такъ чтобы послѣ сего они совсѣмъ уже не имѣли въ себѣ растлѣнной жизни, которая могла бы поднимать въ душѣ ихъ позывъ и пожеланіе плотскихъ сластей и мірскихъ похотей. Ибо всякой человѣкъ съ перваго дня рожденія своего (съ момента зачатія) подлежитъ уже тлѣннѣю и смерти, и потребна великая и божеская сила, чтобы возсоздать его къ нетлѣннѣю и безсмертнѣю. Если же кто, вмѣстѣ съ возрастомъ тѣлеснымъ, будетъ возрастать и въ худости, то въ такомъ конечно увеличивается и сила тлѣннѣя и владычество смерти, дѣлающесея въ немъ еще болѣе мощнымъ; потому что по мѣрѣ тлѣннѣя, какое кто развиваетъ въ себѣ, входитъ въ него и жало смерти, т.-е. или больше, или меньше. Если теперь малое и незлобивое дитя имѣетъ пужду въ божеской силѣ, чтобы освободиться отъ тлѣннѣя; то сколь великая сила потребна для того, кто вмѣстѣ съ возрастомъ возросъ и въ худости, а вмѣстѣ съ нею и чрезъ нее возрастилъ въ себѣ и тлѣннѣе? Каковое Богоотець Давидъ называетъ въ псалмахъ своихъ узами и вретнщемъ, взывая къ Богу: *растерзалъ еси узы моя. Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7. 8), т.-е. возблагодарю и прославлю Тя за то, что Ты растерзалъ узы мои, т.-е. тлѣннѣе; и опять: *растерзалъ еси вретнще мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ: яко да воспоетъ Тебѣ слава моя, и не умилюся* (Пс. 29, 12. 13); т.-е. Ты совлекъ съ меня вретнще, которое я носилъ, т.-е. тлѣннѣе, и препоясалъ меня радостнѣю, да прославлю Тя, не я, но Духъ святыи чрезъ меня; потому что радость и слава, прнѣтыя Давидомъ отъ Бога, былъ Духъ святыи, коего имѣя въ себѣ, онъ говоритъ: *и не умилюся* (—не

буду имѣть нужды раскаяваться), т.-е. не буду грѣшить. И такъ всеконечно необходимо всякому всевозможныя употребить усилія, чтобъ получить свыше отъ Христа Господа сіе веселіе и славу, т.-е. благодать святаго Духа, чтобъ возимѣть силу не грѣшить болѣе. Ибо что дѣлаетъ кто по произволенію, то по произволенію же можетъ и уничтожить; но что отъ естества, того нельзя уничтожить произволеніемъ. Если теперь человѣкъ сталъ естественно тлѣннымъ и смертнымъ; то не можетъ силою одного произволенія своего сдѣлаться нетлѣннымъ и безсмертнымъ. И со времени изгнанія Адамова изъ рая, т.-е. съ того времени, какъ онъ по причинѣ преступленія сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ, даже доднесь ни одинъ еще человѣкъ не явился нетлѣннымъ и безсмертнымъ.

3. И такъ, если потребно человѣку опять придти въ то первое состояніе, въ которомъ онъ созданъ, сдѣлаться, т.-е., нетлѣннымъ; то никакое человѣческое произволеніе не можетъ возвестъ его въ сіе состояніе, а одна божественная сила, приѣмая имъ чрезъ сочетаніе съ божескимъ естествомъ. Божеское естество сильно побѣдитъ смертность естества человѣческаго, и опять воззвать его въ первоначальное его состояніе. Слова и опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества. Почему и опредѣленіе Божіе, изреченное Имъ въ слѣдствіе преслушанія перваго Адама, т.-е. опредѣленіе ему смерти и тлѣнія, стало закономъ естества, вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Почему для отмѣненія такого опредѣленія, распялся и умеръ Сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, принеши Себя въ жертву искупленія человѣку отъ смерти, жертву страшную и безмѣрно великую. Опредѣленіе Божіе: *земля сси и въ землю пойдеши*, равно какъ и все наложенное на человѣка послѣ паденія, будетъ еще дѣйствовать до скончанія вѣка; но по милости Божіей, въ силу чрезвычайной жертвы Христовой, въ будущемъ вѣкѣ, оно уже никакой не будетъ имѣть силы, когда совершится общее воскресеніе, каковому воскресенію невозможно бы было

совершиться, еслибъ не воскресъ изъ мертвыхъ самъ Сынъ Божій, умершій для отмѣненія означеннаго опредѣленія и воскрешенія всего человѣческаго естества, такъ какъ воскресъ человѣкъ, т.-е. Христось, какъ и первоначально умеръ человѣкъ, т.-е. Адамъ, тотъ и другой совмѣщая въ себѣ весь человѣческій родъ.

4. Впрочемъ да вѣдаетъ каждый, что опредѣленія Божіи о карахъ за грѣхи, послѣ воплощеннаго домостроительства, есть время отмѣнять еще въ сей жизни. Опредѣленія Божіи, наложенныя на перваго человѣка Адама, согрѣшившаго въ раю, при жизни безбѣдной, праведно не отмѣняются въ сей жизни и поставлены для человѣка въ законъ естества; а опредѣленія Христовы, наложенныя послѣ воплощеннаго домостроительства на насъ, находящихся въ этой бѣдственной жизни, могутъ быть отмѣняемы еще въ семъ вѣкѣ. И всякому христіанину, если онъ подпалъ подъ нихъ, со всѣмъ усердіемъ и усиліемъ надобно озаботиться, чтобъ они сняты были съ него еще здѣсь; ибо они несравненно страшнѣе первыхъ, такъ какъ простираются на нескончаемые вѣка. Если первыя опредѣленія, лишаютія человѣка временной жизни, т.-е. опредѣленія на смерть и тлѣніе, представляются несносными; то опредѣленіе вѣчныхъ и нескончаемыхъ наказаній, какія наложены будутъ въ будущемъ вѣкѣ, насколько тяжелѣе и несноснѣе будутъ для тѣхъ, кому придется испытать ихъ!

Какія же именно эти опредѣленія, послушай. Господь нашъ Иисусъ Христось говоритъ: *аще кто речетъ брату своему: уроче, повиненъ есть гееннъ огненной* (Мѡ. 5, 22). Это значить, что сказавшій это брату своему, какъ только сказалъ это, тотчасъ сдѣлался уже повиннымъ вѣчному мученію. Но это рѣшеніе или опредѣленіе суда Божія теряетъ силу, коль скоро кто покается, и съ такою рѣшимостію положить не говоритъ болѣе брату своему: уроче, что скорѣе умереть, нежели согласится это сдѣлать; потому что въ самомъ дѣлѣ для христіанина лучше умереть, нежели называть брата своего христіанина: уроче.

Такимъ же образомъ, т.-е. чрезъ покаяніе, сокрушеніе и рѣшимость воздерживаться отъ грѣховъ, теряютъ силу и всѣ другія судныя опредѣленія Христовы. Но да вѣдаемъ, что только здѣсь, въ настоящей жизни, гдѣ бываетъ преступленіе заповѣдей Божіихъ, только здѣсь бываетъ и отмѣненіе страшныхъ судныхъ опредѣленій за то, по безпредѣльной Божіей милости, ради искренняго и совершеннаго покаянія. А кто не покается здѣсь, надъ тѣмъ неотмѣнно будутъ исполнены сіи опредѣленія; неотмѣнно, кто поклянется Богомъ въ неправдѣ, будетъ наказанъ, какъ нечестивецъ; кто съ похотѣніемъ воззритъ на жену, будетъ наказанъ какъ блудникъ; лихоимецъ будетъ наказанъ какъ идолослужитель. Впрочемъ, если кто и покается въ такихъ и подобныхъ грѣхахъ, но при этомъ окажется немилостивымъ, несострадательнымъ и жестокосерднымъ, т.-е. воздастъ зломъ за зло, и не проститъ врагу своему, въ такомъ случаѣ никакой не получитъ онъ пользы отъ своего покаянія, но тщетно будетъ все его покаяніе, по опредѣленію Господа, который говоритъ: *имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѡ. 7, 1). И не это только, но можетъ случиться нѣчто и еще худшее, можетъ случиться, что иной искренно покаившись, обрѣтетъ милость у Бога и получитъ отпущеніе всего своего грѣховнаго долга; но если онъ, послѣ сего, окажется несострадательнымъ и немилосерднымъ къ другимъ, и не проститъ имъ, въ чемъ они прѣтивъ него погрѣшаютъ; то самъ разоряетъ милостивое къ нему снисхожденіе и отпущеніе явленное ему Богомъ, какъ говоритъ святое Евангеліе: *не подобаше ли и тебѣ помиловати клеветата твоего, якоже и азъ тя помиловахъ? И прогнѣвався господь его, предаде его мучителемъ* (Мѡ. 18, 33. 34).

Намъ же даруй Господи и покаяться во грѣхахъ своихъ, и быть сострадательными и милосердыми къ ближнимъ, да сподобимся улучшить и вѣчное блаженство въ самомъ Христѣ, истинномъ Богѣ, коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

- 1) Какъ разумѣть: *начало премудрости страхъ Господень*?
- 2) Какіе признаки и дѣла вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей?
- 3) Какіе признаки и дѣла людей невѣрныхъ и не боящихся Бога?
- 4) Кто тотъ мертвый, который не живетъ по Богу?
- 5) Какъ отъ Бога имѣемъ мы бытіе, такъ отъ Него же только получить можемъ и благобытіе.

1. *Начало премудрости страхъ Господень*, говоритъ Писаніе (Притч. 1, 7). Премудръ же есть единъ Богъ. Почему всякій, желающій внити въ царство небесное и быть подъ царемъ Богомъ, чтобъ умъ его, и мудрованія его, и помыслы его были управляемы самимъ Богомъ, единымъ воистину царемъ, всякій такой прежде всего долженъ возымѣть страхъ Божій. Но какъ возымѣть страхъ къ Тому, Кого не видишь?—Потому необходимо прежде увидѣть Бога, чтобъ потомъ возымѣть страхъ къ Нему. А какъ увидѣть Бога, котораго никто никогда не видалъ? Для этого надобно взыскать умнаго свѣта Божія, чтобъ умъ, просвѣтившись имъ, могъ умно узрѣть Бога. И вотъ, когда кто такимъ образомъ узритъ Бога, то можетъ возымѣть и страхъ Божій, а возымѣвши страхъ Божій, можетъ увидѣть и понять и себя самого, и сей привременный и суетный міръ, и всё дѣла міра сего. Далѣе, кто видитъ себя самого и суетность міра сего, тотъ, имѣя всегда присущимъ въ себѣ страхъ Божій, не можетъ онеправдовать кого-либо, и когда самъ терпитъ отъ другаго неправду, не дѣлаеть отмщенія, по чая помощи, отъ Бога приходящей, терпитъ благодушно неправду, и дивится, и славить Бога, что Онъ, видя неправды, долготерпитъ и сноситъ несправеднаго,—самъ между тѣмъ ревнуя всеусердно приносить всякаго рода плоды святаго Духа.

2. Итакъ мы имѣемъ пужду въ умномъ божественномъ свѣтѣ, да содѣлаеть онъ насъ причастниками благодати

зрѣть Бога.—Но что такое есть свѣтъ сей? О семъ самъ Христось говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Тоже говоритъ и евангелистъ Іоаннъ: *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ* (Іоан. 1, 4). Изъясная сіе, Іоаннъ Креститель говоритъ: *вѣруяй въ Сына, имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но и нѣвъ Божіей пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36). Не вѣруетъ же во Христа всякъ, кто преступаетъ одну, и только одну, заповѣдь Его, какъ самъ Христось говоритъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мнѣ наречетъся въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19). *Неправедный въ малъ, и во мнозъ неправеденъ есть* (Лк. 16, 10). Но какой гнѣвъ пребываетъ на такомъ? Гнѣвъ клятвы, которая пала на Адама за преступленіе заповѣди Божіей, т.-е. тлѣніе и смерть. Но которые пребываютъ въ тлѣніи и смерти, тѣ пребудутъ и въ гееннѣ адской. Почему Господь нашъ Іисусъ Христось и говоритъ: *заповѣдь Его животъ вѣчный есть* (Іоан. 12, 50); и: *аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8, 51). Кто же, выходятъ, не исполняетъ заповѣди Божіей, тотъ самъ себя лишаетъ живота вѣчнаго. Итакъ прежде всего надлежитъ увѣровать во Христа, который есть *свѣтъ чловѣкомъ*, чтобъ увидѣть Бога.

Какимъ же образомъ можетъ онъ увидѣть Бога? Изъ твореній, сотворенныхъ Богомъ, можетъ онъ увидѣть и познать Творца, т.-е. неба, земли, моря и прочихъ тварей, особенно же самого чловѣка, который есть животное разумное, зачинающееся такъ невзрачно, и потомъ бывающее такимъ дивнымъ существомъ, которое мнится быти Богомъ всего видимаго, въ силу разумности, его отличающей. Кто узритъ симъ образомъ Бога, тотъ какъ можетъ не возымѣть къ Нему страха? А кто страхъ къ Нему возымѣетъ, возможно ли, чтобъ тотъ не благоговѣинствовалъ предъ Нимъ, не смотрѣлъ строго за собою, и не жилъ такъ, какъ заповѣдуетъ Онъ и опредѣляетъ въ законѣ своемъ?

3. Отсюда само собою разумѣется, что кто живетъ не по закону Божію, тотъ и Бога не боится; а кто Бога не боится, тотъ не видѣ Его; кто же не видѣ Бога, тотъ не имѣетъ въ себѣ свѣта (умнаго); кто не имѣетъ сего свѣта, тотъ не вѣруетъ во Христа; кто не вѣруетъ во Христа, не имѣетъ живота въ себѣ. Такъ какъ, очевидно, онъ не положилъ начала отъ страха Божія, который есть начало премудрости; то онъ есть буй, слѣпъ, мертвъ. И добръ говоритъ евангелистъ Іоаннъ, что *всякъ сокръпшій не видѣ, ни позна* Бога (1 Іоан. 3, 6). Добръ и пророкъ Іеремія живописуетъ, — кто есть незнающій Бога? Кто любо-дѣйствуетъ, кто преступничествуетъ, кто напрягаетъ языкъ свой, какъ лукъ, въ комъ укрѣпились ложь и невѣрство, кто отъ зла переходитъ ко злу, кто другу своему посмѣвается, и не говоритъ истины, кто научилъ языкъ свой говорить одну ложь, кто неправо дѣйствуетъ и не хочетъ обратиться, у кого лихва на лихву, и лесть на лесть, коего языкъ есть стрѣла уязвляющая и льстивіи глаголы устъ его, пріятелю своему глаголетъ мирная, внутрь же себе имѣетъ вражду. Таковъ не позналъ Мене и не восхотѣлъ увѣдѣти Мене, глаголетъ Господь (Іерем. 9, 3—8). Если таковъ незнающій Бога и нехотящій увѣдать Его, чѣмъ разнится онъ отъ тѣхъ, которые не исповѣдаютъ Христа и не вѣруютъ въ Него? Христіанинъ невѣрующій Христу, какой христіанинъ? Кто вѣруетъ Христу, тотъ творитъ заповѣди Его, а кто не творитъ заповѣдей Его, тотъ и не вѣруетъ Ему. Невѣрующій же Христу, не тоже ли что невѣрный? Итакъ всѣ тѣ, которые именуются христіанами, но не живутъ по закону и заповѣдямъ Его, да вѣдаютъ, что они еще не увѣровали во Христа, хотя исповѣдуютъ Его Богомъ. Ибо кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ не станетъ жить беззаконно и нарушать заповѣди Божій, подобно тому, какъ тотъ, кто видитъ предъ собою пропасть, не можетъ броситься въ нее, если только онъ не потерялъ ума.

4. Да възвѣщуютъ же таковыя того, чтобъ увѣровать во Хри-

ста, какъ должно, и такимъ образомъ начать жить по Богу, пріять въ себя умный свѣтъ и узрѣть Бога, страхъ Божій возымѣть и положить начало премудрости, такъ какъ начало премудрости есть страхъ Божій. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, какъ тѣло безъ души. Ибо вѣра, дѣлъ не имѣющая, не имѣетъ Бога, животворящаго ее, и мертва есть, яко не стяжавшая того, о чемъ говоритъ Христось: любящій Мене заповѣди Моя соблюдетъ, и Я и Отецъ придемъ къ нему и обитель у Него сотворимъ (Іоан. 14, 23), чтобъ воскресить изъ мертвыхъ душу присѣщеніемъ своимъ и оживотворить того, кто сподобляется стяжать сіе. Вотъ почему мертва такая вѣра, мертвы тѣ, которые имѣютъ ес безъ дѣлъ. Кто живетъ во Христѣ, тотъ имѣетъ и нравъ Христовъ, а кто не имѣетъ нрава Христова, тотъ мертвъ; и пусть онъ не обольщаетъ себя, какъ говоритъ Христось: *что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю* (Лк. 6, 46)? Знакъ мертвости есть не дѣйствованіе, такъ какъ всякій, кто мертвъ, и бездѣйственъ. Почему кто не дѣйствуетъ по Богу, тотъ мертвъ для Бога, въ томъ нѣтъ жизни по Богу. А кто не живетъ для Бога и по Богу, такому лучше бы совсѣмъ не жить. Тѣлесная наша жизнь есть просто жизнь, какъ жизнь и всѣхъ животныхъ. Но разумная душа должна воспріять жизнь, которую подаетъ Богъ, и которая есть свѣтъ человѣкомъ, подаемый свыше отъ Бога. Кто лишенъ этой жизни, тотъ живетъ, какъ и всѣ неразумныя животныя; но какъ онъ низпадаетъ до сего будучи разумнымъ, то будетъ осужденъ вмѣстѣ съ безтѣлесными разумными тварями, лишившимися такой жизни, т.-е. съ демонами, на вѣчную смерть, или на нескончаемыя мученія во адѣ. Изъ всего сказаннаго видно, что главнѣйшее наше дѣло состоитъ въ богоугодномъ житіи. Которые христіане не ведутъ жизни, подобающей христіанамъ, тѣ немоществуютъ и въ естествѣ своемъ, и въ силахъ своихъ, и въ жизни и дѣянiяхъ своихъ. Сила же христіанства въ томъ и состоитъ, что въ немъ чрезъ Иисуса Христа получается

полное благобытіе отъ Бога, даваго бытіе. Почему естественно тѣ не сподобляются жить, какъ должно, и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ людямъ, которые не взыскали того, чтобъ получить отъ Бога чрезъ Иисуса Христа благобытіе, которое потеряно въ первоизданномъ Адамѣ.

5. Итакъ, который христіанинъ не живетъ, какъ заповѣдуетъ Христось, такой всеу носить имя христіанина. Не имѣеть онъ благобытія, или потому, что совсѣмъ не вѣровалъ во Христа, или потому, что увѣровавъ, презрѣлъ вѣру и потерялъ даръ, или потому что не былъ наученъ какъ должно, и не позналъ сего великаго и таинственнаго дара благодати. Какъ о бытіи мы знаемъ, что оно, бывъ въ началѣ даровано непосредственно Богомъ по закону творенія, въ настоящее время не прямо отъ Него приходитъ, но отъ мужа и жены бываетъ человѣкъ, какъ законоположилъ Онъ же, создатель всяческихъ, когда сказалъ: *и будета два въ плоть едину*, каковая плоть есть плоть дитяти раждаемаго отъ обоихъ: такимъ же образомъ и благобытіе явно есть дѣло и Божіе и наше; потому что еслибъ оно было только Божіе дѣло, то его имѣли бы всѣ люди. Наше въ семъ участіе состоитъ въ томъ, чтобъ признать, что мы не имѣемъ благобытія и не можемъ его возымѣть сами собою; потому что со времени Адама, даже доннѣ не было ни одного человѣка, который бы возымѣлъ благобытіе самъ собою, мудръ ли онъ или разуменъ о себѣ, какъ говоритъ пророкъ Исаія: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. 5, 21). Почему какъ бытіе есть у насъ отъ Бога и Его творческой силы; такъ и благобытіе отъ Него же. Благобытіе есть въ насъ отъ Бога нѣчто высшее предъ просто бытіемъ; потому что это бытіе если не станетъ благобытіемъ, то растлѣвается и гибнетъ. И какъ всесильный Богъ, однажды творчески создавъ человѣка, не даетъ уже теперь бытія никому изъ людей иначе, какъ чрезъ мужа и жену, потому что это было бы

неблагословно: такъ опять и благобытія не даетъ Онъ человѣку, если самъ сей человѣкъ не восхоцетъ того отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего, чтобъ иначе не нарушить разумнаго достоинства естества человѣческаго, т.-е. самовластія. Посему кто восхоцетъ сего благобытія, пусть взыщеть его у Бога съ воплемъ крѣпкимъ и слезами, какъ сдѣлалъ и самъ Христось, который, будучи Богъ и человѣкъ, яко человѣкъ, возносилъ къ Богу молитвы и моленія, со слезами и воплемъ крѣпкимъ, чтобъ избавилъ его, яко человѣка, отъ смерти, какъ говорить Апостоль: *уже во днехъ плоти своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства, бысть въемъ слушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. 5, 7—9). Какое же это спасеніе, которое Онъ даруетъ всѣмъ слушающимъ Его? Самое то благобытіе, которое есть плодъ святаго Духа. *Плодъ же духовный есть*, говоритъ божественный Павелъ, *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣри, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона* (Гал. 5, 22. 23). *Ибо праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9). Богъ Слово и Сынъ Божій, Творецъ естествъ, для того и содѣлался естественно (физически) человѣкомъ, чтобъ естественно (физически) даровать людямъ благобытіе. Чтобъ люди могли получить это благобытіе, Онъ пришелъ, воплотился, пострадалъ и умеръ, чтобъ вѣрующіе могли возымѣть его, яко пѣчто естественное (физическое), т.-е. чтобъ были любительны, радостотворны, долготерпѣливы, благи, милосерды, вѣрны, кротки, воздержны. Ибо эти именно свойства и составляютъ благобытіе. И горе тому, кто не имѣетъ такого благобытія, которое даруется Христомъ; потому что въ такомъ случаѣ онъ лишается того великаго блага, для котораго единаго Богъ содѣлался человѣкомъ, умеръ и воскресъ. Сего-то лишается и онъ (не настоящій христіанинъ), какъ лишаются и тѣ, которые не вѣрують во

Христа, чтобы не сказать, что онъ становится еще и хуже ихъ. Намъ же да не будетъ лишиться сего блага, во Христѣ Иисусѣ, коему слава во вѣки. Аминь.

КЛИМАТЪ СВ. ЗЕМЛИ.

Температура воздуха въ св. землѣ. Высота температуры. Неодинаковость температуры въ различныхъ частяхъ св. земли; причина этого. Температура западныхъ равнинъ лѣтомъ и въ зимніе мѣсяцы. Зной въ равнинѣ Изреельской по изображенію Фанъ-де-Фельде. Температура ель-Гора, или Иорданской равнины; наблюденія надъ температурой въ южной части Иорданской равнины; произведенныя сѣроамериканскою экспедиціею въ 1848 г. Температура западныхъ горъ Палестины; температура воздуха въ Иерусалимѣ. Температура гористой полосы на востокъ отъ Иордана. Неодновременность созрѣванія озимыхъ хлѣбовъ въ Палестинѣ и неодновременность ихъ жатвы; причина этого—неодинаковость температуры воздуха въ различныхъ частяхъ св. земли.—*Вѣтры въ св. землѣ.* Вліяніе вѣтровъ на климатъ св. земли. Вѣтры упоминаемые въ Библии. Периодичность палестинскихъ вѣтровъ. Вѣтры зимняго времени — югозападный и западный; дожди, приносимые ими; временная смѣна западныхъ вѣтровъ вѣтрами сѣвернымъ, преимущественно же восточнымъ; свойства западныхъ вѣтровъ. Сирокко; значеніе этого названія; характеристическія особенности сирокко; сила сирокко въ южныхъ частяхъ св. земли; упоминаніе о сирокко въ Библии; названія, которыя даются этому вѣтру въ библейскихъ книгахъ; свойства, приписываемыя этому вѣтру въ Библии. Вѣтры сѣверный и сѣверозападный. Замѣчанія о чистотѣ и прозрачности палестинскаго воздуха и о вліяніи климата св. земли на здоровье ея обитателей.

Температура воздуха въ св. землѣ.

Особенности, характеризующія собою палестинскія зиму и лѣто, даютъ видѣть, что температура воздуха въ св. землѣ вообще высока особенно по сравненію съ сѣверными странами. Дѣйствительно, средняя температура Палестины приблизительно равна 21 градусу по термометру Реомюра (Gratz, Schauplatz der N. Schrift, S. 214). Но въ различныхъ мѣстностяхъ св. земли она очень различна,

вслѣдствіе далеко неодинаковаго положенія этихъ мѣстностей относительно морскаго уровня. — Св. земля, какъ извѣстно, состоитъ изъ четырехъ полосъ, идущихъ параллельно отъ сѣвера къ югу,—двухъ низменныхъ и двухъ гористыхъ; каждая изъ нихъ занимаетъ по отношенію къ уровню Средиземнаго моря слѣдующее положеніе: первая изъ низменныхъ полосъ, состоящая изъ обширныхъ равнинъ, прилегающихъ къ Средиземному морю (равнины Акко, Саронъ, Сефела), очень незначительно поднята надъ морскимъ уровнемъ; вторая низменная полоса ель-Горъ, или Иорданская равнина, въ сѣверной своей части, около Меромскаго озера, возвышается надъ моремъ на 15 сажень, затѣмъ она быстро и постоянно понижается и при устьяхъ Иордана лежитъ уже ниже Средиземнаго моря болѣе нежели на 170 сажень. Что касается гористыхъ полосъ, то первая изъ нихъ, западная, поднимается надъ моремъ, около Иерусалима и Хеврона, на 350—380 саж.; восточная же въ нѣкоторыхъ пунктахъ имѣетъ значительно большую высоту. Такимъ образомъ оказывается, что разница въ высотѣ между напр. окрестностями Иерусалима и окрестностями Мертваго моря равняется приблизительно 550 саженьямъ. Отсюда понятно, что температура воздуха въ низменныхъ частяхъ св. земли должна быть гораздо выше, нежели въ частяхъ гористыхъ, что дѣйствительно и подтверждается наблюденіями ученыхъ путешественниковъ, хотя, къ сожалѣнію, очень неполными.

Западные равнины св. земли имѣютъ сравнительно очень высокую температуру; въ нихъ зимній холодъ со-сѣднихъ горныхъ мѣстностей почти неощутимъ; лѣтній же зной бываетъ, по временамъ, едва выносимымъ. Такъ во время путешествія Робинзона по равнинѣ Сефела, въ іюнѣ, термометръ, по наблюденію этого путешественника, показывалъ 7 іюня въ 2 часа пополудни, 29 гр. по Реом. (97 по Фаренгейту), при захожденіи солнца почти 25 (88 по Фар.); 8 іюня утромъ при восхожденіи солнца ртуть въ термометрѣ стояла на 22½ гр. по Реом.; около 11 ч.

утра на $27\frac{1}{2}$, въ полдень на $32\frac{1}{2}$ (105 Фар.) и при за-
хожденіи солнца болѣе чѣмъ на $25\frac{1}{2}$. Слѣдуетъ замѣтить,
что въ то время, когда ртуть показывала $32\frac{1}{2}$ гр., тер-
мометръ стоялъ на землѣ, въ тѣни.— Температура запад-
ныхъ равнинъ бывастъ высока не только въ лѣтнее время,
но и зимою. Февраль считается въ Палестинѣ зимнимъ
мѣсяцемъ по преимуществу. Но когда Фанъ-де-Фельде про-
ходилъ въ февралѣ по равнинѣ Акко, находящейся въ
сѣверной части Палестины, то здѣсь въ это время стояла
уже весна во всемъ блескѣ. Луга, равнины уже покрылись
густою травою и множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ
(Velde 1, 190). Подобно западнымъ приморскимъ рав-
нинамъ, отличается высокою температурою также равнина
Изреельская, или Ездrelонская, соединяющаяся западною
своею стороною съ равниною Акко посредствомъ Ки-
сонской долины. Изреельская равнина извѣстна въ Па-
лестинѣ своимъ зноемъ, крайне изнурительнымъ и не-
безопаснымъ для путниковъ. Вотъ какъ Фельде въ письмѣ
къ другу описываетъ ощущенія, испытанныя имъ въ рав-
нинѣ, въ знойный день, во время пути изъ Мегиддона въ
Дженинъ: «Представь себѣ равнину, на которую льетъ
свои лучи высоко стоящее полуденное солнце. Кругомъ
ни дерева, ни куста, и потому—ни малѣйшей тѣни. Вся
почвенная влага поглощена горячею атмосферою. Нѣтъ
признаковъ самаго легкаго вѣтерка, который принесъ бы
хотя нѣкоторое освѣженіе. Небо надъ тобою настолько
ясно и настолько блестяща его синева, свѣтъ вокругъ
тебя настолько силенъ и яркъ, что глаза твои стра-
даютъ и ты съ трудомъ можешь держать ихъ открытыми.
Смотрѣть въ землю бесполезно; потому, что отраженіе
свѣта и тепла отъ тропики, имѣющей свѣтлосѣрый цвѣтъ
и состоящей изъ пзвестняка, также болѣзненно дѣйствуетъ
на глаза, какъ и море свѣта льющееся съ высоты. Зной
увеличивался вслѣдствіе близости скалистыхъ холмовъ,
стоящихъ на южной сторонѣ равнины, у тропики, веду-
щей изъ Мегиддона въ Дженинъ. Ни дождевой зонты,

употребленный для защиты отъ солнца, ни покрывало изъ легкой голубой матеріи, которымъ я запасся по совѣту другихъ путешественниковъ, не могли мнѣ помочь. Я ослабѣлъ совершенно». Далѣе Фельде упоминаетъ о томъ физическомъ разстройствѣ, которое причинилъ ему зной равнины и которое обнаружилось по прибытіи въ Дженинъ. Къ головѣ путешественника прилила кровь, слѣдствіемъ чего была сильная головная боль; сверхъ того онъ почувствовалъ упадокъ силъ и лихорадочное состояніе. А между тѣмъ все это случилось въ мартѣ, когда еще далеко не окончились зимніе дожди (Velde, I, S. 268—270). Высокою температурою отличалась Изреельская равнина и въ библейскія времена, и зной, господствовавшій въ ней лѣтнею порою, иногда губительно дѣйствовалъ на ея обитателей. Такъ отъ зноя во время жатвы умеръ тотъ отрокъ—сынъ Сонамской *) женщины, котораго потомъ оживилъ пророкъ Елисей. «Ребенокъ, такъ объ этомъ случаѣ говорится въ 4 Цар. 4, 18 — 20, въ одинъ день пошелъ къ отцу своему, къ жнецамъ. И сказалъ отцу своему: голова моя! голова моя болитъ! И сказалъ тотъ слугѣ своему: отнеси сго къ матери его. И понесъ его, и принесъ его къ матери его. И онъ сидѣлъ на колѣняхъ у нея до полудня, и умеръ».

Еще выше температура въ ель-Горѣ, или равнинѣ Иорданской, почти лишенной растительности, заключенной въ высокихъ горахъ и потому мало доступной освѣжительнымъ западнымъ вѣтрамъ, которые задерживаются въ своемъ стремленіи на востокъ западными возвышенностями и лишь изрѣдка преодолеваютъ эту естественную преграду. Особенно высока температура воздуха въ южной наиболѣе низменной части равнины, какъ это показали наблюденія сѣверо-американской ученой экспедиціи,

*) Сонамъ, Сунемъ—городъ принадлежавшій колѣну Иссахарову (Исусъ Навинъ 19, 18) и находившійся въ равнинѣ Изреельской при южномъ склонѣ Малаго Ермона.

занимавшейся въ 1848 г., подъ руководствомъ Линча, изученіемъ Мертваго моря и пробывшей на его берегахъ съ 19 апрѣля по 11 мая. Вотъ, нѣкоторые результаты наблюденій этой экспедиціи надъ температурою воздуха въ южной части ель-Гора. Во второй день пребыванія Линча и его спутниковъ на берегахъ Мертваго моря, 20 апр., термометръ показывалъ утромъ болѣе 22 гр. тепла по Реом., въ полдень, въ палаткѣ, — болѣе 25 гр., вечеромъ въ 5 часовъ—болѣе 21. Въ 7 день пребыванія, 25 апр., въ полночь, было почти 25 гр., въ 4 часа утра нѣсколько болѣе 23, при солнечномъ восходѣ почти 21. Особенно зноепъ былъ осьмой день пребыванія экспедиціи на Мертвомъ морѣ. Въ этотъ день, 26 апр., Линчъ и нѣкоторые изъ его спутниковъ предприняли изслѣдованіе южной части моря, причемъ была осмотрѣна соляная гора. Одинъ изъ спутниковъ Линча, Андерсонъ, достигъ подошвы горы по отлогому илистому берегу, не задолго предъ тѣмъ находившемуся подъ водою. Путь Андерсона, хотя и краткій, былъ крайне неприятенъ; глубокой плъ, по которому пробирался путешественникъ, оказался настолько горячимъ, что нужно было освѣжать ноги въ водѣ, но и вода имѣла около 25 гр. Послѣ осмотра горы, при дальнѣйшемъ плаваніи, зной усилился; термометръ около 4 часовъ пополудни показывалъ болѣе 31° по Реом. (102 по Фар.); температура воды возвысилась почти до 26°. Когда путешественники въ 5 часу вышли на берегъ, на юго-восточной части полуострова ель-Лизана, то зной увеличился еще болѣе; металлическія застежки на ихъ платьѣ раскалились такъ, что къ нимъ нельзя было прикоснуться; стальные очки пришлось снять. Въ 5 часовъ сдѣлалось нѣсколько свѣжѣе, но ненадолго; около 8 ч. вечера термометръ поднялся до 33 гр. (106 Фар.) и только къ 4 ч. утра упалъ до 22. Томимые чрезмѣрнымъ жаромъ, путешественники провели на полуостровѣ тяжелую ночь; они не могли уснуть спокойнымъ укрѣпляющимъ сномъ; ихъ лишь тревожили лихорадочныя грезы. Не меньшимъ зно-

емъ отличались послѣдніе дни пребыванія экспедиціи на берегахъ моря. 6, 7 и 8 мая ртуть показывала свыше 30°, а 8 мая, въ полдень, поднялась до 34½, притомъ въ тѣни (Ritter, Erdkunde T. XV, S. 724. 733—735. 748; Robinson, Physisch. Geogr., S. 298).—Наблюденія другихъ путешественниковъ дали подобныя же результаты. Такъ во время пребыванія Робинсона въ Иерихонѣ 13 мая 1838 г. его термометръ, около 2 часовъ дня, показывалъ въ палаткѣ 31° по Р., а въ тѣни фигового дерева 26° (Robins., Paläst., III, 3. 305. 306. 526; Raumer, Paläst., 90). Вслѣдствіе высокой температуры, въ южной половинѣ Иорданской равнины не бываетъ снѣга, хотя въ сосѣднихъ горныхъ мѣстностяхъ онъ по временамъ выпадаетъ въ изобиліи. По словамъ Зеецена, въ ночь съ 8 на 9 января 1807 г. въ восточныхъ и западныхъ горахъ Палестины выпалъ обильный снѣгъ, покрывшій восточныя горы почти до подошвъ и лежавшій потомъ въ окрестностяхъ Иерусалима довольно продолжительное время; въ Иорданской же равнинѣ въ эту ночь не выпало и снѣжинки (Seetzen, II, 300).

Гораздо умѣреннѣе температура въ гористой полосѣ св. земли, лежащей между западными приморскими равнинами и ель-Горомъ. Въ Иерусалимѣ, занимающемъ самый возвышенный пунктъ на линіи между Средиземнымъ моремъ и сѣверною окопечностію Мертваго, термометръ въ зимнее время опускается на нѣсколько градусовъ ниже нуля, а лѣтомъ никогда не стоитъ такъ высоко, какъ напр. въ Иорданской равнинѣ. По наблюденіямъ Беркляя (Barklay), въ періодъ времени съ іюня 1851 и до января 1855 г. термометръ въ Иерусалимѣ ни однажды не превышалъ 27° по Реом. (92 по Фар.) и до 27 онъ поднимался только одинъ разъ (Robinson, Phys. Geogr. S. 295). Поэтому въ лѣтнюю пору жители Иерусалима не страдаютъ отъ зноя, развѣ за очень рѣдкими исключеніями; и лѣтнія іерусалимскія ночи бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, прохладны и обильны рососою. Вообще среднюю

температуру Иерусалима нѣкоторые опредѣляютъ въ $13\frac{1}{2}$ гр. Реом. (Raumer, Paläst., 90). Въ другихъ мѣстностяхъ западной гористой полосы средняя температура почти такая же, какъ и въ Иерусалимѣ.

Что касается гористой полосы на востокъ отъ Иордана, то о средней ея температурѣ опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется. Судя впрочемъ по положенію, занимаемому этою полосой относительно морскаго уровня, слѣдуетъ полагать, что средняя температура здѣсь не очень значительно разнится отъ температуры западныхъ возвышенностей, что отчасти подтверждается тѣми отрывочными замѣчаніями о состояніи' погоды въ восточной части св. земли, которыя мы встрѣчаемъ у Зеетцена (Seetzen, Reisen. Th. I, S. 355, 77; ср. Th. II, S. 385, 77).

Отъ различія температуры въ низменныхъ и гористыхъ частяхъ Палестины зависитъ то, что озимые хлѣба созрѣваютъ въ св. землѣ неодновременно и потому неодновременно начинается и оканчивается ихъ жатва. Прежде всего созрѣваютъ хлѣба въ Иорданской равнинѣ. Въ первой половинѣ апрѣля здѣсь уже поспѣваетъ ячмень и такимъ образомъ «первые дни жатвы» (2 Цар. 21, 9) падаютъ на средину апрѣля. Къ 22 апр. уборка ячменя обыкновенно оканчивается (Raumer, 90; Rabinson, Geogr., 299). Въ началѣ мая въ окрестностяхъ Иерихона поспѣваетъ пшеница и ея жатва продолжается съ 7 по 14 число этого мѣсяца. Нѣсколько позднѣе начинаютъ жать хлѣба на поляхъ западныхъ равнинъ; здѣсь убираютъ пшеницу между 15 и 25 мая. Сравнительно очень долго зрѣютъ ячмень и пшеница въ гористыхъ и вообще возвышенныхъ мѣстностяхъ св. земли. Жители Хеврона и его окрестностей начинаютъ жать пшеницу въ первыхъ числахъ іюня; въ окрестностяхъ Иерусалима уборка этого хлѣба оканчивается къ 11 числу; а далѣе на сѣверъ несжатая полоса встрѣчается даже послѣ 13 іюня. Такимъ образомъ въ западныхъ равнинахъ жатва озимыхъ хлѣбовъ оканчивается на 16—18 дней, а въ равнинѣ Иордан-

ской на 4 недѣли ранѣе, нежели въ окрестностяхъ Іерусалима, хотя разстояніе между Іерусалимомъ и равнинами очень незначительно; напр. отъ полей Іорданской равнины Іерусалимъ отстоитъ не болѣе какъ на 5 верстъ. Въ восточной части св. земли, именно въ Гавранѣ, ячмень жнутъ во второй половинѣ мая (Raumer, Paläst., 89), пшеницу, конечно, позднѣе.

ВѢТРЫ.

На пониженіе и повышеніе температуры воздуха въ св. землѣ и вообще на палестинскій климатъ въ значительной степени вліяють *вѣтры*.

Библия, соотвѣтственно четыремъ странамъ свѣта, говоритъ только о четырехъ вѣтрахъ (Іер. 49, 36; Дан. 7, 2) и выраженіе «четыре вѣтра» въ ней не рѣдко значитъ тоже что и «четыре страны свѣта» (Дан. 8, 8; Зах. 2, 6; Мѡ. 24, 21 и др.). Вѣтры, называемые Библіею, суть: западный, сѣверный, восточный и южный (Притч. 25, 23; Пс. 77, 26; Лук. 12, 55; Исх. 14, 21; Исх. 10, 19). Но конечно эти названія должны быть принимаемы въ обширномъ смыслѣ. Несомнѣнно, что древніе Евреи подъ сѣвернымъ напр. вѣтромъ разумѣли не сѣверный только въ собственномъ смыслѣ, но также вѣтры сѣверо-восточный и сѣверо-западный. Слѣдуетъ также думать, что одинъ и тотъже вѣтеръ, строго не подходившій ни подъ одно изъ общепотребительныхъ наименованій, назывался смотря по обстоятельствамъ то такъ, то иначе; напр. юго-западный вѣтеръ назывался то южнымъ, то западнымъ, причемъ были принимаемы во вниманіе особенности, которыми онъ въ данное время отличался; т.-е. если онъ отличался особенностями вѣтра южнаго (зной), то о немъ говорили какъ о южномъ; если — особенностями западнаго (влажность), то какъ о западномъ.

Вѣтры въ Палестинѣ дуютъ періодически; въ извѣстные

мѣсяцы года всегда преобладаетъ одинъ какой-либо вѣтеръ, хотя онъ время отъ времени и смѣняется другими. Въ этой періодичности заключается причина значительнаго вліянія вѣтровъ на климатъ св. земли.

Въ концѣ октября, или въ первыхъ числахъ ноября въ Палестинѣ начинаются юго-западные и западные вѣтры, служащіе предвѣстниками дождливаго времени. Они приносятъ съ собою тучи, проливающія первые «ранніе» дожди на изсохшую палестинскую почву. Потому-то когда пророкъ Ілія, послѣ принесенія жертвы на Кармилѣ, узналъ отъ своего отрока, что надъ Средиземнымъ моремъ появилось небольшое облако, гонимое западнымъ вѣтромъ, то принялъ это за несомнѣнный признакъ приближающагося дождя; и дѣйствительно вскорѣ небо покрылось тучами и пошелъ сильный дождь (3 Цар. 18, 41—45); потому-то Евреи времени Христа, завидѣвъ облако, поднимающееся съ запада, говорили обыкновенно: «дождь будетъ», и не ошибались (Лук. 12, 54). Юго-западный и западный вѣтры продолжаютъ во все дождливое время, почему современные Арабы называютъ ихъ «отцами дождя». Преимущественно они дуютъ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ; но съ марта уступаютъ мѣсто другимъ вѣтрамъ. Впрочемъ «поздніе» дожди приносятся также ими. Западные вѣтры зимою смѣняются на время вѣтромъ сѣвернымъ, а всего чаще восточнымъ. Восточный вѣтеръ, а иногда и сѣверный, разгоняютъ дождевыя тучи, вслѣдствіе чего послѣ ряда дождливыхъ зимнихъ дней обыкновенно настаетъ нѣсколько дней ясной погоды. Восточный вѣтеръ, приходя изъ пустыни, приноситъ съ собою тепло, смягчающее зимній холодъ въ западныхъ горахъ Палестины. Восточный вѣтеръ зимою рѣдко бываетъ силенъ и вообще въ это время онъ почти не обнаруживаетъ тѣхъ страшныхъ свойствъ, которыми отличается въ послѣдующіе мѣсяцы. Западные зимніе вѣтры—вѣтры влажные, холодные и пронзительные; они часто дуютъ съ большою силою и стремительно несутъ предъ собою

дождь и градъ, что дѣлаетъ крайне тяжелымъ путешествіе по Палестинѣ зимою, и независимо отъ этого очень затруднительное.

Съ марта и до іюня преобладающимъ вѣтромъ въ св. землѣ является такъ называемый *сирокко*. Слово «сирокко» есть итальянская форма арабскаго названія *саркія* (*Sarkija, Shurkiyeh*), что значитъ: «дующій съ востока», восточный вѣтеръ. Впрочемъ названіе «сирокко» имѣетъ болѣе обширное значеніе. Имъ въ настоящее время европейскіе и американскіе путешественники обозначаютъ вообще вѣтеръ, приходящій изъ пустынь, облегающихъ св. землю какъ съ восточной, такъ и съ южной стороны, и отличающійся извѣстными характеристическими свойствами.

Свойства сирокко слѣдующія: 1) онъ, въ противоположность западнымъ вѣтрамъ, отличается необыкновенною сухостію и, проносясь надъ Палестиною, уничтожаетъ влажность ея воздуха и почвы, сушитъ зелень ея полей и луговъ; 2) онъ очень зноенъ и потому высокую температуру Іорданской равнины дѣлаетъ невыносимою и значительно возвышаетъ умѣренную температуру горныхъ мѣстностей; въ западныхъ горахъ Палестины самые жаркіе дни тѣ, въ которые дуетъ сирокко; 3) онъ оказываетъ вредное дѣйствіе на человѣка, именно возбуждаетъ кровь, стѣсняетъ грудь, лишаетъ сна, причиняетъ безпокойство и тоску, разстроиваетъ всякую дѣятельность, вообще дѣлаетъ лице, подвергающееся его вліянію, больнымъ физически и духовно; отъ его вреднаго воздѣйствія не свободны и животныя; 4) наконецъ, такъ какъ сирокко начинается въ пустыняхъ, то онъ поднимаетъ съ ихъ поверхности тучи пыли и несетъ съ собою; эти тучи пустыннаго праха помрачаютъ атмосферу, сообщаютъ солнцу и небесному своду какой-то особенный сѣрожелтоватый цвѣтъ; Впрочемъ пустынная пыль не составляетъ постоянной принадлежности сирокко (Keil und Delitzsch, *Bibl. Commentar, Th IV, B. II, S. 320; Robinson, Pkys. Geogr., S. 303*).

Бываютъ годы, когда сирокко въ Палестинѣ дуетъ преимущественно съ восточной стороны и такимъ образомъ является въ собственномъ смыслѣ восточнымъ вѣтромъ. Такъ было, по свидѣтельству Робинзона (*Geogr.*, 304), въ 1843 г. Однакоже, по большей части, онъ приходитъ съ юго-востока, юга и юго-запада. Свои крайне непріятныя свойства сирокко во всей силѣ обнаруживаетъ главнымъ образомъ въ южныхъ частяхъ св. земли. Робинзонъ рассказываетъ, что въ 1838 г. 11 апрѣля, во время слѣдованія чрезъ южную пустыню (Фаранъ), онъ и его спутники были застигнуты сирокко. По словамъ путешественника, около 11 часовъ утра дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ; но вдругъ онъ смѣнился южнымъ сирокко. Этотъ послѣдній подулъ съ необыкновенною силою и скоро перешелъ въ бурю *). Зной, которымъ сопровождался вѣтеръ, былъ такъ великъ и производилъ столь рѣзкое и болѣзненное ощущеніе, что путешественникамъ казалось, будто ихъ лица находятся предъ раскаленною печью. Вѣтеръ принесъ съ собою густыя тучи пыли; далѣе 50 шаговъ трудно было что-нибудь рассмотреть; въ уши, глаза, ротъ и носъ, также какъ и въ платье путниковъ, набился мелкій песокъ; воздухъ и небо помрачились; солнца почти не было видно, его дискъ представлялся какимъ-то мутнымъ пятномъ (*Robinson, Palästina, I, 323*). Но чѣмъ далѣе проносится сирокко къ сѣверу, тѣмъ болѣе онъ ослабѣваетъ въ своихъ свойствахъ и тѣмъ легче становится его выносить.

Сирокко всего чаще дуетъ, какъ уже сказано, въ мартѣ,

*) Сирокко рѣдко переходитъ въ бурю; буря — принадлежность западныхъ вѣтровъ; но становясь бурнымъ, сирокко производитъ разрушительныя дѣйствія. Такъ 6 мая 1848 г. онъ сорвалъ, на берегахъ Мертваго моря, палатки, въ которыхъ помѣщалась сѣверо-американская экспедиція Линча (*Ritter, Erdkunde XV, S. 748*). По словамъ Ветцштейна, сирокко, превратившись въ бурю, вырываетъ съ корнемъ самыя большія деревья (*Keil und Delitzsch, Commentar, Th. IV, B. II, S. 320*).

апрѣлѣ и маѣ, но онъ проносится надъ св. землею и въ другіе мѣсяцы года. Такъ Фанъ-де-Фельде испыталъ дѣйствіе сирокко, находясь въ окрестностяхъ Акко въ февралѣ мѣсяцѣ *) (Velde, I, 199). Сирокко — вѣтеръ, по большей части, однодневный; но иногда онъ дуетъ два, три и болѣе дней.

Въ Библии сирокко всего чаще называется «восточнымъ вѣтромъ» (напр. Іезек. 17, 10; 19, 12), затѣмъ «вѣтромъ пустыннымъ» (напр. Іер. 13, 24) и однажды названъ «вѣтромъ южнымъ» (Лук. 12, 55). По изображенію Библии, этотъ вѣтеръ сопровождается палящимъ зноемъ (Пс. 10, 6; Лук. 12, 55); онъ иссушаетъ растенія (Іезек. 17, 10; 19, 12) и источники (Ос. 13, 15), разноситъ пустынный прахъ (Іер. 13, 24), отличается особенною силою и стремительною (Исх. 14, 21; Іов. 27, 21; Иса. 27, 8), производитъ разрушительныя дѣйствія какъ на сушѣ (Іов. 1, 19), такъ и на моряхъ (Пс. 47, 8; Іезек. 27, 26); вообще онъ бичъ природы и человѣка, орудіе гнѣва Божія. Такимъ образомъ и въ библейскія времена сирокко или «восточный вѣтеръ» былъ такимъ же страшнымъ вѣтромъ, какимъ знаютъ его и въ настоящее время. Въ остальные мѣсяцы года, съ іюня и до ноября, въ Палестинѣ преобладаютъ вѣтры сѣверный и особенно сѣверо-западный. Вѣтры эти приносятъ съ собою прохладу и умѣряютъ лѣтній жаръ. Они дуютъ днемъ съ 8 или 9 часовъ утра и до 10 вечера.

Воздухъ св. земли въ зимнее время омрачается дождевыми тучами, лѣтомъ тучами пыли, приносимыми сирокко, и иногда, въ знойные дни, сухимъ туманомъ. Но вообще онъ необыкновенно чистъ и прозраченъ. Оттого-то небес-

*) Въ февралѣ сирокко дуетъ сравнительно часто; рѣже въ прочіе зимніе мѣсяцы и во второй половинѣ лѣта. Зимкою послѣ сирокко дожди бываютъ особенно сильны, а юго-западные вѣтры по большей части бурны. Во второй половинѣ лѣта, въ дни наибольшаго лѣтняго зноя, сирокко дѣйствуетъ крайне удручающимъ образомъ (Velde, I, 199).

ный сводъ, распростертый надъ Палестиною, поражаетъ своею синевою; оттого-то тамъ свѣтъ солнца особенно яркъ, и ярче чѣмъ гдѣ-либо блещутъ по ночамъ звѣзды. Благодаря прозрачности воздуха, въ Палестинѣ самые отдаленные предметы видны съ изумительною отчетливо-стію, причемъ они представляются наблюдателю вдвое и втрое ближе, нежели какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Робинзонъ однажды любовался горами Аджлунъ; отъ мѣста, гдѣ Робинзонъ находился, горы эти отстояли болѣе чѣмъ на три дня пути; а между тѣмъ ему казалось, что достаточно одного неполнаго дня, чтобы дойти до нихъ. Потому-то путешественники посѣщающіе св. землю такъ много говорятъ о красотѣ ея видовъ. Дѣйствительно палестинскіе виды прекрасны по обширности своихъ рамокъ; съ вершины напр. Елеонской горы можно видѣть и полосу Средиземнаго моря, и вершины Галаада, и Ливанъ, и южныя возвышенности Іудиныхъ горъ.

Палестинскій климатъ можетъ быть названъ вообще пріятнымъ и здоровымъ. Обитатели св. земли живутъ долго; они сильны и способны легко выносить труды и лишения. Нездоровыхъ мѣстностей въ Палестинѣ немного; онѣ составляютъ исключенія. Къ числу ихъ принадлежатъ болотистыя мѣстности, особенно окрестности Меромскаго озера. Испаренія поднимающіяся съ обширныхъ болотъ, примыкающихъ къ озеру съ сѣвера, заражаютъ здѣсь воздухъ и служатъ причиною лихорадокъ, отъ которыхъ иногда гибнутъ заходящіе сюда европейцы (Jurrer, Wanderungen durch Palaest., S. 371). Нездоровымъ считается оазисъ Іерихонскій. Чрезмѣрный зной Іорданской равнины разслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ на нервы и вообще на весь организмъ и потому жители Рихи (древняго Іерихона) очень слабосильны и недѣятельны,—они не могутъ сами даже воздѣлывать своихъ полей. Наконецъ не можетъ быть отнесенъ къ числу здоровыхъ мѣ-

стностей Іерусалимъ. Въ этомъ городѣ вскорѣ послѣ зимнихъ дождей развиваются разныхъ видовъ лихорадки, которыя не щадятъ даже младенцевъ. Впрочемъ причина этого зла заключается, кажется, не въ климатѣ, а скорѣе въ томъ, что Іерусалимъ какъ въ былыя времена не былъ содержимъ въ чистотѣ, такъ не содержится въ чистотѣ и въ настоящее время.

Н. Е.

БРАНЬ ПРОТИВЪ ВРАГОВЪ ВИДИМЫХЪ И НЕВИДИМЫХЪ.

Слово *) въ день коронованія и священнаго миропомазанія благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича, самодержца всероссійскаго и супруги его благочестивѣйшія государыни императрицы Маріи Александровны.

„Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ“ (Ефес. 6, 12).

Когда св. апостоль Павелъ писалъ сіи слова ефесской церкви, малыя общества христіанъ, разсѣянныхъ между язычниками, не могли и думать о защищеніи себя воинскимъ оружіемъ противъ внѣшнихъ враговъ своихъ; а между тѣмъ злобные духи преисподняго царства, пораженные Господомъ Іисусомъ въ темной области ихъ, со всею яростію возстали на послѣдователей Его на землѣ и воздвигли противъ нихъ всѣ силы языческаго міра. Христіане побѣдили своихъ многочисленныхъ видимыхъ враговъ духовнымъ оружіемъ: терпѣніемъ, молитвою, благо-

*) Произнесено въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 26 августа 1877 года.

твореніями, знаменіями, чудесами, и составили обширныя государства, основанныя на законѣ евангельскомъ; но и нынѣ самыми опасными врагами ихъ остаются тѣже невидимые злобные духи: они не только вооружаютъ противъ нихъ народы, Христу враждебные, но и производятъ распри и брани между самими христіанскими царствами, не довольно внимательными къ борьбѣ съ преисподнимъ царствомъ. И въ настоящія времена наиболѣе могутъ надѣяться на побѣды надъ видимыми своими врагами тѣ христіанскіе народы, которые успѣшнѣе ведутъ борьбу съ невидимыми виновниками бѣдствій—браней и всякаго зла. И нынѣ *нѣсть наша брань токмо къ крови и плоти, но наипаче къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ.*

Что было въ настоящій день въ Москвѣ за 482 года предъ симъ? Всенародное срѣтеніе Владимірскія иконы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи по случаю нашествія на Россію страшнаго врага. Грозный повелитель монголовъ, Тамерланъ, оставивъ столицу свою Самаркандъ въ средней Азіи, упитавъ кровію народовъ восточныя страны отъ Индіи до береговъ Дона, распространяя всюду ужасъ и смятеніе, подвигался къ Москвѣ. Благовѣрный великій князь Василій Дмитріевичъ ожидалъ его съ своимъ воинствомъ на берегахъ Оки, молилъ Бога о помощи свыше и сдѣлалъ распоряженіе московскому святителю Кипріану о пренесеніи изъ Владиміра въ Москву чудотворныя иконы Богоматери. Святый архипастырь Россіи послалъ во Владиміръ почетныхъ лицъ изъ духовенства Успенскаго собора для пренесенія этой святыни. Между тѣмъ въ Москвѣ молящійся народъ съ утра до вечера наполнялъ храмы Божіи. Постъ предъ Успеніемъ Богоматери проведенъ былъ во всемъ княжествѣ въ самыхъ усердныхъ подвигахъ покаянія. Посланное во Владиміръ духовенство приняло на свои руки икону Богоматери въ день честнаго ея успенія и черезъ 10 дней она принесена была къ Москвѣ. Митрополитъ съ

епископами и всѣмъ духовенствомъ въ сопровожденіи великокняжескаго семейства, бояръ и народа, срътили ее на Кучковомъ полѣ. Въ тотъ самый день, въ который срътали въ Москвѣ святую икону Богоматери со слезными молитвами, Тамерлану въ полусонномъ видѣніи представилась великая гора; съ вершины ся шли святители съ золотыми жезлами въ рукахъ, а надъ ними въ лучезарномъ сіяніи возвышалась жена благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная молніеносными воинами. Устремивъ грозно взоръ свой на Тамерлана, Она повелѣла ему оставить предѣлы русской земли и, по ея мановенію, на него устремились молніеносные воины. Это видѣніе привело въ трепетъ грознаго побѣдителя царствъ и народовъ; обсудивъ его въ совѣтѣ своихъ вельможъ, онъ удалился отъ предѣловъ Россіи. Такова сила оружія духовнаго: подвиговъ покаянія и молитвы! Монастырь, построенный благодарными предками на мѣстѣ срътенія иконы Богоматери, доселѣ стоитъ памятникомъ чудной помощи взбранной Воеводы, Владычицы міра.

Что было въ Россіи въ настоящій день за 65 лѣтъ предъ симъ? На поляхъ Бородина кипѣлъ самый жестокій бой русскихъ воиновъ съ полчищами новаго Тамерлана, который, напивавъ кровію народовъ западныхъ страны, подобно грозной бурѣ, подвигался къ Москвѣ. Бородинскою битвою сокрушена самонадѣянность Наполеона перваго, и хотя Москва, по волѣ Божіей, предана огню и опустошенію, но Господь внялъ моленіямъ русскаго народа и вскорѣ смирилъ враговъ его. На мѣстѣ великой битвы стоитъ другой церковный памятникъ сего знаменательнаго для Россіи дня—обитель женъ подвижницъ, обязанная своимъ бытіемъ супругѣ одного изъ бородинскихъ героевъ, удостоенной дивнаго видѣнія.

Что было въ настоящій день въ Москвѣ и въ Россіи за двадцать одно лѣто предъ симъ? Священное коронованіе и миропомазаніе Благодетивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича послѣ тяжкихъ

испытаній русской земли въ новой жестокой борьбѣ съ врагами разновѣрными и разноплеменными, но во враждѣ къ намъ единодушными. Въ этотъ день Монархъ Россіи въ преднесеніи знаменій царской власти вступилъ въ святой храмъ сей и прежде всего съ высоты своего трона вслухъ вѣрныхъ подданныхъ своихъ исповѣдалъ православную вѣру по святому Символу ея; за тѣмъ началось молебное пѣніе; послѣ евангельскаго чтенія и нарочитой молитвы Церкви о православномъ Царѣ, онъ воспринялъ отъ архипастыря московской Церкви знаменія царскаго величества: порфиру, вѣнецъ, скипетръ и державу при осѣненіи cadaго изъ нихъ именемъ пресвятыя Троицы. Тогда предстала предъ Его Величество и преклонила колѣна супруга Его Благодетивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна. Богомъ вѣнчанный Царь коснулся своею короною главы ея, возложилъ на нее другую корону и облекъ ее порфирю. Послѣ многолѣтія, приглашеннаго Ихъ Величествамъ, самодержецъ Россіи преклонилъ колѣна и произнесъ молитву, въ которой испрашивалъ у Бога премудрости, дабы уразумѣть, что угодно предъ очами Божиими. Послѣ молебнаго пѣнія совершена божественная литургія. По принятіи св. таинъ священнодѣйствовавшими, Государь Императоръ, оставивъ свой тронъ, приблизился къ царскимъ вратамъ. Тогда председатель московской церкви совершилъ надъ нимъ великое таинственное дѣйствіе святаго помазанія и положилъ на членахъ тѣла сего св. вмрѣмъ крестообразную печать дара Духа святаго. Тоже священнодѣйствіе совершено было и надъ Благодетивѣйшею Государынею Императрицею Марією Александровною. Затѣмъ Ихъ Величества приобщились святыхъ и животворящихъ таинъ тѣла и крове Христовыхъ.

Изъ представленныхъ нами дѣйствій чрезвычайно великую силу имѣетъ неповторяемое священное дѣйствіе помазанія Ихъ Величествъ св. вмрѣмъ. Для чего православные государи, вступая въ управленіе царствомъ, помазуются

св. мѹромъ? Для болѣе обстоятельнаго отвѣта на сей вопросъ считаемъ за лучшее предложить другой: для чего всѣ православныя христіане помазуются св. мѹромъ послѣ св. крещенія? Для пріятія Духа святаго. *Вси единѹмъ Духомъ напоихомся*, говоритъ св. Апостоль (1 Кор. 12, 13). Духъ святый, воспріемлемый въ таинствѣ мѹропомазанія, обновляетъ всѣ силы нашего духа, разслабленнаго грѣхомъ. Онъ просвѣщаетъ умъ христіанъ: *и вы помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся и не требуете, да кто учитъ вы, но яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 2, 20. 27). Посему иногда и люди некнижныя, благочестивою жизнію умножившіе въ себѣ плоды св. Духа, достигаютъ такой высоты духовнаго вѣдѣнія, что издалека видятъ будущее, открываютъ сокровенныя помыслы другихъ, проникаютъ въ хитро-направленныя противъ нихъ козни лукаваго. Духъ святый, просвѣщая умъ, согрѣваетъ и сердце вѣрующихъ любовію къ Богу и ближнимъ до того, что они готовы на всѣ страданія для славы Божіей и во время самыхъ лютыхъ мукъ молятся за своихъ враговъ и гонителей. Духъ святый укрѣпляетъ волю своихъ помазанныхъ такъ, что она преодолеваетъ всякое пристрастіе земное и можетъ противостоять всѣмъ нападеніямъ преисподняго міра. Наконецъ дѣйствіе св. Духа простирается и на самое тѣло такъ, что сила Божія иногда совершается лучше чрезъ немощныхъ, чѣмъ чрезъ болѣе крѣпкихъ силами тѣлесными. *Довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается*, сказалъ Господь св. апостолу Павлу, молившему избавить его отъ немощи плоти, которую возбуждалъ въ немъ *ангелъ сатанинъ* (2 Кор. 12, 7—9). *Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы въка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ*. Еще въ раю разстроена вся природа человѣка княземъ преисподняго царства; посему для побѣды надъ плѣнившимъ насъ врагомъ необходима необыкновенная сила и сверхъестественная

помощь Божія и этою силою облакаетъ христіанъ Духъ святой въ таинствѣ мѣропомазанія. Итакъ каждый христіанинъ въ таинствѣ мѣропомазанія получаетъ дары св. Духа, необходимые ему для управленія собою и для борьбы съ своими духовными врагами.

Подобные же дары Духа получаетъ мѣропомазанный вѣнценосецъ для управленія всѣмъ своимъ царствомъ и для борьбы съ врагами царства видимыми и невидимыми. Духъ святой просвѣщаетъ умъ вѣнценоснаго помазанника. И если кому другому, то посетителю судебъ многихъ миліоновъ христіанъ наиболѣе потребно таинственное озареніе ума: обширность имперіи, множество трудныхъ и разнообразныхъ дѣлъ, человѣкоугодіе и другія страсти нѣкоторыхъ подданныхъ служатъ великими преградами къ уразумѣнію истиннаго положенія дѣлъ. Какая потребна пронизательность для монарха при выборѣ лицъ, коимъ ввѣряются главныя отрасли управленія! Онъ имѣетъ постоянныя сношенія съ правительствами народовъ земли. Каждое изъ нихъ ревниво оберегаетъ интересы своей страны и всѣми мѣрами старается расторгнуть союзы, ему неблагоприятныя. Какая потребна прозорливость для обладателя обширнѣйшей имперіи, чтобы пройти безопасно среди многочисленныхъ сѣтей, разставляемыхъ мудрѣйшими правителями иноземными! Во время вѣнчанія своего на царство православный Государь молится небесному Царю царей: *буди сердце мое въ руку Твоюю, еже вся устроить къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славу Твоюю.* Духъ святой, просвѣщая его умъ, охраняетъ и сердце его отъ обаяній прелестей земныхъ, согрѣваетъ его любовію къ Богу, возбуждаетъ его къ прославленію имени Божія во всѣхъ путяхъ его жизни, къ утвержденію и распространенію святой вѣры въ его царствѣ, вливаетъ къ сердце его любовь и ко всѣмъ его подданнымъ, располагаетъ его ко всевозможнымъ дѣламъ милосердія: къ призрѣнію бѣдныхъ, къ успокоенію немощныхъ, къ заступленію напастуемыхъ. Находясь подъ вліяніемъ

разнородныхъ и часто противоположныхъ силъ, обуруаемый сомнѣніями среди борьбы вокругъ его добра и зла, царственный помазанникъ Божій долженъ имѣть и твердую волю, облеченную силою свыше, чтобы неуклонно вести ввѣренный ему многочисленный народъ по пути добра къ царству вѣчнаго блаженства. Невѣріе и порокъ, украсивъ себя лоскомъ внѣшняго знанія, стараются оболести его всевозможными похвалами, дабы рукою его расторгать преграды, издревле положенныя разливу ихъ законами церковными и гражданскими. Корыстолюбіе и властолюбіе, покрывшись личиною безпредѣльной, благоговѣйной преданности престолу, могутъ положить сѣмена великихъ бѣдствій въ его царствѣ. Но, что всего важнѣе, противъ царя православнаго, этого главнаго оплота истины и добра, направлены всевозможныя козни міродержителей тмы вѣка сего, духовъ злобы поднебесныхъ; потому ему потребны мудрость и крѣпость болѣе, чѣмъ естественныя. *Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ.*

Прошло двадцать лѣтъ послѣ того, какъ Богомъ вѣнчаный Царь нашъ облеченъ былъ въ семь храмѣ силою свыше для правленія православною Россіею, и вотъ снова поднялась буря браней въ тѣхъ же страпахъ, гдѣ она кипѣла предъ священнымъ помазаніемъ его на царство. Война съ врагами видимыми есть одно изъ средствъ узнать, насколько мы успѣли въ борьбѣ съ врагами невидимыми, тѣмъ болѣе, что наши видимые враги суть явные ненавистники креста Христова. Нѣкогда Господь сказалъ Израильскому народу устами псалмопѣвца: *Израиль аще бы въ пути моя ходилъ, ни о чесомъже убо враги его смирилъ быхъ* (Пс. 80, 14). Это съ поразительною точностію исполнилось надъ предками нашими въ древніе дни. Нынѣ мы торжественно воспоминаемъ о дивной помощи Божіей Россіи явленіемъ Богоматери грозному

Тамерлану. Господь ни о чемъ смирилъ тогда страшнаго врага, по вѣрѣ и молитвамъ русскаго народа. Въ нашъ вѣкъ побѣды надъ врагами пріобрѣтаются немалыми жертвами. Какъ вѣрующіе въ чудодѣйственную во все времяна силу Божію, не будемъ объяснять это явленіе одними естественными препятствіями, извнѣ намъ природою и врагами воздвигаемыми. Извлечемъ изъ сего для себя урокъ смиренія, дабы преклонить къ намъ милосердіе Божіе, и обратимся къ борьбѣ съ главными, но невидимыми виновниками всякаго раздора и всѣхъ бѣдствій внѣшнихъ войнъ. *Нѣсть наша брань къ крови и плоти.* Христіанинъ и внѣ предѣловъ войны плотской есть постоянно дѣйствующій воинъ; онъ и во время внѣшняго мира всегда долженъ быть облеченъ во всеоружіе духовное. Образы войны внѣшней да укрѣпятъ насъ въ борьбѣ духовной. Воины царя земнаго, поставленные на поля браней, хотя еще и не видятъ своихъ враговъ, но всегда готовы встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ по первому данному знаку; тѣмъ болѣе бдительны и осторожны должны быть воины Царя небеснаго, ибо имѣютъ дѣло съ врагами невидимыми, самыми лукавыми и коварными и къ нападеніямъ всегда готовыми. Если воины царя земнаго, потерпѣвъ неважныя пораженія, предадутся малодушію, они будутъ совершенно побѣждены; такъ если и воины Царя небеснаго подвергнутся испытаніямъ и скорбямъ или впадутъ въ грѣхи и предадутся отчаянію, они побѣждены. Если воины царя земнаго, возгордившись первыми успѣхами надъ врагами своими, ослабѣютъ въ бдительности и осторожности, то легко могутъ быть поражены; такъ если и христіане совершаютъ довольно добрыхъ дѣлъ и нанесутъ не мало поражений злобнымъ духамъ, но предадутся самоуверенію, они уже побѣждены. Если въ войнахъ царя земнаго ослабѣетъ единодушіе и разовьется духъ своеволія, они будутъ поражены; не устоятъ и воины Царя небеснаго, если въ нихъ оскудѣетъ духъ взаимной любви и раздѣленіе въ вѣрѣ и жизни

умножится. Если воины царя земнаго, побѣждая своихъ враговъ, прострутъ руки свои на хищеніе чуждаго достоянія и обременятъ себя добычею, они легко могутъ быть поражены; такъ если и воины Царя небеснаго среди борьбы духовной обольстятся благами земными, почестями и удовольствіями, они уже побѣждены. При сходствѣ борьбы духовной съ войною внѣшнею есть между ними и великое различіе. Внѣшнія брани между народами съ ослабленіемъ одной изъ враждебныхъ сторонъ прекращаются; но поелику христіане имѣютъ дѣло съ духами бессмертными, во злѣ и въ нападеніяхъ неослабѣвающими, и во всякое время могутъ быть подкрѣплены силою св. Духа, по ихъ произволенію, то до самаго конца жизни они не могутъ считать себя ни полными побѣдителями, ни совершенно побѣжденными. Тяжки бываютъ послѣдствія браней на землѣ: въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій страдаютъ побѣжденные племена подъ игомъ побѣдителей, а иногда и совершенно исчезаютъ съ лица земли; но безмѣрно продолжительнѣе и страшнѣе рабство духовное за предѣлами земли: промчатся годы тысячами, пронесутся вѣки тмами темъ, сольются времена въ безднѣ вѣчности, но не будетъ избавленія узникамъ преисподняго міра. Борьба духовная тѣмъ труднѣе и опаснѣе, что ведется весьма скрытно, такъ что не легко судить объ успѣхахъ и пораженіяхъ въ ней на землѣ: одни начинаютъ жизнь плотію, а кончаютъ духомъ; другіе принесутъ довольно духовныхъ плодовъ, а кончатъ плотію; многіе въ одно и то же время желаютъ быть и воинами Бога всевышняго и слугами князя преисподняго; даже самые лучшіе воины Христовы нерѣдко, по Божію изволенію, не знаютъ, насколько они угодили Богу и насколько страшны врагамъ Божіимъ. Но ни для кого такъ не трудна борьба съ преисподними темными силами, какъ для царей земныхъ, и какъ успѣхи ихъ въ ней, такъ и пораженія сопровождаются часто неизобразимыми послѣдствіями. Посему - то св. Церковь, облакая вѣнчаннаго

монарха силою свыше чрезъ тайнодѣйственное помазаніе св. муромъ, кромѣ сего каждодневно возбуждаетъ чадъ своихъ къ молитвамъ о помазанникѣ Божиємъ, дабы всѣ вѣрные духовные воины его царства постоянно поддерживали его среди жестокой борьбы съ врагами Божиими; но въ нѣкоторые дни она особенно усиливаетъ свои моленія о православномъ царѣ; таковъ и настоящій день священнаго коронованія и муропомазанія Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича.

Вознесемъ молитвы наши къ Всевышнему Царю царей, да Духъ святой почіетъ на вѣнценосномъ помазанникѣ во всѣ дни жизни его, да просвѣщаетъ его умъ, да укрѣпляетъ его сердце и волю на дѣла благая среди борьбы съ врагами Церкви видимыми и невидимыми. Аминь.

Архимандритъ Сергій.

ГЕОСИМАНСКІЙ СКИТЬ *).

27 сентября 1844 г., послѣ поздней обѣдни, отправился я изъ Лавры въ Скитъ Геосиманскій; мы въѣхали въ лѣсъ на дорогу, ведущую въ Скитъ, и на насъ повѣяло пустыннымъ воздухомъ; день былъ осенній, не было солнца, не было и дождя, какой-то матовый полусвѣтъ освѣщаль насъ. Мы приближались къ свѣтлой обители, свѣтлой по той неземной радости, которую ощутили мы войдя во врата ея. Я не могу изобразить того чувства, которое овладѣло мною,—это была *духовная радость!* Ей уподобить можно то чувство, когда въ день Пасхи, во время утрени, зажигаютъ свѣтильники, готовятъ великолѣпныя облаченія, все дышетъ какою-то радостію, какимъ-то сладкимъ трепетомъ, какимъ-то ожиданіемъ, хотя къ сожалѣнію немощь плоти нашей, грѣхи, недостойнство наше, дѣлаютъ то, что ожидая минуты, когда запоютъ *Христосъ воскресъ*, мы болѣе радуемся, чѣмъ въ то время, когда въ самомъ дѣлѣ запоютъ эту пѣснь.

*) Геосиманскій Скитъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ Свято-Троицкой Сергіевской Лавры, основанъ въ 1844 году для безмолвнаго монашескаго житія по мысли покойнаго Лаврскаго намѣстника, архим. Антонія. Описываемая авторомъ деревянная, во имя Успенія Богородицы, церковь, цѣлкомъ перенесена въ Скитъ изъ сосѣдняго села Подсосенья. Она построена преп. Діонсіемъ архимандритомъ Лавры и замѣчательна по кораблевидной паружности и по древности. Чистое благочестивое чувство, проникающее предлагаемую статью сначала до конца, и сообщаемыя въ ней весьма интересныя подробности объ освященіи сказаннаго храма митроп. Филаретомъ, способны оставить доброе впечатлѣніе въ читателѣ.

По прибытіи въ Скътъ, я прямо пошелъ въ приготовленный къ освященію храмъ. Храмъ этотъ малъ и весь изъ древа чистаго, свѣтлаго. Онъ довольно высокъ; свѣтъ падаетъ сверху, съ боковъ нѣтъ его,—ибо храмъ обнесенъ кругомъ глухою галлереею,—и этотъ свѣтъ сверху даетъ особую фізіономію храму. Благоуханіе кипарисной обшивки стѣпъ его вѣетъ какою-то святынею на сердцѣ; а смиренный иконостасъ, съ иконами древняго письма, говоритъ о смиренной любви ко Господу обновителей храма.

Прежде всего припадемъ предъ царскими вратами сего храма, облобызаемъ древнія изображенія на нихъ; безъискусственно изображеніе чертъ, погрѣшительно въ отношеніи къ искусству; но какъ чисто выраженіе лицъ, какъ оно свѣтло! Поневолѣ возблагодарю предъ древними изобразителями святыхъ ликовъ и догадаешься, что они съ чистою душою, съ благоговѣніемъ изображали святыне лики.

Въ простомъ иконостасѣ особенно умилительна икона Успенія Пресвятой Богородицы; все небо изображено на этой иконѣ; вотъ на самомъ низу иконы пречистое тѣло, окруженное сонмами Апостоловъ, и Господь Іисусъ Христосъ принялъ уже чистую душу Богоматери и держитъ ее на рукахъ своихъ, какъ она держала сама Его, и какъ Она держитъ Его въ умахъ всѣхъ православныхъ христіанъ уже почти 2000 лѣтъ, ибо всегда мы видимъ чистую Дѣву, на всѣхъ почти Ея иконахъ, съ вѣчно юнымъ, предвѣчнымъ, собезначальнымъ Отцу Младенцемъ. Взрай, христіанская душа, на икону Успенія Божіей Матери и найдешь въ ней указаніе и на твою судьбу, твою будущность; ибо сказано: «приведутся царю дѣвы въ слѣдъ ея»,—дѣвы, т.-е. души христіанскія; взгляни же на верхній край иконы, и ты увидишь самого Бога Отца съ Сыномъ своимъ, вѣнчающихъ царскимъ вѣнцомъ царствія небснаго смиренную рабу Господню, и вѣдай, что такой же вѣнецъ, или подобный сему вѣнцу Пречи-

стой Дѣвы Матери, уготавливается всѣмъ возлюбившимъ явленіе Господа и въ продолженіе всей земной своей жизни прославляющимъ вѣчную любовь Вѣчнаго къ бренному человѣчеству, имѣющему воцариться съ Нимъ во вѣки вѣковъ.

Не могу отойти отъ иконостаса, не припавъ къ лѣвой мѣстной иконѣ Всѣхъ святыхъ. Святіи Апостоли, добробѣдныя мученицы, святители Богомудріи, преподобныя отцы, благовѣрные цари, православніи князие, праведныя всѣхъ званій и состояній, чистыя дѣвы, младенцы въ Господѣ уснувшіе, испросите у Христа и Пресвятой Его Матери, миръ душѣ моей и велю милость!—Остановимся еще и на правой сторонѣ иконостаса и уловимъ кроткій взоръ Сына человѣческаго, благословляющаго насъ всякимъ благословеніемъ небеснымъ и земнымъ. Но вотъ еще мѣстная икона, изображающая соборъ многій монаховъ, и я узнаю тебя, среди нихъ, Сергій Богомудрый; какъ кокошь, собравшій птенцовъ своихъ подъ крылья свои, стоишь ты окруженный учениками твоими. Твоимъ благословеніемъ да утвердится и сія церковь, сей воздушный корабль, летящій прямо на небо.

Нельзя безъ особеннаго чувства смотрѣть на фигуру этого храма, стоя въ оградѣ Скита; никогда архитектура христіанская не могла найти лучшаго образца своимъ храмамъ, какъ малый храмъ Геосиманскій; это корабль оснащенный и, какъ кажется, колыхающійся, какъ будто уже наполненный воздухомъ и готовый ежеминутно подняться на воздухъ.

Отступимъ теперь на средину храма, и посмотримъ еще на трехъ-ярусный иконостасъ этого корабля летящаго. Знаменательны изображенія на южныхъ и сѣверныхъ дверяхъ олтаря, образующаго рай. На однихъ изображено преслушаніе праотца, вкушающаго отъ древа познанія. На другихъ вы видите разбойника, входящаго въ рай съ крестомъ собственнымъ, освященнымъ вѣрою и любовію въ лѣствицу къ небесамъ, въ скипетръ царствія. Эти двѣ двери, какъ

двѣ великихъ строки многознаменательнаго иконостаса, какъ два великихъ стиха двухъ завѣтовъ, говорятъ намъ,— первая: вотъ книга бытія чловѣча, т.-е. преслушаніе, гордость, неблагодарность, измѣна Богу благодѣтелю; а вторая: вотъ книга любви Иисусовой; она изображаетъ, какъ любовь Спасителя, какъ смерть крѣпкая, вводитъ въ рай разбойника, омывъ его своею кровію, увѣщавъ его своимъ вѣнцомъ, но не терновымъ, который Онъ весь берегъ для Себя одного,—а вѣнцомъ любви и славы, облачивъ его въ брачное одѣяніе безцѣнныхъ заслугъ своихъ.

Поклонимся и стоящей за лѣвымъ клиросомъ иконѣ благочестиваго храмоздателя архимандрита Діонисія, молитва и благословенія котораго сохранили бренное древо нетлѣннымъ въ продолженіе двухъ столѣтій; икона эта писана съ современнаго портрета, и утѣшительно видѣть святаго, стоящаго на стражѣ дѣла своего.

Полюбуюсь еще разъ общимъ взглядомъ на церковь. Какъ умирительно простое ея убранство, какъ хороши эти узорчатыя доски, покрывающія стѣны, вытканныя лентами рукою великой художницы природы! Замѣтимъ и то, какъ оживляютъ для себя во всемъ обновители храма память о своемъ Господѣ, какъ во все они воплощаютъ воспоминанія о возлюбленномъ Спасителѣ! Замѣчаете ли вы, что доски, которыми обшита церковь, не всѣ одного цвѣта, что одна изъ нихъ желто-розоваго и на ней живописно струятся бѣлыя жилки,—это певгъ; надъ ней доска блѣдная, желтоватая, на ней менѣе струится жилкозъ,—это кедръ; а надъ нею бѣлая доска безъ жилъ, чистая, благоухающая—это кипарисъ! Не радуется ли сердце ваше вмѣстѣ съ благочестивыми обновителями храма при воспоминаніи, что храмъ сей составленъ изъ древъ креста Спасителя нашего? Не всѣ ли эти три древа неувдаемы, не зеленыютъ ли они и во время зимы, когда вся природа кажется умершею? Не изображаютъ ли они нетлѣнное прохожденіе Спасителя чрезъ сѣнь смертную и не прообразуютъ ли и наше нетлѣніе, къ которому мы предста-

влены, если грѣхи наши не пойдуть на перекорь благодатному о насъ предопредѣленію и не отстранять смрадомъ своимъ благоуханія святаго Духа, которымъ отвсюду вѣтъ на насъ?

Выйдя изъ церкви, зайдемъ и въ смиренныя кельи великаго святителя нашего, владыки московскаго. Четыре маленькихъ кельи изъ благоухающей сосны, свѣтлыя, чистыя, предназначены для дней уединенія того, котораго вся жизнь, какъ свѣча, горитъ на высокомъ свѣщницѣ и свѣтитъ милліонамъ людей. Да вкушаетъ онъ въ нихъ сладость уединенія; да слышитъ онъ въ тишинѣ молчанія кроткіе глаголы Духа святаго, воздыхающаго въ сердцѣ его; да повѣтъ на него здѣсь гласъ хлада тонкаго, и укрѣпленный благодатнымъ тукомъ Геосиманскаго дома пресвятой Владычицы нашей Богородицы, да возвращается онъ въ Москву, во святой градъ русскій; да является всѣмъ въ Успенскомъ соборѣ, принося намъ благословеніе Божіе, какъ Моисей съ Синая; да вѣщаетъ намъ глаголы живота вѣчнаго, какъ Илія съ Хорива; да изрекаетъ намъ обличенія грѣхопадений нашихъ, и наконецъ, какъ самъ божественный пастыреначальникъ нашъ Господь Іисусъ, да вступаетъ онъ по выходѣ изъ вертограда геосиманскаго въ открытую брань съ міродержителемъ тьмы вѣка сего, да поражаетъ повсюду нечестіе, расколы, ереси, соблазны, и стихійную философію, которая есть буйство противъ Бога!

Заглянемъ и въ два маленькихъ, деревянныхъ корпуса, въ которыхъ устроено до 15 келлій, свѣтлыхъ, чистыхъ, какъ души пустынножителей, и возблагодаримъ предъ мѣстомъ, на которомъ будутъ они молиться, плакать и спасаться подъ благодатнымъ покровомъ Пречистой Дѣвы Маріи,—и зайдемъ для краткаго отдыха въ келлію отца намѣстника, гдѣ подъ сѣнію храма Пречистой Дѣвы онъ хочетъ обрѣсти себѣ мѣсто для подвижническихъ трудовъ и упокоенія.

Послѣ умѣренной трапезы и краткаго отдыха мы съ

благоговѣніемъ снова вошли во святой храмъ для слушанія въ немъ возобновленной службы божественной. Послѣ малой вечерни и краткаго повечерія начался молебенъ Божіей Матери, самый умиленный изъ всѣхъ славословій Пречистой, и именно Ея всечестному Успенію. Дивное чудо воспоминали мы. Источникъ жизни во гробѣ полагается, и мы созерцали какъ лѣствицею къ небесамъ гробъ бываетъ. Умилителемъ въ честь Ея акаѣистъ; каждое слово повторялъ я сердцемъ моимъ и съ сладкимъ трепетомъ любви повергался предъ Нею при каждомъ возгласѣ: «Радуйся въ Успеніи міра не оставляющая». О еслибы Она не оставила и меня, ни здѣсь, ни тамъ, и о еслибы сему не воспрепятствовали мои грѣхи вольные и невольные! У меня не было молитвы ни о скорбяхъ моихъ, ни объ нуждахъ моихъ, я весь былъ умиленіе; я забылъ, что возвращусь въ жалкій міръ, и опять нападуть на меня скорби. Въ эти минуты я бы могъ попросить у Господа и пречистой Его Матери многого изъ благъ земныхъ; но я не допустилъ мысли о тлѣнномъ въ сіи торжественныя минуты. Я только чувствовалъ свою немощь и свое недостойнство и величіе всего меня окружавшаго.

Молебенъ окончился и не за чѣмъ было выходить изъ храма; ибо пришло время начинать всеобщее бдѣніе. Торжественно совершилъ его намѣстникъ съ братією Лавры преподобнаго Сергія, главнокомандующаго добрыми подвижниками и воинами Христовыми, изъ которыхъ въ Скитѣ Геосиманскомъ составитя летучій отрядъ, который подъ предводительствомъ Царицы небесной да взлетитъ въ обители Отца небеснаго, уготованныя для всѣхъ, кто ревнуетъ заслужить ихъ подвигами вѣры и благочестія и упованіемъ на благодать Господа Иисуса Христа.

Кончилась служба; но долго не хотѣлось выдти изъ храма; онъ былъ подобенъ невѣстѣ, ждущей своего жениха; мнѣ пришла также мысль сравнить храмъ съ оглашеннымъ, который съ сладкимъ трепетомъ ждетъ, чтобы его окрестили и положили печать дара Духа святаго!

При свѣтѣ фонарей, при звукѣ малыхъ колоколовъ новой обители, возвратились мы въ келліи въ 10 часовъ ночи, и долго, долго еще внимали умомъ Божественной службѣ; состояніе своего духа, въ сію дивную ночь, я могу сравнить съ состояніемъ его въ ночь на Пасху.

Большую половину ночи провелъ я вмѣстѣ съ отцемъ намѣстникомъ Антоніемъ, устроивая вощанники; я кололъ воскъ, приготовлялъ свѣтильники и радовался, и плакалъ, и молился, работая для Господа; я имѣлъ счастье наряду съ первыми подвижниками новой обители пройти послушаніе въ первый день ея существованія.

Радостно встрѣтили мы утро дня назначеннаго для освященія храма и поспѣшили по зову колокола къ водоосвященію; церковь уже была полна народа,—это были благочестивые поселяне окрестныхъ селеній, пришедшіе въ гости на праздникъ къ радушному сосѣду своему преп. Сергію, устроившему молитвами своими домъ Царицы небесной, бывшей нѣкогда у него въ гостяхъ.

Я вошелъ въ алтарь и прежде всего простерся передъ ризою преп. Сергія; она покрывала нѣкогда Богоносное тѣло его и бывала окружаема тѣмъ святымъ небеснымъ неопалющимъ огнемъ, о которомъ сказано въ житіи преподобнаго, что видали игумна Сергія во время Божественной службы во огни стоящаго; она была орошасма дождемъ слезъ его, и трепетала на груди его, отъ молитвенныхъ его воздыханій. Съ благоговѣніемъ взглянулъ я и на прочія священныя вещи, приготовленныя для великаго священнослуженія, которому подобное едва ли кто видѣлъ и вѣрно болѣе не увидитъ. Вскорѣ услышали мы звонъ, возвѣстившій прибытіе святителя, и при вшествіи его во храмъ воспѣто величаніе Божіей Матери. Приложившись къ святымъ иконамъ, святитель взшелъ на облачальный амвонъ; съ него сняли величественную святительскую мантию и остался великій старецъ въ смиренной одеждѣ, скудный плотію, но весь проникнутый духомъ. И вотъ изнесли діаконы изъ алтаря, какъ ангелы съ неба,

ризу преп. Сергія, которую онъ какъ будто выслалъ своему преемнику и благословилъ ему возложить ее на себя. Слезы полились изъ глазъ смиреннаго святителя, и какія слезы! Этихъ перловъ не стоятъ всѣ земныя сокровища,—и зарыдали всѣ стоящіе въ церкви,—такъ отразились въ сердцахъ стада Христова чувства его пастыря. На него возложили сію нетлѣнную ризу спасенія и святыя слезы любви и умиленія, какъ жемчугъ, осѣнили оплечья смиренной ризы того, который, не бывъ златоносцемъ въ юности, восхотѣлъ и въ старости остаться въ нищетѣ. Мы вѣримъ, что любвеобильный Сергій не отвергъ сихъ жемчужинъ, выпавшихъ чрезъ пять столѣтій изъ очей того, котораго онъ въ своей обители возрастилъ, воспиталъ и управилъ въ преемники себѣ,—но принялъ ихъ въ вою благоуханія духовнаго и положилъ на пренебесный алтарь. Никто не могъ отвлечь очей отъ возлюбленнаго святителя, и мнѣ казалось, что я вижу преподобнаго Сергія среди церкви стоящаго, и восторгъ овладѣлъ мною: я былъ внѣ себя, не дышалъ, и сладкія слезы обильно струились по щекамъ моимъ.

Омофоръ святительскій величественно возлегъ на рамена владыки, а вотъ и изображеніе Божіей Матери на панагій и Животворящій крестъ, вырѣзанные изъ дерева за нѣсколько столѣтій, возсіяли на груди его. Митра преподобнаго Діонисія, строителя храма, украсила его обновителя.

Началось освященіе храма, по чину церковному, и я поцѣловалъ четыре камня, взятые изъ-подъ престола древняго храма, пржеде чѣмъ они были положены подъ новый престолъ тогоже храма. И вотъ опять торжественно вошелъ чрезъ 227 л. Царь славы, почивающій на мощахъ мучениковъ, за Него пострадавшихъ, въ древній храмъ, котораго (скажемъ съ дерзновеніемъ) не покидала благодать Его, но чудно хранила самую персть онаго.

Началась литургія, и во время Часовъ всѣ съ умиленіемъ взирали на своего владыку, облаченнаго въ милоть

преподобнаго Сергія. Какое умиленіе, какое блаженство выражалось на безстрастномъ лицѣ владыки! Онъ какъ-бы плавалъ въ какомъ-то безбрежномъ морѣ созерцанія и окрилялъ души всѣхъ. Я слышалъ изъ устъ простолюдиноу отрывистыя, но теплыя и знаменательныя выраженія: «Вѣдь это онъ, самъ батюшка Сергій чудотворецъ стоитъ»,—и это простое, безыскусственное слово одно лишь можетъ выразить то, что мы всѣ чувствовали въ эти незабвенныя минуты.

Въ малый выходъ изнесли изъ алтаря Евангеліе преподобнаго Никона, писанное его рукою и сохраненное святою обителію преподобнаго Сергія, которая при Никонѣ разрослась и украсилась видимымъ и невидимымъ благолѣпіемъ.

Но вотъ начинается и великій выходъ, въ который Царь славы шествуетъ дориносимый ангельскими чинми, и впереди несутъ посохъ святительскій, украшенный платомъ. Это жезлъ преподобнаго Сергія, — имъ онъ собралъ и упасъ обитель живоначальныя Троицы; этимъ жезломъ управлялъ онъ малое стадо, которому Господь уготовалъ царство. Но вотъ другое, еще болѣе драгоцѣнное сокровище Лавры,—это потиръ и дискось преподобнаго Сергія, въ которыхъ была кровь и плоть Господа Иисуса! Въ этотъ потиръ входилъ огонь съ неба и симъ огнемъ изъ сего потира приобщался чудный отецъ нашъ Сергій, и вотъ чрезъ 500 лѣтъ опять наполнили этотъ древній, святыи сосудъ виномъ, чтобы оно освятилось въ кровь Сына Божія. И если радовался нѣкогда Фаворъ и Ермонъ, узрѣвъ преобразившагося Господа, и рукоплескали берега Иордана, освященнаго погруженіемъ Его въ воду этой рѣки, то не усомнимся, что потиръ и дискось преподобнаго Сергія возрадовались, вмѣстивъ въ себѣ паки невмѣстимаго небомъ и землею Творца неба и земли, явившагося въ таинственномъ тѣлеси своемъ.

Со страхомъ и трепетомъ взирали всѣ мы на дискось и потиръ, которыми владыка осѣнялъ насъ, и казалось,

что мы всё хотѣли всецѣло повергнуться подѣ сіе благодатное осѣненіе. Мы не могли оторвать отъ сихъ возлюбленныхъ предметовъ очей нашихъ; мы не могли на нихъ насмотрѣться, зная, что уже въ другой разъ насъ не осѣнятъ ими. Мы хотѣли воспользоваться этимъ осѣненіемъ, упрочить себѣ его, освятиться имъ, спастись чрезъ него.

Слово святителя, достойнаго служителя превѣчнаго Слова, достойно заключило это чудное служеніе.

Слава благодати Твоей Господи, всегда присущей вѣрнымъ рабамъ твоимъ, явившейся и мнѣ недостойному въ сладкомъ умиленіи, въ неземной радости сердца, въ тишинѣ молчаливаго духа, умолкшаго въ благословенной пустынѣ молитвами славной Владычицы нашей Богородицы, преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія и всѣхъ святыхъ.

Василій Коптсвъ.

КРАЙНОСТИ ВЪ ВОСПИТАНІИ.

Задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы воспитанникъ, выростая подъ руководствомъ и управленіемъ старшихъ, приучался сдерживать стремленія своего произвола, во всей своей жизни сообразоваться съ предписаніями высшаго, религіозно-нравственнаго закона и подчиняться уставамъ и распоряженіямъ тѣхъ учреждений и лицъ, которыя служатъ представителями и выразителями этого закона. Но достигая этой цѣли, воспитаніе исполняетъ только половину своего дѣла. Приучая воспитанника подчиняться высшей волѣ, требованіямъ закона, воспитаніе никакъ не должно забывать и другаго существеннаго условія, безъ котораго воспитательная дѣятельность и ея послѣдствія теряютъ высшее свое достоинство,—именно оно постоянно и твердо должно помнить, что стремленіе подчинить высшему закону волю воспитанника должно быть проникнуто уваженіемъ къ личности послѣдняго и не должно подавлять свободы его, не должно наносить ущерба полнотѣ развитія его силъ и способностей, составляющихъ характеристическую особенность его личности и опредѣляющихъ его назначеніе въ жизни; напротивъ, подчиненіе это должно исходить изъ внутренняго расположенія и желанія души, изъ искренней готовности воспитанника употреблять всѣ свои силы на служеніе высшему закону. Вслѣдствіе этого на воспитаніи лежитъ трудная, требующая для своего осуществленія большой мудрости, задача содѣйствовать тому, чтобы высшій законъ сдѣлался духовнымъ живымъ началомъ жизни воспитанника, вну-

тренней силой, возбуждающей, направляющей къ совершенству развитіе его природныхъ задатковъ, а не оставался внѣшней для него силой, только ограничивающей, стѣсняющей и подавляющей его дѣятельность. Словомъ, воспитаніе должно содѣйствовать тому, чтобы жизнь воспитанника со временемъ представляла гармоническое сочетаніе подчиненія высшей волѣ съ сохраненіемъ его личной свободы и его правъ на полное и всестороннее развитіе всѣхъ силъ и способностей, составляющихъ его отличительную особенность, какъ личности, — словомъ, должно содѣйствовать рѣшенію той великой задачи, надъ которой трудилось и трудится все человѣчество и которая состоитъ въ примиреніи божественной воли съ волею человѣческою.

Но стремясь къ рѣшенію этой задачи, человѣчество постоянно уклонялось и уклоняется отъ правильнаго пути и впадаетъ въ одну изъ двухъ крайностей: или стремясь къ осуществленію высшаго закона, въ которомъ видитъ выраженіе божественной воли, оно забываетъ о свободѣ личности, о правахъ ея на полное и всестороннее развитіе, и потому относится безъ всякаго уваженія къ отдѣльной личности и превращаетъ ее въ слѣпое орудіе къ достиженію высшихъ цѣлей; или же, исходя изъ уваженія къ свободѣ и самостоятельности личности и къ правамъ ея на полное и всестороннее развитіе всѣхъ данныхъ ей отъ природы силъ и способностей, оно забываетъ о правахъ высшаго закона, объ обязанности человѣка собразоваться съ нимъ во всей своей дѣятельности, и потому считаетъ отдѣльнаго человѣка мѣрой всего, закономъ для себя и превращаетъ наконецъ свободу человѣка въ необузданный произволъ.

Ту и другую крайность мы замѣчаемъ въ жизни какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что древніе народы впадали по преимуществу въ первую изъ указанныхъ нами крайностей, а новые,

особенно въ послѣднее время, склонны по преимуществу къ послѣдней изъ нихъ.

Такъ какъ древніе языческіе народы не имѣли понятія о Богѣ, какъ о совершеннѣйшей духовно-свободной личности, а представляли Его или въ видѣ механическаго закона, господствующаго во вселенной, или въ видѣ природы, постепенно развивающейся по естественно необходимымъ законамъ, или же хотя и представляли Его существомъ духовнымъ, личнымъ, но ограниченнымъ въ своей дѣятельности другимъ, враждебнымъ ему началомъ: то у нихъ никакъ не могло развиваться сознание о личности человѣка, о способности его къ свободному нравственному дѣйствованію и потому не могло пробудиться уваженіе къ свободѣ и правамъ отдѣльной личности. Напротивъ, мы видимъ, что законы религіозно - нравственные, законы государственные и общественные относятся къ личной свободѣ враждебно, стремятся поработить и подавить свободное развитие ея. Такъ у одного изъ древнихъ народовъ (китайцевъ) обычный порядокъ жизни государственной, общественной и семейной считался идеаломъ совершенства, откровеніемъ и выраженіемъ жизни неба, и каждый, для достиженія нравственнаго совершенства, долженъ только строго подчиняться общему дѣйствительному ходу жизни, «долженъ только участвовать въ общемъ циклѣ жизненныхъ движеній, стараясь не нарушить общей гармоніи въ жизни и не произвести разлада» *). А для устраненія возможности нарушенія существующей гармоніи жизни здѣсь не давалось ни малѣйшаго простора самостоятельной дѣятельности отдѣльнаго лица: вся его жизнь заключена въ опредѣленные рамки, предуготовлена существующими законами государства, нравами и обычаями съ ихъ безчисленными и мелочными предписаніями, церемоніями и условными приличіями, безусловное подчиненіе которымъ возведено въ догматъ. —

*) *Хрисанова*. Религіи древ. міра Т. I, стр. 139.

Другой изъ нихъ (индійцы) на личность съ ея сознаниемъ своей свободы и правъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто грѣховное, незаконное, и потому задачу своей нравственности полагалъ въ уничтоженіи личнаго сознанія и въ сляніи своей личности съ безличною сущностью божества. Понятно, такой взглядъ не только не благопріятствовалъ развитію самостоятельности и твердости личнаго характера, полному и всестороннему раскрытію особенностей отдѣльнаго лица, но даже осуждалъ всякое поползновеніе къ этому, требовалъ отреченія отъ всякой мысли, отъ всякаго чувства, отъ всякаго проявленія воли, свидѣтельствующихъ о бытіи личности,—требовалъ не развитія и усовершенствованія тѣлесной природы, но разрушенія ея силъ посредствомъ дикаго самонистязанія. У иныхъ свобода личности и всестороннее развитіе ея силъ стѣснены были кастовымъ раздѣленіемъ общества, имѣвшимъ значеніе религіознаго учрежденія; вслѣдствіе этого каждому, еще до рожденія его, указывался опредѣленный образъ жизни, назначалось опредѣленное специальное занятіе на всю жизнь. Даже и въ самыхъ образованныхъ и либеральныхъ государствахъ древности (Спарта и Римъ) личность не пользовалась подобающимъ ей уваженіемъ; права ея во многихъ отношеніяхъ приносились въ жертву интересамъ государства. Вообще мы можемъ сказать, что до христіанства въ большей части человѣчества не существовало личной свободы, не было уваженія къ правамъ отдѣльной личности; если послѣдняя и имѣла тамъ какое-нибудь значеніе, то не сама по себѣ, а только какъ членъ великаго народнаго или государственнаго тѣла; она не была цѣлю для себя, а низведена была на ступень простаго средства, орудія для общества. Этимъ объясняются безчисленныя явленія общественной жизни древняго міра, въ которыхъ рѣзче всего сказывается униженіе, рабское положеніе отдѣльной личности. Такъ въ нѣкоторыхъ государствахъ законъ не позволялъ мужинѣ оставаться въ безбрачномъ состояніи, бесплодные браки подвергалъ расторженію, по-

тому что на каждого гражданина государство смотрѣло не какъ на свободную личность, могущую въ извѣстной сферѣ располагать своей жизнью по своему усмотрѣнію для своего личнаго счастія и удовольствія, а какъ на орудіе, необходимое для обновленія и умноженія силъ государства посредствомъ дѣторожденія. Такъ женщина во всѣхъ почти языческихъ государствахъ древности находилась въ униженномъ состояніи, была не подругою мужа, не равноправной съ нимъ личностью, а рабою его. Такъ жизнь дѣтей находилась въ совершенной зависимости или отъ произвола родителей или отъ усмотрѣнія государства: если отецъ находилъ воспитаніе новорожденнаго обременительнымъ для себя, если государство не надѣялось имѣть въ немъ здоровое и сильное орудіе для своей защиты, то послѣдній терялъ право на жизнь и какъ ненужная вещь выбрасывался. Не говоримъ уже о рабахъ, на которыхъ въ древности смотрѣли не болѣе, какъ на живыя орудія необходимыя для хозяйства, какъ на животныя, неспособныя дѣйствовать по разумному сознанію и свободному рѣшенію воли, а руководствующіяся въ своей жизни только внушеніемъ чувственныхъ страстей.

Вліяніе религіозно-нравственныхъ возрѣній древности, неблагоприятныхъ развитію личности, не могло не отразиться и на педагогической дѣятельности древнихъ народовъ: педагогическіе идеалы извѣстнаго народа всегда находятся въ большей или меньшей зависимости отъ его религіозно-нравственныхъ идеаловъ, и воспитаніе стремится только помочь осуществленію въ подростящемъ поколѣніи того совершенства, къ какому призываетъ религія народъ. Дѣйствительно, исторія воспитанія показываетъ намъ, что у большей части народовъ древности воспитаніе отличалось направленіемъ враждебнымъ свободному развитію личности: при воспитаніи древніе обыкновенно имѣли въ виду не полное и всестороннее развитіе и усовершенствованіе силъ и способностей отдѣльнаго лица, не приготовленіе его къ свободной и самостоятельной дѣ-

ятельности въ зрѣломъ возрастѣ, а достиженіе цѣлей внѣшнихъ, часто совершенно чуждыхъ внутреннему развитію личности; потому у нихъ воспитаніе въ большинствѣ случаевъ утрачивало свое истинное значеніе и превращалось въ дрессировку; личность при этомъ не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, а служила только слѣпымъ и покорнымъ орудіемъ для достиженія внѣшнихъ для нея цѣлей, по преимуществу цѣлей государственныхъ. Вотъ почему въ древности отъ воспитанника непремѣнно требовали *безусловнаго* послушанія воспитателю; вотъ почему тамъ воспитаніе дѣтей большею частію находилось подъ самымъ строгимъ государственнымъ контролемъ и стремилось какъ можно раньше удалить дѣтей отъ семьи, гдѣ ребенокъ имѣетъ больше свободы и самостоятельности и гдѣ силы его могутъ развиваться если не шире и многостороннѣе, то во всякомъ случаѣ не въ томъ направленіи, какое желательно государству; само же оно старалось развить и усовершенствовать только тѣ стороны дѣтской природы, которыя могли доставить пользу государству, могли служить къ его усиленію и защитѣ; къ остальнымъ же силамъ ребенка оно относилось пренебрежительно или же намѣренно препятствовало ихъ развитію. Здѣсь мы не будемъ дѣлать подробнаго изложенія воспитанія всѣхъ древнихъ народовъ, а только для характеристики и уясненія изображаемой нами крайности въ воспитаніи укажемъ на нѣкоторыя черты воспитанія у китайцевъ и спартанцевъ. Такъ какъ китайцы на дѣйствительный порядокъ жизни смотрятъ, какъ на выраженіе законовъ неба; то они очень высокаго мнѣнія о достоинствахъ своей цивилизаціи и своихъ учреждений, а потому все выработанное ими, они считаютъ нормой своей политической и педагогической дѣятельности, неприкосновенно сохраняютъ разъ установленное. Цѣль воспитанія состоитъ въ вѣрной и точной передачѣ юношеству разъ навсегда принятаго и въ строгомъ пріученіи юношества къ непремѣнному соблюденію его; пролагать

новые пути не дозволяется; свободное развитіе человѣческихъ силъ не признается. Права, присущія каждой отдѣльной личности, разбиваются объ освященные временемъ обычаи и порядки. Къ чему бы сталъ трудиться молодой китаецъ надъ собственной мыслью или направлять свои силы на собственные цѣли? Въ своей семьѣ, въ своей обстановкѣ, въ своемъ государствѣ онъ видитъ воплощеніе идеала человѣческаго совершенства и блага. Всякое уклоненіе отъ разъ установленнаго было бы поруганіемъ (святыни), всякое нововведеніе—безуміемъ, всякое пользованіе результатами чужой образованности—варварствомъ, ведущимъ къ гибели. Единственная задача воспитанія—приготовить питомца къ извѣстной заранѣ жизни. Норма, по которой молодой человѣкъ долженъ устраивать свое счастье, указывается ему разъ навсегда установившимися формами жизни... Такимъ образомъ все сводится къ тому, что питомецъ только усваиваетъ эти формы жизни, принимаетъ одну изъ нихъ за образецъ всей своей жизни и дѣятельности и въ этой рѣзко ограниченной сферѣ приобрѣтаетъ совершенство, но совершенство заурадное: въ этомъ смыслѣ воспитаніе китайцевъ можетъ быть названо крайней дрессировкой. Эта дрессировка, это поработеніе личности особенно замѣтны въ нравственномъ воспитаніи китаецъ; онъ ни одного шагу не можетъ сдѣлать свободно; вся его жизнь связана узаконенными условными правилами, которыя простираются даже на самыя незначительныя мелочи. «Здѣсь, говоритъ Диттесъ, воспитываютъ не нравственныя убѣжденія, а просто приучаютъ къ приличному обращенію, приемы котораго строго охраняются не только обычаями, но даже законодательствомъ. Обращеніе съ родителями, родственниками, учителями, съ лицами различныхъ чиновъ, возрастовъ и половъ, съ знакомыми и незнакомыми—все это подчинено строгимъ правиламъ. Каждое привѣтствіе, любезность, оборотъ рѣчи, всякій приемъ или отдача визита, форма приглашенія, каждое положеніе или движеніе тѣла, даже число

поклоновъ и ихъ глубина, словомъ—весь церемоніаль поведенія въ обществѣ опредѣленъ и предначертанъ заранѣе. Вѣжливость, ровность въ обращеніи, умѣнье устранить всякое столкновеніе или непріятность составляютъ главную задачу поведенія китаецъ. Онъ не долженъ поддаваться влеченію нравственной природы человѣка, слушаться голоса своего чувства или совѣсти; онъ обязанъ только неуклонно слѣдовать указаніямъ обычая или закона. Взамѣнъ нравственнаго чувства долга, справедливости и любви является въ высшей степени сложная система формъ обхожденія съ людьми и цѣлый кодексъ полицейскихъ и карательныхъ опредѣленій. Сколько вещей приходится запоминать и заучить ребенку прежде, нежели онъ достигнетъ умѣнья прилично держаться въ обществѣ! Какъ пусто и холодно остается сердце его подъ этимъ лоскомъ благовоспитанности! Дѣйствительно, ребенка научаютъ, какъ онъ долженъ говорить, стоять, ходить и сидѣть; но о томъ, какъ ему слѣдуетъ мыслить и чувствовать, никто и не заботится. На ряду съ приличной внѣшностью и законностью поведенія идетъ низкопоклонство въ отношеніи къ высшимъ, чванство и жестокость въ отношеніи къ низшимъ, притворство, хитрость, ложь и обманъ, и все это для удовлетворенія самаго безсердечнаго себялюбія *)). При такомъ направленіи воспитанія, воспитанникъ не имѣетъ ни малѣйшей самостоятельности и безусловно подчиненъ авторитету воспитателя; поэтому отецъ, какъ первый воспитатель, имѣетъ неограниченную власть надъ дѣтьми: если у него нарождается столько дѣтей, что онъ не въ состояніи прокормить ихъ всѣхъ, то онъ можетъ безнаказанно выгнать или убить лишнихъ изъ нихъ. «Тамъ, гдѣ ребенокъ подчиненъ неизмѣнному порядку вещей и всеильному авторитету, не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ воспитательныхъ приемахъ, которые основываются на признаніи воспитателемъ

*) *Диттесъ*. Исторія воспит. и обученія, стр. 18—21.

личной свободы развитія питомца и на желаніи руководить имъ для того, чтобы облегчить ему достиженіе разумной самостоятельности. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о количествѣ знаній и царить рутинна, не можетъ быть ни мѣста, ни времени для мышленія и опыта; дрессировка ребенка посредствомъ наставленій, указаній, преданій, примѣра, приученія, строгихъ взысканій и неусыпнаго надзора составляетъ задачу китайскаго воспитателя и учителя. А вся дѣятельность ученика состоитъ во внимательномъ слушаніи, усвоиваніи одной только памятью, точномъ подражаніи и прилежныхъ упражненіяхъ *)).

Таковъ характеръ воспитанія у народа, который обыкновенно признается представителемъ мертвой неподвижности, застоя и обременительныхъ церемоній, стѣснительныхъ для свободы и самостоятельности человѣка. Но личности было не многимъ лучше и у тѣхъ народовъ древности, которые стояли на высшей ступени образованности и до сихъ поръ считаются представителями гуманности. Такъ въ Спартѣ, напр., воспитаніе ребенка, которому государство даровало право на жизнь въ томъ разсчетѣ, что современемъ изъ него выдетъ крѣпкій и мужественный солдатъ и защитникъ государства, съ самыхъ раннихъ лѣтъ находилось исключительно подъ вліяніемъ государства. Правда до 7-лѣтняго возраста ребенокъ находился въ родительскомъ домѣ, но и здѣсь онъ воспитывался не такъ, какъ хотѣли бы родители и какъ требовала бы его природа, а какъ требовало государство. На 7-мъ же году государство отдѣляло ребенка отъ семьи и воспитаніе его поручало своимъ приставникамъ. Съ этихъ поръ онъ поступалъ въ полное распоряженіе государства, которое опредѣляло его образъ жизни до мельчайшихъ подробностей; оно указывало ему не только предметы занятій, но и то, во что онъ долженъ былъ одѣваться и обуваться и на чемъ спать. Онъ не получалъ

*) Ibid, стр. 30.

свободы и самостоятельности и не избавлялся отъ государственной опеки даже и по достиженіи того возраста, когда и по спартанскимъ понятіямъ считался зрѣлымъ мужемъ и когда онъ обыкновенно обзаводился и своимъ домою и семействомъ. Понятно, что государство старалось развить въ юномъ спартанцѣ только тѣ стороны его природы, которыя необходимы были для государственныхъ цѣлей. Такъ какъ государственное устройство Спарты, утверждавшееся на завоеваніи, требовало для своего сохраненія значительнаго развитія военной силы, то прямой интересъ государства состоялъ въ томъ, чтобы граждане его отличались всѣми качествами, необходимыми для военного человѣка. По этому-то вниманіе спартанской педагогики устремлено было главнымъ образомъ на развитіе въ молодомъ поколѣніи тѣлесной силы, на приученіе юношества въ безусловному повиновенію государственнымъ законамъ, къ подчиненію старымъ обычаямъ и уставамъ и послушанію старшимъ по возрасту; а къ развитію остальныхъ сторонъ природы человѣческой государство относилось довольно равнодушно; по этому чтеніе и письмо не входили въ систему общественнаго воспитанія и тотъ, кто желалъ записаться этими познаніями, могъ употреблять на нихъ только часы своего досуга; о высшихъ наукахъ и искусствахъ здѣсь мало заботились; а нѣкоторыя изъ нихъ (реторика, драматическое искусство) даже были запрещены закономъ. Вообще умственное и эстетическое образованіе здѣсь было очень ограничено; на него обращали вниманіе только настолько, насколько оно было необходимо для достиженія тѣхъже государственныхъ цѣлей. Слѣдовательно и здѣсь государство значительно ограничивало и стѣсняло свободу развитія отдѣльной личности и часто грубо вторгалось въ порядки домашней жизни и своей властью нарушало самыя искреннія и святыя отношенія между родителями и дѣтьми.

Въ болѣе или менѣе иныхъ формахъ, но въ сущности

тоже поработченіе личности государству, тоже неуваженіе къ свободѣ личнаго развитія замѣчается въ жизни и воспитаніи у другихъ народовъ древности, какъ напр. индѣйцевъ, персовъ, римлянъ и др.

Но съ другой стороны въ древности какъ въ жизни общественной, такъ и въ воспитаніи замѣчается и противоположная крайность, которая характеризуется тѣмъ, что внѣшній законъ теряетъ свое значеніе и утрачиваетъ свое вліяніе на жизнь отдѣльной личности; послѣдняя сама себѣ служитъ закономъ, считаетъ себѣ мѣрою всего. Здѣсь развитіе личности ничѣмъ не стѣсняется, жизнь ея не опредѣляется ничѣмъ высшимъ; личность теряетъ сознание обязательности для нея высшаго всеобщаго закона, перестаетъ повиноваться ему и въ своей жизни руководствуется своей природой, безпрепятственно удовлетворяетъ всѣмъ ея влеченіямъ и требованіямъ. Такое направленіе мы замѣчаемъ у древнихъ аѳинянъ, которые сравнительно съ остальными греческими племенами отличались большимъ уваженіемъ къ свободѣ личности и стремленіемъ дать какъ можно больше простора ея развитію и дѣятельности. Это объясняется изъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній греческаго міра, которыя нашли болѣе послѣдовательное развитіе и болѣе полное выраженіе именно у аѳинянъ.

Грекамъ, какъ и остальнымъ народамъ языческаго міра, нечуждо было сознание противоположности между добромъ и зломъ; но особенность ихъ воззрѣнія заключалась въ томъ, что по ихъ представленію противоположность эта уничтожена еще до образованія этого міра и до появленія человѣка на землѣ. Память о существованіи этой противоположности сохранилась у нихъ въ мифахъ о борьбѣ между духовными богами и титаническими силами природы: боги одержали побѣду и титаны низвергнуты въ тартаръ. Вслѣдствіе этого въ настоящее время уже нѣтъ противоположностей нигдѣ, и какъ въ мірѣ боговъ, такъ и въ царствѣ человѣческомъ природа и духъ

находятся въ гармоническомъ единствѣ; нигдѣ нѣтъ просто духа, нигдѣ нѣтъ просто природы. Результатомъ этого воззрѣнія было то, что грекъ не видѣлъ строгой противоположности между божественнымъ и человѣческимъ, духовнымъ и чувственнымъ, нравственнымъ и естественнымъ. Божество представлялъ онъ человѣкообразно: каждое изъ существенныхъ свойствъ, приписываемыхъ божеству, онъ воплощалъ въ тотъ или другой идеальный образъ человѣка; а съ другой стороны онъ склоненъ былъ и къ обоготворенію человѣка; все чувственное казалось ему проникнутымъ творческимъ духовнымъ началомъ и въ естественной жизни онъ находилъ выраженіе всеобщаго божественнаго закона. «Поэтому законъ не кажется ему игомъ, но непосредственнымъ, неприпущеннымъ, соединеннымъ съ чувствомъ счастья, обнаруженіемъ жизни человѣка. Ни для одного народа языка нравственность не представлялась столь легкою задачею, какъ эллинамъ. Грекъ не зналъ ни одного нравственного закона, принуждающаго нравственную личность къ послушанію посредствомъ внѣшняго авторитета. Свободная личность носитъ законъ въ себѣ самой и не преклоняется предъ чуждымъ ей, внѣшнимъ закономъ». Поэтому нравственная жизнь представляется аѳинянину очень легкою; она «не есть борьба, но непрерывное развитіе добраго и чистаго въ себѣ человѣка; слѣдуя собственной гармонической природѣ, наслаждаясь прекрасною жизнію міра и развивая въ равной степени всѣ стороны какъ чувственной, такъ и духовной жизни, человѣкъ достигаетъ гармоническаго совершенства своей личности, высочайшей цѣли нравственнаго стремленія» *). Вотъ почему въ Аѳинахъ государство не имѣло того подавляющаго и стѣсняющаго вліянія на развитіе личности, какое мы замѣчаемъ у другихъ народовъ древности: на государство аѳинянинъ смотрѣлъ не какъ на внѣшнее учрежденіе,

*) *Wuttke Handbuch. der chr. Sitt. S. 43—48.*

существующее для того только, чтобы держать въ уздѣхъ страсти и произволъ отдѣльнаго человѣка; напротивъ, оно представлялось ему необходимой естественной формой, при которой человѣкъ можетъ достигать своей цѣли, вести счастливую, достойную человѣка жизнь: оно должно доставлять удовлетвореніе высшимъ духовнымъ и нравственнымъ его требованіямъ, содѣйствовать развитію человѣческихъ дарованій и силъ, давать просторъ и средства къ достойной дѣятельности и достойному наслажденію жизнью. Вотъ почему въ аѳинской республикѣ каждому доброму задатку, лежащему въ человѣкѣ, давался просторъ и оказывалось содѣйствіе его развитію. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній воспитаніе въ Аѳинахъ должно было получить въ сущности иной характеръ, чѣмъ въ Спартѣ и другихъ государствахъ древности: при *музыкальномъ и гимнастическомъ* воспитаніи, составлявшихъ два существенные элемента эллинской благовоспитанности, имѣлись въ виду не выгоды и интересы государства, а всестороннее развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ и способностей воспитанника; даже и гимнастика не служила у нихъ непосредственно военнымъ цѣлямъ, а напротивъ была средствомъ къ всестороннему развитію тѣла, чтобы сдѣлавшись посредствомъ гимнастическихъ упражненій здоровымъ, гибкимъ и красивымъ, оно служило самымъ лучшимъ органомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка.

Какъ ни привлекательно это направленіе эллипской жизни, благопріятствовавшее мощному, прекрасному и разнообразному развитію различныхъ человѣческихъ способностей; но оно было весьма непрочно, непродолжительно и необходимо должно было привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ, причины которыхъ заключались въ сущности самаго этого направленія. Самое основаніе этого направленія было шатко и фальшиво; единство духа и плоти, согласіе между высшимъ нравственнымъ закономъ и волей отдѣльнаго человѣка, отсутствіе порчи въ его

существомъ, на чемъ собственно и утверждалось довѣрчивое отношеніе эллиновъ къ природѣ человѣка, уваженіе къ свободѣ личности, широкому и безпрепятственному развитію ея силъ и способностей, надобно отнести къ числу такихъ представленій, которымъ почти ничего не соотвѣтствовало въ дѣйствительности: согласія между божественной волей и волей человѣческой, между духомъ и плотію, между нравственнымъ и естественнымъ, которое эллины считали существующимъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ не было и нельзя было достигнуть никакими человѣческими средствами; а тотъ путь, какимъ они хотѣли достигнуть примиренія между божествомъ и человѣчествомъ, привелъ ихъ къ полной религіозной и нравственной несостоятельности. Уподобляя божество человѣку, «славу петлѣннаго Бога измѣняя въ образъ подобный тлѣнному человѣку» (Рим. 1, 23), примиренія съ Богомъ они стремились достигнуть ложнымъ путемъ низведенія божественнаго въ область человѣческой ограниченности и грѣха: по ихъ представленію, боги хотя и были свободными духовными существами, ихъ идеалами, но никогда не могли освободиться отъ подобія нашей грѣховной плоти; воля ихъ была осквернена человѣческими страстями и грѣхомъ. Идя по этому ложному пути, греки утратили понятіе о Богѣ, какъ совершеннѣйшемъ существѣ, святая воля котораго несравненно выше воли человѣческой и служить высочайшимъ и общеобязательнымъ закономъ, — сами себѣ стали закономъ въ дурномъ смыслѣ слова, стали руководиться въ жизни влеченіями своей испорченной природы, похотями сердець своихъ; и вотъ наконецъ мѣсто высочайшаго нравственнаго закона заступаетъ своеволие и произволь отдѣльнаго человѣка. «Въ жизни стали руководиться убѣжденіемъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни истины, ни религіи, ни справедливости, ни добродѣтели; что единственная цѣль человѣческихъ стремленій есть необузданное чувственное наслажденіе, что нѣтъ преступленія въ обманѣ, въ измѣнѣ отечеству, въ богохульствѣ, или что

даже богохульства иѣтъ вовсе, такъ какъ нѣтъ и боговъ; что человѣкъ есть мѣрило всего»; явились люди, «которые смѣялись надъ добродѣтелью и подвергали публичному посмѣянію добродѣтель» *). Словомъ, наступаетъ то состояніе разнузданности, которое съ такой поразительной истиной изображаетъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (1, 24—32).

При такомъ состояніи общества не замедлили обнаружиться и въ воспитаніи тѣ очень непривлекательныя черты, которыми обыкновенно характеризуется изображаемая теперь нами крайность, именно небрежность или отсутствіе надзора за дѣтьми, ихъ своеволие, самонадѣянность, распушенность со всѣми ихъ послѣдствіями. Къ столь важному дѣлу, какъ дѣло воспитанія дѣтей, стали теперь относиться крайне небрежно. Прежде весьма строго и внимательно слѣдили за благонавіемъ и благопристойностью дѣтей, поручая тщательный надзоръ за ними благонадежнымъ дядькамъ и педагогамъ, и удаляли ихъ отовсюду, гдѣ они могли увидѣть или услышать что-нибудь неблагоприличное и безнравственное и этой сторонѣ ихъ воспитанія придавали большее значеніе, чѣмъ ихъ успѣхамъ въ ученіи; теперь родители перестали дорожить благонавіемъ дѣтей и присмотръ за ними поручали такимъ людямъ, которые могли только портить ихъ и подавать имъ соблазнительный примѣръ своимъ поведеніемъ. По свидѣтельству Плутарха, «многіе родители лучшихъ рабовъ распредѣляли кого въ управители, кого въ прикащики и т. д.; а сыновей поручали какому-нибудь подлomu холопу, пьяницѣ, обжорѣ, ни на какое дѣло негодному» **). Аѣинскіе юноши перестали отличаться умѣренностью, силой и ловкостью и впали въ изнѣженность: гимнастика, укрѣплявшая душу и тѣло эллива, теперь стала упадать въ Аѣинахъ; да она уже и

*) *Дрэнтеръ*. Исторія умств. развитія Европы т. I, стр. 117.

**) *Пропилеи*, книга 1, 1851, стр. 163.

не могла оказывать своего благотворнаго вліянія на юношество при утратѣ цѣломудреннаго чувства, отличавшаго народъ въ лучшія времена его жизни; къ родителямъ и вообще старшимъ юноши относились безъ уваженія и почтительности, утратили отличавшія ихъ прежде скромность и нравственность. «Голоса мальчика, говоритъ Аристофанъ, никакъ, бывало, не услышишь: пискнуть не смѣлъ. По улицамъ ходили мальчики въ школу музыки благопристойно, съ каждой улицы отдѣльной гурьбою, въ одномъ хитонѣ, хоть бы снѣгъ валилъ. Въ школѣ не клали ноги на ногу. За столомъ не дозволялось прежде старшихъ хвататься за рѣдьку, за укропъ, запрещалось ѣсть рыбу, дроздовъ, класть ногу на ногу». «Новая же, современная Аристофану, молодежь обезсилѣла до того, что не можетъ твердо держать въ рукахъ щита; пріучилась одѣваться тепло; пріучилась къ площади, къ банямъ; безчинствуетъ предъ родителями; заводитъ непристойныя знакомства съ танцовщицами; впутывается изъ-за какой нибудь дряни въ постыдную тяжбу и т. д.» Прежде въ Афинахъ юноши долгое время не ходили на площадь (*агора*), не знали общественныхъ дѣлъ, не вмѣшивались въ нихъ, и «если имъ доводилось проходить площадь, то, по свидѣтельству Исократъ, стыдливо и благонаправно пробѣгали ее», а «теперь юноши проводятъ время не въ гимназіяхъ, какъ прежде, а въ судахъ» *). Молодые люди, особенно богатые, впали въ роскошь и расточительность, свободное время убивали въ пустыхъ и ничтожныхъ забавахъ, любили напр. псовую охоту, пѣтушьи и перепелиныя бои **). Вслѣдствіе крайняго упадка нравственности въ Атикѣ, любовь къ дѣтямъ, служившая прежде основаніемъ прекрасныхъ и чистыхъ отношеній между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ и побуждавшая воспитателей и учителей руководить и наставлять юноше-

*) Тамъ же стр. 171. 172.

**) Тамъ же стр. 175.

ство ко всему благородному и прекрасному, теперь извратилась въ самую позорную страсть. Этотъ упадокъ нравственности, скромности, цѣломудрія и простоты отразился даже и на занятіяхъ музыкаю. Въ лучшую пору Греціи музыкѣ учились не для того только, чтобы приучить слухъ къ ритму, но главнымъ образомъ для того, чтобы вселить въ душу свою на всю жизнь согласіе съ самимъ собою и окружающимъ міромъ, содѣйствовать стройному развитію души, поддержать въ ней находчивость и свѣтлость ума, постоянное расположеніе воли къ добру, бодрость и мужество. Поэтому въ Аѳинахъ долгое время преобладалъ въ музыкѣ важный и строгій стиль, любили простые и строіе напѣвы, теперь же проникли туда напѣвы изысканные, располагающіе душу то къ непомѣрному, страстному восторгу, то къ извѣженности; стали, по словамъ Аристофана, «скоморошничать, коверкать голосъ руладами» *). Имѣя въ виду всѣ эти и подобныя факты, одинъ историкъ педагогика аѳинское воспитаніе этой эпохи характеризуетъ слѣдующими словами: «молодые люди перестали уважать родителей и стариковъ, предались всѣмъ возможнымъ безчинствамъ и даже неизвѣстному у нихъ прежде пороку—пьянству. *Дѣти воспитывались все слабѣе и слабѣе...* Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ послѣдствіи они не имѣли ни силы, ни энергіи къ ученію и труду» **).

Такимъ образомъ мы видимъ, что у языческихъ народовъ не было истинной личной свободы и правильнаго отношенія личности къ высшему закону: съ одной стороны мы замѣчаемъ, что у нихъ высшій всеобщій законъ (или то, что они принимали за него), до такой степени стѣснялъ жизнь отдѣльнаго человѣка, что свобода и значеніе личности уничтожалась; но съ другой стороны у нихъ сказывалось и противоположное явленіе: высшій

*) Тамъ же стр. 173.

**) *Паротцъ*. Всеобщ. истор. педагог. стр. 30.

нравственный законъ утрачивалъ всякое руководственное значеніе для человѣка; отдѣльная личность жила только сообразно съ своею собственной природою, по внушенію ея стремленій и страстей, не управляемая и не стѣсняемая никакимъ внѣ ея находящимся закономъ и авторитетомъ. Эти крайности отразились и въ воспитаніи языческихъ народовъ. Главную причину этихъ крайностей мы указали въ недостаточности религіозно - нравственныхъ возрѣній язычества.

(Продолженіе будетъ.)

И. К.

БЛАГОДАТНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ОТЪ АБАЛАЦКОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Птицы—не садовники и вѣтры не пахари, а иногда именно птицы и вѣтры сѣютъ сѣмена, и не только хлѣбныя и травяныя, но и древесныя, и посѣянное ими не всегда погибаетъ, напротивъ произрастаетъ и даетъ плоды. И гдѣ произрастаетъ иногда? Не на воздѣланныхъ поляхъ, не на доброй землѣ, а на крышахъ и потолкахъ домовъ, въ расщѣлахъ скалъ и въ трещинахъ старыхъ, совершенно оставленныхъ или небрежно содержимыхъ зданій. Кто видалъ дома безъ кровель, особенно крѣпости, разрушенныя непріятелями или оставленныя за излишествомъ и неудобностію мѣста, также замки запустѣвшіе, монастыри безъ монашествующихъ, церкви безъ прихожанъ и священнослуженія и пр., тотъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ вмѣстѣ видалъ, сколько на нихъ, почти въ каждой трещинѣ, растеть и травы всякой, и хлѣба, и разнаго рода деревьевъ, особенно рябины и березы.

Тоже, по крайней мѣрѣ подобное, бываетъ и въ мірѣ духовномъ: сѣмена слова Божія, свѣдѣнія о предметахъ вѣры, правила доброй нравственности, благоговѣйныя чувствованія и вообще все религіозное и истинно доброе сѣются иногда людьми и не поставленными на то, и не обя-

занными къ тому, такими, отъ которыхъ, повидимому, вовсе нельзя и ожидать того. И, что также замѣчательно, такими людьми сѣмена слова Божія сѣются большею частію безъ особеннаго намѣренія, вовсе безъ желанія засѣять и оплодотворить невоздѣланное или запущенное поле чьей-либо души; несмотря на то, эти сѣмена не пропадаютъ даромъ, напротивъ иногда принимаются, всходятъ, растутъ и даютъ обильные плоды (Лук. 8, 5—15). Притомъ же сѣмена эти всходятъ и даютъ плоды на землѣ, повидимому, неудобной и почти ни къ чему доброму непригодной, по крайней мѣрѣ не приготовленной предварительно къ произращенію плодовъ сердечной вѣры, спасенія...

Лѣтомъ прошлаго (1877) года странники приходили изъ Россіи въ Сибирь для поклоненія немногимъ сибирскимъ святымъ (напр. епископу Иннокентію Иркутскому чудотворцу, страдальцу Василию Мангазейскому, Верхотурскому Симеону праведному) и святынямъ. Побывавши между прочимъ въ Абалацкомъ монастырѣ, что близъ Тобольска*), и помолившись находящейся тамъ чудотворной иконѣ Божіей Матери, отъ мѣста своего нахожденія называющейся Абалацкою**), они приобрѣли тамъ и описаніе сей иконы

*) Въ 25 верстахъ отъ сего города по Сибирскому тракту, на высокомъ (правомъ) берегу Иртыша, не вдалекѣ (верстахъ въ 7 или 6) отъ Абалацкаго монастыря находятся остатки Кучумова городища: Искера.

**) Абалацкая икона Божіей Матери—таже что и Знаменская новгородская. Приснодѣва на той и другой иконѣ изображается съ распростертыми и воздѣтыми къ небесамъ дланями, а Предвѣчный Младенецъ пишется не родившимся, а только воплотившимся и еще находящимся во утробѣ Богоматерней. Отличіе же Абалацкой иконы отъ Знаменія Божіей Матери единственно то, что на Абалацкой, по сторонамъ Приснодѣвы изображаются предстоящіе, по правую—свят. и чудотворецъ Мирликійскій Николай, а по лѣвую—преп. Марія Египетская. Абалацкая икона Божіей Матери была написана въ 1636 году и съ этого самаго года стала славиться чудотвореніями. Читается она во всей Сибири.

и бывшихъ отъ нея чудотвореній, напечатанное подъ названіемъ: *Сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою, и о важнѣйшихъ копіяхъ съ нея, съ изображеніемъ чудотворной Абалацкой иконы.* На возвратномъ пути изъ Сибири странники около 9 августа пришли въ Нижній-Новгородъ. Такъ какъ день клонился уже къ вечеру, то усталые путники и рѣшили въ Нижнемъ-Новгородѣ почевать. Имъ дала пріютъ одна бѣдная, по богобоязненная солдатка, Глафира Григорьева Иванова. Утромъ слѣдующаго дня, на прощаніѣ странники, въ знакъ благодарности, оставили солдаткѣ Ивановой книжку, купленную ими въ Абалацкомъ монастырѣ. Странники оставили книжку съ замѣчаніемъ, что въ ней разсказывается о многихъ чудесахъ отъ многотимой, находящейся въ Сибири, Абалацкой иконы Божіей Матери, и съ совѣтомъ читать ее. Но солдатка положила книжку у иконъ и недѣли три не обращала на нее никакого вниманія, какъ бы забыла ее совсѣмъ. Но вотъ она вспомнила о ней, стала читать ее, но сначала читала только понемногу и какъ-то разсѣянно, потомъ читала уже поболѣе и усерднѣе и наконецъ прочитала ее всю. За симъ богобоязненной Глафирой овладѣла какая-то особенная ревность всѣмъ больнымъ, какихъ только она въ городѣ встрѣчала, сообщать о имѣющей у нея книжицѣ, предлагать имъ читать о разсказываемыхъ въ ней чудесахъ, совѣтовать заказывать списки съ Абалацкой иконы Божіей Матери *)

*) Женщина такой совѣтъ предлагала потому, что, какъ она читала въ книжицѣ, во время написанія Абалацкой иконы Божіей Матери (въ 1836 г.), исцѣлѣлъ заказавшій написать ее больной цѣлый годъ разслабленіемъ всего тѣла, подгородній крестьянинъ, по имени Евоній. Въ книжкѣ разсказывается также, что по написаніи копій съ чудотворной Абалацкой иконы и усерднаго моленія исцѣлѣли: 1) въ 1675 г. жена тобольскаго воеводы боярыня Салтыкова и 2) крестьянка села Бороваго, что близъ гор. Ишима, Симонова, въ 30 годахъ прош. столѣтія. См. сказаніе о Абалацкой иконѣ Божіей Матери. Изд. 5-е 1877 года, стр. 9, 27 и 45.

(по имѣющемуся при книжкѣ изображенію сей иконы) и съ усердіемъ молиться предъ ними Владычицѣ небесной. Ревность, одушевленіе разсказчицы сообщились больнымъ, нуждающимся въ небесной помощи, а равно и окружавшимъ ихъ роднымъ; они брали книжку, читали ее, поручали иконописцамъ писать копіи съ Абалацкой иконы Божіей Матери, освящали ихъ, чрезъ кого слѣдуетъ, молились и по вѣрѣ, по усердію своему, получали благодатную помощь въ обдержавшихъ ихъ недугахъ; словомъ— по молитвамъ Пресв. Богородицы предъ копіями съ Абалацкой ея иконы надъ болящими совершались благодатныя явленія.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ явленій:

1. Въ томъ же домѣ, въ которомъ квартировала названная выше солдатка Глафира Иванова, квартировалъ 17-лѣтній мальчикъ Алексѣй Гагаринъ, у котораго два уже года болѣла нога; онъ, какъ говорится, не зналъ какъ и куда положить ногу и ходилъ съ великимъ трудомъ и не иначе какъ съ помощію костыля. Онъ и лѣчился; но лѣкаря и лѣкарства нисколько не помогали, такъ что опасались, какъ бы не довелось ногу отпиливать. Богобоязненная и сострадательная солдатка, когда уже прочитала всю книжицу о чудотворной Абалацкой иконѣ, пришла къ больному мальчику и сказала: «Алексѣй, доколѣ тебѣ страдать и безъ пользы тратиться на лѣкарства? Я бы совѣтовала тебѣ дать обѣщаніе написать икону Абалацкой Божіей Матери; быть можетъ, болѣзнь и прошла бы; вотъ почти въ началѣ этой книжки (а она держала въ рукѣ сказаніе о Абалацкой иконѣ Божіей Матери) разсказывается, какъ подгородный (гор. Тобольска) крестьянинъ Евенмій, бывшій цѣлый годъ въ разслабленіи, далъ обѣщаніе написать Абалацкую икону и вскорѣ получилъ совершенное исцѣленіе. Мальчикъ съ радостію принялъ совѣтъ; только при этомъ сказалъ: по съ чего же мы напишемъ икону? «А вотъ съ этого изображенія, которое приложено къ книжкѣ» (при чемъ она

и показала больному изображеніе Абалацкой Богородичной иконы). Мальчикъ обратился къ матери съ просьбою заказать икону; мать сначала не соглашалась было, отговариваясь неимѣніемъ денегъ, потомъ согласилась и икона въ тотъ же день была заказана. И что же? Мальчикъ Алѣксѣй Гагаринъ на третій же день не сталъ чувствовать никакой боли въ ногѣ, выздоравливалъ до того, что самолично отправился для принесенія за исцѣленіе благодаренія небесной Заступницѣ въ соборъ къ акаоисту, совершаемому тамъ въ честь Божіей Матери въ положенное время еженедѣльно. Изъ собора бывшій больной возвратился безъ костыля: его тамъ онъ забылъ. Икона Абалацкой Божіей Матери была окончена письмомъ и принесена въ домъ къ Гагаринымъ въ Покровъ пресв. Богородицы. Въ этотъ же праздникъ въ квартирѣ Гагариныхъ была отслужена всенощная и совершенъ съ водосвятиемъ молебенъ Божіей Матери.

2. Въ квартирѣ Гагариныхъ чрезъ непродолжительное время совершилось и другое исцѣленіе, хотя въ другомъ родѣ и именно нравственное... Отецъ бывшаго больного Алексѣя цѣлѣя 9-ть лѣтъ велъ жизнь въ высшей степени нетрезвую и беспорядочную, и во всѣ эти 9 лѣтъ ни разу не бывалъ у исповѣди и свят. причастія. Но необычайное выздоровленіе сына, постоянное присутствіе въ компаніи новой, неслыханной прежде для нижегородцевъ иконы и, конечно, горячія молитвы небесной Владычицѣ жены и сына, а, быть можетъ, по временамъ и самаго нравственно больного произвели то, что Гагаринъ отецъ съ января мѣсяца прекратилъ пьянство, сталъ жить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, а въ началѣ апрѣля уже и говѣлъ.

3. У одной бѣдной женщины, по смерти мужа ея, родные мужа отняли все имѣніе, какое только осталось послѣ покойнаго, даже выгнали ее изъ дома. По совѣту добрыхъ людей, она дала обѣщаніе написать икону Божіей Матери, называемую Абалацкою; икона, согласно обѣща-

нію, была написана; послѣ чего все имѣніе возвращено ей назадъ. Такимъ образомъ и эта бѣдная, но набожная женщина, по молитвѣ предъ Абалацкою Богоматернею иконою, исцѣлѣла отъ болѣзни сердца, отъ скорби душевной.

4. У жены служащаго въ домѣ весьма достаточнаго жителя Нижняго Новгорода г. Губина, Тарасія Семенова, именемъ Екатерины заболѣла послѣ родовъ нога. Цѣлыя шесть лѣтъ страдала отъ боли въ ногѣ ни днемъ, ни ночью не знала покоя. Разъ, когда страданія ея были особенно сильны, пришла къ ней по знакомству уже неоднократно нами упомянутая солдатка Глафира Иванова. Видя страданія и слыша стоны больной Семеновой, Иванова начала говорить ей о чудесахъ отъ Абалацкой иконы Божіей Матери, описанныхъ въ Сказаніи о ней, а также и о благодатныхъ явленіяхъ, чрезъ нее совершающихся въ самомъ Нижнемъ, при чемъ предлагала ей съ мужемъ прочитать и книжку о святой иконѣ. Семеновы охотно приняли предложеніе; книжка имъ была принесена и ими съ усердіемъ прочитана, и затѣмъ ими была заказана для написанія икона Абалацкой Божіей Матери. Икона эта еще не была окончена письмомъ, какъ боль въ ногѣ у Екатерины Семеновой прекратилась, такъ что нога у нея какъ будто и никогда не болѣла. Когда же икона была написана и доставлена въ домъ Семеновыхъ, тогда послѣдніе, чрезъ кого слѣдуетъ, освятили ее, молебствовали предъ ней. Болѣвшая ногой 6-ть лѣтъ Семенова освободилась отъ болѣзни въ декабрѣ прошлаго года; а пишущему хорошо извѣстно, что болѣзнь къ ней, по милости Божіей и заступленію Божіей Матери, не возвращалась и въ мартѣ настоящаго года.

5. Сама богобоязненная солдатка Глафира Иванова въ продолженіе двухъ лѣтъ страдала болью сердца и боль эта чувствовалась ею особенно въ праздничные дни. Совѣтуя другимъ давать обѣщаніе писать иконы Абалацкой Божіей Матери и усердно молиться предъ ними, она и сама рѣшилась заказать написать такую икону. Но мужъ

ся, котораго она стала просить о написаніи иконы, от-казалъ ей въ просимомъ, отзываясь пеймѣніемъ денегъ. Что же? Вскорѣ послѣ того мужъ Глафиры пошелъ на базаръ и у него вытащили изъ кармана 3 руб. сер. Послѣ возвращенія съ базара домой, онъ разсказалъ о случившемся съ нимъ женѣ, позналъ грѣхъ свой и немедленно заказалъ написать икону Божіей Матери, именуемую Абалацкою. Когда икона была написана и освящена (въ соборѣ), боль въ сердцѣ у названной женщины совершенно прекратилась, а мужъ ея, кромѣ того получившій еще таинственное наставленіе во снѣ быть особенно усерднымъ къ своей работѣ и теплить по временамъ предъ иконою лампаду, съ тѣхъ поръ началъ питать къ Абалацкой святынь особенное благоговѣніе.

Были и другія благодатныя явленія въ Нижнемъ Новгородѣ отъ Абалацкой иконы Божіей Матери, хотя менѣе разительныя предъидущихъ.

Вслѣдствіе появленія книжницы: «Сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Абалацкою», а главное вслѣдствіе благодатныхъ явленій, совершавшихся надъ молившимися предъ описанною въ ней Абалацкою иконою или лучше предъ копіями съ нея, въ Нижнемъ Новгородѣ сихъ копій въ концѣ марта настоящаго года было написано уже до 40, а къ половинѣ апрѣля и до 50-ти *). Вслѣдствіе того же къ сочинителю *Сказанія о чудотворной Абалацкой святынь* съ февраля мѣсяца стали присылаться на его имя деньги на елей въ неугасимую лампаду, которая горитъ предъ подлинною Абалацкою иконою Божіей Матери, также на совершеніе предъ сею иконою молебствій съ водосвятиемъ и поминовеніемъ

*) Все доселѣ сказанное о появленіи въ Нижнемъ Новгородѣ сказанія о Абалацкой иконѣ Божіей Матери, о написаніи копій съ Абалацкой иконы и совершеніи благодатныхъ чрезъ нихъ явленій надъ разными лицами, мною заимствовано изъ писемъ ко мнѣ трюихъ нижегородскихъ обывателей: Ив. Еф. Панова, Тар. Семенова и и Фед. Сыромятникова.

на эктеніяхъ сихъ молебствій о здравіи и спасеніи лицъ усердствующихъ къ Абалацкой святынѣ и ихъ сродниковъ; даже пачали изъявляться желанія получать копіи съ Абалацкой Богоматерней иконы съ мѣста, т.-е. изъ самаго Абалацкаго монастыря, или по крайней мѣрѣ изъ сосѣдняго съ нимъ гор. Тобольска. Само собою разумѣется, что деньги на елей въ неугасимую лампаду и на молебны были отправлены въ Абалацкую обитель и тамъ, какъ пишущему это хорошо извѣстно, онѣ употреблены по назначенію.

Не правда ли, что и въ мірѣ духовномъ есть птицы и вѣтры (хотя бы то напр. странники, о которыхъ и въ печати и внѣ печати по временамъ распускаются невыгодные слухи), есть, говорю, птицы и вѣтры, которые сѣютъ сѣмена слова Божія и правила доброй нравственности, которыя далеко и далеко разносятъ благоговѣйныя чувствованія и свѣдѣнія о святыхъ и святыняхъ земли Русской и вообще православной Церкви?! Не правда ли, что и на почвѣ плохой, дурно воздѣланной въ духовномъ отношеніи, не всегда пропадаютъ сѣмена слова Божія, занесенныя тѣми птицами и вѣтрами, и что напротивъ и на пей возрастаютъ нескудныя духовныя плоды?!

Прот. Александръ Сулоцкий.

23 іюня 1878 г.

Омскъ.

ОТЕЦЪ ИЛАРІОНЪ. АРХИМАНДРИТЪ ТРОИЦКАГО, ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.

Отецъ архимандритъ Иларіонъ, настоятель Троицкаго Данилова монастыря въ Переславлѣ Залѣсскомъ Владимірской губерніи, принадлежитъ къ тѣмъ свѣтлымъ личностямъ православнаго монашества русскаго, память о которыхъ достойна сохраненія для всеобщаго назиданія.

Архимандритъ Иларіонъ происходилъ, какъ значится въ его послужномъ спискѣ за 1876 годъ, изъ духовнаго званія, Владимірской губерніи. Родился онъ въ 1818-мъ году. Воспитаніе и образованіе получилъ во Владимірской духовной семинаріи. Окончивъ въ ней курсъ, онъ по желанію своему былъ опредѣленъ въ число послушниковъ Владимірскаго архіерейскаго дома въ Рождественскомъ монастырѣ въ 1843 году ноября 18-го дня. 23-го марта 1844 года онъ посвященъ въ стихарь отъ преосвященнаго Паренія, архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго. Тотъ же владыка благочестиваго послушника, по его постриженіи въ монашество, послѣдовавшемъ 13-го іюня 1847 года, удостоилъ произвести во іеродіакона 21-го сентября того же года. А въ слѣдующемъ 1848-мъ году іюля 11-го дня рукоположилъ во іеромонаха. Молодой іеромонахъ столь глубоко сохранялъ между братією монастыря смиренномудріе, что можно было о немъ думать, какъ о монахѣ изъ неученыхъ. Онъ твердо помнилъ слова свят. Іакова Апостола: *не мнози учителя бывайте, братіе моя, вѣдаяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси. Аще кто въ словъ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло* (Іак.

1—2). И потому хранилъ въ монастырѣ глубокое молчаніе. Но тамъ, гдѣ можно было, не нарушая закона смиренія и безмолвія иноческаго, отверзая уста въ поученіяхъ о славѣ Божіей, о. Иларіонъ не молчалъ. Зная о его свѣтломъ умѣ и искреннемъ благочестіи, нѣкоторые даже изъ иновѣрцевъ искали у него себѣ наставленій о христіанскомъ благочестіи, и его бесѣда о вѣрѣ съ таковыми столь была сильна, что сіи почтенные и по званію въ обществѣ, и по образованію люди привлекались имъ къ общенію съ православною Церковію, усердно посѣщали храмъ Рождественскаго монастыря, вмѣстѣ съ своими православными родными. Изъ таковыхъ памятенъ намъ особенно одинъ благочестивый католикъ Ка — кій, котораго семейство — жена и дѣти православнаго исповѣданія всѣ отличались глубокою религіозностію. Подобныхъ людей о. Иларіонъ изрѣдка посѣщаль самъ. Кромѣ ихъ, онъ навѣщаль лицъ, о которыхъ зналъ, что они въ больномъ находятся горѣ. Къ такимъ приходъ его былъ обыкновенно неожиданенъ, какъ явленіе добраго Ангела. По входѣ въ домъ, іеромонахъ надѣваль эпитрахиль, совершалъ краткое молитвословіе, и по окончаніи молитвы высказывалъ слово утѣшенія, которое было такъ одушевленно, что сердца поникшія отъ печали удобно восперялись надеждою на Господа и долго, долго за тѣмъ вспоминали съ благодарностію посланнаго къ нимъ Его провидѣніемъ утѣшителя. Послѣ неожиданнаго визита онъ скрывался, подобно ангелу, и можно было имъ видѣть его развѣ только въ богослуженіи. Келлія его обыкновенно была посѣтителямъ мало доступна, кромѣ немногихъ его знакомыхъ изъ духовенства и людей свѣтскаго званія. Да и эти удостоивались пріема отъ него только въ великіе праздники обители, или въ день его ангела. Въ его кельѣ было мѣсто другихъ бесѣдъ, бесѣдъ съ Господомъ Богомъ, св. Ангелами и святыми. Послѣ богослуженія въ храмѣ, о. Иларіонъ заключался на вечеръ и ночь въ кельѣ безвыходно, и здѣсь послѣ занятій чтеніемъ книгъ душе-

спасительныхъ—предавался пламенной молитвѣ. Разъ въ 9-ть часовъ вечера пришелъ къ пишущему это близкій родственникъ, почтенный чиновникъ А. А. С—цкій и разсказалъ вотъ что: «нынѣ положилъ я изъ присутствія въ 8 часовъ зайти къ уважаемому моему товарищу по семинаріи, о. Иларіону, котораго весьма давно не навѣщалъ. Хотѣлось мнѣ поговорить съ нимъ. Но Богъ не привелъ». Почему? спросили мы. «Да вотъ почему: подошелъ я къ его кельѣ ровно въ 8 часовъ, какъ предположилъ. Но услыхавъ, что о. Иларіонъ произноситъ молитвы, хотѣлъ я обождать, пока онъ помолится. Къ сожалѣнію, не имѣлъ терпѣнія. Думаю, и теперь молитва его не окончилась. И если бы вы знали, родные мои, какъ молится онъ! Если бы вы слышали его рыданія, біенія въ перси, вздохи,—вамъ также нельзя было бы рѣшиться прервать столь священную молитву, какъ не рѣшился и я»... Объ искренности молитвы о. Иларіона можно было судить и богомольцамъ храмовъ Свято-рождественскаго монастыря. Здѣсь о. Иларіонъ, кромѣ исправленія своей очереди седмичнаго іеромонаха, и въ свободныя седмицы выходилъ читать на клиросѣ повечерніе каноны по Октоиху Божіей Матери. Каждый тропарь этихъ глубоко-умилительныхъ и въ высшей степени утѣшительныхъ пѣснопѣній св. Іоанна Дамаскина въ чтеніи о. Иларіона съ особенною силою впечатлѣвался въ душахъ слушателей богослуженія; св. печаль по Бозѣ благодатно проникала въ сердце и извлекала изъ очей слезы покаянія.

Кромѣ подвиговъ молитвы, о. Иларіонъ мужественно несъ все другіе подвиги монашества. Въ послушаніи настоятелю, которымъ былъ казначей архіерейскаго дома, онъ былъ образцомъ для братіи. Въ воздержаніи и постѣ также. Не только водки, а и винограднаго вина онъ никогда, кромѣ богослуженія, не употреблялъ. Привычки къ нюханію или куренію табаку не зналъ онъ и до поступленія въ монахи. Чай пивалъ только съ гостями, или когда самъ бывалъ въ гостяхъ, что бывало весьма рѣдко. Несмотря однако

на лишенія, какимъ онъ подчинялъ свое тѣло, въ немъ никогда не замѣтно было для стороннихъ его доброе подвижничество. Нѣкоторые, разсуждая съ друзьями о благотворномъ для самаго тѣлеснаго здоровья дѣйствиі жизни подвижнической, указывали въ примѣръ на крѣпость силъ о. Иларіона, какъ извѣстнаго всѣмъ подвижника. На лицѣ доблестнаго священноинюка никогда не замѣчаемо было и тѣни какой бы то ни было печали, хотя, конечно, не безъ скорбей протекала истинно христіанская жизнь его. Напротивъ, духовная радость всегда печатлѣлась на его кроткой, благородной и привѣтливой фізіономіи. Тоже свято-радостное настроеніе души проявлялось всегда и въ тоиѣ бесѣды о. Иларіона съ близкими.—Въ кельѣ о. Иларіона, состоявшей изъ одной комнаты, было все просто и неизысканно, но необыкновенно опрятно. Онъ любилъ читать книги, но бралъ ихъ изъ церковной бібліотеки, либо у знакомыхъ наставниковъ семинаріи. Своя бібліотека у него была небольшая. Въ одеждѣ ограничивался самымъ необходимымъ. Денегъ никогда не хранилъ. Ибо всѣ скудные доходы свои монастырскіе раздавалъ частію бѣднымъ своимъ родственникамъ, ученикамъ семинаріи Владимірской, частію тѣмъ бѣднякамъ въ городѣ, о безпомощномъ положеніи коихъ узнавалъ. Къ таковымъ самъ обыкновенно принашивалъ въ ихъ квартиры пособія отъ своего усердія, иногда и отъ усердія другихъ. Уважаемый и любимый Владимірцами тогдашній о. протодіаконъ каѳ. соб. В. Парвицкій, имѣвшій способность выражаться стихами, однажды, когда при немъ зашла рѣчь о монахахъ архіерейскаго дома, о нестяжательности о. Иларіона сдѣлалъ въ шутку такое замѣчаніе: «о. Иларіонъ имѣеть денегъ милліонъ».

Все духовенство г. Владиміра любило и уважало добрѣйшаго іеромонаха архіерейскаго дома. О. Иларіона любили и почитали также его монастырскіе братія, особенно высокочтимый тогдашній духовникъ архіерейскаго дома и

ставленниковъ о. Іоанникій *). Одинъ изъ ректоровъ Владимірской семинаріи, нынѣ архіепископъ, сдѣлалъ о. Иларіона довѣреннымъ лицомъ, для совершенія по городу тайныхъ благодѣяній.

Въ 1854 году декабря 19-го іеромонахъ Владимірскаго архіерейскаго дома, о. Иларіонъ отъ преосвященнаго епископа Іустина награжденъ былъ, за отличное поведеніе и ревностное служеніе набедренникомъ. Въ 1857 году марта 6-го дня указомъ консисторіи онъ опредѣленъ строителемъ Николо-Шартомскаго монастыря и, въ память войны 1853—1856 годовъ, въ томъ же году іюня 7 награжденъ бронзовымъ на Владимірской лентѣ наперснымъ крестомъ. Октября 1-го 1861 года Николо-Шартомскій строитель, за усердную и полезную службу, возведенъ преосвященнѣйшимъ Іустиномъ въ санъ игумена; 23 ноября 1862 года указомъ консисторіи опредѣленъ исправляющимъ должность благочиннаго монастырей; 13 января 1865 года указомъ консисторіи ему объявлена благодарность за стараніе при постройкѣ монастырской ограды и симъ же указомъ опредѣленъ онъ полнымъ благочиннымъ. За ревность и усердіе въ прохожденіи возложенныхъ на него должностей о. Иларіонъ пожалованъ золотымъ наперснымъ крестомъ въ 1866 году іюня 18 и вмѣстѣ съ тѣмъ указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода перемѣщенъ въ настоятеля Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря. А въ октябрѣ того же 1866 года 13 октября, по указу Святѣйшаго Синода, возведенъ въ санъ архимандрита высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ Антоніемъ. Сентября 13-го 1868 г. указомъ консисторіи опредѣленъ благочиннымъ монастырей и старшимъ архимандритомъ по г. Переславию. Въ 1870 г. апрѣля 12 дня, по засвидѣтельствованію Святѣй-

*) Объ этомъ старцѣ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены въ „Воспоминаніяхъ священника о монастырѣ Успенскомъ“, напечатанныхъ въ Душешол. Чт. за 1873-й годъ, ч. I, стр. 100.

шаго Синода объ отличной усердной службѣ, всемилостивѣйше сопричисленъ къ императорскому ордену святыя Анны третейсй степени, а 4 апрѣля 1876 года, по засвидѣтельствванію Святѣйшаго Синода объ отлично-усердной службѣ всемилостивѣйше сопричисленъ къ императорскому ордену святыя Анны второй степени. Таково содержаніе послужнаго списка о. архимандрита Даниловскаго Иларіона. Быстро возвышаемый въ должностяхъ и отличасмый почестями, онъ не измѣнялся въ настроеніи души своей и въ отношеніяхъ къ людямъ. Къ почести вышняго званія устремлялась душа боголюбиваго священноархимандрита, а не земныхъ отличій жаждала. Помышляя всегда о близости къ каждому смертнаго часа, о. Иларіонъ въ 1874 году декабря 30 въ праздникъ преподобнаго Даниила переславскаго чудотворца, совершая молебное пѣніе преподобному предъ нетлѣнными и чудотворными его мощами, возымѣлъ предчувствіе о недалекой собственной кончинѣ и въ тотъже день написалъ духовное завѣщаніе. Вотъ извлеченіе изъ сего завѣщанія: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Душе моя окаянная, душе страстная, ужаснися часа смертнаго! Увы, како предстану Судіи праведному? Тмами обѣщахъ страстный покаяніе, но солгахъ окаянный. Убійца явлься древле и братубійца Каинъ, Богомъ проклять бысть: что же восприму вседерзый? Носяй храмъ тѣлесный, весь оскверненный, иждихъ всю жизнь въ лѣности, небреженіи, въ усыпленіи, въ многоразличныхъ и неистовыхъ помыслахъ. Никтоже согрѣши на земли отъ вѣка, какъ прегрѣшилъ я окаянный и блудный. Отцы, братія и всѣ знаеміи, благословите, простите меня перваго отъ грѣшныхъ и помолитесь, прошу васъ изъ глубины души, да не низведенъ буду на мѣсто мученія. Прощаю и я всѣхъ любовію святою.—Все, чтѣ стяжалъ изъ одежды, бѣлья и другихъ вещей, все это отъ щедротъ Царицы небесной, снабженіе Богоноснаго отца нашего Даниила и плодъ священной любви любящихъ меня во Христѣ. Но злата и серебра не приобрѣлъ ничего: никто

да трудится по смерти моей, испытую или взыскаю какого-либо тайнаго моего собранія. Входящая въ рудѣ мои доходность и подаваніе отъ благодѣтелей истощевалъ издавна то на свои потребности, то на нужды нуждающихся, идѣже Богъ повелѣ. Присовокупляю, яко человекъкъ, если владычествующимъ и право правящимъ благоугодно будетъ, то простираю глубокую свою мольбу, все оставшееся (ниже значащееся) скудное послѣ меня имущество, предоставить моимъ роднымъ по плоти. Пусть возьмутъ на память и раздѣляютъ миролюбно, честно и искренно. Любовь—союзъ совершенства. Господи, пріими вопль души моей».

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ свѣдѣнія объ о. Иларіонѣ за время его настоятельства въ Даниловскомъ переславскомъ монастырѣ, сообщенныя намъ его келейникомъ, тогоже монастыря монахомъ, нынѣ іеродіакономъ, о. Иннокентіемъ. «По чувству сыновней признательности, пишетъ къ намъ о. Иннокентій, поставляю себѣ въ обязанность представить воспоминаніе о жизни покойнаго настоятеля Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря, о. архимандрита Иларіона, у котораго прожилъ я 10 лѣтъ и 4 мѣсяца келейникомъ. Въ продолженіе столь значительнаго времени много я видѣлъ добраго и назидательнаго для себя и для другихъ въ его жизни. Покойный о. архимандритъ былъ строгъ какъ къ себѣ, такъ и къ прочимъ, живущимъ во вѣрнной ему обители. Отъ всѣхъ онъ требовалъ того, что самъ дѣлалъ. При всей слабости своего здоровья, онъ всю жизнь свою посвятилъ на служеніе Богу. Особенно онъ ревновалъ о молитвѣ; въ продолженіе десятилѣтняго моего при немъ пребыванія о. архимандритъ ни одной службы въ году не пропускалъ, развѣ по крайней нуждѣ и сильной болѣзни. Когда болѣзнь заставляла его сидѣть въ кельѣ, то онъ постоянно про себя говорилъ: «что-то дѣлается въ церкви,—какъ служба идетъ? Вѣдь что ни дѣлается въ монастырѣ безпорядочное, за все настоятеля винять». Покойный не считалъ тотъ день днемъ радостнымъ

для себя, въ который не побываетъ въ церкви. Служенію былъ ревнитель: ни одного воскреснаго дня, равно и праздниковъ не пропускалъ безъ своего служенія, и всегда служилъ съ истиннымъ усердіемъ и со слезами, чему постоянно сослужащіе ему іеромонахи были свидѣтелями. За торопливое пѣніе постоянно выговаривалъ послѣ служенія. Если въ церкви не было никого изъ обычныхъ посѣтителей настоятельскихъ келлій, особенно благодѣтелей обители, то оставался въ храмѣ послѣ совершенія литургіи на часъ для чтенія акаѳистовъ. Никто въ храмѣ съ нимъ не оставался,—онъ запиралъ храмъ самъ. Часто служилъ въ будни съ однимъ череднымъ іеромонахомъ. Въ ночь наканунѣ служенія онъ имѣлъ обыкновеніе не спать и проводилъ всю ночь въ чтеніи правила. На первыхъ порахъ моего пребыванія у него онъ укрывался отъ меня,—я не могъ видѣть, какъ онъ проводилъ время. Мнѣ, какъ молодому человѣку и малоопытному въ монашеской жизни, и на мысль не приходило, чтобы готовящемуся къ служенію можно было всю ночь читать правило; не болѣе двухъ часовъ, казалось мнѣ, достаточно посвятить на это. Въ первый разъ мнѣ пришлось, на 5 году моей жизни у него, видѣть нечаянно его ночныя молитвы. Въ 12 часу ночи мнѣ захотѣлось пить, я тихонько пошелъ въ кухню напиться; въ это время у о. архимандрита въ спальнѣ были двери не притворены; онъ не слышалъ, какъ я прошелъ; вижу его лежащимъ предъ иконою въ мантии и эпитрахили. Это меня изумило, я даже подумалъ, не умеръ ли онъ; изъ кухни я пошелъ скорѣе; онъ знать услышалъ мой шорохъ, всталъ и началъ молиться на колѣнахъ. Я про себя подумалъ: вотъ что значитъ быть монахомъ; монаху непрестанно надо молиться. Послѣ этого разу, я часто его видалъ проводящимъ время въ такомъ положеніи.—Чтенія церковнаго онъ требовалъ неспѣшнаго; кто изъ чтецовъ торопился, такого часто останавливалъ или смѣнялъ и самъ читалъ; каноны во всѣ 10 лѣтъ правленія Даниловымъ монастыремъ самъ читалъ въ будни и праздники; въ святую

четырдесятницу, постоянно въ среду и пятокъ совершалъ преждеосвященную литургію. Самъ очень часто читалъ часы и каѳизмы; во время службы никогда не садился. Очень строгъ былъ къ нарушающимъ монастырскіе порядки; ходилъ къ утренямъ первый, часто начиналъ самъ читать полунощницу; кто изъ братій не приходилъ въ церковь къ богослуженію по лѣни или другой какой немощи, за тѣмъ посылалъ; если тотъ не являлся, самъ ходилъ и дѣлалъ ему еѣ храмѣ выговоры. Часто говорилъ въ храмѣ всему братству: «вы отцы и братія не ропщите на меня, что я васъ понуждаю къ молитвѣ; я самъ первый лѣптяй, но желаю вамъ душевнаго спасенія; вы должны въ храмъ ходить не принужденно, но добровольно, и не тогда только, когда настоятель въ церкви. Вы не ради меня ходите въ храмъ, а ради своего спасенія». Про себя онъ говорилъ: «я здѣсь не кто иной, какъ приставникъ, а настоятель у насъ здѣсь преподобный Даніиль». Часто въ храмѣ обращался съ назиданіемъ ко всѣмъ, особенно къ нарушающимъ порядокъ церковный. Читалъ въ храмѣ и въ братской трапезѣ книги о подвигахъ благоугодившихъ Богу святыхъ. Иные изъ иноковъ не цѣнили его ревности о спасеніи ихъ и называли его суровымъ настоятелемъ. Но онъ строгъ былъ только къ неисправнымъ; кто изъ иноковъ велъ себя трезво, честно, послушаніе несъ съ усердіемъ, таковыхъ о. архимандритъ любилъ, тайно вознаграждалъ; они и сейчасъ чтутъ и поминаютъ его какъ отца и благодѣтеля. Нестязательность его доходила до крайности. Часто онъ не имѣлъ рубля денегъ, но любилъ помогать нуждающимся. Часто самъ ходилъ версты за 4 пѣшкомъ, къ бѣднымъ, относилъ имъ чаю и сахару, давалъ денегъ на хлѣбъ и дрова. Многіе приходили къ нему за совѣтами; онъ всѣхъ принималъ: иноковъ и инокинь и мірянъ; но только всѣмъ говорилъ: «какой я паставникъ? Я первый изъ грѣшныхъ; мнѣ падо у васъ учиться». Впрочемъ насколько могъ, всѣхъ онъ успокоивалъ. Въ кельѣ онъ никогда не имѣлъ отдыха, большую часть времени про-

водилъ въ чтеніи или въ письмѣхъ по дѣламъ монастырскимъ, или писалъ отвѣты тѣмъ лицамъ, кои къ нему обращались за совѣтами. Таковыхъ не мало было изъ Шуйскаго купечества, такъ какъ онъ былъ Николо-Шартомскаго монастыря настоятелемъ, отъ Шуи въ 12-ти верстахъ. Покойникъ питалъ глубокую сыновнюю любовь и преданность къ архіепископу Леонтію Варшавскому, съ которымъ имѣлъ частую переписку; равно глубоко любилъ и своего архипастыря Антонія, архіепископа Владимірскаго, который въ 1872 году подарилъ ему изъ своихъ рукъ большой свой портретъ. Покойникъ въ праздники, послѣ всенощныхъ бдѣній, придетъ бывало въ келлію, помолится предъ иконами, потомъ поцѣлуетъ портретъ владыки, якобы лично принималъ отъ его преосвященства благословеніе; тоже дѣлалъ въ праздники послѣ литургіи. Разъ, я помню, было отъ владыки предписаніе, чтобы о. архимандритъ немедленно съѣздилъ куда-то и произвелъ слѣдствіе; архимандритъ былъ нездоровъ; не взирая на нездоровье и даже на воспрещеніе доктора, покойный рѣшился ѣхать, говоря: «какъ не ѣхать, этимъ можно владыку обидѣть». По службѣ благочиннаго онъ всегда былъ точенъ и исполнительенъ.—За недѣлю до смерти, 1-го октября о. архимандритъ служилъ въ своемъ монастырѣ соборнѣ; 2-го числа былъ у утрени, читалъ канонъ самъ; пришедши отъ утрени, почувствовалъ себя слабымъ; въ 11 часовъ дня послалъ за докторомъ, но помощь его не была полезна. Въ 3 часа и 25 минутъ за полдень отецъ Иларіонъ скопчался въ присутствіи о. казначея, которому дѣлалъ распоряженія насчетъ соборнаго служенія: такъ какъ это было въ субботу на воскресенье. Послѣ этого распоряженія три раза дохнулъ и Богу душу отдалъ.—Пищу онъ употреблялъ очень простую и одинокъ разъ въ сутки. Въ великій постъ на первой и послѣдней недѣлѣ изъ вареной пицци ничего не употреблялъ, кромѣ чаю послѣ вечерни съ чернымъ хлѣбомъ; въ лѣтніе дни и мѣсяцы по нездоровью иной разъ ѣздилъ въ лѣсъ для пользованія себя воздухомъ.

Покойный архимандритъ въ послѣднее время терпѣлъ клевету по тому поводу, что посѣщаль дома бѣдныхъ, но благочестивыхъ людей; но покойный на это не обижался, говоря: «Христось Сынъ Божій, воплощенная Любовь, чего ни терпѣлъ, чего про Него ни говорили, наконецъ и ко кресту пригвоздили, а мнѣ, окаянному, еще мало за мои грѣхи». Сильно онъ благоговѣлъ предъ угодникомъ Божиимъ. Ни одного дѣла не дѣлалъ, не отслуживъ молсбна преподобному Даниилу. На сутки куда отлучался изъ монастыря, и то молебень служилъ».

Миръ душѣ неутомимаго молитвенника и смиреннаго подвижника!

Протоіерей Н. Флоринскій.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ БИБЛЕЙСКИХЪ ПОВѢСТВОВАНІЙ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Столпотвореніе.

Столтъ умудрила еси создати, о душе, и утвержденіе (твердыню) водрузити твоими похотьми, аще не бы Зиждитель удержалъ (обуздалъ) совѣты (замыслы) твоя и низвергъ на землю ухищренія твоя (Быт. 11, 3).

Послѣ потопа родъ человѣческой началъ размножаться отъ троихъ сыновей Ноя. И чѣмъ больше размножались люди, тѣмъ дальше другъ отъ друга расселялись, сохраняя однако общій, наслѣдованный отъ этого родоначальника языкъ. Это расселеніе не благопріятствовало мечтамъ тѣхъ изъ потомковъ Ноевыхъ, именно происшедшихъ отъ Хама, которые хотѣли забрать подъ свою власть всѣ племена людскія. Ихъ властолюбіе не остановилось однако предъ этимъ препятствіемъ. Они придумали соорудить городъ

или крѣпость и столпъ или башнк, чрезвычайно высокую, и эту крѣпость и столпъ сдѣлать средоточіемъ, откуда бы они могли простираеть власть свою на всѣхъ людей до крайнихъ предѣловъ ихъ обитанія. Виновники этого предпріятія обманомъ привлекли къ участию въ немъ и тѣхъ, кого хотѣли поработить себѣ, — они скрыли отъ нихъ настоящую цѣль предпріятія, сказавъ имъ: *сотво-римъ себѣ имя*. Слова эти значили, что построение города и башни послужить только къ прославленію въ потомствѣ строителей, къ увѣковѣченію памяти объ ихъ силѣ и могуществѣ. Уже приступлено было къ возведенію города и башни. Но Господу Богу не угодно было это предпріятіе. Ему не угодно было допустить, чтобы люди своими затѣями воспрепятствовали Его опредѣленію раздѣлить племена людскія, совершенно обособить ихъ по мѣсту жительства и по гражданскому быту и одни племена оградить отъ худаго нравственнаго вліянія другихъ. Предположеніе строителей города и башни связать племена созданиемъ для нихъ общаго политическаго центра угрожало не только порабоженіемъ однихъ другимъ, но и всеобщимъ развращеніемъ. И вотъ Господь чудеснымъ образомъ разрушаетъ дѣло, Ему негодное. Онъ сходитъ въ среду строившихъ городъ и столпъ и смѣшиваетъ языкъ ихъ такъ, что они перестали понимать другъ друга и принуждены были оставить недоконченными начатыя работы и разойтись въ разныя стороны. Вслѣдствіе этого возникли *острова* или группы народовъ, расселившихся по лицу земли. Они стали существовать отдѣльно, какъ острова на морѣ, не смѣшиваясь съ другими ни границами, ни языкомъ, ни учрежденіями, ни обычаями. Мѣсто, на которомъ произошло чудо смѣшенія языка, стало называться Вавилономъ, что значитъ смѣшеніе. Въ самомъ этомъ имени заключена безмолвная проповѣдь о ничтожествѣ человѣческихъ замысловъ, коль скоро они противны волѣ Божіей.—Къ сожалѣнію, этотъ примѣръ и другіе подобные не вразумляютъ грѣшную душу. Закономъ для ней служить не воля

Божія, а ся похотѣнія, ея самолюбивыя желанія и расчеты. Увлкаясь самолюбіемъ, грѣшникъ, подобно строителямъ вавилонскаго столпа, мечтаетъ устроить свое благополучіе помимо Бога. По его убѣжденію, для достиженія этой цѣли достаточно житейскаго благоразумія, умѣнья пользоваться обстоятельствами, силы воли, упорства въ преслѣдованіи цѣли, не стѣсяясь внушеніями совѣсти, правилами справедливости и челоуѣколюбія. И повидимому онъ правъ, разсуждая такъ. Не мало на свѣтѣ видимъ людей, которые, забывъ страхъ Божій, путемъ всякаго рода неправдъ, успѣли занять высокое общественное положеніе, приобрѣли богатство и съ нимъ возможность жить въ свое удовольствіе, и смѣются надъ ближнимъ своимъ, бѣднымъ и незнатнымъ, по честнымъ и благочестивымъ?—Дѣйствительно, есть такіе люди на свѣтѣ. Господь перѣдко терпитъ ихъ, ожидая ихъ покаянія и обращенія на путь истины и предоставляя себѣ, если не раскаются, наказатъ ихъ въ будущей жизни, а имъ—воспріять блага въ животѣ своемъ, чтобъ воздать по дѣломъ ихъ за гробомъ. Но знаемъ также, что судъ Божій надъ многими изъ нихъ открывается и въ настоящей жизни. Неправдой нажитыя огромныя состоянія исчезаютъ часто при жизни ихъ стяжателей,—или ими самими расточаются на прихоти, или расхищаются ихъ дѣтьми и разными повѣренными, — а всего чаще исчезаютъ по смерти ихъ, попадая въ руки неблагонадежныхъ наслѣдниковъ, вслѣдствіе чего дѣти разбогатѣвшихъ отцовъ часто дѣлаются нищими. Случается также, что иной богачъ поражается преждевременною смертію среди своихъ мечтаній насладитъя плодами своихъ трудовъ. Едва успѣетъ онъ сказать: «душе, имаша многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, вселись»,—какъ уже звучитъ надъ нимъ божественный приговоръ: «безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготоваль еси, кому будутъ» (Лук. 12, 19. 20). За чтожь такъ строго поступаютъ съ нимъ? За то, что онъ *собиралъ одному себѣ*, для удовлетворенія своихъ по-

хотей, а не въ Бога богатѣлъ, не для угожденія Богу добрымъ употребленіемъ нажитыхъ благъ,—и наживалъ ихъ не честными путями (—21). Не менѣе строгая кара постигаетъ властолюбцевъ. «На небо възду, говоритъ одинъ изъ нихъ, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престоль мой, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему». Не такъ судилъ Вышній. На слова безумнаго высокоомѣрія Онъ отвѣтствовалъ: «нынѣ во адъ снидеси и во основанія земли» (Исаи. 14, 13. 14).—Помни, грѣшная душа, эти праведные суды Божіи и не дерзай мечтать, будто можешь безъ Бога, при помощи одного собственнаго благоразумія, создать для себя благонадежный городъ и столпъ, обезпечить твое благосостояніе. И если ты въ наказаніе за самонадѣянность и высокоомѣріе испытываешь неудачи въ житейскихъ дѣлахъ, смирись предъ крѣпкою рукою Господа, призывающаго тебя къ покаянію, и благодари Его за то, что лишая тебя возможности удовлетворять твоимъ похотямъ, указываетъ тебѣ прочее время живота проводить въ угожденіи не самолюбію, а волѣ Божіей. Горе было бы тебѣ, еслибы Господь не удерживалъ совѣтовъ твоихъ, не обуздывалъ высокоомѣрныхъ замысловъ твоихъ и не низвергалъ на землю ухищренія твои. Лучше потерпѣть наказаніе Божіе въ здѣшней жизни, чѣмъ подвергнуться ему въ будущей.

Переселеніе Авраама въ Ханаанскую землю.

Отъ земли Харранъ изыди отъ грѣха, душе. Гряди въ землю точащую присноживотное нетлѣніе, еже (которую) Авраамъ наслѣдствова (Быт. 12, 4).

Послѣ столпотворенія разсѣяніе племень сопровождалось оскудѣніемъ между ними истиннаго богопочтенія. Преданія вѣры стали постепенно забываться и смѣшиваться съ заблужденіями. Языческое суевѣріе проникло даже въ племя Симово, предназначенное Господомъ, какъ видно изъ про-

рочества Ноя о его сыновьяхъ, для сохраненія истинной вѣры и обѣтованій о Христѣ. Самъ отецъ вѣрующихъ Авраамъ былъ сыномъ идолопоклонника. Надлежало принять мѣры къ тому, чтобы во тмѣ нечестія совсѣмъ не померкъ свѣтъ вѣры. И вотъ на служеніе этому святому дѣлу Господь призываетъ Авраама. Авраамъ, по повелѣнію Божію, долженъ былъ удалиться съ родины своей, земли халдейской, и потомъ изъ Харрана, въ землю Хаанаанскую, гдѣ долженъ жить странникомъ, пока не достигнетъ небеснаго отечества,—земли, точащей присноживотное нетлѣніе. Конечно, не легко было Аврааму разстаться съ родными мѣстами и идти въ незнакомую страну; но Господу Богу угодно было потребовать отъ него такой жертвы для того, чтобы, согласно съ его предназначеніемъ, воспитать его въ послушаніи и преданности волѣ Божіей. Подобно Аврааму, удалившемуся изъ Харрана по повелѣнію Божію, и ты, душа, *изыди отъ грѣха*, т.-е. изъ области грѣха. Область грѣха есть міръ во злѣ лежащій, съ его суетою, съ его нечистыми удовольствіями, съ его тлѣнными благами, съ его нехристіанскими обычаями. Область эта такъ обширна, что захватываетъ собою даже пустынножителей, оставляющихъ позади себя міръ и его соблазны. Они бѣгутъ отъ міра, а міръ преслѣдуетъ ихъ во глубинѣ пустыни, возбуждая въ нихъ воспоминаніе о мірскихъ нечистыхъ радостяхъ, сожалѣніе о нихъ, мечты о нихъ и желаніе возвратиться къ нимъ. Можно даже сказать, что подъ вліяніемъ духа злобы искушенія мірскаго свойства иногда сильнѣе бываютъ въ пустынножителяхъ, чѣмъ въ мірянахъ: на первыхъ врагъ больше нападаетъ, чѣмъ на послѣднихъ. Итакъ, если и пустыня не спасаетъ отъ грѣха, господствующаго въ мірѣ, то не слѣдуетъ думать, что можно спрятаться отъ грѣха въ пустынѣ. И пустыня перестала бы быть пустынею, если бы всѣ стали искать въ ней спасенія. Дѣло не въ томъ, чтобы только внѣшнимъ образомъ удалиться отъ міра. Внѣшнее удаленіе отъ міра при внутреннемъ влеченіи къ

нему бесполезно. Не тѣломъ, а духомъ старайся бѣжать изъ міра; старайся, живя въ мірѣ, такъ настроить себя, чтобы приражающіеся къ тебѣ отвнѣ соблазны не встрѣчались въ тебѣ сочувствія, чтобы ты слыша не слышалъ, видя не видѣлъ того, что можетъ растлить твою душу. Помни ученіе слова Божія объ отношеніи христіанина къ міру: «не любите міра, ни яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчей въ немъ, яко все еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть» (1 Иоан. 2, 15. 16). «Требующіе (*пользующіеся*) міра сего да будутъ якоже *не* требующе» (1 Кор. 7, 31). «Вѣра чиста и нескверна есть, нескверна себе блюсти отъ міра.—Любы міра сего вражда Богу есть. Иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ» (Іак. 1, 27; 4, 4). Не легко поставить себя въ такое отношеніе къ міру, не легко живя въ мірѣ не увлечься его соблазнами, не пристраститься къ его благамъ и радостямъ; но какъ ни обольстительны блага и радости этого міра, какъ ни велики соблазны мірскіе, истинный христіанинъ не дастъ себя увлечь міру въ виду опасности поплатиться за временную грѣха сладость вѣчнымъ блаженствомъ. Онъ помнитъ слова Спасителя: «кая польза челоуѣку, аще міръ весь пріобрѣдетъ, душу же свою отщетитъ» (Мат. 16, 26). Онъ крѣпко борется съ мірскими соблазнами, зная, что увлекающійся соблазнителями находится въ опасности попасть въ геенну огненную (Мат. 18, 8. 9). Онъ никогда не пристрастится къ благамъ міра, ибо знаетъ, что «міръ преходитъ и похоть его, а творяи волю Божию пребываетъ во вѣкъ» (1 Иоан. 2, 17). Онъ не забываетъ, что мы не вѣчные жильцы этого міра, что мы призваны къ участию вмѣстѣ съ Авраамомъ въ присноживотномъ наслѣдіи на землѣ обѣтованной, т.-е, въ благахъ царства небеснаго. Земля Ханаанская, текущая медомъ и млекоу, въ которую Авраамъ пришелъ изъ Харрана, была только предъизображеніемъ небеснаго царства, въ которомъ онъ, какъ отецъ вѣрующихъ, блаженствуетъ вмѣстѣ

съ возлежащими на лонѣ его праведниками. Къ достиженію сего блаженства и ты, душа христіанская, стремись съ такимъ же послушаніемъ и преданностію волѣ Господа, призывающаго тебя въ свое царство и славу (1 Сол. 2, 12), какое показалъ Авраамъ, услышавъ повелѣніе Божіе уходить изъ Харрана. Горе тебѣ, если пристрастіемъ къ міру и его благамъ закроешь для себя входъ въ это царство. Страшись участи міролюбца, который послѣ раздольной жизни въ мірѣ попалъ на мѣсто вѣчнаго мученія и напрасно просилъ Авраама послать къ нему Лазаря, да омочить конецъ перста своего въ водѣ и прохладить языкъ его, сгарающій отъ мучительной жажды въ адскомъ пламени (Лук. 16, 24). Отъ тебя зависитъ избѣжать этой участи. Тебя никто не гонитъ изъ міра въ пустыню, живи въ мірѣ, занимайся сколько угодно дѣлами житейскими; но въ то же время не забывай о небѣ, воздыхай о потерянномъ раѣ, все что ни дѣлаешь, дѣлай во славу Божію, и тогда міръ будетъ для тебя только путемъ къ царству небесному.

Авраама слышала еси, душе моя, древле оставльша землю отечества и бывши пришельца. Сего произволенію подражай.

Всякій изъ насъ, если войдетъ въ положеніе Авраама, найдетъ, что ему не легко было разстаться съ родною страшною, съ родными и знаемыми, промѣнять удобства осѣдлой жизни на неизбѣжныя трудности жизни страннической. Но подобнаго подвига самоотверженія требуетъ Господь Иисусъ Христосъ отъ каждаго изъ своихъ послѣдователей: «иже любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ. И иже любитъ сына или дочь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ» (Мат. 10, 37). Священны узы семейныя и родственныя; но если нельзя совмѣстить любви къ роднымъ съ любовію и вѣрностію Христу, то въ та-

комъ случаѣ лучше бросить ихъ, чѣмъ измѣнить Христу: кто поступилъ бы иначе, тотъ недостойнъ Христа, не настоящій христіанинъ. Во времена гоненій на христіанство случалось, что исповѣдникамъ имени Христова надлежало выбирать одно изъ двухъ: или изъ жалости къ отцу, къ матери, къ дѣтямъ отречься отъ Христа, или идти на муки и смерть за вѣру въ Него. Они избирали послѣднее, принося въ жертву Христу естественную привязанность къ близкимъ по крови, остававшимся въ язычествѣ, не внимая ихъ мольбѣмъ побережь себя для блага ихъ, и покидая ихъ часто безъ опоры въ жизни. Не менѣе тяжкое бореніе любви и жалости къ семейству съ христіанскимъ благочестіемъ приходится испытывать христіанину въ другихъ обстоятельствахъ. Случается, что человѣку обремененному многочисленнымъ семействомъ и лишенному средствъ содержать его представляется возможность поправить свое положеніе поступкомъ или предпріятіемъ, противнымъ христіанской совѣсти. Жена и дѣти уговариваютъ его не стѣсняться внушеніями христіанской совѣсти и спасти ихъ отъ нищеты и униженія. Онъ можетъ уступить искушенію и разбогатѣть, или воспротивиться ему и остаться съ семействомъ въ нищетѣ и униженіи. Въ первомъ случаѣ онъ явится невѣрнымъ Христу, недостойнымъ Его, въ послѣднемъ—истиннымъ послѣдователемъ Его и вмѣстѣ подражателемъ Авраама, изъ послушанія и любви ко Господу побѣдившаго въ себѣ естественную привязанность къ родинѣ и роднымъ и обрешаго себя на невыгоды странничества. Ибо и переселившись въ землю Ханаанскую, онъ велъ кочевую жизнь, не имѣлъ на ней недвижимой собственности, кромѣ одной пещеры, купленной имъ для погребенія Сарры (Быт. 23, 3). Подобно Аврааму и ты, душа христіанская, должна любить Господа твоего паче всего на свѣтѣ и изъ любви и послушанія Ему должна быть готова на все подвиги самоотверженія для славы имени Его, хотя бы для сего надлежало вступить въ тяжкую борьбу съ любовію къ отцу, къ ма-

тери, дѣтямъ. Лучше остаться истиннымъ христіаниномъ, сохранить духовное родство со Христомъ, чѣмъ по страстию къ земному родству оказаться невѣрнымъ Христу.—Подражай, душа христіанская, и тому произволенію Авраама, по которому онъ жилъ среди Хананеевъ какъ пришлецъ и странникъ. Помни, что всѣ мы, покуда живемъ на землѣ, странники и пришельцы (1 Петр. 2, 11), что настоящее жительство наше на небесахъ (Филип. 3, 20), что земная жизнь для каждаго изъ насъ должна быть временемъ странствованія къ небесному отечеству, что истиннымъ христіанамъ свойственно исповѣдывать: «не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ» (Евр. 13, 14). Въ памятованіи и размышленіи объ этихъ истинахъ заключается лучшее оружіе въ борьбѣ съ искушеніями отъ плотскихъ похотей. «Если, напримѣръ, приближается похоть плотская и призываетъ къ чувственному наслажденію, ты можешь отвѣчать ей: удались отъ меня; я пришлецъ и странникъ; на пути не пиршествуютъ и не роскошествуютъ; благовидная или не благовидная гостиница, суровая или не суровая пища, мягкій или жесткій одръ, немного разнствуютъ для странника; благодушно перенесши лишенія моего странничества, безмѣрно буду вознагражденъ утѣшеніями въ моемъ отечествѣ. Если похоть очесъ представить воображенію тлѣнныя богатства и скажетъ: для чего ты мало имѣешь? для чего не стараешься имѣть болѣе? отвѣчай и ей: я пришлецъ и странникъ; для странника часто удобнѣе нести съ собою мало, нежели много; сохранивъ себя въ странничествѣ, въ отечествѣ найду себѣ сокровища, которыхъ *ни червь, ни тля тлитъ, и татіе не подкопываютъ, ни крадутъ* (Мат. 6, 20). Если гордость житейская станетъ докучать тебѣ: зачѣмъ ты не довольно возвышенъ, не довольно почтенъ; и ей скажи: не смущай меня напрасно; я здѣсь пришлецъ и странникъ, а имѣю такое высокое отечество, предъ которымъ и возвышенное и униженное на землѣ едва примѣтно и равно ничтожно;

горами ли, дебрями ли ведетъ меня невидимая рука Провидѣнія, все равно, только бы привела меня въ мое горнее отечество» (Слова и Рѣчи Филарета, митрополита московскаго. 1848 г. ч. I, стр. 290).—Таковы размышленія, какія внушаетъ каждому воззрѣніе на временную жизнь, какъ на странничество. Если ты, душа христіанская, будешь руководствоваться сими и подобными размышленіями и устроить по нимъ твою жизнь и дѣятельность, то поистинѣ ты будешь подражать произволенію Авраама—пришельца и странника.

Прот. В. Нецасвъ.

СЛОВО КЪ СЕЛЬСКИМЪ ПРИХОЖАНАМЪ ПРОТИВЪ НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ.

Въ день праздника въ честь Божіей Матери, нашей заступницы и ходатаицы предъ Богомъ, вы собрались во храмъ Божій, для испрошенія у ней себѣ милости. Большая часть изъ васъ принимали и будутъ принимать образъ Царицы небесной и въ свои жилища и на поля, чтобы все освятить Ея благодатнымъ присутвіемъ. Все это прекрасно, и, безъ сомнѣнія, Божія Матерь всѣмъ, прибѣгающимъ къ ней съ вѣрою и упованіемъ, скорая помощница и заступница.

Но прося милости у Царицы небесной, всматривались ли вы, слушатели, хоть нѣсколько въ свое поведеніе въ праздники и задавали ли себѣ вопросъ: «стоимъ ли мы того, чтобы Царица небесная оказывала намъ свою помощь? По-христіански ли мы проводимъ праздничные дни? Не творимъ ли въ эти дни обычныхъ намъ грѣховъ? Не оскорбляемъ ли святости ихъ особенными грѣхами, которые допускаются нами преимущественно въ праздники?»

Не распространяясь много, укажу, слушатели, на одинъ

порокъ или зло, которое бываетъ у васъ непремѣннымъ спутникомъ каждаго празднества и служить одною изъ главныхъ причинъ бесплодности вашихъ молитвъ въ эти дни. Зло это—денежная игра въ карты и въ орлянку. Зло это съ году на годъ принимаетъ широкіе размѣры. Играютъ на деньги въ карты и въ орлянку не только взрослые парни, но и малолѣтныя дѣти; играютъ даже, стыдно сказать, отцы семействъ. Многіе, кажется, очень легко и равнодушно смотрятъ на это зло: «ну, пусть дескать потѣшатся молодые ребята, будутъ постраше—поумнѣютъ и перестанутъ». А между тѣмъ, какой ядъ испорченности и растлѣнія разливается отъ этого въ дѣтскомъ сердцѣ! Чѣмъ больше ребенокъ или отрокъ играетъ, и, если случай позволяетъ ему, выигрываетъ, тѣмъ больше развивается въ немъ страсть къ игрѣ; равно, чѣмъ больше онъ проигрываетъ, тѣмъ больше хочется играть, чтобы воротить проигранное. Такимъ образомъ, вслѣдствіе несчастной привычки къ игрѣ, въ игрокѣ незамѣтно появляется лѣность и нерадѣніе къ трудамъ и занятіямъ, страсть къ легкой и скорой наживѣ насчетъ другаго. Нерѣдко приходится слышать, что многіе изъ ребятъ до того пристращаются къ игрѣ, что проигрываютъ съ себя даже одежду и обувь, крадутъ у своихъ отцовъ деньги, тайно продаютъ изъ дому за безцѣнокъ хлѣбъ и другіе припасы и вещи, чтобы добыть себѣ денегъ на игру. Неужели, скажете, это маленькое зло? Есть не мало и такихъ, которые не только въ большіе праздники, но и въ каждое воскресенье и праздникъ проводятъ время въ этой игрѣ, и играютъ даже во время службы Божіей. Стали появляться и такіе, которые и въ рабочіе дни играютъ въ карты и въ орлянку. Неужели, скажете, и это маленькое зло? Мало ли ужъ и теперь есть между вами такихъ домохозяевъ, которые сдѣлались лѣнтяями, бездомниками и нечестными людьми единственно отъ бездѣльной игры въ карты и въ орлянку, и то состояніе, которое ихъ отцы цѣлые десятки лѣтъ наживали самымъ тяжелымъ и упорнымъ трудомъ,

они промотали въ нѣсколько годовъ? Неужели, скажете, и это маленькое зло? Зло между тѣмъ растетъ съ году на годъ со страшною силою, и, можетъ быть, не далеко то время, когда молодежь вовсе оставитъ невинныя дѣтскія забавы и засядетъ въ карты и въ орлянку. Не мало ужъ и теперь среди насъ бездомниковъ и отвыкшихъ отъ работы, — дождемся еще худшаго.

Каждый изъ насъ, слушатели, при св. крещеніи давалъ присягу предъ Богомъ до послѣдняго своего издыханія бороться со зломъ, господствующимъ въ мірѣ. Зло, о которомъ я говорю вамъ сегодня, настолько уже сильно, что нужно всѣмъ намъ вооружиться противъ него. На каждомъ изъ насъ лежитъ священная обязанность бороться съ этимъ зломъ совѣтами и вразумленіями и даже болѣе сильными мѣрами, чтобы общими, дружными усиліями вырвать его съ корнемъ изъ среды нашей.

Вы скажете: «нынѣ не такой народъ сталъ, чтобы послушать добраго слова. Только начни говорить, такъ осмѣютъ, что сейчасъ же со стыдомъ уйдешь». Поучимся изъ св. Евангелія, какъ самъ Господь велитъ вразумлять и исправлять согрѣшающаго. «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, говоритъ Господь Иисусъ Христосъ, поиди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ и ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь» (Мѡ. 18, 15, 16 и 17). Этимъ правиломъ вразумленія согрѣшающихъ должно руководствоваться и въ отношеніи къ любителямъ сказанныхъ игръ. Увидѣлъ ты толпу играющихъ, скажи и вразуми, что не ладно дѣлаютъ. Если послушаютъ тебя, то сдѣлалъ ты доброе дѣло. Если же не послушаютъ тебя и на твои совѣты отвѣтятъ тебѣ смѣхомъ и бранью, не говори, что ты все дѣлалъ и ничего больше не остается сдѣ-

лать. Не сказалъ Господь: «отступишь отъ неслушающихъ тебя, и оставь ихъ въ покоѣ»,—нѣтъ: поди, пригласи еще одного или двухъ человѣкъ, такихъ, которыхъ они могутъ послушать. Если же и ихъ не слушаютъ, опять-таки не сказалъ Господь: «отступишь, и оставь ихъ въ покоѣ», нѣтъ: поди скажи церкви, т.-е. обществу, или начальнику, какъ лицу довѣренному отъ общества. Вотъ какъ Господь велитъ вразумлять и исправлять согрѣшающаго. Всякое зло въ обществѣ, еслибы каждый изъ насъ принималъ его такъ близко къ сердцу и заботился объ искорененіи его, какъ велитъ Господь, непременно бы искоренилось.—Отцы и матери, начальники и всѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ! На васъ ближайшимъ образомъ лежитъ христіанская обязанность смотрѣть за молодыми людьми. Крѣпко помните о томъ, что предъ судомъ Божиимъ придется отвѣчать намъ за испорченность и растлѣніе молодаго поколѣнія. Не забывайте также, что и гражданскій законъ строго преслѣдуетъ картежную и другія игры на деньги; такъ напр. 529 статья Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ гласитъ такъ: «всѣхъ тѣхъ, кои будутъ играть на деньги въ карты и другія игры (разумѣется въ томъ числѣ и въ орлянку), за первый разъ сажать подъ стражу, а за второй или болѣе наказывать тѣлесно; найденныя же при играющихъ деньги отбирать и обращать въ мірской капиталъ». Накопецъ, для пользы молодыхъ людей, какъ будущихъ домохозяевъ, и для своей пользы, употребите всѣ мѣры къ прекращенію этихъ игръ въ приходѣ. И всѣ вы, слушатели, употребите свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Окажите такимъ образомъ себя достойными милости Божіей Матери, Царицы небесной, которую призываете сегодня въ своихъ молитвахъ. Аминь.

Свящ. Алексѣй Либеровъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

IX *).

Неправда, будто святые, жившіе въ пустыняхъ, не причащались св. Таинъ.

ПОУЧЕНІЕ КЪ ПРИХОЖАНАМЪ, ЖИВУЩИМЪ СРЕДИ РОСКОЛЬНИКОВЪ.

(Память святыхъ тріехъ женъ, обрѣтенныхъ въ горѣ, о нихже сказа Павелъ епископъ Мановасійскій. Пролог., септ. 10, лист. 37—38).

Нѣкоторый путешественникъ пришелъ въ одинъ изъ монастырей на востокѣ. Бесѣдуя разъ съ игуменомъ и братією подъ сѣнію плодовыхъ деревьевъ, на дворѣ монастырскомъ, онъ замѣтилъ, что нѣсколько птицъ сламывали съ деревьевъ вѣтки съ плодами и улетали. На вопросъ, сдѣланный игумену, почему птицы не ѣдятъ на мѣстѣ сорванныхъ плодовъ, а отлетаютъ съ ними, онъ получилъ отвѣтъ, что явленіе это замѣчается уже болѣе десяти лѣтъ. Движимый какъ бы предчувствіемъ, путникъ сказалъ: нѣтъ ли гдѣ у васъ въ горахъ святыхъ Божіихъ, къ которымъ плоды сіи птицы носятъ по повелѣнію Божію? Въ это время прилетѣвшій воронъ сломилъ одну изъ вѣтвей съ плодомъ. Путникъ продолжалъ: пойдете, будемъ слѣдить за нимъ. Пошли и увидали, что воронъ, прилетѣвъ на одинъ изъ холмовъ, сначала сѣлъ на немъ, а затѣмъ спустился въ расщелину и, тамъ оставивъ вѣтвь, вылетѣлъ оттуда уже безъ нея. Наблюдавшіе за нимъ подошли къ расщелинѣ и бросили въ оную камень. Вдругъ

*) См. іюньскую книжку.

оттуда послышался голосъ: «если вы христіане, не убивайте насъ». «Кто вы»? спросили пришедшіе. «Мы женщины, насъ три, отвѣчали имъ. Если хотите насъ видѣть, бросьте намъ три одежды, такъ какъ мы наги, и сойдя внизъ горы, пройдите тѣсною тропинкою, которая ведетъ къ намъ». Инокіи поступили, какъ было сказано, и нашли трехъ жевъ, изъ которыхъ одна была госпожа, а другія двѣ—рабыни ея. «Кто ты и какъ пришла сюда»? спросилъ игумень первую изъ нихъ. «Я изъ Царьграда, жена сановника царскаго, отвѣчала она. Оставшись послѣ мужа бездѣтною вдовою, я была понуждаема ко грѣху однимъ вельможею, и, желая сохранить себя въ чистотѣ, рѣшилась оставить міръ и, поручивъ раздать имѣніе мое нищимъ, ночью сѣла съ этими двумя рабынями моими въ корабль, съ котораго и высадились мы на это мѣсто, въ которомъ вы нашли насъ, и вотъ уже одиннадцатое лѣто, какъ мы не видали лица человѣческаго». «Откуда вы, госпожа моя, имѣли здѣсь пищу себѣ»? спросилъ игумень. «Господь, отвѣчала она, прокормившій народъ свой въ пустынѣ въ продолженіе сорока лѣтъ, посылалъ и намъ пищу. Птицы приносили намъ всякіе плоды, и Господь всегда покрывалъ и согрѣвалъ насъ, такъ что мы ни зимою не боялись стужи, ни лѣтомъ зноя солнечнаго. Жили мы здѣсь какъ въ раю, непрестанно прославляя пресвятую Троицу». «Не желашь ли, сказалъ игумень, раздѣлить трапезу съ нами»?—«Если хочешь сдѣлать такъ, отвѣчала св. отшельница, прикажи, пусть сначала придетъ пресвитеръ и совершитъ Божественную службу, да причастимся св. Христовыхъ Таинъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Царьградъ, мы не сподоблялись св. причащенія». Игумень исполнилъ ея желаніе, и пришедшій пресвитеръ, по совершеніи Божественной службы, причастилъ св. отшельницъ. И въ тотъ же день первая изъ нихъ (бывшая госпожа) послѣ усердной молитвы отошла ко Господу. На другой день послѣдовала за ней и одна изъ

подругъ ея, а на третій и послѣдняя изъ нихъ также мирно почилъ сномъ смертнымъ.

Разсказавъ сіе происшествіе, прошу васъ, братіе, обратить вниманіе на то, для чего Господь передъ смертію открылъ пребываніе св. отшельницъ. Не ясно ли, что Онъ благоволилъ сдѣлать это для того, чтобы чрезъ причащеніе св. Таинъ св. жены тѣснѣйшимъ образомъ могли соединиться съ Нимъ и чрезъ Него содѣлаться причастницами жизни вѣчной? Господу не угодно было, чтобы онѣ отошли въ жизнь вѣчную не напутствованныя святыми Тайнами. Несомнѣнно, что причащеніе св. Таинъ необходимо было для спасенія и святымъ, и Господь, какъ видите, по своему неизреченному милосердію, не оставлялъ безъ онаго и тѣхъ изъ нихъ, которые скитались ради Него въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Выслушайте, братіе, какъ иногда еще болѣе въ этомъ отношеніи дивны были милости Божіи ко святымъ отшельникамъ.

«Отецъ, гдѣ и откуда причащаешься ты пречистыхъ Таинъ Христовыхъ?» спросилъ нѣкогда св. Пафнутій жившаго въ пустынѣ Онуфрія великаго. Онуфрій отвѣчалъ: «Ангель Господень приходитъ ко мнѣ съ пречистыми Тайнами Христовыми и причащаетъ меня въ субботы и недѣли. И не ко мнѣ одному приходилъ Ангель Господень, но и къ прочимъ подвижникамъ здѣшной пустыни, не видящимъ лица человѣческаго, и причащаетъ ихъ, и наполняетъ сердца ихъ неизреченнымъ веселіемъ» (Воскр. Чт. 1840. № 13, стр. 116). И подлинно, не къ одному Онуфрію являлся со св. дарами Ангель Господень. Отшедши отъ св. Онуфрія въ далечайшую внутренность пустыни, Пафнутій встрѣтилъ четырехъ юношей, идущихъ изъ пустыни, весьма благовидныхъ, по чресламъ опоясанныхъ овечьими кожами. Ихъ лица сіяли такою благодатію, что я думалъ, говоритъ Пафнутій, не люди это, но ангелы спешіе съ небесъ. Онъ пробылъ у нихъ семь дней и однажды спросилъ: гдѣ же вы причащаетесь божественныхъ Таинъ пречистаго тѣла и крови Христа Спасителя

нашего? Они отвѣчали: «для того мы собираемся вмѣстѣ во дни субботные и недѣльные и св. Ангель пресвѣтлый, посылаемый отъ Бога, приходитъ къ намъ и даетъ намъ св. причащеніе». Наступила суббота. Юноши сказали мнѣ, продолжаетъ Пафнутій: «приготовься, возлюбленный братъ, ибо нынѣ придетъ Ангель Божій и принесетъ намъ божественное причащеніе». Еще говорили они, какъ я ощутилъ, повѣствуетъ онъ, неизреченное благоуханіе, какого никогда не ощущалъ, и спросилъ: откуда оно? «Приближается Ангель Господень съ пречистыми Тайнами, отвѣчали рабы Христовы». Мы всѣ стали на молитву. Свѣтъ пречудный осіялъ насъ, и показался Ангель Господень, сходящій съ высоты, блистающій какъ молнія. Я палъ ницъ отъ страха; но юноши подняли меня и повелѣли не бояться. Ангель Божій предсталъ намъ въ образѣ юноши прекраснаго, доброты котораго невозможно изречь; онъ держалъ въ рукѣ св. чашу съ божественнымъ причащеніемъ. Сперва приступили юноши и причастились, потомъ приступилъ и я грѣшный и недостойный, со многимъ трепетомъ и ужасомъ, но вмѣстѣ и съ неизреченною радостію, и сподобился причаститься пречистыхъ Тайнъ Христовыхъ отъ рукъ Ангеловыхъ. Пріобщивши, Ангель преславный благословилъ насъ, и предъ нашими очами возшелъ на небо; мы пали и поклонились Богу, благодаря за толикую благодать Его. Великая радость исполнила сердца наши, и отъ великой радости я былъ въ восторгѣ, и думалъ, что я не на землѣ, а на небѣ (Воскр. Чт. 1840. № 20 стр. 181—182).

Можно ли послѣ сего, братіе, вѣрить раскольникамъ безпоповцамъ, которые и сами погибая безъ св. Тайнъ, и васъ желая отвлечь отъ оныхъ, говорятъ вамъ, будто св. отцы, жившіе въ пустыняхъ, жили же безъ св. причащенія и спаслись,—значить можно спастись безъ него и намъ? Сами видите, что лгутъ они, говоря такъ, а потому не вѣрьте имъ и не слушайте ихъ. Св. отцы не такъ поступали, какъ они поступаютъ, и не такъ о св. Тай-

нахъ учили, какъ учать они. Причащаясь постоянно сами, они и другимъ говорили о томъ, что для вѣчной жизни необходимо причащеніе св. Таинъ. «Можетъ ли кто, училъ св. Златоустъ, презирать сіе страшное таинство кромѣ человѣка, лишеннаго вовсе ума и чувствъ» (О священствѣ сл. 3 въ руск. пер., стр. 59)? «Иже церкви Божіа и св. Таинъ удаляютъ себе, говоритъ св. Кирилль Александрійскій, врази Божіи бывають и бѣсомъ друзи» (въ Сборникѣ, въ словѣ: боюся смерти). *Не бывайте же, братіе, ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вътромъ ученія, во лжи чловѣчестъй, и въ коварствѣ козней лщенія* (Еф. 4, 14). Аминь.

X.

Оружія противъ козней бѣсовскихъ.

(Изъ слова отъ Патерика о Агаѳонѣ, яко словомъ изгоняше бѣсовъ)

Слово Божіе заповѣдуетъ намъ бдительно охранять себя отъ искушеній бѣсовскихъ, чтобы врагъ внезапно не напалъ на насъ и не погубилъ. *Трезвитесь, бодрствуйте*, говоритъ св. апостоль Петръ, *зане суностатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Нечестіе, суевѣрія, всякаго рода заблужденія, злоба, развратъ и другіе грѣхи,—все это—дѣло не одной нашей воли, но вмѣстѣ бѣсовскаго подстрекательства. Къ счастью, мы не беззащитны противъ козней діавольскихъ, намъ даны благонадежныя оружія для борьбы съ ними. Что же это за оружія?

Вопервыхъ, постъ и молитва. Однажды къ Іисусу Христу подошелъ человѣкъ и, преклоняя предъ нимъ колѣна, сказалъ: Господи! помилуй сына моего; онъ въ новолунія бѣснуется и тяжело страдаетъ, ибо часто бросается въ огонь, и часто въ воду. Я приводилъ его къ ученикамъ твоимъ и они не могли исцѣлить его. И запретилъ бѣсу

Исусъ; и онъ вышелъ изъ отрока. Тогда ученики, приступивъ къ Спасителю наединѣ, сказали: почему мы не могли изгнать его? Спаситель сказалъ имъ: «по невѣрію вашему», и, затѣмъ, прибавилъ: «сей родъ изгоняется только молитвою и постомъ» (Мѡ. 17, 14—21).

Вовторыхъ, крестное знаменіе. Однажды преподобный Антоній великій, споря съ бѣсами, говорилъ: «если что можете со мною сдѣлать, дѣлайте; если не можете, то что напрасно и трудиться? Знаменіе крестное и вѣра къ Богу для меня непреборимая стѣна есть». Тотъ же св. отецъ такъ однажды поучалъ братію: «когда бѣсы не въ состояніи бываютъ смутить нашихъ помысловъ, тогда мечтаніями искушаютъ и устрашаютъ насъ; но всѣ они по первомъ креста знаменіи исчезаютъ» (Розыск., ч. 2, лист. 182 и 183). Нѣкогда мученикъ Кипріанъ спрашивалъ бѣса: «какимъ оружіемъ возбраняется вамъ и что ослабляетъ вашу силу»? Бѣсъ отвѣчалъ: «не можемъ смотрѣть на крестное знаменіе, по бѣжимъ отъ него; какъ огонь, оно опалаетъ насъ и далеко отъ себя гонитъ» (Тамъ же, лист. 182). Поэтому-то св. Кириллъ Іерусалимскій и убѣждаетъ насъ ограждать себя крестнымъ знаменіемъ постоянно. «Да изображаемъ его, говоритъ онъ, на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ, на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его при входахъ, при выходахъ; когда ложимся спать и встаемъ; когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Оно есть знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ» (Огласит. поуч. XIII, 36).

Третье оружіе противъ діавола есть боголюбезная добродѣтель—смиреніе. Однажды Эллины привели къ преподобному Агаѡну бѣсноватаго и просили, чтобы онъ исцѣлилъ его. Старецъ сказалъ бѣсу: «выйди изъ созданія Божія». Бѣсъ отвѣчалъ: «выйду, только позволь мнѣ спросить тебя объ одномъ: кто праведники и кто грѣшники»? Преподобный сказалъ: «грѣшникъ я, а кто праведникъ, одинъ Богъ знаетъ». Сіе слышавъ, бѣсъ громкимъ голо-

сомъ вскричалъ: «вотъ, за твое смиреніе выхожу!» И тотчасъ вышелъ (Прол. 11 сент.).

Четвертое оружіе — трудолюбіе. «Когда конобъ, говорить преподобный Пименъ великій, кипить снизу поджигаемый, тогда ни муха, ни другое какое-либо насѣкомое не смѣетъ прикоснуться къ нему; когда же остынетъ, то и мухи, и всѣ насѣкомыя садятся на него; такъ и къ чело-вѣку, къ честнымъ занятіямъ прилежащему, врагъ рода чело-вѣческаго не смѣетъ приступить. Кто же живетъ въ небреженіи и лѣности, того низлагаетъ онъ безъ всякаго труда» (Чет.-Мин. авг. 27, л. 128 на об., изд. 1840).

Пятымъ оружіемъ противъ бѣсовъ можетъ быть благоговѣйное чтеніе слова Божія, особенно Евангелія и Псалтири. «Вопрошенъ бысть, сказано въ предисловіи ея, великій Іоаннъ Златоустый отъ братій: «добро ли есть оставить псалтирь»? Онъ же рече: «уне есть солнцу престати отъ теченія своего, нежели оставить псалтирь. Вельми бо есть полезно еже поучатися псалмомъ и прочитати прилежно псалтирь. Вся бо намъ книги на пользу суть, и печаль творять бѣсовомъ, но не якоже псалтирь, да не нерадимъ». И далѣе въ сказаніи Августина учителя о силѣ псалмовъ говорится: «пѣніе псалмовъ души украшаетъ, ангелы на помощь призываетъ, демоны прогоняетъ, отженетъ тмы, содѣваетъ святыню., діавола постыждаетъ, Бога показываетъ». А одинъ изъ св. отцевъ, спросившій бѣса, чего онъ особенно страшится, получилъ такой отвѣтъ: «боимся мы болѣе всего, когда христіане читаютъ псаломъ 67-й: да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его» (Прологъ).

Наконецъ, сильное оружіе противъ бѣсовъ есть усердная молитва къ св. Архистратигу Божію Михаилу. Какъ поборникъ славы Божіей, онъ доселѣ еще ведетъ брань съ діаволомъ и не перестаетъ наносить ему удары. А потому и нужно просить его, чтобы и въ насъ онъ поражалъ внутренняго тлетворнаго змія и изгонялъ его.

Итакъ, братіе, помня о томъ, что *супостатъ низъ*

діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити (1 Петр. 5, 8), облакайтесь во вся оружія Божія, чтобы всегда быть готовымъ противостать кознямъ діавольскимъ (Еф. 6, 11). Аминь.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ О МОСКОВСКОМЪ МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

1. На первой недѣлѣ Великаго поста и въ страстную не читалъ онъ газетъ и не принималъ посѣтителей.

2. Увидя въ Лаврѣ новую рѣшетку вокругъ собора Успенскаго, вмѣсто прежней, которую видалъ еще при митрополитѣ Платонѣ (сконч. 1812 г., нояб. 11), владыка спросилъ намѣстника своего, архимандрита Антонія: «кто хозяинъ Лавры?» — «Вы, какъ настоятель», отвѣчалъ намѣстникъ. — Митрополитъ: «почему не спросили меня? Если-бъ спросили, я бы не позволилъ».

3. Какой-то изъ духовенства чужой епархіи, войдя къ митрополиту, не узналъ его: стоитъ и смотритъ. Владыка, бывшій въ ряскѣ безъ панагіи, сказалъ ему: «ты православный?» — «Да». — «Почему-жь ты къ архіерею не подходишь подь благословеніе?»

4. День своего юбилея (5 авг. 1867 г.) святитель проводилъ въ Лаврѣ. Послѣ ранней въ этотъ день обѣдни намѣстникъ съ двумя соборными іеромонахами поднесъ ему икону и задравную просфору. «Служили нынѣ?» спросилъ владыка. — «Нѣтъ», отвѣчалъ о. Антоній, которому было очень не свободно. — «Чужіе (пріѣзжіе архіереи и архимандриты) молятся, а свои нѣтъ!» замѣтилъ юбиляръ.

5. Нынѣшнему почтенному намѣстнику Лавры, передъ отъѣздомъ его въ Старый Іерусалимъ, гдѣ состоялъ онъ членомъ духовной миссіи, владыка подарилъ молитвослогъ, изящно изданный, съ собственноручною надписью: «Даяй молитву молящемуся (1 Цар. 2, 9), Господи, даруй благоугодную Тебѣ молитву рабу Твоему архимандриту Лео-

ниду, да обрѣтаетъ благодать предъ Тобою, и во благодати Твоей ходить. Въ Москвѣ. Марта 16-го 1864 г.».

На слова отца Леонида, что ѣдетъ онъ на Голгоу, митрополитъ замѣтилъ: «а на Оаворѣ *) нашлись бы другіе желающіе».

6. Въ праздникъ святителя Алексія, 12 февраля 1854 года, высокопреосвященный Филаретъ служилъ въ кафедральномъ Чудовомъ монастырѣ съ 2-мя архимандритами, 2-мя протоіереями (Адріановскимъ и Троице-Арбатскимъ) и 2-мя іеромонахами. Небывалое прежде назначеніе къ служенію въ монастырѣ приходскихъ протоіереевъ, не ихъ однихъ удивило. Что бы это значило? Нѣкоторые полагали, что митрополитъ наградить ихъ палицей (а это было возможно тогда безъ представленія въ Синодъ), но этого не случилось. Въ концѣ литургіи онъ сказалъ имъ: «я буду говорить слово, а вы на солею (къ амвону) выйдете». Проповѣдь его была на этотъ день особенно замѣчательна примѣнимостію къ пастырямъ духовнымъ. Въ срединѣ слова онъ возразилъ отъ лица мірянъ: «дайте намъ такихъ наставниковъ, какъ святой Павелъ, святой Алексій; мы желали бы повиноваться такимъ наставникамъ».—«Пріемлю обличеніе», отвѣчаетъ знаменитый проповѣдникъ, «и обращаюсь къ себѣ и другимъ (обратился къ протоіереямъ), на которыхъ, по судьбамъ Божиимъ, палъ жребій бодрствовать о душахъ. Поистинѣ, братія и сослужители, продолжалъ владыка, со страхомъ и крайнею заботою должны мы помышлять, таковы ли мы, какихъ требуетъ наше служеніе», и проч. **). Такъ вотъ зачѣмъ,—для слушанія проповѣди, вызваны были къ служенію въ Чудовъ почетные представители московскаго духовенства!

7. Вознесенская игуменія Паисія, изъ дворянъ (сконч. въ январѣ 1871 г.), будучи 8 лѣтъ отъ рожденія, поступила въ Алексѣевскій монастырь; сдѣлана современемъ свѣчницей и увеличила доходъ; была хорошая письмоводительница. Митрополитъ далъ совѣтъ постричься ей въ монашество и, услыжавъ отъ нея самой, что пѣтъ ей 40

*) *Добро есть намъ здѣ быти* (Мат. 17, 4).

***) Слова и рѣчи Филарета, собраніе второе, ч. III., 1861 года, стр. 109—110.

лѣтъ (было 38 *), сказалъ: «ты подай прошеніе, а черезъ недѣлю тебѣ будетъ 40 лѣтъ!»

8. Уважая просьбу г-жи Н, владыка опредѣлилъ на священническое мѣсто знакомаго ей діакона. Выслушавъ потомъ благодарность ея, сказалъ: «не вы меня, мы должны благодарить васъ. Апостоль велить (на пресвитерскую должность) избирать разумна (1 Тим. 3, 2. Тит. 1, 9); а вы, указывая на достойныхъ, помогаете намъ».

9. Троицкаго-Бѣлопесоцкаго, близъ г. Каширы, монастыря ризничій іеромонахъ Евтихіанъ (нынѣ онъ въ Высокопетровскомъ монастырѣ) являлся къ митрополиту (въ 1861 или 1862 г.) съ св. антиминомъ, за ветхостію неудобнымъ къ употребленію. Владыка велѣлъ раскрыть на столъ антиминосъ. Надѣвая съ этою цѣлю эпитрахиль съ поручами, ризничій не зналъ, куда дѣвать снятый съ головы клобукъ свой. Владыка собственноручно положилъ его на тотъже столъ. А какъ св. антиминосъ, вынутый изъ коробки, завернуть былъ въ бумагу, онъ сказалъ: «слѣдовало бы завернуть въ илитонъ (шелковый платъ); а хотя эта бумага и бѣлая, она дѣлается изъ поношенныхъ (холстяныхъ) одеждъ и съ святыней не сообразна». Затѣмъ разрѣшилъ: ветхій антиминосъ сдать въ каедральную ризницу и принять новый.

10. Въ домѣ церковнаго старосты, купца Ильина, спросилъ онъ малолѣтнаго сына его: «ты учишься?»—«Да».—«Какія читаешь книги?»—«Басни Крылова».—«Не читай басни Крылова: я тебѣ пришлю свою книгу», сказалъ владыка и прислалъ на другой день катихизисъ въ золоченомъ переплетѣ.

11. Объ иностранныхъ сборщикахъ выразился: «это саранча, поядаящая чужіе труды».

12. Бывшій оберъ-прокуроръ св. синода, графъ А. П. Толстой, по выходѣ изъ залы митрополита, сказалъ моему родителю (1866 г.): «у него въ головѣ палата знаній!»

Архимандритъ Григорій.

*) Въ нашихъ законахъ положень для принятія монашества совершенный возрастъ, для мужчинъ 30, а для женщинъ 40 лѣтъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНИЯ 1878 Г.

МАЙ, ИЮНЬ, ИЮЛЬ И АВГУСТЪ.

	<i>Стр.</i>
1. Толкованіе втораго посланія къ Коринѳянамъ.	3 — 23
2. Досиѳей, патріархъ іерусалимск. и его время. 24—50	147—174
3. Обь отношеніяхъ начальствующихъ къ подчиненнымъ	51— 59
4. О христіанскомъ единеніи.	59— 62
5. Примѣры блаженной кончины.	63 — 78
6. Святѣни и древности Старой Русы. 79—91	191—210
7. Совѣты пророковъ, пригодные для нашего времени .	92—102
8. Попытка Дарвина помирить свою теорію съ религіозно- нравственнымъ чувствомъ христіанина	103—107
9. Климатъ Св. Земли 108—118	142—146 373—386
10. Уроки покаянія, заимствованные изъ библейскихъ повѣствованій въ великомъ канонѣ св. Андрея Крит- скаго 118—125	441—450
11. Поученій по руководству Пролога. 125—128	337—338 454—461
12. Слова Преподобнаго и Богопоснаго отца нашего Си- меона Новаго Богослова. 129—141	241—254 353—373
13. Тиръ и причины его паденія	175—191
14. Благочестіе и внѣшнее благосостояніе.	211—217
15. Нѣкоторыя черты изъ жизни покойнаго камчатскаго епископа Павла	217 — 222
16. Лицемерные ревнители Слова Божія	223—228
17. Одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для борьбы съ Англіей.	229—236
18. Резолюціи московск. митрополита Филарета 239—240	350—352
19. Безгрѣшность Господа Иисуса Христа, какъ доказа- тельство Его Божочеловѣческой природы	255—286
20. Памятники участія митрополита Филарета въ устрое- ніи женскихъ общежитій	286—298
21. Ночь	298—308
22. Исцѣленіе.	308—310
23. Воспоминаніе о высокопреосвященнѣйшемъ Іоанникіѣ, бывшемъ архіепископѣ Варшавскомъ	311—331
24. Судьба пророковъ.	331—336
25. Конгрессъ.	337—341
26. Бесѣда о желаемомъ глаголемыми старообрядцами на- именованіи „Старообрядецъ“	342—349
27. Брань противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ.	386—395
28. Геесиманскій свитъ.	396 —405
29. Крайности въ воспитаніи.	406—423
30. Благодатныя явленія отъ Абацадской иконы Божіей Матери.	423—430
31. Отецъ Иларіонъ, архимандритъ Троицкаго Данилова монастыря	431—441
32. Слово къ сельскимъ прихожанамъ противъ невозво- лительныхъ игръ.	450—453
33. Къ воспоминаніямъ о Моск. Митрополитѣ Филаретѣ	461—463